

Константин Мзареулов Танки решают все!

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library (Scan - HL; OCR, ReadCheck, Conv - zavalery) <http://huge-library.org/>

«Константин Мзареулов. Танки решают все! Битва за будущее»: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-41341-6

Аннотация

Сентябрь 1940 г. — немецкие войска высаживаются на Британских островах; правительство Черчилля бежит в Канаду. Май 1941 г. — Советский Союз захватывает Дарданеллы.

10 июня 1942 г. — Гитлер нападает на СССР. Дойдут ли немцы до Москвы и Волги или будут остановлены у границы? Удастся ли Сталину победить «малой кровью»? И где закончится освободительный поход Красной Армии? В Берлине? Или в Париже, Риме и Лондоне?

Константин Мзареулов Танки решают все! Битва за будущее

ПРОЛОГ Июль, 1991

Часов встретил посетителя в середине кабинета, пожал руку, усадил на диван, сам сел рядом и осведомился, как идет работа. Натянуто улыбнувшись, математик ответил:

— Работа не идет, работа закончена.

Старик был приятно удивлен и сказал: дескать, по такому случаю неплохо бы пропустить по рюмочке, но врачи придумали ему столько болезней, что лучше не злоупотреблять и вообще не употреблять. Покряхтев, он поднялся, подковылял к столу и достал из ящика бутылку французского коньяка «Камю — Наполеон».

— Вот, раздавишь за успех нашего дела.

— Которого из дел?

Посмеявшись, Часов резонно заметил, что большое дело можно будет начать, лишь когда появится пресловутая «труба времени». Поэтому, скромно добавил он, пока попробуем сделать то небольшое, что в наших силах.

Новость о том, что разработка средств проникновения сквозь время далека от завершения, стала для Антощенко неприятным сюрпризом. Поняв его беспокойство, Часов добавил:

— И я директору института частенько названиваю, и Виктор Олегович его теребит, и Степан Кузьмич. Будем надеяться, дело сдвинется с мертвой точки. — Он решительно хлопнул ладонью по разложенным на столе бумагам. — Ну, показывай, что у тебя получилось.

Антощенко разложил перед стариком увесистую пачку листингов. Вычисления производились на персональном компьютере IBM PC/386 — настоящем чуде техники, которое было своровано на Западе агентурой то ли КГБ, то ли ГРУ. Однако современного принтера у них в институте не имелось, поэтому материалы пришлось распечатать на допотопном матричном АЦПУ, перебросив файлы с результатами на магнитный диск монументальной машины ЕС-1065.

Просматривая распечатку, Часов удовлетворенно хмыкал. Антощенко, упреждая возможные замечания, посетовал, что получил лишь предварительные наброски решения. Полученное им задание не содержало некоторые важные сведения, поэтому в системе неравенств остается много неизвестных величин.

— Какие сведения тебя интересуют? — нахмурившись, осведомился хозяин кабинета.

— Очень многое будет зависеть от личных качеств людей, которые возглавят это дело. Кроме того, большое значение имеет решимость, с которой вы готовы добиваться поставленной задачи.

— Решимости-то хватит...

Часов умолк и задумчиво покивал, показывая, что понял суть вопроса. Зазвонил один из множества расставленных на столе телефонов, и старик с недовольным видом поднял трубку. Выслушав собеседника, он назвал кого-то, к кому следует обратиться, затем снова погрузился в размышления, медленно перелистывая распечатку.

— Помилуйте, Владимир Николаевич, — сказал он наконец. — На какие неопределенности вы жалуетесь? Вот ведь ваши расчеты — подробный перечень промежуточных задач, которые необходимо решить.

— На мой взгляд, этого недостаточно, — пояснил Антощенко. — Располагая полной информацией, я смог бы составить почасовой график мероприятий, приводящих к идеальному конечному результату.

Снова проверещал телефонный сигнал. Часов доложил: дескать, занят именно этой проблемой. Положив трубку, он признал:

— Согласен, некоторые вопросы пока не урегулированы. Так что придется начинать в условиях неполной ясности. — Он ободряюще улыбнулся. — Нормальная боевая задача. Справимся.

— В таком случае моя шпаргалка не даст подсказок на случай возможных сюрпризов, — Антощенко развел руками.

Засмеявшись, Часов добродушно произнес:

— Весь в батьку — тот тоже был максималистом... Ты знаешь, что я был рядом, когда ему сообщили о твоём рождении.

— Слышал эту историю. Отец любил рассказывать, как вы, Алексей Николаевич, его в тот день обидели.

— Это был вовсе не день, — уточнил Часов. — Ночь стояла непроглядная. Мы как раз к атаке готовились...

Он пустился в воспоминания, а сам при этом вспоминал вчерашнее посещение секретного научно-исследовательского института. Капсула с телепередатчиком, стоявшая на бетонном постаменте под колпаком из бронестекла, вдруг исчезла, и академик Валиков

удовлетворенно прокомментировал: «Ну вот, она уже в прошлом»...

ГЛАВА 1 Весна — лето 1940 года

1

После двухмесячного затишья Красная Армия, будто проснувшись, начала прогрызать обмотанный колючей проволокой бетон финской обороны. За несколько дней непрерывных операций местного значения корпус ликвидировал множество вражеских позиций, приблизившись к внешнему обводу укрепрайона «Хумма».

В планы Верховного командования лейтенанта Часова, конечно, не посвящали, но без того легко было понять: зимняя пауза наконец-то закончилась, а потому не сегодня, так завтра пушки заговорят в полный голос. Леха заранее представлял, как громыхнут тяжелые гаубицы, и его танки, прорвав по глубокому снегу «линию Маннергейма», устремятся в глубину — на Выборг и Хельсинки.

Надежды начали обретать материальность, когда полковник Стефанчук, собрав комсостав, объявил:

— Завтра — разведка боем перед большим наступлением. Нашей бригаде поручено обеспечить атаку на участке, где мы наступали в январе.

«Где мы неудачно наступали в январе», — мысленно уточнил Леха. Он невольно посмотрел на незнакомых людей в полевых мундирах, сидевших рядом с командиром бригады. На знаках различия диввоенинженера и полковника имелись эмблемы автобронетанковых войск, а высокая симпатичная девушка носила общевойсковую форму с двумя, как у самого Лехи Часова, кубиками в петлицах.

Девушка не могла не заметить, что танкисты с интересом ее разглядывают. Пару раз она покосилась на особо назойливых, даже улыбнулась, но тут же вновь сделала серьезное лицо.

Между тем полковник изложил общий замысел завтрашней разведки боем. Дивизион 122-мм гаубиц М-30 расстреляет укрепления № 14 и № 16, после чего танки 2-го батальона займут эти участки, подавляя уцелевшие огневые точки белофинских подразделений и обеспечив продвижение стрелкового батальона, который завершит захват полуразрушенных укреплений. Затем, после новой артподготовки, атака будет развиваться на расположенный в тылу форт № 15.

— Товарищи из Главного автобронетанкового управления... — Стефанчук кивнул в сторону трех незнакомцев, — поддержат нашу атаку действиями новых тяжелых танков.

Командиры зашумели. Недавно созданные опытные машины КВ, СМК и Т-100 уже появлялись на Карельском перешейке, вызвав у танкистов естественный восторг. Тяжелые танки, особенно «Клим Ворошилов», намного превосходили по боевой силе прежние модели, даже многобашенные Т-28 и Т-35, вооруженные короткоствольными пушками. Толстая броня надежно защищала КВ от снарядов полевых орудий противника.

— Вопросы имеются? — строго спросил Стефанчук.

— Разрешите, товарищ полковник, — потянул руку Часов. — Может, все-таки попробуем нашу задумку?

Капитан Ладейкин, командир его роты, толкнув Леху локтем, прошипел: «Уймись ты, самоубийца», — но Часов упрямо полез на рожон. Лейтенант напомнил, что снаряды М-30 не пробивают бетонные стенки финских капониров и фортов, что 76-мм пушка «Клима Ворошилова» способна раздолбать любой современный танк, но бессильна против метрового слоя бетона 500-й марки, облицованного гранитными плитами.

— Что вы предлагаете? — хмуро поинтересовался генерал из ГАБТУ.

Часов объяснил замысел. Аудитория напряженно примолкла. Московские гости зашептались, потом полковник из главка насмешливо произнес:

— Значит, вы заранее планируете потерять шесть танков. Ну-ну... — Полковник многозначительно посмотрел на суровую светловолосую девицу-лейтенанта.

— В лобовой атаке мы теряем обычно до двадцати машин, — парировал Часов. — Для нашего замысла можно использовать разбитые в прежних боях легкие танки, которым все равно на капремонт и переплавку отправляться.

Полковник Стефанчук заметно нервничал. Ветеран, воевавший в мировую на броневиках, в Гражданскую — на трофейном английском танке, в Маньчжурии — на гробах типа МС-1, в Испании — на Т-26, а в Монголии — на БТ первых выпусков, не любил осложнений с начальством. Командир бригады бросал свирепые взгляды на взводного Часова и опасливо ждал, что скажут столичные гости. К общему облегчению, диввоенинженер развел руками, сказав:

— Вам решать, товарищ полковник. Наша задача — испытать новые танки, не подвергая опытные образцы ненужному риску. А вообще-то предложение молодого человека представляется разумным.

Укрепленный район состоял из трех долговременных огневых точек, окруженных капонирами, минными полями, колючей проволокой, бетонированными окопами. Каждый квадратный метр освещался мощными прожекторами, а также простреливался пушками и пулеметами.

В глубину леса, где сосредоточились перед атакой танки, лучи вражеских прожекторов не доставали. Когда заработала советская артиллерия, финны немедленно задраили броневые заслонки, погрузив позицию в темноту. Однако пушки и гаубицы продолжали молотить, громя легкие полевые укрытия и прокладывая дорожки в минных полях.

У танкистов тем временем случился повод для удивления. Рядом с быстроходными БТ-5 встала громадная машина, похожая на сильно подросший КВ. Из огромной угловатой башни торчал ствол шестидюймовой гаубицы.

Знакомая по вчерашнему сбору в штабе бригады девушка-лейтенант — судя поговору, она была из казачьего племени — гордо пояснила: КВ-2 специально создан для штурма оборонительных сооружений. Леха как раз нацелился познакомиться с запавшей в сердце красавицей, но тут подбежал, размахивая конвертом, Колька Антощенко. Призванный из запаса инженер-кораблестроитель был командиром танка во взводе у Часова.

— Сын у меня родился, — радостно завопил Николай. — Мы с женой договорились: если пацан получится, назовем Владимиром. В честь деда.

Вся рота бросилась поздравлять счастливого папашу. По такому поводу решено было немедля оприходовать наркомовскую норму — сто граммов водки и ломтик сала, положенные фронтовикам для борьбы со свирепыми лапландскими морозами. Лязгнули оловянные манерки, горячей струей потекла через гортань ледяная жидкость. Все повеселели и рвались в бой.

— Приготовились, — скомандовал Часов, назначенный командовать тактической диверсией. — Старший сержант Голованов, займите место во втором танке.

Сам Леха полез в закуток механика-водителя подбитого Т-26, чью башню украшали две сквозные пробоины. Опомнившись, Антощенко крикнул обиженно:

— А как же я? Мы же договаривались, что я второй танк поведу!

— Молодым отцам не положено, — отрезал Часов и, не слушая возражений, запустил мотор на прогрев.

Сначала пошла в атаку рота БТ-5, поддержанная громадным КВ-2. Несколько снарядов танковой гаубицы хватило, чтобы разрушить полукапонир. Затем легкие танки прорвали проволочное заграждение и расстреляли пулеметные гнезда, после чего в прорыв бросилась пехота.

Часов осторожно провел свою машину через узкий проход, разминированный саперами. По броне забарабанили пулеметные очереди, но танк не отвечал — в дырявой

башне Т-26 никого не было. Зато и вражеские выстрелы никому повредить не могли. Осветительный снаряд, медленно падавший с неба на парашюте, бросал на поле красноватые блики.

Замысел возник случайно, когда Ладейкин, Часов и Антощенко подметили, что подбитый в атаке танк загородил финскому доту солидный сектор обстрела. Дальнейшее придумалось быстро. Для каждого укрепления хватало двух танков...

Т-26 осторожно приблизился к громадине долговременной огневой точки и стал в нужном месте напротив амбразур. Через несколько минут танк Голованова повторил этот маневр, заслонив оставшиеся огневые точки. Теперь все выстрелы тяжелых пулеметов и противотанковых пушек будут без толку бить в броню мертвой машины.

Выбравшись через нижний люк, Часов выстрелил из ракетницы, сообщая командованию, что задание выполнено. Голованов уже вылез из танка и, подбежав к взводному, тоже выпустил сигнальную ракету. Со стороны капонира, захваченного в начале боя, спешил инженерный взвод.

Саперы быстро нашли защищенную бронированным колпаком вентиляционную шахту дота. Колпак подорвали толовой шашкой, открыв уходившую глубоко под землю трубу солидного сечения. В эту шахту на длинной веревке спустили в несколько приемов почти центнер взрывчатки, и последним рейсом в глубину отправился заряд с подожженным бикфордовым шнуром.

— Делай ноги! — весело приказал саперный командир.

Добежав до разбитого артиллерией капонира, они залегли в бетонных развалинах. За временем Леха не следил, но прошло никак не меньше двух минут. Потом оглушительно громыхнул сильнейший взрыв, затряслась земля, огонь хлестнул и через вентиляцию, и через амбразуры. Внешне дот не выглядел сильно пострадавшим, но внутри явно не должно было остаться живых защитников. Укрепление № 14 перестало существовать.

Вскоре другое подразделение подорвало дот № 16, и танки пошли на расположенный в глубине узел обороны. Неуязвимый исполин КВ-2 расстрелял бетонную коробку, после чего в проломы устремились саперы и стрелки.

Около полуночи, докладывая полковнику о результатах, Леха заикнулся: мол, готов повторить тот же прием на соседнем укрепрайоне. Замахав на него руками, Стефанчук засмеялся и сказал:

— На сегодня хватит. Завтра договорюсь в штабе корпуса, чтобы разрешили потряхнуть еще раз. А пока отдыхай.

— Не спится, — признался Леха. — Товарищ полковник, разрешите пострелять из нового танка.

Командир бригады удивленно поглядел на лейтенанта и развел руками.

— Понимаю, что у тебя ручки чешутся, только не в моей это власти, — сказал Стефанчук. — Обратись к сержанту Светышевой.

— При чем тут сержант?

— Ну, та девка, — полковник покрутил пальцами. — Помнишь, сидели тут трое из Москвы...

Похоже, полковник имел в виду понравившуюся Часову девушку в лейтенантских петлицах. В СССР было лишь одно учреждение, где обладатель двух кубиков назывался сержантом.

— Так она из госбезопасности, — вырвалось у Лехи. — Особистка.

Оказалось, что Аня Светышева работала в отделе военной контрразведки, который присматривал за режимом безопасности в области новых вооружений. КВ считались техникой особой секретности, поэтому посторонних к танкам не подпускали — это сержант Светышева объяснила строго и категорично.

Однако мечта Лехина сбылась уже на следующий день.

В сумерках Часов грелся возле костра, пытаясь помириться с Колькой Антощенко. Из-

за лютых морозов все старались держаться поближе к огню и железным печкам, поэтому бушлаты и полушубки личного состава были украшены подпалинами. Ротный Ладейкин в очередной раз делал танкистам внушение про необходимость следить за внешним видом, и все соглашались, но продолжали жаться к пламени.

Энергичное выступление старшего лейтенанта как раз достигло кульминации, когда кто-то подергал Часова за плечо. Обернувшись, Леха увидел симпатичную контрразведчицу.

— Вы еще хотите побывать внутри «Клима»? — осведомилась она. — Идите за мной.

По дороге Аня объяснила, что ранен механик-водитель КВ-2, и руководитель испытаний решил заменить угодившего в госпиталь испытателя лейтенантом, который весь день надоедал просьбами «дяденька, дай покататься».

История показалась Часову невероятной. На вооружении белофиннов, как называли в СССР воинство Финляндии, не имелось современных орудий: всю артиллерию противник унаследовал от царской армии. Ржавые снаряды, четверть века хранившиеся на складах, не могли пробить толстенную броню КВ.

Сержант Светышева рассеяла его недоумение, объяснив, что испытатель поймал шальную пулю, потому что во время движения приоткрыл лобовой люк.

— Зачем же люк открывать? — опешил Часов.

— Говорит, оптика плохая, ничего через приборы не видно. Ночью дело было... — Аня вздохнула. — Оптика на самом деле мутная.

Экипаж «Клима» встретил его с понятной настороженностью. Лехе показали кабинку механика-водителя, и лейтенант за полчаса освоил управление гигантским танком. Стальная машина оказалась непростой в управлении, силенок приходилось прикладывать побольше, чем в легких Т-26 или БТ, но в общем ничего сложного тут не было.

Утром они пошли в атаку, и Леха раздавил гусеницами окоп, в котором стояла противотанковая пушка. Потом в броню стали попадать выпущенные из дота снаряды, но пробить стальную шкуру танка не смогли. Только вмятины неглубокие оставались.

Экипаж расстрелял бетонные стены очередного укрепления, другой дот снова блокировали старыми танками, а саперы подорвали подземную крепость. Немногие уцелевшие финны выходили, подняв руки, и с ужасом разглядывали стального великана на гусеницах.

— Что скажете, юноша? — осведомился после боя диввоенинженер. — Понравилась машина?

— Понравилась — не то слово. — Леха мечтательно закатил глаза. — Можно сказать, влюбился.

— В танк? — прыснула Светышева. — Вот глупый!

Выразительно поглядев на девушку, Часов отчеканил:

— В танк — тем более.

Аня покраснела и, сделав безразличное лицо, отошла от мужчин.

Немного поспав в землянке, Часов вернулся в свой старый БТ-7. По всему участку прорыва гремела крупнокалиберная артиллерия. Красная Армия наступала по берегам Ладожского озера, ломая брешу в «линии Маннергейма».

2

Из дневника начальника Генштаба Сухопутных войск III Рейха генерал-полковника Франца Гальдера

3 июля 1940 г.

В настоящее время на первом плане стоят английская проблема, которую следует разрабатывать отдельно, и восточная проблема.

Основное содержание последней: способ нанесения решительного удара России, чтобы принудить ее признать господствующую роль Германии в Европе.

Документ № 1

Стратегическая разработка Лоссберга — руководителя группы Сухопутных войск в оперативном отделе штаба Верховного главнокомандования Вооруженных сил (ОКВ)

III Рейха

Штаб ОКВ

Штаб оперативного руководства

Отдел обороны страны, оперативное отделение

Группа Сухопутных войск

№ 905/40

15.9.1940.

Совершенно секретно

Только для командования

Целью кампании против Советской России является: стремительными действиями уничтожить расположенную в Западной России массу сухопутных войск, воспрепятствовать отводу боеспособных сил в глубину русского пространства, а затем, отрезав западную часть России от морей, прорваться до такого рубежа, который, с одной стороны, закрепил бы за нами важнейшие районы России, а с другой, мог бы послужить удобным заслоном от ее азиатской части.

<...>

В войне против Германии у России есть в общем три возможности.

I. Русские захотят нас предупредить и с этой целью нанесут превентивный удар по начинающим сосредотачиваться у границы немецким войскам.

II. Русские армии примут на себя удар немецких Вооруженных сил, развернувшись вблизи границы, чтобы удержать в своих руках новые позиции, захваченные ими на обоих флангах (Балтийское и Черное моря).

III. Русские используют метод, уже оправдавший себя в 1812 г., т. е. отступят в глубину своего пространства, чтобы навязать наступающим армиям трудности растянутых коммуникаций и связанные с ними трудности снабжения, а затем, лишь в дальнейшем ходе кампании, нанесут контрудар.

Относительно этих трех вариантов можно сказать следующее.

Вариант I.

Представляется невероятным, что русские решатся на наступление крупных масштабов, например на вторжение в Восточную Пруссию и северную часть генерал-губернаторства, пока основная масса немецкой армии не скована на длительное время боевыми действиями на другом фронте. Видимо, на это не будут способны ни командование, ни войска. Более вероятны операции меньших масштабов. Они могут быть направлены либо против Финляндии, либо против Румынии.

<...>

Вариант II.

Это решение представляется наиболее вероятным, поскольку нельзя предположить, что столь сильная военная держава, как Россия, без боя уступит свои богатейшие, в том числе и недавно завоеванные области. Кроме того, по имеющимся сведениям, русские развернули западнее Днепра особенно хорошо оборудованную сеть наземных сооружений военно-воздушных сил.

<...>

Вариант III.

Если русские будут заранее строить свой план ведения войны на том, чтобы сначала принять удар немецких войск малыми силами, а главную группировку сконцентрировать в глубоком тылу, то рубежом расположения последней севернее припятских болот может быть, скорее всего, мощный водный барьер, образуемый реками Двина Даугава и Днепр.

Такое неблагоприятное для нас решение следует также учитывать как возможное.

<...>

В заключение остается исследовать вопрос, может ли — и если да, то в каких размерах, — вестись практическая подготовка к кампании против России в наступающий осенне-зимний период даже и в том случае, если Англия еще не будет разбита. Важно достичь того, чтобы Россия вплоть до нашей победы над Англией не подозревала о грозящей опасности и не имела бы оснований для принятия контрмер (вторжение в Румынию, прекращение экономических поставок).

3

На проходной Кировского завода танкистов задержала охрана.

— Кажется, нас тут не ждали, — раздраженно проворчал Часов.

— Бестолково у гражданских все налажено, — подхватил Ладейкин. — Простых вещей организовать не могут.

Был жаркий июльский полдень, гимнастерки и галифе пропитались потом, о портянках и вовсе не стоило вспоминать. Не меньше часа караульный начальник созванивался с комендантом, штабом округа, особым отделом и чуть ли не с обкомом профсоюзов.

Наконец очередной собеседник разобрался в вопросе. Даже стоявший в нескольких шагах Часов расслышал, как в черном эбонитовом наушнике загремел гневный голос.

— Так точно, бумага из штаба округа имеется, — подтвердил караульный, при этом его лицо сильно вытянулось. — Слушаюсь... Так точно... Разрешите выполнять...

Начкар положил телефонную трубку на рычаги так бережно, словно боялся, что грозный собеседник выпрыгнет из аппарата, дабы наложить строгое дисциплинарное взыскание. Потом он сделал каменное лицо и приказал доставить пропуска для товарищей командиров.

Завод был огромен, как целый город, и они бы наверняка заблудились, однако танкистов встретили молодежавый полковник и пожилой дядька в спецовке. Как выяснилось, это были военный представитель из службы приемки и старший технолог танкового производства. Старик инженер сказал, усмехаясь:

— Вам надо было к другой проходной подъехать. Там и охрану заранее предупредили, и пропуска для вас приготовили.

— Это мы уже поняли, — буркнул подполковник Щебетнев, командир создаваемого дивизиона. — Ну, показывайте, чем собираетесь нас обрадовать.

Военпред буркнул недовольно:

— Отсюда час переться до сборочного...

На самом деле они добрались от силы за полчаса. Во дворе громадного цеха выстроились под брезентовым навесом танки КВ — восемь штук, свежевыкрашенные защитный цвет. На всех машинах деловито работали слесари-механики, один танк продолжали красить — рабочий, приложив трафарет, рисовал номер на зеленом боку башни.

Заводчане гордо сказали: вот, мол, ваше добро, а послезавтра еще шесть будут готовы. Договорились, что в четверг, через два дня, танкисты снова приедут на Кировский для участия в приемке техники и погрузке танков на железнодорожные платформы.

— Сначала на вашем полигоне обкатаем, — предупредил Щебетнев. — Знаем, как вы под конец месяца недоделки сдаете.

Полковник хмыкнул, а технолог уныло пожаловался:

— Не только вы проверять будете. Много народу понаедет — из нашего наркомата, из вашего, из НКВД... Так что не беспокойтесь понапрасну, получите машины в полной готовности.

Собравшиеся вокруг танкистов работники завода заверили, что танки на ходу, и предложили обкатать любой на собственный выбор. Часов, как единственный, кто имел опыт вождения КВ, с готовностью втиснулся в клетушку механика-водителя.

Дизель завелся без задержки, и танк тихонько пополз на первой передаче. К

сожалению, на заводском дворе не было места, чтобы погонять машину как того душа требовала. Лейтенанту пришлось утешиться коротким выездом и разворотом на левой гусенице, после чего он вернул КВ на место, где тот стоял до вмешательства Часова.

— Вроде нормально, — сказал Леха. — Хорошо бы пострелять еще, пушку проверить.

— И пушку, и пулеметы — все в четверг, — усмехнулся заводской технолог.

Танкисты уже разбежались по машинам, заглядывали в башни, крутили поворотники и оружейные механизмы. Вид у всех был восхищенный до полного обалдения.

— Какая, говорите, у него броня? — переспросил Щебетнев. — Неужели лоб башни — сто миллиметров?

Суровый военпред развеселился и показал книжку в мягкой обложке — секретное наставление по тяжелому танку «Клим Ворошилов». Подполковник стал читать вслух избранные тактико-технические данные, и все дружно ахали: подобных машин не было ни в одной стране мира.

Потом их повели в цех, где завершалась сборка еще нескольких КВ. Зрелище произвело на танкистов сильнейшее впечатление.

Ряды грандиозных механизмов — всевозможных станков, платформ, прессов, кранов и лебедок, сварочных агрегатов — уходили в бесконечную глубину гигантского помещения. Под потолком, на высоте многоэтажного дома, медленно плыли подвешенные на цепях танковые башни и корпуса, зиявшие отверстиями для осей. Повсюду гремел и лязгал металл, визжали непостижимые инструменты, работяги пытались перекрыть грохот оборудования, пыльными снопами рассыпались искры электросварки. На глазах восхищенных танкистов бригада сборщиков приладила башню к корпусу, после чего принялась натягивать гусеницы на опорные, ведущие и поддерживающие катки.

Покинув сборочный цех и наслаждаясь условной тишиной заводского двора, Ладейкин произнес, блаженно жмурясь:

— В ушах звон — точно после артоподготовки крупным калибром.

Все заговорили — чересчур громко, потому что малость оглохли. Бывалые боевые командиры — каждый имел за плечами не меньше двух войн — радовались, как дети, которым обещана замечательная заводная игрушка. Пребывая в этом приподнятом настроении, Алексей увидел неподалеку знакомое лицо и рассеянно подумал: «До чего ж этот чумазый мужик похож на Колю Антощенко».

Спустя минуту мозги шелкнули, и Часов сообразил, что молодой человек в спецовке и есть Николай Антощенко, прослуживший всю финскую кампанию в его взводе.

Лейтенант помахал рукой, бывший однополчанин тоже узнал его, заулыбался и поманил жестом — подходи, мол, поговорим. Увы, военный этикет куда сложнее светских условностей, поэтому Леха стал действовать строго по уставу:

— Товарищ полковник, разрешите обратиться к командиру дивизиона... — Получив разрешение военпреда, который был тут старшим по званию, Часов продолжил. — Товарищ подполковник, разрешите задержаться на заводе, у меня здесь друг работает. Я потом своим ходом в часть вернусь, на трамвае.

— Не опоздай на утреннее построение, — меланхолично отозвался Щебетнев.

Полковник-военпред жизнерадостно хихикнул:

— Обязательно опоздает. У друга-то небось коса до пояса... — Однако увидав, с кем обменивается жестами лейтенант, сразу сделался серьезным. — Виноват. Инженер Антощенко — товарищ ответственный.

Они обнялись, похлопывая друг друга по плечам и спинам. Давняя размолвка из-за того, что Часов не взял молодого папашу в опасную вылазку, была забыта, и Леха точно знал: Николай не затаил обиды.

— Как сынишка? — поинтересовался лейтенант.

— Растет карапуз. — Инженер заулыбался. — Смешной такой, ручками-ножками болтает и гудит чего-то по-своему...

— Ну да, — хохотнул Часов. — Помнится, когда у брательника и сестренки детвора завелась, они тоже умилялись каждому гуканью... А ты, погляжу, в начальство на этом заводе вышел, даром что недавно институт окончил.

— Не на этом. — Антощенко пошевелил пальцами и слабо махнул ладонью в сторону моря. — Я на Балтийском работаю. А на Кировском по делам оказался — получаем кое-какие машинки для новых кораблей.

Тут подбежал озабоченный старичок в пенсне и, перебив беседу боевых друзей, сообщил, что Николая Владимировича ждут на пристани. Антощенко предложил прокатиться, тем более что Леха к морскому делу всегда был равнодушен.

На причал они ехали в автомобиле знаменитой марки М-1. Алексей поведал, что добился перевода в новую часть — дивизион тяжелых танков КВ.

— До конца недели получим технику, — похвастался лейтенант.

— Помню, как ты на фронте страдал по таким танкам, — усмехнулся Николай. — И по девице из госбезопасности. Она, кстати, тоже часто бывает на Кировском.

— Ну! — От неожиданности Алексей чуть не подпрыгнул. — Аня здесь? Будь другом, подскажи, как с ней повидаться.

— Стоит ли? Серьезная девушка, не любит нахалов.

— Какой же я нахал? — возмутился Часов. — Я, друг Коля, безнадежно влюбленный.

— Ну, гляди. — Николай загадочно усмехнулся.

На пристани кран грузил на баржу пушки. Орудия были непривычной конструкции — длинноствольные, без колес и станин. После мгновенного замешательства Леха сообразил: морская артиллерия. Кроме пушек, на палубе суденышка были разложены всевозможные механизмы, среди которых лейтенант узнал насаженные на валы гребные винты, лебедки и паровой котел.

— Калибр не велик, — произнес он, размышляя вслух. — Для эсминца, наверное.

— Угадал. Скоро закончим «Стойкого» и займемся серьезными делами.

— Линкор или крейсер?

— К сожалению, крейсер. — Неожиданно Николай вздохнул и буркнул: — Хотя, конечно, хотелось бы чего-нибудь поинтереснее.

Он отвлекся от разговора и стал покрикивать на такелажников, чтобы зенитки ставили не возле котлов и не на турбину, а в сторонке, где полно свободного места.

Затем, вернувшись к другу, Антощенко поведал, что главной задачей сейчас считается даже не постройка линкора «Советский Союз», тяжелого крейсера «Кронштадт» и легких крейсеров типа «Чапаев» и «Чкалов». Куда важнее ввести в строй закупленный в Германии за 100 миллионов рейхсмарок крейсер «Лютцов». По слухам, товарищ Сталин даже сказал на этот счет: дескать, выторгованный у противника корабль равен двум, потому как враг один крейсер теряет, а у нас становится на крейсер больше.

В конце мая буксиры доставили «Лютцова» на Балтийский завод, и для участия в достройке прибыла солидная немецкая делегация, возглавляемая пожилым вице-адмиралом Отто Фейге. На заводе поговаривали, что скоро кораблю дадут новое название — «Петропавловск».

— Если по имени судить, крейсер предназначен для Тихого океана, — предположил Часов.

— Почти наверняка уйдет на Дальний Восток, — согласился Николай. — Мы многому можем научиться, доводя этот корабль до готовности. Стоило взглянуть на чертежи, как стало понятно, насколько наша конструкторская мысль отстает от передовых идей. Теперь, на основе этого проекта, мы значительно улучшим свои крейсера, которые будем строить после серии «Чапаев».

— А чему ты не рад?

— Я просто счастлив, — проворчал Антощенко. — Полные кальсоны счастья. Причем бесплатно.

Лейтенант погрозил ему пальцем.

— Не надо мне голову морочить. По глазам вижу — ты хотел заниматься чем-то совсем другим. Я же помню, как ты на фронте даже под обстрелом вздох рассказывал про свой проект... Зарубили?

— Если бы!

Снова бросив Алексея в одиночестве, конструктор-кораблестроитель подписал какие-то бумаги, отдал распоряжения. Баржа отчалила, и буксиры поволокли грузовую галюшу в сторону Балтийского завода.

Антощенко присел на смотанную бухту каната, предложил Алексею выбрать любое столь же удобное место для перекура и поделился своими печальями. Часов угадал: дело было в проекте авианосца, который Николай выбрал для своей дипломной работы. Проект был закончен и представлен в Технический комитет Наркомата ВМФ перед самым его призывом на финскую войну.

Вернувшись с фронта, Николай узнал, что в наркомате работа понравилась, хоть и не была единственной в этом роде. Такие же проекты создали еще несколько конструкторских коллективов. В декабре прошлого года коллегия наркомата решила образовать группу инженеров, которым поручалась окончательная доводка чертежей на основе уточненного тактико-технического задания. Приказом наркома в эту группу был включен даже не успевший защитить дипломный проект Николай Антощенко.

Предполагалось построить авианосец на основе немного увеличенного корпуса крейсеров типа «Кронштадт», убрав ненужные орудийные башни и сделав потоньше броневой пояс. Водоизмещение становилось вдвое больше, чем планировал Антощенко, — до 35 тысяч тонн. При максимальной скорости в 32 узла и дальности хода около 6 тысяч миль авианосец должен был нести на себе не меньше 40–50 самолетов. Состав авиационной группы уточнить не успели: моряки и авиаторы мычали и телились, выбирая между истребителями Яковлева и Лавочкина, к тому же не было готового бомбардировщика, пригодного для посадки на палубу длиной около 240 метров.

Однако в начале нынешнего 1940 года случилась настоящая катастрофа. Во время обсуждения кораблестроительной программы на 3-ю пятилетку ни один великий флотоводец не поддержал идею создания авианосцев. Про корабли этого класса вспомнил только представитель морской авиации генерал-майор Столярский, но его словно не слышали. В результате планы закладки в 1941 и 1942 гг. двух авианосцев — для Северного и Тихоокеанского флотов — остались в воображении немногих энтузиастов.

— Может, адмиралы лучше инженеров знают, какие корабли нужны флоту? — осторожно намекнул Алексей.

Антощенко взорвался:

— Ни хрена эти адмиралы не знают! Кое-как вызубрили уроки Цусимы, а про новые веяния знать не хотят.

Он стал рассказывать о проведенных на флотах США и Японии опытах, показавших, что массированный налет авиации смертелен для любого надводного корабля, в какую бы броню тот ни был закутан. Однако Часов уже не слышал приятеля — взгляд Лехи был прикован к Ане Светышевой, которая направлялась к ним ускоренным шагом.

В гражданской одежде — короткой красной юбке, полосатой майке-футболке и модных парусиновых туфельках, добела надраенных зубным порошком, — она была еще красивее, чем зимой, на фронте. Небрежно кивнув танкисту, которого, видимо, не вспомнила, Светышева негромко заговорила с Антощенко. Леха стоял в трех шагах от них, глупо улыбаясь. Сердце щемило, и это было приятно.

Потом Николай сказал что-то Ане, и она резко повернула голову, с удивлением посмотрев на Часова. Тот начал сбивчиво рассказывать, как ему приятно снова видеть Аню, однако сотрудница госбезопасности вдруг поморщилась, сказав сердито:

— Вы бы еще предложили в кино сходить или на танцы. Научитесь, товарищ лейтенант, держать себя в руках. Или нужно намылить шею вашему зампотылу, чтобы

увеличил норму брома в командирском пайке?

— Виноват, товарищ сержант, — обиделся Часов.

— Младший лейтенант, — уточнила она и вдруг подмигнула: — Не забывайте о моральном облике большевика, и все у вас будет в порядке.

Небрежно попрощавшись с мужчинами, Светышева стремительно умчалась — только что пыль столбом не подняла. Отвесив варежку, сильно расстроенный Леха проводил девушку хмурым взглядом. Антощенко, посмеиваясь, хлопнул его по плечу и проговорил:

— Поехали, подвезу тебя. Где ваша часть стоит?

— Под Колпино... — Часов был удручен незаслуженно суровым отпором. — Чего она недотрогу корчит? У них, у казаков, вроде бы принято с малолетства погуливать. Как там Шолохов писал: «... в ближайших кустах обучил ее нехитрому искусству любви...»

— Зря ты про нее так, — укоризненно насупился Николай. — Я же предупреждал — серьезная особа. В других правилах воспитана.

По дороге, когда они устроились на заднем сиденье М-1, Антощенко рассказал, что его супруга с Аней близкие подруги, поэтому он знает кое-что про понравившуюся Лехе девушку из ГУГБ НКВД Тихон Афанасьевич Светышев, отец Анечки и один из первых большевиков на Дону, в царские времена был выслан далеко за Урал, где отбывал срок вместе с товарищем Сталиным. В Гражданскую войну Светышев — «товарищ Тихий» — воевал с Ворошиловым под Царицыном, после освобождения Донбасса стал комиссаром ДонЧК, потом перешел на партийную работу, отличился во времена расказачивания и коллективизации, а теперь занимал ответственный пост в Совнарком.

Детей своих Тихон Афанасьевич воспитал в лютой строгости, чуть ли не с пеленок приучив к партийной дисциплине. Насмотревшись разврата, царившего в казачьих станицах и столь красочно описанного Горьким и Шолоховым, старый большевик постарался и Ане, и младшему Савелию привить отвращение к грязному делу, именуемому половой жизнью.

— Кажется, старику это удалось, — печально подытожил Часов.

— Да уж, Анечка всех ухажеров отшивает со второго слова, — засмеялся Николай.

Леха печально вздохнул. Образ Ани не шел из головы.

— Не отчаивайся, — сказал Антощенко. — Ты у нас парень видный, девкам с первого взгляда головы кружишь. В одном городе служите — так что часто встречаться будете. А через месяц с небольшим мы Вовкины полгода будем отмечать. Уж я вас рядом за столом посажу — не сомневайся.

— Спасибо, конечно. — Алексей криво усмехнулся. — Только не выйдет. Мы до конца июля должны в Подмосковье передислоцироваться. Видать, не судьба.

Они попрощались возле КПП танковой бригады, где временно разместился личный состав дивизиона КВ. Оба надеялись, что смогут еще повидаться, хоть и понятия не имели, когда и при каких обстоятельствах это случится.

Жизнь — штука непредсказуемая, а жизнь солдатская и вовсе — игра в рулетку гусарскую.

ГЛАВА 2

Москва, 19 августа 1991 года

Утро

По телевизору передавали унылую симфонию — то ли Чайковского, то ли Баха. А может быть, Римского-Корсакова — в классической музыке Барушин никогда не разбирался. На душе вдруг стало совсем мерзопакостно: минувшая «семилетка почетного захоронения» выработала у людей условный рефлекс, так что подобная музыка однозначно ассоциировалась с уходом в лучший мир кого-то из лидеров. Кто бы мог быть на этот раз?..

Он медленно повернул голову на щелчок открывшейся двери. Высокого гостя настороженно разглядывали трое: женщина неопределенного возраста, преждевременно

облысевший парнишка и пожилой мужик в добротном костюме. Вся компания явно была страшно недовольна, что хрыч-самодур заставил их явиться на работу ранним субботним утром... Поскольку из этой троицы Барушин был знаком лишь со старшим по возрасту и должности завлабом Антощенко (они разговаривали накануне), представитель ЦК дозволяюще кивнул пожилому ученому.

— Позвольте, товарищи, представить вам... — официальным тоном произнес Антощенко. — Барушин Георгий Тимофеевич, ответственный работник отдела ЦК КПСС... Светлана Петровна Новикова, наш ведущий научный сотрудник, Илья Рудман, старший инженер-программист.

Барушин сделал широкий жест, приглашая садиться, произнес несколько общих фраз о важности работ, выполняемых в этом здании, тем более в такой сложный период, который переживает Отечество из-за отчаянного сопротивления реакционных сил, не приемлющих всенародно поддержанную политику Партии, взявшей курс на революционную перестройку...

— Хотелось бы поближе познакомиться с методикой ваших исследований и полученными результатами, — перешел он, наконец, к сути дела и глянул на Антощенко, — прошу вас, Владимир Николаевич.

Нервно крутя в руках очки, завлаб принялся рассказывать, каким образом на компьютерах моделируются исторические события, которые в действительности не происходили, однако, в принципе могли бы и произойти. При этом без конца упоминались какие-то теории, названные в честь зарубежных, главным образом, историков и математиков с труднопроизносимыми фамилиями. Всего, сказал Антощенко, проработано сорок три варианта политического развития Советского Союза, принципиально различающихся по...

— Чем вот так «на словах» объяснять, лучше покажем ему нашу последнюю модель, — предложила Новикова.

— Тоже верно, — обрадовался Владимир Николаевич. — И магнитный диск уже загружен... Илюша, организуй, пожалуйста.

Неожиданно с телеэкрана исчезли отрешенно-вдохновенные физиономии музыкантов, и заметно взволнованный диктор зачитал дрожащим голосом правительственное сообщение. В связи с тяжелыми травмами главы государства и партии в результате автодорожного происшествия, образован Государственный Комитет Национального Спасения. В состав комитета, который принимает на себя всю полноту власти в стране, вошли: вице-президент, второй и третий секретари ЦК КПСС, бывший председатель Совмина, министры обороны и внутренних дел, председатель Комитета госбезопасности, Президент Российской Федерации, два известных писателя патриотического направления и председатель Центрального совета профсоюзов. ГКНС намерен в кратчайшие сроки вывести страну из тяжелейшего политико-экономического кризиса, возникшего по вине прежнего руководства. Далее перечислялись всевозможные благие пожелания, но затем было сказано главное: в отдельных регионах СССР вводится режим особого положения, назначены военные коменданты запрещены группировки и политические движения антисоветской, национал-сепаратистской и антисоциалистической ориентации. На послезавтра назначена сессия Верховного Совета.

Снова заиграли Рахманинова.

— Что это? — испуганным голосом осведомилась Новикова.

Скептически фыркнув, Илья Рудман проговорил негромко:

— Что, что... переворот — вот что!

— Допрыгались, сволочи перестроечные! — Антощенко злорадно ухмылялся. — Давно ждали.

Новикова невнятно пробормотала в ответ: будет, мол, большая кровь, — на что заведующий ехидно возразил: а что, до сих пор крови не было, хоть в том же Карабахе или в Приднестровье? Рудман выкрикнул, что народ никогда и ни за что не поддержит путчистов.

— Странно, что президент России тоже оказался в этой компании, — задумчиво проворчал Барушин. — И вообще странно: правительственным лимузином, с такой-то

бронею, никакие автодорожные происшествия не страшны... Ну, ладно, вернемся к нашим делам, начинайте демонстрацию.

Как положено бывалому партийному функционеру, он не спешил составить собственное мнение о случившемся. Придет время — и директивные инстанции сообщат все, что сочтут нужным.

Поникший программист — из демократских либерастов, наверное, подумал Георгий Тимофеевич — нажал несколько клавиш на пульте дисплея, дождался ответа, загрузил следующую команду. Потом вдруг сказал:

— Между прочим, все сорок три варианта альтернативной истории приводят к таким же бурным событиям. Иногда раньше, иногда позже, но кризис этой власти наступает неизбежно.

Антощенко строгим голосом потребовал прекратить бессмысленные разговорчики и предложил всем внимательнее смотреть на экран.

ГЛАВА 3

Прыжок «Морского льва»

Весна — осень 1940 года

1

Документ № 2

Народный комиссариат внутренних дел СССР

Главное управление государственной безопасности

Совершенно секретно. Исх. № 319/01

«8» сентября 1940 г.

И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берия

Агентурно-разведывательные данные, собранные на протяжении последних двух недель, позволяют предположить, что Верховное командование Германии усилило подготовку к высадке десанта на Британские острова (операция «Морской лев»). Как уже сообщалась в сводке от 6/VIII-40, еще 16 июля с. г. Гитлер подписал директиву о проведении операции «Морской лев», где обосновал неизбежность вторжения ссылками на нежелание Англии пойти на компромисс. Провозглашаемая цель операции — предотвратить возможность использования Британских островов в качестве базы для военных действий против Германии. В последней речи Гитлера, произнесенной в Берлине 4 сентября, имеются следующие слова: «Если в Англии удивляются и спрашивают: „Почему же он не идет?“ — я могу успокоить вас. Он идет».

Главные силы вторжения (18 пехотных, 6 танковых, 3 моторизованных дивизий) в основном развернуты и занимаются напряженной боевой подготовкой. По сообщениям наших источников, в портах оккупированных Франции, Бельгии, Нидерландов непрерывно ведутся тренировки по посадке войск на суда и высадке десантов. Солдаты Вермахта, не выполняющие нормативы, лишаются права на отпуск.

План операции «Морской лев» предусматривает захват как минимум всей Южной Англии, включая Лондон. Согласно плану вторжения, главный удар нанесет группа армий «А» (командующий — генерал-фельдмаршал Герт фон Рундштедт) в составе 16-й (генерал Буш) и 9-й (генерал Штраус) полевых армий. Высадка первой волны десанта — 9-й пех. див. — предполагается на южном побережье Англии на фронте от залива Лайм до Маргейта. Морской десант будет поддержан выброской парашютных подразделений в районе г. Фолкстон, а также вспомогательным ударом 6-й армии (генерал-фельдмаршал Вальтер Рейхенау). Вторым эшелоном планируется высадить 9 танковых и мотодивизий.

Уместно отметить, что первоначальный план вторжения был основан на высадке 38 дивизий, из них 13 — в первом эшелоне, а уменьшение числа соединений до 27 дивизий

вызвано нехваткой десантно-переправочных средств. Для высадки сил, предусмотренных ныне действующим планом, кораблей достаточно: в портах Ла-Манша и Па-де-Кале сосредоточено до 170 транспортных судов, 2000 паромов и барж, свыше 400 буксиров и 1600 морских катеров. Для завоевания господства в воздухе и прикрытия сил вторжения сосредоточены 2-й (фельдмаршал Альберт Кессельринг) и 3-й (фельдмаршал Гуго Шперле) воздушные флоты — всего 1500 истребителей и 1400 бомбардировщиков.

По всей вероятности, английская армия сумеет организовать отпор немецким войскам. На островах дислоцированы 27 дивизий, из них 15 не имеют полного комплекта штатного вооружения. Всего на вооружении этих войск насчитывается до 500 противотанковых орудий и 520 танков, в том числе 370 легких (с пулеметами, но без пушек). В июле с. г. началось формирование отрядов самообороны — около 1 миллиона личного состава. Передовой рубеж обороны оборудован южнее и восточнее Лондона, резерв Главного командования — 3 пех. и 2 бронетанк. дивизий. Хорошо оборудованная система эшелонированных оборонительных сооружений имеет глубину до 100 км, однако артиллерии на позициях установлено слишком мало. По данным на 1/VIII, британские ВВС имеют 700 истребителей и 1400 бомбардировщиков, имеется также от 1500 до 2000 зенитных орудий.

Причиной особого беспокойства германского командования является огромный английский флот, который, несмотря на потери первого года войны, по-прежнему многократно превышает по численности и огневой мощи морские силы Германии. В настоящее время в водах метрополии базируются 6 линкоров и не менее 20 крейсеров, непосредственно в водах Пролива дислоцированы до 40 эсминцев (Ширнесс, Гартвиг). Крупное соединение в составе 7 линкоров и 3 авианосцев находится в Средиземном море.

В последние месяцы среди высшего командования Германии происходит подковерная борьба двух группировок. Командование флота (Редер) и сухопутных войск (Браухич) считают, что нынешней осенью армия и морские силы Рейха не смогут провести успешную высадку десанта в Англию. Сторонники этой точки зрения убедили Гитлера передвинуть дату вторжения с середины августа на конец сентября, а теперь настаивают на переносе срока на весну или лето 1941 г. На совещании в Берхгофе 31/VIII-40 гросс-адмирал Редер говорил: «20–28 сентября в проливе обычно стоит плохая погода, а сухопутные войска требуют проводить высадку до рассвета, следовательно, нужна лунная ночь, а этому сроку отвечает период сентября, т. е. дни плохой погоды». Поэтому армия и флот пытаются оттянуть вторжение до мая — июня 41 года, когда ожидается вступление в строй новых линкоров «Бисмарк» и «Тирпиц», вооруженных 15-дюймовыми орудиями. В то же время ряд армейских генералов, а также командование Люфтваффе (ВВС Рейха) настаивают на скорейшем начале «Морского льва», пока англичане не оправились после поражения во Франции. Геринг уверяет, что сможет подавить английский флот действиями авиации.

Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что оттягивание сроков операции «Морской лев» сопровождается усилением военных приготовлений Германии, направленных против СССР (см. доклад ГУГБ исх. № 275/31 от 23/VIII-40). Источники постоянно сообщают о высказываниях Гитлера примерно следующего содержания: «Русская проблема будет разрешена решительным наступлением. Сталин заигрывает с Англией, чтобы заставить ее продолжать войну. Англия продолжает сопротивление, потому что надеется на Россию. Сталин хочет столкнуть нас, чтобы иметь время захватить то, что он собрался захватить. Если мы разгромим Англию, вся Британская империя распадется, но Германия от этого ничего не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Россия, Америка и другие. Если Россия будет разгромлена, то Англия потеряет последнюю надежду, и Америка тоже отпадет от Англии, т. к. разгром России будет означать невероятное усиление Японии в Восточной Азии. Следовательно, Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года».

Таким образом, на весну следующего года намечаются сразу две войны — против Англии и против СССР. Поскольку ясно, что вести обе кампании одновременно невозможно,

следовательно, Гитлеру придется выбирать одного из двух противников, и можно не сомневаться, что естественная империалистическая солидарность вынудит его начать войну не против буржуазного, а против социалистического государства. Таким образом, дальнейшая оттяжка вторжения в Англию будет означать скорое начало советско-германской войны. Ожидается, что в течение ближайшей недели Гитлер примет окончательное решение о проведении операции «Морской лев».

Начальник ГУГБ НКВД, комиссар госбезопасности 2-го ранга

В. Н. Меркулов

Резолюции на документе:

«Ознакомить всех членов Политбюро. И. Сталин»

«Надо срочно обсудить ситуацию. В. Молотов»

2

Всеволод Меркулов, плотный, с солидным животиком, ощутимо оттопырившим китель с ромбами на малиновых петлицах, решительно проговорил:

— Ситуацию расцениваю, как архитревожную. Совершенно ясно, что через пять дней, четырнадцатого, Гитлер отменит вторжение в Англию и прикажет форсировать подготовку к войне против нас.

Все взгляды выжидательно нацелились на Сталина, однако Хозяин, не прерывая молчания, демонстративно долго раскуривал легендарную трубочку, после чего возобновил неторопливую прогулку вдоль диагонали кабинета. Правильно поняв это безмолвное предложение высказываться, Молотов произнес:

— За оставшийся год, даже меньше года, мы не ус-успеем под-подготовиться к войне. Никак не успеем. А вот если немец сначала сцепится с Британией, эт-то продлит нам передышку и даст лишних полгода или год на подготовку.

Он снова начал заикаться, и это сказало остальным, что Вячеслав Михайлович основательно взволнован.

— К лету сорок второго Красная Армия будет готова, — подхватил Ворошилов, — поэтому вопрос у меня к разведке; как сами немцы и англичане расценивают шансы «Морского льва»?

Вопрос был явно адресован «первому чекисту», но Лаврентий Павлович благоразумно кивнул Меркулову, и тот торопливо сказал:

— Генералы из штаба Вермахта колеблются. Они знают, что смогут перебросить на остров четверть миллиона солдат. Ну, самое многое, тысяч триста — для большей армии просто невозможно поставлять снабжение.

Ворошилов со знанием дела вставил: мол, четвертьмиллионная армия сама себя прокормит за счет реквизиций провианта у местного населения, так что главное — вовремя подбрасывать боеприпасы и пополнение. Помнившие, как это делалось в Гражданскую войну Сталин и Тимошенко заулыбались. Приняв к сведению замечание отставного наркома обороны, Меркулов продолжил:

— Но таких сил в любом случае маловато, чтобы быстро захватить Англию — там и кадровые войска, и народное ополчение.

Неожиданно Сталин невнятно бросил:

— Лондон они, пожалуй, быстро захватят, но потом завязнут надолго.

— Мы тоже так считаем, товарищ Сталин, — вставил нарком обороны маршал Тимошенко. — Через месяц немецкие войска войдут в Лондон, может быть, даже продвинуется чуть к северу, куда-нибудь на границу Шотландии. Но после этого начнется изнурительная позиционная война, и Адольфа крепко за чубчик оттаскают. Раньше весны сорок первого ему всю Англию не взять.

— Это уже неплохо, — удовлетворенно проговорил Ворошилов. — В таком случае фашистам придется потратить еще не один месяц, чтобы восстановить потери в самолетах,

танках и другой технике, а за это время мы успеем развернуть до штата свои мехкорпуса и построим новые корабли и самолеты.

— Вот потому-то генералы и не хотят лезть в Англию, — усмехнулся Молотов.

Сталин задумчиво заметил, что к лету сорок второго мы достроим первую серию новых крейсеров и эсминцев и, возможно, введем в строй тяжелые крейсера, которые посильнее дредноутов, оставшихся от царского флота, — стало быть, Красный флот сумеет сказать веское слово в неизбежной войне против фашизма. Согласно закивав, Берия сказал:

— Между прочим, Гитлеровские генералы вовсе не так уж очень сильно озабочены сопротивлением английской армии и английского народа. Гораздо сильнее их тревожат главные силы английского флота — по их мнению, контрудар шести линкоров, двух десятков крейсеров и полусотни эсминцев опрокинет все надежды на успешное проведение десанта.

Нарком флота Кузнецов немного возбужденно сказал, что английские линкоры стоят в Ливерпуле и, стало быть, смогут прибыть к месту вторжения лишь через сутки то есть только после высадки второй, а то и третьей волны десанта.

— Гораздо позже, — уточнил Меркулов. — По моим данным, со дня на день Адмиралтейство намерено перевести флот еще дальше на север — в Розайт. Кроме того, действует приказ Черчилля от двадцатого августа: линкорам запрещено выходить в южную часть Северного моря, если во вторжении не будут участвовать крупные корабли Кригсмарине. А крупные корабли немцев сейчас в ремонте...

Ехидно усмехнувшись, Сталин напомнил, что в прошлую мировую войну царское командование тоже «берегло» тяжелые корабли, в результате чего превосходные русские дредноуты так и не приняли участия в боевых действиях. Затем он внезапно согнал с лица улыбку и, задумчиво поглядывая на стенные часы, выпустил несколько дымных струй. Все напряженно ожидали продолжения, которое могло стать окончательным решением. Наконец Сталин медленно вернулся к столу и заговорил, нацелив прищуренные глаза на Меркулова:

— Значит, вы полагаете, что от вторжения Гитлера удерживает только опасение английских линейных кораблей?

— Так точно... — физик по образованию и литератор по призванию, Меркулов дослужился в Первую мировую войну до штабс-капитана и обожал употреблять уставные армейские обороты. — Имеются данные, пока не подтвержденные, что с первого сентября немцы начали стягивать транспортные суда и баржи к портам, из которых предполагается осуществить вторжение.

Сталин нетерпеливо перебил своего любимчика, сказав, что читал эту разведсводку. Сейчас, продолжал Иосиф Виссарионович, наша главная задача — предотвратить возможный сговор империалистических государств за счет Советского Союза, то есть мы должны развить прошлогодний успех.

Остальные правильно оценили замысел вождя. Год назад капиталисты пытались натравить фашистскую Германию на СССР, однако мудрая сталинская политика спутала все карты агрессоров и их покровителей. Удар Гитлеровских армий удалось отвести от советских границ, обратив Вермахт, Кригсмарине и Люфтваффе против англо-французских поджигателей войны. Сегодня требовалось всего лишь повторить тот же хитроумный ход, чтобы немцы сначала навалились на Англию, а лишь потом — на СССР. Мало кто из сидевших в кабинете сомневался: если до зимы не случится нападения на Остров, то к весне старые друзья Чемберлен и Гитлер, сговорившись, сколотят общий фронт против первого в мире социалистического государства.

Напряженно прищурясь и опустив руку, сжимавшую трубку, Сталин лихорадочно просчитывал в уме различные варианты. Найденное решение — столкнуть лбами обе сильнейшие цитадели европейского капитализма — получалось по всем статьям наилучшим. Наконец он снова сжал мундштук зубами и сказал негромко:

— Товарищ Берия, это надо будет сделать в ближайшие дни. Это надо будет сделать даже в ближайшие часы... Нужно срочно довести до сведения Гитлера информацию о том,

что английский флот привязан к Северной Англии. Такой документ — может быть, даже с моей резолюцией — должен попасть к немцам как бы случайно.

— Сделаем, — заверил Берия. — У нас есть надежные люди в германском посольстве. Мы с Всеволодом Николаевичем подготовим бумагу сегодня же.

После, уже в коридоре, Меркулов сказал:

— Лаврентий Павлович, на этой фальшивке надо будет поставить вашу подпись. Для вящей убедительности. Меня-то в мире мало знают...

— Если очень хочешь — моей тещи подпись нарисуй, — весело и беззаботно разрешил Берия. — Хочешь — задница моей тещи подпишется...

3

Документ № 3

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Совершенно секретно. Исх. № 320/02

«7» сентября 1940 г.

Товарищу И. В. Сталину, членам Политбюро ЦК ВКП(б)

По нашим данным, намеченное на 17 сентября вторжение германских Вооруженных сил в империалистическую Англию имеет высокие шансы на успех. Деморализованные поражением во Франции с последующим бегством из Дюнкерка остатки английских дивизий значительно уступают германским войскам по тактической подготовке, боевому духу и огневой мощи. Германская авиация фактически завоевала господство в воздухе, что уже само по себе гарантирует Гитлеру победу в предстоящей кампании. Дислокация английских наземных соединений, авиационных и морских баз (см. прилагаемую схему) заведомо неудачна и не позволяет нанести своевременный контрудар по высадившемуся десанту. Оборонительные сооружения построены на небольшую глубину, имеют слишком мало пушек, а потому не представляют опасности для наступающих.

Единственной силой, реально способной сорвать вторжение, является сильное соединение линейных кораблей (так называемый Флот Метрополии), которое в настоящее время стоит в базе Ливерпуль. Однако в ближайшие дни — ориентировочно 12–14 сентября — командующий Флота Метрополии получит приказ увести свои корабли в Розайт. Кроме того, еще 20 июля военно-морской министр А. В. Александер (лейборист, т. е. социал-фашист) отдал своему флоту предательский приказ, запрещающий атаковать германский десант в южной части Северного моря, если во вторжении не примут участия линейные корабли противника. Поскольку германские линкоры получили тяжелые повреждения в ходе Норвежской операции, этот приказ означает, что английский флот вообще не станет участвовать в отражении вторжения.

Реально из крупных надводных кораблей у немцев остались в строю только броненосец (карманный линкор) «Дейчланд» и тяжелый крейсер «Хиппер». В то же время ряд германских военачальников, желающих сорвать операцию «Морской лев» (Редер, Браухич, Гальдер и др.), пытаются убедить Гитлера, будто поврежденные корабли завершат ремонтные работы не раньше зимы.

По нашим оценкам, это злостный обман. Как сообщает наш информатор в морском ведомстве (агент «Хальб литер», он же капитан цур зее Клаус Ф.), карманный линкор «Шеер» и тяжелый крейсер «Ойген» покинут верфи уже к концу сентября, а линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау» — в ноябре.

Мы готовы представить на рассмотрение Политбюро свои соображения о возможных действиях в сложившейся обстановке.

С большевистским приветом,
нарком внудел Л. П. Берия,

нач. ГУГБ В. Н. Меркулов

Документ № 4

Товарищ Сталин!

Фотокопия фальшивого документа НКВД передана нашему человеку из Германского посольства вчера в 17.00. Легенда: фотокопия получена от сотрудника Орготдела ЦК ВКП(б), в прошлом участника троцкистско-бухаринской оппозиции, а ныне — яростного антибольшевика.

Сегодня на рассвете посол Шуленбург вылетел в Берлин специально присланным за ним самолетом. Тов. Меркулов полагает, что наша дезинформация уже представлена Гитлеру и другим вождям нацистской партии. Решающее совещание у Гитлера намечено на 14 сентября.

Преданный Вам

Л. Берия. 9/11-40

4

Накануне, 13 сентября, Гитлер устроил обед для группы генералов и адмиралов. После обильной трапезы изысканном старогерманском духе командующие танковых войск доложили рейхсканцлеру свои соображения о новой технике, а командующие 9-й и 16-й армии отчитались о ходе подготовки группы армий «А» к предстоящему вторжению. Оба командарма — и Буш, Штраус заверили фюрера, что никаких особых затруднений в подготовке не встречается. Все ждали, что Гитлер скажет что-нибудь о предстоящей битве, но коварный вегетарианец промолчал о главном.

Все разговоры за столом не выходили за рамки кулинарной темы. Гитлер с отвращением поглядывал как гости поглощают мясные или рыбные блюда, и портил окружающим аппетит рассказами о вреде мяса. Как обычно, апофеозом стало повествование про соседа, который отравился свиной требухой.

В 3 часа дня 14 сентября в имперской канцелярии открылось совещание по английской проблеме. Гитлер был зол, хотя и старался скрыть обуревавший его гнев. Документ, доставленный из Москвы графом Шуленбургом (а эксперты из ведомства Гимmlера подтвердили подлинность собственноручных резолюций Сталина и Молотова), проливал новый свет на двуличие некоторых военачальников. Трусливые твари просто боялись сражаться против островного гнезда еврейской плутократии, а потому самым гадким образом лгали ему, своему фюреру!

Он еще раз перечитал напечатанные крупным шрифтом строки молотовского автографа:

«Тов. Станин! Если в первые дни окажется, что германское вторжение развивается успешно, я немедленно вылету в Берлин. Предложим Гитлеру принять нашу помощь. Например, мы могли бы послать наши бомбардировщики и эскадру Балтфлота на подмогу немецким друзьям. В. М. М.».

И приписка Сталина:

«Полностью согласен. Поставь в известность Ворошилова и Тимошенко. И. Ст.».

Ознакомившись с этим переводом кремлевского письма, Гитлер немедленно вызвал Канариса и Гимmlера с Гейдрихом. Выяснилось, что абвер тоже раздобыл приказ британского Адмиралтейства от 20 июля, однако чрезмерно осторожный Канарис возился с перепроверкой. Оказалось также, что тяжелые крейсера «Адмирал Хиппер» и «Принц Ойген» готовы вступить в бой, а оба карманных линкора будут готовы в начале октября. И, наконец, сегодня утром ему доложили, что большая часть Флота Метрополии действительно перешла из Ливерпуля в Розайт, а другая эскадра двинулась на юг — вероятно, для того, чтобы атаковать французские корабли в Дакаре. Тем самым оборона Великобритании была ослаблена до последнего предела.

Обведя собравшихся тяжелым взглядом, Гитлер заговорил — сначала медленно и негромко, а затем все громче и экспансивнее:

— Успешный десант с последующей оккупацией Англии приведет к быстрому окончанию войны. Англия умрет с голоду. Сроки десанта нельзя откладывать до бесконечности, длительная война связана с обострением обстановки, в особенности в области политики. В политической жизни нельзя рассчитывать на стабильное положение, в любой момент возможны неожиданности. Противнику станет ясно, что его расчеты провалились. Ожидавшегося Россией «истощения» Германии в войне на Западе не произошло. Мы достигли величайших успехов без больших потерь. Отсюда вытекает новая оценка обстановки нашими противниками. Прежние расчеты Москвы оказались неверными. Сегодня Сталин готов присоединить свои корабли и авиацию к нашим силам для нанесения удара по Англии...

Генералитет сдержанно зашумел, пораженный неожиданным известием. Гитлер сделал паузу, чтобы выпить стакан морковного сока, и продолжал:

— Самым быстрым способом окончания войны была бы высадка десанта в Англии. Предварительные условия для этого создал военно-морской флот. Укрепление побережья закончено. Действия авиации заслуживают всяческой похвалы. Необходимы четыре-пять дней хорошей погоды, чтобы перейти к решительным действиям. Необходимы самые энергичные действия на территории противника. Шансы на то, что удастся провести тотальный разгром Англии, очень велики. Результаты нашего воздействия на Англию потрясающи. Малейшее промедление пойдет на пользу противнику.¹ Таким образом, успешные действия Люфтваффе создали предпосылки для проведения операции «Морской лев».

Затем Гитлер торжественно объявил свое решение: высадить десант, разгромить английскую армию, оккупировать всю Англию. Поскольку от получения приказа до начала операции требовалось десять дней, дата вторжения определилась автоматически — 24 сентября. После этого обсуждались только мелкие детали.

Возражений не прозвучало. Генералы, хоть и не были уверены в успехе «Морского льва», не произнесли своих сомнений вслух. Ход мыслей у большинства командиров Вермахта и Кригсмарине был одинаков: фюреру виднее. И перед вторжением в Польшу, и перед нападением на Францию генералитет тоже не до конца доверял интуиции вождя и его гению, однако всякий раз авантюрные, почти бредовые планы Гитлера потрясающим, невероятным образом претворялись в жизнь, принося Рейху блистательные победы. Поневоле складывалось фаталистичное подсознательное убеждение: фюрер не способен ошибаться.

На следующий день Геринг послал на Лондон две сотни «юнкеров», из которых англичане сбили 56, потеряв при этом четыре десятка машин. Вечером, когда стали известны результаты налета, рейхсмаршал в легкой панике поспешил в имперскую канцелярию.

— Мой фюрер, — жаловался растерянный Геринг. — К сожалению, у нас нет бомбардировщиков большой дальности. Мы не в состоянии разрушить авиационные заводы, расположенные в северной части проклятого острова.

Ехидно улыбаясь, Гитлер показал ему только что полученную шифровку из Москвы. Молотов предлагал Рейху срочно закупить полсотни дальних бомбардировщиков. Облегченно вздохнув, Геринг утер пот со лба и радостно заверил: мол, теперь север Британии превратится в огненное море.

Ровно через неделю летчики Люфтваффе, наскоро обученные пилотированию новых самолетов, разбомбили заводы на севере. Днем позже несколько бомб, сброшенных с русских машин, поразили корабли в порту Розайт.

¹ В реальности, известной большинству читателей, после этих слов Гитлер неожиданно сказал: «Однако несмотря на все успехи, предпосылки для операции „Морской лев“ еще не созданы...»

Как ни парадоксально, но с момента Гитлеровского вторжения в Польшу основные усилия Адмиралтейства были нацелены отнюдь не на борьбу против немецкого флота. Пока тянулась «странная война» и англо-французские дивизии отсиживались в укрытиях «линии Мажино», в Лондоне лелеяли план головокружительных операций на Среднем Востоке: провести мощную эскадру через Босфор и Дарданеллы, потопить русские корабли в Черном море, а заодно разбомбить нефтяные предприятия в районе Баку и Грозного. Когда пал Париж, у Адмиралтейства появилась новая навязчивая идея — уничтожить французские линкоры, чтобы те не достались немцам.

В начале июня базировавшееся на Гибралтаре соединение «Эйч» (авианосец, 3 линкора и легкие корабли) под командованием адмирала Соммервиля атаковало корабли недавнего союзника, бежавшие от немцев в алжирские порты Оран и Мерс-эль-Кабир. Из четырех французских линкоров сумел прорваться в Тулон лишь «Страсбург». Одновременно другой авианосец попытался уничтожить в Дакаре линкор «Ришелье», однако в цель попала только одна бомба. После этого Лондон заявил, что прекращает боевые действия против французского флота в портах Северной Африки. Исполнять свои обещания англичане, по обыкновению, не собирались.

В последний день августа, несмотря на острейшую угрозу немецкого десанта, Адмиралтейство отправило на юг дополнительные силы из Метрополии. К 20 сентября соединение «М» вице-адмирала Каннингхэма сосредоточилось во Фритауне, но уже на следующее утро покинуло этот южноафриканский порт и на рассвете 23-го приблизилось к берегам Сенегала. Англичане еще не знали, что через два часа после выхода соединения «М» из Фритауна произошло другое событие: итальянский флот, покинув гавань Неаполя, двинулся на запад, к Гибралтару.

Весь день 23 сентября Каннингхэм маневрировал вокруг Дакара, пытался высадить десант, предъявлял французам ультиматумы. По причине густого тумана огня открывать не стали, отложив боевые действия на завтра. Внезапное прекращение радиосвязи со штабом флота в Гибралтаре никого не встревожило — на войне всякое случается.

Между тем в Гибралтаре дела обстояли хуже некуда. В полдень в порт проникла итальянская подводная лодка «Ширс» под командованием Валерио Боргезе. Для высадки штурмовых средств была выбрана бухта Альхесирас. До вечера субмарина лежала на скалистом дне в ожидании темноты. В 21.00 «Ширс» всплыла с 70-метровой глубины под перископ и, ориентируясь по испанским маякам, направилась к Гибралтару. Распределив цели, Боргезе в 2 часа ночи всплыл на поверхность, пожелал успеха экипажам управляемых торпед и приказал спустить их на воду.

Торпеда, экипаж которой получил задание подорвать линкор «Бархэм», не нашла громадный корабль по простой причине — его просто не было в бухте. Вдобавок торпеда напоролась на камни и затонула. Вторая группа сбилась с курса, и торпеда выскочила на берег. Однако экипаж в составе Биринделли и Пакканьини беспрепятственно прицепил мощную магнитную мину к днищу стоявшего у северного мола Гибралтарской гавани английского транспорта «Сен-Мартин», в трюмах которого покоились шесть тысяч тонн боеприпасов. Мина сработала перед рассветом, когда итальянская эскадра приблизилась к крепости на тридцать миль. Ударная волна чудовищного взрыва, просочившись сквозь десятки метров скальных пород, вовлекла в детонацию содержимое артиллерийских погребов Гибралтара. За считанные секунды взлетели на воздух десятки тысяч тонн взрывчатки, и скала раскололась извержением рукотворного вулкана.

Рано утром мимо мыса Европа, над которым недавно возвышалась могущественнейшая крепость, спокойно проследовали итальянские корабли — 4 линкора и 6 тяжелых крейсеров, взявшие курс на север. Адмирал Кампиони спешил на подмогу гросс-адмиралу Редеру.

Наутро, когда возле Дакара рассеялся туман, английские линкоры заняли огневые позиции, но и сами тут же попали под сосредоточенный обстрел французских кораблей и береговой артиллерии.

Вскоре после начала канонады четырехорудийные башни линкора «Ришелье» вклепили пять или шесть тяжелых снарядов в английский линкор «Бархэм», кроме того, защитники базы сбили несколько бомбардировщиков-торпедоносцев, взлетевших с авианосца «Арк Ройял». Затем французская подлодка «Бевезиерс» поразила торпедами линкор «Резолюшн». От огня англичан погибла французская субмарина, а также был сильно поврежден лидер «Одейшес», который горел почти сутки, после чего все-таки затонул. На попавшем под залпы английских линкоров «Ришелье» взорвалась одна из башен главного калибра, но часть орудий продолжала стрелять.

К полудню Каннингхэм снова принялся маневрировать, отвел свое потрепанное соединение к западу, готовясь к повторной атаке. В это время на горизонте показался силуэт эсминца, чуть позже на мачте этого кораблика разглядели британский флаг. Наконец-то кружным путем — через Америку и Южную Африку — соединение «М» получило два страшных известия: о взрыве Гибралтара и о начале вторжения на Британские острова.

6

За два дня до начала операции Люфтваффе активизировало воздушную войну, бросив на Британию около тысячи бомбардировщиков. Геббельс объявил, что продавшаяся еврейской плутократии Англия будет наказана за налеты на германские города. Сотни тонн бомб обрушились на остров, разрушая оборонительные сооружения, мосты, аэродромы, радары, командные пункты. Особо тщательно бомбили окрестности Дувра — здесь стояли тяжелые пушки, простреливавшие насквозь самый узкий участок пролива.

На следующий день налет повторился, хоть и в менее яростном исполнении. Всего за двое суток немцы потеряли в воздушных боях и от огня зениток 92 самолета всех типов, а 28 машин были подбиты, но смогли вернуться на свои аэродромы. Ценой столь тяжелых потерь Люфтваффе основательно потрепало британскую оборону.

В ночь на 24 сентября 1940 года из Фонтенбло, где располагался штаб генерал-фельдмаршала Герта фон Рундштедта, был передан условный сигнал всем частям и соединениям группы армий «А». Началась погрузка войск первой волны на десантно-переправочные средства. Первыми приступили к выполнению поставленных задач Кригсмарине и Люфтваффе.

Чудовищная мощь трех воздушных флотов обрушилась на оборонительные сооружения Великобритании, на прибрежные авиабазы, на корабельные стоянки в Ширнессе, Гарвиче, Портсмуте, в заливе Лайм и на полуострове Корнуолл. Бомбы, сброшенные на второстепенных участках Кента, Эссекса и Сассекса, сбивали с толку британские штабы, отвлекая от направлений главных ударов. Парашютисты генерала Штудента высаживались в тылу англичан, уничтожая командные пункты и радарные установки.

Одновременно корабли Редера приступили к тралению проходов в английских минных полях. Стремительно прокладывались «мостики», то есть огораживались минами фарватеры для движения десантных караванов. Крейсера «Адмирал Хиппер» и «Принц Ойген» прикрывали действия минных заградителей, запиравших эскадры английских эсминцев в базах Норской зоны.

Сразу после полуночи в окрестностях Дувра высадились главные силы 7-й парашютной дивизии — 400 транспортных самолетов и 110 грузовых планеров перебросили через Канал свыше 9 тысяч солдат с легким вооружением, которые молниеносной атакой захватили Дувр, перебив застигнутый врасплох гарнизон. В 4.00 к причалам подошли крупнотоннажные транспорты, высадившие 5-й корпус 16-й армии. За два часа до рассвета 7-й корпус той же армии десантировался в сорока километрах западнее — на необорудованное побережье в

районе Фолкстона. Каждый из понтонов, буксируемый легким катером, перевозил пехотный взвод, или танк, или пушку. Переправу поддерживали дальнобойные орудия, установленные на французском берегу Па-де-Кале. В те же часы батальоны 9-й армии захватили участки побережья между Портсмутом и Брайтоном, а два полка 6-й армии овладели плацдармом в заливе Лайм, в сотне миль южнее Брайтона.

Через 8 часов, со следующим приливом, корабли отошли, а их место заняли новые транспорты, доставившие вторую волну десанта. Поскольку связь была нарушена диверсантами и массированным налетом на Лондон, британское командование не имело полной картины происходящего и медлило с решением, а тем временем 5-й корпус нанес удар на север вдоль берега и очистил от английских войск важные портовые города Рамсгейт и Маргейт. Военно-морские базы на острове Ширнесс оказались под огнем полевой артиллерии. После взрыва склада боеприпасов, когда загорелись цистерны мазута, стоявшие здесь английские корабли попытались выйти в море, но все 6 эсминцев и 2 корвета погибли на минных полях и от огня восьмидюймовых орудий тяжелых крейсеров.

Только к 15.00 по Гринвичу, когда уже завершалась высадка войск третьей волны, Лондон кое-как разобрался в обстановке и направил на угрожаемые участки резервные дивизии. В вечерних сумерках авангарды британцев установили огневой контакт с боевым охранением десанта и приступали к оборудованию позиций для намеченного на следующий день наступления. Тем временем начался очередной прилив, и на берег сошли новые подразделения и части. Выдвигавшиеся к местам сосредоточения английские полки подвергались непрерывным бомбардировкам и несли огромный урон в живой силе и технике.

В результате сражений первого дня потери Вермахта составили: личного состава — 3200, танков — 48, самолетов — 187, а флот недосчитался 162 транспортных судна общим водоизмещением 84 000 тонн. Потери Великобритании: 2700 убитых, 5000 пленных, 30 танков. 91 самолет, 8 эсминцев, 6 корветов. Получили повреждения от мин, бомб, торпед и артиллерийского огня крейсера «Девоншир» и «Саутгемптон», а также 5 эсминцев.

На второй день операции сказалась неудачная система дислокации британской армии. Крупная группировка — одна бронетанковая дивизия и 4 пехотные, развернутые для защиты Лондона на восточном побережье от устья Темзы и дальше к северу до залива Уош, оказались вне зоны боевых действий. Тем не менее английское командование не решалось бросить эти войска на южные плацдармы десанта, опасаясь, что немцы наносят с юга лишь отвлекающий удар, а главные силы высадятся на востоке. Путаные, часто бестолковые распоряжения позволили сосредоточить против десанта едва ли четвертую часть войск, расположенных в Южной Англии. В полосе вторжения 6-й полевой армии Вермахта удалось развернуть лишь одну дивизию, а 9-й армии противостояли две дивизии, поддержанные танковой бригадой — таких сил было недостаточно даже для сопротивления, не то что для разгрома десанта. Поэтому к вечеру королевские стрелки отступили, оставив немцам Брайтон.

Лишь против 16-й армии англичане попытались перейти в наступление, бросив в бой три пехотные и одну бронетанковую дивизии. Двое суток 50 тысяч англичан при поддержке 120 танков «Матильда», «Крусайдер» и «Валентайн» штурмовали германские позиции на стыке 5-го и 7-го корпусов, но сумели продвинуться лишь на 5–9 миль. При этом от меткого огня противотанковых орудий погибла почти вся бронетехника, а в пехотных батальонах осталось не больше половины штатного числа бойцов.

Выдвижение резервов затрудняли толпы беженцев из атакованных прибрежных графств. Несчастные напуганные люди спешили покинуть опасные места, их автомобили и конные повозки загрохотали все дороги, поэтому войсковые колонны застряли в десятках миль от фронта.

Между тем к плацдарму строго по графику подходили пароходы, баржи, буксиры, подвозившие личный состав и технику танковых дивизий. На восстановленные бетонные полосы захваченного аэродрома непрерывно приземлялись транспортные самолеты,

перебросившие 22-ю пехотную дивизию. На рассвете 27 сентября немцы нанесли контрудар, отбросив обескровленные английские войска на исходные позиции. Тем временем в залив Лайм вошла итальянская эскадра, и поддержанные огнем полутораста крупнокалиберных морских орудий соединения 6-й полевой армии провели успешную наступательную операцию, разгромив две бригады защитников острова и втрое расширив территорию плацдарма.

Только теперь Адмиралтейство решилось задействовать главные силы флота. Линкоры «Нельсон», «Родни», «Рипалс», «Худ», «Куин Элизабет» и авианосец «Фьюирес» в сопровождении 11 разнотипных крейсеров покинули зону Розайта и направились к югу. Вечером 29 сентября в районе Хамбера эскадра подверглась нападению из-под воды и с воздуха. Торпеды отправили на дно «Рипалса», а также крейсера «Соффолк» и «Орора». После повторной атаки тяжело поврежденный «Фьюирес» вынужден был вернуться в Глазго, но и немцы понесли чувствительные потери, лишившись десятка подводных лодок и полусотни бомбардировщиков.

К исходу четвертого дня вторжения на плацдармы удалось перебросить достаточное число зенитных стволов разного калибра. Среднесуточные потери британской авиации выросли втрое по сравнению с первым днем, а эффективность налетов на высадившиеся части и подразделения Вермахта резко упала. На следующие сутки инженерные части германских войск восстановили несколько захваченных у противника аэродромов. Часть эскадрилий Люфтваффе немедленно перебазировалась на остров. Радиус досягаемости немецких самолетов увеличился почти на сотню километров, теперь вся территория Великобритании была под ударом не только неповоротливых советских самолетов, но и «юнкерсов».

Днем 30 сентября в сужении Канала между Кале и Дувром разыгралось сражение. Итальянские моряки дрались не слишком решительно, однако их поддерживали бомбардировщики Люфтваффе и тяжелые орудия — немецкие, установленные на французском берегу, а также трофейные английские, захваченные немцами в окрестностях Дувра. Линкоры «Джулио Чезаре» (в переводе — «Юлий Цезарь») и «Витторио Венето», получив множество пробоин, отошли в Булонь, а «Нельсон», наравшись на мину, затонул. Остальные английские линкоры, изрядно разбитые снарядами и торпедами, поспешили ретироваться, причем при отступлении, не сумев отбиться от дружной атаки немецких субмарин, погибла «Куин Элизабет».

3 октября, завершив сосредоточение сил первого эшелона, Рундштедт приказал фланговым корпусам 9-й и 16-й армий нанести удары во встречных направлениях. К исходу 5 октября, причинив тяжелое поражение трем английским дивизиям (только пленных было взято около 10 тысяч), немцы соединили оба плацдарма в юго-восточной части острова, создав на протяжении 200 км сплошной фронт от Портсмута до мыса Норт-Форленд. Только после этого Военное министерство в Лондоне отдало приказ снять с восточного побережья и перебросить к столице 2 пехотные и последнюю бронетанковую дивизии.

Передовые части Вермахта находились всего лишь в 50 км от городской черты Лондона.

Из дневника генерал-полковника Ф. Гальдера, начальника Генерального штаба Сухопутных войск Германии

9 октября 1940 года

Утренние сводки по сравнению с вечерними сообщают лишь о небольшом продвижении 15-го корпуса. Англичане, очевидно, предпринимают энергичную перегруппировку, заменяя потрепанные части. Трудности с горючим.

Рундштедт: Войска готовы к возобновлению наступления. Контратака противника маловероятна. Бронетанковые дивизии отведены в районы Грейвсенда, Биггин-Хилла и Гилдфорда. В Лондоне — 2 пех. див., понесшие большие потери на прошлой неделе.

Ополчение слабо вооружено и не представляет угрозы.

11.00. Дневное совещание у главкома.

1. Потери в офицерском составе. Сегодня же перебросить 122 офицера в распоряжение командующих 9 и 16 армий.

2. Дальнейшие операции:

а) наметить части, которые подлежат перемещению на правый фланг;

б) разногласия между Бушем и Штраусом. Роль 9-й армии — служить осью, вокруг которой 16-я армия будет совершать захождение правым крылом на северо-запад;

с) 6-я армия завершает подготовку. Рейхенау ожидает прибытия 13-й моторизованной дивизии. Выгрузка последнего батальона — срок начала наступления.

Задача: Глубокий прорыв к Бристолу, отсечение полуострова Корнуолл с последующим очищением от остатков английских войск. В дальнейшем — выход к Лондону с севера.

д) Вооружение, снаряжение. Возможно привлечение пушек образца 1912 г.?

3. Охрана военнопленных в Германии: 26 батальонов из личного состава расформированных дивизий. Во Франции из 500 тыс. пленных должно остаться лишь 300 тыс. Остальные 200 тыс. будут отправлены в Германию. Негры и цветные на зиму будут отправлены в район Бордо. Вопрос о 20 тыс. английских пленных.

4. Вопросы подготовки к войне с Россией. Русские не намерены атаковать Англию, что бы ни говорил об этом фюрер. Вероятно, Сталин снова прибег к азиатской хитрости.

5. Штандартенфюрер Зикс, начальник СД в Англии. Считает главной задачей: как можно эффектнее продемонстрировать англичанам факт покорения их страны. Пропаганда исторической дружбы между нордическими народами. Борьба против антигерманских настроений.

Фильм: Танки в бою. Бой в городе (на примере захвата Портсмута).

15.30–18.00. Совещание у фюрера.

Доклад гросс-адмирала Редера: Форсирование «большой реки» проведено успешно, однако велики потери транспортных судов и боевых кораблей. «Адмирал Хиппер» стал на капитальный ремонт. Потоплены 2 эсминца из четырех и 11 подводных лодок. Потеряны практически все бомбардировщики-торпедоносцы. До последнего времени вражеские субмарины и легкие боевые средства могли оперировать вблизи побережья. Это делало иллюзорной надежную защиту транспортных караванов надводными силами и создавало серьезную угрозу самим этим силам. Теперь на южном побережье нет ни одного английского военного корабля. Итальянские корабли уравнивают силы на море, но приближается новая вражеская эскадра — из Средиземного моря. Компенсировать эти линкоры не удастся даже, когда вернутся в строй «Шарнхорст» и «Гнейзенау», а «Бисмарк» только начинает испытания. Продолжение войны против Англии потребует удушения его подвоза. Для этого необходимо блокировать северные порты.

Геринг: Большие потери в бомбардировщиках. Заводы не успевают восстановить состав боевых частей. Истребители перебазированы на английские аэродромы и способны надежно прикрыть сухопутные войска.

Брахич: Группа армий «А» завершает сосредоточение сил. Всего у Рундштедта 12 пехотных, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии. Ему противостоят 11 пехотных и 3 бронетанковые. Английские танки слабее наших по скорости, броне и вооружению. Незначительный перевес противника в личном составе и артиллерии среднего калибра компенсируется нашим превосходством в танках, минометах и моральном духе войск. Все вопросы, связанные с проведением операции, хорошо продуманы. Рундштедт предлагает начать наступление не на рассвете, а в 3.30, использовать зенитную и морскую артиллерию.

Фюрер: Навязанная Англией война выиграна, доведение ее до полной победы — вопрос времени. Королевская семья покинула Лондон и переехала в Эдинбург. Среди английской интеллигенции раздаются голоса, что продолжение войны — бесполезное дело. В настоящее время рабочие стали самой прочной опорой консерватора Черчилля. Для успеха

наступления на Лондон необходимо скорее перебросить тяжелые гаубицы и боекомплект. Запасы горючего создаются. 6-я армия перейдет в наступление 10 октября, чтобы оттянуть на себя резервы неприятеля. Усилить воздушный террор против Лондона. Начало наступления группы армий «А» — 12 октября.

По просьбе дуче мы предоставим в распоряжение Италии танковые части и пикирующие бомбардировщики для захвата Египта. Необходимо в ближайшее время захватить Крит. Способ — воздушный десант. Надо всемерно успокоить Сталина. Ускорить поставку промышленного оборудования, активизировать достройку крейсера «Лютцов». У России не должно преждевременно возникнуть претензий или опасений. Крайне желательно (задача Риббентропа) участие русской авиации против Англии.

20.00. После совещания. Снова воздушный налет на Берлин. Сбито два бомбардировщика.

7

Из материалов газеты «Красная звезда»

15 октября. По сообщениям из Берлина, продолжаются ожесточенные сражения на фланговых прибрежных направлениях англо-германского фронта. Войска фельдмаршала Рейхенау, наступающие от залива Лайм, приблизились к Бристолу на дальность пушечного выстрела. На правом фланге армия генерала Буша пытается ворваться в лондонское предместье Дартфорд. Выступая по радио, Геббельс заявил, что английская армия полностью разгромлена и война завершится в течение двух недель.

Английское радио Би-би-си, напротив, сообщает об успешном отражении плохо организованных атак восточной группировки германских войск. За три дня боев сбито якобы 249 немецких самолетов, сожжено 415 танков. По оценкам британской стороны, потери германских войск превышают 100 тысяч убитыми и ранеными.

18 октября. Британское правительство признало сдачу Бристоля, о чем двумя днями раньше объявил Геббельс. Лондон утверждает, что германская армия потеряла свыше 200 тысяч убитыми, ранеными и пленными, а также почти все танки и самолеты. Премьер-министр Черчилль призвал население Лондона подняться на защиту столицы, оказывать любую возможную помощь армейским частям и народному ополчению. Черчилль поклялся, что Лондон станет новым Верденом, где будут перемолоты лучшие дивизии Гитлера. Английская авиация продолжает бомбардировки Берлина и Гамбурга.

Корреспондент швейцарского газетного агентства сообщает, что южнее Лондона в районе Чатем-Мейдстон 15 и 16 октября произошло встречное танковое сражение, в результате которого германские войска понесли тяжелые потери в технике. Фельдмаршал Рундштедт вынужден был отдать приказ о приостановлении наступательных операций.

20 октября. Затишье на англо-германском фронте. Стороны сообщают лишь о боях местного значения. Британская подводная лодка потопила в Бристольском заливе итальянский линкор «Кавур». В г. Пул английские партизаны взорвали немецкую военную комендатуру, в ответ оккупанты повесили 25 заложников.

24 октября. Германия сообщила об отражении английского контрнаступления на центральном участке фронта. Со своей стороны, лондонское радио передало, что наступление развивается успешно, в утренней сводке новостей Би-би-си говорится даже о полном разгроме 9-й полевой армии сил вторжения. Английский флот подверг обстрелу из крупнокалиберных орудий позиции немцев в устье Темзы.

27 октября. Из Англии продолжают поступать противоречивые сведения. Лондон утверждает, будто части германских войск, пытавшиеся наступать из района устья реки Северн, окружены в районе Оксфорда и вскоре будут уничтожены. В то же время Гитлер, выступая в рейхстаге, объявил, что наступление происходит строго по планам и что вскоре Лондон окажется в полном окружении. Гитлер снова повторил, что война закончится до рождественских праздников.

29 октября. Вчера итальянская армия вторглась в Грецию с территории Албании.

2 ноября. Германские войска создали сплошной фронт к северу от Лондона по линии Бристоль — Оксфорд — Лутон — Ипсуич. В окруженной британской столице удерживают оборону остатки 6 пехотных дивизий, а также до 150 тыс. ополченцев. На северном фронте англичане сосредоточили около 15 слабо вооруженных дивизий, в том числе 2 или 3 танковые.

Хотя Геббельс утверждал вчера, что падение Лондона — вопрос нескольких часов, многие зарубежные газеты полагают, что Германии не удастся завершить войну до наступления зимы. Немцы торопятся подавить сопротивление лондонского гарнизона, чтобы, во-первых, перебросить на северный участок фронта войска 16-й армии, и, во-вторых, сформировать в столице угодное Германии правительство во главе с бывшим министром иностранных дел С. Хором. По некоторым сведениям из осведомленных кругов, в Берлин оставлен на подводной лодке герцог Виндзорский, он же бывший король Великобритании Эдвард VIII, который ранее отрекся от престола, чтобы стать очередным мужем американки Уоллис Симпсон, тесно связанной с германской разведкой.

В прессе Соединенных Штатов печатаются сведения о том, что ФБР установило агентурную слежку за королевской четой несколько лет назад — после появления подозрений о том, что герцогиня передает секретные сведения одному из высокопоставленных нацистов, с которым у нее был роман. Кроме того, пока принц ухаживал за американкой Уоллис Симпсон, щедро одаривая ее подарками и добиваясь расположения, сама она тайно встречалась с продавцом автомобилей Гаем Трандлом. Трандла, отличного танцора, который хвастался, что ни одна женщина не может перед ним устоять, часто видели с мисс Симпсон на балах, однако, как выяснили детективы, пара находила время и для более интимных встреч, причем роль дарительницы на этот раз принадлежала Уоллис Симпсон. Этот роман продолжался до самого кризиса с отречением Эдварда VIII от престола. Газеты пишут, что король хотел выступить с обращением по радио, в котором намеревался просить разрешения остаться на троне и при этом жениться на разведенной американке, однако тогдашний премьер-министр Стэнли Болдуин, хотя и не знал о секретном досье ФБР, отказал ему в этом, и король выбрал Уоллис Симпсон, распрощавшись с монаршими обязанностями.

3 ноября. Армия Греции нанесла сокрушительное поражение итальянским войскам и, развивая успех, вступила на территорию Албании. Главнокомандующий греческой армии генерал Александрос Папагос отдал приказ о преследовании противника.

6 ноября. Берлинское радио сообщает всему миру о новом бесчеловечном преступлении британских империалистов. Несколько дней назад английская авиация начала сбрасывать на германские войска десятки тысяч отравленных иголок. Затем англичане применили против наступающих немецких танков авиационные бомбы, начиненные фосгеном и горчичным газом. Потери среди германских солдат невелики, потому что каждый воин III Рейха имеет противогаз. Однако ядовитые газы отравили много мирных жителей Англии. Министр пропаганды Геббельс предупредил, что коварство британцев получит достойный ответ.

7 ноября. Статья Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова

ИТОГИ ПЕРВОГО ГОДА НОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

... Весь советский народ, пролетарии всего мира внимательно и бдительно следят за развернувшейся схваткой империалистических хищников, которые пытаются по-новому поделить сферы влияния... Товарищ Сталин гениально показал, что причиной войны является агрессивная политика так называемых «буржуазных демократий» — Англии, Франции, Америки. Империалисты всех мастей, истекающие лютой злобой к Стране Советов, ослепленные животной ненавистью к социализму, пытались натравить Германию на СССР, и ради этого позволили Гитлеру оккупировать Рейнскую область, Австрию, Чехословакию, часть Польши. Однако мудрый и прозорливый политический курс партии

Ленина — Сталина сорвал грязные замыслы помещиков и капиталистов. Выкованный англо-французскими поджигателями войны тевтонский меч обрушился на их собственные безмозглые головы...

... Как учит нас товарищ Сталин, с самого начала эта война была захватнической со стороны империалистов Англии, Франции, США, тогда как народ Германии вел войну оборонительную, то есть справедливую. Однако применяя марксистско-ленинский метод к последующим событиям, нетрудно понять, что характер войны находится в непрерывном диалектическом изменении. В настоящее время трудящиеся Великобритании поднялись на защиту своей родины, т. е. для Англии эта война становится оборонительной, а в роли агрессора теперь выступает фашистская Германия.

Лондон выдержал уже два штурма. Несмотря на полное окружение с моря и суши, английские войска и народное ополчение продолжают мужественно истреблять пехоту, танки, авиацию и флот противника. В уличных боях гибнут лучшие войска германской армии. Не увенчались успехом все попытки немецких дивизий прорваться к центру британской столицы, равно как деморализовать защитников города многодневной воздушной и артиллерийской бомбардировкой. Можно не сомневаться, что на этот раз «молниеносной войны» не получилось и силам вторжения предстоит провести зиму в долгих и кровопролитных сражениях на плоскогорьях Центральной Англии. Сильно пересеченная в этом районе местность затрудняет использование механизированных войск, стало быть, главную роль будет играть пехота, по которой англичане имеют явное превосходство. С другой стороны, немцы не могут уже отказаться от продолжения битвы и вернуть свои войска на континент. Моральный удар от такого решения перевесил бы даже тяжесть военных поражений.

... В этой непростой обстановке многократно подтвердилась мудрость твердой и принципиальной позиции Партии Большеви́ков. Советский народ может быть уверен: ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров не позволят заморским авантюристам-подстрекателям втянуть нас в войну. Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Красный Флот зорко и надежно охраняют священные рубежи великой Советской Родины пролетариев всего мира.

9

Сразу после пехоты и конницы на булыжники Красной площади выползли танки KB отдельного 143-го дивизиона. Машина лейтенанта Часова двигалась второй в правой колонне, и Ле́ха видел сквозь призмы башенного триплекса и трибуну Мавзо́лея, и салютующих вождей. А вечером, перед торжественным заседанием по случаю 23-й годовщины Октября, трое из них неожиданно объявились в расположении части.

Дело было так. Времени до отбоя оставалось больше чем достаточно, и большинство красноармейцев еще не воротились из увольнительной — то ли танцевали, то ли кино смотрели в клубе соседнего поселка. Неженатые командиры взводов и экипажей сидели на лавочке возле КПП, деловито дегустируя разлитый по фляжкам «Киндзмараули». Капитан Ладейкин, как старший по званию, пытался оживить беседу рассказами о собственных подвигах на фронтах личной жизни, но получалось неважно — ребятишки за день утомились и откровенно зевали.

— А жалко англичан, — вздохнул вдруг Часов. — Правительство ихнее с богатеями, конечно, сволочи изрядные — мои старики до сих пор не могут забыть, как эти лорды-держиморды в Гражданскую у нас севере свирепствовали... А вот простой народ жалко. Каково придется пролетариям под фашистами?

— Ерунду болтаешь, — строго сказал Ладейкин. — Рабочий класс под руководством коммунистов будет, разумеется, бороться против оккупантов за полную победу...

Начался спор, но Часов уже не слушал, он напряженно следил, как из четверки «ЗИСов», затормозивших в полусотне метров, выходят нежданные гости. И одним лишь

найтием, но не сознанием догадавшись, кто это может быть, Алексей выкрикнул:

— Товарищи командиры! Становись... смирно!

К вытянувшимся по струночке танкистам неторопливо приближались сопровождаемые штатскими молодцами Сталин, Молотов и Ворошилов. Добродушно приподняв ладонь в козырьку выдавшей разные виды фуражки, Иосиф Виссарионович осведомился веселым приветливым голосом, что за «чай с молочком» у них во флягах. Запинаясь — то ли от страха, то ли от волнения, — Ладейкин ответил.

— Хорошее вино, — одобрил Сталин. — А как наши новые танки — хорошие?

Все хором загалдели: дескать, танки отличные, никогда и ни у кого не было такой брони, скорости и огневой мощи. И только Часов — дернул же нечистый за язык — ляпнул вдобавок.

— Мы их еще в финскую опробовали...

Невероятным образом Сталин различил в этаким гвалте его голос и, моментально повернувшись к обомлевшему лейтенанту, поманил парня пальцем. Тот — не в себе от избытка чувств — шагнул к ожившему изваянию из ленинской комнаты. Впрочем, оригинал бесчисленных тысяч бюстов, портретов и статуй неожиданно оказался не слишком высок ростом — едва доставал макушкой Лехе до подбородка — и вдобавок распространял густой никотиновый дух. Легонько прикоснувшись кончиками пальцев к рукаву часовой шинели, Сталин направил молодого танкиста по тропинке в сторону рощи, неспешно раскурил легендарную трубочку и поинтересовался Лехиным мнением о недостатках КВ. О достоинствах, сообщил он, товарищу Сталину все говорят, а товарищу Сталину важно знать и про недостатки.

— Тяжеловата машина, проваливается на снегу и нетвердом грунте, — честно сказал Часов. — И механика очень ненадежна, трансмиссия без конца из строя выходит, фрикцион ломается. Но в бою танк почти неуязвим. Финны в меня чуть не дюжину снарядов засадили, а пробоин не было... Скорость, конечно, невелика, но это ж, в конце концов, не гоночная машина. А главный недостаток, по-моему, слабая пушечка. Вот есть еще новый средний танк — Т-34, знаете, наверное?..

Сталин, усмехнувшись, кивнул: знаю, мол. Обрадованный осведомленностью вождя, Леха продолжал:

— Так вот, у этого среднего танка пушка такого же калибра, семьдесят шесть и две десятых миллиметра, только ствол раза в полтора длиннее. Стало быть, начальная скорость снаряда у Т-34 больше, и бьет такой снаряд сильнее, чем у тяжелого танка... — Он загорячился, возмущенный непонятливостью конструкторов: — А ведь тяжелый танк, товарищ Сталин, должен превосходить среднего не только по весу, но и по силе удара!

Снова усмехнувшись, Сталин пустил длинную струю дыма и проворчал незлобиво:

— Почему-то товарищу Сталину жалуются все и на все. Даже на очень неплохую боевую машину... Недостатки можно найти всегда. А вывод следует делать не по недостаткам, но по совокупности недостатков и достоинств. Чтобы видно было, чего больше — недостатков или достоинств. Не так ли?

— О чем разговор! — Часов взволнованно прижал руку к сердцу. — Отличная машина, спору нет, в мире таких не сыскать. Только хочется, чтобы она еще лучше стала — поставить бы пушку посильнее да запас хода побольше сделать.

Сталин остановился, рассеянно погладил, не снимая варежки, ствол березки, затем зябко передернул плечами. И вдруг спросил:

— Какой калибр, вы полагаете, нужен тяжелому танку?

Вопрос оказал на Часова почти нокаутирующее действие: одно дело критиканствовать, гораздо труднее — давать конкретные пожелания. После минутного замешательства лейтенант неуверенно пробормотал, что с этого года в войска начала поступать 85-миллиметровая зенитка, можно бы ее попробовать. Иосиф Виссарионович задумчиво покивал, словно бы вдруг утратил интерес к беседе, но потом все-таки проговорил, тяжело разжимая челюсти:

— Мы думали поставить на КВ новую корпусную пушку калибром сто семь миллиметров...

У Алексея невольно вырвалось:

— Это же замечательно!..

На лице вождя мелькнула довольная улыбка — мальчишка ему явно нравился. Толковый, непосредственный и к тому же обращается по фамилии, а не по имени-отчеству, чего Сталин не переносил и не прощал. Он ласково хлопнул танкиста по плечу и зашагал обратно к Ворошилову, окруженному разросшейся группой командиров. И тут, неожиданно даже для самого себя, Часов спросил:

— Товарищ Сталин, как будет с Англией? Ведь Гитлер раздавит их, словно танк лепешку, а потом повернет на нас...

Он мгновенно съёжился под тяжелым, снизу вверх, желто-зеленым кошачьим взглядом. Однако к его удивлению, голос Сталина звучал отнюдь не раздраженно, а размеренно, с поучающими интонациями:

— Англичане привыкли воевать чужими руками до последнего солдата союзников. Чемберлен и его хозяева старались натравить Гитлера на Советский Союз, чтобы два сильнейших народа континента обескровили один другого к удовольствию британского капитала. Но мы опять переиграли империалистов, и Германия увязла в Англии по меньшей мере на полгода. Если бы Гитлер отложил сейчас вторжение, то следующим летом он неминуемо бросился бы на СССР, а мы к тому времени не успевали должным образом подготовиться к отпору. Теперь же германское нашествие откладывается до сорок второго, когда Красная Армия будет способна быстро разгромить агрессора... Таким ют образом и надлежит рассматривать происходящие события, генацвале. В большой политике надлежит руководствоваться не эмоциями, но трезвым расчетом... — И он закончил задумчиво: — Политика вообще далека от критериев нравственности. На этой сцене играет роль один лишь критерий...

— Побеждает сильнейший, — пробормотал Часов.

Сталин снова улыбнулся, на этот раз как-то очень снисходительно. Затем, отрицательно помотав головой, произнес:

— Нет, юноша. Побеждает тот, кто умнее. Кто умеет просчитывать события на много ходов вперед.

Они уже приблизились к остальным, и те, моментально оборвав разговоры, устремили преданные взгляды на великого человека. Однако Сталин замедлил шаг и почему-то спросил лейтенанта, как в Красной Армии оценивают боевую готовность в свете итогов финской войны и нет ли среди личного состава разочарования мол, огромная военная держава так долго цацкалась с крохотным противником. Часов нехотя признал: дескать, да, имеются такие настроения.

Ответ, как ни странно, пришелся Иосифу Виссарионовичу по душе. С интересом оглядев старшего лейтенанта, он осведомился, на каких танках довелось служить Часову. Наверное, Лехе было бы проще сказать, на каких машинах он не катался. В училище курсантствовал на стареньких, выпуска 20-х годов, МС-1, службу в Туркестанском округе начинал на Т-26 и плавающих танкетках Т-37, но вскоре пересел на БТ-5, с которым и отправился в Монголию. После Халхин-Гола попал в подмосковную бригаду тяжелых танков, но в финских снегах его трехбашенный Т-28 был подбит, и Часову пришлось пересесть на БТ-7. Потом война кончилась, и Часов получил взвод КВ.

— Стало быть, опыт имеете немалый. — Сталин одобрительно улыбнулся. — Чувствую, придется вам съездить за границу. Надо посмотреть опытным глазом на иностранные танки.

Он велел порученцу записать данные Часова, чтобы разыскать старшего лейтенанта, когда появится надобность. Затем Сталин снял теплую вязаную варежку, пожал парню руку, поблагодарил за очень интересную приятную беседу и, махнув Молотову и Ворошилову, направился к своему «ЗИСу».

Танкисты взмолились, упрашивая вождей сфотографироваться на память. Кремлевские обитатели не стали возражать. Щелкнул затвор новенького малоформатного «Спорта», запечатлев групповой снимок на память, и через минуту автомобили скрылись за пологом возобновившегося снегопада.

Сослуживцы обступили растерянного лейтенанта, возбужденно расспрашивая, о чем он так долго разговаривал с высочайшим гостем. Особенно горячился подполковник Щебетнев, но его беспокоило в основном, не выяснял ли вождь партии насчет благонадежности комсостава дивизиона.

Часов отвечал невпопад. Молодой командир был охвачен небывалым волнением. Еще бы: Сам! Товарищ Сталин! Удостоил его! И вдобавок благодарил! Много позже, будучи в высоком звании и на важных государственных постах, он начал догадываться, что подобные встречи с народом не только служили для получения необходимых сведений, но и были важной частью хорошо продуманной игры. Игры в доступность великого вождя, неустанно заботливого и тесно связанного с простыми советскими людьми. Игры, правила которой следовало изучить и твердо усвоить на будущее. Так создавалась легенда.

На второй день старшего лейтенанта Часова вызвали в ГАБТУ к генерал-майору Мочалову. Генерал оказался тем самым диввоенинженером, который бывал у них в бригаде на финском фронте. Мочалов куда-то сильно спешил, поэтому, черкнув записку, направил Леху дальше по инстанции — в комнату № 219. За столом в указанном кабинете сидела другая знакомая — Аня Светышева.

— Здравия желаю! — обрадовался Часов. — Вот уж, действительно, судьба.

— Вы ко мне? — Она удивленно подняла брови. — По какому вопросу?

— Понятия не имею. — Леха протянул ей записку. — Наверное, судьбе угодно, чтобы мы встретились.

Строго посмотрев на него, Светышева прочитала генеральское послание, после чего взгляд ее наполнился изумленным негодованием.

— Значит, это вы товарищу Сталину что-то про наши танки наговорили?

— Почему же наговорил? — обиделся Леха. — И не ваши это танки, а наши. Побеседовали мы с генеральным секретарем — он спрашивал, я высказал свое мнение. Помоему, он остался доволен.

— Еще бы! — Аня фыркнула. — Нас уже просветили. Дескать, командир-практик видит дальше, чем бюрократы из главка. Если не ошибаюсь, вы сказали, что надо ставить на КВ орудия большего калибра?

— Так точно...

Выслушав его рассказ, Аня поведала другую сторону этой истории, о которой старший лейтенант не догадывался.

Оказывается, после кампаний в Польше, Франции, Африке и Англии германское командование поняло, что танки Вермахта слабоваты. Пушки немецких машин не могли пробить толстую броню английских «Матильд», да и бронезащита у немцев была не ахти. Теперь в Германии налаживали выпуск новых моделей средних танков Т-3 и Т-4, нарастив их лобовую броню и установив более мощные орудия. Теоретически 75-мм пушка с длиной ствола в 43 калибра, которой будут, вероятно, оснащаться новые модификации Т-4, сможет пробивать броню советских Т-34 и КВ на средних дальностях. В свою очередь, ставшая толще броня немецких танков хорошо защищает от обстрела с больших дистанций.

— Значит, теперь наши машины не имеют абсолютного превосходства? — Часов наусупился.

— Точнее, мы потеряем превосходство к следующей осени, когда германская армия получит достаточное количество модернизированных танков. Кроме того, нам известно, что Гитлер приказал фирмам Порше и Хеншеля разработать тяжелый танк посильнее, чем наш... — Она хохотнула. — ...чем ваш КВ.

Аня добавила, что Сталин сильно гневался на кремлевском совещании. Танкостроители

получили задание разработать усиленные машины с более толстой броней и мощной пушкой. Затем она сказала с улыбкой:

— И тут появляетесь вы с такими своевременными пожеланиями. Естественно, Самому это понравилось. Так что готовьтесь — вы включены в делегацию, которая поедет в Берлин смотреть немецкие танки. Там на месте оцените заграничную технику опытным глазом танкиста-практика.

Заполнение анкет и диктовка всевозможных подписок заняла много времени, после чего Светышева сказала, что Леху вызовут, когда придет время. Похоже, их встреча заканчивалась, и Часов, не желая расставаться с красивой девушкой, поинтересовался:

— Как получилось, что вы, чекистка, попали в Наркомат обороны?

— Чекисты работают везде, — назидательно сообщила она. — Особенно в тех наркоматах, которые посылают своих сотрудников на чужие военные заводы. Еще вопросы есть?

— Есть, — решительно заявил Часов. — Нельзя ли нам почаще встречаться?

Светышева возмутилась, долго выговаривала: мол, нельзя вести себя так легкомысленно. Однако Леха был красноречив и настойчив, так что в ближайшую субботу они пошли в кино — смотреть новый фильм «Мои университеты».

10

Танковый корпус Клейста занял Кембридж в прошлый четверг, отбросив англичан от окруженного плотным кольцом Лондона. Местные профессора и доценты преподнесли завоевателям приятный сюрприз: большая их часть не сбежала в армейских обозах, но осталась в оккупированном университетском городке. По такому поводу было решено устроить дружескую вечеринку нордических интеллектуалов. Разумеется, предварительно на месте поработали друзья из СС, вычистившие немало нежелательных лиц.

Гюнтер, зачисленный в состав германской делегации, выдержал долгий инструктаж со стороны офицеров по национал-социалистской работе. Последние нудно вдабливали: о чем следует говорить, о чем не следует и как отвечать на каверзные вопросы.

Когда они наконец уселись в автобус, обер-лейтенант Адам Шмидт, отвечавший за пропаганду в их батальоне, сурово поинтересовался:

— Партайгеноссе, надеюсь, вы поняли?

— У меня вопрос, обер-лейтенант, — абсолютно серьезным голосом заявил Гюнтер. — Если я пересплю с англичанкой, это не будет расцениваться как расовое преступление?

Танкисты захихикали. «Фон Бутов в своем репертуаре», — громко прокомментировал кто-то в задних рядах. Укоризненно поглядев на развратного командира 2-й роты, Шмидт произнес:

— Гауптман, я много раз объяснял, что лишь эсэсовцам запрещены половые контакты с особями неполноценных рас. К тому же британцы — нордический народ, поэтому с ними можно. — Обер-лейтенант поспешил уточнить: — Разумеется, только с женщинами.

Последняя реплика вызвала новый спазм общего веселья.

Весь недолгий путь от расположения выведенного в тыл полка до Кембриджа они преодолели в обстановке громкого хохота и похабных реплик. Бедняга Шмидт был невероятно смущен и умолял сослуживцев вести себя пристойно. Впрочем, сильного криминала в их шутках не наблюдалось, поэтому обер-лейтенант не имел оснований для придиорок.

Колонна автобусов, сопровождаемая бронетранспортерами с охраной, втянулась в тесные улочки древнего поселения. К удивлению Гюнтера и других офицеров, порядок в городе поддерживали вовсе не местные констебли и даже не армейские патрули Вермахта. Кембридж был буквально затоплен серыми мундирами войск СС.

Причину столь усиленных мер безопасности фронтовики поняли очень быстро. Они уже начали осваиваться в тесной, но уютной пивной, которую аборигены называли «паб».

Пиво оказалось недурным, женщины были не слишком красивы, но хорошо одеты и чисто вымыты. Гюнтер уже собрался пригласить одну из них на танец, когда распахнулись двери и в зал стремительным шагом вошли сразу два генерала: командир танкового корпуса Эвальд Клейст и шеф имперской полиции безопасности Рейнхард Гейдрих.

По причине военного времени угощение было небогатым. Бекон, раки, сосиски, галеты, фруктовый сок. Хорошо, что меню утверждала тыловая служба группы армий, а не то англичане додумались бы поставить на столы пудинг и овсянку.

— У нас на Украине закусывали водку салом, — сообщил Гюнтер.

— У немцев научились, — понимающе покивал обер-лейтенант Пиль из 3-й роты.

Снисходительно покривившись, гауптман фон Бутов взял бутерброд и направился к заинтересовавшей его рыженькой даме, но тут Гюнтера окружили сравнительно молодые джентльмены, причем по меньшей мере двое из них имели явно педерастическую внешность. Вместе с танкистом в кольце оказался полковник Койтнер из штаба дивизии.

Англичане искренне радовались успехам германского оружия, так что даже неудобно было отказываться и пришлось выпить с ними за скорую победу Вермахта над прогнившей плутократией. Потом прозвучали тосты за всемирный триумф национал-социализма, за здоровье фюрера и дружбу северных наций. Аборигены были благожелательны и говорили только приятное, словно тоже прошли инструктаж у Адама Шмидта. Звали англичан Ким Филби, Йен Флемминг, Грэм Грин, Гай Берджесс и Дональд Маклин.

Койтнер, успевший накачаться шнапсом еще до начала мероприятия, быстро раскраснелся и охотно распустил язык. Полковник подтвердил, что Лондон надежно блокирован, то есть будет вскоре освобожден от банд незаконного короля Георга, а также, что откатившаяся на север британская армия не способна даже обороняться, поэтому нет причин беспокоиться о вражеских контратаках. Он также согласился с мистером Филби, что после капитуляции Британии — видимо, уже в начале весны — Вермахт обязательно двинется освобождать Россию от большевиков.

Филби, Грин и Берджесс восторженно поддакивали, но при том сочувственно вздыхали: дескать, нелегко будет нарушить заключенный в прошлом году германо-советский Пакт. Им возразил похожий на педераста Маклин, пренебрежительно бросив:

— Нет ничего зазорного в нашем арийском коварстве по отношению к азиатам. К тому же в договоре с Советами нет пунктов, жизненно важных для Рейха.

Услыхавший эти разговоры Гейдрих нахмурился и направился к ним, явно намереваясь прекратить опасную болтовню. Однако на полпути группенфюрера перехватила стайка нестарых преподавательниц, которых интересовало, почему арестован публицист Блэйр, известный под псевдонимом Джордж Оруэлл.

Мистер Грин поспешил на помощь шефу РСХА, напомнив взбудораженным соотечественницам, что Оруэлл был злостным большевиком-троцкистом и крепко виноват перед братскими нациями Рейха и Британии. Во-первых, оголтелый журналист читал по лондонскому радио гадкие антигерманские пасквили. Во-вторых, он мерзко клеветал на славных английских интеллектуалов: дескать, если бы от них что-нибудь зависело, Вермахт и СС давно бы маршировали по британским городам.

Англичане возмущенно заверещали на своем собачьем языке, а Гейдрих изложил собственные принципы справедливости, подчеркнув два главных критерия: принадлежность к высшей расе и наличие правильного мировоззрения. Те, у кого правильная раса и правильные мысли, составляют касту повелителей. Если и то, и другое неправильное — таким ублюдкам место в концлагере. Правильные мысли у особей нечистой крови открывают путь в туземную администрацию. Наконец, если особь высшей расы предалась вредной идеологии — это самый опасный случай, тут уж один выход — расстрел на месте.

Немцы дружно гаркнули: «Хайль!» — британцы вдохновенно завизжали. Все они принадлежали к нордической расе, а идеологию нетрудно усвоить, так что большинство имело недурные шансы влиться в касту повелителей прекрасного нового мира, о котором мечтал прозорливый Олдос Хаксли.

Приехавший из Оксфорда профессор-лингвист на радостях разразился призывами к походу на восток, дабы разгромить и вернуть в первобытное рабство племена обнаглевших орков, гоблинов и прочих низших существ, не желающих повиноваться любимцам демиургов — эльфам чудесной страны. Иносказание было благосклонно принято завоевателями.

В глубине души профессор не любил нацистов и Гитлера. Он полагал, что мужлан-австриец опозил великую нордическую мечту. Однако мужлан делал полезное дело, поэтому филолог провозгласил, почти не кривя душой:

— Не сомневаюсь, что британская литература создаст нового героя, которому будет рукоплескать весь мир. И разумеется, на вдохновенном лице этого нордического юноши будет сиять наш немеркнущий символ победы — бессмертная руна «зиг»!

Под гром аплодисментов указательный палец профессора прочертил в воздухе косую молнию руны, украшавшей петлицы некоторых гостей с континента.

Гейдрих соизволил вежливо похлопать и предложил выпить по этому поводу Кембриджские умники продолжали осаждать старших офицеров, сетуя: мол, армия короля Георга наверняка попытается деблокировать Лондон. Утомленный их некомпетентными причитаниями Койтнер по-солдатски рубанул:

— Ничего они не смогут — скоро наши танки пролетят вдоль автобана Бирмингем — Манчестер, и на этом война закончится.

Он умолк под укоризненным взглядом Клейста. Англичане, правильно поняв намек, торопливо разошлись. Заскучавший Гюнтер решил заняться более приятными развлечениями и протолкался к той самой рыжей девице бальзаковских лет. Учитывая, что британки вообще не слишком красивы, а научные дамы не отличаются приятной внешностью независимо от страны обитания, эта высокая сухопарая особа была неплохой добычей. Что поделать: Кембридж — не Париж...

— Прекрасная фрау позволит представиться? — привычно начал он, щелкнув каблуками. — Гюнтер фон Бутов, гауптман.

— Кэролайн Спенсер, — немного удивленно ответила фрау. — Доцент романской филологии.

«Да хоть ботаники!» — подумал танкист, развивая успех. Он машинально произносил положенные комплименты: дескать, Кэролайн — самая красивая женщина из всех, кого он встречал в Англии, не говоря уж о Кембридже, и вообще, мол, такая красота в сочетании с высоким интеллектом — настоящий феномен.

Вскоре они поднимались на второй этаж, столкнувшись на темной лестнице со страстно целовавшейся парочкой. Увидав гауптмана с доцентом, парочка убежала дальше по коридору, спрятавшись за портьерой, но Гюнтер узнал их, весело заметив:

— Кажется, это были Маклин и Берджесс...

— Это мог быть любой из наших джентльменов, — грустно вздохнула миссис Спенсер. — Вы знаете, в Итоне и других привилегированных колледжах мальчики воспитываются до совершеннолетия в условиях, которые способствуют развитию гомосексуализма...

Спустя пару минут полураздетая Кэролайн была уложена спиной на бархат карточного стола и растерянно бормотала про жениха, который служит в королевской артиллерии где-то в Шотландии. Из сказанного Гюнтер сделал вывод, что его добыча была вовсе не фрау и не миссис, а фрейлейн. В крайнем случае, мисс.

— Он тоже учился в Итоне? — пошутил гауптман, начиная возвратно-поступательные телодвижения. — Обязательно передам ему привет от вас.

— По радио? — переспросила сбита с толку невеста артиллериста.

— Или через оптический прицел... Не отвлекайтесь, фрейлейн.

Вероятно, в женских школах Англии тоже были проблемы с половым воспитанием. Во всяком случае, мисс Спенсер делала совсем не то, чего Гюнтер ждал от партнерши. Тем не

менее он увлекся и не сразу обратил внимание на сверкавшие за оконным стеклом сполохи. Однако чуть позже, когда они с Кэролайн, частично одевшись, закурили трофейный «Честерфилд», танкист вдруг понял: кроме молний, ночь озаряют и другие источники.

В грозовой тьме палили пушки. Сегодня днем британские позиции находились в 40–50 километрах севернее Кембриджа, но эти вспышки сверкали вдвое ближе. Подобные оптические феномены наводили на подозрение о глубоком прорыве вражеских танков. Гюнтер фон Бутов торопливо сбежал по лестнице, застав важный момент: Клейст, выслушав рапорт посыльного, приказал всем офицерам Вермахта немедленно возвращаться в расположение своих частей.

Уже в автобусе Генрих Койтнер изложил последнюю сводку: часа два назад англичане после короткой артподготовки атаковали позиции группы армий «А» в районе Питерсборо, прорвали оборону и ввели в сражение крупные массы танков. Сейчас противник приближался к реке Уэ, где стояли тыловые части 28-й пехотной дивизии.

Спустя час рота фон Бутова в составе неполной дюжины Pz.IVb чавкала гусеницами по мокрому асфальту разбитого бомбами шоссе. Новости не утешали: саперный батальон и батарея зенитных пушек пока держали оборону на перекрестке дорог, но им было нелегко отражать усиливающиеся атаки полусотни танков и тысячи солдат. К тому же по тыловой автомагистрали на подмогу вражескому авангарду тянулись колонны грузовиков, подвозивших пехоту.

Гауптман управлял движением колонны, высунувшись по пояс из башни головного танка. Дождь струился по его клеенчатому плащу, стекая в корпус машины, где успела набраться лужа солидных размеров. За рекой все ярче полыхали зарницы орудийных залпов, ночь расчерчивали пунктиры трассирующих пуль. Впереди кипел нешуточный бой.

Мотоциклисты-регулировщики встретили их на подступах к переправе, указав дорогу к мосту. Лениво ворча моторами, танки поползли на другой берег. Над головой заунывно гудели самолеты — вероятно, неприятельские, — изредка вокруг рвались бомбы, но темнота мешала летчикам прицелиться, и попаданий в мост не было. Расставленные на обоих берегах автоматические «эрликоны» истерично и безуспешно палили в небо.

На северном берегу реки сделали остановку — командир полка собрал офицеров возле штабной машины. Полковник Вальтер Хофбауэр был зол и заметно нервничал. К тому же дождь заливал карту, смывая условные значки, поспешно нарисованные химическим карандашом.

— Противник в шести километрах от переправы, — раздраженно сообщил полковник. — Саперы сообщают о сотне танков. Возможно, на самом деле их не больше двадцати. Первый батальон разворачивается от ориентира-три до ориентира-четыре и, маневрируя вдоль возвышенностей, отражает атаки противника огнем из-за укрытий. Второй батальон наносит удар слева — по автоколоннам на шоссе на дороге. Во встречный бой с танками не ввязывайтесь — достаточно покрошить их пехоту.

Все и так понимали, что танкам незачем атаковать вражеские танки — стальные машины не предназначались для решения такой задачи. Получив приказ, офицеры разбежались к своим подразделениям, и 2-й батальон, в состав которого входила рота фон Бутова, начал обходной маневр.

Двигаясь по рокадной дороге, Гюнтер видел противотанковые и длинноствольные зенитные орудия, стрелявшие по наседавшим с севера британцам. В интервалах между батареями разместились наспех оборудованные опорные пункты, из которых немецкие солдаты огрызались пулеметно-винтовочным огнем.

— Конрад, прибавь обороты, — крикнул гауптман механику-водителю.

Танки разогнались до 30 км/час, проскочили неприкрытый фланг саперного батальона, и возле ориентира № 2 — это была сгоревшая ферма — ротная колонна повернула на север. Примерно через полчаса они оказались в нужном месте. Танки развернулись в боевую линию на границе размокшего поля, а в шестистах метрах от них проходила дорога, по которой

катились армейские грузовики и тягачи, буксировавшие легкие полевые гаубицы.

— Целься по машинам, — скомандовал Гюнтер. — Беглый огонь!

Снаряды полетели над промокшим черноземом, с которого фермеры успели собрать овес или картошку. На шоссе загорелись грузовики, на фоне пламени метались фигуры солдат. Натюрморт получался просто великолепный — не хуже, чем выходило в Польше или Франции. Погром в полосе роты был столь основательным, что гауптман приказал своим танкистам не расходовать снаряды и бить лишь из пулеметов.

Праздник кончился слишком быстро — вместо грузовиков на шоссе появились грузные силуэты английских танков. Расталкивая остовы горящих автомобилей, «Матильды», «Кромвели» и прочие «Валентайны» открыли беспорядочный огонь, целясь по вспышкам неприятельских выстрелов. Несколько легких танков английского соединения сразу были подбиты, но «Матильды» оказались неудобным противником: пушки на них стояли слабые, зато броня была толстая, так что ни английские, ни германские снаряды не могли причинить противнику больших неприятностей. Однако британцы вздумали атаковать и увязли в грязи, превратившись в прекрасные неподвижные мишени.

Гюнтер всадил несколько снарядов в ближайшую «Матильду». К его разочарованию, английский танк загорелся лишь после шестого или седьмого попадания. Гауптман выругался — короткоствольная пушка его «сундука» не годилась для борьбы с серьезным противником. Надо было искать выход из тактического тупика.

Осмотрев в бинокль горизонт, освещенный пылающей автобронетехникой, Гюнтер обнаружил в паре километров к северу весьма заманчивое сооружение и поспешил на командный пункт батальона. Увидав его, оберст-лейтенант Вилли Бассевитц расхохотался и громко спросил:

— Ну как, совершил расовое преступление?

— Шмидт уверяет, что ничего предосудительного в этом нет, — усмехнулся гауптман. — У вас есть карта всего участка?

Карта нашлась среди штабных документов и подтвердила догадку фон Бутова: к северу от позиций батальона имелся канал, над которым когда-то был перекинут каменный мост. Решение казалось очевидным поэтому Бассевитц отправил на разведку мотоциклистов. Ожидая их возвращения, Гюнтер поинтересовался, когда подтянутся остальные части дивизии.

— Танков больше не пришлют. — Оберст-лейтенант вздохнул. — Весь корпус, кроме нашего полка, собирается в двухстах километрах к востоку.

— Наступление не отменили! — Фон Бутов покачал головой. — Наверное, правильно. Хотя нам тут будет очень плохо...

Действительно, пока противник пытается главными силами прорваться к Лондону через Кембридж, 1-й танковый корпус Клейста ударит на стыке шотландской бригады и канадской пехотной дивизии. Британцы поймут, что с ними случилось, лишь к полудню, когда танки Вермахта ворвутся в Бирмингем. Однако это произойдет только послезавтра, а пока оставленный на реке Уэ танковый полк должен был сдерживать натиск неведомого числа врагов.

Вскоре вернулись мотоциклисты, доложившие, что мост цел и невредим и к тому же плохо охраняется. Разведчики привезли пленных, от которых немцы узнали, что противник бросил в наступление 2-ю британскую и 7-ю новозеландскую бронетанковые дивизии, а также несколько пехотных соединений.

Надо было срочно отсекаать неприятельские резервы, поэтому две роты совершили короткий марш на север, вышли в тыл 7-й дивизии противника и продолжили праздник, расстреливая в упор и давя гусеницами скопившуюся в районе сосредоточения живую силу и технику. На этом английское наступление захлебнулось, а подтянувшаяся пехота Вермахта прогнала британцев на исходные позиции, захватив колоссальные трофеи.

Проснувшись около полудня, Гюнтер с удовольствием обзирал с пригорка мокрые

поля, на которых догорали танки, грузовики, тягачи, прицепы и прочий металлолом, украшенный британскими эмблемами. Посмеиваясь, гауптман гордо произнес:

— То, что мы вчера ночью сделали с англичанами, — настоящее расовое преступление. Вдобавок — групповое и совершенное с особым цинизмом, в извращенной форме и при отягчающих обстоятельствах.

Офицеры захохотали. Только обер-лейтенант Шмидт хмурился, потому что не мог решить, как следует расценивать рискованный юмор главного повесы полка. Все-таки не стоило фон Бутову так часто шутить по поводу расовых вопросов.

На другой день им стало не до шуток: пришли сообщения из штаба корпуса. Начавшееся перед рассветом наступление на север из района Вустера не увенчалось ожидаемым успехом. Хотя план операции был тщательно проработан, прорвать вражескую оборону не удалось. Английское командование, невероятным образом разгадав направление главного удара, стянуло на этот участок большие резервы и много противотанковых средств. Огромные потери от иприта, фосгена и других ядовитых газов вынудили немцев отступить на некоторых участках.

В итоге трехсуточных атак корпус Клейста потерял почти четверть боевых машин, но продвинулся всего на десяток километров. По приказу штаба армии наступление было приостановлено, а танковые дивизии выведены во второй эшелон для ремонта и пополнения.

Гестапо и абвер провели расследование, установив, что присутствовавшие на кембриджской встрече с германскими братьями Йен Флемминг и Грэм Грин являются кадровыми офицерами британской военной разведки. Маклин и Филби предоставили на сей счет неопровержимые доказательства. Грин сумел сбежать, Флемминга успели взять и после недолгого следствия повесили, болтуна Койтнера разжаловали в майоры, но черное дело было сделано.

В середине ноября на фронте начались непрерывные дожди с мокрым снегом, и продолжение активных боевых действий стало почти невозможным. Маневренная война выродилась в унылую позиционную бойню.

11

Из материалов газеты «Красная звезда»

12 ноября. Геббельс объявил, что германские войска пресекли еще одну попытку англичан пробиться к Лондону из района Нортгемптон — Кембридж. Полностью уничтожены 3 английские дивизии. По сообщениям из Эдинбурга и Глазго, британская армия отразила мощные атаки немцев в районе Бирмингема. Продолжает действовать воздушный мост, по которому в блокированный Лондон перебрасываются боеприпасы и другое снаряжение.

14 ноября. Крупное морское сражение разыгралось в Северном море в 100 милях восточнее Гарвича. Английский флот потопил артиллерийским огнем немецкий линкор «Гнейзенау», тяжело повреждены также два тяжелых крейсера: немецкий «Принц Ойген» и итальянский «Пола». Берлинское радио подтвердило гибель «Гнейзенау», однако утверждает, что германские подлодки потопили авианосец «Арк Ройял».

18 ноября. На главном фронте в Англии сохраняется временное затишье. В ближайшее время ожидается решительный штурм Лондона, однако германские войска испытывают трудности со снабжением, в первую очередь сказывается нехватка горюче-смазочных материалов. В результате непрерывных воздушных налетов и артиллерийских обстрелов в Лондоне имеется большое количество жертв, особенно от применения газовых бомб. Разрушено много зданий, не прекращаются пожары.

Значительно осложнилось положение британских войск в Северной Африке. Вторжение в Англию сорвало планы переброски резервов в Египет, и теперь итало-германские войска, имеющие трехкратное численное превосходство, готовятся к наступлению.

19 ноября. Германская армия начала штурм Лондона, которому предшествовала трехчасовая артподготовка и массированные воздушные налеты. Главный удар наносится с северо-восточного направления, вспомогательный — с запада, вдоль северного берега Темзы.

22 ноября. Итальянские войска в Албании деморализованы и отступают по всему фронту.

23 ноября. В Лондоне продолжаются ожесточенные уличные бои. Обе стороны сообщают об огромных потерях противника. В Северной Африке итальянская армия при поддержке немецких танковых частей и авиации атаковала позиции англичан вокруг г. Мерса-Матруха.

25 ноября. Английские войска отбили у немцев города Оксфорд и Суиндон, однако из-за огромных потерь были вынуждены прекратить атаки. По сообщениям из Лондона, там завершается ликвидация последних очагов сопротивления. Американская газета «Вашингтон пост» сообщает, что окраины британской столицы превращены в руины.

30 ноября. Герцог Виндзорский, бывший в 1935–1937 годах британским монархом, а впоследствии губернатором Багамских островов, вновь коронован королем Англии под прежним титулом Эдварда Восьмого. Новый король назначил премьер-министром нового кабинета Сэмюеля Хора, а военным министром — фюрера британских фашистов Освальда Мосли. Находящийся в Эдинбурге король Георг VI объявил повторную коронацию своего старшего брата незаконной и призвал подданных Британской империи продолжать войну против Германии. Вооруженные силы Британии и правительства большинства доминионов объявили, что продолжают подчиняться королю Георгу. Эдварда VIII признали только Германия, Италия, оккупированные страны, а также Ирландская и Южно-Африканская республики.

В Египте продолжается наступление итальянской армии. Огромная колонна, состоящая из нескольких сотен грузовиков, танков и бронемашин, движется из Мерса-Матруха в сторону города Фука.

2 декабря. Командование Вермахта вынуждено прекратить наступательные действия в Англии. На отдельных направлениях наблюдается отход германских войск. Силы вторжения обескровлены многодневными сражениями и нуждаются в пополнении. Подвоз свежих частей затруднен по причине того, что на море господствует английский флот. Кроме того, ухудшившаяся погода и проливные дожди также создают помехи наступательным операциям механизированных войск. По сообщениям военных корреспондентов, обе стороны развернули строительство оборонительных сооружений вдоль всей линии фронта.

ГЛАВА 4

Москва, 18 августа 1991 года

Полдень

— Сделаем перерыв, — предложил Барушин и пожаловался: — Глаза устают.

Чувствовалось, что старик, потрясенный увиденным вариантом неосуществившегося прошлого, собирается задать какие-то вопросы, но тут Новикова опять включила телевизор. По всем каналам шла одна и та же передача: дикторы наперегонки зачитывали очередные постановления и сообщения Госкомитета нацспасения.

Перечень разрешенных к изданию газет. Указ о немедленном роспуске всех органов государственного и административного управления, не предусмотренных действующей Конституцией СССР.

На всей территории страны действительно лишь союзное законодательство. Члены незаконных военизированных формирований, не сдавшие оружие до захода солнца, будут считаться вооруженными повстанцами и подлежат расстрелу на месте.

Заявление министра обороны: в городах, где введено особое положение,

комендантский час в выходные дни действует с 21.00 до 6.00. Жителям столицы, не имеющим пропусков военной комендатуры, запрещается появляться на улицах в пределах Садового кольца. Военные патрули имеют приказ без предупреждения открывать огонь по нарушителям.

Постановление № 5. Неподчинение, равно как призывы к неподчинению распоряжениям ГКНС караются смертью. Для вынесения смертного приговора достаточно единоличного решения любого из членов ГКНС.

Постановление № 6. ГКНС кооптировал в свой состав председателя Верховного Совета СССР, первого секретаря Российской компартии, председателя депутатской группы «Союз» и вице-президента Академии наук:

ГКНС также санкционировал проведение митингов в собственную поддержку в городах Москва, Ленинград, в республиканских столицах и областных центрах. ГКНС приветствовал заявления председателя либерально-республиканской партии, руководства Всероссийского Совета патриотических движений и ряда других общественных организаций, которые поддерживали законные меры по установлению порядка и повышению дисциплины.

Исполняющий обязанности президента предостерег республики, желающие покинуть Союз в обход действующего законодательства: статус республик, нарушающих закон, будет понижен до областного, представительные органы этих территорий будут распущены директивным образом.

Затем на экране появился председатель Госплана (тоже член ГКНС), сообщивший, что готовится указ о значительном снижении цен на товары первой необходимости и о мерах по социальной защите малообеспеченных граждан. Следом выступил начальник московского управления КГБ и поведал о проведенной минувшей ночью операции по захвату главарей основных преступных группировок люберецкой, химкинской, чеченской, солнцевской и прочих, — изъято полторы тысячи стволов нарезного оружия и около двадцати миллионов наличными. Потом началась трансляция митинга, где выступали самые разные люди, горячо и почти единодушно одобрявшие жесткие действия во имя спасения погибающего Отечества.

На этот раз вместо заунывной симфонии пустили клип известного эстрадного певца, но музыку заглушил грохот траков. Боязливо выглянув в окно, Барушин успел увидеть уходящие за поворот боевые машины пехоты. Он тяжело вздохнул и буркнул:

— Хотел бы я знать, чем все это кончится...

— Главное — что с президентом случилось, — поддакнула Новикова.

— Хорошо кончится, — меланхолично посулил Антощенко. — А с президентом просто — едва отъехав от дачного комплекса, его автомобиль попал под гусеницы случайно проходившего мимо танка.

Нервно рассмеявшись, Светлана Петровна посоветовала не шутить столь мрачно. Завлаб в ответ улыбнулся так загадочно и многозначительно, будто имел достоверную информацию из самых высоких сфер. «Ерунда, что он может знать! — раздраженно подумал Барушин. — Мелкая ведь сошка, сто верст ему расти до номенклатуры. Даже я ничего не знаю...»

— Я же говорю, такое происходит почти во всех наших моделях, — это Илья прервал свое суровое молчание. — Бюрократическая олигархия, погрязнув в невежестве, некомпетентности и коррупции, приводит экономику на грань стагнации. В попытках спасти свои кресла-кормушки, доморожденные реформаторы пытаются что-то подлатать, косметическими средствами придав режиму приятную видимость, но неизбежно садятся в галошу. А потом — переворот, коллективная диктатура, лихорадочные поиски харизматического вождя...

— А что потом? — заинтересовался Барушин. — Обстановка хоть малость улучшается?

— По-разному бывает... — уклончиво сказала Новикова.

— Чего тут удивляться? — прежним ленивым тоном заметил Антощенко. — Цареубийство — исконно русский инструмент демократического народовластия, простите за тавтологию... Я бы даже сильнее выразился: цареубийство есть инструмент демократии, единственно эффективный в нашей национально-политической атмосфере. Вспомните историю.

Разговор принимал нежелательный оборот, поэтому Барушин привычно сделал строгое лицо и потребовал объяснить ему, за каким дьяволом лаборатория взялась за этот странный дорогостоящий эксперимент. Антощенко выразительно поморщился, однако попросил Рудмана изложить глубокоуважаемому Георгию Тимофеевичу смысл эксперимента.

— Ну, что я могу рассказать... — замялся Илья. — В последнее время вошло в моду повторять: дескать, история не знает сослагательного наклонения. Мы же взялись исследовать это самое сослагательное... На любом переломе исторического процесса обязательно существовали какие-то альтернативы, которые остались нереализованными. Можно утверждать наверняка: впопыхах, подгоняемые обстоятельствами, народы и вожди неизменно принимают не самые лучшие решения — отсюда и все наши трагедии. Вот мы и пытаемся рассчитать оптимальный вариант развития исторических событий, чтобы найти такую модель, когда человечество и, в первую очередь, северо-восточная часть Евразии развиваются без особых катаклизмов. Постепенно, методом проб и ошибок вырабатывается наиболее благоприятный сценарий мировой истории...

— Это, конечно, очень интересно, — насмешливо сказал Барушин, довольный, что может поставить на место самодовольных умников. — Только вот смысла не видеть. Допустим, вы когда-нибудь найдете такой идеальный исторический сюжет, когда всем хорошо и все довольны. Допустим... Но ведь наша-то сегодняшняя жизнь от этого ничуть не изменится! Останется лишь горькое чувство: могли, мол, и мы жить, как люди, да не сообразили отцы, в какую сторону следовало свернуть этак в одна тысяча пятьсот таком-то году...

— Позволю себе не согласиться, — с неожиданной твердостью возразил Антощенко. — Когда нам ставили эту задачу, речь шла о том, что в обозримом будущем институт имени Ландау завершит работу над так называемым гравитационным тоннелем. С помощью этой штуки якобы можно будет влиять на прошлое, чтобы изменить историю в удобном для нас направлении.

От неожиданности Барушин даже вздрогнул: этот ничтожный доктор наук не имел права знать о работах, в суть которых были посвящены далеко не многие ответственные функционеры! Не имел права, но откуда-то знал... Между тем Новикова продолжила мысль своего шефа:

— Когда начнет действовать гравитационный тоннель, мы уже будем иметь наготове несколько оптимизированных сценариев. Выберем из них самый лучший и начнем менять исторический процесс, чтобы все шло близко к нашей модели...

— Ну, ладно, ладно, — проворчал Барушин. — Но чем хорош, к примеру, этот вот вариант — сорок третий или какой он там? Насколько я понял, он отличается от обычной истории лишь тем, что Гитлер в сороковом году принял немного другое решение насчет вторжения в Англию. Дальше-то что? Какая нам с того радость?

— Есть и другие сценарии, — Антощенко пожал плечами. — Можем продемонстрировать вам любую модель. Только имейте в виду: даже столь незначительное, как вам кажется, различие принципиально изменяет всю последующую историю. Давайте смотреть дальше — там сейчас самое интересное начнется.

ГЛАВА 5

Лавина «Эльбруса» Весна 1941 года

Совещание в Политбюро продолжалось второй час. Наркомы и маршалы деловито отчитывались о подготовке страны и армии к будущим битвам. Пусть со скрипом, но исполинский военный механизм разворачивался, неуклонно наращивая ударно-оборонительную мощь.

Численность РККА, достигшая прошлым летом 4 миллионов, сократилась зимой до 3 300 000, однако теперь снова увеличивалась. Промышленность прекратила выпуск устаревших систем оружия и осваивала самые современные образцы: танки КВ и Т-34, самолеты МиГ-1, Як-3, Ил-2, Ту-2 и Пе-8, новые дивизионные и корпусные орудия. Пока этой техники производилось немного, но заводы получили на 41-й год жесткое задание: изготовить тысячу КВ (из них сотню сверхмощных КВ-2 и 900 новейших КВ-3 с длинноствольной 107-мм пушкой в башне улучшенной конструкции) и 2800 средних танков Т-34. Самолеты и танки Германии были несравненно слабее новых советских.

На стапелях Ленинграда, Николаева, Молотовска строились корпуса гигантских линкоров «Советский Союз», «Советская Россия», «Советская Украина» и «Советская Белоруссия», тяжелых крейсеров «Кронштадт» и «Севастополь» — все шесть должны были вступить в строй летом сорок третьего. Ведутся переговоры с Германией о поставке для «Кронштадта» двухорудийных башен с орудиями в 15 дюймов, в связи с этим проект корабля полностью переработан. Примерно через полгода будут готовы закупленный у Германии крейсер «Петропавловск» (бывший «Лютцов»), два легких крейсера проекта № 26 «Калинин» и «Каганович» — на Тихом океане, а через год на Балтике и Черном море начнут ходовые испытания средние крейсера проекта № 68: «Чапаев», «Чкалов», «Ушаков», «Нахимов» и другие. По завершении этой программы Красный Флот становился сильнейшим в Европе.

Адмирал Галлер, ухмыляясь, напомнил о кораблях, закупленных у итальянцев и немцев. Изучив устройство этих крейсеров и эсминцев, советские конструкторы многому научились, так что теперь готовятся новые проекты, которые превзойдут по мощи, защите и скорости однотипные корабли ведущих морских держав.

Доклады Сталин слушал не слишком внимательно, ибо все эти цифры были известны ему и прежде. Да, вооружений изготовлено много, войск у нас тоже хватает, но достаточно ли этого для победы над столь страшным врагом? Со времен Гражданской войны он твердо усвоил: успех не достигается одним лишь количеством, хотя без количества успеха быть не может вовсе... Исход величайших классовых битв определялся неизменно факторами не столько чисто военными, сколько политическими и психологическими.

Он вновь — который уж раз за последние недели — подумал, что для завоевания психологического перевеса над Гитлером необходимо добиться решительного результата в той части континента, куда за последние месяцы неуклонно перемещался центр событий — на Ближнем и Среднем Востоке. Итальянцы, подкрепленные немецким корпусом «Африка», развоевались и теперь медленно, но верно продвигались к Каиру. Уже разгорались антианглийские и прогерманские мятежи арабских племен в Ираке, Сирии, Палестине. А в Иране и Турции все громче звучали голоса, ратующие за присоединение к фашистскому блоку. На южной границе Союза сжимался ударный кулак, который следовало бы поскорее обезвредить.

— Что нового на английском фронте? — спросил Сталин.

Тимошенко, Жуков, Шапошников и Меркулов по очереди доложили обстановку. Всю зиму на Британских островах продолжались бои местного значения, но в небе над Англией не прекращались ожесточенные схватки авиации. Мобилизовав весь флот, англичане подвезли до ста тысяч штыков, набранных в Канаде, Индии, Австралии, Бирме и африканских колониях. Соединенные Штаты передали англичанам 50 старых эсминцев, до тысячи самолетов, наладили производство танков, артиллерии, боеприпасов. Не менее 10–15 тысяч добровольцев из США отправились в Англию — воевать против нацистов.

Подводные лодки Кригсмарине, применяя тактику «волчьих стай», свирепствовали на

атлантических коммуникациях, отправив в гости к Нептуну не меньше семи сотен транспортных кораблей общим водоизмещением до четырех миллионов регистровых тонн. В свою очередь, силы охранения конвоев потопили полсотни субмарин. Теперь, когда часть английского флота вынуждена вернуться в Средиземное море, в Атлантике установилось примерное равенство сил, то есть потери британцев неизбежно возрастут.

За время зимней передышки Вермахт сумел переправить через Ла-Манш свежие дивизии, пополнил технику, доведя общее количество соединений до 32 дивизий, из них — 6 танковых и 4 моторизованные. Не вызывало сомнений, что в ближайшие дни германская армия нанесет удары силами двух танковых групп с целью окружить и уничтожить главные силы англичан.

Когда умолк очередной оратор, Сталин негромко произнес:

— Мы неплохо поработали над материальным обеспечением Красной Армии. К сожалению, наша Красная Армия остается частично деморализованной в результате не вполне удачной войны с Финляндией. Думаем, сегодня желательна еще одна малая война, которая вернет бойцам и командирам уверенность в своих силах.

Молотов, всегда понимавший Хозяина с полуслова, моментально подхватил, заикаясь совсем чуть-чуть:

— Да, бо-боюсь, войны не из-избежать. Турки откоро-откровенно переметнулись на сторону Гитлера, постоянно устраивают про-провокации на нашей границе. Мы не можем терпеть такую наглость по-по отношению к великой державе!

— На севере Турции действуют партизанские отряды, — поддержал его Берия. — Повстанцы просят помощи.

А Климент Ефремович с конармейской прямоотой напомнил, как в двадцать первом году Владимир Ильич — от чрезмерной широты душевной, не иначе — подарил Кемалю Ататюрку немало исконно русской земли вроде Эрзерума и Карса, а тот самый Мустафа Кемаль-паша предал дело революции, снюхавшись с империалистами. Если уж мы смогли воротить утраченные в ходе Гражданской войны куски Украины, Белоруссии, Бессарабии, сказал первый красный маршал, то подавно следовало бы вернуть в лоно России кавказские области. Тут Микоян оживленно поддержал Ворошилова, заявив, что пора наконец отобрать у турков Западную Армению.

— Какая Армения?! — взвился Берия. — Район Артвина, примыкающий к Батуми, должен принадлежать Грузии!

Не дожидаясь окончания застарелых кавказских склок, нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков сообщили, что план операции «Эльбрус» разработан еще зимой.

— Ну, в добрый час, — одобрил Сталин. — Разворачивайте фронтовую группировку, и... — Он усмехнулся. — Очередная провокация обнаглевших янычар станет сигналом к началу войны.

Затем он задумался и, ни к кому конкретно не обращаясь, спросил, кого будем назначать командующим Закавказским фронтом.

Тимошенко торопливо доложил:

— Бывший командующий ЗакВО генерал-лейтенант Ефремов назначен в феврале заместителем генерального инспектора пехоты. Сейчас округом командует генерал-майор Козлов Дмитрий Тимофеевич...

— Генерал-майор на такой ответственной должности? — строгим голосом переспросил Сталин. — Тут маршал нужен... Погодите, какой еще Козлов, какой Ефремов? Помнится, Закавказским военным округом командовал маршал Егоров!

Тимошенко просветил вожда, что маршал Егоров ждет расстрела в подвале у Лаврентия Павловича.

— А, шени деда могитхан... — снова удивился Сталин тактично переходя на родной язык — И давно ждет?

— Третий месяц...

— Приговор пересматривается, — быстро сориентировался Берия. — Появились

сомнения в виновности товарища Егорова. Похоже, что его дело было состряпано провокаторами из банды врага народа Ежова. Мы разберемся.

— Быстрее шевелитесь, — посоветовал Сталин. — Чтоб через неделю Александр Ильич принял фронт.

— Ему ж после кутузки подлечиться надо, — сказал сердобольный Ворошилов. — Вот Рокоссовскому и другим мы аж по два месяца дали, чтоб на курорте оклемались.

— На Кавказе подлечится, — пошутил Сталин. — Там места курортные.

Все посмеялись. Потом аккуратист Маленков заметил, что нужно разработать четкий план агитационно-пропагандистских мероприятий — в частности, подошел бы тезис, что мы освобождаем от чужеземного владычества историческую родину братского армянского народа. Его поддержали, только Калинин сказал, сокрушенно покачивая бородкой:

— Мало там армян осталось, перебили всех в пятнадцатом... Придется их откуда-нибудь привезти. Как евреев в Биробиджан.

— Сами придут, — уверенно сказал Сталин. — Как услышат, что мы, русские, освободили их древнюю прародину — со всего света слетятся. Как мухи на г...

2

Документ № 4

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ОБОРОНЫ СССР

Совершенно секретно

«16» марта 1941 г.

Снятие копий запрещено

Комментарии к стратегическому плану «Эльбрус»

1. Целью операций является разгром турецких войск и освобождение провинций (иллов) Северной Турции...

3. Театр военных действий представляет сильно пересеченную гористую местность, затрудняющую применение крупных механизированных и стрелковых соединений. На советско-турецкой границе имеется всего 4 направления, по которым можно проводить войска: Чорохский, Ахалцихский, Ленинанканский и Куринский проходы...

4. Турецкие войска численностью 12 дивизий и 8 отдельных бригад располагаются преимущественно в крупных населенных пунктах. Дислокация вражеской армии по данным на 14/III-41 показана на карте № 1.

5. Для проведения операции «Эльбрус» разворачиваются 45, 46, 47 и 44-я армии в ЗакВО, а также выдвигаются 19-я и 21-я армии Северокавказского ВО. Общая численность фронтовой группировки составит 2 мехкорпуса, 2 тд, 11 сд, 5 кавдивизий, 8 горнострелковых дивизий. Из Московского, Уральского, Приволжского и Туркестанского военных округов перебрасываются дополнительно 10 танковых, кав., стрелк. и горнострелк. дивизий, а также авиационные части. Всего к 25 марта будет сосредоточено 480 тыс. штыков и сабель, до 1400 танков, 630 самолетов, 2100 стволов полевой артиллерии...

8. Ближайшей задачей Закавказья является стремительный разгром сил прикрытия в составе 4 дивизий и 2 бригад, освобождение городов Артвин, Ардаган, Карс, Игдыр, Каракесе, Сарыкамыш.

9. Последующая задача — удар силами 46-й и 47-й армий в направлении Эрзерума, прорыв мехкорпусов при поддержке 19-й и 21-й армий вдоль черноморского побережья к Трабзону, в то время как 44-я и 45-я армии очищают от противника район озера Ван.

10. Рубеж завершения фронтовой операции: Трабзон — Эрзерум — Муш-Битлис — Джизре. При необходимости допустимо дальнейшее продвижение.

12. Задачи Черноморского флота...

15. Срок готовности — 27 марта 1941 г.

Нарком обороны С. К. Тимошенко

Начальник ГШ Г. К. Жуков

Документ № 5

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

Совершенно секретно

«19» марта 1941 г.

В последнее время правительство Турции занимает откровенно прогерманскую ориентацию. Если зимой германское командование всерьез опасалось вторжения турецких войск силами до 15 дивизий в Болгарию и планировало упреждающий удар на Босфор, то теперь в Берлине и Анкаре ведутся интенсивные переговоры и к лету ожидается подписание договора о военном сотрудничестве между Турцией и Германией. Турция поставляет Германии стратегическое сырье, в частности, хромовую руду. Реакционная правительственная верхушка жестоко подавляет массовые народные выступления антифашистов.

Наиболее активными сторонниками сближения с германским фашизмом являются: президент Исмет Иненю, премьер-министр Шюкрю Сараджоглу, министр иностранных дел Нуман Менеменджоглу, военный министр маршал Февзи Чакмак.

Турецкое правительство развязало неприкрытую подготовку войны против СССР, генеральным штабом разработан план вторжения в республики Советского Закавказья. За 1940–1941 гг. в результате мобилизации численность турецкой армии увеличилась на 1 миллион, т. е. в 5 раз.

Нарком госбезопасности комиссар

госбез 2-го ранга

В. Н. Меркулов

3

Из материалов газеты «Красная звезда»

17 марта. Греческая армия отразила наступление итальянских войск, которое началось 9 марта. Из Афин сообщают, что противник понес огромные потери — главным образом, пленными.

21 марта. Начавшееся позавчера наступление английских войск остановлено. Совершив тактический отход на юг, немцы одновременно нанесли удары по флангам наступающей группировки. Танковые соединения Гудериана и Клейста соединились в районе Отстояна и продолжают продвигаться на север. Тем временем в тылу пехотные части Вермахта завершают создание плотного кольца окружения вокруг отрезанных дивизии противника. Британское командование поспешно отводит войска, пытаясь закрепиться на рубеже реки Туид.

23 марта. Заявление ТАСС. Вчера в районе советско-турецкой границы возле населенного пункта Арташат со стороны Турции был обстрелян советский пограничный наряд. Один из наших пограничников ранен. Ответным пулеметным огнем убиты три провокатора. ТАСС уполномочен предупредить, что в случае повторения подобных провокаций вся ответственность ляжет на правительство Турции.

24 марта. По сообщениям из Берлина, немецкая армия завершила окружение вражеских войск в Центральной Англии. В котле оказались не менее четырех британских дивизий. Остатки королевской армии, усиленные спешно подвозимыми по морю канадскими, австралийскими и новозеландскими соединениями, лихорадочно создают новый оборонительный рубеж в самом узком месте острова — от Карлайла до Ньюкасла.

Ирландия объявила войну Англии, провозгласив своей целью полное освобождение ирландского народа от англо-саксонского колониализма. В Дублине опубликовано заявление премьер-министра республики Имона де Валера, где, в частности, говорится: «Мы намерены

возродить на Британских островах кельтское государство, уничтоженное вторжениями континентальных варваров под водительством Хенгеста и Вильгельма». Части ирландской армии, оснащенные немецким оружием, развернули наступление на Ольстер.

26 марта. Король Великобритании Георг VI отбыл из Глазго в Канаду на борту линкора «Кинг Джордж V». В Лондоне король Эдуард VIII утвердил смертный приговор 30 патриотам, участникам антигерманского партизанского движения. Немецкая армия продолжает ликвидацию английских войск, окруженных в местности между Лидсом и Ланкастером.

28 марта. Вчера в Югославии совершен военный переворот. Новое правительство возглавил командующий ВВС генерал Душан Симович. Объявлена амнистия политзаключенным. Компартия Югославии призвала военных не ориентироваться лишь на Англию и заключить договор о взаимопомощи с Советским Союзом.

29 марта. Заявление ТАСС. Несмотря на неоднократные предостережения Советского правительства, зарвавшиеся турецкие янычары продолжают творить кровавые злодеяния на нашей южной границе. В марте турецкие банды 18 раз обстреливали советскую территорию из стрелкового оружия. Поступают сведения, что в Турции объявлена мобилизация, и Анкара намерена сосредоточить на советской границе почти миллионную армию. Возникла серьезная угроза мирному труду свободных народов Советского Закавказья.

Таким образом, правители Турции не скрывают своих злобных замыслов против СССР и продолжают готовить агрессию. Все усилия Советского правительства мирно урегулировать назревающий конфликт не увенчались успехом по вине турецкой стороны. Ввиду этого ТАСС уполномочен заявить, что с 0 часов 30 марта между СССР и Турцией имеет место состояние войны.

1 апреля. Ирландская армия при поддержке моторизованных подразделений Вермахта захватила город Белфаст. В Дублине провозглашено создание единой Ирландской Республики.

2 апреля. Вчера в Ираке совершен переворот. Оппозиционные панарабистские националисты объявили о свержении английской марионетки шейха Нури-Саида. Власть перешла в руки комитета национальной обороны, возглавляемого Рашидом Али Гайлани. Берлин объявил о готовности оказать военную и финансовую поддержку новому режиму.

4 апреля. От нашего корреспондента в Действующей армии.

Позавчера Карс, старинная русская крепость на Кавказе, освобождена войсками генерала Баронова. Сломив в ходе двухдневных боев сопротивление турецкого корпуса и захватив 14 тысяч пленных, в том числе трех генералов, красноармейцы вступили в Карс. Узкие улочки восточного города были заполнены густыми толпами бедняков, восторженно встречавших бойцов Н-ской горнострелковой дивизии. Вся городская знать, богатые купцы, помещики, прочие буржуазные элементы в панике бежали за несколько часов до прихода Красной Армии. В тот же день освобожденные из тюрьмы коммунисты приступили к управлению Карсом. Командование советского гарнизона выпустило прокламацию, в которой призвало турецких аскеров (т. е. солдат), скрывающихся в горах вокруг города, безбоязненно возвращаться в свои дома.

Сегодня в Эрзеруме объявлено о создании временного революционного правительства Турецкой Народно-Демократической Республики, в состав которого вошли представители левых партий. Президентом ТНДР стал коммунист Гасым Язган, премьер-министром — либерал-демократ Махмуд Теричи, а военным министром — известный вождь повстанческих отрядов Мустафа Кюндюз-паша. Революционное правительство провозгласило свою цель — бороться за полное освобождение турецкого народа от гнета помещиков и капиталистов.

5 апреля. В Москве подписан договор о сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Королевством Югославия. Выступая на церемонии, народный комиссар иностранных дел тов. Молотов предостерег югославских друзей о той опасности, которую представляют хорватские националисты, не желающие выполнять указания Белграда. В

частности, напомнил советский нарком, власти Загреба отказываются выпустить из тюрем незаконно арестованных коммунистов.

4

— Это я понимаю — война. Не то что проклятая «линия Маннергейма», — благодушно выговорил капитан Ладейкин. — Помяните мое слово, мужики, первомайский парад устроим в Стамбуле.

Его вразнобой поддерживали два-три голоса. Остальные молча нежились, развалились на травке. Отсюда, с вершины холма, хорошо просматривались позиции — как свои, так и вражеские. Красная артиллерия методично стегала турецкие траншеи фугасно-осколочными залпами, а со стороны моря маячили сквозь дымку два приземистых силуэта с башнями и мачтами.

— Линкоры подходят! — крикнул кто-то.

Часов меланхолично глянул в бинокль и сказал:

— Крейсера это. «Коминтерн» и «Красный Крым».

— И все-то ты знаешь, — насмешливо присвистнул Ладейкин. — Вроде не служил наш Леха на флоте, а все корабли с закрытыми глазами назвать может.

— Семья у нас морская, — степенно пояснил старший лейтенант. — Дед на флоте в японскую служил, да и сам я год матросил на сухогрузе. А папаня в мировую ходил на этом самом «Коминтерне», еще когда тот «Память „Меркурия“» назывался. И сейчас они с брательником старшим в Северном пароходстве состоят.

Крейсера растянулись кильватером и принялись громить беглым огнем вражескую оборону. Затем из-за линии окопов поползли в атаку коробочки легких танков, за ними поднялись пехотные цепи. Приблизительно через полчаса деморализованные артподготовкой турки уже бежали нестройной колонной по единственной ведущей в тыл дороге, над которой то и дело набухали белесые облачка шрапнельных разрывов. Обгоняя стрелков, устремились в прорыв эскадроны конного корпуса.

— Вроде без нас обошлись, — разочарованно протянул капитан Сорокин. — Обижает танкистов Верховное командование.

— а чего тут делать тяжелым танкам? — резонно проворчал Часов. — Узлов сопротивления приличных нет, танковых частей — отродясь не было, а с пулеметными гнездами и „бэ-тэ седьмые“ управятся. Нас, братцы, держат для какого-то серьезного дела...

Прибежавший ординарец позвал всех в штаб. Полковник Щebetнев ждал их в палатке, где зверски чадила чугунная печурка. На столе была расстелена карта незнакомого побережья.

— Заскучали, соколики? — весело осведомился комбриг. — Здесь мы не понадобились. Враг драпает и до самого Трабзона навряд ли остановится. Комфронта поставил нашей бригаде другую задачу...

Полковник показал на карте: 29-я танковая бригада, развернутая на базе 143-го дивизиона, совершает 100-километровый марш к порту Ризе, где грузится на корабли, которые перевезут десант на южный берег Черного моря. Цель операции — разгром неприятельских войск в районе Босфора и захват всей проливной зоны.

На следующий день старший лейтенант Часов стоял на задней палубе крейсера „Ворошилов“, опасливо поглядывая, не сорвутся ли с креплений танки его взвода. Море было отнюдь не безветренным, корабль плавно переваливался с борта на борт, отчего многие танкисты и пехотинцы чувствовали себя очень неважно и проводили большую часть времени, перегнувшись через леера ограждения. Вперемешку с матерными посланиями слышались нетерпеливые пожелания: скорее бы, мол, добраться до вражьего берега и ощутить под ногами твердую землю.

Часов, как потомственный моряк, переносил качку спокойнее. Забравшись на крышу

кормовой башни, он осматривал в бинокль панораму. Следом за „Ворошиловым“ шел однотипный „Молотов“, в кильватере которого двигался „Красный Кавказ“ — вся тройка новейших крейсеров имела на вооружении дальнобойные пушки калибром в 180 миллиметров. Правее колонны крейсеров резал волну форштевнем линкор „Парижская Коммуна“, а по левому борту обильно коптили небо неуклюжие транспорты с главными силами десанта. Между тем далеко впереди показались из-за горизонта слабые дымки неизвестных кораблей.

Над палубой ударила оглушительная сирена, мелодично звякнули колокольные дробы, забегали краснофлотцы. Башня под ногами Лехи вздрогнула, чуть не сбросив старшего лейтенанта, и развернулась. Длинные орудийные стволы медленно поползли вверх, застыв под углом к палубе градусов примерно в сорок — сорок пять.

— Эй, танкист, так твою расперетак! — изобретательно заорал снизу лейтенант-артиллерист. — Дуй в трюм, здесь сейчас шумно станет.

В укрытие Часов, естественно, не пошел, а поднялся на задний мостик, где собрались младшие командиры крейсера и стрелкового батальона. Молодой моряк снисходительно втолковывал армейцам:

— На перехват нашему конвою турки двинули свой флот. Сейчас мы эти корыта кончать будем.

— „Гебен“ идет? — возбужденно спросил Леха.

— Он самый, — кивнул моряк. — Только турки его как-то по-другому называли, на свой манер.

По рассказам отца, Часов знал ту давнюю историю. В конце четырнадцатого года англичане пропустили в Дарданеллы германский линейный крейсер „Гебен“ и легкий крейсер „Бреслау“, чтобы те создали в Черном море противовес сильной русской эскадре и не подпустили наших к проливам. Под конец Первой мировой войны „Бреслау“ затонул, подорвавшись на плавучей мине, а линейный крейсер остался в Турции, переименованный в „Султан Селим Явуз“, что означало в переводе „Султан Селим Грозный“. И вот сейчас он готовился дать бой Красному Флоту.

Средняя из трех пушек носовой башни с ужасающим грохотом выбросила огромный столб огня, который расплылся густым облаком дыма. Последовала пауза, затем прогремел залп всех девяти орудий. Артиллерия развила бешеный темп стрельбы — не меньше трех-четырех залпов в минуту. Снаряды ложились где-то за горизонтом, и слабенький полевой бинокль Часова не позволял разглядеть результаты канонады. Ответных разрывов тоже не было видно. Тем не менее корабельные пушки продолжали палить — вероятно, стрельбу корректировал экипаж какого-нибудь самолета.

— Чего ж линкор не стреляет? — удивился Ладейкин.

— Далековато для старичка, — объяснил моряк, — на „Паркоммуне“ пушки доисторические, хоть и большого калибра. Наши семидюймовки бьют почти вдвое дальше.

Как бы отреагировав на их критические замечания, заворчали огромные башни линкора. С мачты донесся крик наблюдателя: „Гебен“ горит!» Все, кто был на палубе, в один голос завопили: «Ура!»

Потом вдруг ринулись вперед эсминцы и тральщики, но далеко не ушли, а принялись ходить кругами километрах в пяти от эскадры, и вокруг них лениво вздымались целые горы всклокоченной взрывами воды. Танкисты и пехотинцы сгоряча решили, что малыши попали под вражеский обстрел, и это рвутся турецкие снаряды, но моряки успокоили:

— Это они глубинными бомбами молотят. Не иначе, летуны предупредили, что подлодки пытаются атаковать конвой.

Примерно через четверть часа пришло сообщение, что лодка уничтожена, после чего эскадра, прибавив обороты, двинулась на сближение с противником. Потерявший ход «Султан Селим Явуз» горел очень эффектно, и «Парижская Коммуна» за десять минут прикончила его залпами со средней дистанции. А на горизонте уже проступил смутный силуэт горного хребта Истранджа.

Началась фронтовая рутина. Орудия били по береговым позициям, а тем временем тральщики утюжили дорожку через минные поля. К вечеру транспорты высадили на берег стрелковую дивизию и бригаду морской пехоты, усиленную батальоном легких танков. Уже за полночь крейсера подошли к дощатому причалу в крошечном портовом городке с труднопроизносимым названием. Измученная качкой пехота в радостном остервенении устремилась на сушу, а танкисты еще долго возились, разгружая свои пятидесятитонные машины.

Утром после получасовой артподготовки десантный корпус прорвал поспешно организованную оборону отбросив к югу остатки разгромленной турецкой дивизии. На плечах отступающих бригада тяжелых танков форсировала обмелевшую речушку Риза и ворвалась в селение Решадие.

До Босфора оставалось чуть больше трех десятков километров.

За следующие полтора часа танкисты не встретили ни одного вооруженного турка. Тем не менее бригада постоянно несла потери — машины то и дело выходили из строя по причине всевозможных поломок. К цепочке высот перед самым Стамбулом подошли всего полтора десятка КВ, столько же БТ-7М и батальон мотоброневой бригады.

С холмов по ним ударили пушки, застрекотали пулеметы. Броневики немедленно растянулись в линию, ответив огнем с места, но танки продолжили движение, не обращая внимания на вражеские снаряды. В лобовую броню часовского КВ ударили несколько болванок, однако десять сантиметров прочной стали были надежной защитой. Ухмыляясь, Леха направил танк на высоту, поднялся по склону, проутюжил гусеницами окопы пехотинцев и позицию артиллеристов, расстрелял из пулеметов не меньше десятка солдат-аскеров.

Защитники высот убежали, потеряв полторы сотни убитыми и вдвое больше — пленными. По приказу комбрига танки заняли позиции на обратных скатах, а на гребне расположились броневики. Стрелки торопливо переоборудовали оставшиеся после бегства турков окопы.

— Наши подтягиваются, — весело сообщил лейтенант Баранов.

Из тыла, бодро лязгая траками гусениц, приближались четыре отставших танка и несколько бронеавтомобилей БА-6 — очевидно, экипажи сумели наскоро подремонтироваться. Вместе с ними подошла колонна мотопехоты — на броневиках и грузовиках. Ладейкин, Часов и Сорокин встретили вновь прибывших, нашли КВ своих подразделений, направив танки на участки, где им положено находиться. О продолжении марша речи пока не было: на плоской равнине между холмами и стамбульским предместьем развернулась для атаки вражеская кавалерия — не меньше дивизии.

«Кажется, янычары вздумали броситься на нас в конном строю, — мысленно развеселился Леха. — Точнее, не янычары, а мамелюки. Янычары были пехотинцами...»

Артподготовку противник устроил совершенно несерьезную — вокруг красноармейских позиций разорвалось ничтожное число снарядов, не причинивших вреда броневику и танкам. Разве что на отдельных БА-6 осколками пробило колеса.

В ответ КВ дали несколько залпов осколочно-фугасными, которые легли в гуще изготовившейся к атаке живой силы. Потери там должны были случиться огромные, но турки все-таки пошли вперед.

— Мечта танкиста! — восторженно простонал Часов. — С шашками поперли на броню и пулеметы.

Основная масса конницы нацелилась на центр, но два рукава лавы устремились в обход флангов. Именно на фланге — на правом, поближе к черноморскому берегу, — стояла сократившаяся до трех машин рота Часова. Здесь же занимали позицию вооруженные пушками броневики. На Халхин-Голе эти БА-6 огнем с большой дальности поджигали японские танки «Ха-го», а уж сегодня, против конницы, вовсе были всесильны. Что уж говорить о громадных пушках КВ, стрелявших шрапнельными снарядами.

Первые же выстрелы пушек нанесли плотно скакавшим туркам тяжелейшие потери, а с трехсот метров ударили пулеметы. Потоки огненного металла опрокидывали скакунов и наездников, громоздя на поле кровавый бруствер. Потеряв до трети личного состава, турки развернули коней и во весь опор помчались обратно, провожаемые щедрыми очередями.

Голос комбрига Щебетнева в наушниках Лехиного шлемофона строго предупредил:
— Всем оставаться на местах. В погоню не лезьте.

Время шло к полудню, когда из тыла снова потянулись отставшие, и рота Часова подросла числом до пяти танков.

— Как вы там разобрались? — осведомился Леха у лейтенанта Якименко, командира 3-го взвода. — Турки набегами не беспокоили?

— Нас два броневичка прикрывали, — похвастал лейтенант. — Хуже всех Прокопьеву пришлось — у него трансмиссия рассыпалась. Хорошо, подошла «техничка», начали коробку менять. Может, к вечеру появится.

— Да, зубья на шестеренках жестоко крошатся, — вздохнул Часов. — У меня тоже стук из моторного слышен. Протянуть бы хоть часок на ходу. Ворвемся в город, а там...

Пользуясь передышкой, танкисты пообедали у полевой кухни. По дороге продолжали прибывать — поодиночке и небольшими группами — отремонтированные КВ и БТ. Потом приехали суровые молчаливые люди в мундирах Наркомата госбезопасности, вооруженные короткими автоматами с дисковыми магазинами. Среди них Алексей увидел, к своей радости, Аню Светышеву.

Девушка стояла чуть в стороне от своего подразделения, разглядывая в бинокль подступы к Стамбулу. Леха, естественно, подбежал к ней, щелкнув каблуками. Расхохотавшись, Аня спросила сквозь смех:

— Будет хоть одна война, где я вас не встречу?

— Говорил же — судьба за нас взялась, так что сопротивление бесполезно. — Часов подмигнул. — Это и есть та заграникомандировка, куда мы с вами должны были съездить?

— В Германию отправимся к концу года, когда немцы начнут испытания нового танка, — сообщила Светышева и снова засмеялась. — Помнится, вы все рвались меня проводить до дому. Вот вам возможность — проводите-ка на передовую, надо бы взглянуть на обстановку.

С ними отправились два здоровяка, на петлицах которых имелось по две шпалы. Их звание — старший лейтенант госбез — соответствовало красноармейскому майору. Устроившись под гусеницами часовского танка, чекисты внимательно разглядывали турецких аскеров, с ленцой окапывавшихся в паре километров, на окраине Стамбула.

Потрепанные танковым огнем кавалеристы спешили, на подмогу к ним подошли стрелковые части, кое-где стояли без каких-либо укрытий легкие полевые орудия.

Вскоре к Часову, Светышевой и остальным присоединился полковник — кажется, в НКГБ это звание называлось майор, — хмуро спросивший Алексея:

— Прорвете такую оборону без артиллерийской или воздушной бомбардировки?

— А чего там прорывать? — удивился Часов и продолжил красивой метафорой из любимой книги «Тайна двух океанов»: — «Пройдем насквозь, как горячий нож через масло». Главное — догнать этот сброд, когда они разбегаться будут.

— Ну-ну... — Майор покачал головой. — Будьте наготове. Как только начнется высадка десанта — немедленно в атаку.

Когда старшие командиры ушли, Леха спросил Аню:

— Суровый дяденька. Он — ваш начальник?

— Он самый. — Светышева добавила уважительным шепотом: — Это же сам Эйтингон, главный диверсант Советского Союза. Говорят, он организовал ликвидацию Троцкого. А до этого вроде был резидентом в Турции.

Аня поведала, что задача их спецгруппы — проникнуть в город вместе с первым эшелоном наступающего десанта и произвести аресты главарей режима. Чекистов

интересовала также засевшая в Стамбуле эмигрантская сволочь.

— Серьезное задание, — согласился Леха. — Не боязно?

— Немножко, — призналась она. — А вам?

Рассмеявшись, он под большим секретом сообщил, что временами становится страшно, но пока даже из самых плохих ситуаций удавалось выкручиваться без серьезных неприятностей.

Аня покивала, но слушала невнимательно и нацелила бинокль на юг, Поглядев туда же, Часов увидел приближавшиеся со стороны моря эскадрильи. Наверняка это были дальние бомбардировщики — другим самолетам не под силу преодолеть сотни километров, отделявшие турецкий берег от крымских авиабаз.

— Скоро начнется, — Аня стала отползать.

— Еще увидимся, — предупредил Алексей. — Ты держись поближе ко мне. Все-таки война вокруг, а ты — одна среди стольких мужиков.

Снисходительно поглядев на него, Аня произнесла равнодушным голосом:

— Для врагов у меня есть автомат, а для нахалов — джиу-джитсу. Кого угощу тем или другим, уже не опасны будут.

Высунувшись из люка башни, Леха видел кружившие над Стамбулом громадные четырехмоторные самолеты с красными звездами на широких размашистых крыльях. Эскадрильи бомбили город со средней высоты. Взрывы гремели на обоих берегах Босфора — и в европейской части Стамбула, и в западной, азиатской. Поначалу с земли отвечали слабеньким зенитным огнем, но вскоре батареи умолкли.

Подавив противовоздушную оборону, самолеты снизились, высыпав из люков отряды десантников. Подсчитать количество раскрывшихся куполов Часов не смог, но парашютистов явно было не меньше тысячи. Наверное, высаживался целый полк, а то и не один.

Сзади, где размещался штаб бригады, взлетели красные ракеты. Одновременно сигнал о наступлении был продублирован по рациям. Сотня дизелей, взревев, окутала позицию на холмах облаками сладковатого дыма сгоревшей солянки. Загрохотав гусеницами, танки рванулись навстречу пулеметным очередям и редким неточным хлопкам орудий.

Танки летели, полыхая выстрелами с коротких остановок, и поспешно созданная оборона противника тонула в огне и дыму разрывов. В мутных призмах триплекса мелькнули траншеи, трупы в воронках, опрокинутая пушка с коротким стволом.

— Наводчик, — крикнул Часов. — Слева, у забора, орудие. Осколочным... Механик-водитель, стоять... Огонь!

Башенная трехдюймовка выплюнула снаряд, и вражеская пушка разлетелась вдребезги. Послав пулеметное напутствие убегающим туркам, танк снова рванул по слабо пересеченной местности, обогнал бегущих, потом рассеял отряд кавалерии.

Вскоре они ворвались в трущобы стамбульских окраин. Громя бестолковое сопротивление, давя гусеницами телеги и распугивая стада бродивших по грязным кривым улицам ослов и баранов, танки пересекли город и остановились на берегу пролива. Леха сильно нервничал и успокоился лишь поздно вечером, когда увидел Аню целой и невредимой.

К этому времени стало известно, что турецкое правительство капитулировало.

5

Документ № 6

Советско-турецкий Договор о мире и дружбе

Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Турецкой Республики.
Движимые желанием восстановить состояние мира, традиционно существовавшего

между их Странами, и прекратить состояние войны.

Решили осуществить указанное намерение посредством заключения настоящего Договора...

Статья 2

Состояние войны между Сторонами считается прекращенным с 14.00 по московскому времени 25 мая 1941 года.

Статья 5

Предусмотренные настоящим Договором изменения линии границы между Сторонами, обозначенные на карте № 2, заключаются в передаче Союзу Советских Социалистических Республик следующих илов (провинций) так называемой Западной Армении...

Статья 6

Зона Проливов, включающая береговые укрепления и огневые точки тяжелой артиллерии на берегах проливов Босфор и Дарданеллы, обозначенные на карте № 3, передаются в аренду Союзу Советских Социалистических Республик сроком на 50 лет.

Статья 9

Советские войска остаются в Турции для охраны порядка до 31 декабря 1950 года.

Статья 12

В случае угрозы нападения на СССР с территории Турецкой Республики после 31 декабря 1950 года СССР вправе принять необходимые меры для обеспечения своей безопасности, включая ввод войск на территорию Турецкой Республики...

Из материалов газеты «Красная звезда»

15 апреля. Греческое наступление привело к полному разгрому итальянской армии. Хотя войска Греции почти не имеют танков и авиации, мужественные сыны Эллады продолжают теснить охваченные паникой итальянские дивизии. Наш корреспондент сравнивает это отступление с разгромом итальянского корпуса под Гвадалахарой во время Гражданской войны в Испании.

20 апреля. В связи с окончанием военных действий между СССР и Турцией объявлено о роспуске Временного революционного правительства Турецкой Народно-Демократической Республики. Меджлис (парламент) ТНДР обратился к Верховному Совету Армянской ССР с просьбой включить республику в состав Советской Армении. Одновременно Временный Исполком Артвинского края вошел с аналогичной просьбой в Верховный Совет Грузинской ССР.

24 апреля. Наш корреспондент сообщает из Белграда, что войсковые части, верные центральному правительству Югославии, подавили мятежи хорватских и боснийских сепаратистов.

28 апреля. Британское командование на Среднем Востоке потребовало от иракского правительства впустить на территорию страны 100-тысячную группировку англо-индийских войск, следующих из Индии на египетский фронт. Передовые отряды британцев уже высадились в портовом городе Басра, где были заблокированы армией Ирака.

30 апреля. МИД Германии опубликовал разъяснение по поводу советско-германских отношений. В документе говорится, что размещение мелких тыловых подразделений Вермахта в Финляндии, Венгрии, Румынии, а также в Болгарии не следует считать недружественным шагом по отношению к СССР.

7 мая. ТАСС уполномочен заявить, что сообщения некоторых зарубежных агентств о советско-югославских военных контактах представляют собой злостный вымысел. Незначительные поставки легкого стрелкового оружия не могут представлять угрозы для безопасности нашего германского союзника. По всей вероятности международные провокаторы распространяют подобные измышления с целью внести разлад между Берлином и Москвой.

9 мая. Крупные силы британской армии концентрируются в Палестине для вторжения в Ирак. Британская авиация подвергает бомбардировкам иракские города и деревни.

Сообщается о многочисленных жертвах среди мирного населения Багдада, Басры, Киркука и Тикрита. Сегодня Совет исламского духовенства в Эн-Наджафе объявил священный джихад против англичан.

10 мая. По согласованию с некоторыми дружественными державами Совнарком принял решение оказать военную помощь Ираку, который подвергся агрессии британских колонизаторов. В Ирак передислоцируются отдельные войсковые части РККА, размещенные в Турции. Воздушные десанты уже высадились в городах Мосул, Киркук и Тикрит. Население восторженно встречает освободителей.

11 мая. Премьер-министр Югославии генерал Симович выступил на пресс-конференции, посвященной последним событиям в Албании. Генерал категорически опроверг недавнее заявление Муссолини о том, что в разгроме итальянской армии принимали участие югославские войска, получившие большое количество советского оружия.

12 мая. Кавалерийская дивизия и мотомеханизированные части Красной Армии, совершив марш-бросок от турецкой границы, вступили в Багдад. Огромные толпы трудового арабского населения устроили советским воинам радостную встречу с исполнением национальных песен и плясок. Выступая на митинге перед королевским дворцом, маршал С. М. Буденный сказал, что приход войск РККА гарантирует освобождение народов Ближнего и Среднего Востока от многовекового колониального рабства.

25 мая. В последние дни грандиозное морское сражение разыгралось в Северной Атлантике, где английское командование сосредоточило крупные силы флота в составе 6 линкоров, 2 линейных крейсеров и 2 авианосцев. Боевые корабли обеспечивали походное охранение транспортной флотилии, перевозившей свежие пехотные и бронетанковые соединения из британских доминионов.

Итало-германский флот встретил противника примерно в 500 милях к западу от Фарерских островов. Атаки подводных лодок привели к гибели большого числа транспортных кораблей, линкора «Бархэм», крейсеров «Йорк» и «Экзетер», а также эсминцев. В свою очередь, англичане сообщают о потоплении нескольких германских субмарин. В артиллерийском бою погиб английский линкор «Ройял Соверен», самолеты с британских авианосцев нанесли тяжелые повреждения итальянскому линкору «Кайо Дуильо», который затонул на следующий день. После нескольких воздушных атак, причинивших повреждения линкорам «Бисмарк» и «Шарнхорст», итало-германский флот отошел в норвежские порты.

Таким образом, несмотря на тяжелые потери, англичанам удалось перебросить на фронт крупные резервы сухопутных войск, которые присоединились к защитникам Британских островов.

30 мая. После восьмидневных ожесточенных сражений, сломив сопротивление британцев, германские войска овладели городом Глазго. Продолжаются тяжелые бои на подступах к Эдинбургу. Как сообщают фронтовые корреспонденты различных газетных агентств, английская армия полностью деморализована и на отдельных участках отступает, не оказывая серьезного сопротивления. Отмечаются случаи массовой сдачи в плен — особенно среди колониальных войск. Передовые немецкие отряды продвинулись далеко на север. По неподтвержденным данным, в районе г. Перт капитулировала полностью укомплектованная новозеландская бронетанковая дивизия. В устье реки Тайн немцы захватили два почти достроенных линейных корабля новейшего проекта. В ближайшие несколько суток ожидается полная капитуляция всех британских войск, оставшихся на территории Метрополии.

31 мая. В Карсе (Арм. ССР) открылся судебный процесс над поджигателями антисоветского конфликта. Среди подсудимых — наиболее реакционные представители турецкой военизированной маршала Чакмак, генералы Эрден, Пондуз, Сабис, а также главари буржуазно-эмигрантских шпионско-террористических банд Бакча, Расулзаде, Тоган, Джафероглу, Байкара, Мамедзаде. Воинствующие пантюркисты планировали оккупацию и

порабощение Советского Закавказья и Северного Кавказа, готовили массовое истребление коммунистов, лучших сынов советских народов. В первый день открытого судебного процесса преступники полностью признали свою вину. Государственный обвинитель тов. А. Я. Вышинский потребовал приговорить грязных выродков, отребье человеческой расы к смертной казни через повешенье.

4 июня. Развивая наступление в Шотландии, танковые и механизированные части фельдмаршала Рундштедта стремительным броском ворвались в Инвернесс. Овладев последним серьезным опорным пунктом противника, немцы раскололи фронт защитников Британии, которые больше не смогут оказывать организованное сопротивление.

9 июня. Выступив по берлинскому радио, Гитлер объявил о полной победе над Англией. Отныне, сказал рейхсканцлер, у германской нации нет врагов в Европе. При этом он предупредил население страны, что в других частях света остаются незначительные очаги угрозы. Поэтому, сказал Гитлер, армия и народ, воодушевляемые немеркнущими идеями национал-социализма, должны быть готовы совершить последнее усилие, чтобы окончательно разгромить всех врагов III Рейха.

12 июня. Английские дальние бомбардировщики совершили налет на Берлин с авиабаз на острове Исландия.

6

Поскребышев мотнул головой, указывая на дверь, и маршал Егоров вошел в кабинет. Сталин неторопливо шагнул ему навстречу, протягивая руку.

— От души поздравляю с успешно проведенной операцией, — сказал он с теплыми интонациями в голосе. — Как ваше самочувствие?

Маршал вздрогнул, подозрительно глянув на грозного собеседника. То ли коварный старикашка пытался сделать вид, будто не осведомлен, где провел Егоров предыдущие два года, то ли с высоты его кремлевского уединения подобные людские трагедии виделись неразлично мелкими и не заслуживающими внимания. Видимо, сообразив, о чем должен думать давний фронтовой соратник, Сталин миролюбиво шевельнул улыбчивыми усами, сказав:

— Тех, кто виновен в вашем аресте, мы наказали по всей строгости. Лучше будет поскорее выбросить из памяти это досадное недоразумение.

И он без перехода заговорил об итогах турецкой кампании. Егоров неохотно поддержал эту странную игру, тем более что ничего другого ему не оставалось.

— ...Как вы думаете, Александр Ильич, готова ли наша армия к большой войне с Гитлером? — завершил Сталин недолгий монолог.

— Война, вероятно, начнется следующей весной, — задумчиво проговорил Егоров. — Другими словами, речь должна идти о том, будет ли Красная Армия, *какой она станет через год*, готова воевать с той немецкой армией, *которую будет иметь Гитлер весной — летом сорок второго...*

— Согласен. К тому времени мы полностью доведем до штатной численности матчасть механизированных корпусов, армия получит тысячи самолетов и орудий новейшей конструкции, а на флот поступят новые линкоры, крейсера, эсминцы, подводные лодки...

— Так и Германия не будет стоять на месте. И мы мехкорпуса не успеем подготовить — тут года три нужно... думается, через год, как и сейчас, силы останутся приблизительно равными, то есть исход войны решит не столько количество техники, сколько уровень военного мышления. Немцы воюют чересчур шаблонно, и на этом мы могли бы — и должны! — их обыграть.

Он пояснил свою мысль. Военные кампании, проведенные Гитлеровцами в Европе, продемонстрировали, что германское командование от раза к разу использовало один и тот же немудреный прием: разведенные на фланги танковые группировки наносят удары по сходящимся направлениям, окружая огромные группировки противника, которые затем

ликвидируются силами подоспевших пехотных дивизий. Чтобы противодействовать такой тактике, достаточно заблаговременно выдвинуть против ударных танковых корпусов крупные силы артиллерии, а также механизированные части, обеспечив им надежную воздушную поддержку.

— Разумно, — согласился Сталин. — Но не следует сбрасывать со счетов техническое и огневое превосходство наших танков и самолетов над немецкими. Война против турков вновь подтвердила, что наше оружие много лучше иностранного.

Эти приступы квасного патриотизма были знакомы маршалу. Егоров невольно припомнил похожие разговоры, которые велись в те дни, когда их Юго-Западный фронт наступал на Львов... Тяжело вздохнув, военачальник сказал:

— Увеселительная прогулка к Босфору — неудачный пример. Мы имели дело с противником, практически не располагавшим ни авиацией, ни танками. Для пропаганды с целью повышения боевого духа такие войны, конечно, незаменимы, но опыт сей весьма условен. Ведь там, по существу, тяжелым танкам турки могли противопоставить лишь ослиную упряжку.

Сталин поморщился, но возражать не стал. Несомненно, стареющий волк-одиночка и сам превосходно понимал, что война с Гитлером будет протекать совсем иначе. Глубоко затянувшись, он искоса глянул на Егорова, потом неожиданно сказал, усмехаясь:

— А помните, Александр Ильич, увеселительную прогулку в Польшу двадцать один год назад?.. Эх, если бы не эта сволочь Тухачевский — ведь Львов почти что у нас в руках был!.. — Потом без перехода продолжил: — Надо будет провести перестановки среди высшего комсостава. Жуков — строевой командир, нечего ему в штабах делать, не по коню стойло. Жукова назначим на Киевский округ, а вы примете Генштаб.

— А как же Кирпонос? — насторожился маршал.

— Молодой еще, — буркнул Сталин. — Походит у Жукова первым заместителем, наберется опыта.

Он помолчал, устремив во тьму за окном застывший взгляд и задумчиво покачивая головой в такт потаенным мыслям. Затем вдруг осведомился, нет ли у Егорова каких-либо личных вопросов или пожеланий.

— Есть, — с внезапно проснувшейся злостью сказал маршал. — Почему вы позволили арестовать и осудить меня? Ладно, я допускаю, что Тухачевский, Блюхер, Примаков были врагами... Но меня-то вы знали больше двадцати лет! Вы же понимали, вы не могли не понимать, что я не враг!

Усталым движением ладони Сталин потер глаза, ответил глухим и невнятным голосом:

— Вы все почему-то думаете, что товарищ Сталин всесилен... Поймите: слишком многое зависит от мнения большинства, и товарищ Сталин не всегда может настоять...

— Закон волчьей стаи, — понимающе сказал Егоров.

Молча кивнув, Сталин протянул руку на прощание хмуро глядя в глаза собеседнику, снова повторил:

— Готовьтесь принимать Генеральный штаб, — и добавил: — Помните, что судьба каждого из нас — ничто в сравнении с судьбой социалистического Отечества.

Когда за Егоровым захлопнулась дверь, приветливо-добродушная улыбка мгновенно исчезла с лица Сталина. Вождь был раздражен: история с маршалом болезненно напомнила, что даже он способен ошибаться. В данном случае ошибку смогли исправить, однако неприятный осадок все равно не рассеялся. Каким бы тяжелым характером ни обладал Егоров и что бы ни болтал навеселе, расстрелял он, безусловно, не заслуживал.

С этим камнем на душе Сталин поднял давно лежавшую на столе бумагу, присланную из НКГБ. Приговоренный к высшей мере Мамед-Эмин Расулзаде просил о помиловании, напоминая об их старой дружбе и совместной борьбе против царизма в бакинском подполье. Сталин презрительно прищурился: друзьями они, конечно, никогда не были — просто товарищи по работе. Однако потом Расулзаде предал марксизм, создал националистическую партию «Мусават», участвовал в свержении Советской власти в Закавказье. В 1920 году,

когда 11-я Красная армия вступила в Азербайджан, Сталин спас Мамеда от тюрьмы, устроил на ответственную работу, но Расулзаде предал его вторично и сбежал за границу, откуда продолжал антисоветскую деятельность.

Мелькнула гневная мысль: «Небось мечтал, что его портрет украсит бестолковые купюры национальной валюты».² Безусловно, эта тварь не заслуживала снисхождения. Взяв красный карандаш, Сталин написал на полях прошения: «Собаке — собачья смерть. И. Ст.».

7

План этой операции разрабатывали в глухой тайне почти год. Сначала все наброски шлифовались в штабных документах, а летом флот приступил к тренировкам. Для решения сложнейшей задачи пришлось сконструировать новые боеприпасы и создать основы новой тактики. Последние учения прошли 3 ноября и подтвердили: план удара вполне реален. Вечером, когда самолеты вернулись на базы и корабли собрались в заливе Ариаке, на борт флагманского авианосца «Акаги» прибыл адмирал Исороку Ямамото.

Молча миновав строй офицеров, командующий Объединенным флотом уединился с командиром ударного соединения вице-адмиралом Туюти Нагумо. Спустя полчаса к ним был вызван капитан 2-го ранга Минору Генда — главный автор плана внезапного воздушного нападения на Пёрл-Харбор.

— Поздравляю, Минору-сан, — сказал Ямамото. — Ваша работа — выше всяких похвал. Завтра в Токио собирается командование императорского флота, и я доложу о полной готовности.

— Молодой человек должен быть счастлив, — добродушно улыбнулся Нагумо. — Но он не выглядит счастливым.

— Нет причин радоваться... — запальчиво начал Генда.

Командующий Объединенным флотом прервал его, недовольно поморщившись:

— Вы опять об этом... Кажется, я уже объяснял ситуацию.

Руководство Генштаба, возглавляемое адмиралом Осами Нагано, считало бросок авианосного соединения на Пёрл-Харбор полной авантюрой. Воспитанные в доисторических традициях военачальники предпочли бы начать войну на южном направлении, захватив богатые нефтью и другими природными ресурсами Филиппины, Индонезию, Сингапур и Малайю. И лишь затем, если Соединенные Штаты, обидевшись, осмелятся объявить войну Стране восходящего солнца, дать решительный бой американскому флоту на ближних подступах к Японии.

Именно эта точка зрения едва не победила в конце сентября. Любивший национальную риторику Ямамото устал повторять родившийся экспромтом афоризм: «Ядовитую змею надо убить, когда она спит в тени сакуры». План Генды был принят исключительно благодаря настойчивости Ямамото, который пригрозил отставкой, добавив: «Пока я команду флотом, лишь я буду решать, как должен действовать флот».

— Прекрасно понимаю ваши трудности, господин адмирал, — с напускной почтительностью произнес Генда, после чего упрямо продолжил: — Но только вы способны растолковать старым маразматикам, что одной лишь бомбардировкой мы не сможем обезоружить Америку.

Он вновь повторил свои аргументы. Бухта Пёрл-Харбора мелководна, поэтому американцы смогут быстро поднять затопленные корабли, отремонтируют их и снова введут в строй. Уже через год, если не через полгода, сила вражеского флота будет восстановлена, а тем временем верфи Нью-Йорка и Норфолка закончат строительство новых линкоров и авианосцев.

² Вождь угадал: в реальности, известной большинству читателей, на купюрах постсоветского Азербайджана достоинством в 1000 манат имелся портрет М. Расулзаде. В народе эти купюры называли «лысый».

К тому же, добавил Генда, весьма сомнительно, чтобы удалось потопить все корабли на базе. Американцы швартовали свои линкоры парами — борт к борту. Торпеды могут поразить лишь тот из кораблей, который стоит одним бортом к акватории бухты. Но спаренный с ним линкор, зажатый между причалом и внешним кораблем, останется доступным исключительно для удара бомбами, которые не обладают нужной разрушительной силой.

— Мы уже много раз обсуждали этот вопрос, — со вздохом сказал Ямамото. — Армия будет занята захватом южных архипелагов. Командование сухопутных сил не сможет выделить нам необходимого числа пехоты и танков.

— Генералы приbedняются, как нищий возле храма Ясукуни Дзиндзя в праздник поминовения предков, — презрительно бросил Генда. — Мы с вами моряки, поэтому поверили их причитаниям, но позавчера я случайно встретил пехотного майора, с которым познакомился, когда воевал в Китае. Он долго смеялся, услышав, что в армии нет свободных войск. По его словам, огромная Квантунская армия без дела стоит в Маньчжоу-Го. Эти дивизии будут прохлаждаться еще не меньше года, пока не начнется война с большевиками. Пусть дадут нам пехотную дивизию облегченного состава и несколько танковых батальонов. Вполне достаточно, чтобы захватить остров Оаху.

Генда на память перечислял американские войска дислоцированные на Гавайских островах в подчинении генерала Уолтера Шорта. Всего гарнизон насчитывал около 40 тысяч офицеров и солдат, причем немалую часть этих сил составляли тыловые подразделения, летчики, средства ПВО и береговой обороны, неспособные дать отпор японской пехоте. Тем более — под ударами самолетов полковника Футиды.

— Захватив Гавайи, мы получим богатые трофеи в виде поврежденных американских кораблей. — Как азартный игрок, Генда бросал на стол последние козыри. — Мы сами отремонтируем их и получим несколько линкоров и авианосцев. Кроме того, в нашем распоряжении окажется база, с которой мы сможем угрожать Американскому континенту. В противном случае флот Штатов, базируясь на Гавайях, будет угрожать Японии.

Покачивая головой, 57-летний Ямамото сверлил суровым взглядом 36-летнего морского летчика. Минору Генда был весьма талантливым офицером и, как все талантливые люди, обладал несносным характером. Разговор о высадке десанта с целью овладения стратегически важным архипелагом начинался неоднократно, и всякий раз они не могли достигнуть взаимного понимания.

— Поймите, Генда, мы сделали все возможное, — отеческим увещающим тоном заговорил адмирал. — Нам удалось убедить множество военачальников старой школы, которые еще месяц назад даже слышать не желали о столь дерзкой операции. Вы не представляете, скольких сил стоило мне объяснить им: чтобы спокойно возделывать поле, надо сначала убить тигра из соседней пещеры.

— Мало убить тигра, — возразил Генда, вскинув подбородок — Надо забраться в его пещеру и взять тигрят. Иначе к весне они вырастут и станут пожирать наших буйволов.

Теряя терпение, командующий Объединенным флотом повторил: дескать, даже его влияния недостаточно, чтобы провести через Генштаб подобную авантюру. На это Генда ответил, что война есть авантюра по своей сути и что адмирал Ямамото уже сумел выбить из старых токийских развалин множество уступок, поэтому ничего не стоит потребовать включения в план операции пункта о высадке пехотной дивизии с подобающими средствами усиления.

Неожиданно старый больной Туюти Нагумо, которого все считали безнадежным ретроградом, примирительно произнес:

— Уважаемый Исороку-сан, в словах молодого человека содержится драгоценное зерно истины. Вспомните нашу молодость, когда мы сражались под флагом великого Хэйхатиро Того.

— Внезапная атака на русский флот в Порт-Артуре была шедевром стратегического мышления, — согласился Ямамото. — Атакуя Пёрл-Харбор без объявления войны, мы

продолжаем гениальную стратегию учителя.

— Не совсем так... — Нагумо тонко улыбнулся. — Внезапно ударить и убежать — это типично азиатская тактика, но теперь мы готовимся сражаться против европейских армий, поэтому должны подняться над привычными методами ведения войны. Если бы в тот год адмирал Того ограничился торпедной атакой, успех улетучился бы вскоре, как туман, уносимый утренним бризом. Через два-три месяца медведь зализал раны, вернув в строй поврежденные торпедами корабли. Успех битвы был решен десантом, и Порт-Артур был взят с суши армией генерала Маресукэ Ноги. В противном случае русская эскадра дождалась бы прихода подкреплений с Балтики, и тогда исход войны повис бы на волоске.

Ямамото и сам не раз думал об этом, и поддержка Нагумо пришлась весьма своевременной. После недолгих размышлений командующий поинтересовался, как видит Генда наземную операцию. Как он и ожидал, капитан 2-го ранга плохо разбирался в тактике сухопутных операций — по мнению морского летчика, для разгрома деморализованного американского гарнизона вполне хватило бы 10 тысяч пехотинцев.

— Это вам не в Китае неумелых пилотов сбивать, — пошутил адмирал и добавил серьезно: — Нужно будет тщательно проработать диспозицию, выбрать участки высадки войск, договориться с командованием армии организовать тренировку подразделений на похожей местности. У нас остается очень мало времени.

Лицо Генды расплылось торжествующей улыбкой. Честолюбивый пилот уже представлял бухту Пёрл-Харбора, в которой горят все три авианосца и дюжина линкоров. Впрочем, спустя минуту он вдруг понял, что немалая часть славы достанется другим людям: тому же нерешительному старику Ямамото, глупому больному Нагумо и неизвестному пока генералу, которому будет поручено командовать десантом. Хотя для настоящего самурая подобные соображения не должны играть никакой роли...

Окрыленный новыми надеждами, Генда попросил разрешения идти. Ямамото отпустил его с улыбкой — адмирал давно симпатизировал этому летчику, да и вообще старался делать ставку на дерзкую молодежь. Безусловно, Генда был безумен, однако совершить задуманное ими мог лишь отчаянный фанатик, воспитанный в подлинно самурайском духе и готовый на любое безумие во славу императора и японского оружия.

8

Из материалов газеты «Красная звезда»

8 ноября. По сообщению военного ведомства США, производство танков для американской армии непрерывно растет и достигло уровня нескольких сотен за месяц. При этом с конвейеров сходят главным образом новые танки типа «Стюарт» и «Генерал Ли». Вашингтонские генералы считают, что эти машины по боевым качествам не уступают немецким танкам.

9 ноября. В Ньюпорте прошла церемония вступления в состав Кригсмарине трофейных британских кораблей. В присутствии главкома германского ВМФ гросс-адмирала Эриха Редера подняты флаги III Рейха на авианосцах «Рихтгофен» (бывший «Индомитебл») и «Валькирия» (бывш. «Имплэкебл»), линкорах «Мольтке» (быв. «Дьюк оф Йорк») и «Фридрих Барбаросса» (бывш. «Джелико»). Большинство кораблей закончили постройку и готовы к выходу в море на испытания.

10 ноября. Министр иностранных дел Германии И. Риббентроп ответил отказом на просьбу НКВД СССР о выдаче Советскому Союзу британских политиков, виновных в развязывании военной интервенции против РСФСР в 1918 году. Риббентроп заверил в нерушимости советско-германского союза, однако повторил, что судебный процесс над английскими, французскими и польскими поджигателями двух мировых войн состоится в Лондоне в самое ближайшее время. В письме рейхсминистра говорится: «Наши русские друзья могут не сомневаться, что национал-социалистское правосудие сурово покарает врагов цивилизации».

12 ноября. Итало-германские войска под командованием генерала Роммеля начали наступление из района Эль-Аламейна. После массовой артподготовки механизированные части Африканского корпуса прорвали оборону английской армии, развивая наступление в направлении Каира. В воздушных боях сбито 9 британских самолетов, немецкие бомбардировщики наносят непрерывные удары по колоннам отступающих. Берлинское радио сообщило, что в первый день наступления полностью разгромлена 7-я британская бронетанковая дивизия «Крысы пустыни». Англичане сообщают о 8 сбитых немецких самолетах и большом количестве уничтоженных танков.

14 ноября. После продолжавшихся несколько недель непрерывных бомбардировок немецкие войска высадили воздушные и морские десанты на остров Мальта.

17 ноября (сообщения из Северной Африки). Вчера утром итало-германские войска, подавив сопротивление деморализованных колониальных дивизий, полностью заняли Каир и его окрестности. Геббельс сказал, выступая по радио, что взято в плен свыше 60 тысяч англичан, индусов, египтян и кенийцев. Командующий британской армией генерал Арчибальд Уэйвелл застрелился.

Особую озабоченность Берлина вызывает судьба оставшихся кораблей Средиземноморского флота Англии, которые после падения Александрии базировались на Порт-Саид. Как пишет газета «Нью-Йорк Таймс» днем 16 ноября эскадра вышла в море, и с тех пор о ее местонахождении ничего не известно. При попытке пройти в Красное море через Суэцкий канал затонули легкий крейсер и эсминец англичан, которые подорвались на выставленных немецкой авиацией плавающих минах.

По мнению военных обозревателей разных стран английские корабли не смогут уйти Суэцким каналом, то есть заперты в Средиземном море. В Риме и Берлине считают, что адмирал Эндрю Каннингхэм может остановиться на любом из трех возможных решений: сдаться на милость стран «оси», затопить свои корабли, либо — попытается прорваться в Северную Америку через Гибралтарский пролив и Атлантику. В настоящее время самолеты союзников установили усиленное наблюдение над западной частью Средиземного моря, к Гибралтару стянуты главные силы итальянского и немецкого флотов.

20 ноября. Сегодня на рассвете в Дарданеллы вошли корабли бывшего британского флота, покинувшие занятые неприятелем базы на Средиземном море. В составе эскадры два линкора — «Малайя» и «Вэлиант», крейсера «Феб», «Аякс» и «Пенелопа», а также эскадренные миноносцы, подводные лодки и войсковые транспорты. Командующий эскадрой адмирал Э. Каннингхэм обратился к командованию Красной Армии с просьбой интернировать корабли и предоставить политическое убежище личному составу. Представитель советского командования заверил английского адмирала, что просьба будет незамедлительно передана в Москву. В настоящее время корабли находятся под охраной подразделений Черноморского флота.

27 ноября. Сегодня в Лондоне открылся судебный процесс над главными виновниками мировой войны. На скамье подсудимых — бывшие премьер-министры Великобритании Чемберлен и Болдуин, военные министры Марджесон и Купер, лорд-хранитель печати Эттли, начальники имперского Генштаба Айронсайд и Паунд. Также преданы суду французские политики: бывший премьер-министр Даладье, министр иностранных дел Боннэ, главнокомандующий Гамелен, генеральный секретарь Социалистической партии Фор и министр авиации Ля Шамбр. Из польских поджигателей войны попали в руки англо-германского правосудия бывший президент «профессор» Игнатий Мосьтицкий, фактический диктатор панской Польши маршал Рыда-Смиглы, глава МИДа Бек и начальник Генштаба Стахевич.

Ночной Берлин встретил их салютом зенитных залпов и оркестром сирен. Когда стало известно о начале налета, поезд задержали в десятке километров от столицы Рейха — где-то между станциями в районе Зееловских высот. Пассажиры, покинув вагоны,

рассредоточились вокруг состава.

На их удачу, поезд не бомбили, поэтому все вдоволь налюбовались феерическим зрелищем: лучи прожекторов чесали небо подобно зубьям громадного гребешка, в облаках над закутанным вуалью затемнения городом вспыхивали огненные шары зенитных снарядов, сверкали взрывы бомб, высвечивая контуры зданий, в разных частях Берлина начинались пожары. Кроме бомб, с покрытого тучами неба падали горящие комки — наверное, сбитые бомбардировщики.

Потом стрельба сделалась потише, и Аня, словно спохватившись, спросила Часова:

— Может, англичан от города отогнали и теперь они наш поезд в поле увидят?

— Наверяд ли увидят, — успокоил ее Леха. — Стоим в полном затемнении. Черное на черном не видно.

Вскоре взрывы прекратились вовсе, спустя еще немножко времени прогудел паровоз, а кондукторы засвистели в свистки и стали кричать по-немецки.

— Зовут по вагонам, — перевела Светышева. — Через четверть часа отправляемся. Отставших ждать не будут.

В вагоне, собрав небольшую делегацию представителей военных наркоматов, сотрудники НКГБ устроили последний инструктаж. В фашистском государстве, говорили чекисты, следует ждать любых провокаций проявляя особую бдительность. Наверняка немцы будут задавать коварные вопросы, чтобы выведать как можно больше про новое оружие Красной Армии. Отвечать надлежит уклончиво, потому как задача делегации узнать побольше о вражеской технике, но поменьше сказать о своей.

Кроме того, наставляли работники компетентного ведомства, за делегацией обязательно будут присматривать агенты гестапо и других шпионских контор. Поэтому, если подойдет на улице незнакомый немец и начнет говорить: дескать, он член компартии, лично знаком с товарищем Тельманом, отсидел три года в концлагере и намерен передать особо важные сведения для родины пролетариев всего мира — не сомневайтесь, это гестаповец. И уж подавно следует гнать поганой метлой бывших денкинцев, врангелевцев, махновцев и прочих белоэмигрантов, которые все поголовно состоят на жалованье в тайной полиции.

— Уж чему-чему, а бдительности мы научены, — усмехнулся Колька Антощенко.

Укоризненно покосившись на давнего приятеля, Аня продолжила:

— Эсэсовцы любят развлекаться, приветствуя наших товарищей своим гавканьем — «Хайль Гитлер». Если побрезгуешь ответить — лезут в драку, а потом скажут, будто не знали, что с советскими людьми встретились. Поэтому рекомендуется в таких случаях отвечать созвучным выражением «хальб литер», то есть «пол-литра».

Скоротав начало ночи политмассовой работой, они прибыли на вокзал Александерплац, где делегацию военных и оружейников встретило множество приветливых немцев, одетых в армейские, эсэсовские и партийные мундиры. Советских коллег отвезли в гостиницу. И портье таинственным голосом поведал, что до концлагеря был активистом компартии, а потому готов выполнить любое конспиративное задание дорогих «советише камраден».

Утром Часова, Светышеву и других «танкистов» повезли на набережную Тирпица, 72, где до 1938 года размещалось Военное министерство, а теперь — ОКВ, Верховное командование Вермахта, ОКХ — Главное командование Сухопутных войск и ОКМ — Главное командование флота. К гостям приставили майора танковых войск Гюнтера фон Бутова, успевшего заслужить два Железных креста — в Польше и Британии.

Гюнтер прекрасно говорил по-русски — по словам майора, он родился в 1908 году на Украине, и его семья репатриировалась в Фатерланд уже после Гражданской войны, в голодном 1923 году. В начале 30-х лейтенант Рейхсвера фон Бутов был послан в СССР — под Казанью работала танковая школа, где советские и германские военные втайне от Антанты создавали механизированные войска.

Советской делегации показали двухчасовой кинофильм о действиях немецких

танковых соединений на Британских островах. Часов с удивлением узнал, что в Вермахте нет танков Т-1, Т-2, Т-3 и Т-4, о которых регулярно писали газета «Красная звезда» и журнал «Военный зарубежник». В действительности немцы называли свои танки «панцеркампфваген», то есть «бронированная военная машина», или просто «панцер», а типы боевых машин обозначались Pz.I, Pz.II, Pz.III и Pz.IV. Впрочем, Гюнтер небрежно называл танки «сундуками».

— Пы-зы-четыре... — Леха попробовал слово на язык. — «Пы-зы» звучит неприлично.

Если судить по кадрам кинохроники, вооруженные лишь пулеметами легкобронированные Pz.I и Pz.II годились только против пехоты и конницы противника. В башне Pz.III стояла малокалиберная пушка, поэтому машина с грехом пополам могла действовать против легких танков вроде устаревших красноармейских БТ и Т-26. Чуть получше выглядел Pz.IV разных модификаций. Этот панцеркампфваген весом в 17 тонн оснащался короткоствольным 75-мм орудием и карбюраторным двигателем мощностью около 250 лошадиных сил.

«Для наших новых машин — не противник, — пренебрежительно подумал Часов. — Да и БТ последних выпусков побьют его запросто». Он прикинул, что снаряд слабенькой пушечки, вылетающий из короткого ствола со скоростью 385 метров в секунду, сможет пробить броню KV или Т-34 с дистанции не больше 200–300 метров. А вот советские танки превратят этого недомерков груды пылающей жести как бы не с двух километров.

Он с большим интересом смотрел на экран, где колонны Pz.III и Pz.IV совершали марши, разворачивались в линию машин, расстреливая неуклюжие английские танки, давили артиллерийские позиции, громили огнем пехоту и кавалерию. Только тяжелые британские танки «Матильда» и поставляемые с другого берега Атлантики «Гранты» оказались не по зубам для «пы-зы». Когда на поле брани появлялись современные машины, немцы несли ощутимые потери и отступали, а по вражеским танкам начинали лупить противотанковые орудия и длинноствольные 88-мм зенитки.

Досмотрев фильм до последнего титра, Леха пришел к неожиданному выводу: победы германских танкистов достигнуты вовсе не за счет превосходства «пы-зы» над английской или французской техникой. Причиной успехов Вермахта были, скорее всего, блестящая выучка личного состава, железная дисциплина в войсках и тактическое мастерство командиров. Что до танковой техники, то назавтра немцы обещали устроить демонстрацию Pz.IV на полигоне Куммерсдорф.

После обеда их повезли кататься по городу. Сопровождающий возмущенно рассказывал о варварстве англичан, которые бомбят жилые кварталы Берлина, Дрездена, Гамбурга и других мирных городов Рейха. Под конец экскурсии советским гостям показали обломки сбитого накануне бомбардировщика «A.W.38 Whitley», прилетевшего с исландской авиабазы.

Сфотографировавшись на фоне самолета, они уговорили приставленного гестаповским начальством гида заглянуть в хорошие магазины, где продают провиант и одежду. Товары действительно оказались добротными. Обзаведясь новым костюмом, платьями, кофточками и босоножками, Аня сразу заторопилась в гостиницу — примерять покупки. Женщина, она и есть женщина, в каком бы наркомате ни работала!

Потом был поход по музеям, потом — ужин в гостиничном ресторане, шикарная пивная, представление в варьете. Нескончаемую череду развлечений прервали сирены воздушной тревоги. Громадный город мгновенно погрузился в темноту, на окраине захлебывались неличным кашлем залпов зенитные дивизионы. Впрочем, отбой объявили довольно скоро — английские «Галифаксы» и «Уитли», потеряв три самолета, малодушно отбомбились вдали от Берлина.

Сразу после сигналов отбоя гостей III Рейха повели в кинотеатр, объявив, что специально для них перевели на русский язык фильм о 6-м съезде партии. Поначалу все решили, что речь идет о знаменитом 6-м съезде РКП(б), на котором товарищ Сталин

провозгласил гениальную идею о возможности социалистической революции в России, а затем было принято историческое решение о вооруженном восстании. Однако уже после первых же кадров стало понятно: им крутят документальное кино про съезд НСДАП.

Голос диктора звучал мрачно и зловеще: «Сентябрь 34-го года — 20 лет после начала мировой войны, 16 лет после начала страданий немецкого народа, 19 месяцев после начала возрождения Германии. Адольф Гитлер вылетел в Нюрнберг, чтобы снова встретиться со своими верными соратниками...»

Большую часть времени показывали отдельные митинги — штурмовиков, молодежных активистов и других отрядов нацистской партии, в том числе СС. Последние пока не носили оружия — наверное, это был последний парад безоружных эсэсовцев.

Гитлер на экране появлялся часто и много выступал, потрясая кулаками. Речи его показались Алексею бессвязным набором демагогических лозунгов: «Вы должны быть готовы к самопожертвованию и никогда не сдаваться... Здесь собраны лучшие представители германской нации... Каждый должен стремиться в ряды партии, но лишь лучшие из лучших достойны состоять в партии... Мы смотрим вперед — там марширует Германия, мы смотрим назад — там тоже Германия...» Каждые его выкрик приводил огромные толпы в восторг и возбуждение, мастерский гол, забитый в ворота противника.

Возможно, для немцев эти слова что-то значили, но Часов заскучал задолго до середины фильма. Проникся Леха лишь однажды — когда Гитлер сказал, что понять немцев сможет лишь народ, переживший подобное же унижение. Что ж, поражение в мировой войне и последующее торжество победителя — страшное испытание в котором могут родиться чудовища пострашнее самовлюбленного не слишком грамотного вождя в унтер-офицерском звании. Если уж Гитлер сумел поднять из руин огрызок вильгельмовской империи, то жутко представить, что смог бы сделать умный руководитель большой и богатой, но униженной поражением державы...

После кино советской делегации предложили гулянуть в заведении, которое славится отличным шнапсом и кушаньями из свинины. «И микрофонами в каждом столе», — шепнула Аня. Коля Антощенко поспешно ответил: дескать, все устали, пора по кроваткам.

Когда вернулись в гостиницу, Часов одобритительно заметил:

— Богато живут фрицы. Да и чего бы не жить — вся Европа на них пашет.

— Вот именно, — согласился авиаконструктор Яковлев. — Только надо и немцам должное отдать. Работящая нация, блестящих инженеров готовят.

Достав из чемоданов привезенные с собой бутылки национального напитка и разные закуски, члены делегации приложили к этому натюрморту купленные в Берлине копчености. За стопкой водки потекла неторопливая деловая беседа. А если гестаповцы их подслушивают — так и хрен с ними, пускай мотают на ус. Ничего важного все равно говорить никто не намерен.

— Нам сегодня на заводе Мессершмитта новый истребитель показали, — сообщил Яковлев и выразительно поморщился: — Машина как машина. Немцы уверяют, что ничего лучше у них нет.

— а как на ваш взгляд? — поинтересовался прикрепленный к нему чекист.

Подмигнув, конструктор ответил: дескать, наши И-16 этому «мессеру» в подметки не годятся. Народ заулыбался. Все понимали, что ветеран И-16 — вчерашний день советского авиастроения.

— Про танки ничего сказать пока не могу. — Часов развел руками. — Фильм был интересный, но куда интереснее — что завтра увидим.

— Хорошо бы посмотреть новые патефоны, про которые нам в Москве рассказывали, — задумчиво произнесла Светышева.

На условном языке, которым они пользовались, «патефонами» называли новые системы немецкого оружия. Сведения об этих образцах поступали в СССР по линии госбезопасности и Разведуправления Красной Армии.

— Обязательно зайдите в магазин, — согласился Антощенко.

Николай буквально сиял. Крейсер «Петропавловск», достройкой которого он занимался весь последний год, стоял в порту Вильгельмсгафен, и немецкие корабли доделывали последние мелочи вроде наладки радиолокаторов. Завтра, поделился радостью Антощенко, крейсер проведет испытательные стрельбы по морским и воздушным целям. А потом — домой, на Дальний Восток. И первую башню с пятнадцатидюймовками для «Кронштадта» уже погрузили на баржу, через неделю на заводе будет.

— Все вроде бы неплохо, — согласилась Аня. — Принимают нас вполне дружелюбно. Одно смущает — то, про что мы говорили, когда Варшаву проезжали.

Она имела в виду их разговор в вагоне-ресторане. Все помнили, что сказал Гитлер, объявив о победе над Англией. Туманные намеки насчет врагов за пределами Европы немецкая пропаганда разъяснила, как обещание покончить с остатками британской армии в Австралии, Африке и Северной Америке. Но слишком уж возможным казалось, что Гитлер имел в виду Советский Союз, который он и прежде называл азиатской страной...

Провести ночь в номере Часова, несмотря на его настойчивость, Аня решительно отказалась. Больше того, она долго стыдила Леху: дескать, что фашисты подумают про нас и вообще про моральный облик советского человека. Понимая бесполезность уговоров и возражений, Алексей тяжело вздыхал. Воспитание «товарища Тихого» было непробиваемой преградой. Все равно как лобовая броня КВ, от которой отскакивают снаряды вражеских пушек.

Вместе с завтраком официант предложил газеты — «Дас Райх» и «Фелькишер беобахтер». Аня просмотрела оба издания, обнаружив любопытную статью, написанную в гневном ключе, которую немедленно перевела для остальных.

Речь шла о вдовой крестьянке, недостойной называться настоящей немкой. Поддавшись зову плоти, эта гадкая женщина вступила в сожителство с батраком из числа польских военнопленных. К счастью для здоровья германской нации, бдительные всезнающие соседи сообщили куда следует об этом возмутительном расовом злодеянии. Поляк был отправлен в концлагерь, а вдова живет в позоре, осуждаемая всей округой.

Комментариев не требовалось. Все понимали, сколь далека от сахарной даже очень сытая жизнь в государстве, где торжествует ублюдочная расовая теория. Хоть и с трудом, но можно было поверить, что десятки миллионов немцев и австрийцев одномоментно прониклись идеями национал-социализма. Однако идиотские байки о чистоте арийской крови выходили за рамки обычной шизофрении.

Вскоре появился настоящий ариец — майор фон Бутов. Часова, Светышеву и двух инженеров с Кировского завода посадили в автобус, который должен был отвезти танкистов на полигон. По пути они сделали остановку возле другой гостиницы, и в автобус вошли еще два пассажира — седой немец и молодая японка. Сухо буркнув «Гутен морген», — они устроились на задних сиденьях переговариваясь на незнакомом гортанном языке.

Когда выехали за город и машина, оставив солнце по левому борту, устремилась вдоль автобана в южном направлении, Гюнтер пустился в воспоминания о двух годах войны. Его рассказы о недавних сражениях в Польше и Франции примерно совпадали с теми представлениями, что сложились у Часова, следившего за этими событиями по советским военным журналам. Оснащенные устаревшим вооружением армии покойной Антанты ничего не могли противопоставить бронированной лавине Вермахта. Даже суперлегкие Pz.I и Pz.II без труда проходили сквозь массы французской пехоты и польской кавалерии. Нечастые и плохо организованные контратаки французских танков не причиняли немцам серьезных осложнений.

— Англичане дрались чуть лучше — все-таки нордический народ, — с энтузиазмом говорил немецкий майор. — Но их танки были намного слабее наших. Я дважды участвовал в глубоких прорывах — когда мы прижали ораву «томми» к Дюнкерку, а потом — уже на острове — наш батальон ворвался в Ньюпорт, где мы захватили множество почти достроенных кораблей, включая три авианосца... У всех нас — и у солдат, и у офицеров —

появилась уверенность, что немецкий воин сильнее любого врага.

Неожиданно сидевший позади пожилой спутник японки произнес на хорошем русском языке:

— Очень опасная иллюзия, майор. Если солдат глупо верит в свое превосходство, то при столкновении с мощным противником может растеряться.

— Вы правы, герр Зорге, — сухо признал фон Бутов. — Однажды в Шотландии англичане атаковали нас крупными силами. У них было много танков «Матильда» и «Грант», против которых оказались бессильны снаряды наших «сундуков». Солдаты дрогнули, целая гренадерская дивизия отступила в панике.

Насупившись, майор замолчал и не раскрывал рта. До самого Куммерсдорфа. Между тем загадочный обладатель седин и японки завязал любезную беседу с советскими гостями. Оказалось, что Рихард Зорге тоже Родился в России, в семье немца-нефтепромышленника, а теперь работает в Японии корреспондентом германского газетного концерна. Молодую даму по имени Мияко он назвал своей помощницей.

На полигоне Светышева в очередной раз напомнила о бдительности:

— Будьте предельно осторожны. Этот Рихард — очень подозрительный тип.

— Тут со всеми надо быть начеку, — проворчал инженер-кировец. — Куда ни плюнешь — или коммунист из концлагеря, или выходец из России.

Началась демонстрация техники, и Часова ждал неприятный сюрприз. «Патефонов» оказалось даже больше, чем предупреждала разведка.

Сначала немцы показали последнюю модификацию среднего танка — Pz.IV F с усиленной бронезащитой и удлиненным в полтора раза стволом 75-мм пушки. Такая машина по боевым качествам почти сравнялась с Т-34, хотя КВ все-таки сохранял неуязвимость на средних дистанциях. Впрочем, сравнительно слабая пушка «Клима Ворошилова» делала преимущества советского танка несущественными — КВ все равно не мог пробить с больших дистанций пятисантиметровую броню нового «пы-зы».

Пара Pz.IV F резво носилась по колдобинам и осенней слякоти, тяжело преодолевая рвы и стенки. «Узкие гусеницы, — подметил Алексей. — У наших танков проходимость получше». Поинтересовавшись, нельзя ли осмотреть машину изнутри, Часов получил разрешение, хотя совершенно на это не надеялся. Он тщательно изучил приборы и был морально убит: немецкая оптика несравненно превосходила по качеству советские образцы. Триплексы и прицелы давали прекрасный обзор — никакого сравнения с мутностью, которая изводила экипажи КВ и Т-34.

— Не желаете за рычагами посидеть? — осведомился Гюнтер.

— Я бы пострелял, — ляпнул Часов.

Майор улыбнулся и велел механику-водителю уступить место русскому гостю. Сам фон Бутов сидел на башне и подсказывал Алексею, что надо делать.

— Не давите слишком сильно, — посоветовал майор, наблюдая старания Часова. — Эта машина очень легка в управлении.

Действительно, «панцер» послушно реагировал на малейшее перемещение рычагов, которые не требовали приложения чрезмерных усилий. Снова сравнение не в пользу советских машин, в которых танкистам приходилось наваливаться на тугие рычаги всем телом, подчас ломая себе ребра.

Покружившись по разным участкам полигона, Леха привел вражескую машину к стрельбищу, где стояли изрядно покореженные английские «Конкерор» и «Матильда». Гюнтер пригласил Часова в башню, и они, поочередно нажимая гашетку электроспуска, всадили по дюжине снарядов в каждый трофейный танк.

Самолюбие советского капитана снова было задето. Если обычные бронебойные болванки оказались не слишком мощными, то подкалиберные и кумулятивные снаряды за милую душу дырявили броню до дециметра толщиной. Такие боеприпасы представляли серьезную угрозу даже для КВ.

Бутов и Зорге всю расхваливали свою технику, но при этом не забывали делать

комплименты советским танкам, которые прекрасно показали себя на турецком фронте. К тому же немцы откуда-то знали, что Часов командует ротой КВ. Пришлось мычать в ответ: дескать, да, хорошие танки.

— Посильнее ваших будут, — заявила Светышева, получившая от своего начальства указание преувеличивать могущество отечественного оружия. — Толстая броня, вес под семьдесят тонн, очень мощный двигатель.

— Да, турки нам это сообщили, — неожиданно легко согласился фон Бутов. — Они были в ужасе, когда ваши неуязвимые громадины ворвались в Стамбул. И русский дизель-мотор — настоящее чудо техники. Но пушки на КВ, согласитесь, слабоваты.

— По-моему, хорошие, — обиделся Часов и поспешил воспользоваться удобным случаем, чтобы избежать рискованного разговора. — Что за урод?

На поле показалась машина непонятного типа и на значения. Очень громоздкая, — как бы не побольше, чем у КВ, — ходовая часть была оснащена расположенными в шахматном порядке опорными катками, которые обеспечивали невероятно мягкий ход даже на самой пересеченной местности. Вместо башни чудовище венчалось громадным деревянным ящиком.

Майор фон Бутов гордо сообщил, что советские гости видят прототип нового танка Pz.VI, который должен стать самым сильным «сундуком» в мире. Впрочем Гюнтер признал, что башня пока не готова, но скоро все-таки будет изготовлена и навинчена на корпус танка. Похоже, майор не врал насчет силы будущей машины — даже в таком незавершенном виде огрызок танка выглядел грозно.

К тому же, подумал Алексей, непохоже на немцев, которые любят порядок во всем. Не может быть такого, чтобы после «пы-зы-4» они, пропустив порядковый номер, сразу взялись за «пы-зы-6». Очевидно, где-то на заводах готовят к производству и «пы-зы-5».

Внутри новой машины советских специалистов не пустили. Отговорки были самые банальные: дескать, машина пока не готова к показу.

Домой возвращались на «Петропавловске», причем в открытом море к ним присоединились легкие крейсера Балтфлота «Киров» и «Горький». Чуть попозже, когда отряд, миновав Скагеррак, оказался в Северном море, появились еще два однотипных корабля — «Молотов» и «Ворошилов», совершившие переход с Черного моря. Огибая Скандинавию, они направились к Мурманску, а в следующую навигацию уйдут по Севморпути на Тихий океан, где Советский Союз не имел крупных надводных кораблей.

Как-то вечером на третьи сутки похода, когда крейсера двадцатиузловым ходом приближались к широте Тромсе, Леа с Аней стояли возле передней башни. Пихнув его локтем, девушка проговорила:

— Рад, что скоро дома будем?

— Чему радоваться? — меланхолично произнес Алексей. — Уже не буду тебя видеть каждый день. И вообще...

— Что «вообще»? — насторожилась она.

Часов напомнил про загадочный тяжелый танк Pz.VI, у которого не существовало достойных соперников в англосаксонских армиях. Германский великан явно предназначался для истребления советских КВ. Так что не оставалось сомнений: разглагольствуя о последних очагах угрозы в других частях света, фюрер имел в виду именно Азию, к которой относил СССР.

— Вот именно. — Из-за башни неожиданно вышел подозрительный журналист Рихард Зорге. — Гитлер давно принял решение уничтожить Советский Союз. Война с Англией лишь отодвинула столкновение фашизма с коммунизмом. Думаю, он нападет на вас следующей весной. Передайте это своему начальнику, товарищ Светышева.

— Вы имеете в виду начальника Главного автобронетанкового управления? — не растерялась Аня.

— Нет, я имею в виду второе управление.

Усмехнувшись, немец ушел в адмиральскую каюту, которую делил с экзотичной Мияко. На палубе Зорге появлялся редко, с командой почти не общался. Считалось, что немецкий журналист должен сойти с крейсера в Японии, куда советские моряки планировали заглянуть с визитом вежливости.

— Что такое второе управление? — осведомился ошеломленный коротким разговором Алексей. — Разведка?

— Контрразведка. — Аня хихикнула. — Этот провокатор ошибся. Я числюсь в третьем — в военной контрразведке.

На другой день, когда отряд крейсеров пересек морскую границу СССР, Аню вызвал особист соединения и передал шифровку из Москвы. Раскодировав текст послания, младший лейтенант Светышева ничего не поняла, но приказ надо было выполнять, и она побежала искать Алексея.

— Будешь стоять в коридоре возле каюты и присмотришь, чтобы никто не подслушивал, — велела чекистка.

— А в чем дело?

— Если поймешь, мне тоже объясни!

Постучав в стальную лист люка, она торопливо передала Рихарду Зорге текст секретной радиogramмы «В Токио Рамзая ждет арест. Центр советует остаться в Мурманске». В ответ раздался поток непонятных японских и немецких идиом. Судя по интонации, Зорге грязно ругался.

На причале Мурманского порта немца и японку окружили улыбающиеся военные в звании не ниже полковника. Среди встречавших Аня узнала генерал-майора Панфилова, замначальника Разведуправления Генштаба Красной Армии. Рихарда и Мияко усадили в машину с зашторенными окошками и увезли на огромной скорости.

— Что все это означает? — растерянно пролепетала Светышева.

— Ты была права. — Леха засмеялся. — Герр Зорге действительно шпион. Только наш.

10

Из материалов газеты «Красная звезда»

9 декабря. В Вашингтон поступают сообщения о военной катастрофе на Тихом океане. Становится понятно, что 7 декабря японская авиация без объявления войны атаковала Пёрл-Харбор — самую важную военно-морскую базу США на Гавайских островах. По всей видимости, японцам удалось скрытно подвести к Пёрл-Харбору крупное авианосное соединение и нанести внезапный сокрушительный удар. В результате массированных воздушных налетов и последующих атак подводными лодками американцы потеряли 5 или 6 из восьми линейных кораблей и оба авианосца. Если эти сведения соответствуют действительности, то можно сказать, что США не имеют больше тихоокеанского флота и что японцы завоевали отныне полное господство на всем театре военных действий — по меньшей мере на ближайшие полгода.

10 декабря. Выступая по радио с обращением к американскому народу, президент Франклин Рузвельт признал неудачное начало войны на Тихом океане. Рузвельт также подтвердил распространившиеся в последние дни слухи о том, что вслед за воздушной бомбардировкой стоянки флота в Пёрл-Харборе японцы высадили десант на Гавайских островах. Уже захвачена большая часть острова Оаху, включая город Гонолулу. Призвав нацию к стойкости, президент США объявил, что намерен вести войну до победного конца.

12 декабря. Британские и американские силы, размещенные в западной части Тихого океана, потерпели сокрушительное поражение. Сообщается, что 8 декабря японская авиация разбомбила британские аэродромы на севере Малайи. Затем на полуострове были высажены десанты японских войск, разгромившие 3-й индийский корпус. В тот же день подверглись бомбардировке передовая база США на острове Гуам и аэродромы в районе Манилы, а 10 декабря Гуам захвачен японским десантом. Одновременно сильные японские десанты

высадились на о-ве Лусон (Филиппины).

13 декабря. По сообщениям из Токио, японская пехота при поддержке легких танков и авианосной авиации продолжает наступление на Пёрл-Харбор. Линкоры и крейсера японского флота подошли близко к берегу и огнем тяжелой артиллерии расстреливают позиции американских войск, обороняющих ближние подступы к базе. В то же время собственный корреспондент ТАСС в Северной Америке сообщил, что часть кораблей Атлантического флота США покинула свои базы в Нью-Йорке, Норфолке и Филадельфии. В настоящее время крупное соединение, включающее 2 или 3 авианосца, движется к Панамскому каналу. Вероятно, Вашингтон намерен перебросить эти силы на Тихий океан для сдерживания японских атак на Гавайских и Филиппинских островах.

11

Для ударного соединения «Кидо Бутай» это был пятый вылет, а для полковника Мицуо Футиды — второй. Вчера утром он в числе первых оказался над бухтой Пёрл-Харбора и, передав условный сигнал «Тора! Тора! Тора!», — начал войну. «Тигр! Тигр! Тигр!» — это был приказ бомбить американский флот.

Первые две волны бомбардировщиков налетели внезапно для противника, закидав торпедами и бомбами аэродромы и стоявшие на рейде корабли. Ближе к вечеру воскресенья над островом Оаху появились третья и четвертая волны — дозаправившись на авианосцах, три с лишним сотни самолетов вернулись, чтобы довершить разгром. На этот раз японцы тоже бомбили остававшиеся на плаву корабли, но главной целью были наземные силы противника: казармы островного гарнизона, артиллерийские батареи, оборонительные сооружения, колонны войск, склады боеприпасов и снаряжения.

Пикирующие бомбардировщики эскадрилья за эскадрильей бросались на гору в центре острова. Здесь, на вершине, были установлены крупнокалиберные — в 14 и 16 дюймов — орудия в бронированных башнях, как на линкорах. Эти пушки обеспечивали круговой обстрел и не подпускали к берегу флот вторжения. Впрочем, потеряв не больше двадцати самолетов, японцы покончили с вредной батареей.

В сумерках к берегу подошли крейсера, линкоры и войсковые транспорты. Мощная артиллерия боевых кораблей поддержала высадку десанта — двух батальонов морской пехоты на плавающих танках «Ками» и бронев автомобилях «Осака», трех танковых батальонов и легкой пехотной дивизии. Всего на остров высадились 17 тысяч солдат и больше сотни танков. За ночь авианосцы обогнули Оаху по широкой дуге и, оказавшись южнее острова, вновь подняли в воздух эскадрильи.

Часть истребителей и бомбардировщиков сразу направилась к плацдармам, захваченным дивизией, которую флот одолжил у Квантунской армии. Японские солдаты наступали вслед за танками и броневиками, просачиваясь в зазоры между опорными пунктами противника. Прилетевшие с авианосцев эскадрильи бомбят позиции американцев, расширяя путь пехотным ротам.

Истребители перехватили длинную колонну «виллисов» и высокобортных «студебеккеров», подвозившую к побережью пехотный батальон с гаубичной батареей, никаких зениток в этом районе, конечно, не было, армейская авиация американцев погибла еще вчера, так что никто не мешал расправе. Истребители «зеро» носились над холмами, поливая пулеметными очередями шоссе, на котором горели грузовики, взрывались бензин и снаряды, металась в панике солдат.

Через минуту радостный пейзаж остался за хвостовым оперением. Сотня самолетов приближалась к затянутой дымом пожаров бухте. От восторга у Футиды задрожали квадратные усики — точно такие же, как у его кумира, германского фюрера. Перед взором полковника разворачивалась радостная панорама торжества божественной справедливости.

Два линкора, перевернувшись кверху килем, легли на дно бухты, но часть обросших ракушками днищ оставалась над водой. Три других затонули на ровном киле, и Футида

видел торчавшие среди волн орудийные башни, надстройки, мачты и трубы. «Пенсильвания» горела в сухом доке, вокруг суетились пожарные катера, направившие на флагмана струи воды. На мелководье возле Госпитального мыса сидел без движения линкор «Невада». Вчера этот корабль попытался покинуть бухту, но потом почему-то выбросился на берег.

Хотя часть легких кораблей, уцелевших после вчерашних налетов, смогла выйти из гавани, в Пёрл-Харборе оставались крейсера и эсминцы, которыми занялись бомбардировщики 5-й волны. Однако самого Футиду интересовала совсем другая мишень. Самая ценная мишень гавайской базы.

Летом и осенью, когда Футида помогал Генде разрабатывать план этого удара, они сразу достигли согласия: главной целью нападения должны быть авианосцы. Всего Штаты держали на Тихом океане 4 корабля этого класса, но с каждым месяцем их становилось меньше. Сначала ушел «Саратога», которому предстоял ремонт в доках Сан-Франциско. Потом отправился в Атлантику «Йорктаун», а вслед за ним — 3 линкора.

И буквально на днях, когда соединение «Кидо Буту», скрываясь от вражеских самолетов-разведчиков, пробиралось на север, агенты в Гонолулу донесли о страшном невезении: один за другим покинули базу «Энтерпрайз» и «Лексингтон». Авианосцы получили задание перебросить самолеты на фланговые базы островов Уэйк и Мидуэй.

Узнав об уходе главных мишеней, Генда был безутешен, да и сам Футида пал духом. Видя уныние друзей офицеры разведки утешали разработчиков плана: дескать, время еще есть, и авианосцы успеют вернуться в базу. Так и случилось — днем 6 декабря «Энтерпрайз» вошел в бухту Пёрл-Харбора и стал на якорь. А вот «Лексингтон» опаздывал к сигналу «Тора! Тора! Тора!» — покинув Оаху 5 декабря, он еще даже не добрался до Мидуэя...

Впереди загрели взрывы, и Футида решительно задвинул подальше воспоминания, сосредоточившись на происходящем. Передовая эскадрилья бомбила и расстреливала из пулеметов расположенные на берегу зенитки, несколько бомб превратили в обломки штаб флота. Следующий отряд обрабатывал крейсера и эсминцы, окружавшие поврежденный накануне авианосец.

Вчера «Энтерпрайз» получил торпеду в кормовые отсеки и не меньше двух бомб в палубу. За ночь американские моряки погасили пожары и ликвидировали крен. Авианосец был готов бежать из атакованной базы, но Футида решительно не собирался этого допустить.

Приоткрыв фонарь кабины, полковник выпустил три ракеты — сообщил ведомым вариант удара. Пикировщики, прорвавшись сквозь заградительный огонь крейсеров, сбросили на «Энтерпрайз» бронебойные бомбы, изготовленные из крупнокалиберных артиллерийских снарядов. Одна из восьмисоткилограммовых болванок пробила полетную палубу и разорвалась внутри корпуса. Вокруг авианосца падали сбитые самолеты, горящий бомбардировщик врезался в надстройку, взорвался пораженный торпедами и бомбами тяжелый крейсер, разлетелись на куски сразу два заходивших в атаку пикировщика, море кипело от разрывов.

На носу авианосца разгорался пожар, языки пламени лизали надстройку, где были сосредоточены командные пункты, локаторы, радиостанции. Видимо, бомбы пробили корпус ниже ватерлинии — «Энтерпрайз» ощутимо погружался носом, заваливаясь на левую скулу. Цель атаки была достигнута: корабль не сможет уйти еще два-три дня, а там будет поздно спастись бегством, потому что японские солдаты захватят порт.

Самолеты пятой ударной волны совершили вираж над островом и морем, готовясь к повторной атаке. В этот момент мембраны наушников на голове Футиды зазвенели торжествующим голосом Минору Генды:

— Он идет! Двести миль строго на запад!

Не нужно было объяснять, кто идет — с запада могла приближаться лишь одна мишень, способная привести Генду в экстаз.

— Вы приняли меры? — взволнованно спросил Футида.

— Отправили птичек. Сейчас и я вылетаю. Будь спокоен.

— Я не могу быть спокоен в такой момент!

— У тебя не хватит горючего.

— Хватит, если сработать быстро. — Засмеявшись, Футида добавил: — После такого праздника можно и не возвращаться.

— Ты не прав, — забеспокоился Генда, слишком серьезно приняв слова друга. — У нас будут праздники и порадостней этого.

— До них еще надо дожить...

Торопливо устроив переключку экипажам, Футида повел на запад самолеты, на которых оставалась хотя бы половина боекомплекта. Остальным было приказано остаться над островом и добить намеченные цели.

Они настигли мишень через час, но еще раньше стал виден столб дыма над горизонтом: бомбардировщики, взлетевшие с авианосцев «Кидо Бутай», едва пришло сообщение с воздушного разведчика, уже заканчивали атаку.

«Лексингтон», перестроенный из заложенного четверть века назад линейного крейсера, горел, но держался на плаву. Авианосец успел поднять какое-то количество истребителей, которые вели бой над морем, сбивая бомбардировщики японцев. Рядом с «Лексингтоном» тонул большой корабль — наверное, крейсер охранения. Еще два крейсера и эсминцы били в небо из всех зенитных пушек, и японские самолеты падали в волны, пораженные снарядами бледнолицых врагов.

— «Коршун», атакуй крейсер левее авианосца, — приказал Футида. — «Дракон», возьми правый крейсер. «Северный ветер» и «Крылатый тигр», за мной.

Горючего у них оставалось в обрез — на единственную атаку, поэтому надо было ударить наверняка. Футида повел свой отряд в обход, обогнув американское соединение, и вышел в атаку с северо-запада. Торпедоносцы сбросили свой груз, целясь в борт авианосца, а пикирующие бомбардировщики атаковали с кормы. Футида зафиксировал взрывы двух торпед и как минимум пяти бомб. Для громадного, но старого и уже поврежденного корабля этого оказалось достаточно.

Полковник видел, как огонь затянул всю палубу «Лексингтона», как выплескивались из трюмов фонтаны пламени, как авианосец ложится на борт, быстро погружаясь и опрокидываясь вверх днищем. Возвращаясь на «Кидо Бутай», он заметил внизу крейсера и эсминцы — японские корабли спешили к месту сражения, чтобы подобрать спасшихся.

Израсходовав буквально последние капли бензина, Футида посадил самолет на палубу «Акаги». Вернувшихся встречали восторженно, как положено приветствовать героев, совершивших великий подвиг. Потом был банкет в офицерской кают-компании, где моряки и летчики выпили столько саке, что хватило бы на две заправки всех самолетов ударного соединения. Пили за победу, за удачу, за императора, за полный разгром всех врагов, за империю до Уральских гор. И, конечно, за тех, кто не вернулся из битвы.

— Одного не могу понять, — вдруг вспомнил Футида в разгар пьянки. — Почему «Лексингтон» появился так рано?

Ответ они узнали на следующий день, после допроса пленных американских офицеров. Оказалось, что командующий тихоокеанским флотом отозвал авианосец с полпути. Адмирал Киммель подозревал, что японцы готовят нападение, и пытался стянуть в базу все силы. Это ему не помогло.

12

Из материалов газеты «Красная звезда»

14 декабря. Гибель британского дальневосточного флота. Как сообщает зарубежная пресса, эскадра в составе линкора «Принц Уэльский», линейного крейсера «Ринаун» и нескольких эсминцев вышла из Сингапура 8 декабря, намереваясь перехватить японские корабли. К полудню 11 декабря англичан атаковали 100 японских самолетов, вылетевших из Сайгона. В течение часа все британские корабли были потоплены.

15 декабря. В Токио объявлено, что японские войска завершили разгром

американского гарнизона на острове Оаху. В плен сдались не менее 70 тысяч солдат, матросов и офицеров, в том числе командир гарнизона генерал Уолтер Шорт. Командующий американским флотом в Пёрл-Харборе адмирал Хасбенд Киммель убит. Как сообщают в Вашингтоне, несколько крейсеров и эсминцев вырвались из осажденной базы и добрались в Сан-Франциско.

16 декабря. Японская армия высадилась на Борнео.

18 декабря. Британские войска отразили попытку немецкой армии форсировать Суэцкий канал.

23 декабря. Крупные силы японской армии захватили остров Уэйк.

29 декабря. Японцы заняли разрушенную бомбардировками с моря и воздуха британскую крепость Сингапур. Сообщается о захвате огромных трофеев и большого числа пленных. В ходе сражения потоплены крейсера «Канберра» и «Аделаида». Накануне на Филиппинских островах занята Манила.

2 января. Японская ставка объявила, что установлен полный контроль над Филиппинскими островами.

17 января. К западу от Панама произошло сражение между флотами США и Японии, в котором приняли участие по 2–3 авианосца с каждой стороны. После многочасовых воздушных ударов потоплены американский авианосец «Саратога» и японский «Дзуйхо».

6 февраля. Корреспондент немецкой газеты «Дас Райх» сообщает из Токио, что японские моряки подняли со дна бухты Пёрл-Харбор поврежденный американский авианосец «Энтерпрайз». Корабль зачислен в состав императорского флота под новым названием «Фукурю», что означает «Счастливый дракон». В ближайшее время должен вступить в строй бывший американский линкор «Мэриленд», получивший название «Ивами», которое прежде носил трофейный русский броненосец «Орел».

8 февраля. Берлинское радио сообщает, что части Вермахта форсировали Суэцкий канал. Отчаянные попытки британцев ликвидировать плацдарм на восточном берегу канала успешно отбиты. В свою очередь, британское командование в Канаде сообщает о тяжелых потерях немецких войск.

15 февраля. В Лондоне приведены в исполнение смертные приговоры английским, французским и польским виновникам мировой войны. Заочно приговорены к смерти бежавшие в Канаду бывший премьер-министр Черчилль, министр внутренних дел и национальной безопасности Моррисон, министр иностранных дел Идеи и министр труда Бевин.

20 февраля. Британское командование в Канаде направило в Тихий океан авианосцы «Илластриес» и «Формидебл» для совместных действий с флотом США.

24 февраля. Из Берлина и Монреаля приходят противоречивые сообщения об ожесточенных боях в пустынях Синайского полуострова.

3 марта. Японские войска ведут успешные боевые операции по захвату Голландской Ост-Индии. Морские и парашютные десанты высадились на островах Ява, Целебес, Бали, Тимор. Наступление наземных войск поддерживается мощным огнем артиллерии японских линкоров и крейсеров. За последние дни флот англо-американо-голландских союзников потерял в Яванском море не менее 3 крейсеров и 5 эсминцев.

9 марта. Итальянские войска, вторгшиеся в Югославию, разгромлены в районе Любляны и отступили с большими потерями. Сообщается, что Германия сосредоточила на югославской границе крупные силы своей армии.

11 марта. Корабли японского флота, базирующегося на Гавайских островах, внезапно атаковали Сан-Франциско, где были сосредоточены главные силы англо-американского флота. Из Токио, Вашингтона и Торонто сообщают противоречивые сведения о результатах сражения. Японцы уверяют, что потопили все крупные корабли противника (4 авианосца и 5 линкоров), причем понесли минимальные потери. Согласно сообщениям Морского министерства США, ударами береговой и авианосной авиации, а также в ходе артиллерийского сражения уничтожены 5 или 6 японских авианосцев и 3–4 линкора, в том

числе самый крупный в мире линейный корабль «Ямато». При этом американцы признают потерю авианосца «Илластриес» и линкора «Айдахо». Как передает из Сан-Франциско корреспондент ТАСС, бомбами разрушен знаменитый мост «Золотые ворота», войска и полиция никого не подпускают к бухте. С горы в северной части города, откуда хорошо просматривается Военная гавань, видны затопленные и горящие корабли, в том числе авианосец. В городе распространяются панические слухи о якобы высадившемся в районе Сан-Франциско японском десанте.

14 марта. Германская армия без объявления войны вторглась в Югославию. Бомбардировке подверглись города Белград, Нови-Сад, Вуковар, Ниш. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбито 6 немецких самолетов. Танки Вермахта, наступающие с территории Венгрии и Румынии, быстро приближаются к Белграду.

15 марта. Телеграфные агентства сообщают новые подробности морского сражения, которое произошло в районе Сан-Франциско 9—10 марта. Покинув Пёрл-Харбор, японский флот сумел скрытно подойти к побережью США и был обнаружен береговой охраной, когда с авианосцев уже взлетали бомбардировщики. Поднятые по тревоге истребители сумели сбить часть атакующих самолетов, но почти 200 японских бомбардировщиков атаковали корабли на рейде и расположенные вокруг города авиабазы. Тем временем почти 400 самолетов береговой авиации отправились бомбить японский флот.

В результате обмена воздушными ударами были потоплены несколько крупных кораблей в бухте Сан-Франциско и, по крайней мере, 2 японских авианосца. Несмотря на продолжавшуюся бомбардировку, остатки англо-американского флота смогли развести пары и вышли в океан. Стороны обменялись серией воздушных налетов, причем японцы постепенно отступали к Гавайям, чтобы покинуть зону действия самолетов, базирующихся на побережье. На этом этапе сражения было потоплено несколько крейсеров с обеих сторон.

Главные события развернулись днем 10 марта на расстоянии примерно 600—800 км к западу от Сан-Франциско. По всей видимости, японцы потеряли авианосцы «Кага», «Рюхо», «Шохо» и, возможно, «Дзуйкаку», а также линкоры «Хией», «Кирисима» и «Конго». Также потоплены, по крайней мере, три из четырех авианосцев союзников и линкоры «Айдахо», «Нью-Мексико» и «Миссисипи». По всей видимости, авианосец «Хорнет» и линкор «Нью-Мексико» были расстреляны в течение получаса новейшим японским линкором «Ямато», который получил не менее 8 торпедных попаданий, однако остался на плаву и вернулся в Пёрл-Харбор.

Таким образом, японский флот понес трудновосполнимые потери, однако США больше не имеют крупных кораблей на своем Западном побережье. С этого момента Япония завоевала полное господство на Тихоокеанском театре военных действий.

16 марта. Капитаны гражданских судов нейтральных стран, совершавших плавание в Северном море, сообщают, что германская эскадра проследовала из портов оккупированной Англии курсом на северо-запад. В Стокгольме движение немецких кораблей связывают с участвовавшими в последнее время угрозами Геббельса, который не раз говорил о необходимости добить укрывшийся в Канаде британский флот. Также не исключается, что целью Кригсмарине станут базы англичан в Исландии, с которых совершаются регулярные налеты на германские города и гарнизоны.

17 марта. Войска Вермахта вступили в Грецию с территории Болгарии. Из соседней Югославии поступают сообщения об ожесточенном танковом сражении на подступах к Белграду.

Адмиралов в Германии было много, куда больше, чем кораблей. Командных должностей на всех не хватало, поэтому моряки в адмиральских погонах занимались чем придется. Адмиралы возглавляли учебные заведения, заседали во всевозможных инспекциях, управляли секторами береговой обороны.

Когда встал вопрос о флотоводце, который мог бы принять ответственность за операцию «Меч Вотана», оказалось, что лишь трое способны повести флот в сражение. Адмирал Герман фон Фишель, 55 лет, командовал морскими силами на испанской войне и транспортной флотилией, возившей десанты в Англию, а затем возглавил морскую авиацию. Адмирал Гюнтер Лютьенс, 53 года, также отличился в операции «Морской лев», командуя Западным операционным сектором. Вице-адмирал Отто Цилиакс, 50 лет, в прошлую мировую войну капитанствовал на подводных лодках и торпедных катерах, воевал в Испании командиром броненосца «Адмирал Шеер», совершал отчаянные пиратские рейдеры на линкоре «Шарнхорст», а с июня 1941 года был назначен командиром соединения линкоров.

Именно Цилиакса поставили во главе дерзкого Атлантического рейда. Фишелю фюрер поручил авианосцы, а Лютьенсу — крейсера. Так уж вышло, что командующим флотом стал самый младший по званию и возрасту.

Напутствуя адмиралов в ставке ОКВ, Гитлер пообещал:

— Вы получите следующие звания, если выполните план операции хотя бы на четверть.

— Мы выполним план полностью, мой фюрер! — хором ответили адмиралы.

Операция была тщательно продумана: чтобы выполнить задание, флоту предстояло обмануть противника, будто цели набега ограничены исландскими авиабазами. Совершив ночной переход, авианосцы подняли в воздух самолеты, которые закидали бомбами аэродромы британцев в районе Рейкьявика. В ответ английские бомбардировщики атаковали немецкие корабли. После недолгого боя флот почти без потерь совершил отход в Белфаст и Лондондерри.

Главные силы английского флота немедленно покинули Ньюфаундленд и взяли курс на Исландию. Геббельс выступил по радио, пообещав стереть Рейкьявик с лица земли. Тем временем флот Цилиакса пополнил в Ирландии запасы топлива и поздним вечером 18 марта снова вышел в море.

Двигаясь 25-узловым ходом по курсу зюйд-вест, они уклонились от преждевременной встречи со спешившими прямо на ост англичанами. Никто не ждал их на 40-й параллели, и флот Рейха за пять с небольшим суток пересек Северную Атлантику. К ударной позиции они приблизились на рассвете 24 марта. Днем раньше английский флот нарвался на оставленные в засаде подводные лодки, потеряв авианосец «Гермес» и два крейсера.

Впереди походного ордера развернулись крейсера: два тяжелых — «Принц Ойген» и «Адмирал Хиппер» и полдюжины легких. Следом за веером прикрытия шли две колонны: левая — линкоры, правая — авианосцы.

Цилиакс держал флаг на быстроходном «Шарнхорсте», которым командовал в первые полгода мировой войны. В кильватер флагману двигались громадины немецкой постройки «Бисмарк» и «Тирпиц», а за ними — трофейные «Людендорф» и «Мольтке». Колонну авианосцев сопровождали итальянские линкоры «Литторио», «Рома» и «Витторио Венето».

В адмиральском салоне флагманского корабля Цилиакс скептически разглядывал фотоснимки нью-йоркского порта, сделанные с пассажирского самолета агентами абвера. Капитан цур зее Курт Цезарь Хоффман, командир «Шарнхорста», угадав сомнения вице-адмирала, произнес, покачивая головой:

— Огромная акватория, почти тысяча причалов. Отыскать интересующие нас мишени в такой куче почти невозможно.

— В том-то и дело. — Цилиакс вздохнул. — Пилоты сумеют выйти в район верфей, но смогут ли найти нужные корабли... не знаю.

— Мне доводилось топить авианосец пушками, — усмехнулся Хоффман.

— Золотой крест даром не дают, — согласился командующий флотом.

Это случилось около двух лет назад во время Норвежской операции. Неразлучная парочка однотипных линкоров «Шарнхорст» и «Гнейзенау» перехватила в штормовом море

и расстреляла английский авианосец «Глорис». На прошлой неделе возле Сан-Франциско японский великан «Ямато» лишь повторил этот успех Кригсмарине, отправив на дно плавучий аэродром янки.

— Имеет смысл войти в гавань и немножко поработать главным калибром, — продолжил командир «Шарнхорста».

Косо посмотрев на него, Цилиакс поморщился и даже не стал возражать. Наверняка Хоффман и сам понимал, что его предложение несерьезно. Даже если флот сможет войти в бухту, то выйти уже не удастся.

— Для этого есть итальянцы, — проворчал вице-адмирал. — Наша задача — вернуться. Война не кончается в Нью-Йорке...

Беседу прервал адмиральский вестовой, подавший чай. Большие запасы ценных сортов сухого чайного листа были захвачены в Эдинбурге и Ньюкасле. Почти полтонны продукта досталось службе флотского снабжения, и многие офицеры Кригсмарине пристрастились к экзотическому напитку.

Когда матрос, расставив приборы, покинул каюту Цилиакс задумчиво произнес:

— Японцы заваривают совсем иначе. У них другая жесткость воды, потому и чай получается другим.

— У японцев многое получается иначе, — не менее глубокомысленным тоном изрек Хоффман. — В том числе и на войне. Как сказал фюрер, японцы — арийцы Азии.

Командующий флотом опять поморщился. Он не стал фанатичным нацистом, и Хоффман должен был об этом догадываться. Среди старших офицеров идеи «Майн кампф» не пользовались популярностью: слишком уж много лишних слов о расовой проблеме, рассчитанных на тупую массу лавочников. То же самое можно было сказать намного проще: Германия должна править миром. А раса и мистика тут ни при чем.

— Вы вовремя вспомнили военные успехи японских союзников, — сказал Цилиакс. — Удар по Пёрл-Харбору выполнен идеально, Операция на юге вообще потрясла меня. Пожалуй, такое не удалось бы даже немцам. А потом они проводят самоубийственный рейд на Сан-Франциско, да еще нас уговорили присоединиться к этому безумию.

— Иногда мне кажется, что для них это был вопрос жизни или смерти.

— Но не для нас. — Вице-адмирал задумался. — Хотя, уничтожив американский флот, мы по меньшей мере на год избавимся от угрозы со стороны Атлантики.

— Не столь уж велика эта угроза, — пренебрежительно усмехнулся Хоффман. — Американцы слишком заняты войной с азиатскими арийцами и не помешают нам уничтожать Россию.

— Да, война с большевиками неизбежна...

Их снова прервали. Голос вахтенного офицера из переговорной трубы доложил, что корабли передового дозора обнаружили вражескую разведку.

Весь переход флот проделал, соблюдая полное радиомолчание, чтобы не выдать своего маршрута. Был выбран курс, проходивший вдали от оживленных океанских дорог. До последней ночи им везло: выдвинутые далеко вперед крейсера заблаговременно предупреждали о встречах кораблей, а весенние штормы и туманы врывали флот от ненужных взоров.

Полоса везения кончилась поздно вечером, когда до Нью-Йорка оставалось полтысячи миль. Капитан цур зее Вальтер Майзель, командир крейсера «Адмирал Хиппер», прислал командующему донесение о том, что прямо по курсу движется легкий крейсер — вероятно, американский. Немецкий флот, погасив огни, изменил курс, уклоняясь от встречи, но спустя час пришел рапорт с «Принца Ойгена»: капитан цур зее Бринкманн сообщил о встрече с группой малых кораблей.

Такой вариант был предусмотрен диспозицией, поэтому Лютьенс резко повернул на зюйд. У противника должно было возникнуть подозрение, что немецкие крейсера посланы в океан для рейдерства на коммуникациях. Из баз Норфолк и Литл-Крик немедленно вышли в море старый линкор «Техас» и большой отряд быстроходных крейсеров. Соединение

Лютьенса начало отходить к осту, отвлекая внимание противника от главных сил флота. Тем временем эскадры Цилиакса и Фишеля, прибавив ход, устремились к пересечению 70-го меридиана с 40-й параллелью.

Преодолев за ночь около 200 миль, флот оказался в заданном квадрате океана, где напоролся на следующий американский патруль — крейсер «Бруклин». Передовая завеса, состоящая из трофейных крейсеров и линкоров, шла под английскими флагами, поэтому смогла подойти противнику почти вплотную и потопить «Бруклин» за несколько минут. Тем временем три немецких авианосца заняли исходную позицию, и с палуб взлетели 80 бомбардировщиков «Юнкерс-87С» и 20 истребителей «Ме-109Т».

Целью рейда «Меч Вотана» были вовсе не жалкие остатки Атлантического флота США. Штаб ОКМ — оберкоммандо дер марине — беспокоили десятки кораблей, которые пока стояли на стапелях Нью-Йорка, Филадельфии, Ньюпорт-Ньюс. Здесь спешно достраивали 4 громадных линкора типа «Айова», 6 сверхтяжелых крейсеров типа «Аляска» и 4 авианосца типа «Эссекс», а 5 легких крейсеров типа «Амстердам» переделывали в малые авианосцы. В первой половине следующего 1943 года эта армада должна была вступить в строй, вернув Америке морскую силу и сведя на нет все недавние успехи стран «оси».

Офицеры-операторы сосредоточенно передвигали фигурки кораблей на штабных картах. Воздушные разведчики доносили, что навстречу германскому флоту полным ходом торопятся покинувшие стоянку линкоры — судя по профилю, это были «Колорадо» и недавно вступившая в строй «Северная Каролина». Оба корабля были вооружены 16-дюймовыми пушками, а противостояли им «Фридрих Барбаросса» и «Мольтке» — линкоры английской постройки с не слишком мощным главным калибром в 14 дюймов. Фишель предложил направить против американских кораблей эскадрилью «юнкерсов», но Цилиакс отрицательно покачал головой, провозгласив:

— Самолетов немного, и у них есть более важные цели. С линкорами справятся линкоры.

Он приказал «Мольтке», «Фридриху» и отряду Лютьенса отходить на соединение с главными силами. Тем временем самолеты с трех авианосцев вошли в зону действия береговой ПВО, прорвались сквозь адскую завесу заградительного огня и закружились над причалами Нью-Йорка.

Первым в 9.14 погиб линкор «Южная Дакота» — корабль последней предвоенной серии, проходивший ходовые испытания и почти готовый к бою. Пораженный тремя торпедами, громадный корабль повалился на борт и быстро затонул на мелководье, выглядывая на поверхность большей частью палубы. Спустя минуту на рейде в Куинси торпеды и бомбы отправили на дно гавани второй почти достроенный линкор того же типа «Массачусетс».

К 9.20, потеряв не меньше дюжины «юнкерсов» и каждый четвертый «мессер», эскадрильи обнаружили верфь, на которой строились «Амстердамы». Корабли еще стояли на стапелях, и взрывы бомб ломали скелеты шпангоутов, поджигали деревянную опалубку, превращая верфь в зону сплошного пожара. На соседнем заводе бомбы поразили «Айову» и «Миссури», причинив кораблям немалые повреждения.

В 9.33 бомбы подожгли стоявший у причала танкер и нефтяные емкости на берегу. Горящая нефть потекла по земле и воде, загорелись соседние корабли. Гавань заволокло дымом, и самолеты сбрасывали груз куда попало, уже не заботясь — будет ли поражен военный корабль или гражданский.

Часы показывали 9.40, когда почти все самолеты, совершив вираж, оказались над островом Манхэттен. Случайно сохранившиеся на нескольких «Ju-87С» бомбы угодили в небоскреб Эмпайр Стейт Билдинг, и колоссальное здание, выдержавшее на киноэкране тушу Кинг-Конга, с грохотом обрушилось, окутав деловой центр планеты облаком дыма и цементной пыли. Уходящие к морю эскадрильи снизились над Уолл-стрит, расстреливая из пулеметов все, что двигалось по знаменитому обиталищу биржевых спекулянтов.

Они улетели, не досчитавшись каждого третьего. Позади пылал Нью-Йорк, и пожар

охватывал новые сектора бухты, горящие нефтепродукты растекались, проникая в Ист-Ривер и Хадсон-Ривер. Здесь загорелся еще один танкер, пламя перекинулось на транспорт, груженный боеприпасами, и взрыв трехсот тонн тротила снес на берегу все строения в окружности полутысячи ярдов.

Зенитки продолжали стрелять в небо, затянутое жирным черным дымом горячей нефти. Вражеские самолеты давно скрылись над океаном, но снаряды зениток падали по всему городу, и командование было убеждено: это рвутся вражеские бомбы, то есть налет продолжается. Над Нью-Йорком непрерывно патрулировали истребители, а батареи ПВО стреляли по ним и даже иногда сбивали в полной уверенности, что поражен неприятельский бомбардировщик.

Когда поредевшие эскадрильи садились на палубы авианосцев, в сотне миль к зюйд-весту разгорался классический бой: «Техас», «Колорадо» и «Северная Каролина» подошли к бывшим английским линкорам на дистанцию выстрела. Еще Ютландское сражение показало, что британцы не умеют строить по-настоящему крепкие корабли. Тяжелые американские снаряды пробili броню «Мольтке», причинив кораблю тяжелейшие повреждения. Ответным огнем была выведена из строя орудийная башня и разрушена ажурная мачта на «Колорадо».

Видя бедственное положение линкоров, считавшийся крайне нерешительным командиром Лютьенс приблизился к врагу с другого борта, и 16 восьмидюймовок обрушились на старенький «Техас», добившись множества попаданий. «Техас» загорелся, «Колорадо» прикрыл его своим корпусом, и немецкие крейсера поспешно отступили, спасаясь от града тяжелых снарядов.

Около полудня «Мольтке», потеряв ход, начал погружаться кормой, и американцы перенесли сосредоточенный огонь на «Барбароссу». Внезапно из тумана на севере показались, грохоча залпами, «Шарнхорст», «Бисмарк» и «Тирпиц». Расклад сил мгновенно изменился. Построенные в Германии корабли были намного крепче английских, а их снаряды весом в 8 центнеров легко пробивали американскую сталь.

Несколько точных залпов накрыли «Северную Каролину», и серые волны вокруг линкора вздыбились столбами пены. Быстро сближаясь, Цилиакс громил ошеломленных противников, и крейсера Лютьенса снова бросились в атаку, поразив торпедами «Техас». Дряхлый линкор перевернулся кверху дном, а немцы распределили мишени: «Шарнхорст» и «Барбаросса» расстреливали поврежденный «Колорадо», «Бисмарк» и «Тирпиц» били по «Северной Каролине», а корабли Лютьенса взяли за отряд американских крейсеров. Когда «Колорадо» опрокинулся на левый борт, быстро уходя под воду, немецкие линкоры сосредоточили огонь на последнем корабле противника.

Пылающая «Северная Каролина» резко отвернула к берегам Америки. Отступая, линкор прошел мимо изрядно потрепанного «Фридриха Барбароссы», который угостил его в упор и вдогон несколькими залпами из нескольких уцелевших пушек. Затем наперерез метнулись крейсера «Кельн» и «Гамбург», дважды поразившие «Северную Каролину» торпедами.

Линкор потерял скорость и еле плелся, так что Цилиакс не смог отказать себе в удовольствии собственноручной расправы. Приблизившись на полторы мили, «Шарнхорст» всаживал в горящий корабль залп за залпом, пока на американском корабле не взорвались задетые бронебойными снарядами паровые котлы. Оторванная корма затонула почти мгновенно, а носовая часть оставалась над водой даже через час, когда германский флот, следуя курсом зюйд-вест, ушел за горизонт.

В распоряжении Морского ведомства США не оставалось крупных кораблей, но с аэродрома поднимались сотни самолетов. Все силы береговой и армейской авиации бросились на поиск дерзкого врага. Трижды колонны Кригсмарине подверглись массированным налетам. Окружив авианосцы редким кольцом, линкоры и крейсера отбивали воздушные атаки. В небо отправились все истребители, имевшиеся на «Графе Цеппелине», «Рихтгофене» и «Валькирии». Стволы зениток раскалились, запасы снарядов

быстро таяли, было сбито не меньше сорока американских В-17, В-18, В-25, А-8 и А-20. Немецкие корабли получили десятки попаданий бомбами и торпедами, в результате чего «Шарнхорст» и «Тирпиц» обзавелись подводными пробоинами, а «Барбароссу» пришлось бросить и затопить, предварительно сняв с линкора весь экипаж. Огрызаясь, редющий флот полным ходом продолжал движение на юго-запад и около 16.00 оказался на широте Вашингтона. Для защиты округа Колумбия поспешно слетались полки истребителей — американцы готовились дать бой над своей столицей, но «юнкерсы» взлетевшие с авианосцев, отправились на совсем другую цель.

Возле входа в Чесапикский залив расположены рядышком города Норфолк, Портсмут, Ньюпорт-Ньюс, Чесапик и военно-морская база Литл-Крик. Портовые города срастались окраинами, их причальные фронты были практически сомкнуты, образуя сплошной Хемптонский рейд длиной около 30 морских миль. Неподалеку находился другой крупный порт — Филадельфия!

Для повторного налета на авианосцах оставалось совсем немного самолетов: 28 «Ju-87С» отправились бомбить Ньюпорт-Ньюс, и 23 — Филадельфию. Это было несерьезно, и даже дерзость не могла спасти положение. Хотя немцев по-прежнему ждали в районе Вашингтону в секторе Чесапикского залива тоже была объявлена воздушная тревога. Налетевшие эскадрильи нарвались на залпы зениток и стаи американских истребителей.

К намеченным целям прорвались чуть больше десятка бомбардировщиков. Линкор «Висконсин» загорелся на стапеле в Филадельфии, на заводе в Ньюпорт-Ньюс несколько бомб угодили в корпуса авианосцев «Кирсадж» и «Бон Хом-Ричард». Кое-где на Хемптонском рейде загорелись портовые постройки.

В 18.20, приняв на борт немногие вернувшиеся самолеты, флот резко развернулся и ушел курсом на ост — к берегам Европы. Американская авиация преследовала их до вечера, тяжело повредив «Бисмарк» и «Рихтгофен», однако корабли остались на плаву. «Шарнхорсту» и новому итальянскому линкору «Рома» пришлось хуже — они затонули один за другим, когда на океан опустилась ночь, укрывшая уходящий флот.

Около полуночи подводные диверсанты князя Боргезе проникли в Ньюпорт-Ньюс и подорвали верфь, на которой завершался монтаж авианосца «Эссекс». Огромный корпус упал с обвалившегося стапеля и разломился на несколько частей.

К утру флот оказался на расстоянии тысячи миль от Северной Америки, покинув зону досягаемости средних бомбардировщиков. Дальних В-17 в США построили немного, поэтому погоня прекратилась — противник потерял участников «Меча Вотана». До германских портов оставалось около 2200 миль — шесть суток движения экономическим ходом.

Пришло время заняться повреждениями: распоротым торпедой бортом «Тирпица», пробоиной на уровне ватерлинии в корме «Литторио», перебитыми трубопроводами «Бисмарка», искромсанными подъемниками «Рихтгофена». Ремонтировались на ходу, заваривая пробоины стальным листом, заменяя поврежденные механизмы. В ангарах авианосцев механики латали простреленные фюзеляжи и плоскости самолетов. К вечеру основные работы были завершены, и флот немного увеличил скорость.

Накануне вице-адмирал Цилиакс, в числе последних покинув гибнущий «Шарнхорст», руководил из шлюпки эвакуацией, сорвал голос и был в конце концов принят на борт «Принца Ойгена», флагманского корабля Лютьенса. Теперь на крейсере держали флаг сразу два адмирала, но пока обходилось без трений.

Утром 26 марта, когда флот находился севернее Азорских островов и держал курс на Бискайский залив, Цилиакс и Лютьенс завтракали в компании двух капитанов — Бринкмманна и Хоффмана. Последний, оставшись без корабля и мучимый на этой почве тяжелой депрессией, лечился шнапсом, стараясь не замечать укоризненные взгляды старших по званию.

— Для вас эскадры найдутся, — ворчал он в ответ на замечания. — А вот я новый корабль получу не скоро.

— На стапелях кораблей немало, — возразил командующий флотом. — К тому же участникам рейда фюрер обещал очередные звания, так что контр-адмиралу Хоффману придется возглавить эскадру или флотилию.

Лютенс кивнул и стал перечислять: на разных стадиях достройки находились один тяжелый и два легких крейсера, огромный линкор-монстр «Фельдмаршал Гинденбург», авианосец «Петер Штрассер», а также сколько бывших английских кораблей разных классов. Если планы не будут нарушены неприятной случайностью, в течение года-полтора эти корабли должны были пополнить поредевший с начала войны состав Кригсмарине.

Адмиралы закивали, соглашаясь, и Цилиакс предложил тост за фюрера, который не забывает о морской силе Рейха. Все они помнили прочувственные слова сказанные на церемонии спуска на воду «Бисмарка» Когда внучка «железного канцлера» разбила бутылку шампанского о борт линкора, Гитлер провозгласил: «Германский народ приветствует самый сильный корабль своего флота...»

— Только наши авианосцы слишком слабыми получились, — признал Лютенс. — Полсотни самолетов — это слишком мало. Было бы их на каждом по восемь десятков, как у японцев и американцев, мы бы от флота Штатов даже воспоминаний не оставили.

— Вы правы, Гюнтер, — без охоты согласился Цилиакс. — Но даже при столь неблагоприятных обстоятельствах мы нанесли врагу сокрушительный удар. В американском флоте осталось по одному линкору и авианосцу, а новые вступят в строй через два года, не раньше.

— К тому времени у нас будет четыре авианосца, и мы повторим «Меч Вотана», — уверенно заявил Бринкманн.

— Повторить такой набег больше не получится, — проговорил Хоффман с мрачной миной. — У американцев огромный воздушный флот. Их бомбардировщики больше не подпустят наши корабли к своим берегам.

Стратегическая тема увлекла всех, заставив позабыть об остывающих омлетах и сосисках. Моряки дружно отложили вилки, обсуждая перспективы морских операций. Все сходились во мнениях, что после капитального ремонта кораблей и молниеносного разгрома слабых русских флотов наступит очередь Панамского канала. Бринкманн, еще недавно служивший в морской разведке, напомнил, что многие южноамериканские диктаторы недолголюбивают заносчивых соседей-янки и легко согласятся бросить на север свои марионеточные армии.

— Генерал Перон выступит первым, — уверенно сказал капитан. — Не забывайте, что армия и флот Аргентины — самые сильные в Южной Америке.

— От этих латиноамериканских унтерменшей немного пользы, — отмахнулся Хоффман. — Они вроде испанцев, итальянцев и румын...

Неожиданно в разговор вступил майор Эрвин фон Лангман, начальник приданной флоту абверкоманды и временно носивший морской мундир корветтен-капитана. Адмиралам было известно, что агенты этого рослого детины, имевшего не вполне арийскую внешность, высадились на моторных лодках возле подвергнутых бомбардировке американских городов. Кроме того, абверовец как-то проговорился, что является младшим легатом загадочной научно-мистической организации «Анненербе». К счастью для Лангмана, о некоторых его занятиях не были осведомлены не только флотоводцы, но даже всезнайки из гестапо.

Между тем два с половиной года назад, будучи еще обер-лейтенантом, Лангман проник в Советский Союз под легендой беженца из Варшавского гетто и устроился на должность телефониста районного узла связи под Бердичевом. Подключившись к военному кабелю, офицер абвера несколько месяцев слушал переговоры штабных командиров двух расквартированных в этих местах корпусов Красной Армии — механизированного и стрелкового. Полученные им сведения были столь интересными, что молодой офицер получил звание гауптмана.

Провалился гауптман, как это часто случается в шпионском ремесле, на досадной мелочи, вызвав у местного раввина подозрения в связи со слабыми знаниями каких-то

нюансов Танаха. Почтенный священнослужитель принялся следить за новым прихожанином и однажды вечером, нагрянув с неожиданным визитом, с ужасом увидел, как мнимый единоведец запекает говяжий язык, посыпанный тертым сыром. Потрясенный столь вопиющим святотатством, раввин немедленно поставил в известность ближайший орган НКВД. У начальника райотдела хватило ума не брать подозреваемого с поличным и понятыми, а послать сообщение по инстанции.

Прибывшая из Москвы опергруппа Главного управления госбезопасности умело выявила связи вражеского резидента. В начале 1940 года приказом Наркомата связи Лангмана отправили в Киев на курсы переподготовки, которую гауптман абвера проходил на секретном объекте ГУГБ. Сломавшись уже на третьем допросе он выдал всю сеть своих агентов и даже назвал нескольких известных ему резидентов. Возвращенный в Бердичев, Лангман еще полгода гнал в Берлин отборную дезинформацию, после чего сдал оперативную позицию присланному из Фатерланда сменщику, а сам благополучно вернулся в Рейх и с тех пор сообщил на Лубянку немало военных секретов, работая под псевдонимом Крестonosец.

Впрочем, этих интересных подробностей адмиралы не знали, поэтому с любопытством повернулись к дерзнувшему заговорить младшему по званию. Майор фон Лангман произнес, мило улыбаясь:

— Итальянцы — это такие морские румыны.

Салон содрогнулся от хохота. Боеспособность европейских союзников давно стала темой армейских анекдотов. Итальянцы прославились еще в прошлую мировую войну, когда их армия разбежалась под ударом австрийцев у Капоретто. Потом итальянские корпуса были биты дикими абиссинцами, испанскими коммунистами, безоружными греками. Румынская армия после первых же выстрелов сбежала из Югославии, но там хотя бы уважительная причина имелаась — русские танки Т-34. Лютьенс, посмеиваясь, поделился личными впечатлениями: в Гражданскую войну испанцы старались выстрелить по противнику, не выглядывая из окопов.

— Зря смеетесь. — Впрочем, Хоффман и сам не смог ржать улыбку. — Вспомните, какая страна закончила Первую мировую войну, удвоив свою территорию.

— Польша? — неуверенно спросил почуявший подвох Лютьенс. — Нет, вряд ли. И не Япония.

— Румыния, — огорошил всех бывший командир «Шарнхорста». — Проиграли все сражения, но воспользовались удобным случаем и отобрали у большевиков Бессарабию. Правда, в эту войну снова отдали. Без боя.

— Мы вернулись к русскому вопросу, — резюмировал Цилиакс. — Боюсь, что флоту на этой войне работы не найдется. Разве что рейды по северным маршрутам.

— И прорыв через черноморские проливы, — добавил Лютьенс. — Не верю, что такое возможно.

— Кому как — Хоффман снова опрокинул стопку шнапса, закусив сосиской и кислой капустой. — Мы как-то говорили с командующим на эту тему. Вот японцам удача улыбается. Дважды наносили удар — и оба раза добивались внезапности. Мы в Нью-Йорке этого не сумели.

Снисходительно улыбаясь, Цилиакс озвучил прописную истину: успех обеспечивается тщательной подготовкой, но нельзя слишком часто применять один и тот же прием. Японцы достигли внезапности в Пёрл-Харборе и Сан-Франциско, но после этого даже беззаботные американцы поняли, что океанский простор перестал быть надежным щитом и что надо охранять подступы к главным базам.

Перестраховщик Лютьенс задумчиво заломил бровь, его лицо выражало тревогу. Нахмурившись, адмирал процедил:

— Означает ли это, что в России Вермахт не сможет применить проверенный в четырех кампаниях метод танковых клиньев?

Вопрос ошеломил застольных стратегов. Хотя и были они моряками, но знали, что сухопутные войска Рейха, начиная с Польши, выигрывали все сражения одинаковым оперативным приемом: танковые соединения, развернутые на флангах, наносят удары по сходящимся направлениям, а затем пехота завершает окружение и разгром противника.

— Теоретически этот прием не может срабатывать бесконечно, — признал Цилиакс. — Но режим большевиков неповоротлив, Красной Армией командуют ограниченные, малограмотные фанатики... К тому же русские проигрывали немцам все войны.

После завтрака они поднялись на мостик. Корабли резво бежали по убаюканному затянувшимся штилем океану. А встречным курсом, как о том доложили дозорные крейсера, полным ходом спешил английский флот.

Адмирал Холланд два дня без толку ждал Цилиакса возле берегов Исландии, после чего радиоволны принесли весть о разгроме североамериканских портов и верфей. Поняв, что немцы обманули его, Холланд рассвирепел и отдал приказ идти на перехват возвращающегося противника. Решимость дать бой главным силам Кригсмарине не оставила его даже после того, как воздушная разведка сообщила количество вражеских вымпелов, и стало понятно, что вашингтонские адмиралы сильно преувеличили число потопленных ими германо-итальянских кораблей.

Ближе всех к англичанам оказалась колонна тяжелых артиллерийских кораблей, возглавляемая «Принцем Ойгеном». В кильватер флагману вытянулись «Фюрст Бисмарк», «Тирпиц» и «Адмирал Хиппер». Легкие крейсера и линкоры итальянского флота окружали походный ордер авианосцев. Принимая решение на бой, Холланд бросил против соединения адмирала Фишеля три старых тихоходных линкора типа «Куин Элизабет», вооруженных 15-дюймовыми пушками. Сравнительно новые корабли британцев направились к левой колонне. Немного отставая от линкоров, развернулись строем пеленга авианосцы «Игл» и «Формидебл».

В штабе Цилиакса построение противника не вызвало особого беспокойства: «Худ», «Кинг Джордж V» и «Родни» превосходили «Бисмарк» и «Тирпиц» по числу стволов главного калибра и весу залпа, но все три линкора были разнотипными, так что англичанам будет не просто сосредоточить огонь трех различных калибров. Напротив, братья-близнецы «Бисмарк» и «Тирпиц» без труда могли согласовать свои залпы. К тому же немецкие корабли во все времена были прочнее британских.

Первый удар нанесли палубные самолеты англичан. Почти сотня бомбардировщиков и штурмовиков устремилась на три немецких авианосца, которые тоже подняли в воздух все, что могло летать: 30 пикировщиков «юнкерс» и полтора десятка «мессеров». Спустя полчаса все 5 авианосцев горели, а «Цеппелин» и «Формидебл» вдобавок тонули. Остальные удержались на плаву и даже потихоньку справлялись с пожарами, но требовалось много времени, прежде чем эти корабли смогут вновь поднять в небо самолеты.

Главным силам потребовалось около трех часов, чтобы сойтись на дальность пушечного выстрела. Старые английские линкоры «Резолюшн», «Уорспайт» и «Ривендж» первыми открыли огонь по итальянцам, которые дали недружный ответ, промедлив несколько минут. Обе стороны стреляли неважно, поэтому после часовой пальбы, наполовину опорожнив снарядные погреба, добились всего-то по 2–3 попадания в каждый корабль.

Тем временем в сорока милях к весту английские корабли дали залп с дистанции в 130 кабельтовых. Разрывы снарядов взметнули водяные столбы, немного не долетев до «Ойгена».

— Почему эти кретины пристреливаются по крейсеру? — пробрюзжал Лютьенс. — Даже британцы должны понимать, что для них опаснее линкоры.

Вполне разделявший его недоумение Цилиакс приказал открыть огонь по возглавлявшему неприятельскую колонну «Худу». Когда вокруг крейсера упали снаряды

следующего залпа, Бринкманн сказал, усмехаясь:

— Они тоже бьют по головному. С такого расстояния профили «Принца» и «Фюрста» выглядят одинаково, англичане уверены, что нашу колонну возглавляет «Фюрст Бисмарк».

— Возможно, — согласился Цилиакс, разглядывая в мощный бинокль вражескую эскадру. — Есть попадания в «Худ»... Адмирал Лютьенс, выводите крейсер из-под огня.

«Принц Ойген», резко изменив курс, покинул позицию, по которой продолжали молотить англичане, и пристроился в кильватер замыкавшему колонну «Адмиралу Хипперу». Между тем очередные залпы «Бисмарка» и «Тирпица» достигли цели, после чего на спардеке «Худа» начался сильный пожар. Пятый залп принес и вовсе неожиданный результат: «Худ», самый большой и быстроходный из линейных кораблей британского флота, неожиданно взорвался. Обычно такое случается, когда снаряд попадает в склад боеприпасов.

Разлетавшиеся во все стороны куски «Худа» падали на шедший в кильватер флагману «Родни». Через пару минут и в этот линкор стали попадать немецкие снаряды. Причем стреляли не только линкоры, но и оба тяжелых крейсера. Град начиненных тротилом болванок калибра 15 и 8 дюймов причинил англичанам массу повреждений, так что «Родни» пришлось резко изменить курс.

Переложив рули, командир «Родни» бросил корабль на зюйд и направил все уцелевшие пушки на «Бисмарк». Оба немецких линкора ответили сосредоточенными залпами.

Расстояние быстро сокращалось, и снаряды пробивали бронеплиты башен, казематов, рубки и корпуса. За считанные минуты рискованного маневра 16-дюймовки «Родни» трижды поразили противника, но и сам английский корабль обзавелся дюжиной пробоин, лишился большей части артиллерии, причем во второй башне взорвалось заряженное орудие. Вода быстро поступала в отсеки через обширные пробоины в носовой части. Линкор начал зарываться и вновь изменил курс, подставив вражеским канонирам борт, в который немедленно вонзилось еще несколько снарядов.

Ответным огнем англичане разрушили на «Тирпице» трубу и установку среднего калибра, а «Бисмарк» получил пробоину в кормовой башне и еще одну — на уровне ватерлинии. В свою очередь крейсера Лютьенса всаживали залпы в «Джордж», изрядно продырявив участки, защищенные легкой броней.

Когда «Родни», не выдержав уничтожающего обстрела, начал отходить к весту, немцы перенесли огонь на оставшийся линкор, который быстро получил множество повреждений и тоже отвернул, взяв курс на Канаду. Посланные вдогонку залпы накрыли корму «Джорджа», разрушив приводы винтов. Настигнув потерявший ход корабль, «Бисмарк» и «Тирпиц» всадили в английскую броню по десятку снарядов с близкой дистанции, после чего «Адмирал Хиппер» потопил горящую развалину торпедным залпом.

— Победа, — с чувством законной гордости произнес Лютьенс. — По такому случаю полагалось бы отчеканить медаль, украшенную зиг-руной.

Покачав головой, Цилиакс выдохнул:

— Это еще не победа, «Родни» уходит. В погоню!

Построенный сразу после предыдущей войны «Родни» уступал новейшим германским линкорам по скорости, защите и размерам. Его догнали после часовой погони, засыпав едва ли не последними боеприпасами. Несколько снарядов поразили мишень, которая резко замедлила свой бег, и линкоры, приблизившись, добились «Родни» практически в упор — пушками и торпедами.

Однако и на этом бой не закончился. Цилиакс повел отряд на ост, где итальянцы продолжали вялую перестрелку с ветеранами английского флота. После этой схватки в погребах «Бисмарка» осталось буквально по 2–3 снаряда на каждое орудие, но «Резолюшн» и «Ривендж» отправились на дно, а «Уорспайт» бежал, преследуемый развоевавшимися итальянцами, и до наступления темноты тоже был потоплен.

— Этот Цилиакс — ненормальный, — ворчал Гюнтер Лютьенс. — После такого триумфа я бы ни за что не стал преследовать английскую сволочь.

— Возможно, командующий прав, — тактично заметил Бринкманн. — Победу нужно закрепить.

— Неоправданный риск, — поморщился адмирал.

— Зато успех превосходит любые ожидания. Это сражение войдет в учебники морской истории наряду Трафальгаром, Цусимой и Пёрл-Харбором.

— Если вернемся, — мрачно уточнил Лютьенс.

Сильно побитые немецкие линкоры и авианосцы уходили к французскому берегу, а Цилиакс вел на север, крейсера и почти не поврежденный «Витторио Венето». Уже в сумерках они догнали медленно ковылявшие остатки британского флота: «Игл», «Ринаун» и 4 крейсера.

Отправив итальянцев отвлекать внимание вражеских крейсеров, Цилиакс атаковал и потопил авианосец, командуя боем с мостика «Принца Ойгена». Когда наступила ночь, «Ринаун» с двумя крейсерами сумели скрыться. Преследовать их не стали — из-за подводной пробоины от крупнокалиберного снаряда «Ойген» не мог развивать скорость выше 17 узлов.

— Не хватало второй раз тонуть, — смеялся Цилиакс во время ужина. — Так ведь и совсем утонуть недолго.

На следующий день антенны флагмана приняли радиogramму из Киля: фюрер присвоил адмиралам очередные звания и поздравлял с величайшим успехом германского морского оружия. «У нас нет больше серьезных врагов по ту сторону Атлантики, — говорилось в послании. — А те враги, которые остались, погибнут в скором времени».

ГЛАВА 6

Москва, 18 августа 1991 года

Обеденный перерыв

По случаю выходного дня институтская столовая была закрыта, поэтому перекусили прямо в лаборатории домашними завтраками. Антощенко даже расщедрился, достал из своего сейфа пузатую бутылочку подаренного министром «Наполеона». Новикова пить отказалась, и мужчины деловито расплескали по мензуркам это воспоминание о славных годах застоя. Тостов не произносили — каждый молча пил за исполнение собственных пожеланий. Телефоны по-прежнему глухо молчали, западные радиоголоса тщательно глушились, так что единственным источником информации оставался телевизор. А новости передавали — жутче некуда. Хотя, конечно, как посмотреть — кое-кому (например, сторонникам большевистской платформы) такие сообщения бальзамом по сердцу растекутся.

Постановлением ГКНС назначены временные председатели городских Советов Москвы и Ленинграда, объявлены незаконными и распущены все префектуры, мэрии, губернские представительства Президента РСФСР. Приостановлена деятельность ряда «деструктивных организаций, ставящих целью разрушение Советского государства». Среди прочих распущены: Внешнеполитическая ассоциация, Демократический альянс России, народные фронты большинства республик, Движение За демократическую реформу. Прервана международная, междугородная и внутригородская телефонная связь, временно задерживаются вылеты авиарейсов, отправлен поездов и междугородных автобусов за пределы Москвы и Ленинграда. Лицам, работающим в центральных органах управления Союза и РСФСР запрещен выезд за пределы Московской области, за нарушение — трибунал.

Временно прекращен выпуск большинства газет: за исключением «Правды», «Красной звезды», «Социалистической индустрии» и центральных органов республиканских компартий. Телевизионное вещание ограничено трансляцией Первой программы ЦТ, лишь республиканским телекомитетам разрешено трижды в день делать получасовые вставки для передачи официальных сообщений в переводе на язык коренной национальности.

В Москве патрулями задержано 2158 нарушителей режима особого положения,

которые будут подвергнуты административному аресту сроком от 10 до 30 суток. Органами госбезопасности и МВД СССР проведено изъятие нескольких сот лиц, активно способствовавших дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране, 17 из них, пытавшиеся оказать вооруженное сопротивление, убиты.

По всем Советским Социалистическим Республикам отмечается бурное всенародное ликование, трудящиеся горячо одобряют своевременные решительные действия, направленные на восстановление твердого конституционного порядка. В районах межнациональных конфликтов началось спонтанное братание противоборствующих сторон.

Правительство Итальянской Республики поспешно отменило свое недавнее решение о запрете компартии, а также заявило, что не считает необходимым торопить власти СССР с выводом Апеннинской группы войск Советской армии. Коммунистическая и социалистическая партии Франции организовали многолюдные демонстрации солидарности с советским народом, которые прошли в городах, где дислоцированы советские войсковые гарнизоны. В Париже, Берлине, Варшаве и Брюсселе полицией разогнаны митинги протеста против создания ГКНС.

Президент США резко осудил введение особого положения в отдельных регионах СССР, пригрозив ухудшением деловых отношений между обеими сверхдержавами, но грозил нерешительно и в довольно расплывчатых формулировках. Премьер-министр Великобритании, лицемерно и грубо искажая факты, назвал события в Советском Союзе реакционным военным переворотом. В связи с этими попытками вмешательства во внутренние дела СССР Министерство иностранных дел разослало ноты решительного протеста.

Снова пошли сообщения по стране.

В Литве силами внутренних войск при поддержке армейских подразделений разгромлены наиболее крупные базы незаконных вооруженных формирований. Убито не менее четырехсот, взято в плен около пяти тысяч боевиков. Захвачены документы, свидетельствующие о подготовке фашистским правительством так называемого «народного» фронта «Саюдис» массового террора против коммунистов и других верноподданных граждан.

Кучка провокаторов попыталась организовать беспорядки в Ленинграде. В ходе разгона несанкционированной манифестации отряды военной милиции были вынуждены применить различные спецсредства. Среди участников беспорядков имеются жертвы — главным образом, в результате наездов бронетехники.

ГКНС издал постановление № 12 о мерах по дальнейшему развитию отечественной науки. На нужды АН СССР из внебюджетных фондов выделяется миллиард рублей, будут пересмотрены в сторону значительного повышения все должностные оклады научных сотрудников, вводятся существенные надбавки за квалификацию. Готовятся аналогичные решения, предусматривающие повышение материального положения деятелей культуры, искусства, народного образования.

— Ну, слава богу, — тихонько вздохнула Новикова, — и о нас, горемычных, кто-то вспомнил. Нашлись умные люди.

— Светка, опомнись! — взвыл Илья. — Нельзя менять свободу на колбасу!

— А что, я твоей свободой вприкуску с демократией семью кормить буду? — огрызнулась Новикова. — Устроились, сволочи, на шее у народа!

— Кстати, юноша, где вы демократию видели? — Язвительно спросил Антощенко. — Может, во сне или с перепоею? Свобода болтать языком вместо того, чтобы работать, — это еще не демократия...

Машинально сжимая пальцами опустошенную мензурку, Барушин произнес глубокомысленно, как это делают люди, привыкшие, что окружающие в обязательном порядке обязаны трепетно внимать его мудрым изречениям:

— Думаю, у путчистов возникнут проблемы с армией. Вокруг столицы стоят войска, укомплектованные исключительно славянским контингентом. Русские в русских стрелять не

станут.

Презрительно хихикая, Антощенко разлил еще по полста грамм и проговорил менторским тоном:

— Все предусмотрено. В действие введены части военной милиции, а также кадрированные полки, пополненные резервистами из окраинных республик.

— То есть всякие там узбеки? — не понял Рудман.

— Да нет, мальчик, там служат тоже русские, но это другие русские — которые на собственной шкуре испытали прелести периферийного национализма. Можете не сомневаться: эти люди от всей души ненавидят и вашу проклятую перестройку, и все ее кровавые последствия.

Молодежь пребывала в шоке, а смущенный Барушин сказал, натужно стараясь вернуть голосу привычную строгость:

— Что-то вы, Владимир Николаевич, подозрительно хорошо информированы...

— Молчал бы уж, бюрократ из партийной олигархии! — с неожиданной яростью гаркнул Антощенко. — Мало вашему отродью, что довели державу до позорища! С утра в стране такое творится, а он еще не сориентировался... Сидит тут, комбинирует, которую сторону принять. Ну, говори, крыса аппаратная, поддерживаешь ли ты мужественное выступление истинных патриотов вгибающего Отечества?!

Давно уже никто, даже непосредственные руководители не повышали на него голос. Потрясенный Барушин растерянно залепетал: дескать, не знает всех обстоятельств, а потому не имеет права высказываться, пока не получит четких указаний вышестоящих инстанций.

Удовлетворенный своей моральной победой, Антощенко выпил мелкими глотками очередную порцию коньяка, закусил кусочком сыра, а затем сказал:

— Что же до моей информированности... Это ведь именно я просчитал на наших машинах всевозможные сценарии переворота и выбрал оптимальный, то есть беспроегранный вариант.

— Вы? — изумился Рудман. — Когда?

— В конце июля. Выгнал вас всех в отпуск, а сам занялся настоящим делом.

Новикова, растерянно хлопая ресницами, спросила осторожно и почтительно:

— Но, Владимир Николаевич, неужели вы делали это по собственной инициативе?

— Нет, конечно. Меня вызывал Алексей Николаевич. Он же поставил мне задачу.

— Министр обороны?! — поразился Барушин.

— Он самый. Мы долго обсуждали ситуацию в мире и в Союзе... Оказалось, что наши взгляды и оценки полностью совпадают. Старик буквально покорила меня фразой, которую без конца вспоминал: «Побеждает не сильный, побеждает умный, умеющий рассчитать свои действия на много ходов вперед»...

Теперь многое становилось понятнее: и решительные, почти безошибочные действия мятежников, и точно подобранный состав ГКНС, в который вошли люди, имевшие авторитет в народе... и дозированная жестокость, и привлекательные обещания скорого облегчения жизни. Неясным оставался, пожалуй, лишь один момент, и Барушин неуверенно спросил:

— А как же российский президент? Что-то не верится мне в его сотрудничество с союзным центром...

— Эту цээршную марионетку, наверное, уже пристрелили в укромном местечке, — равнодушно положил Антощенко. — Все равно ему светила высшая мера за измену Родине...

Тут на экране вновь появился диктор, с искренним воодушевлением зачитавший программу передач ближайшие часы. 14.00 — беседа с ведущим экономистом страны, ярким противником рыночных спекуляций профессором имярек, который ознакомит советских людей с программой экстренного спасения народного хозяйства и повышения жизненного уровня честных тружеников. Затем в 15.30 бывший мэр столицы чистосердечно поведаст телезрителям о своих преступных связях с иностранным капиталом, организованной преступностью и подрывными центрами всевозможных спецслужб. Наконец в 16.15, после

короткого выпуска новостей, с обращением к советскому народу выступит министр обороны Маршал Советского Союза Часов Алексей Николаевич.

— Понятно, — сказала Новикова. — Время пока есть. Будем досматривать нашу модель, или — ну ее подальше?

— Посмотрим, — бодро распорядился Антощенко. — Не музыку же эту идиотскую слушать...

ГЛАВА 7 «Мономах» против «Барбароссы» Лето 1942 года

1

Проснувшись в воскресенье, Часов сильно удивился, не услышав привычной команды «Подъем». Потом сообразил с облегчением: он впервые за много месяцев заночевал не в казарме. В прекрасном настроении Леха повернулся на другой бок, но вторая половина двуспальной кровати оказалась пустой.

Аню он обнаружил на кухне. Девушка сидела возле окна, печально наблюдая, как дождь хлещет по булыжникам переулка.

— Чего загрустила? — удивился Часов. — Не понравилось?

Дернув плечом, она буркнула:

— Уж ты — наверняка счастлив...

— Представь себе! — не стал спорить Алексей. — Если мы любим друг друга, так все должно быть, как положено. И семья, и своя квартира, и постель, и дети.

— Не получится у нас, «как положено». — Аня тяжело вздохнула. — Служба не позволит. Ты снова вернешься в свой гарнизон, я — в наркомат. И никто не знает, куда нас отправят завтра.

— Можно попросить, рапорт подать... — начал было Часов, но сам понял, что говорит ерунду.

Он представил, как отреагируют в обоих наркоматах, если они подадут совместный рапорт дескать, по случаю нашего бракосочетания просим создать условия капитану Часову и лейтенанту госбезопасности Светышевой для прохождения ими совместной службы в одной воинской части. Хорошо, если дело ограничится парой строгих выговоров за неуместные претензии...

— Вот и я о том же. — Аня невесело улыбнулась. — Так и будем встречаться тайком на чужих квартирах.

В данный момент они находились вовсе не в чужой квартире: жилье принадлежало старшему брату Лехи. Уже вторую неделю штурман Северного морского пароходства Никодим Часов вел свой сухогруз где-то в Атлантике, семья брательника отдыхала в Молдавии у тещи, а ключи бравый морской волк доверил Алексею наказав поливать цветы на подоконнике, привезенные из Южной Америки.

— Неправильно это, — хмуро заявил Леха. — Должен быть выход.

— Нет выхода. Ни тебя из армии не уволят, ни меня из органов. Разве что забеременею.

— Хорошее дело! — обрадовался Часов.

— Не в ближайшие три дня, — усмехнулась Аня. — Ну, хватит об этом. Что случилось, то прошло. У тебя в части небось целый гарем — поварихи, санитарки, телефонистки...

— Ни одной девки на всю часть, — заверил ее Леха. — А может, уговорим ваше начальство — пусть переведут тебя в особый отдел нашего полка.

— А может, прямо на кухню поварихой?! — обиделась Аня. — Сказала же — довольно попусту болтать. Нам тяжелый день предстоит.

Продолжая ворчать, она соорудила яичницу-глазунью, нарезала толстыми ломтями хлеб и любительскую колбаску, поставила на стол бутылку «Жигулевского». После завтрака

они включили чудо техники — телевизор, собранный для брата корабельным радистом. Громадная — в книгу размером — водяная линза увеличивала изображение маленького — с почтовую открытку — экрана.

Кадры были мутноваты, картинка волновалась и дергалась, но подробности первомайского парада разглядеть удалось. По Красной площади четкими шеренгами проходили пехота и кавалерия, моряки и пограничники. Дождавшись своей очереди, двинулись колонны техники: сначала броневики, за ними — плавающие танкетки, следом — Т-34, КВ-3, а также внушительные, но бестолковые КВ-2 и Т-35. После танков потянулись артиллерийские тягачи. Мимо вождей на Мавзолее степенно проследовали крупнокалиберные пушки, гаубицы, минометы, пушки-гаубицы и гаубицы-пушки.

Особое впечатление производили громадные орудия, которые Часову довелось повидать на финской войне. Полный пафоса голос диктора Левитана с воодушевлением комментировал: дескать, сидящие на трибунах иностранцы потрясены мощью советского оружия.

— Все верно, — понимающе шепнула Аня. — В том и была задумка — показать немцам, что нет резона с нами связываться.

На праздничный парад в Москву прикатила делегация германских союзников во главе с генералами Гальдером и Манштейном. Был среди гостей и давний приятель — майор фон Бутов. Именно из-за него Леху срочно вызвали в Москву: Часову и Светышевой поручили сопровождать немецкого танкиста, поболтать по душам, вывести хотя бы что-нибудь о планах Гитлеровцев.

— Ну да, наверное, Гюнтер идиот, — ворчал Леха в трамвае, катившемся вниз по улице Горького. — Когда мы ездили к ним в Куммерсдорф, он лишнего не болтал.

— Это тебе, непрофессионалу, так показалось, — засмеявшись, подразнила его Аня.

Она напомнила, что надо тактично упрекнуть немцев, которые уже не первый месяц откровенно проводят недружественную политику против СССР. Германия сворачивала экономическое сотрудничество, Вермахт оккупировал дружественную Югославию, немецкая разведка засылала диверсантов и провокаторов в Прибалтику, в западные области Украины и Белоруссии. В последние недели германские самолеты-шпионы почти ежедневно нарушали советскую границу.

Гюнтер предусмотрительно нарядился в штатское. Ждал их рядом с Юрием Долгоруким, одетый в костюм коричневой шерсти в полосочку. Низ штанин был заправлен в гетры, а мохнатую кепку иностранец лихо заломил набекрень. Фон Бутов с интересом разглядывал москвичек и пытался завязать знакомства.

— Здесь много милых дам, — весело сообщил он. — Мне нравится в Москве.

— Намерен задержаться? — поддержав шутливый тон, осведомился Часов.

Пожимая плечами, фон Бутов сказал небрежно:

— Может, вернусь через пару месяцев.

— Думаешь, так скоро?

Немец pokrивил губы, но не ответил. Видимо, сообразил, что не стоит называть точные сроки. А вернее, он не знал точных сроков. Словно не заметив неловкой паузы, Аня жизнерадостно предложила навестить расположенный поблизости ресторан «Арагви».

Шашлык и водка майору понравились, а вино и острое блюдо из баклажанов с помидорами — не очень. Сациви он отпробовал с некоторой опаской, но ореховую подливку подобрал хлебом до последней капли. Жареную фасоль лобби не одобрили все трое.

— По сравнению с нашим полевым пайком — неплохо, — тактично заметил иностранный гость. — Ну-с, может, поговорим о деле?

— О каком именно? — Леха растерянно покосился на спутницу.

— О королях, капусте, войне и танках. Утром я видел ваши новые машины. Они производят приятное впечатление.

— С новыми пушками они стали сильнее немецких танков, — не удержавшись,

похвастал Алексей.

— «Тигры» сильнее, — азартно возразил Гюнтер. — Броня — почти непробиваемая, а пушка прошивает любой современный танк с двух километров. К тому же недостаточно иметь хорошую технику. «Сундукам» нужны хорошие танкисты.

Флегматично потягивая вино, фон Бутов поведал, что столкнулся под Белградом с русскими Т-34 первой серии. По его словам, даже Pz.IV старых модификаций дрались против «тридцатьчетверок» почти на равных, а Pz.IVF побеждали при соотношении потерь 1:3 в пользу Вермахта. Часов стиснул зубы: в Югославии служили детки командиров и сержантов, с которыми он был лично знаком. Там погибли Нагорный, Якименко, Бичугин, Сеньков...

Подавив приступ неприязни, он поинтересовался:

— И кто же станет следующей жертвой Вермахта?

— Неужели трудно сообразить? — буркнул немец. — Поверьте, я не питаю к вам вражды. Ни к вам лично, ни к Советской России. Но все идет к тому, что придется решать споры силой оружия.

— Разве у нас есть серьезные споры? — осведомилась Аня. — Разве СССР нарушает обязательства? Разве мы оккупировали кого-то из союзников Рейха? Или Советский Союз снабжает оружием польских и чешских повстанцев? Или наши самолеты-разведчики кружатся над Берлином?

— Над Берлином они не увидят ничего интересного. — Гюнтер криво ухмыльнулся. — Насчет поставок оружия повстанцам я не знаю, хотя вы основательно вооружили сербов. Но русские дивизии постепенно стягиваются к нашим границам.

— Пропаганда! — отрезала, согласно инструкции, Аня. — Мы вынуждены принимать оборонительные меры. Вермахт откровенно готовится атаковать Советский Союз.

— Мне кажется, ситуация не безнадежна, — мрачно процедил майор фон Бутов. — Я доложу фюреру про ваши новые танки. И я, конечно, выскажу свое мнение, что война между нашими странами приведет к катастрофе.

Его слова поразили собеседников, и Гюнтер подтвердил, что не раз встречался с Гитлером. Он добавил, что главарь фашистского Рейха любит общаться с офицерами-фронтовиками. Оказывается, Гитлер не слишком доверял чиновникам-подхалимам, которые могли подсунуть неверную информацию. А вот простые солдаты, не искушенные в кулуарных интригах, считал Фюрер, докладывали чистую правду.

Часов вдруг подумал, что и Сталин, наверное, опасен обмана — потому и приглашал в Кремль войсковых командиров среднего звена.

Прошлой осенью, вернувшись из Германии, Алексей подробно доложил Иосифу Виссарионовичу свои наблюдения и выводы. Сталин слушал внимательно, понимающе кивал, дымил трубкой и время от времени приговаривал: «Мы об этом предупреждали». Особенно заинтересовал его рассказ о тяжелом танке Pz.VI. Сталин нахмурился и записал что-то в тетрадку, которую достал из бокового кармана потертого френча.

— Думаете, этот танк будет сильнее, чем новые KB? — мрачно спросил генеральный секретарь.

— Трудно сказать, товарищ Сталин. Он получится очень большим, то есть броня будет толстой. Но я не видел башню.

— Кто-нибудь другой увидит и сфотографирует, — успокоил его Сталин. — Вы подтвердили наши опасения, товарищ Часов. Новые немецкие танки почти догнали технику Красной Армии.

Они поговорили о боевых качествах KB-3 и Pz.IVF. Часов осторожно намекнул, что тактическая подготовка немецких танкистов повыше, чем у солдат и командиров Красной Армии. У них танкистов готовят годами, а мы берем в танковые войска кого попало, вплоть до кавалеристов. Сталин принял к сведению это мнение, сделав новые пометки в тетрадке. Потом сказал, подмигивая:

— На Черноморском флоте один майор-кавалерист даже подводной лодкой командует.

После этого беседа перекинулась на организацию механизированных войск. Леха напомнил грозному собеседнику, что все «панцеры» Вермахта сосредоточены в танковых дивизиях, а в пехотных соединениях не осталось бронированных машин, которые могли бы пригодиться на поле боя. В последние два года такую же организацию принял и Советский Союз — все танки новых типов были собраны в танковых корпусах.

— Вам это не нравится, товарищ Часов? — Сталин прищурился. — Мехкорпус — огромная ударная силища.

— Не в нынешнем виде, — возразил Алексей. — Старым танкам не место в одном строю с новыми.

— Предлагаете оставить в мехкорпусах лишь машины с дизельными моторами? — Сталин усмехнулся. — Не вы первый поднимаете этот вопрос. Наверное, на самом деле придется вернуть устаревшие «коробки» в стрелковые соединения. Не стоит отказываться от нашей концепции танков непосредственной поддержки пехоты.

Неожиданно для себя Часов не смог сдержать смехок. Пришлось объяснять удивленному вождю:

— В части у нас шутники переиначили ваше известное выражение. Говорят. «Танки решают все»...

Усмехнувшись и попыхтев трубкой, Сталин вернулся к прерванной беседе.

У них получилось длинное, часа на два с лишним, обсуждение. Леха чувствовал, что его стареющий собеседник всерьез обеспокоен мировой ситуацией. Сталин снова и снова брал в руки стоявшие на его столе жестяные модели Т-34 и КВ. По невнятным репликам и наводящим вопросам Алексей догадался: есть идея поставить на средний танк пушку помощнее — калибром в 85 и даже 100 миллиметров.

Так и получилось. С нового, 1942 года в войска стали поступать очень сильные машины Т-34-85. К лету в танковой дивизии, где служил капитан Часов, остались только новые машины: больше сотни Т-34, около сорока Т-34-85, чуть меньшее число КВ-1, полтора десятка КВ-2 и дюжина КВ-3. Именно эти машины, вооруженные 107-мм орудиями, составляли роту, которой командовал Часов.

Легкие танки Т-50 и БТ-7 сохранились только в разведроте и мотострелковом полку. В общем, дивизия была укомплектована почти на 2/3. Старые легкие танки Т-26 и БТ-2, а также Т-28 и Т-35 разбросали по стрелковым и кавалерийским корпусам.

— Всерьез полагаешь, будто твои пожелания смогут что-либо изменить? — насмешливо спросил Алексей.

Насупившись, Гюнтер сказал вызывающе:

— Фюрер — неординарная личность. Он способен понять разумные доводы.

— Эти люди слышат лишь то, что хотят услышать, — совсем тихо произнес Часов. — Они идут к своей цели как тяжелый танк, и любое препятствие на пути сметается огнем и гусеницами... Гитлера не остановят твои советы. Он осуществляет программу, изложенную в «Майн кампф», с немецкой пунктуальностью — все окружающие страны одна за другой должны быть захвачены и подчинены Германскому рейху.

Сильно возмущившись, майор фон Бутов разразился протестами: дескать, в «Майн кампф» написано совсем другое, и вообще фюрер всегда подчеркивал свое миролюбие, но соседи были так враждебны, что поневоле приходилось бомбить их и посылать колонны танков в глубокий прорыв на неприятельскую столицу. Немецкий майор и советский капитан спорили долго и громко, привлекая нездоровое внимание, и лейтенант Светышева была вынуждена показать прибывшему милицейскому наряду удостоверение НКГБ, чтобы избежать препровождения в отделение НКВД.

— Наверное, мы не сможем убедить друг друга, — вздохнул наконец Гюнтер. — Но поверьте, друзья, я не хотел бы, чтоб мы встретились на поле боя.

Неожиданно Леха, заулыбавшись, сказал, вызвав страшное возмущение Ани:

— А хочешь небось испытать, кто окажется сильнее — мой «ка-вэ-три» или твой «тигр»?

— Конечно, хочу. — Немец тоже засмеялся. — Ты меня понимаешь.

— Полагаю, вскоре мы это выясним, — мечтательно проговорил Алексей.

Молоденькая чекистка, неспособная понять душу закоренелого танкиста, раздраженно бросила:

— А вы, фон Бутов, наверняка надеетесь получить обратно отцовское поместье на Украине?

— У моего отца не было поместья, — печально просветил ее немец. — И отец, и дед были инженерами на киевских заводах. Паровые котлы налаживали, трактора строили.

Сказав это, Гюнтер встал и объявил, что ему пора — делегацию должны были повезти на подмосковный подгон Кубинка. Действительно, возле ресторана ждал лимузин, и некто в штатском, приветственно кивнув мне, пригласил немецкого танкиста в машину.

— Еще увидимся? — осведомился Леха.

— Может быть, даже через оптический прицел, — привычно пошутил фон Бутов.

Когда «ЗИС» умчался в сторону «Метрополя», Аня недоумевающе спросила:

— Что он имел в виду?

— По-моему Гюнтер нас предупредил, — сказал Часов. — Открытым текстом.

Уже после войны он прочитал роман Фейхтвангера «Изгнание», где наткнулся на эпизод, напомнивший последнюю предвоенную встречу с Гюнтером. Один из персонажей книги спрашивает другого: «Когда мы увидимся в следующий раз?» — на что собеседник отвечает: «Очень скоро. Когда наши войска войдут в этот город».

Впрочем, у Фейхтвангера эти слова произносились в несколько ином контексте.

2

Документ № 7

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

Совершенно секретно. Исх. № 72/003

«1» июня 1942 г.

Членам Политбюро ЦК ВКП(б)

Сведения, поступающие по каналам разведки, полностью подтверждают наши прежние предположения о том, что Германия намерена в самое ближайшее время предупреждения осуществить нападение на СССР. Как мы уже сообщали, еще 30/II-42 Гитлер утвердил план военных действий, названный план «Барбаросса» (прежнее название — план «Фриц»).

Первоочередная задача германской армии — расколоть танковыми клиньями фронт главных сил РККА и глубокими ударами подвижных соединений севернее и южнее припятских болот уничтожить наши разобщенные группировки. Для ведения войны созданы три группы армий («Север», «Центр», «Юг») в составе 4 танковых и 10 полевых армий, имеющих до 150 пехотных 40 танковых и моторизованных дивизий. Численность сил вторжения оценивается в 5–6 миллионов личного) состава, 7 тыс. танков, до 10 тыс. самолетов, 50 тыс. орудий. Карта с предполагаемой дислокацией выявленных объединений противника прилагается.

Действия Вермахта согласно плану «Барбаросса»:

группа армий «Юг» наступает усиленным левым флангом на Киев, имея впереди подвижные части — 1-ю танковую армию, которая должна прорвать нашу оборону между Рава-Русской и Ковелем, а затем двигается через Бердичев и Житомир;

группа армий «Центр», сосредоточив главные силы на флангах, окружает войска Красной Армии в Белоруссии, танковые армии наступают севернее и южнее Минска. Линия наступления 2-й ТА: Кобрик — Слуцк — Минск, 3-й ТА: от Гродно на Минск. Затем обе ТА

соединяются в районе Смоленска;

группа армий «Север» имеет задачу быстро отсечь Прибалтику, для чего создается ударный кулак на правом фланге. 4-я танковая армия прорывается к Двинску, в дальнейшем наносит удар на Опочку.

Основные приготовления к агрессии завершены к середине мая. На территории Восточной Пруссии и Польши восстановлены старые и построены новые исходные районы для наступления, разветвленная система базирования флота создана на севере Норвегии. В Германии и Польше оборудовано 400 аэродромов и 250 посадочных площадок. За февраль-апрель на советскую границу переброшено около 60 дивизий, а с 10 мая началась переброска т. н. четвертого стратегического эшелона в составе 55–65 дивизий, из которых свыше половины — танковые и моторизованные. Около 30 дивизий остается в резерве Главного командования. За 12 дней до наступления сосредоточенные в районах выжидания войска начнут выдвижение на исходные рубежи примерно в 7-30 км от границы.

С 25 мая резко увеличилось количество нарушений воздушной границы СССР немецкими самолетами, которые пытаются фотографировать расположение наших войск. Наблюдается также усиленное проникновение диверсионно-разведывательных групп противника. Одновременно штабы танковых армий начали перемещаться на передовые командные пункты, расположенные в Замостье, Тильзит, Бяла-Подляска, Тройбург.

Все эти данные подтверждают информацию, ранее полученную от источников (Старшина, Брахтенберг, Дора, Кент, Крестоносец, Легионер), о том, что начало войны намечено на период с 8 по 15 июня с. г.

*Нарком госбезопасности
комиссар госбез 1-го ранга*

В. Н. Меркулов

Резолюция:

«2 июня собрать весь Политбюро + СНК+маршалы + Генштаб + командующие округов и флотов. И. Сталин».

3

Открыв совещание, начальник Генштаба маршал Егоров огласил вывод, естественно вытекающий из последних данных разведорганов: противник в течение недели завершит развертывание ударной группировки. Это означало, что нужно немедленно пополнить соединения до штатного состава, передать в войска из народного хозяйства множество тракторов, автомобилей, лошадей. И, наконец, стремительно развернуть армию, то есть сосредоточить корпуса и дивизии на позициях вблизи границы.

Генерал Жуков снова предложил подумать о возможности нанести упреждающий удар, бросив приграничную группировку Красной Армии на совершенно не подготовленные к обороне части Вермахта. Маршал Шапошников дипломатично напомнил, что план упреждающего удара Генштабом так и не разработан, что развернутая в три эшелона западная группировка РККА имеет некомплект личного состава в 2,7 миллиона личного состава и что расположенные в глубине Европейской части страны соединения до сих пор не получили приказов о выдвижении, то есть подтянутся к границе только через неделю, а то и через десять дней.

— Да, сегодня мы сильны, но побеждает не сильный а умный, — раздраженно сказал Сталин. — Прежде чем писать директиву войскам, надо хотя бы понять, чего мы хотим достигнуть.

Горячий генерал Павлов, за два года после Испании подросший из комбригов в начальники Генштаба, а ныне командовавший Западным военным округом, повторил свое предложение: навязать немцам решительное встречное сражение, массированно бросив на врага все наши танки. Буденный, хохотнув, заметил: дескать, если бы речь шла о коннице, то решение правильное, а вот с механизированными войсками все сложнее.

— Дайте мне мехкорпус, пару кавалерийских дивизий да с воздуха прикройте, — темпераментно воскликнул Павлов. — Я через неделю ворвусь в Берлин.

Егоров сухо проинформировал героя танковых атак:

— У немцев больше солдат и прекрасно отработано взаимодействие Люфтваффе с наземными частями. Ваше наступление захлебнется на подступах к Варшаве.

Замнаркома иностранных дел Литвинов, известный англофил и германофоб, опасливо добавил:

— Причем, если мы начнем первыми, Гитлер с Геббельсом будут орать на весь мир о большевистской агрессии, об экспансии коммунизма, угрожающей всей западной цивилизации.

— Вот этого бояться не нужно, — одернул его Молотов. — Имей мы возможность нанести первый удар, то ангlosаксы на радостях объявили бы нас спасителями цивилизованного мира от нацистской тирании.

Хотя обстановка была тяжелая, Сталин оценил юмор и улыбнувшись, проговорил задумчиво:

— Да, это верно. В таком случае Британия с Америкой долго целовали бы нам задницу. Но, как бы нам ни хотелось нанести упреждающий удар, придется выбрать оборонительную доктрину.

— Может, попробуем, как под Царицыном? — осторожно предложил Ворошилов. — Измотаем в обороне, пожжем им побольше танков, самолетов, пехоту положим тысячами, а потом уж ударим всеми силами...

Жуков и Тимошенко явно колебались: чувствовалось, что оба опасаются, как бы необстрелянные красные дивизии не дрогнули под напором закаленных в трехлетней войне немцев. Но и встречный бой, понимали они, тоже не сахар. Однако Сталин начал свирепеть, и Егоров, упреждая взрыв, заметил:

— Главное — выбить зубы их танковым армиям. Следует заранее подтянуть на участки вражеских ударов наши противотанковые артиллерийские бригады — по две-три бригады против каждой танковой армии. Две-три сотни стволов затормозят наступление, а тут с флангов ударят мехкорпуса. А пехоту противника встретим прочной обороной и контратаками общевойсковых соединений, в которых снова появились легкие танки.

— Разумно, — сказал Сталин. — Одна беда: танки маневреннее артиллерии, а мы не знаем точно, по каким дорогам пойдут танки.

На это Егоров ответил, что присутствующий здесь генерал Иссерсон, изучавший действия немецкой армии в Европе, подготовил соображения по данному вопросу.

— Читал ваши труды, — буркнул вождь народа и партии. — Прошу высказываться, Георгий Самойлович.

Когда на трибуну поднялся сорокачетырехлетний профессор в генеральском мундире, многие военные невольно заулыбались, но и привычно подтянулись, все они — кто раньше, кто совсем недавно — учились в Академии Генштаба, где начальник кафедры оперативного искусства Иссерсон читал им лекции, а потом принимал экзамены. Авторитетом он, несмотря на тяжелый характер, пользовался непререкаемым.

Опершись обеими руками на полированное дерево, профессор заговорил, четко выговаривая чеканные формулировки, словно излагал курс слушателям Академии:

— Опыт войны в Испании, германо-польской войны и войн в Западной Европе показывает, что грядущая советско-германская война будет носить преимущественно маневренный характер с короткими передышками в виде позиционного застоя. Современная война начинается одновременным вводом в сражения всех имеющихся сил в первые же дни военных действий. При этом отбрасывается старая традиция, согласно которой нужно предупредить врага о начале войны. Война вообще не объявляется, она просто начинается заранее развернутыми вооруженными силами.

Далее профессор перечислил основы германской стратегии сокрушения: наличие сильной авиации, господствующей в воздухе, при наличии мощных быстроподвижных

танковых и моторизованных соединений, прорывающихся в глубину, и при наличии смело атакующей пехоты, поддержанной крупной разнокалиберной артиллерией.

Иссерсон особо подчеркнул, что массирование ударных группировок на узких направлениях позволяет достигать высоких темпов наступления. На основных направлениях передовая линия фронта выдвигается на 25–30 км в сутки. Это был обычный среднесуточный переход пехоты, догоняющей действующие впереди механизированные ударные соединения.

Профессор обвел аудиторию строгим взглядом, затем, улыбнувшись, сообщил:

— Все это теория, казалось бы, оторванная от жизни, но теперь, получив представление о стратегии врага, мы можем предсказать конкретный характер битвы в начальный период войны.

Он уверенно предположил, что противник вновь с неизбежностью сосредоточит танковые и мотодивизии на узких участках прорыва, предельно массируя мощь первого удара, и попытается пробиться в глубину, действуя бронированными клиньями на нескольких главных направлениях. Поскольку разведка установила места дислокации танковых армий противника, сказал Георгий Самойлович, не сложно определить и маршруты продвижения быстроподвижных соединений, а также следующих за ними пехотных колонн. Он подошел к карте и аккуратно прочертил синим карандашом операционные линии. Это было похоже на волшебство: нарисованные им синие стрелы практически совпадали с теми, которые были нанесены на карту, составленную разведчиками НКГБ и Разведупра.

— Значит, эти дороги должны быть закупорены арtpолками и бригадами, — резюмировал Тимошенко.

— Все-таки надеетесь повторить наш старый царицынский маневр? — недовольно сказал Сталин. — А если пехота не выдержит и откатится? Может, лучше держать жесткую, с танковыми контратаками, оборону там, где противник наступает, но одновременно самим бить в промежутки между клиньями?

Командующий Киевским военным округом генерал армии Жуков — большой любитель операций на окружение — азартно подхватил: дескать, удар с флангов по прорвавшейся группировке чреват ее окружением и полным разгромом. Иссерсон, который все еще стоял на трибуне, восторженно вскричал:

— Ну конечно! Именно так и надо воевать в середине двадцатого века! Мы должны навязать противнику глубокое, многоактное, многоярусное сражение, включающее в себя все явления операции в эпоху глубоких операций. Сегодня, благодаря развитию радиосвязи, глубокая операция может и должна быть управляемой, то есть составление и нацеливание ударных колонн становится едва ли не самой незначительной частью сражения. Расчленение операции по фронту и в глубину, глубокое развертывание войск в нескольких эшелонах превращают сражение в сплошную цепь слившегося ряда сражений. Основными формами оперативного маневра станут фронтальный удар по внешним линиям в сочетании с сокрушительным маневром из глубин и в глубину по внутренним линиям. Нанося мощные удары со стороны пассивных участков, мы должны стремиться отсекать и окружать вырвавшиеся вперед ударные группировки противника...

Недоуменно почесав ус кончиком трубки, Сталин осведомился, не пророчит ли уважаемый Георгий Самойлович полного отказа от позиционных форм войны. Профессор довольно дипломатично ответил: мол, разумеется, в условиях нашего чрезмерно обширного театра военных действий, да к тому же в начальный период войны, да на отдельных участках фронта — всякой может случиться...

— Однако, — закончил он уверенно, — все принципиально новые факторы глубокой стратегии скажутся в нашей борьбе с полной силой. К тому же, если учесть величайшие цели классового противоборства...

Сталин одобрительно кивнул и предложил военным немедленно переработать и разослать в войска план прикрытия границы, дополнив его оборонительную часть требованием перехода в решительное наступление на пассивных участках. Затем, обеда

соратников тяжелым, угрюмым взглядом, произнес главное:

— Немедленно отправьте приказ — начать выдвижение к западной границе корпусов и армий третьего стратегического эшелона. Скрытно, не объявляя мобилизации, призвать как можно больше запасных и отправить в западные военные округа для пополнения дивизий до штатного состава.

Зашумев стульями, Тимошенко, Ворошилов и остальные военачальники старой закваски дружно встали, однако Егоров, скептически покачав головой, заметил.

— К сожалению, мы до сих пор представляем себе это сражение лишь в самых общих чертах. Прежде чем приступить к работе над планом, необходимо провести командно-штабную игру, чтобы проработать на картах возможные ситуации.

— Поторопитесь, — мягко посоветовал Меркулов. — Гитлер намерен ударить через неделю — десятого июня.

Начальник Генштаба заверил наркома госбезопасности, что не позднее чем послезавтра в округа будут разосланы пакеты документов, и предложил всем руководителям Наркомата обороны и командующим округами безотлагательно выехать в Генеральный штаб для участия в игре.

— Не спешите так сильно, — в голосе Сталина вновь зазвучало недовольство. — Мы еще не решили вопросы взаимодействия сухопутных войск с авиацией и флотом.

Время поджимало, поэтому генерал-лейтенант Челобян, следивший за действиями Люфтваффе в Польше, Норвегии и Англии, докладывал сжато и четко. Германская авиация, подытожил он, штурмует наземные соединения группами по 20–30 и даже 50 самолетов. Без долгих обсуждений Егоров предложил включить во Временное наставление пункт о противовоздушной обороне поля боя и о безусловном («Под страхом расстрела», — вставил Берия) прикрытии полевых войск силами истребительной авиации.

Адмирал Кузнецов, нарком Военно-Морского Флота, приготовился докладывать, но сухопутные командиры явно заскучали, и Сталин подумал, что от бывалых кавалеристов при обсуждении этих вопросов пользы будет немного.

— Все могут быть свободны... — разрешил он, сделал паузу и пошутил: — Кроме тех, кого намерен задержать Лаврентий Павлович... А для обсуждения флотских проблем останутся Николай Герасимович и...

— Я остаюсь, — вызвался Молотов. — Как же иначе — флотские вопросы, и вдруг без меня...

Когда Армия, Авиация и Политбюро покинули зал заседаний, трио «морских волков» переместилось в кабинет Сталина. Здесь Кузнецов, усвоивший, что диктатор питает нежную слабость к самым большим и сильным кораблям, начал докладывать именно с них:

— Перед тем, как выехать в Кремль, я получил шифровки. Одна новость — хорошая, другая — похуже...

— Начнем с хорошей, — усмехнулся Сталин.

— Хорошую новость мы ждали только к вечеру, — Кузнецов машинально ткнул пальцем в место на карте, где было нарисовано Баренцево море. — Эскадра прибыла в Мурманск.

Старик просиял. Сбывалась его давняя мечта. Флот разрушенный четверть века назад бездарными проповедниками «мировой революции», возрождался, подобно легендарному Фениксу! Отныне Советский Союз имел шесть линейных кораблей на трех флотах: новейший тяжелый крейсер «Кронштадт» и два дредноута старой русской постройки на Балтике, третий такой же дредноут — на Черном море, и два бывших английских — «Перекоп» и «Каховка» — на Северном флоте. Там же, на Севере, оказались и три бывших английских крейсера — корабли не слишком новые и не самой удачной конструкции, но хоть что-то. К тому же эскадра Северного флота не была заперта босфорским и гибралтарским замками, то есть не возникнет чрезмерных сложностей, если понадобится перебросить корабли на Тихий океан, усилив уже созданную на Дальнем Востоке крейсерскую дивизию. Хотелось бы, конечно, провести на Север побольше новых кораблей,

но «Кронштадт» еще проходит испытания, а гигантский линкор «Советский Союз» только недавно спущен на воду и нуждается в двухлетней, не меньше, достройке.

— Надеюсь, ваша плохая новость будет не настолько плохой, как доклад товарища Меркулова, — пошутил Сталин.

По его глазам было видно, что вождь не слишком на это надеется. Как обычно, он был прозорлив.

— Это сообщение дополняет доклад Всеволода Николаевича, — сказал нарком флота. — Немцы двинули корабли на фланги. «Шарнхорст» и «Витторио Венето» проследовали через Гибралтар курсом на восток. «Тирпиц» и «Бисмарк» перебазируются в порты Северной Норвегии.

Молотов не сразу понял, что означает это сообщение, но хватило единственного взгляда на ставшее озабоченным лицо Сталина, и стало ясно: дело серьезное, глава партии и правительства медленно выговорил:

— Создают морские кулаки. Готовят удары по Дарданеллам и Мурманску. — Он неторопливо прогулялся к окну, раскуривая трубку. — Вот нам еще задача. Наверняка немцы попытаются ударить из Греции по нашим позициям в Турции.

— Прорыв к Босфору? — догадался Молотов. — Турецкий тыл ненадежен. Не исключены мятежи.

Обмениваясь короткими репликами, они обсудили надежность береговой обороны в Дарданеллах, которая в 1-ю мировую войну выдержала натиск огромного британо-французского флота. Прикинув варианты, решили перебросить из Севастополя в район Стамбула дополнительный полк бомбардировщиков-торпедоносцев Ил-4. Заодно пришли к согласию, что после начала войны англичане станут союзниками Советского Союза и можно будет воспользоваться остатками британского влияния на Анкару, чтобы сдерживать прогерманские настроения некоторых турецких генералов и политиков.

Тем не менее Сталина продолжала тревожить слабость корабельного состава РККФ.

— Как новые крейсера? — хрипло спросил он, явно волнуясь. — Успеем достроить, чтоб они приняли участие в войне?

— «Чапаев» и «Железняков», оба наших «балтийца», выйдут на ходовые испытания в конце месяца, — ответил Кузнецов. — На Черном море готовы «Чкалов», «Фрунзе» и «Куйбышев». Тяжелый крейсер «Севастополь» должен быть закончен постройкой через год с небольшим. Боюсь, война до того не закончится.

— Пораженец, — добродушно погрозил пальцем Сталин. — Линкоры монтируются по графику?

Адмирал замялся, и вождь, заметив его нерешительность, обеспокоенно спросил, в чем дело.

— Меня беспокоит «Советская Россия», — признался нарком ВМФ. — Сборка корпуса завершена, но по монтажу надстроек линкор сильно отстает от «Союза», и «Украины». Металлурги не справляются с отливками броневых плит нужного качества. Да и артиллерийские заводы не успеют поставить орудия главного калибра для трех кораблей. Дай-то бог Нептун, чтобы два линкора смогли к сроку построить и вооружить... Морской технический комитет считает правильным изменить проект, поставить на этот корпус взлетные палубы и таким образом превратить линкор в авианосец. Корабль может быть спущен на воду к осени сорок четвертого.

Молотов покачал головой и принялся протирать пенсне. Он не был уверен, что промышленность справится со столь сложной технической задачей. Задумчиво прогулявшись по кабинету, Сталин остановился возле стола, исподлобья посмотрел на Кузнецова — тот, побледнев, привстал на дрожащих ногах — и отчетливо выговорил:

— Обсудите с командованием ВВС, какие самолеты можно использовать на авианосце...

Из дневника генерал-полковника Ф. Гальдера

3 июня 1942 года

Большое совещание у фюрера.

11.00–14.00. Доклады командующих группами армий и армий о предстоящих действиях в операции «Барбаросса».

После обеда фюрер произнес большую политическую речь, в которой мотивировал причины своего решения напасть на Россию и обосновал то положение, что разгром России вынудит Америку прекратить борьбу. Хотя русские вооруженные силы и глиняный колосс без головы, однако точно предвидеть их дальнейшее развитие невозможно. Поскольку Россию в любом случае необходимо разгромить, то лучше сделать это сейчас когда русская армия плохо подготовлена к войне.

Роль и возможности России. Только при условии окончательного и полного решения всех сухопутных проблем мы сможем выполнить стоящие перед нами задачи в воздухе и на море в течение ближайших двух лет. Наши задачи в отношении России — разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство, истребить коммунистов, захватить важнейшие экономические центры и разрушить остальные промышленные районы, прежде всего в районе Екатеринбурга. Кроме того, необходимо овладеть районом Баку. Любой политик, сумевший выполнить эту возвышенную программу, будет назван величайшим гением подлинного национал-социализма.

Высказывание о русских танках. Заслуживают уважения, но в своей массе — устаревшие типы. По численности танков русские сильнее всех в мире, но они имеют лишь небольшое количество новых танков-колоссов весом в 45–50 тонн с длинноствольной 105-мм пушкой.

Русская авиация велика по количеству, но большинство самолетов устаревших типов, и лишь незначительное число — современные машины.

Проблема русской территории. Хотя расстояния в России и большие, но они не больше тех расстояний, с которыми уже справились германские вооруженные силы. Бескрайние просторы делают необходимой концентрацию сил на решающих участках. Массированное использование авиации и танков на решающих направлениях. Авиация не сможет одновременно обработать этот гигантский район. Поэтому использовать ее нужно в тесной связи с операциями сухопутных войск. Русские не выдержат массированного удара танков и авиации.

Никаких иллюзий по отношению к союзникам! Финны будут храбро сражаться, но их мало, и они еще не оправались от поражения зимой 1939/40 г. От них можно лишь ожидать, что они атакуют Ханко и лишат русский флот возможности отхода в район Прибалтики.

От румын вообще ничего нельзя ожидать. Возможно, они будут в состоянии лишь обороняться под прикрытием реки, да и то лишь там, где противник не пожелав атаковать. Судьба крупных германских соединений не может быть поставлена в зависимость от стойкости румын.

Венгры ненадежны, так как не имеют никаких причин для выступления против России. Венгры не посвящены в наши планы. Словаки — славяне, их можно использовать лишь для охраны тыла. Итальянские, французские, испанские и британские войска придут лишь после начала войны.

Борьба двух идеологий. Уничтожающий приговор большевизму не означает социального преступления. Коммунизм — огромная опасность для существования национал-социализма в будущем. Речь идет о войне на уничтожение. Мы ведем борьбу не для того, чтобы законсервировать своего противника. Безжалостное уничтожение большевистских комиссаров и всей коммунистической интеллигенции.

Будущая картина политической карты России. Северная Россия отойдет к Финляндии. Протектораты в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии. Прибалтийские государства отойдут к нам со своим местным самоуправлением. Русины будут нас приветствовать. Украина —

неизвестно, донские казаки — неизвестно. В Великороссии необходимо применить жесточайший террор. Специалисты по идеологии считают русский народ недостаточно прочным. После ликвидации активистов он расслоится. Кавказские племена легко примут новый порядок, если не вмешиваться в их архаичные обычаи (кровная месть, многоженство, право ношения холодного оружия). Кавказ будет позже отдан Турции (при условии его использования нами).

Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость — благо для будущего.

18.00. Генерал Паулюс: Организационные основы перестройки сухопутных войск для решения задач, стоящих перед Германией после операции «Барбаросса».

19.00–19.30. Продолжительные споры о трудностях, которые возникнут в ходе окружения русских в районе Белостока. При этом решено, что начало наступления Переносится с 3.30 на 3.00 10 июня.

5

Начиная с 5 июня, на рубеже Западной Двины и Днепра сосредотачивались выдвигаемые из внутренних округов 6 общевойсковых армий третьего стратегического эшелона. Оперативные объединения первого эшелона стягивались поближе к границе, занимая оборону в зоне укрепленных районов. Скрытными ночными маршами шли на запад корпуса вторых эшелонов приграничных округов. Все 10 противотанковых артбригад и 12 механизированных корпусов Красной Армии, дислоцированные в приграничных округах, перемещались вдоль фронта, занимая позиции на путях вероятного продвижения немецких войск. В округа срочно, под предлогом лагерных сборов и тактических учений, отзывались из отпусков командиры и политработники. Из запаса были негласно призваны для пополнения частей 200 тысяч приписного состава. Еще полмиллиона запасных пополнили кадрированные дивизии в Сибири, Поволжье, Средней Азии, на Кавказе, Урале и Дальнем Востоке.

Всего у границы развернулась на 400-километровую глубину четырехмиллионная армия при 15 тысячах танков и 12 тысячах самолетов. Выполнение директивы должно было увеличить эту группировку до четырех с половиной миллионов, а глубину развертывания — уменьшить до 200 км. Однако для такой концентрации оборонительных сил требовалось не менее 10–12 дней, а враг мог ударить в любой момент. Кремль попытался оттянуть неизбежное дипломатическими методами.

7 июня ТАСС распространило написанное лично Сталиным заявление, в котором говорилось: «Советское правительство получает из различных источников сведения о сосредоточении против СССР крупных контингентов германских войск. Определенные силы в некоторых странах, давно мечтающие спровоцировать новую войну между великим русским и немецким народом открыто говорят о неизбежности такой войны уже в самое ближайшее время... По данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, и происходящие в последнее время переброски германских войск в восточные и северо-восточные районы Германии связаны, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям...»

Для советских людей, которые получали информацию лишь из официальной прессы, это заявление прозвучало, как взрыв бомбы. ТАСС, по существу, сообщил, что Германия стянула на советскую границу огромную армию, а СССР, в свою очередь, проводит ограниченную мобилизацию. Оговорки: дескать, запасных призывают для участия в летних маневрах, никого не могли обмануть — за четверть века советские люди прекрасно научились читать истину между строк лукавых деклараций.

На следующий день, 8 июня, из приграничных гарнизонов были эвакуированы семьи

военнослужащих, а органы НКВД и НКГБ начали массовые аресты неблагонадежных элементов на территориях, присоединенных к СССР за последние три года. Над Белостоком, Шауляем, Котовском и Винницей зенитные части сбивали самолеты-шпионы.

Берлинские дипломаты на заявление ТАСС не ответили, что позволило кремлевским вождям сделать вывод: война неизбежна. Между тем Гитлер, с присущим ему оптимизмом, прокомментировал этот демарш: «Сталин трусил и готов отдать все без боя. Но его уже ничто не спасет. Через два месяца я приму у него капитуляцию. На развалинах Кремля!»

Глубокой ночью 10 июня почти 6 тысяч немецких самолетов отправились в первый массированный рейд, одновременно 30 тысяч орудий открыли огонь по приличным гарнизонам. Впрочем, снаряды падали на пустые плацы, казармы и заставы, потому что войска еще накануне заняли оборонительные укрепления. На перехват вражеской авиации вылетело вдвое большее число истребителей, а штурмовики и бомбардировщики советских ВВС атаковали устремившиеся на восток колонны танков.

Первые сутки завершились чудовищными взаимными потерями: в ожесточенных воздушных боях и на земле погибли 430 немецких и 1180 советских самолетов. Стоявшие в некотором удалении от границы механизированные соединения РККА не успели еще принять участия в сражении, но немцы потеряли на минах и от артиллерийского огня около сорока танков.

Как и предсказывали специалисты, немцы наступали узких направлениях вдоль шоссе дорог, нацелив свои ударные клинья на Каунас, Вильнюс, Барановичи и Ровно. К исходу дня авангарды ударных группировок продвинулись на 20–50 километров и вошли в соприкосновение с главными силами Красной Армии.

6

14-я танковая дивизия 7-го механизированного корпуса, в состав которой входила рота капитана Часова, расположилась в лесу южнее Ковеля. Километрах в десяти к западу, перегородив шоссе Владимир-Волынский — Луцк, заняла оборудованную оборонительную полосу стрелковая дивизия, подкреплённая 1-й противотанковой бригадой генерала Москаленко. На флангах позиции стрелков и артиллеристов развернулись два мехкорпуса — 10-й и 7-й.

Ждали немцев и дождались — ночью разведка доложила о приближении вражеских авангардов.

— Будем бить, — сказал спросонок Часов и, прежде чем снова заснуть, добавил: — Ох, как бить будем!

На рассвете налетели вражеские бомбовозы, окрестные леса были буквально утыканы зенитками, так что немцы кидали бомбы не целясь и без особого ущерба для оборонявшихся. Чуть позже подоспели наши истребители, и пикировщики Люфтваффе убрались подброду, оставив на полях вокруг Затурцы пяток горящих машин. Впрочем, советских машин догорало вдвое больше.

Ударил вражеская артиллерия, и поползли танки, в ответ загремели укрытые на позициях красноармейские пушки. Через час канонада утихла, и с передовой сообщили, что немцы ушли, а на поле горят 18 танков.

— Нормально бьем фрицев, — прокомментировал Часов. — Немцы мало чем от японцев и турок отличаются.

Потом вражеские гаубицы закидали позицию фугасно-осколочными снарядами, и атака повторилась. Число подбитых немецких танков приблизилось к трем десяткам, но и артиллеристы потеряли почти половину орудий.

Неожиданно немецкие танки ловко сманивировали, прорвались через окопы пехотинцев и вплотную подобрались к позициям артиллерии. Следом за танками шли бронемашины и грузовики, с которых спрыгивали, немедленно разворачиваясь в короткие цепи, вражеские солдаты. В окопах завязался тяжелый бой. Командир дивизии бросил в

контратаку батальон второго эшелона при поддержке танковой роты. С башни своей машины Часов видел в бинокль, как немецкие танки торопливо отползают, постреливая в неуязвимые Т-34.

— Товарищи командиры, прошу ко мне, — крикнул комбат Ладейкин и продолжил, когда ротные собрались возле его машины: — Наступает наше времечко. Немцы снова отступили. Сейчас то ли еще раз вдоль того же шоссе двинутся, то ли попробуют в обход. Мы должны упредить их ударом с севера. Слушайте боевой приказ...

К назначенному сроку в районе сосредоточения удалось насчитать от силы половину танков дивизии, причем, дело было даже не в свирепых воздушных налетах, которых погибло всего с десяток боевых единиц. Как следовало ожидать, старенькие машины вроде БТ-2 и БТ-5 не выдержали длительного марша — громадное число этих ветеранов прошлой пятилетки осталось вдоль дорог, и танкисты с громкими матюгальниками пытались починить многочисленные поломки. Часто выходили из строя и первые модификации КВ, на которых горели коробки передач и летели тормозные ленты. Зато машины последних выпусков шли по бездорожью, точно по Красной площади.

По сигналу — три красные ракеты — рота Часова двинулась к рубежу атаки, возглавляя колонну полка. Артподготовка продолжалась недолго, минут примерно двадцать, и прекратилась, едва танки пересекли передний край красноармейских окопов.

Развернувшись из предбоевой колонны в линию машин, рота двинулась на высоту 83.1, раздавив попутно позицию пехотного взвода и минометную батарею. С гребня высоты Часову открылась упоительная панорама: примерно полста немецких танков стояли в чистом поле вперемешку с бензозаправщиками и грузовиками, в кузовах которых, не иначе, лежали боеприпасы. Появление полутора десятков советских танков вызвало у противника шок. Несколько Pz.III и Pz.IV попытались обстрелять машины русских, но слабосильные снаряды либо не долетали, либо безвредно скользили по толстой лобовой броне КВ-3.

— Бронебойными, дистанция шестьсот, беглый огонь! — скомандовал Алексей и сам надавил гашетку электроспуска.

107-миллиметровые болванки прошивали немецкую сталь, как тонкий лист картона. Легкие вражеские танки горели и взрывались, еще лучше полыхали бензовозы и боекомплект в грузовиках. Покончив с этой частью, рота Часова обошла по проселку зону сплошного пожара, выехала на засеянное поле, разогнала здесь батальон пехоты и понеслась дальше.

Вскоре навстречу им двинулись, растянувшись, сколько мог охватить глаз, раскрашенные серыми и зелеными пятнами танки с намалеванными на броне большими белыми крестами. По приказу Ладейкина батальон развернулся в линию и огнем с места, как на стрельбище, отразил контратаку. Потом был воздушный налет, дивизион противотанковых пушек, еще два боя с танками...

К вечеру потерявший четверть состава полк встретил наступавшие с юга Т-34 из состава 10-го корпуса. Еще через час стало ясно: ударная группировка, пытавшаяся прорваться на стыке 5-й и 6-й армий Юго-Западного фронта, разгромлена и отступила к Припяти. На огромном пространстве мирно догорали остовы четырехсот немецких и трехсот советских танков.

Получив донесения от нижестоящих штабов, командующий фронтом генерал Жуков приказал командарму-5 Потапову прочно закрепиться на занятом рубеже — с запада подходили свежие танковые части и пехотный корпус противника. В ходе развернувшихся на следующий день боев немцы оттеснили Красную Армию за реку Стырь, а еще через неделю прижали к реке Случь. К 20 июня Часов, как старший из комсостава, сменил на посту комбата тяжелораненого Ладейкина. Танков в батальоне оставалось меньше, чем полагалось иметь в роте.

От Советского Информбюро

В течение 23 и 24 июня советские войска вели успешные оборонительные сражения, нанося врагу тяжелейшие потери. В уличных боях за города Вильнюс и Шяуляй убито и ранено свыше тысячи солдат и офицеров противника. Танковая армия Гудериана пыталась форсировать р. Неман восточнее Барановичей, но была отброшена сильным артиллерийским огнем Н-ского корпуса. На Украинском направлении наши войска вернули г. Ровно. Войска Молдавского направления отразили все попытки немецко-румынских агрессоров вторгнуться советскую территорию. На отдельных участках румынской границы части Красной Армии форсировали реку Прут, захватив плацдармы на западном берегу.

* * *

25 июня. На северном и западном направлениях происходили бои местного значения. Войска нашего Украинского фронта вели наступательные действия, развивая прорыв в направлении Тернополя. Враг понес большие потери в безуспешных попытках прорвать укрепленный район возле г. Гродно. На Балтике огнем морской артиллерии уничтожено до двух полков противника, атаковавших базу на полуострове Ханко. В районе о. Утэ на минах, поставленных ранее нашим флотом, подорвался и затонул финский броненосец береговой обороны «Ильмаринен». Войска Карельского фронта нанесли сильный удар вдоль берега и приблизились к финскому городу Котка. Советские войска, защищающие Босфор, отразили сильные атаки итало-германских войск, действующих на территории Греции. Авиация РККФ потопила итальянский крейсер «Кадорна» и нанесла повреждения линкору «Витторио Венето», которые пытались обстреливать прибрежные позиции Красной Армии.

* * *

27 июня войска нашего Западного фронта вели бои местного значения на подступах к Минску. Осуществив контрудар, Н-ское соединение под командованием генерала Катуква овладело населенными пунктами Исlochь и Раков. На Юго-Западном фронте велись боевые Действия в районе городов Дрогобыч, Ковель и восточнее Ровно. Пехота, артиллерия и авиация Красной Армии сорвали попытку крупной танковой колонны противника прорваться к Житомиру. После многодневных упорных боев, под давлением превосходящих сил противника войска Прибалтийского фронта временно оставили г. Вильнюс и отступили на заранее подготовленные позиции.

* * *

29 и 30 июня советские войска Южного фронта разгромили правофланговый корпус 3-й румынской армии на Кишиневском направлении и, преследуя противника, овладели городом Яссы. На других участках советско-германского фронта велись бои местного значения, в атаки немецко-фашистских войск отбиты с большими для них потерями.

* * *

3 июля. За последние дни части Красной Армии внезапным ударом разгромили противника в районе житомирского выступа и освободили от немецкой фашистских захватчиков восточную часть Житомира. Полностью или частично разгромлены 2 танковые, 1 моторизованная и 4 пехотные дивизии противника. Бои местного значения происходили на различных участках белорусского направления. Защитники Могилева уничтожили около 40 немецких танков и до батальона пехоты. Южнее Риги войска генерала Рокоссовского

разгромили моторизованную дивизию противника, взято 800 пленных.

* * *

7 июля. Крупного успеха добились войска Южного фронта, которые ведут бои на чужой территории. Победоносные полки генерала Кирпоноса разгромили 4-ю румынскую армию и очистили от противника города Галац и Сулина. Румынская армия в панике отступает к Бухаресту, неся огромные потери. По неполным сведениям, убито не менее 10–12 тысяч румынских военнослужащих, взято в плен 34 тысячи, дезертировали и разбежались более 120 тысяч. Преследование продолжается.

* * *

11 июля. Корабли Черноморского флота обстреляли из дальнбойных орудий и подожгли сооружения нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий возле румынского города Констанца. На Балтийском море советская подводная лодка под командованием капитана 3-го ранга Л. потопила немецкий эсминец. Авиация дальнего действия подвергла бомбардировке логово фашистского зверя Берлин, все наши самолеты вернулись на свои базы. Тяжелые оборонительные бои ведут подразделения Босфорского участка фронта. Героические защитники черноморских проливов отбили наступление превосходящих сил противника, и лишь на отдельных направлениях отошли на заранее подготовленные позиции. Огнем береговой артиллерии поврежден немецкий линейный корабль «Шарнхорст».

* * *

16 июля. На сухопутных фронтах существенных изменений не происходило. Крупные воздушные сражения разыгрались над городами Витебск, Гомель, Житомир. Сбито не менее 75 самолетов противника.

8

Приехав в Кремль под вечер 25 июля, Сталин поручил Поскребышеву собрать через час «узкое руководство» и старших военачальников. Налил себе крепкий чай, бросил в рот кусочек крепкого рафинада, отхлебнул горячую краснодарскую заварку и медленно подошел к застеленному картами столу.

Война продолжалась почти полтора месяца, но противник вовсе не был разбит наголову, как планировали московские вожди. Это означало, что Вермахт сильнее Красной Армии, да и немецкий солдат сражается лучше красноармейца, хотя численным превосходством враг не обладает — ни в живой силе, ни в технике. Тревожный сигнал, раздраженно подумал Сталин, мы допускали непростительные ошибки.

Раздражали и даже пугали очень высокие потери механизированных войск. Все мехкорпуса буквально обескровлены. ГАБТУ предлагает ликвидировать дивизионное звено, чтобы переформированные корпуса состояли из двух танковых и двух моторизованных бригад частями усиления. Снова, как перед войной, предлагают забрать из стрелковых частей для усиления корпусов старое барахло вроде легких Т-26 и Т-40, а также вооруженные пулеметами танкетки Т-37 и Т-38. Глупость, конечно, эти слабые танки нужно оставить в стрелковых дивизиях, туда же передать БТ всех модификаций — пехоте необходимы танки непосредственной поддержки. Возможно, танковые дивизии придется расформировать, в корпусах оставим только КВ, Т-34 и немного легких Т-50, но их выпускаем пока меньше, чем теряем.

Немцы воевали слишком умело и упорно, и это умение выглядело, как

сверхъестественная везучесть. Прекрасно, казалось бы, подготовленные удары громадных масс красноармейцев, вооруженных замечательной техникой, разбивались о невозможную стойкость гибкой обороны вражеских дивизий. Танки у немцев — дерьмо же, броня из тонкой жести, но каким-то образом нам не удастся реализовать превосходство великолепных Т-34 и КВ.

Он сделал зарубку в памяти: поговорить с умными фронтовыми командирами, их наблюдения и личный опыт могут объяснить загадку вражеских успехов.

Ситуация чем-то напомнила ему времена красно-белого братоубийства, когда приходилось воевать не только умением, но и числом. Оставался последний выбор — задержать врага любой ценой, сковать Гитлеровцам возможности для маневра, обескровить, а потом ударить большой силой по слабому месту. Что ж, силы накапливались, и скоро их станет еще больше.

За прошедший месяц на фронт отправились около двух тысяч маршевых батальонов — почти миллионное пополнение для войск на линии огня. В тылу были сформированы около двухсот стрелковых и кавалерийских дивизий, половина которых уже влилась в состав Действующей армии. Слабенькие получают дивизии, почти без артиллерии, хотя из арсеналов выскребли даже старенькие полковые трехдюймовки, помнившие чуть ли не японскую войну.

С количеством вопрос решался, пришла пора подумать о качестве. Раненые фронтовики, бойцы отведенных на переформирование частей должны стать костяком новых дивизий, которые можно будет бросить на самые важные участки. Для них и оружие получше найдется, заводы наращивают производство, винтовки, пулеметы и патроны поступают бесперебойно, хотя с танками, пушками и самолетами дела обстоят похуже...

Недовольно покачав головой, Сталин достал из кармана записную книжку. Перелистал, нашел нужную страничку. Не слишком успешное течение военных действий можно и должно было поправить, по-умному расставив командные кадры. Когда грянула война, командующих фронтами назначали в спешке, посылая на горячие направления подвернувшихся под руку маршалов и генералов. Да и сами фронты создавались не всегда продуманно, простым переименованием военных округов мирного времени. Теперь же, как говаривал Петр Алексеевич, дурь каждого видна стала, так что самое время перетасовать великих полководцев, поручив каждому дело по силам и способностям.

Начнем с севера. Карельский фронт — Мерецков явно справляется. Остановил почти что на линии границы знаменитого Дитля, который был с Гитлером еще во времена «пивного» путча, а потом неполной дивизией разгромил англичан в Норвегии. Для товарища Мерецкова полярные масштабы тесноваты, поэтому перебросим его на Северо-Западный фронт, потому как товарищ Ворошилов командует неважно, всякий раз проигрывает фон Леебу, не умеет отражать танковые прорывы. Первому красному маршалу поручим формирование Фронта резервных армий — с этим делом он справится.

Западный фронт... Сталин поморщился. Генерал армии Павлов так и остался комбригом, фронт ему не по силам — Белоруссию сдал за две недели. Дадим армию — пусть покажет себя в наступлении, а то кричит о танковых прорывах. Вот и посмотрим, на что ты способен, и не много ли у тебя звездочек в петлицах... А на Западный фронт назначим Конева — хорошо проявил себя и в наступлениях, и в обороне. Заслужил звание генерал-полковника.

Центральный фронт. Ну, тут срочных мер не нужно. Жуков — генерал талантливый, удачно маневрирует, наносит контрудары, применяет обходы и охваты... Отступил, конечно, это факт, но против него была сильнейшая группировка, и в конце-то концов Жуков остановил Гудериана, не пропустил в Брянск.

Кирпонос на Юго-Западном справляется весьма недурно, отразил первый натиск, сам наносил контрудары потеснил противника. Пожалуй, успешнее всех остальных воевал. Только фронт у него чересчур длинный, надо бы между Центральным и Юго-Западным еще один фронт организовать. Назовем его Карпатским, отберем по армии у соседей, выдвинем

из резерва свежую армию и кавкорпус, а командовать назначим Тимошенко.

А вот Тюленев на Южном совсем уснул. Против него противник, о каком только мечтать можно, а героический ветеран 1-й Конной почти не шевелится. Дождется, что немцы пошлют несколько своих дивизий на помощь румынам и накажут нас за бездействие. Командовать фронтом будет Малиновский, должен справиться. Тюленева же мы бросим на резервы заместителем к Ворошилову, пусть руководит боевой подготовкой.

Босфорская группа войск пока держалась, причем держалась неплохо. Легендарный командарм 1-й Конной развоевался, закрепился в горах, отбивает все попытки немцев прорваться к Босфору. Конечно, жалуется, что сил маловато, просит усилить авиацией, артиллерией, танками... Что же, подкинем резервы — глядишь, сам в наступление пойдет, погонит немцев до самых Афин.

Пролистав записную книжку, Сталин подчеркнул красным карандашом фамилии молодых генералов, успевших отличиться в июньско-июльских боях. Рябышев, Еременко, Харитонов, Власов, Москаленко, Рокоссовский, Говоров, Лелюшенко, Толбухин — каждому можно доверить армию.

Первым из соратников зашел в кабинет, как обычно, Молотов. Мельком взглянув на карту и, удостоверившись, что ничего страшного на фронте не происходит, он озабоченно сказал:

— Коба, у нас слишком сложная система управления. Мы с Лазарем, Лаврентием и Георгием поговорили и согласились, что нужен специальный орган высшей власти из нескольких человек — например, Госкомитет обороны.

— Бюрократы, — усмехнулся Сталин. — Зачем нам еще одна контора, которая будет дублировать Совнарком, Политбюро и Главный военный совет? Чтобы вдвое больше бумажек писать? Не нужна такая контора, на хрен не нужна.

— Тогда нужно перенести главные рычаги управления в Ставку, а тебе пора стать Верховным Главнокомандующим.

— Ленин не стал Главковерхом.

— Ильич оставался штатским человеком. А ты должен. Тебе под силу.

— И как, по-твоему, это сделать? — Сталин насупился. — Предсовнаркома товарищ Сталин подпишет постановление о назначении самого себя Верховным Главнокомандующим?

— Оформим решением Политбюро, и Калинин издаст указ Верховного Совета.

— Да, пожалуй, — признал Сталин. — Только все прочие инстанции разгоним к чертовой матери. Невозможная путаница получается — разные там бюро, комиссии, сонеты... Власть должна быть организована четко, без лишних ненужных контор.

Обдумав неожиданное предложение, Молотов собрался ответить, однако Поскребышев доложил, что народ собрался в предбаннике, и Сталин махнул рукой: мол, запускай.

Приглашенные входили по одному, в строгом порядке: Маленков, Берия, Каганович, маршалы Егоров и Шапошников. Последним перешагнул порог генерал Антонов — начальник оперативного управления Генштаба.

Генштабисты доложили о последних изменениях фронтовой обстановки. Группа армий «Центр» продвинулась на несколько километров вдоль магистрали Минск — Смоленск. Контрудары силами трех стрелковых, танковой и двух кавалерийских дивизий на разных участках Западного и Центрального фронтов не принесли желаемых успехов. Также приостановилось продвижение Югзапфронта, последние наши атаки противник отражал с большими потерями для Красной Армии. Кроме того, немцы энергично маневрируют войсками вдоль фронта — вероятно, концентрируют ударные группировки, готовясь к решительному рывку на восток.

— В чем причины наших неудач? — раздраженным тоном осведомился помрачневший Сталин. — Потапов, Воеводин и Музыченко были хороши в обороне, но не умеют наступать?

— Наши удары были слишком слабыми, товарищ Сталин, — ответил Егоров. — По существу, мы, как в Гражданскую войну, были неспособны давить на широком фронте. Такие удары, когда в каждой армии переходят в наступление одна-две дивизии, немцы легко отбивают, даже не перебрасывая подкреплений с соседних участков фронта. Пора подумать о наступлении целых армий, а то и всего фронта, массировать на участках прорыва не меньше десятка дивизий, бросать в бой больше техники. Довоенные представления о сорока пушках и двадцати танках на километр прорыва успели устареть.

Не так, чтобы сказанное начальником Генштаба было большой новостью, но рано или поздно кто-то должен был произнести эти слова вслух. Пыхтя трубкой, Сталин неторопливо прошел вдоль стола. Головы сидевших синхронно поворачивались, сопровождая перемещения вождя — точно подсолнухи за солнцем.

— Подготовьте директиву о недопустимости распыления сил и средств, — Сталин медленно выговаривал слова, стремясь к созданию идеально точных фраз. Рассчитайте необходимые цифры оперативной плотности.

Затем он объявил решения, выработанные перед началом совещания: о создании Ставки Верховного Главнокомандования, о перестановках командующих фронтами и, наконец, о создании ударных армий, костяком которых станут красноармейцы, успевшие понюхать пороху. Генштабу поручили наметить районы, где будут формироваться новые объединения, продумать штатное расписание.

Явно имея в виду Берию, Маленкова и Кагановича, отвечавших за производство разных видов вооружения, маршал Егоров поспешил высказать пожелания:

— Для массово формируемых дивизий нам понадобятся в больших количествах легкие пушки, гаубицы и минометы. Нужно побольше танков, хотя бы легких, на базе автомобильных заводов. Производство винтовок и пулеметов растет медленно, не успеваем вооружать новые дивизии.

Маршал Шапошников решительно добавил:

— Надо наконец вывести авиацию из армейского подчинения. Создавать авиакорпуса в подчинении начальника ВВС и Ставки. Только так мы сможем массировать авиацию на важнейших направлениях.

Покивав, Сталин махнул трубкой в сторону Поскребышева, чтобы тот зафиксировал полезные и важные предложения. Затем проговорил задумчиво:

— Подготовьте приказ — собирать трофейное оружие и боеприпасы. В Первую мировую целые корпуса царской армии были вооружены австрийскими винтовками.

— Австрийскими, японскими, английскими, французскими, — негромко уточнил Егоров.

— Где Кулик? — осведомился Сталин.

— В приемной дожидается, — сообщил Поскребышев!

Появившийся через мгновение начальник ГАУ маршал Кулик, услышав о трофейном оружии, доложил:

— Собираем трофеи, товарищ Сталин. С первого дня войны собираем, — он перелистывал извлеченную из портфеля пачку бумаг и наконец нашел нужную. — Вот, пожалуйста... У меня на складах почти семьдесят тысяч немецких винтовок, чуть больше тысячи пулеметов, три сотни орудий разных калибров, почти двести танков. Но многие требуют ремонта.

— Ремонтируйте, — распорядился Верховный. — Этих трофеев хватит, чтобы целую армию вооружит.

— А куда делись польские трофеи? — неожиданно поинтересовался Егоров. — Мы ж почти полмиллиона панов пленили.

— На складах, — повторил Кулик — На память не скажу, но сотни тысяч стволов легкого стрелкового оружия собрали в тридцать девятом. Правда, пушек немного, да и танки у них были дерьмовые.

— Что получше — посылай на фронт, а дерьмом тех же поляков вооружим, —

предложил хозяйственный Берия. — Пусть повоюют, нечего лагерную баланду переводить, дармоеды хреновы!

Инициативу наркома внутренних дел Сталин одобрил. Три года назад поляки показали себя не лучшими войками, но из пленных можно сколотить хотя бы несколько боеспособных дивизий — будет от братьев-славян хоть какая-то польза.

Прекрасно помнивший печальную осень двадцатого Егоров процедил, мстительно ухмыляясь:

— Много нам кровушки паны попортили. Пусть прольют свою кровь за Советскую власть.

— Надо найти у Пилсудского подходящую цитату на сей случай, — сделав каменное лицо, произнес Молотов.

Ответом стал взрыв хохота. Все помнили, как тонко сострил Молотов после исчезновения Польши с карты мира. Много лет назад Пилсудский презрительно назвал Чехословакию «уродливым детищем Версаля». Когда в Мюнхене уговаривали Прагу отдать Судетскую область Гитлеру, польский фюрер Бек повторил эту фразу, после чего польские войска вторглись в соседнюю славянскую страну и, помогая дружкам-нацистам, аннексировали свою долю добычи. Спустя год фортуна показала панам задницу, и Молотов на весь мир объявил уродливым детищем Версаля несуществующее государство — Польшу.

Веселье продолжалось недолго — все понимали, что положение непростое, поэтому потехе — минута, и нужно найти способ переломить в свою пользу ход соитий. Ждали, что скажет Верховный.

— Сами знаете, кто хорошо шутит, — прокомментировал Сталин. — Товарищ Егоров, доложите соображения.

Соображения начальника Генштаба трудно было назвать неожиданными. Егоров предлагал продолжать жесткую оборону по всему пространству военных действий, изредка наносить мощные удары большими силами, изматывать противника, а тем временем готовить резервы.

— Недели через три-четыре, как только закончим формирование ударных армий, сосредоточим их на Западном направлении, — продолжал маршал. — Группировку, наступающую на Смоленск, надо разгромить в первую очередь и любой ценой.

— Через месяц, — задумчиво повторил Сталин. — В начале сентября... Немец не любит снега и распутицы. Когда в Англии началась зима, немцы на два месяца вкопались в землю. А ведь там только слякоть была, почти без снега. Русскую зиму — с морозами и метелью — они еще не пробовали.

Поймав на лету мысль Верховного, Егоров сообщил: по прогнозам Гидрометеоцентра зима предстоит такая же свирепая, как в прошлом году, то есть первого снега в средней полосе можно ждать не позже конца сентября.

— Значит, решено, — сказал Сталин. — Ударные армии Павлова, Рокоссовского и Москаленко переходят в наступление, как только испортится погода.

Когда все разошлись, в кабинете остались только Сталин и Молотов. Многое менялось в стране, но оба ветерана партии оставались членами «узкого руководства», именно они — вот уже почти четверть века — принимали все основные решения.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил Молотов.

Сталин опустил веки, сделал глубокую затяжку. Сказал раздраженно:

— Фронт может рухнуть, хотя кажется прочным! Мы по-прежнему воюем хуже немцев. Казалось бы, красные командиры, представители передовых классов, даже мертвецки пьяные, должны бить вырождающихся аристократов и прочих буржуазных офицеров. Однако теория почему-то подводит... Несем огромные потери, а результатов — кот нагадил. Немцы перемалывают наши резервы и в любой момент могут погнать по всему южному направлению.

— Потери выровняются, если уйти в оборону. Обескровим, как вы с Климом под

Царицыном.

— В том и беда, что нас давит опыт Гражданской войны. Пора понять — это совсем другой враг и совсем другая война. Пробовали... Только немцы легко протыкают нашу оборону. Танки решают все... и танкисты, умеющие водить эти танки в бой... — Сталин снова запыхтел трубкой. — Союзники нужны, нужна их реальная помощь, а не два парохода с цветными металлами.

Поморщившись, Молотов снял пенсне, протер линзы и признался:

— Сказал бы, что думаю про союзников, да сам знаешь — не люблю материться. Подлая скотина Черчилль не забывает напоминать о своей ненависти к большевизму, чуть ли не слово в слово повторяя изречения Гитлера! И гаденыш Трумэн не постеснялся сказать: дескать, мы будем помогать русским только для того, чтобы они и немцы побольше убивали друг друга.

— Значит, надо понимать, что мы остаемся союзниками, пока продолжается война с Германией. Как только прикончим фашистов, англосаксы снова станут нашими врагами. — Сделав несколько глубоких затяжек, Сталин продолжил: — Поэтому надо сейчас получить с них по ленд-лизу все, что возможно. Долби Вашингтон телеграммами, выбивай авиамоторы, медикаменты, большие станки, прессы, грузовики. У американцев этого добра навалом, пусть не жлобятся.

— Обещают отправить большие караваны по Севморпути. Танки свои предлагают...

— Пусть в задницу себе засунут свои «Гранты»! — разозлился Сталин. — Когда наконец приедет этот посланец Рузвельта?

— Гарри Гопкинс? Обещал в июле, потом отложил визит на август. А там и северная навигация закроется. Американцам придется посылать караваны вокруг Африки, разгружаться в Турции.

— Придется, — согласился Сталин. — А можно и через Персидский залив, а потом — через Иран до нашей границы.

9

От Советского Информбюро

17 августа. Наши войска продолжали оборонительные сражения на подступах к Брянску. Внезапной контратакой Н-ская кавалерийская дивизия освободила деревню Матвеевка.

21 августа. Войска генерала Кирпоноса продолжают атаки, продвигаясь к городу Львов.

24 августа. На Южном направлении войска генерала Малиновского мощным ударом пробили брешь в обороне противника. Развивая наступление, части Красной Армии заняли несколько населенных пунктов. Наголову разбиты 3-я пехотная и 2-я кавалерийская дивизии румынской армии. Враг в панике бежит, бросая оружие и снаряжение. Корабли Черноморского флота обстреляли из дальнобойных орудий порт Констанца и нефтяные месторождения.

29 августа. Героические воины Красной Армии отразили очередную попытку немецко-фашистских войск прорваться к Смоленску. В ходе двухдневных кровопролитных боев соединения генералов Рокоссовского и Лукина уничтожили 227 танков, сбили около 30 самолетов, убиты и ранены тысячи вражеских офицеров и солдат. Решительными контратаками противник отброшен на исходные позиции.

1 сентября. Наша авиация разбомбила вражеские эшелоны с живой силой и боеприпасами на подъездных путях железнодорожного узла Минск. Взрывами и пожарами уничтожены десятки вагонов, выведено из строя до 3000 захватчиков.

3 сентября. Советские войска Босфорского фронта отразили очередную попытку немцев прорваться к Проливам с территории Греции. Мощным ударом противник отброшен

на исходные позиции.

4 сентября. Наши войска, наращивая удары, приближаются к г. Львов. Враг несет огромные потери.

6 сентября. На основании договора от 1921 года советские и британские войска вошли в Иран. Тем самым сорван замысел фашистов использовать эту страну в качестве плацдарма для нападения на СССР с юга.

9 сентября. На фронте происходили бои местного значения. В районе поселка имени VI съезда РСДРП огнем нашей артиллерии рассеяна пехотная часть противника.

14 сентября. Под натиском превосходящих сил противника войска Южного фронта совершили планомерный отход на линию государственной границы Союза ССР. Все попытки немецко-румынских банд переправиться через реку Прут успешно отражены огнем артиллерии, мощными контратаками танковых, кавалерийских и стрелковых частей Красной Армии.

В последний час

Провал немецких планов взятия Смоленска. В последние дни сентября войска нашего Западного направления, измотав противника в предшествующих боях на северных и южных подступах к Смоленску, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и спешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери. За 7 дней наступления убито свыше 47 тысяч вражеских солдат, захвачено 16 800 пленных, в том числе 2 генерала, подбито 145 самолетов и 129 танков. За это время разбиты 4 танковые и 11 пехотных дивизий противника, захвачены огромные трофеи: 292 танка, 604 орудия, 8 складов боеприпасов, 1900 тонн горюче-смазочных материалов. Продвинувшись на отдельных направлениях на 40–70 километров, наши войска освободили от немецко-фашистских захватчиков города Витебск, Велиж, Рудня, Рославль, Кричев, а также 540 малых населенных пунктов. Наступление продолжается.

Документ № 8

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ОБОРОНЫ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

Совершенно секретно. «10» октября 1942 г.

Снятие копий запрещено. Исх. № 247/06 А

Верховному Главнокомандующему тов. И. В. Сталину

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

по поводу плана «Мономах»

1. Положение на фронте после трех недель ожесточенных боевых действий характеризуется переходом сторон к стратегической обороне в целях передышки и накопления сил. Это указывает на исчерпание наступательных возможностей противника.

2. Отсутствие второго фронта в Европе или Африке позволило противнику сосредоточить на советско-германском фронте 3/4 соединений и значительную часть боевой техники сухопутных войск. По состоянию на 5 октября, против РККА действуют 227 дивизий: 183 немецкие, 20 финских, 6 румынских, 5 итальянских, по 3 испанские и венгерские, по 2 английские, французские и словацкие. По нашим оценкам, противник имеет на Восточном фронте и в резерве от 6 до 6,3 миллиона личного состава, 4800–5000 танков, 3000 боевых самолетов. Резерв — 14 дивизий.

3. Войска противника сильно утомлены в ходе трехмесячных непрерывных боев. В полосе Западного направления (Западный и Центральный фронты) группа армий «Центр» отброшена от 40 до 60 км к западу от Смоленска и Витебска. В настоящее время командование группы армий спешно заменяет разбитые дивизии свежими, которые подвозятся из Германии, а также Франции и других оккупированных стран. Неприятельские

потери в танках и другой технике не смогут быть восстановлены полностью до октября, но к началу сентября противник, видимо, частично вернет наступательную силу.

На Южном стратегическом направлении тверда оборона Юго-Западного и Карпатского фронтов, мощные удары Южного фронта позволили сорвать наступление группы армий «Юг». Карельский фронт уверенно удерживает советскую территорию и готов перенести военные действия в Финляндию.

Наиболее неудачное развитие событий отмечено в полосе группы армий «Север», где противник нанес тяжелое поражение Прибалтийскому и правому флангу Северо-Западного фронта, захватил всю Литовскую ССР и приближается к Риге.

Отдельная Приморская армия, действующая на Босфорско-Дарданельском направлении, в основном удержала занимаемые позиции, однако нуждается в срочном пополнении: до 20 тыс. личного состава и 150–200 танков.

4. Красная Армия имеет на фронте и в резерве первой линии 212 стрелковых дивизий и 49 отдельных бригад, 36 кавдивизий, 14 мехкорпусов, 3 отдельные танковые и 2 мотострелковые дивизии. Личный состав — 7400 тыс., на вооружении имеется 8600 танков, 75 тыс. орудий, 6330 боевых самолетов.

5. Наиболее благоприятное положение для решительных действий наступательного характера складывается на южном фланге фронта, где мы имеем превосходство в живой силе на 25 %, по танкам — в 2 раза, по авиации — на 70 %. Если немедленно направить в распоряжение Тимошенко и Кирпоноса стратегические резервы: 28, 29, 32 и 34-я общевойсковые армии, а также 11 и 5-й механизированные, 8, 9 и 12-й авиационные корпуса, — наше превосходство станет двойным по личному составу и авиации, почти тройным — по танкам. На этом участке наши войска занимают выгодное охватывающее положение, тогда как позиции противника сильно растянуты с запада на восток, причем наиболее боеспособные соединения передвинуты далеко на восток — видимо, для предстоящего наступления на Киев.

6. Замысел операции «Мономах» предусматривает нанесение мощных ударов по обоим флангам группы армий «Юг»: с севера от линии Ковель — Сарны силами Югзапфронта и с юга от Тернополя силами Карпатского фронта — по сходящимся линиям на Львов. Цель — полное окружение левофланговых соединений группы армий «Юг». Чтобы сковать противника, исключив возможность маневрировать резервами, усилить южное направление, предусмотрено за два дня до начала операции «Мономах» нанести удары на других участках фронта. Предлагаем наносить отвлекающие удары на Карельском и Южном фронтах, а также — против группы армий «Центр» силами Западного и Центрального фронтов.

*Начальник ГШ Маршал Советского Союза
Егоров А. И.*

Документ № 9

Приказ командующего 6-й германской армией о поведении воинских частей на Востоке

10 октября 1942 г.

По вопросу отношения воинских частей к большевистской системе существуют еще неясные представления. Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром их окруженных сил и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру.

В связи с этим перед воинскими частями ставятся задачи, выходящие за пределы прежних солдатских задач. На Восточном фронте солдат является не только воином по правилам военного искусства, но и носителем народной идеи и мстителем за зверства,

причиненные немцам и родственным им народам.

Поэтому солдат должен иметь полное понятие о необходимости строгой, но справедливой кары еврейским подонкам человечества. Дальнейшая задача — это уничтожить в зачатке восстания в тылу армии, которые согласно опыту затеваются всегда евреями.

Борьба с врагом в тылу ведется пока с недостаточной серьезностью. Все еще продолжают квалифицировать коварных, жестоких партизан и развратных женщин как военнопленных. Все еще продолжают рассматривать одетых в полугражданскую и гражданскую одежду вооруженных подростков и бродяг как порядочных солдат и помещают их в лагеря военнопленных. Да пленные русские офицеры, язвительно смеясь, рассказывают, что советские агенты беспрепятственно ходят по улицам и часто питаются в немецких полевых кухнях. Такое поведение воинских частей можно объяснить лишь полной необдуманностью. Настало время для начальников разъяснить смысл этой борьбы.

Выдача питания местному населению и военнопленным, которые не работают в пользу германской армии, войсковыми кухнями является такой же ошибочной человечностью, как дарить хлеб и сигареты. То, от чего родина отказывается, а командование с большими трудностями доставляет сюда, солдат не должен дарить врагу, даже тогда, если это является трофеем. Это необходимая часть нашего снабжения.

При своем отступлении Советы часто поджигали постройки. Воинская часть заинтересована в тушении лишь настолько, насколько должна сохранить строения, для своего размещения. В остальном исчезновение символов прежней большевистской власти, также в виде строений, входит в программу войны на уничтожении. Ни исторические, ни художественные соображения не играют при этом на Востоке никакой роли.

О получении военно-хозяйственно важного сырья из продукции руководство даст необходимые указания.

Полное разоружение населения в тылу действующих частей, принимая во внимание длинные и опасные дороги снабжения, является крайней необходимостью. Там, где это возможно, необходимо собрать трофейное оружие и боеприпасы и его охранять. Если военные обстоятельства это делают невозможным, то необходимо привести оружие и боеприпасы в негодность. Если устанавливается, что в тылу армии действуют партизаны, то необходимо действовать драконовскими мерами. Это нужно распространять также на мужское население, которое смогло бы причинить вред. Многочисленные якобы враждебные Советам элементы, которые занимают выжидательную позицию, нужно склонить к решению активно сотрудничать против большевизма. В противном случае никто не сможет потом пожаловаться, что его квалифицируют как приверженца советской системы. Боязнь немецких контрмер должна быть сильнее угроз блуждающих большевистских остатков.

Прежде всех политических задач в будущем немецкий солдат должен выполнить две следующие задачи:

1. Полное уничтожение ложного большевистского учения, большевистского государства и его Вооруженных сил.

2. Беспощадное искоренение коварства и зверства и тем самым охранение жизни немецких Вооруженных сил в России.

Только так мы разрешим нашу историческую задачу и освободим раз и навсегда немецкий народ от азиатско-еврейской опасности.

*Главнокомандующий генерал-фельдмаршал
фон Рейхенау.*

Из дневника генерал-полковника Ф. Гальдера

20 октября 1942 года. 133-й день войны

11-я армия остановила продвижение противника в Румынии, а 4-я танковая армия начала наступление от Двинска на Опочку, Остров. Венгерские войска также готовятся к наступлению.

Обстановка на фронте.

В полосе группы армий «Юг». Противник пытается оказать давление. Русские со свойственным им упорством стараются стабилизировать фронт. Оперативные донесения подтверждают правильность моей оценки положения северного крыла 1-й танковой армии. Еще 14/10 западнее Ровно последовало глубокое вклинение русских в общем направлении на Дубно. Я не вижу в этом вклинении никакой опасности оперативного масштаба, однако возросшая активность большевиков снова сковывает наши пехотные дивизии, которые я намеревался передвинуть вслед за танковым авангардом. Отмечены местные атаки с обеих сторон южнее и восточнее Тернополя. На этот участок противник, по-видимому, подводит свежую дивизию с танками. Одновременно отмечено движение на восток колонн эвакуированных и беженцев, а также транспортных колонн с промышленным оборудованием.

В полосе группы армий «Центр». Продолжаются сильные атаки пехоты и танковых частей противника, в результате которых русским удалось вклиниться на отдельных участках. 4-я армия занята укреплением оборонительного рубежа у Могилева. Появилась еще одна армия противника, в составе которой 6 новых дивизий. Положение в армии Гудериана неприглядное, Гудериан отдалил свои войска от войск 2-й армии вместо того, чтобы держаться к ним ближе. Естественно, получился разрыв во фронте, через который русские наносят удары. Нельзя было ожидать от активного противника, что он упустит момент и не среагирует на такое фланговое перемещение.

10.30 — телефонный звонок от фон Бока. Он взволнованно сообщил мне, что возможности сопротивления войск группы армий «Центр» подходят к концу. Если русские будут продолжать наступательные действия, то удержать юго-восточный участок фронта не будет возможности. Свежие дивизии придут не раньше 23/1. Сомнительно, что в таком положении мы сможем долго продержаться. В случае, если мы отведем свои войска на фронте 4-й армии, то придется отводить и войска 9-й армии. Фон Бок требует направить к нему дивизию СС «Райх».

На фронте группы армий «Север» осложнилось положение 1-го армейского корпуса. Командование 4-й танковой армии считает наиболее выгодным для наступления направление вдоль железной дороги. Фон Лееб требует подчинить ему 23-й армейский корпус и подтянуть его к своему правому флангу. Это желание не может быть удовлетворено: 9-я армия сама в высшей степени нуждается в продвижении этого корпуса вдоль границы группы армий. Противник подводит войска и рабочую силу для оборудования позиций южнее Риги. Действие наших танковых войск сильно затруднено состоянием дорог (дороги разрушены).

Богач доложил о новых передвижениях на стороне противника, обнаруженных нашей воздушной разведкой. Переброски происходят из района Одессы, а также восточнее Киева и дальше в северном направлении. Также подтверждаются ранее имевшиеся сведения о крупных перебросках войск с востока через Смоленск.

Из этого можно сделать вывод, что, кроме сосредоточения группировки, которая должна оборонять дефиле Орша — Витебск, противник создает еще одну группировку на участке Бобруйск — Могилев. Следует считаться с возможностью разрозненных атак.

Генерал-квартирмейстер Вагнер:

А. Подача железнодорожных составов в группу армий «Север» — хорошая (16 составов в день), в группу армий «Центр» — тоже хорошая (21 состав), в группу армий «Юг» — недостаточная (10 составов).

В. К 22/10 возможно полностью обеспечить войска всеми видами довольствия.

С. Запас снарядов для нового наступления будет создан к 30/10.

Д. Крайне необходимо пополнение автопарка.

14 30 — снова разговор с фон Боком. Он мне сообщил, что личные отношения между Гудерианом и командованием группы армий все время обостряются. Гудериан взял неподобающий тон по отношению фельдмаршалу фон Боку, который тот ни в коем случае не

намерен терпеть, и, кроме того, Гудериан все время добивается решения многих вопросов, обращаясь через голову фон Бока непосредственно к фюреру. Это неслыханная наглость!

Теперь Гудериан требует подчинить ему 35-й армейский корпус, чтобы у 2-й танковой армии была своя пехота. Я сказал Боку, что необходимости в этом нет. Гудериан хочет, чтобы все инстанции, вплоть до высших соглашались с выводами, являющимися следствием его ограниченного кругозора. Я ни в коем случае с этим не согласен. Гудериан сам планировал эту операцию. Пусть он потерпит и увидит, насколько она выполнима.

Совещание у главкома.

1. Уже сейчас продумать вопрос о подготовке к зиме (зимнее обмундирование).
2. О недостатке артиллерийских боеприпасов. (Для маневра нужно горючее, для позиционной войны — боеприпасы!)
3. «Выстрелы из стратосферы» (то есть команды от Гитлера): проявлять выдержку и терпение, однако своевременно принимать меры. Представлять нашу информацию через так называемых «фронтовых офицеров»! Фронтовикам верят больше, чем нам! Стоять друг за друга!
4. Ускоренное чинопроизводство на льготных условиях.
5. Главная опасность сегодня — назойливое давление русских на фон Бока. Придется передвинуть сюда 5–6 дивизий, предназначавшихся для группы армий «Юг».
6. Обмен взглядами на будущее. После взятия Смоленска повернуть 2-ю и 3-ю танковые армии на Киев, встречными ударами групп армий «Центр» и «Юг» окружить войска Ворошилова, Конева и Жукова в треугольнике Гомель — Чернигов — Мозырь. Затем возобновить движение на Москву.

Обстановка вечером. Существенных изменений не произошло. Противник продолжает сильные атаки на прежних направлениях. Отмечено усиление авиации русских на юге. Перед фронтом Рундштедта появились новые армии противника.

Потери с 10/6 по 18/10: ранено — 19 470 офицеров, 365 389 унтер-офицеров и рядовых; убито — 10 385 офицеров, 263 140 унтер-офицеров и рядовых; пропало без вести — 3433 офицера, 141 272 унтер-офицеров и рядовых. Всего: 33 288 офицеров, 769 801 унтер-офицеров и рядовых. Итого округленно — 804 тысячи человек, что соответствует 17 % численности сухопутных войск, действующих на Восточном фронте (4,7 миллиона). За тот же период поступило пополнений — 363 тысячи.

11

На двадцатикилометровом участке прорыва командование Юго-Западного фронта сосредоточило две общевойсковые армии, достигнув оперативной плотности до 2–3 км на дивизию. Наступление каждой армии поддерживал механизированный корпус. Кроме того, все стрелковые и кавалерийские дивизии ударной группы имела теперь штатный батальон легких танков старого типа. Утром 25 октября, через три часа после начала наступления, войска первого эшелона пробили во вражеской обороне брешь, в которую Кирпонос незамедлительно бросил 7-й механизированный и 4-й кавалерийский корпус.

В батальон Часова, потерявший большую часть техники в сражениях прошлого месяца, собрали все уцелевшие тяжелые танки дивизии, так что теперь его подразделение представляло весьма занятную картину. Молодому комбату пришлось изрядно потрудиться, распределяя по ротам 18 машин типа KB-1, четыре KB-2 и одиннадцать KB-3, имеющих различные двигатели, вес и вооружение. Тем не менее его колонна бодро грохотала по проселочной дороге, сметая разрозненные отряды вражеской пехоты и громя всевозможные тыловые команды. К 14.00 танки оторвались километров на тридцать от авангарда стрелковой дивизии, вдобавок батальоны головного полка несколько расплзлись в разные стороны. После долгих обменов матюгальниками — все переговоры велись открытым текстом, без использования шифровальных таблиц, — когда комдив разрешил сделать первый большой привал, навстречу неожиданно выползла вражеская часть.

— Что за чучела огородные? — невольно вырвалось у оторопевшего капитана. — Испанцы, что ли? Или итальянцы?

Танков такого типа он еще не видел: громадные, неуклюжие, с высокими башнями, фальшбортами, опорными катками разного размера, дегенеративной башенкой и крохотной малокалиберной пушкой. Едва снаряды выпущенные из орудий КВ, подожгли несколько этих монстров, остальные тут же остановились, из башен их высунулись палки с белыми тряпками.

— Прекратить огонь, — распорядился Алексей. — Вроде сдаются.

Странные были пленные. Одеты в незнакомую, явно не германского покроя форму, они старательно тянули руки вверх и при этом чему-то блаженно улыбались, лопоча на неведомом языке. Мобилизовав все свои познания в области иностранной речи, Часов напористо выяснял у долговязого рыжего офицера:

— Чех, поляк, итальяно, франсе, мадьяр?

Тот отчаянно замотал головой:

— Ноу, сэр, айм инглишмен, мэйор Симмонс, Манчестер... — И добавил понятнее: — Гитлер капут.

— Это я и без тебя знаю, что капут, — проворчал Часов, затем крикнул своим орлам: — Мужики, кто в школе английский учил?

Переводить вызвался младший лейтенант Сазонов из второй роты. Оказалось, что английские подразделения на танках «Валентайн» охраняли тылы группы армии «Юг», но британцы воевать с русскими не желают, а потому охотно сдаются и даже готовы присоединиться к Красной Армии.

Майор Роберт Симмонс передал Часову карту, на которой были нанесены немецкие позиции в этом квадрате, а заодно пожаловался, что «гансы» обращаются с союзниками, как настоящие скоты, — послали в эту дикую страну, однако не обеспечили англичан горячей водой и даже... С переводом слова «пипифакс» Сазонов не справился, но Боб показал жестами, и стало ясно, что речь идет о специальной мягкой бумаге для подтирания. Симмонс так и не понял, по какой причине русские офицеры разразились громовым хохотом.

Вдруг британец спохватился и начал что-то энергично объяснять. Сазонов слушал, кивал, потом доловил Часову:

— Товарищ капитан, вроде бы два батальона ихней бригады взбунтовались и ведут бой с немецким гарнизоном в райцентре Козинцы — там не меньше батальона СС. В общем, просит оказать помощь.

Через минуту Алексей уже перекрикивался с командиром полка при посредстве хрипучей танковой радиостанции 10-Р:

— ...Товарищ подполковник, так у меня ж пехоты.

— Где ты сейчас?

— Стою на опушке леса возле развилки дорог перед колхозом имени Пищенко. Отсюда до Козинцов мне десять минут ходу, разведку я уже выслал. Подбросьте хоть роту мотострелков, а лучше батальон. Ведь если я возьму райцентр — вся ихняя сто тридцать пятая дивизия в мешке задохнется!

— Понимаю, сынок, — вздохнул подполковник — Все понимаю. Только нет у меня пехоты. Остапенко наступает левее, уступом позади соседнего хозяйства... А другие два моих батальона увязли в пятке верст от тебя, ведут тяжелый бой... Ты уж придумай чего-нибудь там, на месте.

Кое-как объяснившись с англичанином — что называется, «на пальцах», — Часов втолковал ему свой замысел, Тихоходные «Валентайны» Симмонса двинулись на подмогу своим батальонам, которые уже изнемогали под натиском эсэсовцев, а сам Часов обошел Козинцы вдоль берега безымянной речушки, ворвался в райцентр и ударил фрицам в тыл. Огонь тяжелых танковых пушек быстро утихомирил немцев, и те, огрызаясь в отдельных узлах сопротивления, сложили оружие.

Часа через два подоспели главные силы полка, а с ними — батальон пограничников из

войск НКВД. Пленных — и немцев, и англичан — отправили под конвоем в тыл.

— Ой, будут у тебя, хлопец, неприятности, — сочувственно предостерег подполковник. — Зря ты англичан использовал... Одна надежда — есть у тебя заступник в Кремле, который не забывает о том вашем разговоре.

— Так уж и не забывает, — буркнул подавленный Алексей. — Делать ему больше нечего — меня помнить.

— А ты не сомневайся. Точно, помнит. Пришел приказ из штаба фронта: ты теперь майор. Так что прицепи вторую шпалу к петлице и надейся на лучшее.

После привала полк возобновил движение, форсировал вброд речку, но вынужден был снова притормозить, дожидаясь отставших соседей. За ночь к ним присоединились остальные «хозяйства» 14-й дивизии, в темноте машины заправились горючим, загрузили боеприпасы, и на утро механизированная армада продолжила марш на Львов. Параллельной дорогой двигалась кавалерия, а километрах в двадцати догоняла стрелковая дивизия. Впереди их ожидала оборонительная полоса, оборудованная немцами по берегу Буга.

Часов был уверен, что за форсирование большой реки придется заплатить большой кровью, и уже прикидывал, как бы половчее взять мост внезапной атакой. К счастью, оказалось, что переправа еще затемно захвачена парашютным десантом.

Танки спокойно переползли на южный берег Буга, но здесь застряли надолго — двое суток отражали неистовые атаки эсэсовских дивизий «Викинг» и «Мертвая голова», вооруженных новыми тяжелыми танками «тигр» — теми самыми «пы-зы-б», прототип который Леха видел на полигоне Куммерсдорф меньше года назад. Снаряды среднего калибра отскакивали от их брони и немцы настырно лезли вперед, легко расправляясь с Т-34.

Перелома удалось достигнуть, лишь когда Часов, собрав в кулак все КВ-3, ударил «тиграм» во фланг. В тяжелом бою удалось выбить противнику десяток машин, после чего немцы отступили. За эти полсотни часов 14-я дивизия потеряла три четверти машин и две трети личного состава.

Бои продолжались с переменным успехом. Только 4 ноября, когда на плацдарме, кроме 7-го корпуса, сосредоточились части и соединения 34-й общевойсковой армии, удалось немного потеснить немцев, но прорваться на оперативный простор не получилось. Фронт утонул в грязном черноземе, размокшем от непрерывных дождей.

12

Накануне годовщины Великой Октябрьской революции Сталин выступил по радио, подводя итоги войны. В обычной своей насмешливой манере, откровенно издеваясь над «венским сифилитиком, вечно трезвым неврастеником и вегетарианцем в ефрейторском звании», он поведал о разгроме северного и южного флангов германской армии. «Правда, на центральном участке фронта, — признал он, — немцы продолжают удерживать часть Белоруссии, Северной Украины и Прибалтики, но думаю, что вскоре Красная Армия приведет фашистов в чувство и освободит последние участки советской земли».

Сталин говорил о колоссальном превосходстве нашей военной техники, нашего оружия, созданного героическим ударным трудом замечательных советских рабочих, инженеров, ученых. Разумеется, Верховный подчеркнул, что лишь социализм позволял построить могучую промышленность и создать победоносную армию. Еще он сказал, что главная сила нашей родной Красной Армии заключена даже не в количестве и качестве оружия, но — в качестве человека нового типа, тоже созданного Советской властью под руководством партии большевиков.

— Такого человека, — сказал Сталин, — не знала мировая история.

Звучавший из тысяч радиодинамиков голос с хорошо знакомым кавказским акцентом спокойно называл колоссальные цифры вражеских потерь: 3 миллиона убитых и раненых, 1100 тысяч пленных. Сталин понимал, что данные о потерях противника, ежедневно

сообщаемые с фронта, многократно завышаются войсковыми инстанциями, но тем не менее привел эти цифры, так как искренне верил: народу будет приятно узнать об истреблении миллионов врагов. Еще он привел леденящие душу факты о Гитлеровских зверствах во временно оккупированных областях и республиках, о сожженных заживо детях, о тысячах расстрелянных, раздавленных танковыми гусеницами, о разрушенных деревнях, городах, заводах, разграбленных музеях и райкомах партии.

Потом Сталин поведал, что намерен освободить от немецко-фашистского рабства все народы Европы и добавил: «Если Первая мировая война привела к образованию одного социалистического государства, то не стоит сомневаться, что война нынешняя может закончиться возникновением еще нескольких социалистических государств на разных континентах».

— Наше дело правое, мы победим. Победа будет за нами, — закончил он.

Вернувшись в Кремль из студии Наркомата связи, Верховный принял Гарри Гопкинса, личного посланника президента США. Переговоры велись дружелюбно и доверительно, но жестко. Сталин откровенно сказал, что военные усилия Советского Союза напряжены до предела, страна остро нуждается в промышленном оборудовании, тяжелых бомбардировщиках, цветных металлах, грузовиках, медикаментах, продовольствии. Кроме того, для новых кораблей требовались мощные паровые турбины, которые прежде поставлялись из Франции, потом из Германии со Швейцарией, а теперь эти страны прекратили поставки. Как следствие, СССР достраивает очередную серию линкоров и крейсеров, а двигателей для них нет...

— Если американская помощь не начнет поступать в ближайшие недели, — сказал Сталин, — все наши летние успехи пойдут насмарку. Германия слишком сильна и располагает возможностями вновь переломить в свою пользу ход сражений.

Гопкинс выслушал его с полным пониманием и заверил, что первый транспортный конвой уже готовится отплыть в Иран. Главная просьба американской стороны: продолжать до конца войну с Германией, а после разгрома нацистов, при первой же возможности, атаковать японские позиции в Северном Китае. Согласившись на этом, они подписали предварительный протокол с перечислением взаимных обязательств. Договорились также, что через две-три недели нарком иностранных дел Молотов отправится в Вашингтон для заключения широкомасштабного договора.

— Пока все идет неплохо, — констатировал Молотов, когда американец покинул кабинет. — Только не по душе мне пришлось, как неохотно говорил он насчет второго фронта... Нет, Коба, кишка у них тонка высаживаться в Европе! Могу поручиться, что американцы начнут с Южной Африки, и только потом постепенно переберутся в Северную. Будут наступать медленно-медленно — от пальмы к пальме.

— Плевать я хотел на его второй фронт, — усмехнулся Сталин, самодовольно пыхтя клубами дыма. — От них требуется, чтоб дали продукты и машины. А фронт могут и не открывать — мы сами добьем Гитлера, и вся Европа будет нашей!

В кабинете появился Берия, и они вдвоем обсудили вопросы наращивания оружейного производства на эвакуированных заводах и обеспечение войск зимним обмундированием. В разгар этого разговора из секретариата сообщили, что маршал Буденный прибыл прямо с аэродрома и ждет в приемной.

— Пусть заходит, — обрадовался Сталин.

Он встретил командующего Босфорским фронтом прямо в дверях кабинета. Старики не видались аж с последнего предвоенного заседания Главного военного совета, поэтому встреча получилась бурной и трогательной — долго обнимались и едва не прослезились.

Маршал порывался отрапортовать по всей форме, но Сталин подвел его к заваленному картами столу, показал стрелы будущего наступления. Затем Верховный убрал несколько верхних листов, открыв взорам карту Ближнего Востока и проговорил:

— Нам, дорогой Семен Михайлович, твой рапорт ни к чему, мы про твои успехи хорошо знаем. Давай поговорим о проблемах и назревающих опасностях. Босфор, сам

понимаешь, надо удерживать обязательно. Любой ценой.

— О том и думаю, товарищ Сталин. Есть повод беспокоиться. — Буденный взял карандаш из стаканчика и стал водить по карте незаточенным концом. — Двумя корпусами мы стоим против Греции на речке Марица, а одним — прикрываем болгарскую границу. До сих пор мы отбивали все атаки, но противник, по данным разведки, подтягивает свежие силы: две немецкие дивизии — моторизованную и пехотную, а также — итальянский корпус. Они ведь не успокоятся, пока не выбьют нас из европейской части Турции.

— Что предлагаете, Семен Михайлович? — осведомился Сталин и продолжил, опережая ответ собеседника: — Дадим на Босфорское направление немного войск, подвезем по морю. Стрелковый корпус из Закавказского военного округа, танковую дивизию из Среднеазиатского, горнострелковую из Северокавказского. Народ южный, привычный к горам и жаркому климату.

— Артиллерию подкиньте, — напомнил маршал. — Гаубицы, горные пушки, противотанковые, зенитные. И авиации хотя бы смешанную дивизию — штурмовики очень нужны и пикировщики.

Поворчав: мол, пушки и самолеты всем нужны, — Сталин сел за письменный стол и сделал пометки в блокноте. Затем, вернувшись к картам, осведомился:

— Удержите фронт такими силами?

— Да я, товарищ Верховный, не о глухой обороне думаю, — бывший командарм Первой Конной разгладил легендарные усы. — Тыл у фашиста в Греции слабый, партизаны в горах крепко жару дают оккупантам. Хочу опередить противника, пока не подошли к фрицам резервы. Мы с Толбухиным прикинули: можно прорваться вот здесь, прижать итальянцев к морю, а затем смотать нитку на север и побить немецкую дивизию. Думаем продвинуться вдоль берега до узкого места между заливчиком Стримоникос и болгарской границей, тут и построим прочную оборону, одновременно угрожая с юга Болгарии.

Оценив предложение, Сталин согласился, что в узком месте проще будет наладить оборону. Тем более в горах, где один пулеметчик может сутками сдерживать целую дивизию. Берия немедленно вставил, что в НКВД есть отлично подготовленные для действий в горной местности отряды диверсантов.

— Хороший план, — подытожил Верховный. — Только войск у вас получается многовато, надо будет подкинуть еще немного войск и свести ваши корпуса в одну-две армии, но не ради этого мы вас вызвали, Семен Михайлович.

Он показал на карте обширный район к югу от Турции, где за горами Тавр тянулись жаркие равнины богатых нефтью экзотических стран. Кроме занятого советскими войсками Ирака, здесь имелись Палестина, Трансиордания и Сирия, которую англичане в конце 1940 года отобрали у французов. Не желая терять времени, Сталин не стал вызывать докладчиков из Генштаба и сам коротко изложил обстановку на Ближнем Востоке.

Армия «Азия» под командованием генерал-фельдмаршала Роммеля (15-я и 21-я танковые, 90-я и 137-я моторизованные дивизии немцев, итальянские танковые дивизии «Ариете» и «Ливорно», пехотные — «Триест» и «Савона»), энергично теснили британцев в пустынях Синайского полуострова. В настоящее время английские войска — несколько сильно потрепанных дивизий с небольшим числом танков — под командованием генерала Монтгомери готовились дать сражение возле города Эль-Ариш.

— До сих пор англичане сдерживали противника за счет сильной авиации, но Гитлер снял с нашего фронт и послал в Африку два воздушных корпуса, — рассказывал Верховный. — Сейчас англичане подвозят свежие соединения из Канады, Индии, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки, но мы опасаемся, что Роммель их все равно побьет. И старый негодяй Черчилль тоже в панике — пишет мне, что надеется только на помощь царя небесного.

Помрачнев, Буденный сказал со вздохом:

— Да следим мы за британским отступлением... Если немец прикончит англичан, то наверняка навалится на мои гарнизоны в Ираке, а там — через Иран и Турцию — в

Закавказье может ворваться. Грешным делом, прикидывали, как в случае чего бросить на Роммеля конно-механизированную группу из Ирака.

— Мало вашей группы, — Сталин сделал неторопливую отмашку рукой, в которой держал трубку. — Мы решили собрать на юге Ирака полнокровную армию — шесть стрелковых дивизий, три танковые бригады на «тридцатьчетверках», артиллерийские части, воздушный корпус. Войска уже готовятся к переброске, часть сил возьмем из Ирана, нечего там без дела стоять. Вашего начштаба Толбухина мы назначим командармом на Босфорском участке, на его место пришем Василевского. Южную армию возглавит Павлов, у него есть опыт воевать за пределами Советского Союза и с иностранцами встречаться приходилось... Марш будет сложный, но за две недели надо сосредоточить армию в этих выжидательных районах...

Сталин показал участок на турецко-сирийской границе к северу от Алеппо и второй — на стыке границ Ирака, Сирии и Трансиордании. Из этих районов, продолжал он, дивизии Павлова должны совершить марш бросок через Сирию в район Бейрута, а затем войти в Палестину и дать немцам бой в районе Газы.

Молотов добавил:

— В Палестине сложная ситуация. После Версаля англичане согласились создать там очередное уродливое детище — еврейское государство Эсраэль. Всего в Палестину переселилось до полумиллиона евреев, они болота осушили, пустыню обводнили, — в общем, начали наводить цивилизацию. Однако арабы возмутились нашествию чужаков-иноверцев, даже восстания поднимали, поэтому Лондон запретил еврейскую иммиграцию. Теперь вожди сионистов не любят англичан, но и немцев боятся. Понятно, что немцы превратят Палестину не в Эсраэль, а в Освенцим.

— То есть на этом этапе сионисты будут нашими союзниками, — смекнул Буденный. — Вроде как Махно в Гражданскую войну.

— Примерно, — кивнул Молотов. — Только сионисты — очень ненадежные союзники. Хуже, чем бундовцы в РСДРП.

— Оба хуже, — строго уточнил Сталин. — Сионисты — это буржуазные националисты, то есть враги своего же собственного народа. Нас они постараются предать при первой же возможности, как только перестанут нуждаться в нашей помощи. Поэтому мы постараемся расставить в руководстве Палестины побольше надежных людей, которые будут проводить большевистскую линию, — уж евреев-то у нас в партии хватает. Мехлис пойдет первым секретарем компартии, Зильберштейн из Биробиджанского обкома — председателем Совнаркома, Полина Жемчужина, супруга Вячеслава Михайловича, — послом, еще несколько сотен работников среднего звена отправим, наберем в РККА командиров-евреев, чтобы создать национальные воинские части. Лаврентий Павлович подготовит отряд евреев-большевиков из числа разведчиков и милиционеров.

Самодовольно усмехнувшись, Берия заверил, что уже составлены списки оперативного состава, которому предстоит перехватить управление подпольными бандами сионистов вроде Моссада и Хаганы. Комиссар госбезопасности Мильштейн пока назначается начальником охраны тыла Босфорского фронта, а после занятия Палестины и разгрома немцев станет наркомом в нудел будущего независимого государства.

На всякий случай маршал осведомился, как будет налаживаться взаимодействие с британскими войсками и согласится ли Монтгомери пропустить армию Павлова через Сирию. Молотов пренебрежительно ответил, дескать, постараемся решить вопрос по дипломатическим каналам, а если Торонто откажет, то дождемся разгрома англичан, и тогда можно будет действовать, как в Польше.

Неожиданно Берия с озабоченным видом произнес по-грузински короткую фразу с вопросительной интонацией. Поморщившись, Сталин потребовал, чтобы нарком говорил по-русски. Сделав удивленное лицо, Лаврентий Павлович повторил:

— Что будем делать с английскими пленными?

Прищурившись, Сталин посмотрел на него и после секундного обдумывания принял

решение:

— Туда же, на фронт.

В прошлом году в Дарданеллы пришел оказавшийся в безвыходном положении английский Средиземноморский флот. Всего на боевых и транспортных кораблях адмирала Каннингхэма находилось около шести тысяч моряков и тысяч восемь армейских солдат и офицеров, эвакуированных из обреченного Порт-Саида. Поскольку в те времена действовал договор о дружбе с Рейхом, англичан отправили в лагеря для военнопленных, обеспечив максимально комфортные условия жизни. Разумеется, посещавшие эти учреждения представители Красного Креста возмущались отсутствием горячего кофе или туалетной бумаги, но в общем англичанам жилось получше, нежели полякам.

Когда началась война и несуществующее государство Великобритания внезапно превратилось в полезного союзника, интернированным англичанам разрешили выехать в Канаду Первым пароходом в Америку отправили около тысячи военных, потом северная навигация закрылась, и решили вывозить остальных через Иран. Но тут, как на грех, Красная Армия взяла в плен тысячи англичан, мобилизованных немцами в оккупированной Британии. Многие из них оказались убежденными нацистами и не желали ехать в Канаду, причем успешно вели активную пропаганду, рассказывая о превосходстве нордической расы. Как следствие, среди прежних пленных началось брожение. Сотрудникам НКВД пришлось изолировать некоторых нацистов, других убили сами английские военные-патриоты.

История затянулась, но в августе неподалеку от Сталинграда началось формирование английской пехотной бригады в семь тысяч штыков. Из Штатов и Канады прислали обмундирование и оружие, бригада неплохо показала себя на окружных учениях и вскоре должна была отправиться в Иран для погрузки на пароходы. Теперь же англичанам предстояло совершить сухопутный марш-бросок в Синайскую пустыню.

Поскольку основное было уже сказано, Верховный велел Буденному навеститься в Генштаб и поговорить с Василевским. Вечером Сталин ждал всех к ужину — как обычно, на «ближней» даче в Кунцеве.

Дверь за ушедшими тихо захлопнулась, а Сталин еще с минуту стоял возле карты Ближнего Востока. Станным образом начинали сбываться пророчества из его сегодняшнего выступления по радио. В Ираке и Турции под защитой Красной Армии уже окрепли коммунистические и другие левые партии, уверенно берущие руководство на разных уровнях. То же скоро случится в пока не существующей стране Эзраэль, которую в русских переводах Ветхого Завета принято называть Израиль. А там, глядишь, освободим часть Европы и поможем взять власть коммунистам Чехословакии, Польши, Балканских стран, Австрии. Да и в самой Германии достаточно последователей Тельмана.

Обязательно надо будет создать воинские части будущих союзников — в первую очередь польскую и чехословацкую дивизию, с командирами и комиссарами из членов компартии... Рука потянулась к записной книжке, и Сталин медленным шагом направился к письменному столу. Вооруженные силы и органы госбезопасности будущих стран Центральной Европы должны оказаться под контролем коммунистов — это лучшая гарантия от возможных реакционных переворотов. Польская армия генерала Андерса не союзник нам и не помощник, они жрут наш хлеб, получают нашу помощь, но не желают воевать на нашем фронте и косят глазом в сторону Вашингтона и Торонто. Нам нужны совсем другие союзники, и мы их найдем.

Исписав несколько страничек, Верховный на время забыл об этих мыслях. Его ждали другие дела.

ГЛАВА 8

Москва, 18 августа 1991 года

Вечер

— Не понравился мне ваш сорок третий сценарий, — брюзгливо сообщил Барушин. — Дебильный какой-то.

Научные сотрудники дружно пожали плечами: дескать, уж какой получился.

— Остальные немногим лучше, — признался Илья. — Думаю, отсрочка революции и гражданская война в конце тридцатых годов понравились бы вам еще меньше... В общем, работаем, стараемся.

Виноватым голосом, словно оправдываясь, Новикова сказала, что на раннем этапе моделирования, когда задается программа отличий от реального потока истории, нельзя сказать, к какому результату приведут эти отличия.

— Не в том беда, — отмахнулся Георгий Тимофеевич. — Вы изначально задаете типичный маразм. Взять хотя бы этот самый сорок третий вариант... Что за идиотский размах репрессий? Я не спорю, Сталин был, конечно, интриганом и людоедом, без капли сострадания в сердце, но зачем же ему расстреливать людей без необходимости?! Ну посадил в тридцать седьмом сотню-другую тысяч, ну расстрелял тысяч тридцать, кого считал самыми опасными — дело, что называется, житейское... Но вы же программируете аресты и казни миллионов! И нельзя заставлять его не обращать внимания на явные признаки скорого начала войны.

— Это не мы — программа заставила, — вскинулся Антощенко. — Мы только...

— Только... А весь ход Второй мировой войны? Почему — у вас Гитлер отказался от вторжения в Англию? Почему американские авианосцы вдруг ушли из Перл-Харбора буквально за сутки до японского налета? Вы подыгрываете «за своих» — это, друзья мои, не спортивно!

Тяжело вздыхая, заведующий лабораторией принялся объяснять, что в данной модели они намеревались воплотить ситуацию, при которой Советский Союз не завоевал всю Европу вплоть до Португалии, как это случилось в реальности, но вынужден был довольствоваться лишь половинкой Германии. По его словам, задумка была интересной: наличие сильного блока капиталистических стран на западе Европы предполагало развитие политики сосуществования, мирную конкуренцию с Западом, а в итоге — быстрый прогресс социалистического лагеря.

Слушая его доводы, Барушин насмешливо кривил губы, время от времени напоминая, куда ведут дороги, вымощенные благими намерениями. К его изумлению, профессор посмел огрызнуться:

— Между прочим, сценарий создавался по заказу вашей конторы. Основные пункты мне продиктовал секретарь ЦК по идеологии.

С минуту Георгий Тимофеевич пребывал в нокдауне. Потом кое-как оклемался и пробормотал: дескать, партия разобралась с этим интриганом и отправила в отставку. В ответ наглый профессор намекнул, что дело не интригами пахнет, но предательством. Барушин понял, что надо срочно менять опасную тему.

— Лучше бы просчитали последствия сегодняшних событий, — изрек он назидательно.

— Рано пока. — Антощенко снова вздохнул. — Через недельку наберем статистику, проследим развитие событий, экономических и политических процессов — потом только попробуем прикинуть дальнейшие варианты.

В дверь постучали — негромко, как бы деликатно. «Заходи, если свой», — отозвался Владимир Николаевич. Через мгновение на пороге робко топтался Павлик — шофер Барушина.

— За вами прислали, Георгий Тимофеевич.

Встревоженный Барушин напрягся, как волк перед броском. Может быть, даже — как зверь, учуявший, что сейчас на него бросится стая волкодавов. Он спросил еле слышно:

— К кому вызывают-то?

— В девятнадцать ноль-ноль Степан Кузьмич проводит инструктаж руководителей отделов. А завтра с утра собирается пленум, надо будет готовить материалы к сессии Верховного Совета.

Захмелевшие Антощенко и Рудман в уникальном единении замурлыкали на мотив похоронного марша, старательно выводя дуэтом: «Скоро будет пленум, скоро будет пленум... В сельском хозяйстве у нас опять подъем...»

Покосившись на них, Барушин многозначительно поморщился, затем снова повернулся к своему водителю:

— Понятно... А как вообще обстановка на Старой площади?

— Вроде нормально, только танки всюду стоят. И возле Крымского моста постреливали — говорят, в Парке Горького рэкетеры засели... — неожиданно Павлик понизил голос: — Дядя Сережа, шофер Самого, вспоминал в курилке, что в шестьдесят четвертом, когда Хруща скинули, спокойнее обошлось.

— Да уж, тогда мы ловчее управились, — Барушин хмыкнул. — Ладно, спускайся к машине, я сейчас подойду... — он вдруг спохватился: — А пропуск у нас есть?

— А то как же, — Павлик даже обиделся. — Выдали. Все честь по чести.

Проводив его взглядом, Барушин пробормотал очень тихо, будто сам с собой разговаривал: «Если так — это еще не страшно...» Потом, заметно прибодрившись, вновь повернулся к работникам лаборатории.

— А еще я думаю, что ваши исследования не вполне корректны по вот какой причине, — проговорил он неожиданно душевно. — Ведь те люди, которых вы, извиняюсь, моделируете в этом компьютере, неизбежно должны догадываться, что живут в абсолютно нелогичном, абсурдном, ненастоящем мире. Не может нормальный человек совершать разумные рациональные поступки, когда видит, как непонятная сила произвольно тасует исторические события. Смекнут разок, что не мог тот же Сталин не видеть приближения войны — и догадаются, что существуют в абсурдной, надуманной модели. Вот потому-то эти люди и сами живут не по-людски, и ваши сценарии, соответственно, развиваются в духе полного идиотизма.

— Ерунда, — презрительно ответил Антощенко. — Это же марионетки, лишённые свободной воли. Они не способны к столь сложным рассуждениям.

Барушин покачал головой, демонстрируя несогласие, но ничего говорить не стал, а надел пиджак, подтянул узел галстука и, тепло попрощавшись, направился к выходу. Остальные тоже стали прибираться, сварливо ворча: дескать, из-за этого дурацкого комендантского часа неизвестно, как метро работает. Лишь неугомонный Рудман спросил в спину уходящего начальства:

— Простите, Георгий Тимофеевич, а чей «членовоз» водит дядя Сережа? Другими словами, кого нынче широкая шоферская общественность именует словом «Сам»? Наверное, Степана Кузьмича?

Снисходительно хохотнув, Барушин ответил:

— Никак нет. Дядя Сережа возит Виктора Олеговича.

Даже матерый патриот Антощенко побледнел, услышав ответ, и пробормотал, едва ворочая отвисшей челюстью:

— О Господи...

ГЛАВА 9 Канны-на-Дону

1

Ровно, март 1943 г.

Сделав заказ, он подмигнул смазливой, по-деревенски пышной официантке, и та с готовностью захихикала. «Корова, — меланхолично подумал танкист. — Будет лучше англичанок, но похуже француженек и полячек». Оторвав его от глубоких размышлений, рядом раздался негромкий голос:

— Вы прекрасно говорите по-русски, герр оберст-лейтенант.

Танкист недовольно покосился на обер-лейтенанта интендантской службы. Высокий плечистый блондин был типичным арийцем — даже удивительно, что носит мундир Вермахта, а не Ваффен СС.

— Я родился и вырос в сотне километров отсюда, в той стране, которая была здесь до большевиков, — сказал подполковник и представился: — Гюнтер фон Бутов.

— Пауль Зиберт. Мы с вами почти земляки. Я родился в Латвии, моя семья вернулась в Рейх только в сороковом году.

— Это чувствуется по акценту, — Бутов усмехнулся и сделал приглашающий жест. — Присаживайтесь, обер-лейтенант.

Интендант оказался приятным собеседником. Прихлебывая по очереди борщ и горилку Зиберт поведал, что прибыл из группы армий «Север» для заготовки продовольствия в богатой мясом и хлебом Украине. Со свининой, говядиной, картофелем и хлебом вопросы в основном улажены, осталось только найти поставщика Гранины, огромные стада которой пасутся в карпатских предгорьях. Умело используя сочные русские обороты, офицеры посетовали на страшную зиму, которая к счастью, близится к концу.

— Вы правы, это было ужасно, — морщась, проговорил Зиберт, нервно бросив ложку в опустошенную тарелку. — Нет, я имел в виду не варварский суп с салом, а мясорубку по пояс в снегу. Мы так и не смогли пробиться к Петербургу. Русские словно бешеные бросали в бой дивизию за дивизией, наши солдаты были вынуждены отступать, наш корпус сдал врагу десять деревень, наши части были обескровлены. К тому же бандиты, которые прячутся в лесах, без конца взрывают рельсы, и мы не успеваем подвозить подкрепления и снабжать войска всем необходимым.

— Мне тоже знакомы такие ужасы, — кивнул Бутов. — Но самым страшным лично для меня были не морозы. В конце осени большевики сумели прорваться на флангах и едва не окружили нашу 6-ю армию...

Его передернуло. Трудно было забыть этот неожиданный танковый удар русских на двух направлениях — на Ровно и Броды. Поначалу наступление противника развивалось неблагоприятно для Вермахта. Казалось, еще немного — и большевики затянут мешок вокруг трех армейских корпусов. Лишь ценой нечеловеческих усилий и чудовищных потерь танковая армия Клейста сумела разгромить ударные группировки русских. И даже после этого группа армий «Юг» весь ноябрь пыталась ликвидировать вклинившиеся дивизии противника. В январе противник, накопив силы, снова бросился в наступление, но продвинулся незначительно. В те дни от кровоизлияния в мозг скоропостижно скончался командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал Рейхенау, которого заменил начальник штаба армии генерал-лейтенант Паулюс. После февральского натиска большевиков фюрер даже сместил старика Рундштедта и назначил фельдмаршала фон Бока командовать группой армий «Юг».

Зиберт сказал сочувственно:

— Представляю, как вам было тяжело в те дни. Наверное ваша часть потеряла много танков.

— Больше половины, — признал Бутов, втыкая вилку в котлету. — К счастью, много подбитых машин удалось эвакуировать с поля боя и отремонтировать. В течение месяца обещают прислать новые танки, прямо с завода.

— Значит, в конце апреля и вы пойдете в наступление, — проговорил обер-лейтенант, засияв довольной улыбкой. — Посмотрим, кто быстрее добьется успеха — мы возьмем Петербург, или вы ворветесь в Киев.

Расхохотавшись, танкист согласился, что главные события предстоящей кампании будут происходить на флангах слишком длинного фронта и что группа армий «Центр» вряд ли сможет овладеть Москвой прежде, чем падут северная и южная столицы России. Они выпили за грядущие победы, горилка развязала языки, и Зиберт под большим секретом рассказал о подготовке сокрушительного удара в обход Чудского озера, после чего 4-я танковая армия неудержимым потоком устремится на обреченный Петербург.

В свою очередь фон Бутов поведал, что в штабе фельдмаршала фон Бока еще не определились с направлением главного удара в предстоящей кампании. В полосе группы армий находятся несколько важных целей, к тому же из Берлина поступают противоречивые распоряжения. Как следствие, даже генерал Кемпф, командир расквартированного в районе Ровно 48-го танкового корпуса, не знает, какую задачу придется выполнять весной и летом.

— Друзья в штабе танковой армии считают, что ударим по сходящимся направлениям на Киев, а затем резко повернем на юг, чтобы окружить три русских фронта и захватить Крым, — проговорил Гюнтер непослушным языком. — Черт подери, из чего они гонят эту гремучую смесь...

— Закусывайте, оберст-лейтенант, — Зиберт подвинул поближе к танкисту соленые помидоры и нарезание сало.

Бутов отведал и того, и другого, даже выпил весь рассол из тарелки с помидорами, но легче не стало. Мотая головой, он проворчал:

— Душно, Пауль. Предлагаю продолжить на улице.

Они расплатились, похлопали танцевавшим на сцене полуголым девицам и покинули переполненный зал офицерской столовой. В гардеробе Зиберт помог Бутову надеть шинель и, поддерживая под локти, вывел на свежий воздух.

Здесь подполковник, почувствовав себя немного лучше, принялся хвастать, как он побьет русских, когда начнется наступление. Поглядев на часы, Зиберт возразил со скептической улыбкой:

— К нашему с вами сожалению, оберст-лейтенант, на этот раз мы воюем не с французами или поляками. И тем более не с датчанами. Большевики владеют искусством войны.

— Ерунда! — Бутов отмахнулся. — Русские сражаются храбро, но действуют по шаблону, без инициативы. Такое впечатление, что русские солдаты получают приказ один раз в день, а потом тупая масса движется по инерции, выполняя давно устаревший приказ, и не реагирует на новую опасность, пока вышестоящее командование не изменит прежнюю директиву.

Справедливости ради он добавил, что старые советские танки были немного лучше, чем Pz.I и Pz.II, а новые русские машины оказались лучше, чем Pz.III и Pz.IV. Разве что последние модификации «четверки» могли на равных драться против новых моделей Т-34. Да и КВ-3 мало уступал «тиграм».

— Вот видите... — вздохнул интендант.

— Ерунда! — снова рявкнул танкист. — Они совсем не понимают законов современной тактики, поэтому бросаются в бой беспорядочной толпой, как пьяные мужики в драке «стенка на стенку». Их батальоны плохо сколочены и не обучены, их генералы не умеют организовать взаимодействие авиации, артиллерии, танков и пехоты. И пока они не научатся воевать по строгим правилам военной науки, даже нечеловеческая храбрость и фанатизм их азиатских солдат не принесут большевикам успеха!

Охотно согласившись с мнением танкиста, Зиберт припомнил разговор, который слышал в штабе 18-й армии. Кто-то из генералов уверял, что в прошлую мировую войну русский полк всегда громил равную по численности воинскую часть турецкой армии, но против австрийского полка мог лишь обороняться, а при встрече с немецким — всегда отступал.

Бутов подтвердил: мол, так и есть. Русский красноармеец сражается храбро и умело, великолепно окапывается и, как истинный монголоид, не боится смерти. Однако соединения и части большевиков действуют бездарно, за что и будут наказаны в ближайшие месяцы.

Неожиданно Зиберт, в очередной раз проверив время по наручным часам, показал на стоявший возле забора шестицилиндровый «Опель-капитан» и заметил:

— Кажется, это машина генерала Винцера, я видел его в зале. Но странно, что кто-то сидит в кабине автомобиля.

— Генерал всегда возит при себе портфель со штабными документами. — Бутов

осуждающе поморщился и покачал головой. — Шофер и адъютант охраняют бумаги.

Он уже частично протрезвел и вспомнил пышную официантку, которую собирался отпробовать на десерт. Зиберт не стал задерживать старшего по званию, лишь горячо поблагодарил за интересней разговор. На этом офицеры попрощались, и танкист неторопливо направился к входу в столовую, а Зиберт отошел за каменную пристройку, где его ждал украинский полицейский.

Бутов был буквально в пяти шагах от входа, когда внутри здания сверкнуло пламя и гроыхнул мощнейший взрыв. Дверь сорвалась с петель, из проема хлестнула ударная волна, сбившая танкиста с ног.

Некоторое время Гюнтер пролежал без сознания, поэтому не видел, как симпатичный обер-лейтенант Зиберт и его подручный-полицай, подбежав к машине Винцера, пристрелили растерянных адъютанта и офицера.

— Иван, они ранены! — громко сказал Зиберт. — Надо вынести их из автомобиля.

В панике, которая началась после взрыва, окружающим казалось естественным, что офицер-интендант — туземный прислужник пытаются оказать помощь раненым. Между тем полицай, выкинув из кабины трупы, сел за руль, Зиберт устроился на правом переднем сиденье и «Опель-Капитан» исчез в ночной темноте.

Через два часа лейтенант госбезопасности Николай Кузнецов, сняв шинель и китель обер-лейтенанта Вермахта, сидел в лесной избушке напротив командира партизанского отряда полковника Медведева.

— Как твой портфель сработал? — осведомился полковник.

— От души гроыхнуло, двадцать кило тротила все-таки! — Кузнецов засмеялся. — Генерал Винцер, три полковника, еще полсотни сволочей чином пониже...

Быстро вернув лицу серьезность, разведчик доложил, что в разговоре с немецким офицером узнал много интересного и вдобавок при отходе прихватил документы безвременно покинувшего этот мир генерала. Просмотрев содержимое портфеля, Медведев приказал лейтенанту написать отчет о диверсии.

— Ты, Николай, сам хоть представляешь, что за бумаги тебе покойничек подарил? — спросил командир отряда.

— Просмотрел по дороге. Два варианта плана наступления армейского корпуса и соседних соединений. Мне приятель танкист, царство ему небесное, так и сказал: мол, в штабе Рундштедта еще не решили, по какому направлению наступать будут.

Полковник заметил, что направление удара — это важно, но перечень частей, а также сведения о численности личного состава и техники — тоже весьма полезные сведения.

Рапорт Кузнецова радист отряда передавал морзянкой больше часа. Следующей ночью на лесном аэродроме приземлился самолет Aviации дальнего действия, который увез в Москву добытые разведчиками документы.

2

Юго-Западный фронт, май 1943 г.

На 300-й день войны советско-германский фронт вытянулся почти ровной линией от Таллина до Измаила. Лишь в центре немецкие войска продвинулись далеко на восток, достигнув линии Витебск — Бобруйск. Естественно, что главный удар в летней кампании Ставка планировала нанести на Западном направлении, замышляя мощными ударами по флангам группы армий «Центр» срезать «белорусский балкон». Именно здесь собиралась основная масса резервов, включая ударные армии, которым предстояло разорвать вражеский фронт и наступать по сходящимся линиям на Минск.

На южном фланге, где силенок удалось накопить поменьше, намечалось вспомогательное наступление. Объединенными усилиями трех фронтов мыслилось потеснить группу армий «Юг», овладеть городами Проскуров и Ровно, а затем развивать наступление в направлении города Львов. Впрочем, командующие фронтами и особенно

члены военных советов, окрыленные зимними успехами, рассчитывали к июлю ворваться в Краков.

Основную задачу выполнял самый многочисленный Юго-Западный фронт (командующий — Кирпонос, начштаба Пуркаев), развернувший с севера на юг пять армий: 5-я (командующий — генерал Потапов), 6-я (Музыченко), 26-я (Костенко), 16-я (Лукин), 12-я (Понеделин). Правее располагался Карпатский фронт (командующий — генерал Еременко, начштаба — Ватутин) в составе четырех армий: 40-я (Москаленко), 32-я (Гордов), 29-я (Козлов), и 34-я (Парусинов). Южный фронт под командованием Малиновского обеспечивал левый фланг ударной группировки наступлением на Кишинев 9-й армии Харитонova и 38-й армии Рябышева, а также прикрывал приморский фланг 51-й армией Батова.

По существу, план наступления повторял — на чуть сместившейся к западу линии фронта — прошлогодний замысел операции «Мономах». Цель осталась прежняя — ударами по флангам разгромить 6-ю полевую и 1-ю танковую армии противника. Два главных отличия делали операцию весьма рискованной. Во-первых, по сравнению с осенью, на трех фронтах стало чуть побольше личного состава и артиллерии, но число танков уменьшилось втрое, а самолетов — вчетверо. И, во-вторых, немцы осенью были измотаны приграничным сражением и не выдержали удара подвозимых из глубины Союза свежих корпусов РККА, но к весне успели отдохнуть, восполнили потери и сами собирались наступать.

Рокированная на юг от Ровно 1-я танковая армия Клейста занимала исходные позиции напротив 16-й и 12-й советских армий, а временно подчиненная группе армий «Юг» 2-я танковая армия Гудериана готовилась нанести удар в стык Центрального и Карпатского фронтов.

С рассветом 12 мая, упредив противника на три дня, перешли в наступление армии Юго-Западного фронта, а сутками позже ударили соседи — Южный и Карпатский. Стрелковые дивизии действовали при поддержке танковых частей корпусного и армейского подчинения, вооруженных преимущественно легкими машинами БТ, Т-26 и Т-50. Три танковых и два кавалерийских корпуса оставались во фронтовом резерве — их планировалось бросить в бой после прорыва тактической обороны противника. Командующий 6-й генерал Паулюс был вынужден перебросить на атакованные участки пехотные резервы и даже ослабить ударную группировку, отобрав у Клейста две танковые и две моторизованные дивизии. Решительными контрударами удалось приостановить наступление правифланговых армий Юго-Западного фронта. Тем не менее за пять дней боев советские войска глубоко вклинились во вражескую оборону и снова, как в феврале, вышли на подступы к Ровно.

Издали доносилась канонада. Часов беспокойно поглядел на комкора, но тот флегматично помешивал уху в подвешенном над костром котелке. Что ж, в хладнокровии старому танкисту не откажешь. Стефанчук, с которым Леха воевал в Финляндии, прибыл на должность командира 7-го мехкорпуса вчера днем — вместо убитого шальной бомбой Щebetнева. Под утро прислал за Часовым ординарца — пригласил половить рыбку, а на деле не столько удочку закидывал, сколько расспрашивал о людях соединения.

— Чего дергаешься? — осведомился генерал-майор строгим голосом. — В бой не терпится? Не бедуй, солнышко закатиться не успеет, как ты в огне окажешься.

— Если сегодня получим приказ, к темноте доползти успеем разве что до передовой, у моих-то коробочек скорость невелика. Так что в огонь пойдем или ночью, или завтра.

— Эх, сынок... — Стефанчук отхлебнул варево, одобрительно крякнул и насыпал в котелок немного соли. — Чует мое больное сердце, что бросят нас вовсе не на Ровно. Мы теперь у фронта вроде последнего козыря в рукаве, с вечера в штабе умные головы ломаются, не могут решить, куда нас кинуть — на запад или на север... Ну, подставляй миску, готова юшка.

Конечно, уха не на курином бульоне была сварена, да и приправ можно было найти побольше, только во фронтовых условиях не положено привередничать. Что наловили, то и

состряпали.

Неторопливо хлебая уху, Стефанчук пустился в воспоминания, как наступал на Ровно в польскую войну двадцатого года, когда его бронепоезд был придан бригаде Котовского. По словам генерала, севернее города местность лесисто-болотистая, техника увязнет, поэтому надо обойти Ровно с юга, даже с юго-запада.

— Правда, что поляки на танки в конном строю бросались? — спросил Часов.

— Брехня, — комкор мотнул головой. — Разок-другой ходили в пешем строю, густыми цепями. Мои броневики много панов посполитых пулеметами покосили. А танки, Леха, у меня после появились — именно в Ровно их трофеями взяли... — отложив ложку, Стефанчук говорил резко: — Забудь, сынок, Ровно. Нас бросят парировать контрудар с севера.

Он пояснил, что Паулюс ударил по северному флангу фронта двумя танковыми дивизиями, потрепал Парусинова и нащупал стык фронтов. В результате 5-я и 34-я армии, прекратив наступление, пытаются остановить противника, только немцы все равно давят. Одним словом, штаб фронта вынужден будет бросить на чашу весов последний резерв — 7-й механизированный корпус.

— Две дивизии, надо же... — Часов был искренне огорчен. — Это же сотни две-три танков, а то и все четыре. А у нас в корпусе — чуть больше двухсот. Слабоват нынче корпус. Тем летом у нас было две дивизии танковые и одна мотострелковая — почти тысяча машин. А сейчас — бригада легких танков, бригада средних и мой отдельный тяжелый полк.

Стефанчук уточнил:

— Кроме того, имеются мотострелковый полк вместо положенной по штатному расписанию бригады и арtpолк двухдивизионного, а не четырехдивизионного состава. Не велика сила, согласен. Только не забывай, что прошлогодние большие соединения оказались беспомощными.

— Хоть убейте, не пойму, как это получилось, — признался Часов. — Огромная сила была, и вдруг куда-то растаяла.

Хмыкнув, Стефанчук набил трубку, раскурил угольком из догоравшего костра. Затем, искоса поглядев на майора, вдруг сказал:

— Ладно, сынок, ты уже большой хлопец. Расскажу кое-что, пока есть время... Ты помнишь, как собрали по всей Красной Армии все мало-мальски приличные танки и сколотили из них девять мехкорпусов?

— Помню, конечно. Я же у вас в дивизии ротным стал.

— Значит, помнишь, как в той дивизии бегали машины шести разных типов. Только вам, ротным, не полагалось знать, каково было управлять такой ордой в четыре сотни танков, которые даже на маршах неспособны были рядом удержаться. А потом, под новый, сорок первый год собрали в Москве совещание — будущую войну обсуждать. И вот под занавес товарищ Сталин возьми да спроси, не нужно ли нам еще мехкорпусов. Ну, командующие округами давай выпрашивать: Жуков и Кирпонос затребовали по четыре-пять, остальные поскромнее были, но меньше двух корпусов никто не называл. Всего получилось, что придется формировать еще двадцать корпусов.

— Вроде бы всего десяток новых...

— Так точно. Потому что товарищ Сталин погрозил пальцем нашим великим полководцам и сказал: дескать, производственные возможности надобно учитывать, а потому сформируем пока всего лишь вторую девятку корпусов. Ты посчитай — это еще тысяч десять-одиннадцать танков, а за полтора года, что до войны оставалось, успели наклепать всего тысячи четыре «ка-вэ» и «тридцатьчетверок» да почти столько же легких... Вот и получилось, что имелось у нас перед войной девять мехкорпусов старых драндулетов в жестяной броне да с выработанным на хрен моторесурсом и еще девять — на новых машинах, да только половина тех машин еще с конвейера не сошла. А те, которые сошли, еще сырые, часто ломаются. Уж не говорю, что машиной в тысячу, пусть даже в пять сотен танков, нельзя управлять без надежной радиосвязи, а рации стояли на каждой десятой

машине...

— Это да... — вздохнул Алексей. — И вдобавок экипажи не получили нужной подготовки.

— Вот так-то, сынок. Слишком большой корпус — не такое уж счастье. Вроде толстой жинки получается. А уж снабжение наладить — вообще немыслимое дело. Так и вышло, что часть машин встала на марше из-за поломок, других пожгли в неумных атаках.

Тяжело вздыхая и меланхолично матюгаясь, генерал налил себе еще ухи. Леха последовал его примеру. Они уже доедали разваренную рыбу, когда подкатил автомобиль, и порученец комкора доложил, что из штаба фронта поступил срочный приказ. Как и предвидел Стефанчук, корпусу было предписано немедленно выдвинуться на север с задачей нанести удар по крупной группе немецких танков, прорывавших стык 5-й и 34-й армий, а точнее — стык Юго-Западного и Карпатском фронтов.

Зарядил дождь, так что дорогу — и без того битую, перебитую — могло развезти окончательно. В голову колонны комкор поставил грузовики с мотострелками в кузовах и пушками на прицепах. Легкие Т-50 бригады подполковника Ладейкина ползли следом, кромсая траками грунт дорожного полотна — плотно утрамбованный, но неотвратимо впитывающий небесную влагу. На танках, держась за приваренные к броне скобы, сидели красноармейцы, которым не хватило места в грузовиках. Почти в самом хвосте растянувшейся на многие километры колонны чавкал гусеницами 87-й тяжелый полк. Чуть больше трех десятков танков, в том числе шесть совсем новых КВ-3Д с усиленной броней, удлиненными пушками и отличной американской оптикой.

Часов вел полковую колонну, высунувшись по пояс из командирской башенки, откинутая крышка люка прикрывала его от пуль и осколков, летящих спереди. Рядом, на соседнем люке, держась за турель крупнокалиберного пулемета, примостился командир мотострелковой роты. Молоденький лейтенант Гриша Озеров успел поведать, что он из Ростова и что ушел на фронт прошлым летом, едва сдав экзамены за первый курс политехнического института.

На протяжении нескольких километров они вспоминали бои, в которых довелось участвовать, и особенно — чудовищную мясорубку минувшей зимы, когда не было стратегии, одна лишь тактика. В этом кровавом хаосе мы теснили немцев километр за километром, заваливая каждый шаг горами трупов — своих и вражеских, а в следующую неделю немцы выталкивали нас обратно. Не раз казалось — все, больше нет сил, сейчас кто-то сломается. Но нет, не сломались, три месяца ходили в атаки с переменным успехом. К февралю, когда силы сторон все-таки иссякли, оказалось, что фронт в общем переместился на восток, пусть и не слишком далеко.

— Товарищ майор, а вот скажите, у кого танки лучше — у нас или у немцев? — Гриша задал наконец вопрос, который всегда звучал в любом разговоре танкистов с пехотой.

— Конечно, наши.

Алексей дал ответ, не задумываясь, как положено, хотя трудно было не рассмеяться — слишком уж по-детски наивно спрашивал Озеров. Это ребенку положено выяснять, кто сильнее — мой батька или соседский дядька. А на войне железо — дело второстепенное, оно слушается не каждого, но лишь тех, кто воевать умеет. В умелых руках и оглобля страшна... Между тем танки, наши и немецкие, примерно близки по качествам: Т-34 немного превосходит «панцер-четверку», а КВ, даже самых новых модификаций, чуть уступает «тигру».

В бою, то есть очень скоро, не только техника решит исход, но в основном — умение командиров и бойцов. Часов еще не знал, как будет управлять частями и подразделениями новый комкор, насколько генерал усвоил новые законы войны, отличные от тех, которым его научил прежний опыт. Стефанчук встретил войну командиром танковой дивизии на Дальнем Востоке, в сентябре его соединение в составе двухсот БТ бросили на Ленинградское направление. Через месяц, оставшись без единого танка, но выбив противнику всего три

десятка машин, генерал-майор Стефанчук был назначен командиром формирующейся танковой бригады. Однако на фронт он с этой частью не пошел, а был переведен в ГАБТУ и на командирскую должность вернулся меньше суток назад. Конечно, говорит он дельно, вроде бы понимает новую тактику, только весь его боевой опыт получен много лет назад...

Любознательного ростовчанина, как это часто случается в предчувствии боя, распирали другие вопросы, но время для разговоров подвернулось неподходящее. Когда танк, следуя кривизне дороги, обогнул плантацию фруктовых деревьев и выполз на открытую местность стали видны распускаящиеся далеко впереди цветки из огня, дыма и взметнувшегося грунта. Голову колонны атаковала авиация — хотелось надеяться, что вражеская, а не свои бомбят по ошибке.

Могучая ПВО корпуса — установленные на грузовиках счетверенные крупнокалиберные пулеметы — поливал небо трассирующими очередями, но самолеты продолжали кружить над дорогой. Уже тянулись к небу струи печально знакомого черного дыма — там горели выбрасывая пламя, подбитые бомбами танки и автомобили. Как назло, батарея автоматических зенитных пушек, полученных по ленд-лизу из заморских Американских Штатов, была придана бригаде «тридцатьчетверок» Сорокина, которая сейчас выдвигалась по параллельному шоссе в десятке километров от главных сил корпуса.

Еще одна стая пикировщиков «штука» вывалилась из облаков чуть левее и впереди участка дороги, занятого танками часовского полка. Пехотные десантники живо попрыгали с машин, спеша убежать в поле, подальше от нацеленных на шоссе бомб и пулеметов. Имелись пулеметы и у танкистов — на КВ последних выпусков устанавливался ДШК калибра 12,7 мм. Увидев в небе характерные силуэты растопыривших неубираемые шасси «штук», Часов немедленно развернул турель в сторону налетающих пикировщиков и открыл огонь.

Описав вираж, самолеты зашли с хвоста колонны. Пулеметный обстрел их не слишком беспокоил: отбомбившись, «штуки» резко набрали высоту и начали заход в следующую атаку. Часов видел, как падают отделившиеся от пикировщиков бомбы. Когда ближайший самолет, теряя скорость, начал выходить из пике, майор послал длинную очередь в брюхо вражеской машины и немедленно нырнул в люк, прячась под броней. Буквально через секунду вокруг загрохотали взрывы.

Шум авиамоторов затих — то ли заглушённый моторами танков, то ли «штуки» действительно улетели. Выглянув из люка, Часов обнаружил, что пикирующие бомбардировщики маневрируют в отдалении, готовясь снова атаковать колонну танков, а впереди падает горящий самолет. «Одного хотя бы подбили, — радостно додумал Алексей. — Точно, моя очередь эту тварь укоротила...»

Второй заход у фрицев не получился, потому как наконец-то подоспели две пары советских истребителей. В небе завертелся бой, на поле один за другим упали «штука», наш истребитель, немецкий истребитель «мессер», еще одна «штука». После этого немцы дали деру за облака, а три сталинских сокола полетели крушить пикировщиков, утюживших передовые части корпуса.

Устроив переключку, майор Часов установил, что прямых попаданий не было, и полк потерь не понес. Тем временем пехотинцы бегом возвращались к танкам, командиры матерно собирали свои подразделения, поторапливая замешкавшихся. После недолгой заминки полковая колонна снова двинулась на север.

Вскоре у обочин стали попадаться машины, которым не повезло в начале налета, когда немцы бомбили бригаду Ладейкина. Часов насчитал два горящих Т-50 и четыре разбитых грузовика. Еще нескольким легким танкам бомбами перебило траки гусениц, и теперь экипажи, молотя кувалдами, ремонтировали ходовые части.

После бомбежки на башне рядом с Часовым сидел гладко выбритый старшина лет пятидесяти. Положив под себя самозарядную винтовку, ветеран чертыхался, пытаясь отчистить с шинели влажную грязь. Пришлось, значит, старику повалиться под бомбами на мокром черноземе...

— Старшина, куда делся Озеров? — осведомился, забеспокоившись, Алексей.
— Живой наш лейтенант, — сообщил старик с характерным кубанским выговором. — Видел я, как он на другой танк садился.

— Хороший командир?

— Молодой больно...

— Это проходит, — Часов засмеялся.

Вздыхнув, старшина вытащил из-под задницы свою СВТ и проговорил печально:

— В мирное время, бывает, проходит. А на войне как получится... Виноват, не доложился — старшина третьей роты Негуляев Георгий Александрович.

— Небось еще в Гражданскую повоевать пришлось Георгий Александрович?

— В германскую до фельдфебеля дослужился, — гордо похвастал Негуляев. — Ты, майор, как воевать собираешься? На немца-то плохо выходим — лоб в лоб...

Леха и сам понимал, что корпус катится прямым курсом в горнило встречного боя. Допускать такого безобразия Часов не собирался и прикидывал, как бы выйти во фланг вражеским танкистам. Слова ветерана были созвучны его мыслям, поэтому майору захотелось послушать старика — так сказать, голос народной мудрости.

— Думаете, в лоб выйдем? — переспросил он.

— Тут и думать нечего, — лениво проговорил Негуляев. — Дождь льет который час, земля раскисла. Немцу деваться некуда — он, как и мы, идет по этому самому шоссе. А ежели две колонны привязаны к одной дороге, то рано или поздно столкнутся. Прямо как в школьной задачке про двух пешеходов, которые из пунктов А и Б отправились навстречу друг дружке с разной скоростью... Так что обязательно встретимся в пункте В и пойдем волна на волну, как рыцари при Грюнвальде.

— Не будет, надеюсь, лобового столкновения, — заверил Алексей. — А вы, Георгий Александрович, хорошо в тактике разбираетесь. В Гражданскую наверняка взводом командовали, не меньше.

— Да уж, не полком...

Старшина вдруг пересел на заднюю часть башни и негромко заговорил с другими десантниками.

Мост через Случь прикрывали сразу две зенитные батареи, поэтому переправа уцелела, несмотря на частые налеты вражеских бомбардировщиков. Реку преодолели без осложнений — деревянный настил выдержал тяжесть машин, ни один танк не свалился в воду.

В пяти километрах за водной преградой занимали позицию на цепочке высот выброшенные вперед мотострелки и пушкеры. Танкисты бригады Ладейкина и саперы, раздевшись по пояс, тоже работали лопатами, оборудуя окопы, пулеметные гнезда и траншеи. Уже дымили походные кухни: в котлах, судя по неподражаемому аромату, варилась перловая крупа.

Корпус разворачивался для обороны в редком перелеске, перед позицией тянулась километра на три полоса ровной местности, а дальше начинался лес погуще. Там исчезало за деревьями шоссе, по которому движутся вражеские войска.

Навстречу колонне Часова уже мчался Т-34 — не иначе штабной. Алексей флажками подал своим подразделениям команду остановиться. Через минуту рядом с его танком встала «тридцатьчетверка», из башни которой выглядывал полковник Гористов — замкомандира корпуса по строевой части.

— Двух машин, как я смотрю, не хватает, — полковник свирепо прищурился. — Бомбами пожгло?

— Никак нет, товарищ полковник. Отстали по техническим причинам. Оба радировали, что поломки исправлены. Думаю, через час-другой подтянутся.

— Ну, живи, коли так... — подбравший Гористов подмигнул. — Даю твоим орлам полчаса на отдых и перекусить, а потом — окапываться. Ты пойдешь со мной.

Отдав распоряжения начальнику штаба, Часов пересел на танк полковника. Т-34 лихо

рванул с места, но вскоре остановился возле накрытого маскировочной, сетью оврага, где был оборудован командный пункт корпуса. Кроме комсостава 7-го механизированного здесь находились командарм-5 генерал-лейтенант Михаил Потапов и несколько незнакомых полковников — явно гости из армейских или даже фронтовых инстанций.

Пристроившись за спинами Стефанчука и Гористова, Часов с интересом выслушал доклад полковника, говорившего с сильным кавказским акцентом. Как понял Алексей по репликам старших командиров, это был начальник оперативного отдела штаба фронта.

Водя карандашом по карте, полковник довел до сведения танкистов, что противник силами 3-й танковой дивизии, которой приданы один или два полка 71-й пехотной дивизии, смял наши части на стыке 5-й и 34-й армии, которые теперь отходят с боями по этой самой дороге. 23-я танковая дивизия наступает вдоль шоссе в 20 км к востоку. По всей вероятности, примерно через два часа передовые части противника выйдут к позициям 7-го мехкорпуса. Бригада Сорокина с одним дивизионом арtpолка выдвинута навстречу 23-й дивизии туда же направляется кавалерийская дивизия из резерва фронта. Главные силы мехкорпуса в составе легкотанковой бригады Ладейкина, 87-го тяжелого танкового полка, мотострелкового батальона и дивизиона противотанковых орудий перекрывают грунтовую дорогу к северу от реки Случь с целью остановить противника, не допустив выхода танковой дивизии в тылы фронта. К утру закончится перегруппировка фланговых соединений 5-й и 34-й армий, которые попытаются встречными ударами ликвидировать прорыв.

— Так что выбор у вас, к сожалению, не велик, — сказал Потапов, едва полковник-кавказец закончил доклад. — Когда противник выйдет из леса, вы кое-как успеете окопаться. Не дайте танкам развернуться для атаки — встречайте огнем и бейте по флангам.

— Ударим, Михаил Иванович, — бодро заверил Стефанчук — Эх, орудий маловато, а то бы поставили в лесу засаду.

— Через полчаса-час ждем батарею гаубиц и батарею противотанковых ЗиС-три, — сообщил штабной полковник. — Но сомневаюсь, что успеем установить орудия. Времени мало совсем.

— Все верно, товарищ Баграмян, — Потапов кивнул. — К тому же трехдюймовки слабоваты против «тигров».

— Зато мои четырехдюймовки в самый раз, — вырвалось у Часова. — И позицию за двадцать минут займем.

Потапову, в недавнем прошлом командиру 4-го танкового корпуса, тоже не нравилась диспозиция, навязанная неблагоприятным развитием обстановки. Резко повернув голову, командарм нашел взглядом говорившего и прищурился, словно пытался вспомнить. Потом медленно произнес:

— Узнал. Вы на Халхин-Голе были взводным в моей бригаде.

— Так точно, товарищ генерал! Майор Часов, командир восемьдесят седьмого тяжелого танкового полка.

Командующий покосился на Баграмяна. Главный оператор фронта одобрительно пошевелил усами.

— Пропусти авангард, — строго сказал Потапов. — Пусть один-два батальона выползут из леса — их как-нибудь переломаем легкими танками. А сам ударишь по середине колонны. Только учти — пушек не дам, своими силами будешь работать.

— Не надо пушек, товарищ генерал-лейтенант. Дайте роту мотострелков. И телефонистов, чтобы связь протянули.

— Получишь. И чтобы через... — Потапов посмотрел на часы. — Чтобы ровно в четырнадцать-ноль-ноль доложил о готовности.

Козырнув, Алексей бросился к своим. Начштаба полка капитан Авдеев, комиссар Гученко и комбаты ждали его на полпути. Не сбавляя шагу, Часов объяснил задачу, приказал разведзводу на бронев автомобилях и плавающих танкетках выступать немедленно, установил порядок выдвижения. Затем на глаза майору попались знакомые личности: тоскливо поглядывая на дымящиеся котлы походных кухонь, рота Озерова нестройно шагала

копать траншеи.

— Старший лейтенант Озеров, ко мне, бегом! — гаркнул Часов и, когда ротный прискакал, продолжил: — Отставить лопаты. Хватайте оружие и возвращайтесь на броню. Задачу поставлю на месте.

Не прошло и четверти часа, как полковая колонна двинулась к лесу: неуклюжие КВ-3, штабной автобус, грузовики ремонтной роты и приданного взвода связи. Наблюдавшие, как полста машин тянутся к лесу, старшие командиры сначала опешили, а потом долго смеялись, увидев два кухонных блока, прицепленных к замыкающим автомобилям. По этому поводу Стефанчук одобрительно высказался: дескать, хороший командир о мелочах не забывает.

Танки расставили с интервалами в 50–60 метров на расстоянии трехсот-четырехсот метров к западу от грунтовки. С дороги машины были почти не видны, но Леха на всякий случай приказал покидать на броню сорванные с деревьев ветки. Рота Озерова расположилась повзводно в овраге, который тянулся на полкилометра почти параллельно шоссе. Или, точнее, дорогу проложили параллельно оврагу.

— Если кто-нибудь пальнет без приказа, лично расстреляю, — объяснял Часов. — И уясните: по грузовикам и броневикам стрелять осколочно-фугасными, по пехоте — из пулеметов, а противотанковые снаряды расходовать лишь по танкам. Понятно излагаю?

Три комбата и шесть ротных командиров нестройно подтвердили, что приказ понятен. Ребята были толковые, но перед таким серьезным боем полагалось внушить побольше чувства ответственности.

За те минут десять, пока майор распределял сектора обстрела и уточнял порядок действий в случае осложнений, дождь почти прекратился, а гром канонады на севере заметно приблизился. Часов немного нервничал, но довел до конца все пункты постановки боевой задачи, велел комбатам провести рекогносцировку, составить схемы местности и прислать копии начальнику штаба.

Откозыряв, командиры припустили бегом к своим танкам. Возле Часова, Авдеева и Гученко остался только старший лейтенант Кушнарюк — командир роты, выдвинутой на левый фланг, дальше всех к северу.

— Бачьте, товарищ майор, — Кушнарюк показал неплохо нарисованную схему местности. — Вот туточки, за моим участком, балочка дугой тянется в западную сторону. Геть готовая позиция для пехоты.

— Удобная позиция, — согласился Часов и добавил, вздыхая: — Только нет у меня пехоты.

— Можно разведвзвод разместить, — размышляя вслух, заметил Авдеев. — Рано или поздно немцы заставят Низкохата отойти. Вот и займет эту готовую позицию.

— Разумно, — признал командир полка.

Он еще не успел навернуть порцию перловки с тушенкой, когда прибежал связист, протягивая телефонную трубку. Мембрана хрипло прокашляла голосом младшего лейтенанта Макара Низкохата, командира взвода разведки:

— Идут, товарищ майор...

Часов чуть не поперхнулся, решив, что немцы уже в получасе танкового броска. Впрочем, оказалось, что по шоссе валит нестройная толпа отступающих красноармейцев. Зачерпнув очередную ложку, майор посмотрел на Гученко и объяснил, что происходит за левым флангом. Тот, сразу смекнув, что от него требуется, попросил разрешения идти.

— Вперед, комиссар, возьми десяток красноармейцев из тыловых и наведи там порядок, — Часов махнул рукой в сторону, откуда слышалась стрельба. — Машины пустишь по дороге, а пехоту и конных гони через лес, в обход наших позиций... Попробуй сколотить отряд в сотню душ с пулеметами — Кушнарюк покажет место, где их можно посадить в оборону.

Вскоре по дороге покатили машины разбитых частей. Грузовики, санитарные машины, легкие танки, конные упряжки, бензовозы, бронеавтомобили тянулись непрерывным

потоком. На глазок Алексей определил, что только на разных видах моторного и гужевого транспорта проследовало за тысячу человек и до дюжины стволов артиллерии. Можно было не сомневаться, что сразу за лесом их встретят командиры армейского штаба, сколотят несколько сводных батальонов и посадят в оборону.

Примерно через час — в придачу к машинам и возкам — пошли по лесу разрозненные группы пеших и конных. Многие были замотаны окровавленными бинтами или несли раненых на импровизированных носилках.

Бой на севере между тем заканчивался — грохот артиллерии практически затих. Однако — это странно — не было слышно приближающегося шума моторов.

Пока Часов с Авдеевым пытались разгадать этот ребус, Низкохат доложил по телефону, что на позицию полка отступила крепкая воинская часть, причем ее командир намерен поговорить с Часовым.

Буквально минут через пять между деревьями показались верховые — два младших командира и давнишний знакомый полковник Краснобородов, с дивизией которого танкисты 7-го мехкорпуса частенько взаимодействовали летом и осенью.

— Здорово, молодой-красивый, — по обыкновению приветствовал его Краснобородов, спрыгивая с коня. — Твой комиссар сказал, у тебя пехоты мало — всего рота на два километра фронта. Могу предложить остатки своей дивизии.

— Здесь-то штыков хватает, — отмахнулся Леха. — Надо было стать в оборону там, на севере, где наш левый фланг.

Из ответа Краснобородова он уяснил, что Низкохат и Гученко уже организовали оборону фланга, набрав из отступающих солидный отряд пехоты. Полковник же привел с собой почти полтысячи бойцов при двух десятках пулеметов, семи противотанковых 76-мм пушках ЗиС-3 и четырех 122-мм гаубицах М-30.

Рассказывая о составе своего воинства, Краснобородов опытным глазом оценил позиции 87-го полка и осведомился:

— Кто держит оборону по ту сторону шоссе?

— Засада тут у нас, а не оборона, — напомнил Часов. — На той стороне стоит одна рота, четыре танка.

— Понятно, — полковник насмешливо поиграл усами. — Значит, шуганете немцев, они свернут влево и обойдут твою засаду малой кровью.

Он был прав, и Леха почувствовал, что краснеет. Краснобородов уже диктовал приказ своим ординарцам — увести хозяйство через дорожное полотно и занять позицию в лесу.

— Обязательно установите связь с моим старлеем Васей Черкесиани и с полевым командным пунктом корпуса, — напомнил Часов. — И подразделения свои располагайте не ближе пятисот метров от грунтовки, чтобы друг дружку не пострелять.

— Не беспокойся, молодой-красивый, — командир разбитой дивизии подмигнул. — Сделаем, как надо.

Солдаты Краснобородова ускоренным шагом поспешили на новый рубеж. Туда же отправились орудия на лошадиной тяге и телеги со снаряжением. Еще с полчаса мимо 87-го танкового продолжали катиться отступающие подразделения. Потом движение почти прекратилось, лишь ковыляли по лесу небольшие группы раненых.

Около четырех часов прибыли оба отставших на марше танка, и Часов отправил одну машину в роту Черкесиани. Поблагодарив, Васику доложил, что хозяйство Краснобородова окопалось, пушки расставлены, и к тому же лихой полковник присоединил к своему воинству еще сотни две бойцов, гаубицу и три пушки ЗиС-2.

В половине пятого над ними проплыла «рама» — немецкий самолет-шпион. За лесом захлопали зенитки, «раму» сбили, но пилот все-таки успел, видать, послать своим радиogramму. Прилетели «юнкеры» и долго бомбили холмы, где стали в оборону наши части. На лес ни одна бомба не упала, то есть засадный полк оставался незамеченным.

А вот на земле противник никак не появлялся. Часов не верил, что немцы сменили направление и пошли по другой дороге — не было поблизости других дорог. Скорее уж

сделали привал перед решительным броском на юг.

Лишь около шести вечера, когда дождь совсем прекратился, Низкохат прокричал сквозь телефонные помехи, что мимо него проследовала вражеская разведка на мотоциклах. Следом двигалось передовое охранение на броневиках и грузовых автомобилях. В 18.48, сообщив о сильном отряде — до пехотного батальона с танками и самоходками, начальник разведки доложил, что вынужден отойти. Немцы, прочесывая лес по сторонам от шоссе, наткнулись на его подразделение.

— Отходи, — разрешил Часов.

Младшему лейтенанту Леха доверял безоговорочно. Макар с двенадцати лет был разведчиком партизанского отряда под Хабаровском, в четырнадцать застрелил из нагана первого японца-оккупанта, в действительную службу воевал с китайцами на КВЖД, потом отучился в лесном техникуме и работал егерем в родном Приамурье. Мобилизованный летом прошлого года таежный охотник попал в разведбат корпуса и за регулярные рейды в немецкие тылы быстро получил первое командирское звание.

Доклады Низкохата стали подтверждаться, едва прервалась телефонная связь с разведчиками. Мимо засады последовательно проехали мотоциклисты, группа бронетранспортеров «ханоманг» и, наконец, авангард — штук сорок танков, бронетранспортеров, грузовиков и несколько самоходных пушек STUG, — в общем, усиленный батальон. Часов доложил по телефону в штаб корпуса: мол, идут передовые подразделения вражеской *kampfgruppe* — боевой группы танковой дивизии.

Боковое охранение, шнырявшее по лесу вдоль дороги на мотоциклах и легких броневиках, вскоре натолкнулось на сборный отряд в овраге на левом фланге полка. Как сообщил Гученко, дело кончилось десятком убитых немцев, подбитым из противотанкового ружья броневиком, двумя пленными и целеньким трофейным мотоциклом с пулеметом. Танки Кушнарюка огня не открывали. Противник откатился и теперь подтягивает пехотную роту с бронетранспортерами.

Пока события развивались близко к замыслу. Скорее всего, немцы должны решить, что встретили разбитое в утреннем бою подразделение, которое утомилось отступать и расположилось табором посреди леса. Связываться с таким сбродом во время большого наступления вражеские командиры не станут — выставят небольшой заслон, а главными силами продолжат рывок вдоль шоссе, охватывая голый фланг 5-й армии. «Ох, и вмажет вам этот голый фланг», — злорадно подумал Алексей.

Между тем мотоциклисты, вырвавшись на леса, напоролись на боевое охранение развернутых там советских войск, частично погибли под пулеметно-минометным обстрелом и отступили за деревья. Следующие подразделения, развертываясь в боевую линию, настырно поперли в атаку, которая была, по существу, разведкой боем, и стрельба пошла по-настоящему. За спиной авангарда, торопясь на подмогу передовым отрядам, прибавили ходу машины главных сил боевой группы.

И вот, наконец, пошли мимо Часова танки. Немцы спешили, гнали на хорошей скорости, сократив до предела дистанции между машинами. В голове колонны прогремели траками десятка два Pz.IV, за ними проползла шестерка самоходок STUG III, оснащенных длинноствольными пушками, пробивавшими броню любых советских танков. Потом снова хлынули «панцер-четверки». Часов уже собирался подать команду на открытие огня, но тут Низкохат сообщил дурную весть: по обе стороны от шоссе, держась примерно в сотне метров от грунтового полотна, движутся «тигры» вперемешку с «ханоманами». Майор понял, что начинать надо с этого «зверинца».

Когда первые четыре «тигра» и дюжина бронетранспортеров продефилировали мимо часовского танка, стоявшего в центре полковой линии, Алексей крикнул в рацию: — Огонь!

Выпустив сигнальные ракеты красного пламени — подтверждение приказа, он нырнул в люк, оттолкнул наводчика Короткова и сам припал правым глазом к резиновой насадке оптического прицела. Электромеханическое устройство медленно проворачивало башню,

наводя ствол орудия в избранный для первого выстрела «тигр». Выбрав упреждение, Часов чуть опустил ствол, чтобы попасть не в башню, а в борт. Захлопали торопливые выстрелы других машин его полка, но майор дождался, когда перекрестье прицела окажется в нужном положении — на два деления впереди вражеского танка, и лишь тогда надавил ногой педаль спуска.

Сила отдачи подбросила танк, отправляя в полет бронебойную болванку. Промахнуться с такой короткой дистанции было сложно, и Часову это не удалось. Сквозь облако порохового дыма, заволакивающего поле зрения, майор увидел, как брызнули искры, высеченные ударом металла по металлу. «Тигр» остановился.

— Заряжающий, кумулятивный! — азартно крикнул Алексей.

Вторым снарядом он угодил точно в балканский крест, намалеванный на башне застывшего Pz.VI. На подбитом танке распахнулись люки, и экипаж полез наружу из начинавшего дымить стального гроба. Пошевелив стволом, Часов поймал в прицел полугусеничный броневик, в кузове которого фрицы готовили к выстрелу противотанковую пушку. По новой мишени майор ударил осколочно-фугасной гранатой, броневик загорелся, солдаты в кузове признаков жизни больше не подавали.

Уступив место наводчику, Часов высунулся из люка командирской башенки. Справа и слева грохотало — его орлы расходовали боекомплект с такой яростью, словно за спиной каждого громоздились штабеля снарядных ящиков. По всему лесу и на шоссе, сколько хватало глаз, горели костры вражеских машин. Уцелевшие «тигры», развернув к лесу толстые лбы башен, медленно отползали к дороге на задней передаче. Пехотинцы выпрыгивали из грузовиков и «ханомаров» под кинжальным огнем мотострелков Озерова и, прижавшись к влажной земле, стреляли в ответ.

Часов указал Андрюхе Короткову новую цель — «тигр» за ориентиром № 2. «Тигр», падла фашистская, успел выпустить снаряд первым, но не по часовскому танку, а по кому-то сбоку. Коротков сгоряча тоже нажал спуск, но промахнулся. Потом возле того же «тигра» полыхнул взрыв — кто-то с большого ума пальнул осколочно-фугасным.

С десятков целей перед фронтом полка было уже уничтожено, поэтому теперь по каждой боевой машине противника вели огонь два-три КВ. Совместными усилиями удалось подбить и поджечь еще несколько танков и бронетранспортеров. Все пространство затянул густой черный дым топлива, горящего в разбитых машинах, и целиться стало совсем трудно.

Немецкие пехотинцы попытались броситься в атаку, несмотря на хлеставший из оврага винтовочно-пулеметный огонь. Когда фрицы подобрались к позиции мотострелков ближе сотни метров, навстречу им поднялись красноармейцы — числом не меньше взвода — во главе со старшиной Негуляевым. С дикими криками: «Ура! За Родину! Бей е...ных сук! За Сталина!» — кинулись в штыки.

Схватка была стремительной. Часову даже почудилось, будто на полминуты затихли пушки — танкисты с обеих сторон, затаив дыхание, наблюдали редкостное искусство штыкового боя. Красноармейцы-мотострелки дрались ожесточенно и умело, парируя выпады противника стволом и цевьем, а затем наносили неотразимые уколы. Вскоре старшина и остальные участники вылазки уже возвращались, оставив между деревьями ворох вражеских трупов и прихватив немудреные солдатские трофеи.

Страхнув оцепенение, Часов приказал перенести огонь на цели, двигавшиеся позади «тигров» — по шоссе. На дороге тоже запылали костры, и немцы отошли на восток, беспорядочно отстреливаясь.

Кое-как опросив комбатов, Алексей установил, что потери полка невелики. Уточнить данные не удалось, Потому как противник начал контратаку. «Тигры», «четверки» и самоходки остановились за дорожным полотном и, прячась за горящими сородичами, вели огонь по замаскированным танкам засады. Дистанция была невелика, с четырехсот метров снаряды КВ почти наверняка проламывали даже лобовую броню Pz.VI, поэтому Часов приказал бить наверняка, почаще меняя позиции.

Танки ввязались в дуэль, а тем временем немецкие пехотинцы растянулись цепью и

перебежками двинулись вперед, постреливая из пистолет-пулеметов и штурмовых винтовок. Пришлось потратить на них немного шрапнельных боеприпасов и причесать пулеметами. Атака захлебнулась прежде, чем мотострелки успели пустить в дело ручные гранаты. Поредевшая пехотная цепь фашистов опять отхлынула.

Дела шли, на первый взгляд, недурно — засадный полк потерял всего три танка, подбив и уничтожив не меньше сорока вражеских машин всех типов, в том числе около двадцати танков. Тем не менее обстановка начинала осложняться. Продолжавшие подходить с севера подразделения 3-й танковой дивизии, сориентировавшись, навалились на левый фланг засады. Сражавшийся там батальон майора Митягина, состоявший из рот капитана Гасанова и старшего лейтенанта Кушнарюка, отразил первый натиск, однако немцы подтягивали полевую артиллерию. Резервов у Часова не было, поэтому он попросту приказал Митягину послать одну роту с десантом в обход, чтоб ударить по позициям вражеских батарей сбоку.

Бой в лесу начал принимать неприятный оборот — противник, хоть и понес чувствительные потери, уже начал оправляться от неожиданности. Немцы скоро поймут или уже поняли, что засада не слишком многочисленна, и начнут обкладывать Часова по всем законам тактики. К тому же в кутерьме лесного боя, когда приходится непрерывно маневрировать, меняя позицию, подразделения изрядно перемешались, а снаряды кончаются. По-хорошему, полк выполнил задачу и пора бы отойти на соединение с главными силами, пока время и противник позволяют.

Он решил подождать немного, подстрелить немцам несколько танков, а потом уже отводить батальоны на главную позицию корпуса. Израсходовав несколько снарядов, Коротков повредил ходовую часть очередному «тигру», кто-то поджег самоходку и две «четверки», а немцы подбили КВ из батальона Зайцева. Тем не менее ситуация выравнивалась: еще немного — в бою наступит перелом, и противник сумеет реализовать численный перевес.

Именно в этот момент вступила в бой рота Черкесиани, поддержанная артиллерией Краснобородова. Среди скучившихся у шоссе немецких танков стали рваться гаубичные снаряды, а подкрававшиеся сзади КВ посылали снаряды в слабо бронированные кормовые части панцеркампфагенов.

Неожиданная атака с тыла стала последней каплей. Немцы дрогнули и начали отходить, машины разных типов перемешались, между танками, грузовиками и самоходками суетились пехотинцы.

Решение пришло молниеносно, потому как второй раз подобная возможность уже не подвернется. Схватив трубку рации, Часов прокричал в микрофон приказ:

— Всем вперед! — затем заорал на своего механика-водителя Сергея Горшина: — Чего ждешь? Вперед, я сказал!

Танк командира полка рванул с места.

Это была безумная атака в худших традициях первых приграничных сражений, когда танки беспорядочной лавой летят вперед на четвертой передаче, не слыша приказов и стреляя с коротких остановок. Управлять этим сумбуром было почти невозможно, хотя Часов посадил голос, выкрикивая в рацию указания комбатам и одновременно через переговорное устройство ТПУ-4бис указывая цели своему экипажу:

— ...Митягин, иди слева от шоссе... Беспалых, заходи справа, заодно подбери Васику... Наводчик — танк и три грузовика прямо перед нами... заряжающий, подкалиберным по танку... Серега, короткая!.. Огонь!.. Андрюха, промазал... еще подкалиберный... Зайцев, грузовики на дороге в кучу сбились, не ломай, бей пулеметами, пригодятся... Хорошо, Андрей, добавь кумулятивным... Серега, поехали... Митягин, мать твою, подтяни хвост... Наводчик — самоходка слева за горящим броневином бронебойным... еще... Попал!..

Лес был наполнен лязгом и грохотом, эфир — матерными воплями, командиры батальонов и рот пытались внести хоть какой-то порядок в кавардак, но получалось плохо.

Одна радость — фрицы, не выдержав дикой атаки тридцати громадных танков, позорно побежали, бросая обозы и подбитые машины.

Мчась вдоль шоссе на скорости около 20 км/час Алексей лично расстрелял из пулемета не меньше взвода пехотинцев и батарею больших орудий, каждое из которых было запряжено четверкой лошадей. Немецкие танки и бронемашины быстро отходили через лес, покинув забитую пехотой и брошенной техникой грунтовку. Лишь однажды десяток Pz.IV и STUG III попытались дать бой, подбили три КВ, но сами потеряли две машины, после чего показали корму. Именно в корму «тигра» влепил последний кумулятивный снаряд старший сержант Андрия Коротков, служивший наводчиком в танке Часова со второго месяца войны.

Пользуясь преимуществом в скорости, немецкие танки вскоре оторвались от преследователей. Экипажи КВ не видели тяжелых бронированных целей, поэтому расходовали в основном осколочно-фугасные и шрапнельные боеприпасы. Пулеметы тоже трещали без перерыва.

Они гнали, стреляли, давили бегущих немцев не менее пяти километров. Сосчитать в таком сумбуре, сколько танков противнику подбили и сколько живой силы покосили, Часов не мог, но понимал, что «кампфгруппу» потрепали основательно.

Внезапно за редующими деревьями показалось ровное поле, залитое косыми лучами светившего в облачные просветы заходящего солнца. Лес кончился, а на открытой местности могли ждать всякие разные неожиданности.

— Всем стоять, — осипшим голосом заорал в трубку радиации Часов. — Стоять, мать вашу! Не выходить из леса!

Как ни удивительно, многие этот приказ услышали и даже выполнили, несмотря на горячку боя и гнавший вперед азарт. Лишь несколько КВ с разгону вылетели в поле, где попали под обстрел противотанковых пушек. Замыкавшие прорвавшуюся колонну полки Вермахта развернулись здесь, окопались, оборудовали огневые позиции для артиллерии, поставив пушки на прямую наводку. Первые же залпы подожгли убежавший вперед КВ зайцевского батальона, остальные торопливо врубили заднюю передачу и вернулись в лес.

— Что прикажешь? — спросил Авдеев, забравшись на башню часовского танка. — Отходим?

— Рано. Надо привести в порядок подразделения, а то все перемешались.

Майора немного смущали доносившиеся из тыла звуки ожесточенной перестрелки. Сквозь треск винтовок и пулеметов ощутимо прорывались знакомые хлопки 57-мм пушек, которые стояли на легких танках Т-50.

В быстро сгущавшихся сумерках показались передовые машины. Как выяснилось, Стефанчук бросил вдогонку Часову все силы, которые собрались под его командованием: легкотанковую бригаду, мотострелков, кавполк, а также группу Краснобородова и другие отряды, наспех сколоченные из отступивших бойцов 5-й и 34-й армий. Они прошли по лесу стальной гребенкой, перебив и взяв в плен множество фашистов, а заодно захватили богатейшие трофеи.

Сводные отряды, переданные под команду Краснобородова, заняли оборону на северной окраине леса, из тыла подтягивалась артиллерия, а танкисты отвели свои машины подальше от переднего края. Наскоро умывшись и напившись водой из родника, Часов поинтересовался, удосужился ли кто-нибудь озаботиться кормежкой личного состава. Комиссар весело доложил, что комкор отвалил несколько ящиков трофейной тушенки и канистру трофейного же спирта.

Банки мясных консервов, торопливо вскрытые штыками, покидали в общий котелок и подвесили над костром, а зампотыл выдал по куску холодного, но не черствого хлеба, так что ужин получился на славу, в московской «Астории». Тем паче — под содержимое вражеской канистры, разведенное напополам родниковой водой.

— Ну, давай, комиссар, еще по полкружки за Верховного, — намекнул Алексей,

полируя свою миску последней хлебной коркой. — И за то, чтобы завтра день выдался не намного хуже сегодняшнего.

Опрокинув самопальный нектар, командиры снова наперебой заговорили про недавний бой, описывая особо врезавшиеся в память эпизоды. Хвастались количеством подбитых немецких танков, числом вмятин в своей броне и опустошенными снарядными укладками.

— Снаряды должны подвезти, — встрепнулся Авдеев.

Часов добавил угрожающе:

— Пока боекомплект не разложите по машинам, никто спать не будет. — Оглядев комсостав полка, майор добавил в той же тональности: — И ремонтники не будут знать отдыха, пока не вернут в строй все восемь машин!

— Вы хотели сказать «все четыре», — невесело усмехнулся старший техник-лейтенант Миша Авербух, до войны работавший механиком на «Ростсельмаше». — Две машины выгорели полностью, еще две придется эвакуировать в тыл — хотя бы в армейскую мастерскую.

Эвакуация танка, да еще тяжелого, это удовольствие повеселее геморроя. Часов болезненно покривился. Установленные на КВ-3 коробки перемены передач были слабоваты для махины в 52 тонны весом. Если же взять на буксир другой такой же танк, то через 10–15 километров у буксировщика тоже сломается трансмиссия.

— Запрягайте по два КВ, — мрачно посоветовал Алексей. — Как-нибудь дотащим до речки, а там, глядишь, мастерская пришлет свои машины.

На этом кончился отдых и начался аврал, затянувшийся до самой ночи. Надо было заправить танки, загрузить боеприпасы, похоронить убитых, отбуксировать подбитые машины. Часов сам раскладывал снаряды внутри башни своего танка и умотался в доску.

От усталости майор даже не заметил, как в расположении части появился Стефанчук и с ним немало народу из штаба корпуса. Первым делом генерал устроил герою дня головомойку за то, что Леха помчался в погоню, как Чапай — впереди полка на лихом КВ, хотя командирский танк должен был двигаться позади линии машин, чтобы командир мог обозревать поле боя и управлять подразделениями путем отдачи умных приказов. Растерянный Алексей даже не знал, что отвечать, но комкор уже сменил гнев на милость и велел начальнику штаба рассказать, сколько сегодня добра фрицам попортили.

Оказалось, что посланные штабом корпуса команды насчитали в лесу 7 «тигров», 22 «панцер-четыре», 8 самоходок STUG III, 19 бронемашин разных типов, 14 сгоревших или брошенных грузовиков, 9 буксируемых гаубиц калибра 150 мм, 4 пушки калибра 105 мм. Причем два Pz.VI, один Pz.IV, десяток машин помельче и почти все орудия были брошены почти целенькими, то есть после небольшого ремонта могли быть введены в строй. Трофейные орудия уже стояли на позициях в готовности стрелять по недавним хозяевам.

Хотя Часов валился с ног и держался только на честном слове, но сумел урвать для своего полка «ханомаг», отданный взводу разведки, и оба «тигра», на которые посадил экипажи сгоревших КВ. Лишь в третьем часу ночи Леха сумел, завернувшись в плащ-палатку, прилечь возле своего танка. Засыпая, он думал об Ане, которую не видел с самого начала войны и безумно по ней скучал.

Утром танкистов разбудила канонада — настырный комкор вздумал устроить разведку боем. Спустя час выяснилось, что немцев перед фронтом корпуса нет: за ночь 3-я танковая дивизия скрытно покинула позиции, отступив километров на двадцать к северу. Ежу было понятно, что противник опасался за неприкрытые фланги, но в рапорте Стефанчука, разумеется, говорилось о бегстве врага под натиском корпуса и приданных частей.

Приданные части отправились преследовать противника, танкистам же было приказано готовиться к маршу в восточном направлении — на подмогу сильно потрепанной накануне бригаде Сорокина. Вскоре приехал командарм Потапов, пригоршнями раздававший награды за вчерашний бой. Часов получил орден Красного Знамени, все комбаты, многие ротные и командиры машин — Красную Звезду, остальным достались медали «За отвагу». Обмыть не

удалось — корпус двинулся на восток.

На башне часовского танка снова сидел лейтенант Озеров, страшно гордый первым своим боевым орденом. Понимая чувства парнишки, Леха сказал одобрительно:

— Мы вчера прямо любовались, как твои орлы в рукопашную ходили.

— Это все старшина мой, — скромно сообщил Озеров. — Сам отлично штыком владеет и молодежь сумел обучить.

— Удивляюсь, что такой бывалый боец не получил среднего командирского звания, — признался Часов. — Он же в Гражданскую взводом командовал. Вполне можно было дать старику лейтенантские кубики и назначить ротным или заместителем по боевой подготовке в батальон, а то и в полк.

Странно поглядев на танкиста, Гриша покашлял и проговорил:

— Нам он тоже про взвод в Гражданскую рассказывал. А потом особист меня вызвал и поведал, что старик наш в Гражданскую не взводом командовал, а ротой. В звании поручика...

— М-да... — крикнул ошеломленный Алексей. — Жизнь фортеля выкидывает. В интересное время живем.

К этой теме они больше не возвращались.

Прямо с марша, потеряв часть машин от непрерывных воздушных налетов, без артподготовки, корпус атаковал развернутую вдоль шоссе пехотную часть. На поле остались гореть подбитые плотным артогнем три десятка машин, ворваться на вражеские позиции не удалось, но танки обстреливали дорогу, затруднив немцам подвоз снабжения и подкреплений.

Ночью, разведав расположение вражеских опорных пунктов, танки просочились между очагами вражеской обороны, ударили с тыла, раздавили батареи, а десантники-мотострелки довершили разгром.

Весь следующий день шли дуэли-перестрелки между танками, в полку Часова осталось меньше половины штатного числа машин, легких и средних сгорело почти три четверти, ремонтники не успевали возвращать машины в строй.

К вечеру 19 мая поступил приказ: сдать боевые участки стрелковым частям и двигаться дальше на юго-восток — в сторону Бердичева — для погрузки в железнодорожные эшелоны.

Главный удар в летней кампании планировался по северному фасу «белорусского балкона». Правое крыло Западного фронта 18 мая перешло в наступление против северного фланга 9-й немецкой армии силами 19 стрелковых дивизий и 1300 танков. За двое суток тяжелейших боев советские войска выбили противника с первой линии обороны, разгромили две пехотные дивизии, освободив город Невель. На следующий день три армии Центрального фронта должны были нанести встречный удар, наступая из района Мозыря на север — во фланг 2-й армии. Однако на рассвете 19 мая перешла в наступление 2-я танковая армия Гудериана.

Позиции 13-й, 4-й ударной и 33-й армий не были подготовлены к обороне, и сотни немецких танков обрушились на советские дивизии, сосредоточенные в выжидательных районах. К полудню фронт был прорван на протяжении 30 км, и 46-й танковый корпус стремительным броском захватил мосты через Припять в районе Мозыря. С севера в прорыв вошли корпуса 4-й армии Вермахта, оттеснившие 13-ю советскую армию к Гомелю, а с юга перешла в наступление 2-я армия, завершившая разгром 33-й армии.

На следующий день 1-я танковая армия Эвальда Клейста, сосредоточенная в районе Рыбницы, нанесла удар по левому флангу Юго-Западного фронта. Одновременно перебрасываемая из группы армий «Север» 4-я танковая армия Германа Гота, не закончив сосредоточения, ударила в стык 5-й и 6-й советских армий, развивая прорыв на Винницу. Командование Карпатского и Юго-Западного фронтов было вынуждено поспешно отводить войска, пытаясь создать сплошную линию обороны.

К исходу 23 мая танки Клейста и Гота встретились в Умани. За танками

форсированным маршем подтягивались пехотные дивизии, завершавшие создание грандиозного «котла», в котором были окружены соединения пяти советских армий. Отступив за Днепр, потрепанная 4-я ударная армия сумела избежать окружения и перекрыла шоссе Гомель — Чернигов, вдоль которого, почти не встречая сопротивления, катились танки Гудериана.

3

Из дневника генерал-полковника Ф. Гальдера 21 мая 1943 года, 347-й день войны

Обстановка. На фронте группы армий «Юг» — Гот очень быстрыми темпами углубляется на юго-восток несмотря на введенные противником свежие силы. Наступление с целью окружения у Паулюса закончилось успешно во второй половине дня. По данным, предположительно, уничтожено восемь стрелковых дивизий и 10 танковых бригад. На остальных участках незначительная деятельность противника. Обстановка на его восточном фланге неясна. Паулюс докладывает о серьезных контрударах противника против 14-го армейского корпуса с юга. Еще более серьезные атаки противник ведет против северного участка 14-го и 8-го армейских корпусов. На прочих участках бои местного значения. Передвижениям войск мешает плохая погода.

В ответ на наше наступление на южном участке фронта противник быстро и решительно бросает в сражение прежде всего танки, а также подтягивает войска на автомашинах. Благодаря этому 8-й армейский корпус в своей полосе получил значительное облегчение и частично даже смог предпринять контратаки. Командование группы армий сообщает о своем решении наносить главный удар в операции «Фридрикус» на северном фланге и, перегруппировав 8-й армейский корпус, осуществить встречный удар из района юго-восточнее Ровно.

Восточнее Ровно в результате танковой атаки наши войска захватили Новоград-Волынский. Но и здесь значение боевых действий снизилось до тактического. Обстановка южнее Ровно складывается в нашу пользу. Наступление группы Клейста развивается весьма успешно. Головные части Клейста с ходу врзались в боевые порядки русских. Давление на 8-й армейский корпус оказалось незначительным (благодаря ли наступлению армии Клейста — сказать трудно), а последующая контратака позволила даже несколько выровнять его рубеж обороны.

Усиленное железнодорожное движение с севера и юга в район севернее Киева.

На стыке групп армий «Юг» и «Центр» противник упорно обороняется. Он ввел радиомолчание. Усилилась деятельность его артиллерии. В районе Чернобыля отмечается сосредоточение сил противника, вероятно, для наступления.

Перед 3-й танковой и 9-й армиями по-прежнему спокойно. Здесь противник ведет атаки местного значения, по всей вероятности, с целью сковать наши силы. Атаки отбиваются. Возможно, что после Невеля придется смотреть такой же «фильм» про Витебск. На остальном фронте никаких существенных событий. Войска группы армий «Центр» ведут успешное наступление против кавалерийского корпуса Белова. Действия партизан на железных дорогах принимают более широкие масштабы.

На фронте группы армий «Север» день прошел в общем спокойно. Противник выводит силы из волховского и погостыенского котлов.

Стала возможной эвакуация раненых. На остальном фронте из-за погоды и плохого состояния дорог очень тихо. Следует ожидать нового нажима противника в полосе 16-й армии на войска, обеспечивающие операцию «Наводка моста» с севера и юга, а также наступления против 2-го армейского корпуса с севера.

Заслуживают внимания успехи наших войск в борьбе с танками противника.

Подполковник Гелен. Распределение сил противника.

Русские дивизии весьма различны по качеству. Дивизия с пехотным полком (600–800 человек) насчитывает обычно 7000 человек.

17.00 — доклад у фюрера (после его возвращения из Берлина). Ничего особенного.

25 мая 1943 года, 351-й день войны

Обстановка. Стратегическая инициатива в наших руках. Боевой дух и порыв войск полностью обнадеживают.

Самолет с майором Рейхелем (начальник оперативного отделения 23-й танковой дивизии) с исключительно важными приказами на операцию «Блау», по-видимому, попал в руки противника.

Командование группы армий «Юг» проявляет в оценке обстановки большую нервозность. Переброска войск из Киева и Одессы на север и восток и скопление крупных танковых сил перед внешним фронтом 6-й армии дают основание ожидать крупных наступательных действий со стороны противника.

Имеется опасность того, что противник выйдет из окружения.

В группе армий «Центр» достигнуты весьма обнадеживающие успехи: войска приведены в порядок дивизии, переведенные на шестибатальонный состав, с соответствующим количеством артиллерии готовы к выполнению боевой задачи. Оснащенность дивизии транспортными средствами пока еще недостаточна. Избыток поступающего пополнения живой силы над потерями (пока еще незначительный) сулит некоторый прирост мил. Личному составу предоставляются отпуска.

На фронте группы армий «Север» волховскую группировку противника можно рассматривать как окончательно ликвидированную. В районе Киришей новые сильные атаки. Неясно, следует ли ожидать новых ударов с ладожского участка фронта.

Положение с укомплектованием, как и прежде, тяжелое, поскольку пополнение только возмещает текущие потери. В отношении матчасти — явное улучшение со средствами ПТО.

Характеристика противника. Противник ожидает нашего наступления. Сообщения, появившиеся во вражеской прессе относительно наших замыслов, истолковывают последние по-разному — от возможного общего наступления на всем фронте от Балтийского до Черного моря до отказа с нашей стороны от крупных наступательных операций и перехода к операциям с ограниченной целью.

Противник в целом перешел к обороне. На переднем крае у него весьма незначительное количество войск, и в данное время это прямо-таки рискованно. Подвижные части противника сосредоточены во втором эшелоне.

Генерал Вагнер. Накопление запасов для операций по состоянию на 16.0 (первоначальная дата начала операций). В общем, положение со снабжением весьма удовлетворительное. Труднее с горючим и боеприпасами для танков и противотанковых пушек.

Потери сухопутных войск на Восточном фронте с 10.6.1942 года по 21.5.1943 года. Ранено — 27 282 офицера, 915 575 унтер-офицеров и рядовых; убито — 9915 офицеров, 256 302 унтер-офицеров и рядовых; пропало без вести — 887 офицеров, 58 473 унтер-офицеров и рядовых.

Всего потеряно 38 084 офицера, 1 230 350 унтер-офицеров и рядовых.

Общие потери сухопутных войск (без больных) составили 1 268 434 человека, или 26,42 % средней численности армии на Востоке (4,8 млн человек)...

Встреча с японцами.

Его превосходительство Осима — японский посол рассказывает о своих впечатлениях от поездки в Минск и Ригу.

Фюрер сказал, что с Россией покончено, хотя агония может продолжаться до осени. Прямо потребовал от Японии наносить согласованные удары против русского Дальнего Востока и Южной Америки. На Дальнем Востоке большевики готовят дивизии, которые потом отправляются на фронт против Германии. Японским союзникам также следует

полностью прервать морское сообщение между СССР и США.

Адмирал Кога уклончиво говорил о многочисленной армии русских, сосредоточенной против Квантунской армии. По японским данным, там сосредоточено почти 50 дивизий, всего до миллиона солдат и около 2000 танков. Квантунская армия, почти не имеющая танков, не готова вступить в бой с такими силами. Морские подступы к Владивостоку прикрыты сильной авиацией, подводными лодками и береговой артиллерией калибра 12, 14 и 16 дюймов. Попытка удара с моря и суши может обернуться тяжелым поражением армии, а также потерей кораблей, которые необходимы для операций против Американского континента. Япония вступит в войну против России только после падения Москвы.

В дальнейшем обсуждался план операции «Северное сияние» (Das Nordlicht).
Вечером.

Группа армий «Юг». Тяжелые бои у Гота. Паулюс сужает свой котел. У венгров ничего не выходит с очисткой западного берега Буга. Они пока прекращают эти попытки и переходят к обороне. На северном участке у Чернигова местные бои. На участке 2-й армии, в общем спокойно. Взято 70 тыс. пленных, большие трофеи. Противник встречными ударами пытается прорвать кольцо окружения у Радомышля и Житомира.

Группа армий «Центр». Наступление противника на Восточном участке фронта 9-й армии привело к широкому и глубокому прорыву. Принимаются контрмеры, атаки противника против северного участка фронта 9-й армии в целом отражены.

Группа армий «Север». Снова бои местного значения. Однако пока еще нет никаких признаков подготавливаемого русскими нового контрнаступления.

Генерал Блюментрит. Доклад о результатах разведки Ленинграда. Он предлагает вести наступление только западнее Невы из района Пулкова. Но для этого не хватит шести пехотных дивизий.

От Советского Информбюро

30 мая. Наши войска вели оборонительные бои на черниговском направлении. В воздушных боях сбито 4 немецких самолета. Решительной контратакой советские танкисты и кавалеристы отбросили вражеские войска, освободив город Репки.

2 июня. Дивизии генералов Жукова и Рокоссовского продолжают наступление на Западном направлении. В упорных боях разгромлены несколько немецко-фашистских дивизий, освобождены населенные пункты Лиозно и Меховое.

4 июня. Бои местного значения велись в районе городов Белая Церковь и Корсунь. Войска генерала Кирпоноса успешно отражают атаки противника на киевском направлении. Партизаны взорвали вражеский эшелон, перевозивший подкрепления, убито до 6 тысяч немецко-фашистских захватчиков.

7 июня. После тяжелых многодневных боев с превосходящими силами противника наши войска оставили города Чернобыль, Фастов, Белая Церковь, Тирасполь. Мощными контрударами в районе Кирова и Кривого Рога противник отброшен на исходные позиции. Артиллеристы Н-ской части под командованием старшего лейтенанта Коршина подбили 6 вражеских танков.

11 июня. Советские войска украинского направления отразили попытку противника форсировать р. Днепр южнее Киева в районе г. Канев. Войска Ближневосточного фронта под командованием маршала Буденного и генерала Павлова разгромили итальянские дивизии «Ливорно» и «Ариете» на подступах к палестинскому городу Беер-Шеба, деблокировав окруженную пехотную бригаду британских союзников.

12 июня. Несколько дней назад превосходящие силы немецко-фашистских войск, понеся огромные потери сумели захватить г. Чернигов. Советские войска успешно отошли на заранее подготовленные позиции. Героическим сопротивлением наших бойцов были сорваны попытки врага ворваться в Одессу и Николаев.

18 июня. Мощным контрнаступлением Красной Армии войска противника на подступах к Киеву полностью разгромлены и прекратили попытки овладеть столицей

Советской Украины.

Документ № 10

Отправлено 19 июня 1943 года

**Личное и секретное послание
премьера Сталина президенту Рузвельту**

Прежде всего хочу выразить соболезнование в связи с трагической гибелью адмирала Нимица. Японские милитаристы совершили варварское нарушение законов войны, сбив самолет, в котором летел выдающийся американский военачальник. Не сомневаюсь, что адмирал Спрюэнс достойно продолжит боевые действия против коварного, жестокого врага.

Также выражаю Вам благодарность за решение послать Советскому Союзу 200 транспортных самолетов.

В связи с Вашими последними посланиями я считаю необходимым сообщить, что полностью разделяю Ваше мнение о целесообразности маршрута для переброски самолетов из США через Аляску и Сибирь на Западный фронт. Учитывая это, Советское правительство уже дало необходимые указания об окончании в кратчайший срок проводящихся в Сибири работ по подготовке к приему самолетов, т. е. работ по приспособлению имеющихся аэродромов и соответствующему оборудованию их. По поводу того, силами чьих летчиков доставлять самолеты из Аляски, то мне кажется, что это дело можно будет поручить, как это и предлагал в свое время Государственный департамент, советским летчикам, которые придут в Ном или другое подходящее место к условленному времени. Соответствующей группе этих летчиков можно будет поручить произвести и предложенный Вами рекогносцировочный полет. В целях полного обеспечения приемки этих самолетов нам желательно было бы уже теперь знать количество самолетов, предоставляемых США для переброски на Западный фронт этим путем.

Что касается посылки бомбардировочных авиачастей на Дальний Восток, то я уже разъяснял в предыдущих посланиях, что нам нужны не авиачасти, а самолеты без летчиков, так как своих собственных летчиков у нас более чем достаточно. Это во-первых. А во-вторых, нам нужна Ваша помощь самолетами не на Дальнем Востоке, где СССР не находится в состоянии войны, а на советско-германском фронте, где нужда в авиационной помощи особенно остра. Прибытие этих самолетов, но без летчиков, так как своих летчиков у нас достаточно, на Юго-Западный или Центральный фронт сыграло бы крупную роль на самых важных участках борьбы с Гитлером.

Вместе с тем я надеюсь, что будут приняты все меры для обеспечения быстрой доставки грузов в Советский Союз, особенно Северным морским путем. Было бы очень хорошо, если бы США во всяком случае обеспечили нам следующие поставки (ежемесячно): истребители — 500 штук, грузовики — 8 или 10 тысяч штук, алюминий — 5 тысяч тонн, взрывчатые вещества — 4–5 тысяч тонн. Кроме того, важно обеспечить поставку в Течение 12 месяцев 2 миллионов тонн зерна (пшеницы), а также возможное количество жиров, концентратов, мясных консервов. Мы смогли бы значительную часть продовольствия завезти через Владивосток советским флотом, если бы США согласились уступить СССР для пополнения нашего флота хотя бы 2–3 десятка судов. Обо всем этом я уже говорил с г. Уилки, уверенный в том, что он сообщит Вам об этом.

Что касается Вашего предложения относительно принятия более крупных мер со стороны воздушных морских сил СССР для охраны транспортов на указанном Вами участке, то можете не сомневаться, что все возможное с нашей стороны будет незамедлительно предпринято. При этом, однако, надо учесть, что наши морские силы, как Вам известно, весьма ограничены, а, воздушные силы в своем громадном большинстве поглощены работой на фронте.

Что касается положения на фронте, то Вы, конечно, знаете, что за последние месяцы

наше положение на юге, особенно в районе Киева, ухудшилось из-за недостатка у нас самолетов, главным образом истребителей. У немцев оказался большой резерв самолетов. Немцы имеют на юге минимум двойное превосходство в воздухе, что лишает нас возможности прикрыть свои войска. Практика войны показала, что самые храбрые войска становятся беспомощными, если они не защищены от ударов с воздуха.

Ваше предложение о том, чтобы генерал Брэдли инспектировал русские военные объекты на Дальнем Востоке и в других частях СССР, вызывает недоумение. Вполне понятно, что русские военные объекты могут быть инспектируемы только русской инспекцией, так же как американские военные объекты могут быть инспектируемы только американской инспекцией. В этой области не могут быть допущены никакие неясности.

Относительно поездки в СССР генерала Маршалла должен сказать, что мне не совсем ясна миссия генерала Маршалла. Прошу Вас разъяснить цель и задачи этой поездки, чтобы я мог сознательно отнестись к этому просу и дать Вам свой ответ.

Что касается Вашего предложения о встрече представителей армии и флота США и Советского Союза обмена информацией, поскольку она будет необходима, то Советское правительство согласно на устройство такой встречи и предпочитает, чтобы она состоялась в Москве.

Получено 27 июня 1943 года.

Киевский нокаут Сталина

Русские отважно сражались, но проиграли третий раунд.

Редакционная статья в газете «The New York Times», 25 июля 1943 года.

В минувшую пятницу случилось неизбежное — германские войска замкнули кольцо окружения вокруг русских войск, оборонявших Киев. Все разумные люди варанам, сражавшихся против наци, понимали, что рано или поздно это произойдет. Тем не менее сокрушительное поражение Красной Армии означает не только позорный финал кровавого большевистского эксперимента. Решительный перелом наступает во всей войне, которую западный мир ведет за свой образ жизни.

Советская Россия была обречена на гибель с первых часов ленинского переворота, и просто чудо, что большевизм просуществовал почти 26 лет и даже выстоял больше года, сдерживая натиск непобедимых танковых армий Адольфа Гитлера. Безумный фюрер нацистов давно провозгласил своей целью уничтожение преступной власти коммунистов. Вскоре после взятия испанскими националистами Мадрида он выступил с длинной речью в рейхстаге в ответ на призыв президента Рузвельта к миру. В этой речи Гитлер четко сказал, что в Испании он защищал ни больше ни меньше чем всю европейскую цивилизацию: «Ведь если бы силы недочеловеков-большевиков восторжествовали в Испании, они легко могли распространиться по всей Европе».

Вероятно, извращенная логика диктовала вожаку нации, что во имя истребления большевиков следует уничтожить демократию в Европе, превратив в огромный концентрационный лагерь Польшу, Чехию, Сербию, Грецию, Францию и Англию. Безусловно, Гитлер лгал, называя главной целью «своей борьбы» спасение цивилизации от большевизма. Единственная его цель — власть над миром и порабощение «недочеловеков». Только лишь ради этого наци вторглись в Россию. Так причудливая ошибка истории превратила тиранический режим Сталина в главного союзника демократических стран.

Прошлым летом на бескрайних просторах русских степей две гигантские армии сошлись лицом к лицу в величайшем сражении в истории человечества. До сих пор безжалостная, не знающая ошибок и поражений военная машина Германии побеждала всех противников первым же ударом. Никто не ждал, что Красная Армия станет исключением, но Сталин выстоял в титанической битве и даже сумел выиграть по очкам первый раунд, остановив Гитлера возле границы. Затем последовал второй раунд — ценой невероятных потерь русские послали немцев в нокдаун, сумели оттеснить врага на запад. Миллионы

русских солдат держались стойко, да и удача не изменила вождю: в дело, как и 130 лет назад, когда Москву захватил Наполеон, вступил «генерал мороз».

За первые месяцы войны направленность русской пропаганды изменилась: прежние марксистские лозунги отошли на второй план, акцент делался на патриотизме. «Пусть вдохновляет вас мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» — говорил Сталин. В эти месяцы принесла свои плоды жестокая и громоздкая индустриализация первых пятилеток. Долгой зимой 1942/43 г, уральские заводы тысячами выпускали танки, пушки и самолеты, которые позднее дополнил поток вооружений из США и Канады. Когда один посетитель-американец пытался объяснить Сталину, что рост военного производства в США сдерживают забастовки, тот спросил: «У вас что, полиции нет?»

За эту зиму Сталин создал новую армию, мобилизовав всех здоровых мужчин и женщин в стране. Он лично руководил боевыми действиями, не покидая Кремля. Огромное войско, по численности равное населению Нью-Йорка, начало битву, но третий раунд оказался решающим. Опыт и правильная европейская тактика одержали верх над фанатизмом азиатской орды. Сначала войска Сталина попали в окружение в западной части южнорусской провинции Украина. Фронт Красной Армии был разорван на протяжении шестисот миль — это примерно равно расстоянию от Нью-Йорка до Чикаго. Миллионы русских солдат были убиты или попали в плен.

Некоторые обескровленные дивизии русских сумели ускользнуть из стальных клещей немецкого окружения и создали новый рубеж на подступах к Киеву — большому индустриальному и административному центру Украины. Сталину пришлось прекратить успешно начавшееся наступление в Белоруссии, чтобы перебросить войска на южное направление.

Почти месяц продолжались бои за Киев, и вот, наконец, русские потерпели новое поражение. В сражении погибли лучшие русские генералы, в том числе Кирпонос и Потапов. Геббельс объявил, что десятки генералов попали в плен. Бессмысленно продолжавшееся сопротивление, стоившее русскому народу огромных жертв, оказалось напрасным. Катастрофический разгром русских армий означает конец большевизма и нашего ненадежного московского союзника.

Никакой режим, основанный на страхе перед политической полицией, не способен выдержать удар такой силы. Советская Россия обречена. Нам предстоит наблюдать агонию гигантской державы, которая наверняка завершится до наступления зимы. После этого свободный мир останется один на один со странами «оси Рим — Берлин — Токио». Нам остается лишь возблагодарить Господа, окружившего Америку океанами.

Крейсер «Фрунзе» малым ходом курсировал по длинному, вытянутому с востока на запад колену Южного Буга, нацелив заданные стволы орудий в сторону наступавшего врага. Время от времени пушки грохотали, выбрасывая пламя, дым и шестидюймовые, в полцентнера весом, снаряды. Огонь корректировал наблюдатель в порхавшем над николаевским портом гидроплане. В трех милях к весту занимал позицию крейсер «Молотов». Оба корабля уже приняли на борт по батальону эвакуируемых из города войск. Ждали только возвращения опергруппы.

Старший лейтенант Светышева нервно металась по мостику, не отрывая взгляд от лабиринта причалов уставленных кранами и другими механизмами загадочного предназначения. Заслоняя немалую часть завода мимо причалов медленно двигался корпус «Советской Украины». Буксиры тащили недостроенный корабль, уводя из обреченного Николаева. Готовый почти наполовину линкор казался изуродованным — без палубных перекрытий, с торчащими из трюма трубами, надстройками и основаниями башен главного калибра. Рядом, в порту дымили пароходы — там сейчас, наверное, избегали по трапам бойцы покидавших плацдарм дивизий.

Одна за другой проревели пушки крейсера — Аня так и не поняла, почему ни одна башня не делает полный залп всеми стволами. Всякий раз стреляло лишь одно из трех орудий.

Когда рассеялся пороховой дым и стало чуть слабее звенеть в ушах, из-за пирсов судостроительного предприятия вышмыгнул крохотный буксир. Смачно выбрасывая клочья дыма из несоразмерно высокой трубы, кораблик направился прямо к «Фрунзе». Аня с облегчением перевела дыхание, но в тот же момент поблизости от крейсера взметнулся столб воды. Не успел фонтан опасть, как рядом вырос его брат-близнец. Противник возобновил обстрел акватории.

Как это случалось сегодня уже трижды, пушки «Фрунзе» зашевелились, перенацеливаясь, и загрохотали в бешеном темпе, выпуская снаряд за снарядом. Какофоний канонады продолжалась недолго, но уши намертво заложило от непрерывного грохота. После второго или третьего залпа Светышева уже ничего не слышала, и только увидела, как из стволов перестал выплескиваться огонь, а башни проворачиваются, возвращаясь в прежнее положение. Надо полагать, вражеская батарея была вдавлена — наблюдателю на гидроплане виднее.

Мотая головой, чувствовавшая себя оглохшей калекой, Аня вдруг обнаружила, что из распахнутого люка боевой рубки ей машет рукой, подзывая, незнакомый моряк. В рубке она почувствовала, как возвращается слух, но голоса звучали совсем слабо. Выход из положения нашел командир крейсера капитан 2-го ранга Бортников, прокричавший ей прямо в ухо:

— Ваши возвращаются.

— Видела, — закричала она в ответ.

Ане казалось, что звук ее голоса еле слышен, однако моряки вздрогнули. Бортников сочувственно произнес:

— Напрасно вы снаружи канонаду слушали. Надо было с нами, под броней. Стальная стена как-никак глушит звуки.

Она не ответила, потому что расширившимися глазищами уставилась в угол, где за столиком с картами чертил что-то с помощью странных приборов... да, это был слегка постаревший, поседевший, погрузневший, почему-то одетый в китель капитан-лейтенанта и вдобавок куривший трубку... Леха Часов. Перехватив Анин взгляд, он удивленно посмотрел на лейтенанта, и стало ясно, что глаза у моряка бледно-голубые, а не серо-синие, как у Лешки. Обозналась.

Потом стало не до личных дел — в рубку вошли нарком госбезопасности Меркулов, начальник четвертого управления НКГБ Судоплатов и военинженер 2-го ранга Колька Антощенко. Все живые и, кажется, невредимые. Комсостав крейсера моментально притих, пожирая взглядами высокое начальство.

— Вольно, — разрешил Меркулов, утирая платком усталое лицо. — Жарко, черт побери... Дайте кто-нибудь бинокль.

Нарком навел окуляры на завод. Аня выглянула из соседнего прорезанного в броне окошка, но увидела только отвалившие от причалов пароходы с уходившими войсками. За ее спиной Антощенко вполголоса наставлял моряков:

— Сразу после взрывов уходим.

— У нас полная готовность, — сообщил Бортников. — Даже гидроплан приняли на борт.

— Не сомневался... Какую скорострельность удалось развить, когда подавляли батарею?

— Семь-восемь выстрелов в минуту.

— На ствол? — поразился Николай.

— Шутить изволите... На башню.

Над заводом расцвели бутоны взрывов. Громадина порталного крана медленно обрушилась. Насколько помнила Светышева, на предприятии оставались недостроенные корпуса легкого крейсера, трех эсминцев, нескольких подводных лодок и много разной

мелочи. Часть оборудования удалось эвакуировать за последнюю неделю, тяжелый крейсер «Севастополь» еще позавчера ушел своим ходом, а все оставшееся уничтожалось.

Меркулов сказал негромко:

— Полный вперед, — и добавил от души: — Ничего, мы сюда еще вернемся.

— Виноват, товарищ народный комиссар, — Бортников сглотнул. — Полный ход можно будет дать только в море. По фарватеру пойдем на десяти узлах, быстрее не выйдет.

— Вам виднее, — буркнул нарком. — В общем, уходим.

Они с Судоплатовым вышли на мостик, где было не так душно. Слух уже вернулся к Ане, и она тихонько сказала Николаю:

— Посмотри-ка на вон того моряка. Правда, похож на Лешку?

Антощенко посмотрел, заулыбался и бросился к моряку, огорошив вопросом:

— Товарищ капитан 3-го ранга, вы, наверное, штурман Никодим Часов?

С интересом поглядев на военинженера, тот ответил со степенной неспешностью:

— Так точно, штурман Часов. Евстигней Часов. Никодим — брательник мой двоюродный. На Северном флоте нынче ходит.

— Виноват, — смутился Антощенко. — Мы вот с товарищем из госбезопасности — друзья другого вашего кузена, Алексея.

— Танкист, — осуждающе протянул Евстигней. — Не дело для моряка по окружениям шастать.

— Вы что-нибудь знаете про Леху? — обмирая, осведомилась Аня. — Я от него последнее письмо получила в начале мая.

Штурман ответил пренебрежительно:

— Наша порода, чего ему сделается... Был я на прошлой неделе в Мурмане, видел дядьку Николая, отца Никодима и Лехи. Он говорил: долго не было вестей от Алешки, а на второй день августа, значит, письмо и приди. Леха писал, мол: жив-здоров, бьет фашистов, повидал бабку Оксану, а с дедом Кондратием свидеться не пришлось.

— Про Кондратия — это наш условный язык, чтобы цензура не поняла, — радостно сообщила Аня. — Значит, не был тяжело ранен. А где ваша бабка Оксана живет?

— Нет у нас сродственников с такими именами, — просветил их северянин. — Леха, стало быть, под Киевом побывал... Не плакай, девка, напишет.

— Знаю... — не сдержавшись, Аня все же всхлипнула — Я от радости, что Лешка живой.

С интересом оглядев ее, штурман осведомился:

— Невеста, что ли?

Аня кивнула, услышав в ответ одобрительное мнение: дескать, подходящая невеста — ладная да видная.

Тут вмешался командир, затребовавший от штурмана навигационные данные. Чтобы не мешать, Николай с Аней вышли на полубак. Солнце клонилось к горизонту, августовский зной отступал, к тому же на палубе их обдувал свежий ветерок.

«Фрунзе» и следовавший за ним «Молотов» обогнали увлекаемый буксирами линкор. Антощенко тоскливо застонал сквозь зубы, на лице инженера проступила болезненная гримаса.

— Не переживай... — Аня подергала друга за рукав гимнастерки. — Достроишь после войны.

— После войны совсем другие корабли понадобятся, — буркнул Николай.

Чтобы утешить и поддержать его, Светышева бодро заметила, что большой крейсер, покинувший Николаев двумя днями раньше, почти готов — только башни осталось на место поставить. Антощенко даже отвечать не стал, только выдавил кривую улыбку.

— Чего щеришься? — обиделась Аня. — Я помню этот проект, бумаги через наш отдел проходили. Три башни в каждой по три пушки калибра двенадцать дюймов Сталинградский завод «Баррикады» их уже наверняка наклепал.

Николай незаметно оглянулся и, не обнаружив поблизости посторонних, тихонько

объяснил, что проект 69, по которому начиналось строительство «Кронштадта» и «Севастополя», был вскоре переработан в 69И, то бишь — «иностранный».

— Немцы согласились продать нам свои башни — двухорудийные, с очень мощными пушками в пятнадцать дюймов, — тихо рассказывал он. — Последнюю башню для «Кронштадта» я с боем вырвал у них в марте, за три месяца до войны. А башни для «Севастополя» ржавеют сейчас где-нибудь в Гамбурге. Вот уж точно — после войны будем их устанавливать.

Опережая некомпетентные вопросы и предложения, Николай объяснил, что установка на корабль «родных» башен МК-15 с тремя двенадцатидюймовками Б-50 уже невозможна. Подпалубные механизмы рассчитаны на громадные немецкие башни, то есть возвращаться к прежнему проекту — это все равно, что строить крейсер заново.

— Плохо, — согласилась Аня. — Так много важных дел приходится откладывать на «после войны»...

Рассуждения о временах «после войны» давно стали обычным делом. Сомнения в исходе грандиозной битвы возникали разве что у немногих отщепенцев, место которым — на шахте за Полярным кругом или в штрафной роте. Сами же участники разговора на полубаке легкого крейсера «Фрунзе» ни на миг не сомневались, что война безусловно завершится триумфом советского оружия, а уж после победы начнется совершенно небывалая прекрасная жизнь. Та самая жизнь, которая уже замаячила в конце 30-х годов, но была безжалостно прервана вторжением вражеских орд.

4

Как это часто случалось в последнее время, темой разговора стал побежденный главарь русских большевиков. Аман презрительно бросил: дескать, старик много курит, неправильно питается и вообще ведет нездоровый образ жизни, а потому быстро дряхлеет. Намек на рацион Сталина, злоупотреблявшего алкоголем и жареным мясом, пролился бальзамом на вегетарианскую душу, и Гитлер проговорил, улыбаясь:

— Если ты напишешь об этом в «Фелькишер беобахтер», Геббельс обидится. Такие мысли должны были родиться в его голове и лечь в основу пропаганды.

— Обязательно напишу, — Аман злобно сузил глаза. — Геббельс — жалкий дилетант и недоносок. Где был малыш Йозеф, когда мы начинали борьбу? Кое-кто прибежал в партию на все готовенькое. И мы не забыли, как в трудные дни Геббельс колебался между Штрассером и тобой, как он принимал твою сторону лишь в самый последний момент.

Шауб лениво заметил, зевая:

— Ты прав, Макс, но ведь теперь колченогая обезьянка верно служит шефу.

Прерывая интересный, но несколько несвоевременный спор, Гитлер помахал рукой, чтобы успокоить старых ворчунов. Здесь, в бункере, в компании верных друзей, можно было говорить все и обо всех, но сейчас Гитлера меньше всего заботили партийные склоки. Судьба мира — более того, судьба войны — решалась в степях Востока. Любые разговоры о чем-то другом раздражали, более того мог зайти кто-то из obsługi.

Так и случилось — прибыл телефонист ставки обер-шарфюрер Рохус Миш, нередко выполнявший обязанности личного посыльного фюрера. Гитлер отвел его в кабинет, достал из сейфа тщательно запечатанный сверток и строго наказал:

— Отвезешь в Вену моей сестре Пауле. Здесь пачка, чая, письмо и немного денег.

— Фюрер... — громадный плечистый эсэсовец замялся. — Фрау всегда спрашивает, какие у вас новости. Что мне отвечать?

— Скажи, что все замечательно. Мы выиграли величайшую войну.

Свою по-европейски немногочисленную родню Гитлер не забывал, но и не баловал. Его кузины, кузены и племянники не занимали никаких важных постов. Время от времени Гитлер посылал им небольшие суммы денег и подарки. От родни были сплошные неприятности, эту деревенщину следовало держать подальше от себя. Наполеон, конечно,

был великим полководцем, но пустил в политику своих туповатых братьев и сестер — с известным результатом.

Быстро покончив с семейными делами, Гитлер вернулся в комнату, где сидели ближайшие друзья и советники. В нерушимой преданности этих простых и не слишком образованных ребят он не сомневался. Пусть высшие бонзы Рейха сражаются за влияние на фюрера — ни Борману, ни Герингу, ни Геббельсу, ни Гиммлеру, ни Розенбергу, ни Риббентропу никогда не войти во внутренний круг приближенных.

Вопросы большой политики Сталин обсуждал с верными соратниками из Политбюро. Для тех же целей у Муссолини был Большой фашистский совет, у Черчилля — кабинет министров и верхушка консервативной партии. Гитлер принимал важнейшие решения в компании давних друзей, с которыми двадцать лет назад начинал создавать партию.

Макс Аман был его фронтовым командиром с первых дней мировой войны. В мирное время стал коммерческим директором партийного издательства и спас от банкротства главный печатный рупор нацизма — газету «Фелькишер беобахтер». Отправляясь в тюрьму после «пивного» путча, Гитлер назначил Амана заместителем главы партии при номинальном лидере Розенберге.

В молодости Юлиус Шауб состоял при Гитлере простым телохранителем. Он одним из первых вступил в охранные отряды и с гордостью носил удостоверение члена СС № 7. Посетителей пускали к фюреру лишь после того, как Юлиус обыщет их карманы и убедится, что подозрительное лицо не прячет оружие. Сейчас сорокапятилетний бригадефюрер Шауб занимал пост главного адъютанта Гитлера.

Кроме них в отсеке бункера сидели бригадефюрер Ганс Баур — личный пилот и Генрих Хоффман — личный фотограф фюрера.

Когда-то давно во внутренний круг входил шофер фюрера Эмиль Мориц, но был изгнан из-за собственной глупости, не пожелав по-хорошему отдать хозяину женщину, с которой спал. В отличие от него сообразительный Хоффман легко уступил очередную подружку и теперь считался чуть ли не наследником фюрера. В середине 30-х годов, напуганный невинной шуткой, бежал за границу Эрнст Ганфштенгль — случайно затесавшийся в окружение фюрера интеллектual, пытавшийся привить хозяину хорошие манеры и почтение к Америке. Потом исчез Гесс, улетевший в Англию, но так и не сумевший договориться о сепаратном мире. Все реже появлялся за дружеским столом бывший начальник охраны фюрера Йозеф Дитрих. «Большой Зепп» нечасто мог отлучаться с фронта, где командовал «Лейбштандарте» — 1-й мотодивизией СС, носившей имя самого фюрера.

Стоя в дверях, Гитлер с удовольствием слушал, как верные друзья злословят, обсуждая скорый конец главного коммуниста. Неожиданно Баур проговорил, скривив подобием удивленной гримасы квадратное, словно из кирпичей сложенное, лицо:

— Между прочим, я не заметил, что Сталин — такой уж дряхлый старец. Помню, я был на приеме в Москве, когда привез Риббентропа подписывать договор. Сталин, скажу вам, пил водку, как молодой. Из нашей делегации за ним сумел угнаться только Генрих.

С этими словами летчик показал на Хоффмана. Скромно потупившись, фотограф признал, что русская водка была не хуже доброго шнапса и уж давно лучше мерзкого виски, который гонят выродившиеся англосаксы.

— Надо было включить в делегацию Канариса, — хохотнул Шауб. — Наш адмирал от шпионажа запросто перепил бы всех русских.

— Гансу пришлось бы вытаскивать его из-под стола, — подхватил Аман.

Все захохотали. Глава абвера действительно спивался, и слабость к алкоголю уже переставала быть поводом для шуток. Придется заменить его, раздраженно подумал Гитлер, не любивший принимать решения, к которым его вынуждали обстоятельства. К тому же Гиммлер все настойчивее требовал передать военную спецслужбу в ведомство СС, а Гейдрих снова начал намекать: мол, абвер работает все хуже. Глава имперской безопасности подозревал, что Канарис и ближайшие сотрудники адмирала связаны с английской

разведкой.

По привычке Гитлер отложил проблему до подходящего случая, решив еще раз посоветоваться с руководителями СС. Чтобы закрыть адмиральскую тему, он сострил, улыбаясь:

— Генрих, ты опять напился с утра пораньше? Держись подальше от огня — твоё проспиртованное мясо может загореться... — и, когда все вдоволь насмеялись, добавил, сделав серьезное лицо: — Не надо злорадствовать. Сталин был достойным противником, победа над таким врагом делает честь всем нам, покрывая славой германские знамена. Он был сильным, умным революционером, прошел школу подпольной борьбы, он создавал великое государство. В истории, которую мы напишем после победы, Сталину будет отведено несколько строк.

Полуприкрыв глаза, Гитлер представил недалекое будущее. Он сидит в кинозале рейхсканцелярии, рядом с ним — Ева Браун и другие верные друзья и сподвижники, а на экране показывают документальный фильм о казни Сталина. Как жаль, что человека можно убить всего однажды — Гитлеру очень хотелось увидеть, что Сталина расстреливают, вешают, четвертуют и гильотинируют. Печально вздохнув, он подумал, что придется выбрать один, самый мучительный, вид казни.

От этих приятных мечтаний фюрера отвлек раздражающий шепот за спиной. Резко обернувшись, он обнаружил две пары восторженно-глупых голубых глаз, — восхищенно обсуждая своего фюрера, в коридоре топтались шлюхи из obsługi — официантка и секретарша. Идиотки не могли избавиться от манеры подкрадываться к нему сзади и пялиться, как на статую Фридриха Барбароссы. Моментально изобразив приветливую улыбку, Гитлер сделал комплименты их платьям и прическам, после чего торопливо шагнул в холл и занял прежнее место за столом.

Вслед за ним проскользнули младшие приближенные адъютанты, стенографистки, машинистки. Обнаружив многочисленную аудиторию, Баур принялся рассказывать, как они с Герингом охотились в лесах Силезии.

Страдавший ожирением рейхсмаршал старался побольше ходить пешком, чтобы сбросить излишек веса. Он часами слонялся по зарослям с ружьем, килограммы выходили из толстяка литрами пота, и после стирки мундир висел на Геринге, словно мешок. Личный портной ушивал всю одежду, подгоняя под новые формы телосложения. К сожалению, после плотной трапезы перешитый костюм становился тесным, и портному приходилось снова распускать пояс.

Пока Ганс весело расписывал страдания тучного Рейхсмаршала, Гитлер слушал рассказ вполне благосклонно, даже улыбался в особо смешных местах. Однако затем пилот все-таки заговорил про охоту, когда они с Герингом застрелили кабана, оленя и полсотни диких уток. Сентиментальная натура фюрера не стерпела такого варварства, и он, кисло морщась, произнес хорошо поставленным голосом, в котором сквозил мягкий австрийский выговор:

— Признаюсь, я не могу понять, почему некоторые люди столь жестоки. Я могу понять, если человек убивает животных, чтобы прокормиться. Но убивать ради спортивного удовольствия — это кажется мне совсем неправильным и несправедливым! Ведь охотники не оставляют зверю шанса... — Гитлер понял, что снова кричит, как на митинге, и заговорил спокойнее: — Впрочем, я могу понять охоту, когда зверь и охотник честно сражаются на равных. Когда шансы охотника быть разорванным на кровавые куски равны шансу зверя быть застреленным.

Он понимал, что тянуть больше нельзя. Как бы ни было приятно в обществе этих милых людей, долг звал его в другой бункер. Oberst-лейтенант Шмундт, его адъютант от сухопутных сил, уже давно бросал на шефа тоскливые взгляды, намекая, что в картографическом кабинете собрались штабные полководцы, нетерпеливо ждущие своего главнокомандующего.

Снова вздохнув, Гитлер поднялся из-за стола и строго посмотрел на Шмундта. Тот послушно пошевелил челюстью, готовясь доложить, но адъютанта перебила молоденькая

секретарша Гертруда Вебер, воскликнувшая:

— Ах, фюрер, вы так прекрасно говорили!

— Спасибо, фрейлейн, — ответил искренне растроганный Гитлер и добавил, распаляясь: — К сожалению, мне придется покинуть вас, чтобы вправить мозги кучке напыщенных болванов.

— Опять будут болтать обычные глупости, — сочувственно поддакнул Шауб.

— Еще бы! — Гитлер взмахнул руками, снова переходя на митинговый стиль. — Они надоели мне своими причитаниями о законах военного искусства! Если бы я слушал идиотские советы трусливых аристократических свиней, Германия давно была бы повержена и лежала в руинах! Они отговаривали меня от войны с ничтожной Польшей, они боялись штурмовать «линию Мажино», они пытались саботировать вторжение на Британские острова! Однако я настоял на смелых решениях, и всякий раз исход событий показывал, что я опять был прав! И несмотря на это, они продолжают возражать, будто я неправильно управляю войсками в России, но именно «неправильные» указания привели к грандиозным победам, каких не знала история! Ни Наполеон, ни Чингисхан, ни даже великий Аттила не захватывали таких пространств! Тупоголовые генералы лепечут об устаревших законах военной науки, а я создаю новую военную науку — науку стратегического вдохновения, помноженного на политическую интуицию! Воля вождя, храбрость солдата-германца, превосходство немецкого оружия и милость провидения — вот составные части наших неизменных успехов!

Умолкнув, он обвел соратников свирепым взглядом налитых кровью глаз. Аудитория трепетно молчала, потрясенная короткой вспышкой ярости. Наконец Аман произнес почтительно:

— Не слушай болтовню генеральских задниц. Принимай решения сам, ты всегда прав. Они должны усвоить, кто командует Вермахтом.

— Самый вредный из них — Гальдер, хоть и баварец, — добавил Шауб. — Ты заменишь его?

— При первой же возможности, — фюрер добавил по обыкновению неискренне: — Пока не решил, кого поставить на его место.

Позвав его резким жестом левой руки, Гитлер вышел в коридор. Они шли гуськом по коридору мимо застывших охранников: Гитлер, за ним — Шауб и замыкающий Шмундт. Бригадфюрер позволил себе продолжить важный разговор:

— Наверное, Йодль мог бы занять место Гальдера. Он никогда не возражает тебе.

— Да, Йодль — хорошая кандидатура, но он нужен на нынешнем месте. Я думал про Цейцлера — очень исполнительный штабной генерал.

Шауб плохо помнил Цейцлера, поэтому промолчал. Вроде бы тот прежде был начальником штаба танковых войск, а теперь служил в каком-то штабе на Западе.

Они покинули деревянный барак, в котором располагался импровизированный конференц-зал. У входа ждали машины, чтобы отвезти фюрера в бункер, где проходили совещания.

Полевая ставка «Вольфшанце» находилась в восточнопрусских лесах Горлице, неподалеку от Растенбурга. На обширной территории, обнесенной колючей проволокой, были выстроены бетонные казематы и деревянные дома. В зоне 2 жили штабные офицеры, в зоне 1 размещались личный бункер фюрера, подземные бетонные сооружения для других руководителей государства и армии, казармы батальона личной охраны.

Все помещения, предназначенные для Гитлера, либо выходили окнами на север, либо располагались под землей. Фюрер не любил солнечного света.

В бункер для совещаний Гитлер вошел в дурном настроении. Во-первых, предчувствовал очередную схватку с генералами, которые словно состязались в упрямстве и спорили с ним по любому поводу. Во-вторых, оставалось меньше месяца до 18 сентября — дня, когда застрелилась его любимая во всех смыслах слова племянница Гели Раубаль. С тех

пор прошла ровно дюжина лет, и каждый год в этот день Гитлер приезжал в свою старую мюнхенскую квартиру на Регентплац, 16, и надолго запирался в комнате, где Гели пустила пулю себе в бок.

Великие полководцы стояли вокруг стола. Фюрер махнул рукой, изобразив «народное приветствие», остальные щелкнули каблуками, «Хайль Гитлер» прокричали немногие. Кивнув, Гитлер сел за стол и машинально принялся водить карандашом по бумаге, исподлобья оглядывая собравшихся. Два генерал-фельдмаршала — Кейтель, начальник Генштаба Верховного командования Вермахта, и Клюге — напросившийся на это совещание главнокомандующий группы армий «Центр». Рейхсмаршал Геринг и начальник штаба Люфтваффе генерал Ешоннек. Начальник Генштаба Сухопутных сил Гальдер, самый упрямый спорщик, не простивший фюреру смещения многих высокопоставленных военачальников. Начальник штаба оперативного управления Вермахта генерал Йодль. Генерал-квартирмейстер Вагнер и начальник службы связи Фельгибель. Полковник Гелен — начальник отдела «Иностранные армии Востока» Генштаба Сухопутных сил. От Кригсмарине никто не был вызван — сегодня обсуждались события на русском фронте, где флот практически бездействовал. Ну и, конечно, подполковник Штауффенберг из штаба резервной армии — хороший швабский парень, всегда старается стоять поближе к фюреру.

— Пусть начнет рейхсмаршал, — распорядился Гитлер.

Может быть, авиация действовала не слишком успешно, однако надо отдать должное Герингу, воспитавшему свое воинство в отличном национал-социалистском духе. Сухопутным генералам стоило бы взять пример с Люфтваффе.

Расплывшись в улыбке, Геринг блеснул грубоватым ораторским искусством, принесшим партии немало голосов в период битвы за победу на выборах. Изредка заглядывая в бумаги, которые ловко подавал ему Ешоннек, рейхсмаршал поведал о сотнях сбитых в воздушных боях русских самолетов, о разгромленных на марше колоннах Красной Армии, об уничтоженных авианалетами эшелонах, танках, артиллерийских позициях и полевых укреплениях противника. Гитлер умиротворенно слушал прекрасный доклад и даже рассмеялся, когда Геринг упомянул бомбардировку танкостроительного предприятия к востоку от Москвы. На представленных фотографиях были хорошо видны горящие заводские корпуса.

— Это замечательно, — с воодушевлением провозгласил фюрер. — Таким образом, наше воздушное господство неоспоримо.

— Да, мой фюрер, мы завоевали русское небо, — подтвердил рейхсмаршал. — Конечно, у них остается довольно много самолетов, большевики поставили производство на конвейер, к тому же на фронте все чаще появляются американские истребители, но это — агония. Мы победили, нет никаких сомнений.

Разумеется, в бумагах содержались и менее приятные цифры. Например, о немалых потерях Вермахта от ударов русской авиации, а также о числе погибших немецких пилотов и не вернувшихся с вылетов самолетов Люфтваффе. Геринг давно понял, что Гитлера не интересуют неприятные новости, то есть докладывать об этом не стоит.

Наградив старого соратника одобрительным кивком фюрер предложил Йодлю доложить о положении на флангах Восточного фронта. Тот с готовностью поведал о незначительных успехах на ленинградском направлении, где удалось немного продвинуться вдоль берега Финского залива, несмотря на сильнейшие обстрелы советского флота. В то же время противник продолжал неистовые атаки против 16-й армии, нанося непрерывные удары из районов Новгорода и Старой Руссы вдоль дорог, сходящихся на Псков. На отдельных участках, вводя в бой группы по 50-100 танков, противнику удалось вклиниться, и теперь готовятся контратаки с целью ликвидации этих вклинений.

Краем глаза Гитлер заметил, как зашевелились Клюге и Гальдер — наверняка собирались что-то вставить, но сдержались. Пусть подождут, злорадно подумал Гитлер и, не прекращая рисовать, кивнул Йодлю, чтобы продолжал.

— Манштейн продолжает наступление в Крыму, — послушно заговорил начальник

оперативного штаба. — Два корпуса одиннадцатой армии при посильном содействии румынской четвертой армии оттеснили противника к югу от Перекопа.

Он посетовал, что большевикам удалось эвакуировать из Одессы 51-ю армию, которая теперь включилась в оборону Севастополя, к тому же сильный русский флот непрерывно подвозит подкрепления в Севастополь. Затем Йодль показал на карте концентрацию пехоты и артиллерии для штурма Симферополя с последующим броском 60-й моторизованной дивизии через горы к Алуште. Таким образом, удастся расколоть русскую 51-ю армию, не позднее 25 августа ее восточная группировка будет оттеснена к Керченскому проливу либо и все сброшена в море. Затем главные силы 11-й армии Манштейна начнут сосредотачиваться для штурма Севастополя, который намечается осуществить в первой половине сентября.

— Прекрасно, — прокомментировал фюрер. — После взятия Крыма на полуострове останутся румынские гарнизоны, а одиннадцатую армию со всей осадной артиллерией мы рокируем в группу «Север», чтобы скорее покончить с Петербургом. Что хорошего на Средиземноморском театре?

— 60-я армия генерала Павлова оттеснила итальянцев от Иерусалима и снова вышла на линию Беер-Шеба — Газа, — сообщил Йодль пренебрежительно, словно речь не шла о семидесятикилометровом марафонском бегстве храбрых итальянских союзников. — Здесь русских остановили две немецкие пехотные дивизии. Тем временем Роммель направил три моторизованные дивизии вдоль восточного берега Мертвого моря, за четыре дня прошел более ста километров, оставив в глубоком тылу окруженные гарнизоны британцев в пунктах Аш-Шафи, Эль-Карак и Эль-Гатранах. Вчера вечером парашютным десантом захвачен городок Мадаба в двадцати километрах южнее Аммана. Сегодня утром к парашютистам присоединились передовые отряды мотодивизий.

Он перечислил разбитые новозеландские, польские канадские части, упомянул 30 захваченных танков и 8000 пленных. Как бы между прочим Йодль сказал о трудностях с подвозом горючего из-за рейдов английских бомбардировщиков и засевших вдоль горной дороги «коммандос». В районе Аммана, закончил он, действуют остатки трех британских, включая одну бронетанковую, и двух польских дивизий. Роммель сообщал, что начнет штурм Аммана, как только подтянет тылы и сможет дать танкистам хоть немного снарядов и бензина.

Пропустив мимо последнее замечание, Гитлер склонился над картой, разглядывая складывающуюся конфигурацию боевых линий. Затем, расхохотавшись, провел пальцем вдоль дороги, которая тянулась от Аммана пересекала реку Иордан и вела дальше — на город или деревню Рам-Аллах.

— Вот дальнейший путь Роммеля, — азартно выкрикнул фюрер. — Наши танки за сутки выйдут в тыл Павлову!

Геринг, Йодль и Кейтель охотно подтвердили, что ничего более разумного представить нельзя. Остальные равнодушно промолчали — ждали, когда начнется главный разговор о событиях на фронте групп армий «Юг» и «Центр». После почтительной паузы Йодль, неловко кашлянув, чуть ли не умоляющим голосом попросил фюрера принять решение по босфорскому направлению.

Тонкое душевное равновесие фюрера снова нарушилось растущим раздражением. Этот вопрос то и дело возникал на разных уровнях сложной системы штабов, управлявших германскими вооруженными силами. В то время как 61-я русская армия, глубоко продвинувшись через Грецию, прочно удерживала узкий фронт вдоль реки Стримон, развернутая в тылу Толбухина 59-я армия контролировала греко-болгарскую границу. Военные буквально замучили Гитлера призывами направить в Болгарию хотя бы один германский корпус, а затем совместно с болгарскими союзниками нанести короткий мощный удар, прорваться к Эгейскому морю и окружить обе русские армии.

Генералы не знали того, что Гиммлер сообщал только фюреру: получив приказ о начале войны с большевистской Россией, болгарская армия немедленно взбунтуется и повернет штыки против немцев. Придется потом посылать на Балканы еще несколько

дивизий, которых не хватает даже для Восточного фронта. Лучше подождать около месяца, когда рухнет глиняный колосс Советов — тогда и Босфор станет немецким без серьезных усилий.

— Позже, — уклончиво сказал Гитлер. — Болгарский царь при смерти. Мы решим эту проблему с его преемником.

На генеральских лицах вновь появились гримасы недовольства. Наверняка они уверены, что Верховный Главнокомандующий лишь из упрямства противится умным предложениям. Жалкие, ограниченные глупцы!.. Сверхчеловеческим усилием воли сдержав гневный окрик, Гитлер произнес почти спокойно:

— Прошу вас, Гальдер.

Настроение у начальника Генштаба Сухопутных войск было вполне чemoданным. Накануне Кейтель прозрачно намекнул ему, что в высших эшелонах армии ожидаются перестановки и что генерал Блюментрит выехал в Париж, чтобы принять дела у Цейцлера. Искушенный в кулуарных интригах генерал-полковник понял, что именно Цейцлер станет его преемником. Очевидно, это случится примерно через неделю.

Тем не менее он все еще надеялся, что сумеет настоять на правильных решениях, и подготовился к сегодняшнему сражению. Коротко кивнув, Гальдер предложил заслушать полковника Гелена, который подготовил аналитический доклад о военно-экономических возможностях России.

Доклад полковника получился растянутым и скучным, но выводы разведчиков представляли некоторый интерес. Аналитики подсчитали, что Сталин, несмотря на огромные потери первого года войны, имеет армию в 8 миллионов штыков, из которых от 6 до 6 с половиной миллионов служат в сухопутных войсках и полтора миллиона в авиации. Людские резервы большевиков оценивались в 1,8–2,2 миллиона, часть которых может быть направлена в Действующую армию до конца осени. Кроме того, ежемесячно на фронт возвращаются около 200 тысяч выздоравливающих после тяжелых ран и болезней.

Продолжая доклад, Гелен порадовал всех известием, после потери Донбасса у Советов начнутся проблемы с углем, которые частично решаются использованием торфа. Из-за нехватки угля и падения добыч железной руды вдвое сократилось производство чугуна и стали. Военная промышленность большевиков сильно зависит от поставки важных материалов с Кавказа. Гелен назвал бакинскую нефть, каучуковый комбинат в Ереване, марганец из Чиатуры, а также месторождение вольфрама и молибдена в районе Нальчика, руда с которого перерабатывается в Зестафони. Впрочем, полковник признал, что русские начали разработку нефтяных месторождений к востоку от Москвы, так что даже захват или бомбардировка Баку не приведут к недостатку горюче-смазочных материалов. Кроме того, через Кавказ русские получают огромное количество машин провианта и амуниции, которые поступают на американских кораблях в порты на юге Ирана.

— Кавказ — вот важная цель, — провозгласил Гитлер. — Благодарю, полковник. А теперь мы все-таки слушаем Гальдера.

Адъютант уже развернул нужную карту, и Гальдер начал с южного направления, где происходили наиболее масштабные события:

— Противник, которого мы еще недавно считали полностью разгромленным, принимает лихорадочные меры, лихорадочно пытается закрыть бреши в линии фронта. Приходится констатировать, что большевикам удалось восстановить сплошной фронт на украинском направлении за счет выдвижения резервных армий из глубины, а также переброски войск из полосы группы армий «Центр». В тылу формируются новые армии с номерами уничтоженных нами в летних сражениях.

Педантичный генерал уже давно раздражал Гитлера, неизменно начиная доклады с рассказа о противнике. Возможно, этого требовали уставы, но можно было бы в первую очередь поговорить об успехах. Словно прочитав мысли фюрера, Гальдер перешел к более приятным сведениям, хоть и здесь он умудрялся вставить дурные новости.

Захватив Кривой Рог, рассказывал генерал-полковник, 4-я танковая армия занялась

перегруппировкой, чтобы подготовить наступление на Запорожье и Николаев. Правый фланг Гота прикрывают румыны, что чревато неприятностями, поэтому надо подпереть румын хотя бы двумя немецкими дивизиями. Итальянцы занимают промежуток между армиями Гота и Паулюса, но не стоит рассчитывать на серьезные успехи союзников, то есть Днепропетровск придется брать силами 4-й танковой или 6-й армий, когда они покончат с текущими задачами. Овладев Полтавой, Паулюс продолжает медленно теснить противника на восток, но имеющихся сил недостаточно для взятия Харькова. Придется остановить 6-ю армию, чтобы пополнить и привести в порядок утомленные войска. Встает вопрос, на какой участок мы направим дивизии 17-й армии, которая завершила ликвидацию русских в киевском котле.

Перечисление захваченных трофеев и сотен тысяч пленных частично вернуло Гитлеру благодушное настроение. В общей сложности, с мая по август Вермахт уничтожил 9 русских армий и 4 танковых корпуса, еще несколько армий было разгромлено, хотя смогли избежать окружения. Обиднее всего, что вырвались из котла войска 5-й армии во главе с этим неуловимым чудовищем — генералом Потаповым. Тем не менее недочеловеки потеряли не меньше миллиона солдат убитыми и пленными, а также тысячи машин и множество припасов, заготовленных для большого наступления.

Между тем Гальдер перешел к положению на стыке групп «Юг» и «Центр», где после мощного июльского рывка застопорилось наступление 1-й и 2-й танковых армий. Сталин бросил в бой совершенно немыслимое количество резервов, так что теперь Гудериан и Клейст, потеряв почти половину танков, остановились на подступах к Орлу, Брянску и Курску. Наступление 2-й армии силами 7-го и 13-го армейских корпусов захлебнулось под огнем русских танков и «катюш».

Самое тревожное положение, по мнению генерал-полковника, по-прежнему сохранялось на участке 9-й армии Моделя, левый фланг которой уже четвертый месяц медленно пятился под безумными атаками азиатских фанатиков. Русская пехота наступала при поддержке тысяч стволов артиллерии, громадных масс танков и самолетов на бреющем полете. Оказавшийся на острие вражеского удара 27-й армейский корпус был практически обескровлен, и только рокировка нескольких дивизий 3-й танковой армии предотвратила серьезный прорыв.

Гальдер сухо продолжал:

— Усиленные железнодорожные перевозки на территории всего района перед группой армий «Центр» указывают, что русские ведут крупномасштабную перегруппировку. Надо считаться с вероятностью того, что противник занят сосредоточением новых ударных группировок перед всем фронтом Моделя.

— Модель прекрасно обороняется, — отмахнулся Гитлер. — Когда возобновится наступление на юге?

К его изумлению, Гальдер нагло заявил:

— Фюрер, войска устали. Мы прошли шестьсот километров, линия фронта сейчас в полтора раза длиннее, чем в мае, тогда как численность войск из-за потерь сократилась на четверть, а боевых подразделений — на треть. Такими силами можно лишь удерживать фронт, сосредоточив наступательные усилия на узком участке. Нам следует заняться подвозом пополнений, заменить сильно потрепанные дивизии свежими и, наконец, выбрать направление, на котором нанесем решительный удар.

Сравнительно мирная обстановка, царившая в бункере с начала совещания, все-таки взорвалась безобразной перепалкой. Гитлер орал, что группа армий «Юг» должна левым флангом ударить на Курск, Белгород и Харьков, а правым — наступать на Днепропетровск, Запорожье и дальше на Ростов. Гальдер, побагровев, отвечал, что фон Боку не хватит сил для наступления на столь широком фронте и вообще, дескать, штаб группы армий не способен управлять группировкой из девяти армий: двух танковых, трех полевых, двух румынских, итальянской и венгерской. Поэтому, говорил Гальдер, надо передать 17-ю армию в группу «Центр» и нанести решительный удар на Москву.

— Не болтайте глупости, Гальдер! — взорвался Гитлер. — Целью наступления должен

быть Кавказ! Вы же слышали доклад Гелена — там сосредоточены главные сырьевые источники большевиков. Когда мы захватим их нефть, молибден и марганец, война будет выиграна.

Умный, тактичный Кейтель предложил разделить группу «Юг» на две группы армий, а также уплотнить фронт за счет переброски дивизий, бездействующих на Западе и в составе армии резерва. Гитлеру предложение очень понравилось, но вдруг уперлись обычно молчаливые Вагнер и Штауффенберг. Оказалось, что армия резерва уже отдала все готовые соединения, а новым на фронте делать нечего, потому что ведомство генерал-квартирмейстера с трудом обеспечивает снабжение имеющихся войск.

— Плотность войск восстановится, когда 17-я армия вернется на белгородское направление, — крикнул Гитлер. — Паулюс сдвинется чуть вправо и вместе с Готом бросится на Ростов. Затем ударим вдоль Дона на север, а частью сил захватим Кавказ. У русских нет войск, чтобы остановить наше наступление.

Фюрер вернулся в свою стихию административных импровизаций, распределения должностей, формирования новых штабов. Отодвинув листы с рисунками, он принялся набрасывать новую схему управления войсками. Создавались две новые группы армий: на курско-белгородском направлении группа «А» под командованием фон Бока в составе 2, 17, 1-й танковой, 8-й итальянской и 2-й венгерской армий, и группа «Б» — 6-я и 11-я полевые, 4-я танковая, 3-я и 4-я румынские. Командующим группы армий «Б», которой предстояло действовать в полосе от Донбасса до Черного моря, Гитлер решил назначить фельдмаршала Листа, причем уточнил, что румыны будут охранять побережье Азовского моря, потому как более серьезные задачи им доверять не стоит.

Генералы вздохнули с легким облегчением: кризис вроде бы удалось уладить малой кровью. Но в затухавший костер плеснул бензина фельдмаршал Клюге, о котором чуть не забыли в связи с событиями на южном участке фронта. Фельдмаршал был искренне возмущен, мало того, что никто не собирался решать его проблемы, так еще 2-ю армию отобрали.

— Фюрер, надеюсь, вы не забыли о сложной ситуации группы «Центр»? — вежливо начал он. — Силы армии Моделя на исходе, а фронт группы растянут, и лишен возможности маневрировать дивизиями. Я уже забрал все, что можно, из третьей танковой и четвертой армий. Оборонительную линию 9-й армии надо срочно укоротить и подкрепить свежим корпусом.

— У вас остается три армии, — сообщил Гитлер, — резервы русских не бесконечны, они не могут атаковать непрерывно, а район Орши — естественный плацдарм для удара на Москву... Кейтель, как только прибывает Цейцлер, решите с ним вопрос о переброске нескольких дивизий группы армий «Центр» в распоряжение фон Бока и Листа. Мне нужно хотя бы две танковые дивизии. Мы должны собрать на юге максимально много соединений, чтобы нанести последний удар большевизму.

Однако Клюге не собирался сдаваться и твердо возразил: мол, в его распоряжении нет лишних дивизий. Даже выслушав длинную речь Гитлера о скорой победе над практически поверженным врагом, Клюге угрюмо заявил:

— Я не могу отдать две танковые дивизии, которые нужны для контрудара.

— Это приказ, — устало сказал Гитлер.

Сделав каменное лицо, фельдмаршал отвесил короткий поклон и направился к выходу. Уже возле двери он остановился, проговорив на прощание:

— Таким образом, мой фюрер, ответственность за это ошибочное решение вы берете на себя. Честь имею.

Измученно уставясь в дверь, мягко закрывшуюся за спиной фельдмаршала, Гитлер растерянно пролепетал:

— Как это понимать?.. — затем вдруг обрушился на Гальдера: — Вы заразили фон Клюге пораженческим настроением. Это вы всегда приходите сюда с одним и тем же, предлагаете отход, когда мы стоим на пороге обеда. В отличие от вас, наши строевые части

твердо исполняют свой долг. И я надеюсь, что командиры на фронте тверды, как их солдаты!

Это было последней каплей, и Гальдер, не в силах более сдерживаться, бросил в ответ:

— Я достаточно тверд, мой фюрер. Но там, на фронтах, храбрые солдаты и молодые офицеры бессмысленно гибнут тысячами только потому, что их командирам не разрешают принять единственно правильное решение и у них связаны руки.

Таким тоном с Гитлером давно уже никто не разговаривал. Отпрянув, он злобно уставился на Гальдера и несколько секунд молча стоял, тяжело опираясь на стол. Затем прохрипел:

— Генерал-полковник Гальдер, как вы смеете так со мной разговаривать?! Может быть, вы считаете, что можете учить меня, о чем думает солдат на передовой? Что вы вообще знаете о том, что такое — быть под выстрелами? Это я провел на передовой всю Первую мировую войну, пока вы прохлаждались в штабных кабинетах! И вы пытаетесь убедить меня, что я не понимаю, как там на фронте! Это просто возмутительно! Я этого не потерплю!

Махнув рукой, он объявил совещание законченным, приказал Кейтелю подготовить необходимые приказы и быстрым шагом покинул картографический кабинет. Военные молча наблюдали, как Шауб собирает бумаги, на которых фюрер рисовал на протяжении этих двух часов.

В коридоре, догоняя Гитлера, главный адъютант мельком осмотрел рисунки. Чувствовалось, что хозяин рисовал в сильнейшем раздражении, мастерски изобразив разрушенный Кремль, повешенного Сталина и оскалившуюся овчарку.

Уже в машине, когда они возвращались в главный бункер, Гитлер тоскливо сказал Шаубу:

— Знаешь, Юлиус, для меня не было бы большего счастья, чем сменить этот серый мундир на нашу коричневую рубашку, снова ходить в театры и кино, снова жить как простой человек. Меня уже тошнит от генералов. Они всегда врут, они вероломны... Они — реакционеры, все они против идей национал-социализма!

Сочувственно покивав, Шауб утешил друга и хозяина мол, даже среди генеральской сволочи изредка попадаются настоящие немцы вроде Кейтеля или Паулюса.

Слова друга успокоили расшатавшиеся нервы фюрера, однако в бункере ждал новый удар. Гиммлер, опустив взгляд, пролепетал, как нашкодивший школьник:

— Фюрер, Гейдрих попал в плен к русским.

Застонав, Гитлер опустился на стул, выпил целую пригоршню пилюль и потребовал изложить подробности. По словам рейхсфюрера СС, Гейдрих давно проводил тренировочные полеты на истребителе, надеясь получить звание майора Люфтваффе. Видимо, звания группенфюрера СС ему было мало... Вчера днем он отправился в боевой вылет и был сбит в воздушном бою. Сегодня днем болгарский посол в Москве сообщил, что Гейдриха допрашивают на Лубянке.

— Вы уверены, что его сбили в бою? — переспросил Гитлер. — Может быть, он улетел к большевикам?

Не дожидаясь ответа, он приказал адъютанту вызвать Геринга. Тот оказался рядом — сам собирался зайти к фюреру. Новость о Гейдрихе ошарашила рейхсмаршала, хотя именно ему, Герингу, следовало докладывать о подобных происшествиях.

— Нет, фюрер, я не думаю, что Гейдрих умышленно посадил самолет в русском тылу... — начал Гиммлер.

— Проведите расследование, оба! — выкрикнул Гитлер. — Герман, кто из высших руководителей Рейха и СС умеет летать?

— Точно знаю про Мюллера из гестапо. Он был летчиком в прошлую войну, летал бомбить Париж. Я выясню и представлю список.

— И подготовь приказ: руководителям Рейха и высшим командирам, не имеющим отношения к Люфтваффе, запрещается лично управлять самолетами. Тем более в прифронтовой зоне.

Отпустив их, Гитлер подумал в смятении, что воздушные машины отнимают уже

второго человека, которого он считал верным сподвижником. Сначала Гесс, тронувшись мозгами, собрался лететь в Канаду — договариваться с англичанами о мире. И вот теперь — Рейнхард Гейдрих. Неужели провидение отвернулось от Адольфа Гитлера и закончилась полоса блестящих успехов?

И еще Гитлер понял, что теперь придется подыскивать замену на должность начальника РСХА. Он почему-то вспомнил про Кальтенбруннера.

5

Америка постепенно оправлялась после вражеских ударов. Корабли, потопленные японцами в Сан-Франциско, были подняты и отремонтированы. Судостроительные предприятия Восточного побережья возвращали в строй старые и достраивали новые линкоры и авианосцы. Больше года Соединенные Штаты вели борьбу за океаны лишь легкими силами и авиацией, но уже к концу 1943 года Вашингтон готовился послать в бой полноценные эскадры и авианосные ударные группы.

Все это время на Тихом океане безраздельно господствовал Ниппон Кайгун — японский императорский флот. Редкие булавочные уколы американских подлодок и крейсеров не могли переломить ситуацию. На верфях Йокогамы, Кобе и Нагасаки достраивалось новое поколение бронированных великанов. С каждым месяцем совершенствовались аэродромы и береговые укрепления на захваченных тихоокеанских островах. С середины 1942 года все американские транспортные суда, курсировавшие между Нью-Йорком, Латинской Америкой и Южной Африкой, ходили по океану лишь в составе конвоев, под защитой военных кораблей США и все равно несли тяжелые потери. Нередко корабли под флагом Восходящего солнца останавливали в открытом океане и уводили в свои порты советские сухогрузы, перевозившие американский ленд-лиз в порты Дальнего Востока. Но главные усилия островная империя нацелила на Азиатский материк, где разгромила китайские армии, сумев отбросить противника далеко на запад в центральные провинции, а заодно уничтожив англо-американские войска в Бирме.

Начиная с весны шифровальные службы США перехватывали вражеские радиogramмы, в которых говорилось о разработке и подготовке операции «Северное сияние». Мнения штабных офицеров разделились: одни считали, что коварный противник пытается их дезинформировать, тогда как другие были уверены, что Берлин и Токио действительно планируют нанести удар по северной части Американского континента, осуществив высадку на Аляске или в Канаде. Сомнения разрешились только в «черную субботу» 11 сентября, когда началось вторжение.

Война, четвертый год бушевавшая в Европе и Азии, не слишком волновала население Латинской Америки. Большинство стран, расположенных к югу от Техаса и Калифорнии, практически не имели Вооруженных сил и военной промышленности, а потому не помышляли об участии в боевых действиях. Однако мировая война открыла южноамериканским лидерам прекрасную возможность пожить за счет северного соседа. Бразилия и Мексика предоставили США клочки побережья для строительства военно-морских и военно-воздушных баз, а взамен получили много подержанного оружия. Более того, гринго финансировали развитие дорожной сети и даже построили для хитрых латиносов предприятия, выпускавшие разные предметы армейского снаряжения. Более того — Вашингтон простил Мексике дерзкую национализацию американской нефтяной компании. Однако реальное участие этих стран в войне было чисто символическим: бразильцы неторопливо формировали сорокатысячный экспедиционный корпус, а несколько десятков мексиканских пилотов, пройдя курсы в США, патрулировали над океаном.

В отличие от них Аргентина войну Германии не объявляла, поскольку президент Хуан Перон был давним и горячим поклонником фюрера. Германские военные и торговые корабли частенько совершали визиты в дружественные порты, аргентинская армия получила немало немецкого оружия, инструкторы из Вермахта тренировали аргентинских офицеров и

солдат. Между тем каждый корабль привозил небольшие подразделения немецких войск, которые располагались в тщательно охраняемых лагерях среди джунглей.

Разумеется, военная разведка США выяснила, что Германия вооружает и тренирует аргентинскую армию. В Вашингтоне полагали, что Перон намерен воспользоваться европейской войной, чтобы силой оружия урегулировать старые территориальные споры с Уругваем и Чили. Главную проблему для Северной Америки представляли рейды «волчьих стай» адмирала Дёница — флотилии немецких субмарин топили грузовозы в Атлантике.

Начало сентября принесло тревожные новости. Американские подводные лодки и самолеты, патрулировавшие Тихий океан, обнаружили несколько отрядов Ниппон Кайгун, двигавшихся от Японии курсом на север. Одновременно шведские и норвежские рыбаки, а также работавшие на Британских островах разведчики сообщили о выходе в океан главных сил германского флота, включая недавно вступивший в строй новый авианосец «Петер Штрассер». Кроме линкоров, авианосцев и крейсеров, в состав вражеских соединений входили транспортные корабли. Службы радиоперехвата смогла расшифровать несколько передач, в которых план «Северное сияние» упоминался вместе с островами Ньюфаундленд и Мидуэй.

Нетрудно было сообразить, что японские эскадры соединятся с группировкой, постоянно базировавшейся в захваченном Пёрл-Харборе, а затем попытаются высадить десант на атолле Мидуэй — важнейшей базе США на Тихом океане. Немецкий же флот, безусловно, имел приказ захватить плацдарм в Северной Америке — авантюра вполне в духе безумных замыслов берлинских аналитиков-наци. Очевидные догадки оказались неверными: истинная цель «Северного сияния» располагала, значительно ближе к экватору.

С самого раннего утра 10 сентября около двухсот немецких лодок серий VIIb и VIIc нанесли массированный удар по атлантическим коммуникациям к северу от Мексиканского залива. Немало субмарин было потоплено авиацией и кораблями охранения, но потери грузового тоннажа оказались катастрофическими. Американское командование вывело в атакованные районы все наличные силы флота и береговой авиации. Тем самым было ослаблено патрулирование к югу от 20-й параллели. Именно в этот район и направилась эскадра под командованием гросс-адмирала Лютьенса, в которую входили «Бисмарк», «Тирпиц», три авианосца и 6 крейсеров. Сюда же стягивались транспортные корабли под флагами Аргентины, Уругвая, Испании, Португалии, вишистской Франции, двумя неделями раньше покинувшие разные порты Европы.

Крохотное государство на стыке двух Америк оказалось в самом фокусе мировой войны из-за проложенного через перешеек канала, соединявшего Атлантику с Тихим океаном. Панамский канал, обеспечивавший Соединенным Штатам маневр силами флота между океанами, был превращен в почти неприступную крепость и здесь располагались десятки военных баз, аэродромы, оборонительные сооружения, береговая и зенитная артиллерии. С началом войны Штаты модернизировали шлюзы, чтобы по каналу могли ходить авианосцы. В зону канала, которая имела статус территории США, были переброшены две пехотные дивизии.

Не могло быть и речи о высадке десанта непосредственно в Панаме. Экспедиционный корпус был выгружен с кораблей в колумбийских портах Санта-Марта, Барранкилья и Картахена. В общей сложности армада Лютьенса привезла две дивизии — моторизованную и пехотную. Еще одна пехотная дивизия погрузилась в Аргентине на торговые корабли, которые взяли курс на север, вдоль южноамериканского побережья. Слабенькие армия и флот Колумбии не сопротивлялись германскому десанту — колумбийцы не любили гринго, отобравших у них провинцию под названием Панама. Куда симпатичнее выглядели нацисты, которые обещали прогнать гринго и дать латиносам свободу от всемогущих корпораций северного соседа.

Между тем японский флот, совершив стремительный ночной переход, к рассвету 11 сентября оказался на 10-м градусе северной широты в сотне морских миль к западу от побережья Центральной Америки. Эсминцы и транспорты вошли в порты Ривас и Либерия,

приступив к высадке десанта. Под вечер на берегу оказались 50 тысяч японских солдат и 200 легких танков. Смешная армия Коста-Рики сопротивления, разумеется, не оказала, да и не могла оказать. Национальная гвардия Никарагуа тоже благоразумно осталась в казармах, хотя диктатор Сомоса, любимый сукин сын Вашингтона, отдал приказ разгромить врага. Вскоре пехотная рота японцев заняла президентский дворец в Манагуа, провозгласив новым президентом освобожденного из тюрьмы вождя оппозиции Хуана Сакаса.

После короткого отдыха японский экспедиционный корпус двинулся на юг, а немецкий — на запад, приближаясь к границам Панамы. Вечером 11 сентября немецкие самолеты сбросили бомбы на Форт-Рэндолл, Форт-Шерман и другие американские базы в восточной части канала. Японская авиация разбомбила Форт-Амадир, Форт-Коббе, Камп-Параисо и Камп-Клейтон.

Легкие силы флота США в Карибском море попытались атаковать противника, но не добились успеха, потеряв крейсер и эсминец. Взлетевшие с Гавайских островов тяжелые бомбардировщики не смогли пробиться к эскадре Лютьенса и вернулись на базу с большими потерями. По приказу шефа Объединенных штабов генерала Маршалла, расквартированная на юге США 3-я армия стягивалась к мексиканской границе для марш-броска на подмогу панамским гарнизонам. Сюда же, на авиабазы Калифорнии, Техаса и Нью-Мексико перебрасывались дополнительные эскадрильи, в том числе громадные «сверхкрепости» Би-29.

Президент Мексики генерал Мануэль Авила Камач объявил в стране мобилизацию, приказав двинуть на южную границу все боеспособные пехотные и кавалерийские части. Он прекрасно знал, что сосредоточить 10-тысячное войско удастся лишь послезавтра, причем от противника мексиканскую армию отделяют примерно 300 труднопроходимых километров Гватемалы Гондураса и Никарагуа, то есть при всем своем желании мексиканцы смогут обнаружить противника лишь через неделю. Генерал Авила подозревал, что к тому времени германо-японские полчища расправятся с мобильными силами в Панаме и двинутся на север. Поэтому президент в очередной раз попросил американского посла прислать побольше пушек и танков для его армии.

Пока на севере разыгрывался странный спектакль народной самодеятельности, кампфгруппа 22-й моторизованной дивизии после нелегкого ночного марша пересекла панамскую границу и возле городка Ла-Пальма на берегу залива Сен-Мигель встретила полк американской морской пехоты. Отлично подготовленные и вооруженные «мариносы» подбили несколько немецких танков и бронетранспортеров, но мощные орудия «тигров» и «панцер-четверок» сожгли всю бронетехнику и грузовики американцев. Вскоре подтянулись другие части дивизии, так что к полудню морпехи отступили, оставив на поле боя сотни убитых. К вечеру кампфгруппа 103-й пехотной дивизии, наступавшая в гористой местности вдоль атлантического берега, наткнулась на пехотные части американцев и после короткого боя обратила противника в бегство, захватив пленных и трофеи.

Тем временем японские части, вступившие в Панаму из Коста-Рики, были атакованы танками «Грант» и подразделениями 550-го десантного пехотного батальона. У американцев было больше техники, но японцы сражались умело и яростно. Бой продолжался весь вечер и большую часть ночи, обе стороны подводили подкрепления. Исход решил десант, высаженный с японских кораблей в заливе Чарики — в тылу американских войск. Утром 13 сентября решительной атакой с двух направлений японцы разбили противника, овладев горами Корнсепсьон, Давид и Педрегаль. Выдвигавшиеся к городу Оркоситос американские подразделения были рассеяны огнем морской артиллерии.

Вечером 12 сентября сотни танков, бронетранспортеров и грузовиков 3-й армии США двинулись на юг по автострадам, предусмотрительно построенным на территории Мексики. До Панамского канала им предстояло пройти около трех тысяч километров, до японских позиций в Коста-Рике — на 500 км меньше. В любом случае, войска панамского сектора Карибского оборонительного командования могли рассчитывать на подмогу лишь через неделю. В тот же день полсотни Би-29 с большой высоты бомбили немецкую эскадру в

Картахене. Прямых попаданий в корабли добиться не удалось, зато бомбы разрушили часть порта и городских зданий, вспыхнули пожары, погибло много мирных жителей.

Между тем полевая артиллерия Вермахта приступила к обстрелу американских объектов в зоне Панамского канала уже вечером 13 сентября. От берегов озера Гатун, занимавшего большую часть межокеанского коридора, немцев отделяло 22–27 км. Главный удар наносила 103-я пехотная дивизия, успешно прорывавшая советские укрепрайоны на Украине. Крупнокалиберные зенитные и противотанковые пушки разносили вдребезги бетонные сооружения, после чего штурмовые группы захватывали развалины, уничтожая ошеломленных защитников канала. Японская дивизия, разгромив 73-й Калифорнийский полк, овладела городами Ната и Агуадальсе на побережье Панамского залива. Американское командование поспешно создавало новую позицию для обороны на подступах к Пеноме.

Из материалов газеты «Красная звезда»

11 сентября. Прорвав окружение, части под командованием генерала Харитоновы соединились с главными силами Красной Армии в районе Мариуполя. Воины-герои прошли сотни километров по вражеским тылам, уничтожая гитлеровцев, сохранив знамена и боевую технику.

13 сентября. Тяжелое поражение немецко-фашистских агрессоров в Трансиордании. Уже много дней продолжались ожесточенные бои за крупный город Амман. Озверелые гитлеровские разбойники надеялись, что с захватом этого важного пункта они станут хозяевами положения на всем Ближнем Востоке. Британские войска, окруженные в Аммане, оказались на грани поражения. Однако вчера на подмогу союзникам пришли наши воины, скрытно совершившие ночной марш-бросок. Преодолев почти 80 км в сложнейших условиях горно-пустынной местности, героические бойцы Красной Армии нанесли сокрушительный удар во фланг и тыл противнику. Полностью разгромлена 15-я танковая дивизия немцев, тяжелые потери понесла 90-я моторизованная дивизия. Разгромленная армия «Азия» вновь битого фон Роммеля в панике отступает на юг, преследуемая советско-британскими дивизиями.

17 сентября. В минувшие сутки советские войска успешно отражали атаки противника на различных участках южного направления. Решительным ударом освобожден от врага г. Змиев. Защитники Севастополя подбили 20–30 немецких танков, уничтожили крупную пехотную часть румынской армии. Немецко-фашистским захватчикам нанесены тяжелые потери на подступах к г. Запорожье.

20 сентября. На ленинградском участке фронта продолжались бои местного значения. В воздушный бои над Украиной сбито несколько немецких самолетов. Контрударами танковых соединений при огневой поддержке «катюш» враг отброшен от Харькова.

22 сентября. После тяжелых боев с численно превосходящими бандами до зубов вооруженного врага, наши войска оставили Днепропетровск. Советские летчики отразили массированный воздушный налет на родную столицу. В московском небе сбито до 12 вражеских самолетов.

25 сентября. Кровопролитные уличные бои разгорелись на южных и юго-западных окраинах Харькова. Пулеметчик Н-ской части младший сержант Гребенюк несколько часов сдерживал наступление вражеского полка. Снайпер Талдымагомедов за неделю боев убил 29 захватчиков, в том числе одного генерала.

21 сентября. По сообщениям иностранной прессы, немецкие войска вышли к берегам Панамского канала в районе городов Гамбоа и Рио-Рита. Официальный Вашингтон опроверг эти газетные утки, хотя пресс-секретарь Белого дома признал, что в районе канала идут тяжелые сражения. Из Токио передают, что японские дивизии также приближаются к Панамскому каналу с запада. Экспедиционный корпус Соединенных Штатов, который пытается прорваться на помощь блокированным гарнизонам в зоне канала, уже третий день безуспешно штурмует японские позиции в Никарагуа.

29 сентября. Успешные атаки советских войск продолжаются на Западном

направлении. На днях дивизии генерала Баграмяна, прорвав эшелонированную оборону немецко-фашистских войск, вышли на подступы к Витебску. Противник бежит под ударами гвардейцев, оставляя на поле боя раненых и технику. Белорусская земля стала могилой для отборных полков грабь-армии бесноватого «фюрера».

2 октября. По приказу командования наши войска оставили Харьков, отступив на заранее подготовленные позиции.

4 октября. На протяжении последних двух недель войска противника под командованием фельдмаршала фон Бока пытались прорваться к городам Брянск, Орел, Курск и Белгород. Несмотря на незначительное продвижение по отдельным направлениям, все атаки гитлеровцев были отражены. Потери противника в полосе Брянского и Центрального фронтов исчисляются сотнями тысяч убитых, раненых и пленных. Подбито не меньше 300 немецких танков и 200 самолетов.

6 октября. Прочной обороной советских войск остановлено наступление противника на южном направлении. Решительными контрударами вражеские банды выбиты из Макеевки и Горловки.

6

По давней, превратившейся в образ жизни привычку Сталин работал ночью. Ко времени, когда он появлялся в кремлевском кабинете, успевали случиться основные события уходящих суток, по которым требовалось решение Верховного. Он молниеносно — способности быстро читать выработалась еще в далекой молодости — просматривал стопки подготовленных секретариатом документов, обзванивал маршалов, генералов, наркомов, секретарей республиканских и областных комитетов партии. Примерно к полуночи складывалась более-менее законченная картина минувшего дня, и можно было делать выводы, анализировать ситуацию и составлять планы на будущее.

Анализ ситуации не радовал. Хотя неимоверными усилиями удалось восстановить сплошной фронт и сорвать вражеское продвижение на брянско-курском направлении, противник все равно продолжал рваться через Донбасс. Рябышев вроде бы прочно держится на Миусском лимане, не пускает немца в Таганрог, но правее 38-й еще не восстановила силы 9-я армия, а Власов — не самая лучшая замена Харитонову. И на Западном фронте наступление не ладится — слишком прочную оборону немцы построили, да и дерутся как черти.

Сняв трубку, он велел соединить с Центральным госпиталем и, когда ответил главврач, поинтересовался здоровьем генерала Харитонова. Ответ ошеломил его — скончался, не приходя в сознание. Как глупо, в разгар сражений боевой генерал умирает от болезни... Сталин сокрушенно покачал головой — жизнь устроена неправильно, он давно понял это, но ничего не мог поделать.

От печальных мыслей отвлек Ортенберг — главный редактор «Красной звезды» принес оттиски завтрашнего... нет, уже сегодняшнего номера. Первую полосу Верховный одобрил, только приказал убрать громадный портрет товарища Сталина, заменить фотографиями героев-красноармейцев или подбитых немецких танков. На второй полосе был отличный подвал — статья генерала Катукowa о тактике немецких танковых войск. Корреспонденции с фронта, письма из тыла, патриотическая инициатива сибирских колхозников, боевое братство советских народов, обзор событий на Тихоокеанском театре военных действий, армии китайских коммунистов развернули грандиозное наступление на японских захватчиков, американские «летающие крепости» в очередной раз бомбили японский флот возле Панама и даже потопили эсминца. Очень хорошая статья Эренбурга — действительно, почаше надо одергивать англосаксов, а то их пресса чуть ли не радуется нашим неудачам на фронте... А это что такое?

Сталин нахмурился. Журналист сделал удивленное лицо — явно не чуял за собой никакой вины. Пришлось объяснять:

— Товарищ Ортенберг, если вы не забыли, я тоже когда-то имел некоторое отношение к газетному делу, — начал Верховный мягким тоном, который порой бывал страшнее самого свирепого нагоняя. — В революционной молодости товарищ Сталин не только выступал на митингах, организовывал стачки рабочих, экспроприировал царские банки и бегал с каторги. Товарищ Сталин выпускал подпольные газеты, писал для них статьи, поэтому немного понимает, что такое большевистская печать.

Ортенберг напряженно молчал. Встав из-за стола, Верховный двинулся вдоль стола, изредка затягиваясь трубкой и продолжая разнос.

— Задача большевистской печати сегодня заключается в том, чтобы сообщать советскому народу и всему миру правду о нашей стране, о нашей армии, о том, как надо побеждать врага. Стало быть, задача большевистской печати заключается в том, чтобы сообщать сведения, полезные для победы в Отечественной войне, а в дальней перспективе — для окончательного построения социализма. Отсюда, товарищ Ортенберг, вытекает другая задача большевистской печати — ни в коем случае не печатать в советских газетах ничего такого, что мешало бы нам победить в войне.

Глаза главного редактора расширились, едва не выкатившись из орбит. Кажется, он наконец-то сообразил, что сильно проштрафился, но по-прежнему неспособен был понять, что именно натворил. Сталин почувствовал разочарование: Ортенберг оказался достойным учеником Мехлиса — худший пример партийного бюрократа. Новая поросль старой гвардии, глупо убежденная в собственной правоте, считающая главным не конкретное дело, но вовремя сказанные красивые слова с цитатами вождей. Услужливые дураки, которых с таким трудом корчевали в предвоенные годы, но так до конца и не выкорчевали, потому что скотина Ежов сам оказался той же породы.

Укоризненно поглядев на редактора сквозь клубы табачного дыма, Верховный решил: «Отправим в Палестину вместе с Мехлисом». Затем сообщил, строго чеканя слова:

— Ваша большая ошибка — материал о гвардии рядовом, который своим телом накрыл амбразуру.

— Товарищ Сталин... — воспрянув духом, взмолился журналист. — Это уже не первый случай. Фронтовые газеты много раз сообщали о таких подвигах...

— Очень плохо, что сообщали! — резко прервал его Верховный. — Я могу понять молодого красноармейца с горячим сердцем, который готов на самопожертвование во имя победы и в порыве боевого азарта бросается на пулемет. Но люди в газетной редакции должны думать не сердцем, а головой, иначе грош им цена. Хороший журналист должен был посоветоваться с фронтовиками, выяснить у них, много ли пользы от подобного подвига. Вы спрашивали об этом у фронтовиков?

— Никак нет, товарищ Сталин, — гордо заявил Ортенберг. — Этот замечательный факт буквально просится на газетную полосу, поэтому мы решили рассказать...

— Вы решили неправильно. — Верховный повысил голос. — В отличие от вас товарищ Сталин нашел время, чтобы поговорить с фронтовыми командирами и услышал в ответ, что никакой пользы от таких поступков нет. Потому как пулеметная очередь бьет со страшной силой, поток металла отбросит тело героя, и амбразура мгновенно будет открыта снова. Вы пытаетесь пропагандировать напрасное самопожертвование, напрасную смерть отважного солдата. Завтра, начитавшись наших глупых статей, десятки красноармейцев безрассудно бросятся на амбразуры, и напрасная гибель этих героев-патриотов будет на вашей совести...

Взгляд его выражал неприязнь и недовольство, что могло означать как легкий нагоняй, так и более серьезные последствия.

— Вы не поняли сути события и едва не устроили пропаганду красивого, но неправильного поступка. Эту статью необходимо снять из номера... — Сталин хлопнул ладонью по корректуре. — Поручите хорошему журналисту — например, Симонову или Долматовскому — толково разъяснить, что бойцы должны не закрывать пулеметное гнездо своим телом, а научиться метко бросать гранату или поражать амбразуру из противотанкового ружья. Неплохо бы и стихи на эту тему написать — попроще да

подходящей.

Не слушая испуганного «так точно», Сталин предупредил редактора, что придется переместить его на другую работу. Вредную статью из последнего номера Верховный перечеркнул красным карандашом и назвал второй грубой ошибкой Ортенберга. Тот слабым голосом выдохнул:

— А какая же первая?

— История с якобы погибшими панфиловцами, — насмешливо напомнил Сталин.

Ортенберг потупился. Во время прошлых боев на смоленском направлении случилась весьма некрасивая история. Возле перекрестка дорог у неизвестного до тех дней поселка «Красная дубрава» полсотни легких немецких танков при поддержке пехотной роты напоролась на крепко окопавшийся стрелковый батальон 316-й дивизии генерала Панфилова. Панфиловцы положили немало фрицев и пожгли десятка полтора жестянок, задержав противника почти на сутки. Наши потери составили 28 убитых.

Оказавшийся поблизости корреспондент «Красной звезды» быстро состряпал репортаж, в котором немного преувеличил масштаб события. Однако Мехлис который тогда был начальником ГлавПУРа, надоумил Ортенберга еще сильнее приукрасить это событие. В итоге их совместного творчества получился лубок про 28 героев-панфиловцев, которые все полегли смертью храбрых, но голыми руками остановили танки. Прочитав ту статью, Сталин удивился: почему немцы, перебив оборонявшихся, отступили? Проверка по линии особых отделов и рапорт командарма Рокоссовского прояснили ситуацию, и разгневанный Верховный всыпал виновным строга с перцем за чрезмерное усердие.

Как видно, урок впредь не пошел.

Между тем, Ортенберг, напрасно надеясь отделаться малой кровью, хрипло произнес:

— Разрешите написать рапорт о переводе на фронт, товарищ Верховный Главнокомандующий. Искуплю вину перед партией...

Усмехнувшись, Сталин обрадовал журналиста известием о предстоящей командировке в несуществующее государство Эзраэль, которому предстоит стать форпостом социализма на Ближнем Востоке. По вытянувшемуся лицу Ортенберга несложно было понять, что бравый политработник предпочел бы комиссарить на фронте.

— Там тепло, апельсины растут круглый год, — пошутил Верховный и шевельнул ладонью: мол, забирай свои бумажки и ступай работать.

Собирая листы, покрытые строчками типографской краски, бывший редактор взмолился:

— Товарищ Сталин, вы себе не представляете, каково это, когда вокруг одни евреи... И вдобавок арабы.

— Не будьте антисемитом, товарищ полковник, — добродушно напутствовал его Сталин. — Это контрреволюционные настроения, ничуть не лучше буржуазного сионизма. И не бойтесь трудностей. Конечно, поднимать полк в атаку — это проще и привычнее, но в Палестине вас ждет интересная работа.

«Если вы с Мехлисом не наломаете дров, от вас же любой глупости ждать можно», — мысленно продолжил он, покосившись на спину вылетевшего из кабинета журналиста.

А ведь могут натворить дел, придется приставить к ним толковых армейских командиров, которые не побоятся перечить бывшему заводу ЦК. Павлов слабоват, да и напуган опалой — Мехлис его ломает, а Буденный далеко не всегда сможет заступиться. Павлова придется отозвать, лихой танкист на главном фронте пригодится, пусть покажет, как умеет мехкорпусами ворочать... А в Иерусалим пошлем генерала, долго служившего в Туркестане, хорошо знакомого с Азией, с мусульманами. И дураку Мехлису надо будет внушить, чтобы не смел соваться в оперативные вопросы.

Этим летом Мехлис сильно проштрафился в Крыму, куда был опрометчиво послан в качестве представителя Ставки. Застрашал комфронта Козлова, превратил Военный совет фронта в заседания партхозактива, развернул политмассовую работу, мешал командирам управлять войсками. Как следствие, Манштейн сбросил обе наши армии, защищавшие

Керченский полуостров, в море, хотя должно было случиться наоборот.

Теперь приходится планировать десант, чтобы вернуть Крым и деблокировать армию Батова, которая второй месяц обороняет Севастополь, отрезанная от главных сил. Для этой операции на кавказский берег Черного моря выводились из Ирана две армии — 44-я и 47-я. Каждой придавалось по бригаде морской пехоты и танковые части. Справится ли с такой задачей Козлов — Сталин сомневался. Продолжая раздумывать, как бы поумнее расставить кадры, Верховный позвонил наркомму флота. Адмирал Кузнецов доложил, что подготовка десантной операции завершается, определены участки и порядок высадки частей, назначены боевые корабли и транспортные суда, ремонтируются оставшиеся от царского флота десантные баржи, ведется отработка взаимодействия с сухопутными войсками и авиацией.

— Дата начала операции пока не назначена? — осведомился нарком.

— Ориентируйтесь на середину или даже начало ноября. Уложитесь?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Ну, смотрите. Надеюсь, не подведете.

Опуская трубку на рычаги, он — никто же не видит — не старался согнать с лица довольную улыбку. Молодой командир, назначенный наркомом ВМФ в звании капитана 1-го ранга, был несомненной удачей кадровой политики Сталина. Кузнецов не подведет, десант в Крыму потрясет немецкую оборону, заставит противника ослабить главное направление, где никак не удавалось окончательно переломить события в нашу пользу.

Сокрушенно покачивая головой, Сталин снова закурил и склонился над расстеленной на столе картой. С первых дней октября 4-я танковая армия противника ломилась на восток вдоль черноморского побережья, с ходу захватила Мариуполь, но уперлась в плотную оборону на Миусе, форсировать лиман немцам не удалось. Теперь, по логике вещей, противник будет вынужден перенести главные усилия севернее, в полосу 6-й армии, которая до сих пор продвигалась уступом, чуть отставая от Гота.

Жуков и Москаленко без конца молотили по левому флангу Паулюса, положили в атаках чуть ли не сотню тысяч красноармейцев, в том числе три воздушно-десантных и два механизированных корпуса, только немцы отмахивались от них, как от мошкары. Согласно сегодняшней сводке, атаки прекращены, обескровленная 1-я гвардейская закрепилась на рубеже Донецкого края, Жуков вылетел в Москву. Надо думать — будет просить еще десяток дивизий и пару сотен танков. Не получит.

Сталин твердо решил, что резервы придется послать с Жукову, а на Южный фронт, чтобы укрепить оборону в Донбассе. Тимошенко сообщал, что утром противник начал разведку боем по всему фронту 9-й армии. Власов бодро рапортовал об успешном отражении атак, но завтра Паулюс может нащупать слабые места. Отвлечь противника, заставить перебросить резервы, ослабить южный фланг — для этого оставалось лишь продолжать тяжелое наступление в полосе Западного и Ленинградского фронтов. Бить на Витебск и от Старой Руссы вдоль шоссе Дно — Псков. В этих районах Красная Армия обладала решительным перевесом в силах и средствах, и атакующие дивизии продвигались пусть медленно, но неуклонно. С другой стороны, пора было понять, что фон Клюге стянул на стык своих 9-й и 3-й танковой все, что смог собрать, а потому пробиться там будет сложно.

Конечно, к концу ноября завершится формирование и боевая подготовка новых стратегических резервов. Это почти сотня дивизий, причем половина из них укомплектована опытными солдатами, которые сражаются с первого дня войны, а до этого прошли через малые войны. Это пять ударных армий, две тысячи новых танков, артиллерийские дивизии. Если бросить в бой такую силищу, то фронт, безусловно, будет прорван, Конев наконец-то ворвется в Витебск и бросит подвижные соединения на юг, вдоль Могилевского шоссе.

Глаз пробежал вдоль линии фронта и задержался на резком изгибе. В гомельских болотах синяя лента немецких позиций поворачивала с севера на восток Сталин прищурился — если перенести усилия в стык 4-й и 2-й танковой, где противник ослабил оборону... В идеале такой удар раскалывал фронт группы армий «Центр», и Красная Армия врывается в

Бобруйск, получая возможность развивать успех и на юг, и на север. В худшем случае лишь оттесним немцев за Днепр, заставим укрепить треснувшую оборону, снимая дивизии с других участков, а там снова ударим на Витебск...

Верховный понимал, что замысел надо будет продумать и доработать. На пути наступления нес воды свои Днепр, на форсирование которого даже немцы потратили весь июнь. Но идея показалась ему перспективной — через час приедет Егоров, надо будет с ним посоветоваться, пусть операторы Генштаба просчитают все аспекты операции.

Отвлекая от размышлений, раздался звонок телефона. Голос Берия сообщил, что генерал Владислав Андерс, командующий армией, сформированной из пленных поляков в Средней Азии, снова заартачился. Андерс категорически отказался направить свои дивизии на советско-германский фронт и требует переправить армию через Иран к англичанам в Палестину. Нарком внутренних дел добавил:

— Несколько генералов и часть старших генералов не согласны с этой шлюхетской тварью. Они готовы остаться в СССР и воевать на нашем фронте.

В охватившем его гнев Сталин едва не отдал приказ разоружить поляков и вернуть предателей в лагеря. Однако он помнил, что за Андерса горой стоит Черчилль, а портить отношения с союзниками не хотелось. С большой неохотой Верховный выдал:

— Черт с ними, пусть убираются. У тебя все?

— По моим каналам поступают сообщения о плохом положении с 9-й армией. Как будто разбита и отступает. Я проверяю.

— Доложи, когда проверишь.

Сталин раздраженно швырнул трубку на рычаги. Поляки, по обыкновению, демонстрировали присущие буржуазии подлость и неблагодарность. Даже анекдот родился: «Вторая мировая война — это долгие попытки русских, американцев и англичан заставить поляков воевать против Гитлера»!

— Генерал Голованов ждет в приемной, — доложил секретарь.

— Пусть заходит.

Как и большинству сталинских выдвиженцев новой волны, Александру Голованову еще не исполнилось сорока лет. Накануне войны Сталин поручил молодому генералу создание АДД — Авиации дальнего действия — из летчиков Гражданского воздушного флота. Эти пилоты и штурманы, в отличие от военных коллег, имели огромный навык полетов на большие расстояния с использованием радионавигации. Сейчас под командованием Голованова находилось около пятисот тяжелых бомбардировщиков, которые днем и ночью трепали глубокий тыл противника.

Вытянувшись во весь богатырский рост, командующий АДД доложил о последних рейдах на железнодорожные узлы Днепропетровск и Харьков, через который немцы снабжали войска группы армий «Юг». В подтверждение своих успехов Голованов показал свежие, еще влажные фотографии горящих эшелонов.

— Дня два по этой дороге ни один поезд не пройдет, — уверенно заявил генерал. — А завтра-послезавтра добавим.

— Хорошо поработали, — весело согласился Верховный. — Жаль только, Ключе от вас ушел. Упустили подлеца, товарищ Голованов. Как же так?

Летчик печально развел руками.

— Все сделали, как надо, товарищ Сталин. Послали разведку, сфотографировали этот самый дом отдыха НКВД на берегу Друти. А ночью лучшие экипажи прицельно положили два десятка бомб крупного калибра. Ни здания не осталось, ни парка вокруг, ни казарм охранного батальона, ни штабного бронепоезда...

— Знаю, знаю... — Сталин ободряюще похлопал расстроенного генерала по плечу. — Партизаны и разведчики подтвердили, что штаб группы армий поражен, и немцы вывезли из развалин не меньше сотни трупов. Не ваша вина, что в это время Ключе был на фронте... Вы хотите что-то сказать?

— Так точно, товарищ Сталин. Вечером мои орлы возвращались из налета на

Днепропетровск и вроде бы заметили войсковые колонны на дорогах к востоку от Сталино.

— Хорошая новость, — проворчал Верховный. — Кавкорпус выдвигается на подмогу армии Власова.

— Никак нет, товарищ Сталин. Большие массы механизированных войск и пехоты двигались на восток. Я подумал...

Голованов нервно сглотнул. Кажется, он стал гонимым принесшим злую весть.

Недоуменно прищурясь, Верховный протянул руку к телефону, но аппарат зазвонил, не дождавшись, когда Сталин коснется трубки. Взволнованный голос командующего Южным фронтом заворчал в трубке прежде, чем хозяин кабинета успел прижать ее к уху. С нарастающим беспокойством Голованов следил, как меняется лицо Верховного, выражая страшную душевную муку. Так и не произнеся ни слова, Сталин швырнул трубку на рычаги телефона. Затем, медленно повернувшись к летчику, сказал совсем тихо:

— Беда у нас, товарищ Голованов. Большое горе... — Он горько вздохнул и тяжело опустился на стул. — Тимошенко сообщил, что немцы прорвали фронт на Миусе... Что делать будем?

Растерявшись, Голованов пробормотал:

— Не могу знать... я ведь простой летчик...

— А я — простой бакинский пропагандист! — огрызнулся Сталин. — И не учился в Военной академии.

— Виноват, товарищ Сталин. Поднимем обе дивизии тяжелых бомбардировщиков и прямо на рассвете начнем обрабатывать колонны в степи.

— Правильно, — Сталин вяло махнул рукой. — Займитесь. И договоритесь со штабом ВВС, чтобы вам обеспечили истребительное прикрытие.

Покинув кабинет, Голованов столкнулся в приемной с Егоровым и Жуковым. Спустя полминуты, на лестнице, генерала едва не сбил с ног бежавший вверх по ступенькам Берия.

Маршал и генерал армии, стоя по стойке смирно и не смея даже опустить глаза, принимали разнос. Берия с удовольствием слушал, как Сталин красочно распекает великих полководцев, частенько переходя на матерные характеристики.

— Из-за вас, вырождаков и предателей, немцы еще до рассвета приедут в Ростов! — выкрикивал Верховный. — Вы не командиры Красной Армии, а стадо тупых баранов! Алкаши недоношенные, не умеете командовать — идите окопы копать, больше пользы принесете! А вы, товарищ Жуков, полевой бордель можете открыть, сифилитик несчастный — сколько баб за год войны поменял? Дождешься, скотина, что не Берия тебя в подвале пристрелит, а какой-нибудь полковник, у которого ты очередную шлюху уведешь! Или тебя на штыки поднимут солдаты, которых ты по ровному полю без артподготовки в атаку гонишь, ублюдок, мать твою... — Он повернул налитые кровью глаза на Берию и прохрипел: — А ты чего стоишь, ишак мингрельский? Где твои знаменитые дивизии?

Старика надо было немного успокоить, направив в правильном направлении верховный гнев, и Берия гордо сообщил:

— Мои войска пытаются исправить глупость армейских идиотов. Полк Пияшева перекрыл шоссе, расстрелял передовые подразделения прорвавшегося противника, взяты пленные. Сейчас Пияшев останавливает бегущих красноармейцев и сажает в оборону. Я направил ему в помощь полк Ваупшасова и диверсионную бригаду Лютого. Так что до утра немцы там ни на шаг не продвинутся.

Егоров торопливо вставил:

— По приказу Тимошенко две дивизии уже заканчивают посадку в эшелоны на станциях Армавир и Краснодар. Там всего двести километров — через шесть-семь часов первые подразделения придут в Ростов. Чуть позже подоспеют противотанковые полки и стрелковая бригада из 1-й гвардейской...

Гнев — признак слабого характера — медленно отступал. Выпустив пар, Верховный возвращался в рабочее состояние. Глубокие затяжки окончательно вернули спокойствие —

по крайней мере, внешне. Ткнув дымящимся мундштуком трубки в Егорова, Сталин приказал ледяным голосом:

— Докладывайте по порядку.

Поспешно, даже суетливо — пока Верховный не разбушевался повторно и не отдал присутствующему наркому приказ об аресте провинившихся — Егоров шагнул к столу. Дрожащими пальцами маршал расстелил карту и приступил к докладу, водя пальцем по красным и синим пиктограммам оперативно-тактических обозначений.

— Еще прошлой ночью поступили сведения, что противник рокирует подвижные соединения из состава 4-й танковой армии в полосу 6-й полевой. Как стало ясно к середине дня, в полосе нашей 9-й армии были сосредоточены два танковых корпуса. На рассвете немцы начали сильные атаки против центра и правого фланга 9-й при мощной воздушной поддержке. Согласно вашему указанию, на помощь Власову был направлен кавалерийский корпус, дислоцированный в Калмыкии, а также стрелковая дивизия и артиллерийская бригада из Новочеркасска. Около полудня Власов заверил меня по телефону, что противник остановлен, что войска армии прочно удерживают поселок Куйбышевский и что резервы будут использованы для контрудара с целью ликвидировать незначительные вклинения на центральном участке. В вечерней сводке штаб армии также сообщал об успешно отраженных атаках, — Егоров сделал короткую паузу. — Однако около девяти позвонил Гречко, командующий 57-й армии, доложивший, что 9-я отступила, не поставив соседа в известность, и теперь левый фланг 57-й не прикрыт и подвергается сильным атакам противника...

— То есть вы уже четыре часа назад знали о прорыве фронта, но не доложили, — задумчиво прокомментировал Верховный. — Понимаю, не хотели огорчать товарища Сталина подобными второстепенными мелочами.

— Виноват, товарищ Сталин, мы проверяли эти сообщения, — маршал Егоров снова принял стойку «смирно». — Готов понести любое наказание.

— Никого не забудем, когда время придет, — флегматично заверил Верховный. — Продолжайте.

По словам начальника Генштаба, сообщение показалось невероятным и нуждалось в перепроверке. Операторы направления попытались связаться по радио и телефонным линиям с командирами разных уровней, с комендатурами в населенных пунктах. Ответы поступали самые разные и пуганые. Штаб фронта был не в курсе происходящего, штаб 9-й армии не отвечал, начальник станции Ровеньки поведал о звуках боя где-то поблизости, а из шахтерского поселка им. Микояна женский голос ответил, что по улицам проехали, стреляя во все стороны, какие-то танки. Однако в 9.40 генерал Власов, связавшись по рации с Генштабом, доложил, что армия отступила на запасные позиции, а просочившиеся в тыл небольшие группы вражеских танков и пехоты вскоре будут уничтожены.

В Генштабе вздохнули с облегчением, поэтому через полчаса, когда Берия сообщил Егорову о приходящих по линии НКВД тревожных докладах, маршал успокоил наркома: дескать, обстановка сложная, но принимаются меры, держим ситуацию под контролем. К общему ужасу, около 11.20 генерал Рябышев доложил, что правый фланг его армии оголен, немцы полностью заняли полосу обороны 9-й армии, а теперь концентрируют пехоту и танки, явно готовясь утром ударить на Таганрог вдоль восточного берега Миуса — во фланг и тыл 38-й армии.

Потом начали поступать донесения делегатов связи, еще засветло выехавших из Новочеркасска и Ростова на поиски отступающих частей. К полуночи штабу Южфронта удалось привести разбитые дивизии в подобие порядка, создать очаговую оборону и наладить снабжение. Вскоре после полуночи вышли на связь штабы двух разгромленных дивизий, штабы которых разместились в небольших населенных пунктах. Согласно их докладам, немцы прорвали фронт 9-й армии уже к полудню, тогда же был взят Куйбышевский, а штаб Власова потерял управление войсками. Остаток дня полки и дивизии сражались в частичном окружении, с наступлением темноты оторвались от противника.

— Обделались с ног до головы, — с отвращением прокомментировал Сталин. — Там голая степь, завтра немцы бросят танки на Новочеркасск и Ростов, а пресловутые очаги обороны методично ликвидируют пехотой и авиацией — это они хорошо умеют. Резервы которые были посланы на помощь Девятой, наверняка разгромлены ударами с воздуха.

— Так точно, — подтвердил Егоров. — Кавкорпус рассеян, сейчас штаб фронта ищет подразделения по всей степи и возвращает в Новочеркасск. Стрелковая дивизия подверглась бомбардировке и занимает оборону на рубеже Северского Донца.

Сталин долго смотрел на карту — места были знакомые, они с Егоровым руководили здесь фронтом в Гражданскую войну. Попутно Верховный с негодованием подумал, что Власов побоялся сразу сообщить о тяжелой ситуации, надеялся выправить положение при помощи жалких резервов, а потом стало поздно.

— Надо сосредоточить усилия на обороне Новочеркасска и Ростова, — произнес он, вздыхая. — Голованову я уже отдал распоряжения, перебрасывайте туда всю авиацию, какую сможем собрать с других участков фронта.

В следующие полчаса Верховный переговорил со штабом Южного фронта, поручил Тимошенко нанести по флангам прорвавшихся немецких корпусов удары силами 57-й и 38-й армий, а разгромленную 9-ю оттянуть на правый фланг рябшевской армии — между Таганрогом и Ростовом. Временно забытые Егоров и Жуков прикидывали, где можно построить прочную оборону, и согласились, что в ровной, как стол, степи это практически невозможно. Войск на пути немцев было немного — формирующиеся в Ростове и Новочеркасске 7-я и 8-я резервные армии, которым предстояло получить номера 62-й, 64-й общевойсковых, да дивизии неполного состава, наскоро набранные по Северокавказскому военному округу. Жуков неуверенно предложил сдерживать немцев на рубеже Дона, навязать уличные бои в городах, а тем временем подготовить мощный удар с севера. При этом, как само собой разумеющееся, предполагалось, что левый фланг Юго-Западного отогнется далеко на север, а Южный будет прижат к Дону. И в очень сложном положении окажется 38-я армия, ближайшая судьба которой казалась очевидной: уже завтра немцы наверняка блокируют ее в Таганроге, но за рябшевское хозяйство Сталин беспокоился меньше всего — тылом армии становилось Азовское море, где хозяйничал Черноморский флот. А вот 57-ю придется оттянуть на северо-восток, на рубеж Коминтерн — Шахты — Артемовский...

— Приказ Рокоссовскому, — сказал Сталин, оборвав стратегические мечтания Жукова. — Юго-Западному фронту прочно удерживать Донецкий кряж и Ворошиловград. 1-я гвардейская армия передается фронту, Генштабу позаботиться о пополнении армии, надо срочно восстановить ее боеспособность. Разбитые части 9-й направить к Таганрогу и подчинить штабу 38-й... — Он подумал, что надо будет чуть позже поговорить с обоими — Рокоссовским и Тимошенко. — Товарищ Жуков, я слушаю ваши предложения.

Не подходя к карте, Жуков повторил — уже более четко, без лишних слов — прежний план: жесткой активной обороной сдерживать немцев на Дону, выматывая их силы и продолжая наносить удары с севера. Генерал подчеркнул, что через несколько дней, когда Красная Армия закрепится на новых позициях и на линии Северского Донца, сложится конфигурация фронта, благоприятствующая ударам во фланг 6-й армии противника. На уточняющий вопрос Сталина он ответил, что для прорыва фронта достаточно создать ударную группировку в составе 1-й гвардейской и 57-й армий, усилив их десятком стрелковых и кавалерийских дивизий, а также двумя-тремя танковыми или механизированными корпусами.

Жуков оборвал доклад, вовремя заметив скептическую гримасу Верховного. Покачивая головой, Сталин проворчал: дескать, товарищ Жуков уже пытался остановить немцев такими ударами, но всего лишь разменял двадцать наших дивизий на две немецкие.

— Атаки с севера, конечно, надо продолжать, — задумчиво проговорил Сталин. — Это необходимо, чтобы отвлекать силы противника от Ростова, но разгромить немцев и погнать обратно на запад этими ударами не получится... Вот что, товарищи полководцы — подумайте как следует, пока мы поговорим о других делах.

Маршал и генерал армии послушно склонились над картами, перешептываясь вполголоса. Раскулив трубку, Верховный сел за письменный стол и тихо, по-грузински, спросил наркома внауд, о чем тот хочет сказать уже полчаса.

— Власов убежал к немцам, — так же тихо и тоже по-грузински ответил Берия. — Он уже от них звонил Егорову и успокаивал. Я этому барану в маршальских петлицах объяснял, но ишак не поверил...

Грязно выругавшись сначала по-грузински, потом по-русски, Сталин осведомился:

— Ты уверен? Про Потапова тоже говорили, что он в плен попал, что его немцы раненного пристрелили, а он через неделю вышел из окружения.

Берия даже руками взмахнул, как бы отметая даже тень сомнения, и уверенно подтвердил:

— На этот раз никаких ошибок. И с нашей стороны видели, и с той стороны верные люди подтвердили.

— Расстреляем, никуда не денется... — Верховный хотел что-то добавить, но вдруг насторожился, прислушиваясь, и громко поинтересовался: — Что вы там секретничаете? Какое такое другое решение?

По лицам военачальников промелькнула гримаса растерянности. Егоров, который в отличие от Жукова был давно знаком со Сталиным и знал, какой чуткий слух у кремлевского властелина, ответил первым:

— Если как следует измотаем противника обороной, обескровим немецкие дивизии, перемолотим резервы, то примерно через месяц можно будет бросить в бои новые ударные армии с решительной целью.

Жуков подхватил:

— Сосредоточив на северном фланге противника достаточно крупные силы, можно осуществить глубокий прорыв, создать угрозу коммуникациям противника. А если Рябышев до того времени удержит Таганрог, то нанесем встречный удар с этого плацдарма — и почти вся группа армий «Б» окажется в котле.

Он уложил на карту красный карандаш: тупым концом — на позиции 1-й гвардейской армии, острием — на Матвеев Курган. Классический прорыв в стиле предвоенных представлений о глубокой операции. К тому же — через оборонительные позиции немецких пехотных дивизий, которые ждут именно таких ударов и готовы к их отражению. Верховный скептически поморщился. Это была хорошо знакомая идея рассекающего броска с севера на юг через Донские степи — точно такой план он, Сталин, предложил Ленину в девятнадцатом году. Тогда этот план привел к разгрому Деникина, но сейчас-то четко видны другие операционные линии...

Все-таки Жуков остается кавалеристом, раздраженно подумал Сталин. Уперся в свой замысел наносить удар по ровной местности — и будет класть дивизию за каждый километр продвижения. А ведь решение казалось очевидным.

Взяв со стола брошенный Жуковым карандаш, Сталин очертил два красных овала с большой полуосью и полсотни километров каждый — в районе Горловки и Мариуполя. Берия, с интересом наблюдавший за его манипуляциями, на всякий случай громко сказал: «Вот именно!» Покосившись в его сторону, Верховный иронически поглядел на полководцев и провозгласил решение:

— Атаки восточнее Миуса немцы легко парируют — у них тут резервы под боком. Удар с севера нанесем крупными силами на полсотни километров западнее — вот здесь, по стыку итальянской и румынской армий, от Горловки. Навстречу двинется группировка из Мариуполя, оба ударных кулака встретятся где-нибудь в районе... — Он хмыкнул, не желая называть город, носивший ныне его имя. — В районе Юзовки.

Решив, что старик от переживаний помутился рассудком, Жуков деликатно напомнил:

— В Мариуполе сейчас немцы.

— Там нет немцев, — Сталин усмехнулся. — Там румыны. Пока... А за несколько дней до начала наступления северной ударной группировки Мариуполь будет захвачен морским

десантом. Вы, товарищ Жуков, слишком замкнулись на сухопутных фронтах и забыли, что Советский Союз располагает одним из сильнейших военно-морских флотов. С учетом потерь других стран сильнее нашего, пожалуй, только американский и японский флоты. А на Черном и Азовском морях мы обладаем абсолютным превосходством.

Начавший понимать замысел Верховного, маршал Егоров одобрительно закивал, но потом нахмурился и поинтересовался, какие силы намечается выделить на мариупольский десант. Сталин принялся выколачивать пепел из своего курительного агрегата, потом неторопливо набил трубку табаком из разорванных папирос «Герцеговина Флор». Наконец, обдумав ситуацию, произнес неуверенно:

— Сделайте расчет сил и средств. Возможно, придется отменить крымский десант. Кроме того, пока Рябышева совсем не отрезали, надо будет, перебросить побольше сил в Таганрог и пополнить Девятую армию.

На этом Сталин отпустил военных, поручив тщательно продумать предстоящую операцию, проработать детали, распределить задачи по рубежам и направлениям. И, разумеется, напутствовал Верховный, ни на секунду не забывать о катастрофе на Южном фронте, обо всех изменениях докладывать немедленно.

Проследив тяжелым взглядом, как закрывается дверь за уходящими военными, он повернулся к наркому внутренних дел. Тот подобрался, но Сталин махнул рукой.

— Сиди, не вскакивай, — разрешил Верховный и, побряхтев, присел на соседний стул. — Ты должен понимать, что в другой раз такая возможность переломить ход войны больше не подвернется. Мы не имеем права даже на малейшую ошибку.

Берия торопливо закивал, протер пенсне и проникновенно заверил:

— Чекисты сделают все возможное. На целую неделю перед началом наступления всему транспорту по ту сторону фронта паралич устроим. Такие диверсии организуем — пальчики облизать можно.

— Не то, — Сталин поморщился. — Диверсии само собой, как мацони с чесноком к хинкалу. Но ты и Меркулов должны сделать больше. Надо убедить ставку Гитлера, что мы собираемся нанести главный удар совсем в другом месте. Ты говорил, какие-то немецкие шпионы на вас работают.

Уяснив идею вождя, нарком внулел хохотнул и подтвердил, что в его ведомстве, как в Греции, есть абсолютно все. Немало агентов абвера из числа пленных солдат и командиров Красной Армии после переброски на советскую территорию были арестованы либо сами явились с повинной. Некоторые из них исправно работали под управлением сотрудников госбезопасности, регулярно радируя в немецкие разведцентры шифровки с качественной дезинформацией.

Внезапно Берия прервал рассказ и озабоченно поинтересовался:

— Может, и болгарина подключить?

Хотя имя не было названо, Сталин понял: имеется в виду Иван Стаменов, болгарский посол в СССР. Антифашист, большой друг России, настоящий славянский патриот, он давно сотрудничал с органами советской разведки. Минувшей зимой и весной Стаменов и работавшие на Разведупр генералы болгарской армии сумели до смерти запугать Берлин: мол, если Болгария начнет войну с русскими, то народ и армия неминуемо восстанут, свергнут царя и повернут оружие против немцев. Благодаря их стараниям Гитлер не решился ввести войска в Болгарию для удара в тыл Босфорскому фронту.

— Подумаем, — сказал Верховный. — Твои агенты должны передать в абвер конкретные районы, где намечаются отвлекающие удары. Пусть сообщат в абвер номера соединений, которые мы там сосредоточим. Пусть немцы готовятся отражать наше наступление где-нибудь под Бобруйском, под Витебском, на Волхове... — Он задумался, потом улыбнулся и закончил фразу. — ...или в Крыму.

Оставшись один в кабинете, Сталин налил стакан вина и долго смотрел на карту, мысленно представляя себе будущие плацдармы, из которых вырастали красные стрелы

победоносного наступления. На недолгую минуту выражение лица Верховного Главнокомандующего стало беспредельно жестоким — как и его мысли рожденные страшным временем, заставлявшим принимать безжалостные решения.

Сводки Совинформбюро

В течение 20 октября наши войска вели бои с противником на всех фронтах. Особенно ожесточенные бои происходили на Крымском, Донском и Белорусском участках фронта.

За 19 октября уничтожено 5 немецких самолетов.

За 20 октября под Москвой уничтожено 11 немецких самолетов.

Наши авиачасти, действующие на Западном и Южном фронтах, продолжают наносить врагу большой урон. 19 октября в результате успешных налетов нашей авиации на войска противника было уничтожено 22 танка, 250 автомашин с пехотой и военными грузами, 15 полевых орудий, много зенитных пулеметов, боеприпасов и несколько складов с военным снаряжением.

Часть тов. Гончарова, действующая на Южном фронте, за один день боевых действий уничтожила 20 немецких танков и свыше 3 батальонов вражеской пехоты.

Одна наша часть, действующая на Карельском фронте, прорвалась в тыл противника и ударила по наступающим белофинским частям. В коротком бою было уничтожено более 2 рот пехоты противника. Захвачены большие трофеи, в том числе несколько орудий, 4 рации, 15 подвод с боеприпасами, 50 велосипедов и несколько грузовиков.

Дикие зверства и насилия чинят немецко-фашистские мерзавцы в захваченных ими районах. Гитлеровские палачи истребили население деревни Лютино Кличевского района Белорусской ССР. Недавно гитлеровцы загнали всех жителей деревни в помещение школы. Ненецкий офицер потребовал указать местонахождение партизан, но ничего не добился. По его приказу солдаты жестоко избили арестованных, но те продолжали молчать. Палачи долго пытали несчастных, глумились над ними, а затем сожгли школу вместе с заключенными в ней людьми. Сгорело 74 человека.

* * *

В течение 26 октября наши войска вели бои с противником на всех фронтах.

За 25 октября уничтожено 44 немецких самолета. Наши потери — 10 самолетов.

За 26 октября под Москвой сбито 4 немецких самолета.

За 25 октября частями нашей авиации уничтожено 25 немецких танков, 5 бронемашин, более 300 автомашин с пехотой и военными грузами, 12 полевых орудий, несколько автоцистерн с горючим и более полка пехоты противника.

За два дня боев подразделения т. т. Шевердина и Браславца, действующие на Южном фронте, уничтожили до 2500 итальянских солдат и захватили 15 станковых пулеметов, много винтовок, патронов и ручных гранат.

Партизанские отряды, действующие в оккупированных районах Ленинградской области, наносят фашистам чувствительные удары. Только за четыре дня, с 20 по 24 октября, партизаны убили 8 немецких офицеров и 195 солдат, уничтожили 30 грузовых автомашин, легковых машин, мотовоз и две мотодрезины. Один из партизанских отрядов взорвал железнодорожный мост и пустил под откос воинский эшелон с немецкой пехотой, следовавшей на Ленинградский фронт. Партизанский отряд тов. К. разведаль место нахождения дальнобойных орудий противника и сообщил об этом нашим частям. Орудия противника были уничтожены огнем нашей артиллерии.

Красноармеец-связист тов. Кузнецов, устанавливая связь с одним из батальонов полка, заметил вблизи немецкий обоз с боеприпасами. Включив аппарат в линию, тов. Кузнецов связался с командным пунктом и предложил открыть огонь по квадрату, на котором он сам находился. Меткими залпами артиллерии немецкий обоз был полностью уничтожен. Герой-связист остался невредим.

За последние дни на различных участках Западного фронта захвачены в плен большие группы фашистов. Грязные, обросшие, в лохмотьях, немцы скорее напоминают собою бродяг, чем солдат регулярной армии. Ефрейтор 30 артиллерийского полка А. Карстен рассказывает, что в солдатской среде царит глухое недовольство войной. «Многие мои товарищи уже погибли, — говорит Карстен. — Ради чего они сложили свои головы? За что я воюю — не знаю. Я видел разрушенные города и горящие деревни. Тысячи людей лишились своего крова и имущества. Нам, немецким рабочим и крестьянам, эта война не нужна, ибо никому из нас она не принесет облегчения. В нашей роте много резервистов, и все они так думают».

* * *

В течение ночи на 29 октября наши войска вели бои с противником на всех фронтах. Особенно ожесточенные бои происходили на ВОЛХОВСКОМ, ВИТЕБСКОМ и РОСТОВСКОМ (Ростов-на-Дону) участках фронта.

За 28 октября уничтожено 5 немецких самолетов. Наши потери — 2 самолета.

Артиллерийская батарея части тов. Раковина, действующей на одном из участков Ленинградского фронта, за день боев истребила более 800 немецких солдат и офицеров, уничтожила 6 долговременных огневых точек и 4 пулеметных гнезда противника.

Часть командира Лопатина, действующая на одном из участков Южного фронта, в ожесточенном бою истребила более 2000 солдат и офицеров немецкой дивизии «Викинг». Наши войска захватили 11 орудий, 3 минометные батареи, до 100 автомашин с боеприпасами, 2 штабные автомашины и 2 знамени.

* * *

В течение ночи на 1 ноября наши войска вели бои с противником в районе Шахт, северо-восточнее Таганрога, а также в районе Новочеркасска.

В районе Шахт наши части отбили несколько атак противника. Советские войска оказывают упорное сопротивление наступающим танкам и мотопехоте противника. На поле боя немцы оставили свыше 250 трупов. Особенно кровопролитное сражение произошло в районе одной железнодорожной станции. Немцам вначале удалось продвинуться вперед и вклиниться в боевые порядки наших войск. Контратаками наши бойцы отбросили противника и нанесли ему большой урон. На поле боя гитлеровцы оставили сотни убитых солдат и офицеров, уничтожено свыше 20 немецких танков, много орудий, пулеметов и автомашин. Бронебойщики одной части уничтожили 6 немецких танков. Южнее Шахты продолжались ожесточенные бои против танков и мотопехоты противника. В течение суток уничтожено 15 немецких танков и свыше 400 солдат и офицеров противника.

В районе северо-восточнее Таганрога продолжались упорные бои. На одном из участков наши части разгромили 2 батальона немецкой пехоты и уничтожили 20 танков. Н-ская кавалерийская часть совершила рейд по вражеским тылам. Кавалеристы уничтожили 3 склада, разгромили штаб немецкого полка и уничтожили свыше 350 гитлеровцев.

В районе Новочеркасска противник стремится пробиться вперед. После кровопролитного боя, во время которого уничтожено 5 немецких танков, наши части отошли на новый оборонительный рубеж. В районе Кропоткина наши войска вели напряженные бои танками и пехотой противника. Танковый экипаж лейтенанта Алексея Шельгаса за один день уничтожил 8 немецких танков, 4 противотанковых орудия и до 300 солдат и офицеров противника.

* * *

В течение ночи на 3 ноября на фронтах существенных изменений не произошло.

В районе северо-западнее Ростова наши войска вели бои с танками и пехотой противника. Бойцы Н-ского гвардейского соединения отбили несколько атак немцев и, перейдя в контратаку, заняли два населенных пункта. Большая часть немцев в этих населенных пунктах была истреблена, а остальные бежали, бросив на поле боя 16 орудий, несколько пулеметов, автомашины, 2 радиостанции и другое военное имущество. На другом участке неприятель предпринял несколько танковых атак. Совместными действиями пехотинцев и артиллеристов атаки противника были отбиты. В результате боя подбито и уничтожено 14 немецких танков.

На Западном фронте наши части вели бои с противником за переправы через водный рубеж. К исходу дня советские бойцы переправились через реку и продолжали борьбу на ее западном берегу. Подразделения Н-ской танковой части уничтожили 11 немецких противотанковых орудий, 4 миномета и истребили до 170 солдат и офицеров противника. Экипаж танка под командованием старшего политрука Екатериничева в одном бою раздавил 4 орудия и уничтожил 40 гитлеровцев. Танк младшего лейтенанта Семенова подбил 4 немецких танка.

* * *

В течение 5 ноября наши войска вели бои с противником северо-западнее и юго-западнее Ростова, а также в районах Севастополя и Таганрога. На других фронтах существенных изменений не произошло.

За 4 ноября частями нашей авиации на различных щетках фронта уничтожено или повреждено до 20 немецких танков и бронемашин, более 100 автомашин с войсками и грузами, подавлен огонь 8 батарей полевой и зенитной артиллерии, взорвано 5 складов боеприпасов, повреждено 3 железнодорожных эшелона, рассеяно и частью уничтожено до батальона пехоты противника.

Северо-западнее Ростова наши войска обороняли занимаемые позиции, а на отдельных участках вели активные боевые действия. В ходе боев гитлеровцы несут большие потери. Только одно наше соединение за последние дни истребило до 3000 немецких солдат и офицеров, уничтожило 19 танков, 13 орудий, 40 пулеметов, 16 минометов, 20 автомашин и 2 самолета противника. На одном из участков немцы предприняли наступление, бросив в бой до полка пехоты и 30 танков. Наши бойцы отбили атаку противника. На поле боя немцы оставили 230 трупов и 8 подбитых и сожженных танков. На другом участке немецкая пехота при поддержке танков атаковала позиции Н-ской части. Огнем из противотанковых пушек и ружей, гранатами и бутылками с горючей смесью наши бойцы уничтожили 5 немецких танков. Оставшиеся без прикрытия танков гитлеровцы были расстреляны из пулеметов и винтовок.

Юго-западнее Ростова танки и пехота противника при поддержке крупных сил авиации предприняли ряд ожесточенных атак. Советские части стойко встретили новый натиск врага. Несмотря на значительное численное превосходство, немцам не удалось продвинуться вперед и выйти к реке Дон. Наши артиллеристы и минометчики произвели огромные опустошения в рядах противника. Минометчики Н-ской части несколькими залпами накрыли большое скопление пехоты неприятеля и истребили 1200 немецких солдат и офицеров.

* * *

В течение 8 ноября наши войска вели бои с противником западнее и юго-западнее Ростова, в районе Таганрога, а также на Волховском участке фронта в районе Синявино. На других фронтах существенных изменений не произошло.

Нашими кораблями в Баренцевом море потоплена подводная лодка противника.

На северо-западной окраине Ростова наши войска вели напряженные бои. На одном участке противник отдельными группами танков и автоматчиков вклинился в нашу оборону.

Завязались упорные бои, в ходе которых гитлеровцы, проникшие в расположение советских войск, были уничтожены. С целью поддержки обескровленных дивизий немцы подбрасывают новые резервы, с которыми наши части ведут ожесточенные бои.

Юго-западнее Ростова наши войска вели напряженные бои с танками и пехотой противника. На одном из участков наши части после упорных боев оставили населенный пункт и отошли на новые позиции. Встречая упорное противодействие наших бойцов, враг несет огромные потери. За последние пять дней Н-ское соединение Красной Армии истребило до 6000 солдат и офицеров противника.

На одном из участков Западного фронта наши войска продолжали вести бои на окраинах крупного населенного пункта. Юго-восточнее этого пункта на узком участке немцы сосредоточили до полутора полков пехоты и 90 танков и перешли в контратаку. Наши бойцы стойко выдержали удар врага. Значительная часть вражеских танков была подбита артиллеристами и бронебойщиками еще на подходе к нашим позициям. В результате многочасового боя подбито и сожжено 49 немецких танков. Большие потери понесла также пехота противника. Захвачены пленные.

На этом же участке фронта за 10 сентября наши летчики в воздушных боях сбили 10 и подбили один немецкий самолет.

* * *

В течение 10 ноября наши войска вели бои с противником в районе Ростова, в районе Таганрога и в районе Синявино. На других фронтах существенных изменений не произошло.

В районе Ростова продолжались ожесточенные бои. В течение всего дня крупные силы танков и пехоты противника при поддержке авиации предпринимали одну за другой атаки наших позиций на северо-западной окраине города. Все атаки гитлеровцев отбиты с большими для них потерями. Наши части оставались на прежних позициях. В течение дня уничтожено 29 немецких танков и более 1500 солдат и офицеров противника. Советские летчики уничтожили 3 немецких самолета, 8 танков, 24 автомашины, 3 бензоцистерны и изорвали склад с боеприпасами противника.

На Ленинградском фронте в результате боевых действий отдельных наших подразделений, снайперов и разведчиков за два дня истреблено до 200 вражеских солдат и офицеров. Уничтожено 4 немецких танка, несколько станковых пулеметов, 5 автомашин и 4 повозки с военным грузом. Ефрейторы тт. Вех и Ваваев и краснофлотец т. Боюшук огнем из миномета взорвали склад с минами и артиллерийскими снарядами противника.

* * *

В течение 15 ноября наши войска вели бои с противником в районе Ростова и в районе Таганрога. На других фронтах никаких изменений не произошло.

В районе Ростова наши войска вели ожесточенные бои. Противник силою до двух пехотных дивизий с 100 танками и при поддержке большого количества авиации предпринял атаки на рабочий поселок. Наши бойцы самоотверженно отбивают яростные атаки гитлеровцев. На отдельных участках ценою больших потерь противнику удалось несколько потеснить наши части. В течение дня, по неполным данным, подбито и сожжено свыше 45 немецких танков и уничтожено более 1500 солдат и офицеров противника.

Разведчики Н-ской гвардейской части обнаружили скопление вражеской пехоты и установили, что немцы готовятся к атаке. Наши артиллеристы произвели несколько огневых налетов и рассеяли группировку противника. На другом участке наши подразделения атаковали врага и заняли первую линию его окопов. Уничтожено до роты немецкой пехоты. Огнем зенитной артиллерии и наземных войск сбито 3 самолета противника.

В районе Таганрога наши части вели бои на уничтожение группы танков и пехоты противника, вклинившихся в нашу оборону. В течение дня немцы предприняли одну за

другой три атаки, пытаясь прорвать нашу оборону. Наши подразделения отбили атаки гитлеровцев и отбросили их в исходное положение. В боях на этом участке подбито и сожжено 19 немецких танков и уничтожено до двух рот пехоты противника. На другом участке бойцы под командованием лейтенанта Комлицкого ворвались в окопы неприятеля и уничтожили несколько десятков немецких солдат. В этой схватке с противником сержант Абдула Кашанов штыком и гранатой истребил 9 солдат и 3 немецких офицера.

Документ № 11

Из ежедневных докладов отдела «Иностранные армии Востока» начальнику Генерального штаба Сухопутных войск

29 ноября 1943 года.

Оценка противника перед нашей 6-й и 3-й румынской армиями.

Положение в Ростове не изменилось.

На позициях противника перед северным флангом 14-го танкового и 8-го армейского корпусов отмечается (по данным воздушной разведки) уменьшение числа танков (28 ноября установлены лишь 20 танков) и сокращение численности полевой артиллерии в районе Аксайская (10 октября было засечено 96 батарей. 19 октября — 42 батареи, 28 октября — 36 батарей).

Данные разведки свидетельствуют о появлении новых частей противника в районе Дебальцево — Никитовка (увеличение числа составов и погрузочно-разгрузочных работ на железнодорожном узле Ворошиловград). По-прежнему сохраняется впечатление, что большие контингенты войск противника непрерывно подходят к фронту, из чего можно сделать вывод о том, что в ближайшее время сохранится его активность.

Положение и намерения противника перед фронтом пока не ясны (в связи с усиливающимся подходом резервов в районы Шахт и Горловки). Однако в других районах еще не отмечаются признаки подготовки наступательных операций крупного масштаба.

Радиоразведкой обнаружено перемещение штабов 5-й ударной и 2-й танковой армий противника в район Шахт.

Таким образом, создается впечатление о подготовке наступательных операций против 3-й румынской и нашей 6-й армий. Идет ли здесь речь о наступательных действиях в целях отвлечения наших сил от Ростова или же разрабатывается операция с более широкими задачами, пока не ясно. При нынешнем соотношении сил можно предполагать первое.

10 декабря 1943 года.

4-я танковая и 6-я немецкие армии, 3-я и 4-я румынские армии.

Оценка противника — та же. Отмечается лишь некоторое снижение его активности и ослабление движения в полосе Южного фронта. Настойчивые атаки противника к северу от Таганрога на правом фланге 4-й танковой армии предпринимались с целью улучшения позиций в полосе 38-й армии русских, а также с целью оттянуть наши резервы от Ростова. Это подтверждается показаниями пленных русских офицеров. Появление большого количества противотанковых батарей на этом участке подтверждает намерение противника перейти к прочной обороне. Вместе с тем восточнее Таганрога резко возросло количество костров в ночное время, и ведется активная переброска войск через Дон из района Азова. Таким образом, противник осуществляет сосредоточение дополнительных сил для дальнейшего удара 9-й армии на восток с целью ликвидации разрыва между флангами Южного и Донского фронтов.

Продолжается создание сильной группировки войск противника перед правым флангом 3-й румынской армии. Данные радио- и авиаразведок: обнаружен командный пункт 65-й армии в районе юго-западнее Никитовки, отмечено движение ночью до 2500 автомашин (главным образом севернее Горловки), появление 318-й стрелковой дивизии из армейского резерва западнее Ольховатки. На марше отмечены 8 батальонов, 15 танков и 200 автомашин,

двигавшихся на юго-запад от Дебальцева.

Перед левым флангом 3-й румынской армии авиаразведкой обнаружено сосредоточение крупных танковых сил. Это, по-видимому, 7-й танковый корпус, снятый с участка фронта перед нашим 40-м танковым корпусом (135 танков в районе Артемовска).

Появление штабов Юго-Западного фронта и 5-й ударной армии в районе восточнее Артемовска указывает на то, что русские планируют крупные наступательные действия на стыке 3-й румынской и 8-й итальянской армий.

Все более ясно вырисовывается еще один район концентрации войск противника вокруг Красного Луча. Об этом свидетельствует радиосвязь штаба 2-й танковой армии с 6–7 неустановленными соединениями, предполагаемое выдвижение туда же 1-й гвардейской армии, усиленное движение железнодорожных составов от Ворошиловграда и по рокадным путям.

Неясность обстановки не позволяет определить конкретные намерения противника. Следует тем не менее считаться с возможным началом его наступления в ближайшем будущем против 3-й румынской армии, чтобы отрезать линию железной дороги на Ростов, создать угрозу продвинувшимся на восток немецким войскам, заставить нас отвести свои силы от Ростова, а также освободить водный путь по Дону. Для более значительных операций имеющихся сейчас у противника сил, по-видимому, недостаточно (перед правым флангом 3-й румынской армии он располагает 16 стрелковыми дивизиями и 1–4 танковыми бригадами, перед левым — 7 стрелковыми и 3 кавалерийскими дивизиями).

Показания одного из пленных офицеров, назвавшего в качестве цели наступления железную дорогу Сталино — Ростов, по-видимому, подтверждают эти предположения.

14 декабря 1943 года.

Обстановка на фронтах нашей 6-й и 3-й румынской армий.

Положение в Ростове — без изменений.

Поведение противника и данные радиоразведки свидетельствуют о необходимости усиления внимания к группировке 5-й ударной армии, которая сосредотачивается в районе Шахт против 376-й пехотной дивизии. Здесь отмечено резкое усиление радиопереговоров, появление 3-го гвардейского стрелкового корпуса и двух новых дивизий (их номера пока не выяснены), выдвижение к фронту 258-й стрелковой дивизии, которая прежде действовала в полосе группы армий «Центр», и 5-й истребительно-противотанковой бригады резерва Главного командования.

Подтверждается, что группировки противника перед обоими флангами 3-й румынской армии усилены каждая кавалерийским корпусом (перед правым флангом отмечено появление 6-й гвардейской дивизии 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, перед левым флангом — 21-й кавалерийской дивизии 8-го кавалерийского корпуса). Прекращение активной переброски войск противника в район западнее Ворошиловграда и усиление передислокации его частей вблизи от фронта позволяют сделать вывод: выстраиваются боевые порядки для наступления. Разграничительные линии между 1-й гвардейской и 2-й танковой армиями пока не установлены.

Ожидаемые наступательные действия противника — хотя и ограниченного характера — могут выйти за рамки местного значения. К тому же пока не ясно, были задействованы новые танковые части на восточном фланге 6-го румынского армейского корпуса, против 2-го румынского армейского корпуса, или же в район Шахт.

Не исключается возможность одновременного перехода противника к наступательным действиям против группы армий «Юг» на широком фронте из районов Дебальцево, Артемовск, Шахты, Таганрог. Возможно, одновременно будут высажены малочисленные морские и воздушные десанты в Крыму. Тем самым противник рассчитывает отвлечь наше внимание от главного удара в районе Бобруйска, который запланирован на 15–17 декабря.

Алексея разбудил резкий толчок. Машинально схватившись за расстегнутую кобуру, майор приоткрыл глаза. Взору его предстала ставшая привычной картина: обычный вагон-теплушка на полсотни коек в три яруса. На стенах тускло дрожали отсветы почти догоревшей свечи. Спросонок он чуть не спросил: «Какой фронт, мужики?» — однако вовремя вспомнил, что поезд увозит их в противоположном от войны направлении.

Присев на койке, Часов опустил босые пятки на присыпанный соломой деревянный пол и грозно поинтересовался:

— Почему остановились?

Капитан Сазонов, стоявший возле чуть приоткрытой двери вагона, оторвался от щели, через которую выглядывал наружу. Повернувшись к командиру, он сообщил зевая:

— Станция какая-то. Названия не видать, темень кругом.

— А почему темно — утро, ночь или вечер?

— Вроде бы вечер, часы семь показывают. Я же немногим прежде твоего проснулся, а заснул еще засветло.

— Может, харчами разживемся на этой станции, — размечтался Часов и гаркнул: — Стекольников, хорош дрыхать. Делом займись.

После повторного призыва, к которому присоединился разбуженный личный состав команды, из глубины вагона откликнулся недовольный голос старшины. Школьников напомнил, что жратву обещали выдать на пограничной станции. Вагон ответил десятком разорванных глоток потом еще раз дернулся, и станционные строения медленно поползли мимо. В дверной просвет Алексей разглядел освещенные луной снежные шапки гор.

Поезд лениво прополз мимо полосатого пограничного столба, отстучал колесами по мосту над невзрачной речушкой и, наконец, встал возле перрона. На тускло освещенном здании вокзала висела табличка «Джультфа-иранская».

— Заграница, — прокомментировал мрачный военинженер Авербух.

Ему толково разъяснили, что курица — не птица, Иран — не заграница, а баба, само собой, не человек. Концерт народного творчества прекратил наряд пограничников, стукнувший прикладами по стенке вагона и потребовавший вылезать.

Документы проверяли не слишком дотошно — Иран ведь и в самом деле не настоящая заграница. Местных жителей и представителей шахской власти на вокзале Часов не заметил — повсюду звучала только русская речь. Красноармейцев всех родов войск было огромное количество. Создавалось впечатление, что на зачуханной станции стоят сразу несколько воинских эшелонов.

Через полчаса после прибытия комсостав рубал шашлыки с рисовым гарниром в привокзальной столовой. Со снабжением и продуктами в ненастоящей загранице дела обстояли весьма недурно. Хвалить иранское изобилие вслух никто, само собой, не решился, потому как за столом, кроме ветеранов части, успевших повоевать вместе не один год на разных войнах, сидели начштаба и замполит. Оба прибыли за неделю перед командировкой, так что никто не знал, какие они люди и чего ждать от обоих. Ляпнешь неосторожное словцо — покатится телега по инстанциям, год не отмоешься.

Из таких вот соображений закордонные пайки рубали, помалкивая. Только Васи́ко Черкесиани почему-то морщился и наконец выдал совершенно непонятный уху русскому вердикт:

— Нет, дорогие, неправильно здесь шашлыки подают. Шашлык и плов вместе не уживаются.

— Ты чего? — поразился Часов, на секунду прекративший обглаживать баранину с ребрышка. — Вкусно ведь.

Неожиданно для всех замполит Гаврилей поддержал гурмана Васю, заявив:

— Товарищ капитан прав. К этому жаркому рис совершенно не подходит. Надо было на гарнир картошку жарить.

Черкесиани бросил на замполита совершенно безумный взгляд, из чего Часов сделал

вывод: с точки зрения кавказской кулинарии, картошка не сочетается с шашлыком точно так же, как отварной рис. Сам он подобных предрассудков не разделял, хотя припомнил, что в московских ресторанах шашлык подавали вообще без гарнира — только с нарезанным кружочками репчатый лук. Тоже вкусно было.

Новый начальник штаба майор Ян Заремба вдруг заулыбался и пустился в воспоминания о лейтенантской службе в полку под Могилевом.

— Как-то под занавес больших маневров подстрелили мы в лесу кабанчика. И служили у меня во взводе парнишки из Туркестана и с Кавказа. Само собой, поручил я шашлычок этим хлопцам. Никогда не забуду, как яростно спорили они по любой мелочи... У каждого народа своя кухня, и каждый свой рецепт правильным считает.

— Это не только на кухне, — брякнул Низкохат.

Часов насторожился — слова Макара можно было истолковать по-разному. К счастью, комиссар крамолы не усмотрел, а заметил: дескать, сюда бы четверть горилки поверх наркомовского стопарика — и можно жаркое наворачивать даже с рисом.

После столовой Часов отправил Гаврилея со Стекольниковым и двумя рядовыми получать паек на всю команду. До отправки их эшелона времени хватало, но повсюду ходили грозные патрули, а мест для проведения культурного досуга на вокзале не имелось. По этой причине танкисты вернулись к своему вагону. Большая четь личного состава снова расплзлась по койкам, Словно не спали двое суток в поезде. Лишь Часов и еще с десятков танкистов прогуливались по холодному перрону.

— Не теряйтесь из виду, славяне, — прикрикнул Заремба. — Отстать от эшелона — верный путь загреметь в штрафбат по статье за дезертирство.

«Начштаба, похоже, нормальный мужик, хоть и кавалерист», — подумал Алексей. Поговорить по душам они пока не успели, но Часов сразу заметил на гимнастерке невысокого жилистого Зарембы редкий значок «За отличную рубку». Что ж, немало народу влилось в танковые войска из конницы: в прошлом десятилетии считалось, что кавалерия и мотомехчасти — почти одно и то же. Подвижные силы развития прорыва...

Кто-то широкоплечий в шинели, проходя мимо, прохрипел смутно знакомым голосом:

— Мужики, минометчиков не видели?

— Извини, браток, не обратили внимания, — виновато признался Заремба.

Издали донесся богатырский крик, дескать, нашли разгильдяев. Хриплый командир крикнул в ответ:

— Веди к поезду, и чтоб никто ни на шаг от вагонов... — плечистый закашлялся, потом продолжил уже не так зычно: — Скоро отправят нас.

Козырнув танкистам, он побежал дальше, но Часов весело сказал вслед:

— Старший лейтенант Осянин, своих не узнаете...

Минометный командир споткнулся на бегу, резко повернулся. Леха шагнул ему навстречу — поближе к фонарю. Увидав его лицо, Осянин заулыбался, полез обниматься и сказал неловко:

— Я думал, тебя там же, в котле...

— Под моим котлом черти еще огонь не развели, масло не вскипятили. А ты уже капитан, поздравляю. В теплом месте служишь.

— Месяц отслужил, — кивнул Осянин. — Приводили дивизион в порядок, пополнение получили, новые стволы, личный состав потренировали. Теперь, как я слышал, всю 47-ю армию выводят из Ирана. И 44-ю тоже. Наверное, под Ростов пойдем. Но и ты больно не радуйся — здесь навряд ли надолго задержишься.

— Не задержусь. Нас послали груз от союзников принять. Потом опять на фронт и тоже в 47-ю. Кто сейчас командарм?

— Командарм — фигура... — минометчика снова прихватил кашель. — Сам генерал Павлов-Ерусалимский. На той неделе прибыл с дальнего юга... Леха, ты лучше скажи, как твои орлы? Как Авдеев, Сазонов, Кушнарюк, Ладейкин, Низкохат?

Опустив голову, Часов сообщил безрадостно:

— Сорокин и Низкохат у меня за спиной стоят, Ладейкин под Киевом сильно обгорел, писал из сталинградского госпиталя, что на поправку пошел. Остальных уже нет...

— Вечная память... — тихо произнес Осянин. — Из моих тоже, считай, только каждый третий в живых остался... Помянуть надо.

Однако успел он лишь потискать Сазонова с Низкохатом, а потом подбежал сержант и силком уволок капитана к поезду.

Через полчаса двинулся на юг их состав. Часову не спалось — встреча на вокзале разбредила воспоминания о кровавых делах минувшего лета.

Впервые они с Осяниным встретились на финском фронте, а нынешним летом каприз военных судеб свел их подразделения на Черниговском плацдарме, туда — в заболоченную долину Десны отошли перемешанные части 5-й и 4-й ударной армий, преградившие путь танкам Гудериана, наступавшим по шоссе Гомель — Чернигов. Здесь, у городка Репки, сильно поредевшие батальоны 7-го мехкорпуса устроили засаду, разгромив авангард немецкой панцердивизии. В штабном автобусе нашли карту, из которой следовало, что немцы собирались послезавтра ворваться в Киев.

Они удерживали рубеж еще две недели, медленно пятась к окраинам Чернигова, но при малейшей возможности наносили точные удары, отбрасывая врага от города и мостов через Десну. С нечасто приходившими пополнениями они узнавали о тяжелейших боях по всему южному направлению. Киев еще держался, но южнее города погибли в окружении армии Музыченко и Понеделина, а севернее украинской столицы армии Парусинова не удавалось ликвидировать немецкие плацдармы на восточном берегу Днепра.

Силы зажатых между реками частей быстро таяли, но перед их позициями росли ряды сгоревших вражеских танков и горы трупов, одетых в фельдграу. На вторую неделю Часов оказался старшим по званию в сборном отряде из двух десятков танков, десятка пушек и гаубиц, минометчиков Осянина да нескольких сотен пехотинцев и спешенных конников. Наладив взаимодействие, как предписывали довоенные уставы, они творили чудеса, сделав оборону неприступной.

В начале июня остатки 7-го мехкорпуса вывели на переформирование в Бахмач — городок, где сходились железнодорожные линии фронтового снабжения. Свой участок Часов сдал сформированной в Туркмении стрелковой дивизии. Вскоре армейский телеграф сообщил, что генерал Жуков погнал это соединение в наступление без артподготовки, немало солдат полегло от вражеского огня, остальные побежали, и немцы ворвались в Чернигов.

Не закончивший формирования корпус был брошен во встречный бой, сумев на двое суток задержать немецкие танки. В этих боях погибли комкор Стефанчук, комбриг Сорокин, Митягин и Беспалых, сгорел в танке начштаба полка Авдеев. Изогнувшись под прямым углом, армия остановила немцев на рубеже реки Остер, а временем группа армий «Юг» методично перемалывала советские соединения. Весь июнь продолжалась позиционная мясорубка, немцы вышли к Днепру от Канева до Черкасс, их штурмовые отряды с невероятной ловкостью создавали плацдармы на левом берегу, а саперы за ночь возводили мосты, по которым переползали танки.

Обескровленный 7-й мехкорпус, которым теперь командовал Гористов, метался по всему фронту 5-й, 34-й и 4-й ударной армий, затыкая возникающие бреши. В роковой день 4 июля остатки корпуса оказались слишком далеко от места, где нанесла решающий удар танковая армия Гота. Навстречу с юга устремились танки Клейста. Потапов сумел только собрать в кулак немного, что осталось, и, пробив еще рыхлый фронт окружения, вывел из западни несколько дивизий. Три дня они удерживали Бахмач, потом сами оказались в кольце и с боем прорвались к Новгород-Северскому.

Корпус снова пополнили и перекинули на Полтавское направление, которое в августе стало Харьковским, а в сентябре чуть не стало Воронежским. В составе 1-й танковой армии Часову довелось наступать, отбиваться, выходить из окружения, бросать технику,

командовать штыковыми атаками. В конце сентября, когда немцы выдохлись после Харькова и прекратили попытки пробиться к Белгороду, корпус — 200 человек и 8 танков — отвели на переформирование в Воронеж. Целых три недели они жили почти как люди, еженедельно мылись в бане, подшивали воротнички, принимали новую технику, обучали пополнение, писали письма родным, а самые везучие даже успели получить ответные весточки.

Передышка кончилась 6 октября, когда корпус подняли по тревоге, погрузили на платформы и отвезли в Изюм, где танкисты поступили в распоряжение 1-й гвардейской армии. Командармом оказался старый знакомый — командарм 1-й танковой Кирилл Москаленко, причем армия в самом деле была гвардейской — состояла из трех воздушно-десантных корпусов. Вся эта силища сгорела в два дня, когда Жуков и Москаленко нанесли молодецкий удар по северному флангу Паулюса — гнали богатырей-парашютистов в атаки по плоской местности, почти без артиллерии, практически без авиации. Тридцать тысяч отборных солдат полегли, сумев оттеснить немецкую дивизию на полтора километра. В этих боях полк Часова потерял половину машин и треть личного состава, погибли верные друзья Гученко, Гасанов, Кушнарчук.

Сдав участок другой армии, штаб 1-й гвардейской переехал на полста верст восточнее — к Артемовску. Сюда уже пригнали эшелон новеньких танков и дивизии, укомплектованные солдатами-ветеранами — сибиряками и казаками. Узнав, что предстоит наступление без артподготовки, командир одной дивизии попытался напомнить о требованиях Устава, за что был по приказу Жукова расстрелян перед строем за трусость. Стиснув зубы, Часов повел полк по голой равнине к холмам, на которых окопались немцы. Стреляя фугасными с коротких остановок и прикрывая тяжелыми корпусами КВ-3 идущую следом технику и живую силу, он сумел подавить противотанковые точки вражеской пехоты, после чего лавина средних танков ворвалась на высоты. Здесь их накрыли пикировщики, танки загорались один за другим, так что дальше пехота наступала одна, и все шесть дивизий превратились в батальоны, так и не добравшись до второй линии немецких траншей. Раненный осколками Гористов, когда его увозили в госпиталь, плакал и повторял, как в бреду: «Хрен с танками... главное, чтобы пацаны живыми остались...»

Потери среди личного состава действительно были невелики. Часть танков удалось оттащить в тыл, немного подремонтировать, и 20 октября корпус принял бой на подступах к Новочеркасску. Последняя машина сгорела в уличных боях, когда по радио транслировали репортаж о параде на Красной площади. Экипажи Т-34 отправили принимать технику в Сталинград, а танкисты Часова поехали в Челябинск, где впервые увидели новую машину. К концу ноября 87-й тяжелый полк, получивший танки ИС, но с огромной нехваткой танкистов был переброшен в Краснодар. Все ждали, что сразу после доукомплектования их бросят в ростовскую мясорубку, где уже два месяца шли бои за каждый дом. Однако пришел неожиданный приказ: командиру полка с командой опытных специалистов выехать в сопредельное государство для получения иностранной техники.

Наутро они сошли на перрон города Тавриз. Комендант станции, прочитав командировочный документ, зевнул и уныло пообещал дать грузовик.

— Тридцать человек — как-нибудь поместитесь. До аэропорта недалеко.

— Аэропорт? — удивился Часов. — Лететь придется?

— Нет, — отмахнулся пожилой подполковник. — Никто не знает, почему это место так называется. Там большой пустырь, на взлетное поле похож.

Ехать в битком набитом кузове пришлось не меньше двух часов. Грузовик неторопливо тащился мимо одноэтажных халуп городской окраины, мимо присыпанных снегом крестьянских полей, мимо дворов, где бродил не слишком упитанный скот и робко выглядывали одетые в лохмотья аборигены. Впрочем, изредка попадались дома побогаче, и Гаврилей попытался прочитать лекцию о классовом неравенстве. Он как раз заговорил о мировой революции, но машину подбросило на ухабе, замполит прикусил язык и остаток

пути только матерился.

«Аэропорт», обнесенный колючей проволокой, официально назывался «Пункт приемки иностранной техники Советского транспортного управления». На огромной, в несколько квадратных километров, площадке, стояли рядами всевозможные автомобили — в основном «студебеккеры» с затянутыми брезентом кузовами. Встретивший команду Часова лейтенант-транспортник посоветовал майору присоединиться к другой, прибывшей ночным поездом, команде танкистов во главе с подполковником Манаевым.

— Знакомое имя, — заметил Заремба. — Мелькал в приказах.

«Нас тоже поминали, — подумал Алексей. — В тех же приказах». Командир 29-й танковой бригады Иосиф Манаев оказался молодым, худощавым, смуглолицым, горбоносым и на удивление светлоглазым. Часова он признал, даже вспомнил, как под Харьковом вместе в контратаку ходили.

— Так это твои «тридцатьчетверки» левой меня шорох наводили? — Алексей засмеялся. — Вот и свиделись в спокойных краях... Ты хоть разобрался, что тут делать?

— В основном здесь грузовые машины. В кузовах — консервы, обмундирование, медикаменты, мука и крупы. Американские корабли привозят грузовики в порт на юге Ирана, шофера этой части пригоняют машины в Тавриз, потом за руль садятся фронтовые водители и везут это богатство в Джульфу и дальше, в Союз. Как я понял, моей команде положено получить десять грузовиков с провиантом.

— Мне положено шесть, но я грузовиками не ограничусь.

— Джипы есть, — сообщил Манаев. — Но нам, танкистам, они на хрен не нужны. Пусть на них пехотные командиры катаются.

— Старый друг из штаба округа намекнул, что здесь должны быть бронетранспортеры, — понизив голос, проговорил Часов.

Манаев поцокал языком, покачал головой и сокрушенно простонал:

— Хорошая вещь, просто отличная! Только ты ведь знаешь — их в бронетанковые войска почти не дают. Используют только как тягачи для больших пушек.

— Мне как раз четыре тягача нужно, — Часов ухмыльнулся. — Для батареи противотанковых пушек.

Засмеявшись, подполковник вспомнил, что у него в бригаде целых две батареи пушек ЗиС-3, которым обязательно нужны тягачи большой проходимости.

В двухэтажном домике, где размещалось управление пункта, на пути танкистов возникло препятствие в лице злобной тетки, которая категорично заявила: дескать, машины всем нужны, так что получайте по три грузовика и катитесь. На возмущенные протесты Часова и Манаева из кабинета выглянул немолодой капитан автомобильных войск. Пренебрежительно поглядев на фронтовиков, он потребовал командировочные предписания, и, сердито приговаривая: «Щас вы у меня получите...» — явно вознамерился почеркать документы красным химическим карандашом. Неожиданно лицо у него вытянулось, взгляд стал испуганным, и капитан заулыбавшись, пригласил в кабинет обоих командиров и злобную тетку.

— Галина, где письмо из штаба округа? — спросил он, закрывая дверь, и добавил весьма почтительно: — Вы садитесь, товарищи, сейчас решим ваш вопрос.

— В красной папке, наверное, я еще подшить не успела... Ой! — злобная тетка с интересом посмотрела на танкистов. — Это про них, что ли?

— Ну да... — капитан нашел нужную бумагу и протянул Манаеву. — Ознакомьтесь, пожалуйста, сегодня утром самолетом привезли... А ты, Галина, разыщи мистера Блакмана.

Манаев не вышел ростом, и Часов легко заглянул через плечо подполковника. В послании штаба Закавказского военного округа предписывалось выдать откомандированным из 47-й армии подполковнику Манаеву И. И. и майору Часову А. Н. максимально возможное количество транспортных и боевых машин для нужд фронта. Обеспечить обеим командам скорейшее возвращение к местам дислокации войсковых частей. Подписи — командующий ЗакВО генерал-лейтенант Козлов Д. Т., командарм-47 генерал-лейтенант Павлов Д. Г. На

бумаге имелась приписка красными чернилами: «Пусть привезут для армии побольше машин и харчей». Вместо подписи — инициалы «Л. Б.».

Машинально Леха принялся подсчитывать вслух, дескать, он может посадить в каждую машину по два человека и гнать в две смены до самого Краснодара. Получалось, что он может принять полтора десятка машин разных типов. Тыловой капитан с ужасом в голосе взвыл:

— Вы что несете? Там же сказано — «максимально возможное количество»! По одному человеку за руль! На станции уже подаются эшелоны.

Раздумывать о причинах этих чудес Алексей благоразумно не стал. Манаев тоже сделал вид, будто ничему не удивляется. Когда они выходили, капитан вдруг спросил:

— Товарищ майор, вы знали Казбека Ираклиевича?

— Это мой брат, — буркнул Манаев. — Старший брат, вы не в курсе, где он сейчас?

— Никак нет... — транспортник опустил взгляд. — Мы очень уважали его. Надеюсь, все обойдется.

— Ой, и правда — одно лицо, — всхлипнула Галина.

Козырнув им, Манаев шагнул через порог. На ходу натягивая шинель, за танкистами устремился капитан-автомобилист.

Всей ордой в семь десятков голов они прошли по «аэропорту», отбирая грузовики. В дальнем конце пустыря их встретил представитель американских союзников полковник Блакман — громадный упитанный дядька с соломенно-рыжими усами. При его участии танкисты получили бронемшины. Команде Часова достались четыре колесных броневики МЗ «Скаут» и столько же полугусеничных М2 «Халф-трак». По внешнему виду американские бронетранспортеры были очень похожи на собратьев из Вермахта, только броня у них была похуже, а двигатель — получше.

Когда майор поинтересовался, нельзя ли загрузить в броневики побольше патронов для тяжелого пулемета «Браунинг», рыжий американец понимающе закивал и что-то сказал сочувственно. Девчонка-переводчица — наверняка из госбезопасности — неохотно процедила:

— Полковник Блакман желает вам одержать победу на этих машинах.

— Поблагодарите полковника, — Манаев улыбнулся и помахал американцу рукой. — За нами не заржавеет.

Пока они обменивались рукопожатиями, Сазонов негромко сказал Часову:

— Она неправильно перевела. Мистер говорил, что нам разрешили брать все, потому что посылают на верную смерть.

Услышав его шепот, переводчица бросила на капитана негодующий взгляд. Девчонку можно было понять у нее такая работа.

— Так и есть, сестренка, — безразличным тоном ответил Манаев. — Мы уже второй год на смерть ходим.

— Пусть патроны даст, — повторил Часов. — Чтобы свидание с костлявой веселее получилось.

— Вы получите патроны, — перевела девица в штатском ответ заморского полковника.

Вскоре появились иранцы-носильщики с ручными тележками, подвозившие патронные ящики. Документы актов приемки оформили молниеносно. К вечерним сумеркам семьдесят грузовиков и бронемашин стояли на платформах, и два эшелона один за другим отправились в сторону Джульфы.

Поездам дали зеленую дорожку — машинисты гнали полным ходом, без остановок. На собственных колесах они добирались бы раза в три дольше, да еще растеряли бы в дороге часть машин из-за поломок. Нетрудно было сообразить, что их груз — машины, провиант и лекарства — срочно требуется для нужд 47-й армии.

Только рано утром сделали короткую остановку на станции Тбилиси-Сортировочная, чтобы заправить паровозы углем и водой. В эти полчаса Манаев заглянул в эшелон 87-го

тяжелого и предложил Часову поболтать. Они сели на задней платформе возле грузовика с мешками риса, открыли по банке свиной тушенки, разлили по кружкам разведенный спирт. Манаев достал из вещмешка горячий плоский хлеб — сказал, что выменял в буфете на такую же банку. Выпив за победу и закусив холодным жирным мясом, майор угрюмо произнес:

— Наверное, скоро вместе в бой пойдем.

— Да, похоже, что всю армию введут в бой где-то в районе Ростова, — согласился Леха.

— И я о том же. До сих пор наши атаки получались не слишком удачными.

— Мы кое-чему научились.

Часов рассказал, как прорывался под Изюмом, используя подсмотренную у немцев тактику. Впереди шли тяжелые танки, следом — средние, а уж потом — пехота, одобрительно крикнув, Иосиф поведал, как в прошлом месяце наступал под Новочеркасском в составе 3-й танковой армии, поспешно созданной из собранных на скорую руку соединений. Корпусами командовали недавние кавалерийские и пехотные полковники, штаб был создан на основе управления общевойсковой армии, старшие командиры в танковой тактике не разбирались. Несколько сотен машин двинулись нестройной кучей, десятками горели на вялом снегу. Итогом контрудара были 3–4 километра продвижения.

— В конце концов мы штурмовали укрепленные хутора небольшими группами танков и пехоты. Пощипали немцев, но цена страшная получилась.

— Хуже нет — штурмовать опорные пункты в лоб, — согласился Часов. — Такие узлы сопротивления лучше обходить, брать под перекрестный огонь, а потом — мощный огневой удар и атака пехоты с флангов и тыла.

— И не растопыренными пальцами бить, а кулаком, — подхватил Манаев. — Однажды я пятью «тридцатьчетверками» навалился из засады на четыре «тигра». Всю стаю пожег, а моих — только две машины подбиты. В борт их дырявить можно.

— Главное свой борт не подставлять, — Леха засмеялся. — В обороне засада — лучшая тактика.

— Еще чему надо поучиться у врага — это быстрое создание противотанковой обороны, — Манаев щелкнул пальцами. — Нарвавшись на сильного противника, моментально оттягивают танки, выводят вперед пехоту. Расставляют пушки на прямую наводку. После этого атаковать их танками без подготовки — чистое самоубийство.

— Кажется, мы друг друга понимаем.

Они выпили за победу. Манаев немного завистливо заметил, что тяжелым КВ чуть легче драться против «тигров» и «пантер».

— Ваша броня держит немецкие снаряды почти с километра, а мою «тигры» с полутора пробивают, — грустно произнес подполковник.

— Забудь про КВ, — Алексей лихо подмигнул. — Мне в Челябинске новые машины дали.

— Неужели ИС? — У комбрига засверкали глаза. — Ходят разные слухи, но никто не знает толком.

Трудно было не похвастаться, и Часов принялся восторженно описывать последнее слово родного танкопрома. Названная в честь Верховного машина получилась даже чуть легче КВ-3, однако новая башня в форме граненого кристалла была просторнее, да и лобовая броня стала толще на целый дециметр за счет умно подобранной формы. Усиленный двигатель и новая коробка передач улучшили ходовые качества. На полигоне Часов присутствовал при обстреле корпуса ИС немецкими пушками, и страшные снаряды калибра 88 мм скользили по уральской броне даже с 900 метров. И еще Леха услышал на заводе разговоры, что скоро пойдут в серийное производство ИС-2, в башнях которых будет стоять корпусная 122-мм пушка А-19.

— Страшная штука, — сказал Алексей. — Видел у Бахмача, как они с «тигров» башни срывают. На любой дистанции броню проламывают, даже с двух километров.

Оба командира были опытными танкистами, поэтому понимали, что с двух километров

еще попасть в цель надо, но предвкушали, как новая машина потреплет вражеских «кошек».

— Ну, за Верховного, — Манаев разлил в кружки последние капли водки. — Не зря он 7 ноября сказал, что скоро на нашей улице праздник будет.

— За Сталина, — рявкнул в ответ майор.

Выпив, он закусил остатками свинины и остывшим, но по-прежнему вкусным хлебом. Плотный завтрак, добрый разговор — что еще нужно солдату в короткие перерывы между встречами со смертью... Неожиданно рядом раздался возмущенный голос часовского замполита. Гаврилей строго отчитал их за пьянство в ходе выполнения особо важного задания командования, за подозрительное перешептывание и пригрозил разобраться с возмутительным тостом.

— Верховного надо называть «товарищ Сталин», а не просто по фамилии, — бушевал замполит. — Не за соседа пьете.

— Между прочим, я, когда солдат в атаку поднимал, так и кричал: «За Сталина», — сообщил Алексей, тоже повысив голос. — А вы, капитан, кажется, забыли, как надо разговаривать со старшими по званию и по должности.

Манаев поддержал его:

— Если вы забыли, то приказом Верховного Главнокомандующего комиссаров уже два месяца, как отменили. Как стоишь перед старшими? Застегнись и ремень подтяни!

Проигнорировав замечания и не попросив разрешения идти, Гаврилей спрыгнул на перрон и направился к теплушкам. Ветер принес его бормотание с угрозой «разобраться».

— Испортил настроение, крыса тыловая, — пожаловался Часов.

— Политработники разные бывают. Тебе, кажется, не повезло... — Манаев вздохнул. — Как моему брату.

— А что с братом случилось? — встревожился Часов. — Что-то вы там на приемном пункте говорили, но я не понял.

— Плохая история, я очень беспокоюсь...

Печально покачивая головой, подполковник выложил историю, которая действительно могла плохо кончиться. Его старший брат, призванный из запаса инженер-дорожник, был направлен в Иран еще в прошлом году и служил в Тавризе. Иосиф Манаев надеялся встретить брата, но сотрудники СТУ шепотом рассказали, что Казбек Ираклиевич попал в беду.

Грунтовые дороги Ирана не обеспечивали пропуск тысяч машин, ежемесячно месивших грязь и пыль от портов Персидского залива к советской границе. Прежнее руководство дорожного управления СТУ не справлялось с ремонтом, планы срывались, машины греблись в колдобинах. Приехавший в августе начальник инженерных войск округа снял с должности и отправил на фронт два десятка тыловых героев в звании от капитана до полковника. Исполняющим обязанности начальника управления был назначен лейтенант Манаев предложивший простой и толковый план непрерывного ремонта дорог.

Всю осень окрестные крестьяне на ослиных упряжках возили к дороге гравий с ближайших каменоломен, а саперы сыпали эти камушки на дорожное полотно, подравнивали и трамбовали, поддерживая трассу в рабочем состоянии. Грузопоток немедленно вырос почти вдвое, командование повысило Манаева в звании, но в последние дни ноября неожиданно нагрянула московская комиссия во главе с бывшим начальником ГлавПУРа Мехлисом.

— Слышали про такого, — сочувственно заметил Алексей. — Недаром его называют главным инквизитором Красной Армии.

— Приходилось сталкиваться? — насторожился Манаев.

— Было дело... На финской войне пачками посылал хороших людей в трибунал. Вот была такая история — прислали дивизию из Среднеазиатского округа — естественно, без зимнего обмундирования. Мехлис обвинил комдива и начштаба во вредительстве, обоих расстреляли. Хотя виноваты, согласись, были окружные снабженцы.

Вздыхнув, Манаев заговорил негромко:

— Вот и с моим братишкой примерно так же получилось. Мехлис начал кричать: почему, мол, дорожное управление завалило работу, и спросил: кто начальник управления? Отвечают: Манаев. Мехлис, не слушая объяснений, приказывает: Манаева — под трибунал, потому что вредитель. Хорошо, начальник СТУ — порядочный человек. Брата вытащили из казармы и посадили в поезд до Тбилиси, а Мехлису доложили, что майор Манаев разжалован в старшего лейтенанта и послан на фронт. Так и замяли дело.

На платформе возле Краснодара их встретил заместитель командующего 47-й армии. Выслушав рапорт двух танкистов, полковник Стебельцов словно вытянулся лицом — он не ждал, что две команды способны вырвать и доставить в часть столько добра. Рассказ о грозном письме из штаба ЗакВО лишь развеселил бывалого служаку.

— Все штабы фронтов пишут бумаги, требуют, чтоб им побольше выделили, — объяснял полковник. — А получают — чего достанется. Повезло вам, хлопцы, слов нет.

Затем он приказал сдать грузовые машины в армейскую службу тылового снабжения, а боевую технику оставить на платформах и следовать дальше.

— А как же моя бригада? — вскинулся Манаев.

— И твоя бригада, и его полк отправлены еще ночью, — просветил танкистов Стебельцов. — Сейчас уже, наверное, ждут вас где-нибудь в порту на Тамани. Тут, вы путешествовали, много всякого случилось, о чем Совинформбюро сообщить не успело.

Полковник неторопливо ввел их в курс последних событий. Два дня назад наши неожиданно стукнули немца на бобруйском направлении, а 44-я армия столь неожиданно высадилась в Крыму, освободив Керчь и Феодосию. По вполне правдоподобию мнению Стебельцова, таким образом Ставка пыталась отвлечь от Ростова и Севастополя хотя бы часть вражеских сил. Полковник добавил, что вся 47-я армия также двинулась на Тамань и, как нетрудно догадаться, не сегодня, так завтра форсирует узенький пролив, чтобы нарастить удар 44-й армии. В настоящее время командарм Павлов с начальником штаба и другими старшими командирами находится на передовом командном пункте в районе Ейска.

Через четверть часа, прощаясь перед отправкой, Манаев вдруг проговорил задумчиво:

— Знать бы, каким сейчас Павлов стал...

— Вы раньше служили вместе? — машинально переспросил Часов.

— В Испании он был просто орел... — Иосиф показал большой палец и тут же поморщился. — А прошлым летом на Западном фронте очень плохо себя показал. Понимаешь, как будто растерялся, совсем не знал, что и как делать. На десятый день войны немцы в Минск вошли, половина фронта в окружение попала...

Похожие примеры нашлись и у Леги, но майор сказал только:

— Война людей меняет. Он тоже мог кое-чему научиться. Вроде бы в Палестине он неплохо воевал.

— Вроде бы, — согласился Манаев. — Целый год против самого Роммеля воевал — это не шутка.

Обнявшись, друзья разошлись по своим эшелонам.

В теплушке Часов собрал старших по званию и сообщил новости о событиях на фронте. Народ оживился. Майор Заремба объявил, что весь предвоенный год служил в Крыму и хорошо знает местность.

— Воевать в Крыму не пришлось? — осведомился Часов.

— Было дело... — начштаба помрачнел. — Обошли нас, а вышестоящее начальство прозаседалось и забыло отдать приказ о контрударе. На другой день они же опоздали передать в части распоряжение об отходе на подготовленные позиции вокруг Керчи. Короче говоря, мой эскадрон прорывался через горы. Хорошо, местность была знакомая — я там на маневрах каждую тропинку облазил.

— Где конь проскакал, там необязательно танк пройдет, — глубокомысленно заявил Вася Черкесиани. — Горы зимой — нехорошее место.

— Это не твой Кавказ, — рассмеялся Заремба. — Не такие уж крутые там горы, и снег

нечасто выпадает. Пройдем.

Тут замполита, хоть и выпил он не больше остальных, взорвало по-настоящему. Выпучив глаза, побагровевший Гаврилей завопил, сбиваясь на бабий визг. Не слишком внятно и путаясь в словах, он объявил комсостав полка бандой политически неблагонадежных паникеров с сомнительным классовым происхождением. По его мнению, все они в мирное время хлеб с полей воровали и самогон варили, а теперь смеют обсуждать приказы командования. Вдобавок, взвизгивал замполит, чуть ли не все побывали в окружении, неизвестно еще, как они себя там вели, с кем снюхались, почему смогли в живых остаться.

— Разогнать всех к чертовой матери, в штрафбат записать! — тонким голосом выкрикнул Гаврилей. — Я с таким сбродом в бой не пойду!

Буквально чудом, вцепившись обеими руками в плечо, комполка удержал Низкохата от правильного, но необдуманного поступка. Чугунный кулачище Макара действительно мог привести в штрафбат.

На остальных лицах тоже читалось плохо скрываемое желание начистить пятак замполиту. Ситуация требовала решительного вмешательства, и Часов проревел:

— Капитан Гаврилей, немедленно прекратите истерику! Если боитесь идти в бой — так прямо и скажите.

Вагон захохотал. Начштаба сухо произнес:

— Мы смогли вырваться из окружения, потому что дрались как бешеные. Потому что не боялись врага и шли под выстрелы, чтобы победить. Политработник должен это понимать.

Махнув рукой, Гаврилей поплелся, пошатываясь, к своей койке, лег и накрылся с головой шинелью. «Выкинуть бы тебя на полном ходу из вагона», — подумал Алексей.

— Золотой человек был Гученко, — тоскливо произнес Сазонов. — Всегда ведь умел правильные слова подыскать.

— Не каждому дано, — печально заметил Миша Авербух.

Часов негромко сказал: «Отставить», — вспоминать бывших друзей было слишком больно, да и не ко времени. Быть может, уже завтра они примут участие в новых сражениях, а в полку немало новых людей, не все успели познакомиться и притереться. И вообще — полк стоит где-то на Тамани, причем за старшего остался командир 1-го батальона. Конечно, капитан Литвин в последних боях за Белгород показал себя неплохо, но парнишка совсем молодой, опыта маловато...

Призвав командиров к вниманию, Часов принялся перечислять причины своих беспокойств:

— В полку экипажей больше, чем машин. Еще семь ИСов нам обещали, но хрен успеют прислать до десанта. Положенную роту автоматчиков тоже не скоро увидим. Совсем необстрелянных почти нет, но половина личного состава пришла с последним пополнением. Мы их, конечно, тренировали, но в бою пока не видели.

— Не подведут, — насупился молоденький лейтенант Ферапонтов.

— Надеюсь, — Часов ободряюще улыбнулся. — Но молодняку надо внушить, даже вдолбить, чтобы не рвались на подвиги, а точно выполняли приказы. Комбаты у нас — народ бывалый, надежный, успели войны хлебнуть... Теперь наша задача — научить новичков тем хитростям, которым нас война научила.

— Научим, — заверил Низкохат и настырно продолжил: — Командир, у меня во взводе машин нет. Прикажешь в разведку пешком ходить или тяжелый танк выделишь?

Послышались смешочки. Все понимали, куда клонит Макар. Часов ответил, ухмыляясь:

— Договорились ведь — твой взвод получит пару колесных бронемашин. Американских, с пулеметом.

— Тогда гарно, — расцвел командир разведвзвода. — А я уж боялся, как бы не забыли про разведку. Только, отец-командир, накинь один гусеничный.

— По шее накину, куркуль ненасытный, — пообещал Алексей. — Еще кто сказать

хочет?

Начштаба пробормотал:

— Насчет неопытных танкистов — это, конечно, про меня.

— Не только про вас, — уточнил Часов.

Заремба горячо заверил: дескать, умеет не только саблей махать. Майор поведал, что перед войной их кавдивизия входила в состав конно-механизированной группы. Поэтому довелось действовать совместно с танками — и на маневрах, и во время похода в Западную Белоруссию. По словам Зарембы, он даже научился водить бронеавтомобиль и легкий танк Т-26.

Упоминание этого старья, которое сохранилось разве что где-нибудь в Забайкалье, вызвало новые ухмылки. Часов успокоил Зарембу, объяснив, что на первых порах начальнику штаба придется больше заниматься вопросами тактики, а там потихоньку освоит матчасть и станет настоящим танкистом. Полагалось бы добавить: «Если доживешь», — но лишних слов говорить не стоило.

На рассвете, когда подъезжали к Новороссийску, Часова растолкал хмурый и озабоченный Гаврилей. Отводя взгляд, замполит осведомился:

— Слышь, командир, я вчера, часом, не болтал спяну лишнего?

«Врет, скотина, — понял Алексей. — Прекрасно все помнит, но выдумывает оправдание своему сволочному поведению». Он ответил строго и сухо, но постарался скрыть неприязнь:

— Вам, товарищ капитан, пить вредно. Меры не знаете.

— Виноват.

Гаврилей даже руку к сердцу прижал, явно собираясь пуститься в долгие объяснения, но вдруг замолчал, прислушиваясь. Сквозь нечастый колесный перестук снаружи доносились завывания сирен, торопливые выстрелы зениток и редкие — в отдалении — взрывы бомб. Изредка можно было расслышать и слабое гудение пропеллеров.

Видок замполита вконец утратил последние признаки геройства. Вцепившись трясущимися пальцами в обшлага накинутой на плечи шинели, политработник дрожал губами и постукивал зубами, не в состоянии выявить очевидный вопрос.

— Бомбят где-то неподалеку, в паре километров, — объяснил Часов и добавил с некоторым сочувствием. — Поначалу боязно бывает, но постепенно все привыкают. Ты чего, на фронте не бывал?

Заматав головой, сильно побледневший замполит торопливо доложил, запинаясь: дескать, был инструктором сельского райкома в сибирской глубинке, летом попал под призыв партийцев, некоторое время прослужил агитатором-пропагандистом в Липецком училище младшего комсостава, но в ноябре весь личный состав отправили под Ростов, а он, Гаврилей, загремел в танковый полк.

— Привыкай. — Часов пожал плечами. — Это война, тут стреляют чаще, чем агитируют. И запомни: кто боится, тот гибнет первым.

Замполит затряс головой и забился в угол вагона. Впрочем, налет вскоре закончился, и сирены прогудели отбой.

Теплушку и платформы, отведенные 87-му тяжелому танковому полку прорыва, отцепили на бывшей товарной станции, после чего эшелон куда-то уполз. Воздух был пропитан гарью, несколько пожарных расчетов тушили пылавшие вагоны на путях и какие-то сильно разрушенные служебные постройки.

Поручив Зарембе и Сазонову организовать выгрузку техники, Часов отправился в комендатуру, надеясь отыскать представителей 47-й армии, а с их помощью найти свой полк. Представителей армии не оказалось, и все разговоры пришлось вести с заместителем коменданта станции — пожилым капитаном с усталым лицом. Морщась, постанывая и массируя левый бок, капитан вручил Алексею телеграмму за подписью Стебельцова. Штаб армии предписывал 87-му ТТПП оставаться возле станции, ждать указаний о выдвижении к

порту для погрузки на корабли.

— Неразберихи хватает, — пожаловался замкоменданта. — Три дня просто кошмар был — десятки частей принимали и отправляли. Вчера полегче стало. Наверно скоро решат, через какой порт вас отправят.

Он объяснил, что Керчь уже освобождена десантом 44-й армии, которая постепенно расширяет плацдарм, 31-й стрелковый корпус высадился в порту Феодосии, выбил немецкий гарнизон и закрепился на позициях вокруг города.

— С портом пусть штаб армии разбирается. — Леха начал злиться. — Вы подскажите, как мне своих найти.

После долгих телефонных переговоров выяснилось, что часовский полк стоит совсем рядом — прямо в поле, буквально в километре от станции. Добрый капитан из комендатуры выделил сопровождающего — девчонку-сержанта из службы военных регулировщиков. Колонна бронетранспортеров достигла временного расположения части, ни разу не увязнув в грязи и всего лишь раз сбившись с верного курса среди разбомбленных домишек городской окраины.

Все танки в количестве 39 боевых машин из 46 положенных по штатному расписанию стояли неровными рядами посреди пустыря. Личный состав выстроился в две шеренги, перед строем вытянулись по стойке «смирно» капитаны Литвин и Раппопорт. На них грозно покрикивал мелкий худощавый генерал-лейтенант с комиссарскими звездами на рукавах шинели. Вокруг толпилась свита в составе генерал-майора, изрядного числа полковников и подполковников, а также автоматчики — наверное, охрана.

Алексею такой оборот совсем не понравился. Выпрыгнув из кабины головного «Скаута», он ускоренным шагом направился к бушующему начальству. За ним, стараясь не отставать, бросился Заремба.

— Я вас в последний раз спрашиваю! — орал охрипший генерал. — Почему в разгар важнейшей боевой операции, когда ваш полк должен отправиться на самый ответственный участок фронта, отсутствует половина личного состава во главе с командиром и начальником штаба?

— Товарищ корпусной комиссар... — обреченно начал Литвин. — Как я уже докладывал...

— Оставьте эти сказки для своей бабушки! — оборвал беднягу обладатель нарукавных звезд. — Ваши однополчане ушли в самоволку, а вы, как трусливый первоклашка, врите представителю Ставки, надеясь покрыть их безобразный проступок.

Побледневший Литвин был не в состоянии что-либо сказать в ответ на поток несправедливых обвинений, но Часов уже приблизился на три шага к генералу, назвавшемуся представителем Ставки. Под настороженными взглядами автоматчиков майор вскинул ладонь к виску и отрапортовал:

— Товарищ генерал-лейтенант, командир полка майор Часов вернулся из командировки, согласно приказу командования!

Медленно повернув к нему сначала профиль, а затем и анфас, генерал свирепо сузил темно-карие, почти черные глазки. Набрав побольше воздуха, представитель Ставки презрительно поинтересовался:

— Где вы шлялись, майор?

Издевательский тон очередной тыловой крысы взбесил Алексея. Понимая, что дальше фронта вряд ли пошлют, он отчеканил, глядя прямо в глаза неизвестному:

— Если вы не верите слову фронтовика, начальник штаба передаст вам командировочные документы.

Торопливо расстегивая планшет, Заремба шепнул: «Не нарывайся, это Мехлис». Имя главного инквизитора Красной Армии смутило Часова, сбив немалую долю гонора. Еще свежи были в памяти кровавые подвиги этого щуплого человечка на финском фронте, не говоря уж о недавнем рассказе подполковника Манаева. Да уж, этот гад мог отправить и дальше фронта...

Между тем Мехлис, просмотрев переданные Зарембой бумаги и дважды пересчитав бронетранспортеры, ворчливо, но уже без гнева осведомился, стоило ли гонять тридцать человек из-за пяти машин. Короткий рапорт Алексея о «студебеккерах» и броневиках, переданных армейской службе тылового снабжения, корпусной комиссар выслушал с брезгливой гримасой. При этом он проворчал: дескать, надо будет проследить, чтобы начтыла армии не разворовал провиант, — а потом спросил, для каких целей танковому полку потребовалось столько колесной бронетехники.

— Машины разведки и артиллерийские тягачи? — повторил он за Часовым. — По штату допускается, хотя необязательно. Мы распределяем американские броневики в мехкорпуса, но не в отдельные полки.

Твердо усвоив, что высокое начальство не любит вникать в детали, а врать надо быстро и предельно нагло, Леха рявкнул:

— Техника получена в связи с особой важностью предстоящей операции.

— Возможно, — рассеянно согласился Мехлис, заметно растерявший интерес к теме. — Какой национальный состав в вашей части?

Растерянный Алексей некоторое время хлопал веками, и Мехлис уточнил вопрос: его интересовало, какую часть личного состава составляют русские и украинцы. Часов никогда не задумывался о столь высоких материях, привычно считая всех подчиненных просто советскими людьми, без деления по нациям. И к какой нации отнести, к примеру, Низкохата — по паспорту хохол, но вырос в Сибири, разговаривает только по-русски. Или москвич Борька Раппопорт — какой он на хрен еврей? Вырос среди русских, в синагогу отродясь не ходил, никаких заветов предков не знает и не признает... Тем не менее Часов ответил, что примерно три четверти народа в хозяйстве — славяне, причем украинцев и русских примерно поровну, а белорусов — поменьше. С последним пополнением в полк прислали много воронежских и кубанских колхозников — в основном молодых трактористов.

— Кроме того, несколько человек с Кавказа, четверо из Средней Азии, два еврея, — закончил он.

Кисло покривившись, Мехлис буркнул, что национальный вопрос он обсудит с комиссаром части. Затем громко и решительно:

— Немедленно ведите полк в Анапу. Скажете коменданту порта, что я приказал отправить вас в Феодосию.

Обернувшись к свите, Мехлис распорядился подготовить приказ. Документ тут же был оформлен, благо в автобусе представителя Ставки нашлись и пишущая машинка, и машинистка, и бланки штаба Крымское фронта, и все необходимые печати. Однако Часов, набравшись храбрости, попросил терявшего терпение Мехлиса:

— Разрешите выслушать рапорт командира, исполнявшего обязанности командира полка за время моего отсутствия.

Литвин — по-прежнему нервный и бледный — доложил, что техника в исправности, больных среди личного состава нет, но горючего в баках осталось от силы на 30–40 километров марша тихим ходом по хорошей дороге. Снарядов для танковых пушек имеется всего возимый боекомплект, снарядов для буксируемых пушек 76-мм пушек ЗиС-3 нет вообще.

— Безобразие, — спокойно и даже с удовлетворением прокомментировал Мехлис. — Начальника тыла вашей армии следует отдать под трибунал за преступную халатность и вредительство. Майор, ждите здесь. Я распоряжусь, чтобы вам немедленно доставили все необходимое.

С этими словами главный инквизитор отпустил Часова и остальных танкистов.

Распустив строй, Часов собрал командиров подразделений, объявил полученную задачу и велел старшине накормить личный состав ударной порцией заморский продуктов, а командиру батареи Раппопорту — отцепить пушки от танков и прицепить к бронетранспортерам. Литвин, хлебнув из фляги лекарство от нервного расстройства, малость порозовел и пожаловался: мол, непросто было вести машины при таком некомплекте

личного состава.

— Десяток механиков водителей вы с собой забрали, пришлось командиров машин за рычаги сажать. А том этот дракон налетел, я уж думал — повезет, если штрафбатом отделаюсь...

— Молодчина, хорошо справился, — Часов хлопнул капитана чуть пониже загривка. — Теперь тебе никакой Гудериан с Манштейном не страшны.

— Точно, — Литвин криво улыбнулся.

Подкатали заправщики и грузовики со снарядами. Общими стараниями личный состав залил под завязку соляжкой внутренние и внешние баки, снарядные ящики перетасили в полугусеничных «американцев».

В разгар работы Часов заметил, что замполит полка подпрыгивает возле Мехлиса и что-то говорит, размачивая руками. Расстояние не позволяло слышать содержание бурного монолога, но сомнений не оставалось: ничего хорошего об однополчанам Гаврилей не скажет. Нехорошее предчувствие засосало под ложечкой. Наполнив котелок горячей массой из походной кухни, Часов подумал немного, подозвал начальника штаба и тихонько сказал:

— Возьми «скаут» и слетай на станцию, там в комендатуре телеграф имеется. Отобьешь сообщение в штаб армии. Дескать, по приказу такого-то полк отправляют туда-то.

— Полезное дело, — согласился Заремба.

Вернувшись через полчаса, он доложил, что задание выполнено.

В порту Анапы на побитых бомбами пирсах грузились сразу несколько частей, но комендантские подразделения, усиленные нарядами войск НКВД, поддерживали относительный порядок, направляя подходящие колонны к отведенным для них причалам. После часового примерно ожидания 87-й полк медленно пополз к пароходу «Ольга Громыко». Портовые краны расставили танки на палубе, и личный состав присоединился к команде парохода, помогая закрепить громоздкие машины. Поневоле возник вопрос о личности особы, чье имя было написано на борту и спасательных кругах.

— Наверное, какая-нибудь знатная украинская колхозница, — предположил Петро Чеботарь, ротный второго батальона. — Или героиня Гражданской войны.

— Она из Белоруссии, — сообщил Заремба. — Командир партизанского отряда под Витебском. Немцы ее называют «лесной ведьмой».

Кто-то вставил: мол, девок, летающих на У-2, немцы называют «ночными ведьмами», сорвиголов из морской пехоты — «черными дьяволами», а «горбатые» штурмовики Ил-2 — «черной смертью» или «мясорубкой». Тут же нашлись патриоты танковых войск, припомнивши как немцы бежали от КВ, а потом, уже в плену, с ужасом называли тяжелые танки «сталинскими мамонтами». Не совсем к месту пришло на память и «чертово колесо» — непрерывно заходящие в атаку фашистские бомбовозы.

Под незлобивую перепалку бойцов разных частей матросы убрали сходни и швартовые концы. Пароход задымил сильнее и отвалил от причала, гулко сигналя сиреной. Алексей прикинул, что на палубе и в трюма разместилось не меньше двух тысяч красноармейцев, несколько сот лошадей, танки, дюжина гаубиц, а также много обозных фур. Три года назад, когда высаживали десант в Турции, таких вместительных транспортов не было.

Отработав от причала, пароход прибавил обороты. Следом пристроились еще два сильно дымящих кораблика — «Комиссар Ладыженский» и «Винодел Дмитрий Громов». На выходе из бухты их ждали эсминцы и сторожевики, окружившие десантный кильватер.

Надравшийся для храбрости Гаврилей развернул прямо на палубе политмассовую работу. Потрясая кулаками, замполит рассказывал, что немец воевать не умеет, что оружие у противника плохое, вражеские танки нашим в подметки не годятся, а потому русские чудобогатыри, ведомые бессмертными идеями большевизма, в два счета закидают супостата пилотками.

Даже новобранцы слушали эту галиматью без особого доверия. Бывалые фронтовики, успевшие нанюхаться пороха, попросту рассвирепели. Часов от замполитовского бреда и

вовсе растерялся и не знал, как поступить. С одной стороны, Гаврилей болтал глупости о вещах, в которых ни хрена не смыслил. А с другой — не придерешься, потому как говорил политически правильно. Не возражать же, что немецкий солдат подготовлен лучше нашего, да и оружие у них не хуже...

К счастью, караван выбрался в открытое море, где разгулялся шторм, пароходы раскачало волной, и всем сделалось не до политпросвещения. Кто валялся в кубриках, кто через леера перегнулся. Гаврилей, едва ли не впервые увидевший море, был и вовсе в обморочном состоянии.

На Леху, с его морской биографией, качка действовала слабо. Тошнило, конечно, ничего не скажешь, но терпимо. Печально поглядев на позеленевших однополчан. Алексей покинул переполненный душный кубрик, немного отдышался на палубе и спрятался от мокрого снега на мостике.

Капитан парохода Аристарх Тимофеевич — крепкий старик в бушлате поверх теплой водолазной фуфайки, оказался давним другом семьи, помнил обоих старших Часовых — Анисима и Николая.

— И брательник твой, старший сынок Анисима, тут поблизости, — сообщил капитан. — Штурманит на крейсере.

— Вот здорово! — обрадовался Леха. — На каком крейсере?

— Не могу знать, — разочаровал его Аристарх Тимофеевич. — Имена кораблей только на бескозырках пишутся, а он-то — комсостав, в фуражке ходит. Да и не смогли мы толком поговорить — Евстигней лишь успел сказать: дескать, он теперь, как и Никодим, на крейсере штурманом ходит.

Цензура не пропускала даже намека на военную тайну, а эзоповым наречием немного скажешь. Алексей знал, что его старший брат служит на Северном флоте. Но про крейсер услышал впервые. Но главное, что живы оба — и Никодим, и Евстигней. Настроение стало лучше.

— Хороший у вас пароход, много груза и людей придает, — весело сказал Алексей. — И та парочка хорошо волну держит.

— Британские, — сообщил старый моряк. — Перед войной пришел к нам в Босфор английский флот сдаваться — вот и достались Черноморскому флоту войсковые транспорты. Те два прежде назывались «Лайон» то есть «Лев», и «Лорд Генри Олди». А моя «Ольга» были «Бригадир Кристофер Рид». Вроде бы получил пароход имя в честь героического уланского командира, порубавшего немало американских повстанцев, когда те восстание за независимость устроили.

— Англичане это умеют, — признал Часов. — Помним как они зверствовали у нас на Севере в Гражданскую.

— Мы на юге их тоже не добром запомнили, — капитан парохода умело помянул британцев по матери. — Ну так вот, значит, дали кораблям имена наших советских героев. У нас-то героев хватает, на много эскадр и флотилий хватит.

— Героев должно быть много, — провозгласил Алексей. — Скажите, Аристарх Тимофеевич, как там сейчас, в Крыму?

— Известно как — стреляют, бомбы кидают. В Феодосии-то еще ничего, крейсера с эсминцами прямо к пирсам причалили, чтобы десанты высадить. А в Керчи, рассказывают, морская пехота шла к берегу по грудь в ледяной воде. Плохо там — в Керчи и в Камыш-Буруне — четвертый день в портах бьются, не могут немца отбросить.

Подробностей о положении на плацдарме в Феодосии старик не знал. Сказал только, что бои теперь идут за городом, и с каждым рейсом корабли увозят много раненых.

Еще капитан поведал, что немецкие самолеты часто бомбят корабли в порту и на подходе. словно в подтверждение его слов, из рваных туч штормового неба вывалились бомбардировщики. Корабли охранения откликнулись огнем зениток, заработали скорострельные пушечки и спаренные пулеметы «Ольги». Не обращая внимания на распухавшие вокруг бутоны разрывов, «юнкеры» пролетели над караваном. Часов увидел,

прямо по курсу, совсем близко от форштевня, поднялся столб воды, вторая бомба взорвалась за кормой.

В следующий заход немцы разделились — три машины атаковали боевые корабли конвоя, а другая тройка спикировала на транспорты. Один «юнкерс» не вышел из пике, едва не врезавшись в сторожевик, однако бомбы кучно разорвались вокруг «Винодела», и на корме прохода начался пожар. Разгоралось пламя и на одном из эсминцев.

На этом воздушный налет закончился — то ли фашисты израсходовали все бомбы, то ли сбитый самолет внушил им идею прекратить игры со смертью.

— Легко отделались, — прокомментировал Аристарх Тимофеевич. — Еще в порту встретят. Одна надежда, что дождь или снег бомбить помешают.

Встревоженный Часов расспросил старого моряка про крымскую погоду, забеспокоился еще сильнее и бросился искать главного в полку знатока курортных мест. Зарембу он обнаружил в кубрике — начштаба тихо постанывал на ящиках из-под патронов. Хозяйственный, как все дети гор, Черкесиани доставал из вещмешка лимоны, кромсал складным ножом на неровные дольки и раздавал страдальцам. Заремба высосал, морщась, кислый сок и сообщил удивленно:

— Кажись, полегчало. Васико, дай добавку.

— Подожди, других лечить надо...

— Отдай ему мою долю, — распорядился Часов и, когда начштаба прожевал цитрусовый ломтик, сказал: — Майор, ты должен знать, какой грунт в Крыму.

— Суглинок, — моментально ответил Заремба. — Воду впитывает, как губка. Сейчас около нуля, грунт промерзлый, крепкий. А как зарядит дождь — сапоги в жирной глине увязать будут. Ногу выдернешь, а подошва там останется... Ну, это беда для пехоты, а танки, как говорится, грязи не боятся.

На танкистов его рассказ произвел очень неприятное впечатление. Некоторые даже забыли о качке. Сазонов пробормотал:

— Знаем эту мокрую глину — на каждую гусеницу наматается пласт в пять тонн весом.

Авербух поддакнул:

— Силовые передачи сгорят, трансмиссии порвутся, ролики сотрутся вдребезги, профрикционны вообще молчу.

— Короче говоря, воевать надо, пока распутица не пришла, — подвел итог Алексей.

Мягкое покачивание с борта на борт убаюкивало. Подыскав свободное место в углу, Часов привалился к переборке и захрапел. На войне, как на войне: надо пользоваться каждой секундой для отдыха — потом не получится. Может быть, и вовсе никакого *потом* не будет.

В бухту Феодосии вошли поздно ночью. Над городом метались лучи прожекторов, рвались зенитные снаряды, противник обстреливал порт минометами, гудели моторы «мессеров» и «юнкерсов». Ветер швырял в лицо мелкую снежную крупу, пытался просочиться холодом; под полушубок и комбинезон. Отделенный от швартующейся «Ольги Громыко» несколькими пустыми причалами горел какой-то пароход.

— «Красный Профинтерн», — печально произнес Аристарх Тимофеевич. — Третий день потушить не могут.

Кавалерия спускалась по трапам в носовой части корабля, пехота — с правого борта, а танки и пушки сгружали портовыми кранами с кормы. Выкрашенные в белый цвет стальные громадины неторопливо плыли по воздуху, обмотанные стальными канатами. Колесные машины скатывали на причал по трапу. Экипажи прогревали моторы, готовясь выводить технику с территории порта.

В самый напряженный момент, когда неудачно зачalenный ИС едва не свалился в воду и все были на нервах, то есть громко матерились, к танкистам подбежал молодой старший лейтенант. Он представился адъютантом штаба корпуса и почему-то искал командира 56-й танковой бригады. Часов представился и, припомнив, что какая-то часть на легких танках Т-

26 действительно грузилась в Анапе на транспорт «Громов».

— Про вас нам ничего не сообщали, — растерялся парнишка-старлей. — Ну все равно, поехали в штаб, комкор разберется.

Как раз заканчивалась выгрузка очередного танка, а гусеницы «сталинского мамонта» громыхнули, коснувшись бетонных плит, Алексей повернулся к адъютанту и сказал:

— Дельная мысль. Кто командует вашим корпусом?

— Полковник Краснобородов.

— Степан Аркадьевич? — обрадовался Часов и хохотнул. — «Молодой-красивый»? Надо же, как война людей сводит...

Штаб 31-го стрелкового корпуса располагался в школе на северной окраине города, под прикрытием невысокого холмика, носившего гордое название «гора Лысая». Двухэтажное здание почти не пострадало от артобстрелов и бомбежек, только стены посекло пулями. Стекла выбило близкими взрывами, и окна были заколочены фанерными щитами.

Леха нашел комкора в оперативном отделе — бывшем учебном кабинете, где тускло коптели самодельные светильники, сделанные из снарядных гильз. Краснобородов заметно постарел, на коротко стриженном черепе прибавилось седины, а давно не бритая щетина была совершенно белой. Увидав Часова, полковник немало удивился и проворчал, улыбнувшись криво и жалостливо:

— А ты чем провинился, молодой-красивый?

Разговор продолжился в пустой классной комнате за флягой небрежно разбавленного спирта. Краснобородов, которого Часов прежде знал как мужика без нервов и сомнений, выглядел растерянным, словно не понимал, чего хочет командование. В успех операции он явно не верил.

— И хуже ситуации бывали, — попытался успокоить его Леха.

Комкор отмахнулся, опрокинул в себя содержимое жестяной кружки и прорычал:

— Тебя не удивляет, что корпусом командует всего лишь полковник? Секрет прост — это ж одно название, а не корпус. Две стрелковые бригады двухполкового состава, танковая бригада на железе, которое забыли в мартен отправить, и два отдельных полка — конный да гаубичный. Ну и остатки бригады морской пехоты. Между прочим, согласно первоначальному плану операции, в Феодосии должна была высаживаться армия, но потом переиграли — высадили всего лишь эту пародию на корпус. Весело?

— Не знаю, что и сказать...

— А я знаю! Мы наносим отвлекающий удар, чтобы оттянуть на себя часть сил противника из Севастополя и Керчи. Вот и бросили сюда тех, кого не жалко — второсортную пехоту и полковника, который за первый год войны две дивизии загубил. Непонятно только, за какие грехи смертные тебя сюда послали.

Часов начал догадываться, что попал на феодосийский плацдарм случайно, из-за Мехлисова самодурства, а на самом деле 87-й ТТПП планировалось посадить где-то в другом месте. Вероятнее всего, в районе Керчи. Однако попал он именно сюда, то есть воевать должен тоже здесь, а главное тут направление или отвлекающие действия — значения не имеет. Гораздо сильнее майора смутили слова Краснобородова про бригады второго сорта.

— Совсем необстрелянные солдаты? — переспросил он.

— Ну, не то чтобы совсем... — полковник отмахнулся. — Ты закусывай.

Закуска была богатая — миска соленых огурцов, помидоров и квашеной капусты. Рядом на обрывке газеты лежали ломти домашнего сала. Прожевав сочный зеленый помидор, Алексей повторил вопрос. Комкор нехотя напомнил о национальных дивизиях, формировавшихся нынешним летом из не слишком обученных призывников окраинных республик Кавказа и Средней Азии. Соединения воевали плохо, неумелые солдаты гибли сотнями, многие не считали зазорным сдаться в плен или просто дезертировать. После осенних боев на южном направлении от грузинской, армянской и двух азербайджанских дивизии осталось примерно три тысячи бойцов. Их отвели в родные места, пополнили

примерно таким же числом земляков-новобранцев и добавили остатки двух дивизий, укомплектованных жителями южнорусских областей.

— Я ждал чего-нибудь похуже, — с некоторым облегчением признался Часов. — Из такого контингента можно сколотить нормальную часть.

— Не хватило времени. Среди них есть неплохой народ, особенно — городские мужики. Из деревенских много таких, кто по-русски ни слова не понимает. Те, которые побывали на фронте, пытаются передать свой опыт. Но там еще национальные проблемы, ведь эти племена не сильно любят друг дружку... В общем, не надо ждать от них особого боевого духа — в атаку толпой побегут, но при первой возможности постараются залечь, и хрен ты их снова поднимешь.

— В бой не рвутся и к военному делу не особо пригодны, — резюмировал Алексей. — Тем не менее других солдат у нас не имеется. Показывай обстановку и ставь задачу.

С отвращением осмотрев дно пустой кружки, Краснобородов почесал седую щетину на горле и тоскливо признался, что задача соединения за последние пять часов менялась несколько раз.

— По первоначальной диспозиции от меня требовалось удерживать район Феодосии, одновременно продвигаясь на север, чтобы перерезать Парпачский перешеек, самое узкое место Крыма, и тем самым отсечь Керченский полуостров. Утром штаб фронта прислал новую диспозицию: продвигаться в западном направлении — на Судак и Новый Крым. Потом стало ясно, что немцы вот-вот ликвидируют все плацдармы возле Керчи и Камыш-Буруна. Мне приказали срочно двигаться на северо-восток и нанести удар в тыл 42-му немецкому корпусу генерала Шпонек. Ничего глупее придумать нельзя, потому как прорвать румынскую оборону мы, конечно, сумеем, однако потом придется почти сутки шагать по Керченскому шоссе. Кого немцы в течение дня с воздуха не положат, тех вечером встретят на подготовленных позициях. Сам должен понимать молодой-красивый.

— Чего уж не понять, — Часов решительно отобрал у полковника флягу и завинтил крышечку. — У нас приказ — разгромить корпус, а решение на бой принимать тебе. Лично мне очевидно, что надо наступать на север.

Скользнув по собеседнику тусклым усталым взглядом, комкор тихо сказал: дескать, лучшим решением сейчас было бы бросить подвижные силы на Симферополь, и тогда не только 42-й армейский корпус, но вся 11-я армия противника окажется в глубокой заднице.

— Увы, молодой-красивый, силенок не хватит... Краснобородов решительно встал. — Ты прав — если пробежим эти тридцать верст по перешейку, то запрем весь корпус в мышеловку. Пошли в оперативный отдел.

На бумаге, как водится, получалось, гладко. Противник удерживал периметр феодосийского плацдарма силами двух румынских бригад — 4-й горной и 8-й кавалерийской, сильно потрепанных в двухдневных боях за город. Мыслилось, что после короткой артподготовки лавина танков легко прошибет позиции кавалеристов, «черные дьяволы» ворвутся во вражеские окопы, уничтожая деморализованную живую силу, а 194-я стрелковая бригада и 68-й казачий кавполк, не ввязываясь в бой, войдут в прорыв вслед за танками. Тем временем 197-я стрелковая бригада будет удерживать Феодосию, а при благоприятном развитии событий постарается побить 4-ю горную бригаду противника. От ударной группы требовалось ускоренным маршем продвинуться вдоль железной дороги на 10–12 км к северу и овладеть большой деревней Владиславовка, возле которой сходились шоссе и рельсовые пути. Дальше к северу на берегу Азовского моря находилась деревня Ак-Манай, но там уже высадился воздушный десант — парашютисты разбили румынский гарнизон и захватили батарею береговой обороны. Общее командование группой прорыв комкор возложил на своего заместителя полковника Яковенко.

— Таким образом, взяв Владиславовку, мы отрежем немецкие войска в восточной части Крыма, — провозгласил Краснобородов. — После этого графу фон Шпонеку не останется иного выхода, кроме как вывести части из Керчи и попытаться выбить нас с этой дороги. Так что, Яковенко, заняв деревню, немедленно налаживай круговую оборону, ставь

минные поля, танковые засады, ну и все, как положено, чтобы встретить дорогих гостей, с какой бы стороны те ни пожаловали.

Для сохранения секретности в радиопереговорах командирам подразделений было строго наказано использовать кодовые названия. Отныне Владиславовку надлежало именовать Симферополем, селение Парпач — Ялтой, Ак-Манай — Бахчисараем.

Вернувшись в полк, Алексей вручил начальнику штаба карту и, собрав комбатов и ротных, поставил задачу. Козырнув, Низкохат увел разведзвод на передовую — уточнять положение противника на участке прорыва.

Выдвигаться в выжидательный район пришлось, как в той комсомольской песне, под грохот канонады. Услышав гудение множества моторов, противник принялся палить наугад из гаубиц и минометов. Время от времени со стороны вражеских окопов начиналась хаотичная винтовочно-пулеметная стрельба. Гаубичный полк 31-го корпуса не оставался в долгу, приступив к обработке румынских окопов осколочно-фугасными снарядами.

Расположиться в полутора десятках километров от передовой, как предписывали наставления, возможности не представилось — море и линию соприкосновения с противником разделяло втрое меньшее расстояние. Тяжелые танки кое-как разместились сразу за траншеями переднего края, а легкими Т-26, пехотой и артиллерией были забиты улицы на окраине города, где валялись слегка присыпанные снегом трупы немцев, убитых в ночь высадки десанта. Судя по всему, захваченные врасплох враги выскакивали из домов полуголыми, навстречу штыкам и пулям морских пехотинцев.

Лежа на горбе высоты 43.8, Часов невольно дергался от каждого разрыва: на тесном участке было сосредоточено слишком много войск, и даже неприцельная стрельба по площадям означала неизбежные потери. Тем не менее отвлекаться на печальные мысли, равно как и на изредка рвавшиеся поблизости снаряды, не было времени — за четверть часа они с Низкохатом и Зарембой скрупулезно поместили на схеме местности позиции неприятельских батарей, пулеметные гнезда, примерное расположение опорных пунктов. Занимавший соседний окоп офицер-наводчик выкрикивал в телефонную трубку невнятные артиллерийские ругательства. Уже сползая с высоты, Часов заметил, что корпусные пушки переносят огонь на цели в глубине.

— Ну, будем надеяться, что оборона хоть как-то подавлена, — пробормотал Заремба, когда они, пригибаясь, бежали к броневiku.

— Жидкая получилась артподготовка, — Алексей сокрушенно выдохнул проклятие. — Напугать напугали, а подавить — навряд ли.

Стальные борта «скаута» защитили их от осколков, близкого взрыва мины, но Часов почувствовал себя спокойнее только в башне ИСа. Ровно в 6.00 умолкла артиллерия, и танки двинулись вперед предбоевыми колоннами. Возле переднего края матросы в бушлатах светили фонариками, показывая проходы. Грузно перевалившись через траншеи, тяжелые танки прибавили обороты, разворачиваясь в боевую линию.

Румыны, словно в шутку, открыли огонь из пулеметов, малокалиберных пушечек и противотанковых ружей. Изредка небольшие куски металла звякали по броне, оставляя царапины. Танкисты, даже неопытные новички, действовали как положено — расстреливали выявленные огневые точки с коротких остановок. Километр с небольшим, отделявшие советский передний край от неприятельского, полк ИСов преодолел за считанные минуты, танки пробили проволочное заграждение и постреливая всеми стволами, ринулись на окопы, а в свете выстрелов были видны фигурки убежавших вражеских солдат.

Танк Часова двигался чуть позади линии машин, так что комполка мог наблюдать действия своих подразделений. Наступавший на правом фланге батальон Черкесиани замешкался, нарвавшись на батарею противотанковых пушек, но умело сманивировал, расстрелял узел сопротивления и ворвался на позицию, давя гусеницами все, что там имелось. Батальоны Литвина и Сазонова наступали без задержек, из пушек почти не стреляли, расчищая путь густым пулеметным огнем.

— Литвин, перед тобой гаубицы, — сказал в микрофон Алексей. — Не лезь в лоб, обходи.

— Сообразил уже, — откликнулся комбат-1. — Супрунов пошел слева.

«Вот когда нужна рота автоматчиков, — подумал Алексей. — А лучше — батальон. На раз-два бы разобрались с этой батареей...» Обернувшись, он увидел выделявшиеся на фоне горевших построек низкие силуэты десятков Т-26 и цепи наступающих «черных дьяволов». Вроде бы там было все в порядке. Морская пехота уже приближалась к траншеям противника.

— Некультурно получилось, товарищ майор, — немного разочарованно произнес Андрюха Коротков. — Ни одного выстрела не сделали.

— Мы еще постреляемо, — успокоил его заряжающий Степан Майдебур. — Буде и на нашей вулицы свято.

Пострелять пришлось буквально через две минуты — пушки противника неожиданно открыли огонь из колхозной фермы. Несколько сараев и других каменных построек окруженные частоколом сбросивших листву фруктовых деревьев, были неплохим укрытием, и батальону Сазонова пришлось повозиться, расстреливая окопавшихся артиллеристов. Один снаряд скользнул по лбу башенной брони часовской машины, не причинив серьезных неприятностей, если не считать звона в ушах. Коротков трижды стрелял по ферме и уверял, что именно его снаряд вызвал взрыв вражеских боеприпасов.

Дальше танки медленно катились неровной линией, не встречая сопротивления. В шести километрах от исходного рубежа Часов приказал батальонам остановиться и привести в порядок изрядно перемешавшиеся подразделения. Время приближалось к семи утра, времени до позднего зимнего рассвета оставалось больше чем с избытком.

Чуть позади часовского хозяйства гудели слабосильные моторы легких танков — командиры собирали свои расползшиеся по всему полю машины. Неторопливой рысью подтянулся кавалерийский полк. Казаки расположились вокруг танкового стойбища, несколько разездов ускакали в ночь. Низкохат тоже увел своих орлов на север — разведать обстановку на последнем участке марш-броска.

В ожидании отставших тылов Алексей поднялся на, пригорок, где обнаружил подполковника Данилова, командира легкотанковой бригады. Эту часть сколотили из последних Т-26, чудом уцелевших после полутора лет сражений. Старые машины собрали со всего фронта, отремонтировали на тбилисском заводе и послали в Крым. Конечно, Т-26 мало чего стоили в современном танковом бою, но народ в бригаде подобрался бывалый, так что для непосредственной поддержки пехоты эти тонкобронные старички пригодятся.

Данилов задумчиво смотрел на юг — там, где-то возле Феодосии, продолжали сверкать вспышки выстрелов и взрывов. Отчетливо доносился далекий грохот продолжавшегося сражения.

— Как оно было позади нас? — поинтересовался Часов.

— Веселее, чем я боялся, — засмеялся подполковник. — Когда я начал утюжить окопы, румыны уже отошли на вторую линию траншей. Но морячки ворвались вслед за бегущими и пошла штыковая потеха. Казаки тоже многих порубали. Я не стал задерживаться, поспешил за тобой.

— Отставшие есть?

— Немного. Четыре машины подбито, еще две тут совсем рядом встали — механики надеются починить.

Подсвечивая прикрытыми светофильтрами фарами, о них проехал и остановился в десятке метров штаб 87-го полка — грузовичок ЗИС с крытым кузовом. Рядом встали артиллерийские тягачи. Увидав четыре «халф-трака», Данилов завистливо присвистнул. Из штабной машины выпрыгнул Заремба и, взглядываясь в темноту, негромко произнес:

— Мужики, майора Часова не видели?

— Так он вчера от сифилиса помер, — откликнулся Леха. — Вот идут его комбаты, могут подробности рассказать.

— Шутник хренов, — фыркнул начштаба. — Чего стоим?

— Пехота подтянется — и дальше двинем.

Три комбата отрапортовали, что потерь и серьезных повреждений нет. Литвин осведомился: когда, мол, двинемся на Симферополь. Часов ответил, что Низкохат уже под Симферополем, а скоро и мы там будем. Гаврилей, проспавший в штабном грузовике всю подготовку и первую часть боя, слушал эти разговоры с явным недоумением и переспросил:

— А когда на Керчь пойдем? Я точно знаю — был приказ наступать на восток.

— Наступление на восток отменяется, — обрадовал его Часов. — Будь готов — через полчаса выступаем, через час — начнется бой.

— Вы мне прекратите самодеятельность, — шепотом зашипел замполит, который надеялся, что бой начнется не так скоро. — По какому праву не выполняете приказ фронта?

— Так надо... — Алексей отмахнулся. — Ты, капитан, человек цивилизный, долго объяснять придется. Занимайся своими делами.

— Займусь, обязательно займусь...

Часову почудилось, что в голосе Гаврилея прозвучала угроза. Майор успел подумать: «Не дай бог, опять соберет личный состав на митинг и станет глупости болтать...» Однако проинструктировать замполита он не успел, потому как из темноты нарисовался знакомый парнишка-адъютант, радостно гаркнувший:

— Наконец-то нашел! — и добавил потише: — Товарищ майор, вас полковник Яковенко вызывает. И комбрига Данилова тоже.

Своего штаба у командира оперативной группы не имелось, он рассчитывал на штаб 194-й бригады, но штаб вместе с бригадой застряли на марше. Полковник злился, и Часов издали услышал могучую брань. Полковника урезонивал рассудительный голос:

— Ты не кипятишься, Григорий, — это был, конечно, подполковник Пажитнов, командир кавалерийского полка. — Ночью в чистом поле заплутать — обычное дело даже для опытных командиров.

— Сам знаю, что ночью все холмы серы! Но как можно заплутать, если сказано — идите вдоль рельсов и не сворачивайте? Не в Сибири, мать вашу, наступаем! — Яковенко хмуро посмотрел на танкистов. — Готовы?

Данилов бодро ответил, что танки всегда готовы. Часов поддержал комбрига и добавил:

— Может, попробуем захватить деревню одним броском — только танки и кавалерия? Пехота потом приковыляет.

— Так и сделаем, — решил полковник. — Главное — наглость и внезапность.

Пока они отрабатывали на карте штурм деревни, подъехал пожилой джигит на гнедом коне. Оказалось, что прибыл полковник Асватуров — командир потерявшейся стрелковой бригады. По его словам, колонна без конца натыкалась на группы отступавших румын, и солдаты темпераментно бросались в погоню, после чего приходилось собирать подразделения. В общем, первый полк бригады подтянулся, и Яковенко приказал Асватурову, не задерживаясь, продолжать марш вдоль железной дороги.

Танки снова потянулись по пересеченной местности. Тяжелый полк двигался в авангарде. Сразу после головной заставы — рота ИСов старшего лейтенанта Зайцева и сотня казаков — грохотал гусеницами танк Часова.

Дорога петляла между холмами. Начинало рассветать, но повалил густой, хоть и мелкий снежок, так что видимости не прибавилось. В трех километрах от Владиславовки, где рельсы резко уходили вправо, огибая невысокую горку, Часов увидел, что застава остановилась. Подъехав, он обнаружил рядом с танками броневики разведзвода.

Ловко забравшись на командирскую машину, Низкохат доложил:

— Такое дело, майор. В километре отсюда на дороге стоит батарея сто пятаков. Расчеты — фрицы. А в самой деревне стоят румыны. С юга и востока вырыты окопы, но с запада обороны нет. Если обойти эту горку — ударим с тыла.

— Показывай дорогу, — приказал Алексей.

Данилов и Пажитнов согласились с его решением, и три командира частей быстро распределили участки.

Обогнув гору по неприятной, но проходимой тропе, 87-й полк оказался перед восточной окраиной большой, раскинувшейся по холмам деревни. Переключившись на прямую передачу, танки рывком преодолели заснеженные поля. Здесь Часов остановился, не желая гробить машины в хаосе уличного боя.

Заглянув в ближайшие дома, казаки привели местных жителей — старика и двух крестьянок среднего возраста. Те не сразу поверили, что пришли свои. Потом, поверив, бабы разревелись. Старик тоже шмыгал носом, утирал глаза драной ушанкой и бормотал:

— Натерпелись мы тут без вас... наконец-то вернулись...

— Немцы зверствовали? — понимающе спросил Пажитнов.

Справа, куда направились легкотанковая бригада и казачий эскадрон, донеслась ожесточенная пальба легких пушек Данилов и эскадрон казаков атаковали с тыла батарею, понял Алексей. Боязливо оглянувшись на звук боя, крестьянин поведал, что немцы с румынами шалили помаленьку, а зверствовали татары.

— Каждую ночь нас резали, — всхлипывая, подтвердила тетка постарше. — Словно не соседями были... говорили, ни одного русского и хохла не оставим, наша будет деревня.

К ним подбегали жители других домов — обнимали и целовали красноармейцев, плакали от счастья, рассказывали о тяжелой жизни под оккупантами. Сцена получилась трогательная, но и поучительная — Часов впервые понял, что дружба советских народов оказалась не такой уж прочной.

Прервав бабское кудяхтанье, Пажитнов попросил крестьян показать подразделениям, где расположены вокзал, вражеские гарнизоны, полиция, комендатура. Посадив несколько женщин посимпатичнее на лошадей, два эскадрона вошли в деревню, растекаясь по улочкам.

Полк тяжелых танков с приданным эскадроном обошел деревню с северо-западной стороны, атаковав казармы румынского полка. Противник оказал неожиданно упорное сопротивление, закрепившись в окраинных домах и на кладбище. Пришлось использовать танки в качестве самоходных пушек — ИСы выпустили по несколько осколочно-фугасных и шрапнельных снарядов, после чего казаки, спешившись, пошли в атаку и выбили румын с удобной позиции.

Уже совсем рассвело, выстрелы слышались по всему периметру Владиславовки. Вестовой привез записку от Яковенко: полковник сообщал, что к деревне подходят передовые батальоны стрелковой бригады, и приказывал поддержать атаку вражеских позиций на восточной окраине. Впрочем, пока танки добирались до места, пехота при поддержке танкистов Данилова покончила с противником. Подходившие батальоны Яковенко прямо с марша направлял в деревню — добивать очаги сопротивления и прочесывать дворы.

Второй полк асватуrowsкой бригады, не поспевший к захвату Владиславовки, полковник посадил на собранные у крестьян подводы и погнал дальше на восток. Туда же отправились вся кавалерия и даниловское хозяйство — их задачей стал захват деревни Парпач. Часову полковник приказал организовать противотанковую оборону дорожного узла Владиславовка совместно с полком асватуrowsкой бригады.

Бой за город уже заканчивался, пехотинцы выводили из деревни колонны пленных. Часов приказал укрыть машины в строениях свинофермы и между домами, накрыть маскировочными сетями и организовать кормежку личного состава. Свиней на ферме, конечно же, в помине не осталось: крестьяне уверяли, что клятые оккупанты всю живность частью сожрали, а частью — вывезли в Немеtчину. Майор заподозрил, что местные жители принимали активное участие в пожирании колхозных хрюшек, но мыслей своих вслух не высказал.

Старшина организовал макароны с американскими консервами. Кухня расположившегося по соседству стрелкового батальона, как выяснил сходявший на разведку Стекольников, варила рисовый суп на бульоне из добытых неведомым образом кур.

— У пехоты с этим проще, — позавидовал капитан Сазонов. — Нашего брата от добычи железная коробка отделяет. А пехотинец или конник зашмыгнул во двор, протянул руку — вот тебе поросенок или парочка курей. Считай, обед на всю роту.

— Мир устроен несправедливо, — согласился капитан Раппопорт, перед войной писавший диссертацию по философии. — Вселенная несовершенна.

Гаврилей заворчал что-то про мародерство, но Заремба строго прикрикнул на замполита: мол, с ним еще будет особый разговор в особом отделе. Гаврилей молниеносно притих.

— Что еще он натворил? — грозно осведомился Часов.

Начштаба доложил, что во время марша к Владиславовке капитан Гаврилей написал донос: дескать командир полка в преступном сговоре со штабом корпуса отказались выполнять приказ фронта и вместо Керчи двинулись на Симферополь.

— Требовал от меня передать эту клязу по радио открытым текстом, — хохотнул начальник связи полка старший лейтенант Убиенных. — Короче говоря, склонял выдать противнику совершенно секретные сведения о направлении наступления.

— Да бросьте вы глупости болтать! — огрызнулся замполит, потрясая ложкой. — Можно подумать, немцы могут подслушивать наши разговоры! Да и что они поймут — ведь мы по-нашему говорим, по-русски, а не по-ихнему.

Он осекся, недоуменно глядя на покотившихся с хохоту однополчан. Часов проговорил, посмеиваясь:

— Вот именно так и скажете дознавателю военной контрразведки. — Майор добавил задумчиво: — А стоило бы передать эту депешу. Ждали бы нас немцы сейчас возле Симферополя... Вы, капитан, на допросе не забудьте упомянуть, что по дороге комполка сбился с курса и вместо областного центра захватил какую-то деревню.

— Шутки шутками, а все крымские дороги в Симферополе сходятся, — Заремба вздохнул и в сердцах стукнул кулаком об кирпичную стенку свинарника. — Если бы пробиться к областному центру да перерезать фрицам все коммуникации...

Часов грустно напомнил, что в ближайшие дни придется забыть о молодецких прорывах по горным дорогам, а думать лишь о прочной обороне. Тщательно выскоблив ложкой дно миски, он продолжил:

— Поставим себя на место противника и не будем забывать, что Манштейн — не дурак в военном деле. Мы рассекли его армию надвое. В первую очередь Манштейн постарается вернуть Владиславовку и восстановить связь с Керченским полуостровом.

— Снимет войска с Севастопольского участка и бросит на Феодосию, — подхватил Заремба. — Там две хорошие дороги: одна — вдоль берега через Ялту Алушту и Судак, а вторая — через Симферополь, Карасубазар и Старый Крым.

— Я бы на его месте и Керченский участок ослабил, — заметил Часов. — Так что передышка — не надолго, надо вскорости ждать гостей со всех сторон.

Как бы подтверждая его слова, появились разрисованные крестами истребители. Не обращая внимания на очереди зенитных «максимов», с десятков самолетов носились над Владиславовкой, расстреливая из пулеметов не успевших спрятаться. Танкистов защитила добротная кирпичная кладка, но пехотинцам пришлось несладко: солдаты разбежались, пытаясь спрятаться за домами, между голыми стволами деревьев, многие были сражены лившимся с неба металлом.

Когда истребители улетели, израсходовав боекомплект. Часов осторожно выглянул из строения. Где-то севернее промелькнула в разрывах облаков еще одна эскадрилья — наверное, немцы шли бомбить плацдарм в Ак-Мане. Учитывая нехорошее развитие событий, комполка предложил Зарембе быстренько навернуть добавку и отправляться за указаниями.

Штаб оперативной группы поселился в здании вокзала. Связисты уже наладили обмен телеграммами с Феодосией, и комкор прислал Яковенко подробную депешу.

После разгрома румынской кавбригады и прорыва на Владиславовку полковник Краснобородов развернул морскую пехоту в тыл горной бригаде, одновременно бросив в атаку 197-ю стрелковую и остатки танкового батальона. Румыны, бросив тяжелое вооружение, отступили в Старый Крым, корпус продвинулся в северном и западном направлениях и занял важную развилку дорог.

Противник двинул на Феодосию по приморскому шоссе до двух пехотных полков из Севастополя, но прикрывавшая десант эскадра расстреляла эту колонну в районе Алушты. Воздушная разведка обнаружила еще одну колонну численностью до пехотной дивизии, которая совершает марш через горы и в 9.00 достигла Симферополя. По колонне будут наноситься бомбоштурмовые удары, эскадра передислоцируется на траверз мыса Меганом, чтобы держать шоссе под обстрелом. Тем не менее следует ждать, что немецкая дивизия к ночи соединится с остатками румынских бригад. С этой позиции противник сможет атаковать как Феодосию так и Владиславовку.

— А теперь главное, — сказал Яковенко, хмуро поглядев на собравшихся командиров частей. — Через час после начала боя за Владиславовку противник вывел крупные силы из боя за Камыш-Бурун и Керчь. Сейчас в нашу сторону движется с востока длинная колонна — немцы и румыны. Бронепоезд будет здесь часа через два-три, румынская мотобригада и немецкие грузовики с гренадерами и пушками — через три-четыре, а к сумеркам подоспеют те, кто пешком шагает. Поэтому я уже приказал Асватурову: если не может быстро взять Парпач — пусть занимает оборону на подступах. Сейчас для нас главное — подольше удерживать Владиславовку не выпуская немца из ловушки. Часов, твоя задача — долбануть бронепоезд и рассеять автомобильную колонну и вернуться сюда, как только позволит обстановка. Твой полк — наш единственный подвижной резерв.

Леха привычно козырнул, но все-таки заметил: дескать, долго можем не продержаться, если две дивизии с двух сторон навалятся. В ответ он услышал, что долго держаться и не потребуется, потому как немцы ослабили оборону Керченского полуострова, а там аккурат шторм кончился и удалось перебросить на плацдарм дополнительные силы 44-й армии. Яковенко надеялся, что скоро несколько дивизий перейдут в наступление и завтра к вечеру будут на Парпачском перешейке.

— Нам бы только день простоять да ночь продержаться, — вырвалось у Часова. — Дайте хоть сотню казаков или роту пехоты. Ставить в оборону танки без прикрытия — верная смерть.

Полковник кивнул и набросал записку для Асватурова. О зенитном прикрытии никто не произнес ни полслова — знали, что чудеса случаются лишь во сне, и не стоит попусту говорить о несбыточном. На общее счастье, низкие облака повалили снегом, поднялся ветер, даже слабая метель разразилась. Немцы в такую погоду не летали, так что полк прибыл к назначенному рубежу без осложнений.

Во время марша Часов с помощью начштаба разобрался в особенностях местного рельефа. Севернее Владиславовки тянулся с востока на запад Парпачский хребет — цепочка холмов не выше двухсот метров. Восточным концом эта пародия на Гималаи упиралась в деревню Парпач и одноименное озеро. Решение казалось очевидным: расставив танки и пушки на склонах так называемых гор, можно было держать под огнем всю долину и устроить кровопускание любому, кто захочет без разрешения пройти мимо Парпача к Владиславовке.

Марш продолжался около получаса, чуть больше времени потребовалось, чтобы занять машинами позицию на холмах. В бинокль были видны костры вокруг деревни и в самом Парпаче — вероятно, горели даниловские Т-26. Снегопад уже закончился, и Леха разглядел, как из деревни выбегают люди в шинелях, за которыми скачут кавалеристы, рубят бегущих и сами падают под выстрелами. Нетрудно было понять, что сражение заканчивается успехом 194-й бригады. Оставив полк на Зарембу, Часов поехал в Парпач.

Бой здесь был жарким — на подступах к селению и на улицах Алексей насчитал не меньше трех десятков подбитых танков. Часто попадались раненые красноармейцы, тут и

там пленные носили и складывали штабелями убитых — наших и немцев отдельными рядами. Солдаты-кавказцы заметно мерзли: ежились в шинелях, жались поближе к кострам, хотя настоящего мороза не было — от силы пара градусов минуса. Бойцы выглядели усталыми, но бодро переговаривались по-своему. Наверное, обменивались впечатлениями о недавнем штурме деревни.

Поплутав в поисках штабной избы, Часов наслушался разговоров и смог составить впечатления о том, как развивался бой. Первый батальон и рота Т-26 кинулись в атаку прямо с марша, нарвались на организованный огонь и откатились, оставив на снегу десятки убитых и горящие танки. Подошедший со следующим батальоном комполка майор Митошенко, не раздумывая, повторил атаку с тем же успехом. Майор погиб, пытаясь поднять залегшие цепи.

Потом подошли остальные подразделения 756-го полка, казачий полк и два батальона легких танков, а ними — комбриг Асватуров. Подполковник уже знал, что штурм деревни отменяется, но понимал, что лишь победа поднимет моральный дух солдат. Комбриг грамотно расставил минометы и древние полковые трехдюймовки, под прикрытием жидкого града снарядов танки подтянулись поближе, расстреливая огневые точки противника. Вслед за танками в деревню ворвались пехотинцы и конники, и после часового боя на корявых улочках немцы с румынами были выбиты из населенного пункта. В заснеженном поле казаки настигли врага, прижали к озеру и порубали, сами потеряв почти треть личного состава. Короче говоря, воевали, как в прошлую зиму — числом и нахрапом.

Принявший командование участком Асватуров сидел в избе, голый по пояс, и здоровенная тетка в петлицах медицинской службы бинтовала простреленное плечо. Несмотря на чрезмерную волосатость, на лице и теле подполковника нетрудно было разглядеть множество отметин, оставленных пулями, осколками и клинками.

— Гражданская война? — осведомился Часов, показывая на старый сабельный шрам.

— Те же времена, но другие участники, — мрачно сообщил подполковник. — Я командовал ротой в армянской армии, воевал со всеми соседями. Были, сынок, такие войны, о которых сейчас в военных академиях вспоминать не положено. Вот эти два рубца — от турецких клинков, это — осколок грузинского снаряда, а рядом — азербайджанская пуля. Штык в правый бок я заработал, когда наш полк поднял восстание против дашнакской сволочи, а на спине есть шрапнельные отметины со времен Брусиловского прорыва и совсем свежая — от осколка на «линии Маннергейма»... — Асватуров поморщился. — Ты полегче, Антоновна, не собаку лечишь.

— Не собаку, — охотно согласилась тетка-военврач. — Кобеля старого.

Самодовольно заржав, комбриг подмигнул Часову и весело сказал:

— А ты, танкист, откуда взялся? Нет, не говори, я сам — он темпераментно взмахнул здоровой рукой. — Гриша Яковенко прислал тебя на место убитого командира...

Услыхав про поставленный в засаду полк тяжелых танков, подполковник сильно удивился и проговорил с обидой в голосе: дескать, будь у него этот полк два часа назад, потерь при штурме было бы вчетверо меньше, груды убитых и десятки сгоревших вокруг Парпача танков разозлили Часова, поэтому майор огрызнулся:

— Чтобы потерь было меньше, не надо ходить в атаку без артподготовки.

— А если такой умный, зачем ко мне, дураку, пришел? — совсем обиделся комбриг.

— Взаимодействие налаживать, согласовать секторы огня, сигналы, взаимную поддержку, — поведал Алексей. — В уставе по пунктам перечислено. Позови Данилова и Пажитнова, надо быстро детали согласовать.

— Нету их, — буркнул Асватуров. — Царство небесное... Казака в атаке застрелили, а танкисту здесь уже, после боя, какая-то сука из местных пулю в спину пустила. Солдатики сгоряча полезли в тот дом, а их из окон автоматами положили. Пришлось гранатами закидать. Командиры и замполиты еле удержали джигитов, а то бы всех татар в деревне вырезали.

— Во Владиславовке тоже были нелады, — сказал Алексей, удрученный печальным

известием. — Народ злой на татар. Как бы до самосуда не дошло.

— Чтобы решать национальные конфликты, у нас НКВД есть, — провозгласил Асватуров. — Ладно, соберем военный совет.

От казаков явился раненый майор, от танкистов — покрытый копотью капитан. Они наскоро прошли по всем пунктам полевого устава, нарисовали положенные схемы. Часов пометил на картах и схемах высоты, на которых смогли устроиться тяжелые танки и батарея противотанковых ЗиС-3. Штабные операторы стрелкового полка показали расположение своих частей и огневых позиций. Получалось, что поле вокруг селения будет простреливаться перекрестным огнем, но Асватурову следовало позаботиться о правом фланге, который висел неприкрытый в ровном поле.

После долгих понуканий с размахиванием записки от Яковенко комбриг весьма неохотно выделил в распоряжение 87-го ТТП конную сотню, но связь тянуть отказался.

— Нет у меня кабеля, — сварливо заявил комбриг. — Пускай твои телефонисты побегают.

«Держи карман шире», — подумал Алексей и сказал:

— Будем держать связь по радио. В некоторых «двадцатьшестерках» есть рации.

На прощание он напомнил капитану-танкисту, что: бы не смел бросаться в контратаки, укрыл машины в оврагах и окопах, закидал ветками и вообще бил врага из укрытий.

Время поджимало, и Часов приказал водителю гнать на полной скорости. Следом за «скаутом» поскакали десятка три всадников — сильно поредевшая казачья сотня.

В расположение полка к своим Леха вернулся как раз вовремя. С плоской крыши высотки, на которую вползли командирский танк, штабной грузовик и бронетранспортеры артбатареи, уже был виден бронепоезд. На группе холмов справа от Часова стоял 2-й батальон Черкесиани (позывной — Ель), по левую руку расположился 1-й батальон (Кедр). Самый малочисленный 3-й батальон Сазонова (Сосна) майор оставил в резерве на дороге между высотами, а казакам приказал занять оборону впереди танков.

Снег сыпал то гуще, то реже, но разглядеть поле предстоящего боя было возможно. Бронепоезд медленно пыхтел в трех километрах от позиций танкистов. Параллельно рельсам тянулась шоссейная дорога, по которой шли на Парпач колесные и гусеничные машины. Выдвинувшийся вперед Низкохат насчитал в колонне до полусотни грузовиков, полтора десятка легких броневинов, пяток самоходок на базе трофейных БТ и несколько легких танков чехословацкого производства. Еще два танка непонятного типа стояли на платформах бронепоезда.

Не поверив, Алексей долго всматривался и убедился, что так и есть — над бортами передней тележки выглядывали корпус и башня характерной формы — безусловно, это был американский «Грант». Казалось, в один состав наскоро собрали все бронированные вагоны, какие попали под горячую руку сумрачного германского гения: бронированные платформы для пехоты и полевых пушек, разнотипные вагоны с танковыми башнями, зенитными пушками и пулеметами, громоздкие вагоны-сейфы, прицепленные по сторонам от паровоза. На двух секциях поезда были установлены по две башни от Pz.IV старых модификаций — с короткоствольной пушечкой, а на переднем «сейфе» Часов с удивлением опознал башни от старого Т-34 и БТ-7. В любом случае, такая артиллерия ИСам была не страшна, хотя могла сильно попортить кровь танкистам на Т-26, пехоте и кавалеристам.

Между тем бронепоезд остановился, не доезжая озера. Расстояние было слишком большим для стрельбы прямой наводкой, а по-другому танкисты умеют плохо.

Автомобили мотобригады тоже тормозили на восточном берегу Парпача. Солдаты разворачивали орудия, пехота строилась в ротные колонны.

— Раппопорт! — позвал Алексей. — Разбей эту ржавчину на рельсах, а потом — беглый огонь по скоплению живой силы.

Первый же залп батареи накрыл мишень. Два столба огня и снега взметнулись перед вагонами, один снаряд упал с перелетом, один попал в большой вагон с танковыми башнями.

Не дав противнику опомниться, пушкары стреляли без перерыва, подожгли два вагона и повредили паровоз. Бронепоезд дал задний ход, выходя из-под обстрела, но снаряды все равно попадали в крепость на рельсах. Ответный огонь по стоявшим на возвышенности орудиям был неточен и вовсе прекратился, когда командир батареи собственноручно всадил бронебойную болванку под башню Pz.IV. Судя по вспышке, сдетонировали боеприпасы, и рвущиеся волю раскаленные газы разворотили весь вагон.

Восхищенный Заремба спросил Алексея:

— Правду говорят, что Борис — профессор математики?

— Брехня. — Часов отмахнулся. — Перед самой войной в аспирантуру поступил. И не математик, а что-то вроде астронома. Но все цифры и формулы в голове держит и без арифмометра данные для стрельбы вычисляет.

— Здорово стреляет, — начальник штаба уважительно посмотрел на высокого грузного командира батареи. — Только не пойму, на хрена астроному математика нужна... Звезды пересчитывать, что ли?

— Наверное. Я тоже не понял. — Часов пожал плечами и снова поднес бинокль к глазам. — Он странные вещи рассказывал про свою работу — что-то вроде философских проблем астрономической физики. Говорит, есть такая загадка — звезды разбегаются. В общем, муть зеленая.

— Не знаю, как звезды, но румыны попали под обстрел и не разбегаются, — задумчиво заметил Заремба. — Вот действительно загадка...

Изменив прицел, ЗиСы послали осколочно-фугасные залпы по разворачивавшейся мотопехоте. Заговорила и артиллерия защитников Парпача — полковые пушки и минометы. Беспокоящий огонь заставил румын и немцев зашевелиться. Главные силы они двинули на селение, а несколько бронетранспортеров и STUG III в сопровождении пехотной роты направились к горам, на которых засели артиллеристы.

Бронепоезд, успевший затушить часть пожаров, тоже пополз вперед, постреливая по высоте. Один из снарядов разорвался в десятке метров от штабного грузовика. Хотя никого не задело, Часов приказал всем укрыться. Экипажи танков нырнули в люки, но штабные, связисты и пушкары такой защиты не имели и попрятались за камнями. «Снова будут потери», — печально подумал Алексей. Злой и разгоряченный, он крикнул в микрофон:

— Этих, которые на нас идут, подпустим на прямую наводку! Литвин гробит железку, Васику — пехоту, Раппопорт продолжает обработку толпы, наступающей на Парпач.

Предбоевые колонны вражеской пехоты ускоренным шагом шли по узкому месту между хребтом и озером, понесли какие-то потери, но все-таки вырвались на широкое заснеженное поле и начали растекаться, перестраиваясь в цепи для атаки. Их было до трех тысяч штыков — больше, чем оставалось в распоряжении Асватунова.

На холме, где стоял танк Часова, все чаще рвались снаряды, появились убитые и раненые среди артиллеристов и связистов. Главную угрозу представлял бронепоезд, и Часов приказал покончить с живучей машиной. Словно обрадовавшись, оглушительно загрохотали танковые пушки. Точность на дистанции в полтора километра была далеко не отличной, но снаряды изредка попадали в цель, загорелись два броневагона. Состав резко притормозил, получил еще пару попаданий, в третьем спереди вагоне произошел сильный взрыв, от чего передние платформы сошли с рельсов.

Несмотря на тяжелые повреждения, экипаж бронепоезда продолжал стрелять из обеих оставшихся пушек, а с концевых платформ сползли трофейные «Гранты», из вагонов выбегали пехотинцы. Теперь против полка тяжелых ИСов наступали не меньше трехсот солдат при поддержке семи бронированных машин.

— Настырные гады, — прокомментировал Андрюха, прижавшись глазом к накладке прицела. — Видят же, какая здесь сила, но все равно лезут.

— Привыкли, что никто против них устоять не может, — с ненавистью сказал мехвод Серега. — Думают, что и мы побежим.

После недолгого молчания Коротков шумно выдохнул и нажал педаль ножного спуска.

Ближайший «Грант» загорелся, прополз еще немного и встал. Пламя красиво вырывалось из громадной дыры в лобовой броне.

— Первый, — сосчитал наводчик и начал разворачивать башню.

Теперь стреляли все танки, стоявшие на трех холмах. Наверное, некоторые наступавшие успели удивиться — вместо батареи дивизионных пушек их встретила огненная смерть из двух десятков тяжелых стволов. Танки, броневики и самоходки были сметены в первые же минуты, после чего в пехоту полетела шрапнель осколочно-фугасные снаряды. Цепи стремительно поредели и покатались назад. Успевшие отступить укрылись за железнодорожной насыпью и бронепоездом, полыхавшим от первого до последнего вагона. Момент взрыва паровоза Часов упустил, наблюдая за отражением атаки. Впрочем, подробности не имели значения, потому что про переставший стрелять бронепоезд можно было пока забыть.

Самые важные события происходили сейчас на подступах к селению. Противник перебежками приближался к позициям 726-го полка. Среди разрозненных групп пехоты ползли чехословацкие уродцы и какие-то странные танкетки — как выяснилось после боя, это были румынские R-1. Примерно через четверть часа пехотинцы и гранадеры накопятся на дистанции, с которой можно подниматься в атаку.

— Андрюха, подгони машину к пушкарям, — приказал Часов и, когда танк остановился возле батареи, взмахом подозвал Раппопорта. — Борис, какой поставить прицел, чтобы накрыть поле перед деревней?

Капитан, не задумываясь, назвал цифры. Минут десять ушло на передачу данных в подразделения. Этот способ стрельбы в полку еще не применялся, поэтому разброс снарядов был ужасный, но в общем удалось причесать изготавившуюся к атаке пехоту.

Они все-таки поднялись из снега и бросились на деревню. Впереди наступающих растянулись линией танкетки и чешские танки. Неровные цепи хлынули навстречу пулеметным очередям и винтовочным залпам сквозь заградительный огонь минометов и вспухавшие над головой облака шрапнельных разрывов. Наступавшие смогли пробежать от силы половину расстояния, остановились далеко от переднего края обороны и побежали обратно, оставляя за спиной горящие танкетки, поле перед селением наверняка было завалено сотнями трупов.

Народ на макушке холма восторженно завопил. Наверное, такие же радостные выкрики на многих языках братских советских народов звучали сейчас и в окопах вокруг Парпача. Сегодня они совершали чудо за чудом — прорвали вражеский фронт, освободили две большие деревни, отбили атаку и отправили в преисподнюю большую кучу врагов. Воодушевление переполняло бойцов, страхи ушли в глубину сознания. В следующем бою они будут драться увереннее, сознавая свою силу.

Провожаемые огнем немцы и румыны отступили к озеру и здесь залегли. Часов не видел подробностей, но не сомневался, что противник окапывается, зарывается в снег и мерзлую глину, чтобы повторить атаку, когда подтянутся отставшие подразделения. Те не заставили себя ждать — голос Низкохата прогудел из наушников:

— Леха, на подходе не меньше двух полков и артиллерия на конной тяге. Спешат, гады, и по дороге топают, и прямо через поле.

— Танки есть?

— Нету танков. — После паузы разведчик доложил виноватым голосом: — Меня обнаружили, пришлось отойти.

Он добавил, что снял с убитого офицера документы, из которых следует, что на Парпач идет 46-я пехотная дивизия 42-го армейского корпуса.

— Отходи, не печалься, — приказал Алексей. — Займи запасную позицию. Когда подойдут те два полка?

— Примерно через час.

Немцы идут от самой Керчи, прикинул Часов. Устали замерзли, поэтому сделают передышку, развернут артиллерию. В наступление пойдут не раньше четырех-пяти вечера,

то есть уже в темноте. Хреново — в огне ракет и танковых фар видимость плохая, осветительных снарядов мало, прожекторов нет, стрелять придется наугад. А если в Парпач ворвется даже ослабленный потерями немецкий полк, то асватуrowsкому воинству придется очень несладко. Да и танкистов 87-го ждут неприятные моменты, когда на эти холмы обрушатся залпы 150-мм гаубиц. Впрочем, подполковник Асватуров, получив сообщение о приближении крупных сил противника, бодро сказал: дескать, пусть приходят — встретим, как положено.

В 15.27 Алексей увидел голову подходящей колонну. В 15.32 Низкохат доложил, что видит вдалеке еще одну пехотную колонну. В 16.11 Сазонов доложил, что в распоряжение его батальона вышел отряд парашютистов из Ак-Маная.

Подъехав к Сазонову, Леха от души порадовался своевременно появившимся десантникам. Полная рота — почти двести крепких, рослых солдат и командиров. Вот из таких же прекрасно подготовленных бойцов состояла армия, преступно угробленная в бессмысленных атаках под Изюмом. С парашютистами пришли полсотни красноармейцев, выглядевших не так героически, но злых и готовых рвать фашистов в клочья.

Капитан-десантник весело рассказал, как их батальон ворвался в деревню Киет, разогнал румынский полк и освободил наших, попавших в плен на керченских плацдармах. Освобожденных отогрели спиртом, вооружили трофейным оружием и поставили в строй.

— Вовремя вы появились, — сказал очень довольный таким подкреплением Часов. — Скоро на нас пойдут не меньше двух немецких полков и остатки румынской бригады. Так что занимайте оборону на вон том холме и согласуйте взаимодействие с капитаном Сазоновым.

Он поручил замполиту Рябченко организовать кормежку пехотинцев. Личный состав полка уже обедал, не отходя от танков и пушек. Темнота и снег скрывали противника, и Часов начал нервничать. С фрицев станет начать атаку без артподготовки — подползут незаметно и кинутся в штыки. Чтобы не застали врасплох, Алексей приказал пехоте и казакам выслать дозоры и внимательно следить за противником.

Около четверти шестого Часов опять связался по радио с Асватуровым и узнал, что подходящие батальоны противника разворачиваются по обе стороны от озера — с севера и юга. По словам комбрига, разведгруппы вернулись, поэтому расположение вражеской артиллерии установить не удалось.

— С командованием связь держишь? — осведомился Часов.

— а чем они помогут? — Голос Асватурова звучал устало и равнодушно, как будто подполковник не верил в новый успех. — Держитесь, говорят. Против них тоже немалая сила накапливается. Значит, будем держаться. Я объяснил солдатам, что бежать из деревни нельзя. В чистом поле нет укрытий — догонят и убьют.

На востоке, возле озера, засверкали вспышки, потом донесся ленивый гул залпов. Батареи немецкого корпуса начали обработку подступов к Парпачу. В первой неудачной попытке штурма противник сумел выявить систему обороны селения, и теперь десятки крупнокалиберных снарядов падали на окопы, поспешно вырытые в километре к востоку от деревенской околицы.

Над горками Парпачского хребта повисли на парашютиках пылающие факелы осветительных снарядов. В их дрожащем зареве на позицию танкистов посыпались тяжелые снаряды гаубиц, пушек и минометов. Грохотали взрывы, визжали осколки, воняло горелым толом.

И Сам с их толстой броней было опасно лишь прямое попадание, хотя близкий взрыв тоже мог доставить мелкие неприятности вроде порванных гусениц или разбитых триплексов, а то и ствол пушки повредит осколком. Хуже приходилось той части личного состава, которая не могла укрыться в бронированных машинах. Впрочем, среди связистов и ремонтников хватало бывалых людей, которые смогут посоветовать товарищам спрятаться в бронетягачах.

Невзирая на обстрел, полковые артиллеристы не попрятались, а посылали ответные снаряды. После пятиминутной дуэли Раппопорт, забравшись на башню Часовского танка, крикнул в люк:

— Командир, я пристрелялся. Могу дать данные для танковых орудий.

— Давай, — обрадовался Леха. — Испортим гадам праздник.

Коротков привычно заворчал: дескать, опять наугад палить, не видя цели. На середине его тирады рвануло совсем рядом, по броне застучали осколки, и Раппопорт вскрикнул. Выглянув из люка, Часов увидел, что ткань на левом плече капитана быстро пропитывается кровью. Лицо бывшего аспиранта перекосило болью, но смотрел он вовсе не на свою рану.

— Второе орудие накрылось, — прошептал Борис, спрыгивая с танка. — Ну, падлы, держитесь!

— Скажи санитарам, чтобы тебя перевязали, — крикнул Алексей ему вслед и снова взялся за микрофон рации: — Внимание, слушай приказ. Бьем по артиллерии противника. Наводить на вспышки выстрелов, дистанция — четыре-триста, прицел...

Диктуя данные, он торопливо водил взглядом по батальной панораме, где происходило много событий! Несколько снарядов разорвалось вокруг Алексея, причем один — совсем близко, на склоне высоты в десятке метров от танка. На поле перед батальоном Литвина разгорелась перестрелка — не иначе, немецкая разведгруппа напоролась на передовое охранение десантников. Вокруг селения Парпач непрерывно сверкали взрывы — по обороне 726-го полка работали десятки стволов дивизионной, а то и корпусной артиллерии. Тяжелые танки методично посылали снаряды в направлении вражеских позиций, но никто не мог сказать, насколько эффективна такая стрельба. Край неба на юго-западе тоже запылялся багровыми зарницами, и это означало, что немцы пробуют на прочность позиции 31-го корпуса на подступах к Феодосии.

И вот, наконец, на пределе дальности, куда почти не доставали отсветы догорающих «люстр», наметилось какое-то движение, словно противник устремился к высотам, на которых стоял полк Алексея.

— Сосна, Кедр, я — Тополь, будьте готовы, — предубедил Часов комбатов Сазонова и Литвина. — Кажется, на вас уже идут. Все «деревья», не забывайте докладывать о потерях в результате обстрела.

Вражеская артподготовка внезапно прекратилась, только изредка падали мины. Леха сильно сомневался, что заведомо неточный огонь тяжелых танков способен подавить неприятельские батареи. Прекращение артобстрела — верная примета, что немецкая пехота быстро приближается к нашим позициям. В тревожном затишье комбаты доложили о потере. По этим не слишком полным данным получалось, что полк потерял восемь человек убитыми, выведены из строя две пушки, полугусеничный броневик, тяжело поврежден танк 2-го батальона, четыре ИСа получили легкие повреждения, раненых — около двадцати.

Часов приказал прекратить контрбатарейную пальбу, вернуть орудия на прямую наводку и внимательнее следить за подступами. Затем, переключившись на другую волну, вызвал бригаду легких танков.

— Мурманск, я — Тамбов, — ответил сквозь треск помех незнакомый голос. — Ко мне на свадьбу гости пожаловали, не успеваем угощать.

Игривая фраза означала, что у наших большие потери, а немцы прут в атаку, не считаясь с потерями собственными.

— Держитесь. — Алексей даже не пытался подбирать условные слова. — Никаких контратак. Отступай по рубежам, но держись.

— Знаю, — ответил Тамбов. — Будем стоять.

Вздыхнув, Часов вернулся на частоты связи с батальонами.

— Ель помогает соседу, Кедр и Сосна встречают гостей на нашей дороге. Угощайте, пока самогон не кончится.

На неприступные вершины Парпачского хребта снова упали снаряды — как всегда, немецкой атаке предшествовал короткий артналет. Над головой опять загорелись

осветительные снаряды, и впереди — не дальше километра — показались наступающие немцы.

Танков у противника не было — только пехота. Враги наступали перебежками, толково используя склада местности, накапливались за бугорками и в оврагах. Шрапнель и крупнокалиберные танковые пулеметы косили немцев, но пехота продолжала продвигаться, смяла немногочисленные боевые посты и, растекаясь цепями, устремилась в атаку.

На такой дистанции танкисты не могли бить из орудий, чтобы не задеть своих стрелков. По наступающим ударили пулеметы и винтовки. Сплошной поток металла заставил вражеских пехотинцев залечь, но они продолжали продвигаться переползанием. Солдаты второго эшелона, пригибаясь, побежали вправо и влево, намереваясь зайти на высоты с флангов.

Из окопов полетели в немцев гранаты, стоявшие на возвышенных позициях танки расстреливали подползавшую пехоту из пулеметов. Наконец, подтянув все подразделения, вражеские командиры подняли штурмовые группы в атаку. Немцы рванули на пулеметы, закидали окопы гранатами, кое-где даже вступили в рукопашную, но десантники и несколько ИСов пошли в контратаку, и противник отступил.

Вздыхнув с облегчением, Часов посмотрел направо, где горел Парпач. Танкист с позывным Тамбов сообщил, что немцы ворвались в первую линию траншей, наши отступили и держатся на подступах к селению. Около восьми часов немцы оставили попытки ворваться в Парпач, оттянулись к захваченным окопам и залегли.

Передышка оказалась недолгой. Примерно через полчаса возобновился артобстрел, после которого противник снова бросился в атаку по нескольким направлениям, пытаясь охватить узлы обороны с флангов. Часов буквально прирос к турельному пулемету, поливая огнем наступающие цепи.

Большая группа немецких пехотинцев сумела просочиться между батальонами Литвина и Сазонова, а другая штурмгруппа обогнула позицию казаков и появилась перед батальоном Черкесиани, не имевшим пехотного прикрытия. Немцы ворвались в распоряжение танкистов, швыряя связки гранат, но громадные машины пришли в движение и давили врагов гусеницами. В бой вступили вооруженные карабинами и пистолетами артиллеристы, резервные экипажи, связисты, личный состав ремонтной мастерской и других тыловых подразделений.

Когда винтовочные выстрелы затрещали совсем рядом, Часов крикнул в башню:

— Хватайте автоматы, — и, выдирая ТТ из кобуры, спрыгнул на снег.

Прямо на него бежали несколько фигур в шинелях вражеского покроя. Опустившись на колени за кормой ИСа, Леха передернул затвор пистолета, аккуратно прицелился и потянул пальцем спусковой крючок. Один из немцев рухнул, остальные попадали в снег, выставив винтовочные стволы с примкнутыми штыками. За спиной Часова, укрываясь за массивной танковой башней, Коротков и Майдебуря принялись поливать залегших пехотинцев щедрыми очередями своих ППШ. Вокруг лежащих солдат поднимались во множестве столбики взметенного пулями снега.

— Кончай патроны расходовать, — строго сказал майор. — Пошли посмотрим, как мы их.

Вблизи оказалось, что убит только один немец, которому очередью разворотило все лицо. Двое были ранены, один — цел, но все дружно бросили винтовки и подняли руки. Раненый без конца что-то говорил и показывал на догоравший костер. Внезапно до Часова дошло: немец замерз и просит согреть его. Велев Андрею посадить пленного возле тлевшей золы и охранять, майор в сопровождении Степана побежал к разбитому снарядом грузовику взвода связи.

Бой здесь был в разгаре — Заремба, Убиенных и несколько солдат разных подразделений расстреливали залегший за камнями в тридцати метрах вражеский отряд.

— Так мы их не скоро выкурим, — сказал начштаба, доставая из подсумка лимонку. — А ну, братцы, ложись.

Он ловко бросил гранату и первым побежал вперед, как только полыхнуло и прогрехотало. Уцелевших после взрыва майор застрелил из ТТ.

На высоту ворвался еще один вражеский отряд численностью до взвода. Разбившись на мелкие группы, немцы попытались атаковать батарею, но Часов и его экипаж вернулись в танк и некоторое время ездили по горке, поливая противника пулеметным огнем. Последние пять немецких солдат этого подразделения сдались Раппопорту и его пушкарям.

Примерно в половине одиннадцатого стало понятно, что отбит и этот приступ. Прекратив атаки, противник откатился, но залег поблизости от высот. В неверном свете сигнальных ракет было видно, что немцы энергично работают лопатками, оборудуя временную позицию.

— Кедр и Сосна, атакуйте, — приказал Часов. — Соберите всех, кто способен стрелять, и отгоните фрицев хотя бы на километр.

Тяжелые машины непросто сползли с холмов и, выплевывая последние снаряды, двинулись по кровавому снегу. В промежутках между танками шли, стрелял из пулеметов, бронетягачи, за бронетехникой бежали усталые солдаты всех подразделений. Не обошлось без недоразумений — ударивший во фланг немцам разведвзвод попал под обстрел своей пехоты — десантники приняли американские броневики за немецкие. К счастью, убитых не случилось.

Не выдержав натиск громадных и неуязвимых «сталинских мамонтов», немцы стали отходить. А вскоре рация сообщила и вовсе неожиданную новость:

— Мурманск, я — Тамбов. Фрицы бегут.

— Куда бегут? — не сразу сообразил Алексей. — Отступают?

— Ну! Вдруг прекратили атаки и сбежали.

Вооружившись биноклем, Часов до боли в зрачках вглядывался в ночь. Осветительные снаряды, догорев, падали в снег, а в красноватых отсветах догоравшего строения и почти сгоревшего бронепоезда высмотреть удалось немного. Тем не менее можно было понять, что немцы отошли далеко — по крайней мере, на исходные позиции вокруг озера.

— Командиров ко мне, — прокашлял Алексей в микрофон и повторил приказ криком, вылезая из башни.

У начальника штаба была забинтована голова — отброшенный взрывом камень сорвал кожу со лба. Раппопорту осколок прошел навывлет мягкие ткани плеча, но капитан бодрился: мол, я — большой пацан, во мне крови много. Всего, согласно докладом, в полку насчитали до двадцати убитых и почти сорок раненых.

— Казаков, десантников и освобожденных из плена осталось в строю меньше сотни, — озабоченно докладывал майор Заремба. — Танки почти все целы, только три машины нуждаются в срочном ремонте. Среди экипажей тоже потери невелики. Но вспомогательные подразделения выбиты почти полностью.

Надо было срочно делать множество самых разных дел, и Часов, оглядываясь на таившее неожиданности темное поле, стал раздавать задания: привести в порядок технику, обогреть и накормить личный состав, эвакуировать раненых, загрузить в машины боеприпасы...

— Замполиту поручим похоронную команду, — продолжал он, недоуменно рассматривая вспышки на востоке. — Начштаба, ты набросай рапорт о сегодняшних боях, я потом почитаю и добавлю, что надо... Макар и ты, старлей...

Он кивком показал, что имеет в виду казачьего командира, чью фамилию забыл в горячке последних часов. Кавалерист подтянулся, собираясь назваться, но Низкохат опередил старшего лейтенанта:

— Не сможет замполит. Его самого хоронить надо.

Заремба подтвердил, что капитан Гаврилей, хоть и зарекомендовал себя трусливой сволочью, но стрелял по наступающим немцам из карабина и был убит, когда противник просочился в расположение тыловых подразделений. Свидетели дружно подтверждали, что замполит дрался до последнего.

— Ну, считай, не зря человек жил, не только плохую память о себе оставил, — Алексей развел руками. — Похороны возложим на старшего лейтенанта Рябченко. Теперь о главном: немцы отступили, но Низкохат обнаружил на подходе еще какие-то войска. Скоро противник, получив подкрепления, снова пойдет в атаку. Поэтому наш взвод разведки и казаки, кто способен держаться в седле, — отправляйтесь в поле. Я должен знать, где противник и что замышляет.

С востока отчетливо доносились ослабленные расстоянием, но знакомые раскаты. Теперь уже все смотрели на восток. Такие частые вспышки могла устроить только артиллерия. То ли крейсера обрабатывают выдвигавшихся от Керчи немцев, то ли... Заремба высказал общее мнение:

— Кажется, там идет бой.

— Похоже, — согласился Часов. — Раппопорт, подвесь пару осветительных снарядов над озером и к северу от нашего «хозяйства».

В свете «люстр» они смогли рассмотреть, что немцы снялись со своих позиций перед Парпачем и длинными колоннами уходят вправо и влево. Этот маневр выводил тысячи вражеских солдат в поля к северу от хребта и к югу от селения, то есть в голое поле, где не было советских войск.

— Затеяли глубокий охват! — вскричал темпераментный Васи́ко.

— А по-моему, просто бегут на соединение к своим, — произнес Алексей. — Поняли, что не смогут быстро сбить нас с дороги, а с тыла поджигает 44-я армия. Вот и решили пробраться через эти бреши на наших флангах. Ну-ка, братцы, проводим гостей!

Немцев угостили шрапнелью. Противник не стал огрызаться артогнем, а только прибавил шаг, торопясь покинуть простреливаемую зону. Впереди их ждал 723-й полк асвату́ровской бригады, предупрежденный по радио о приближении отступающих.

Вскоре после полуночи к позициям 87-го танкового полка вышли передовые части 44-й армии: кавполк и танковая бригада. Следом растянулась длинной колонной стрелковая дивизия. Войска выдохлись после долгого марша, однако, не задерживаясь, продолжили движение на запад.

Поскольку штаб корпуса не присылал иных приказов, Часов разрешил личному составу отдыхать.

Следующим утром выяснилось, что немцы бежали налегке, бросив десятки орудий и много тылового имущества. Богатейшие трофеи достались кавалерийской дивизии, которая расположилась возле озера перед рассветом. Зампотыл Рябченко считал это чудовищной несправедливостью и неустанно чертыхался.

— Угомонись, — взмолился Литвин. — Ну на кой тебе эти гаубицы без замков, ящики со снарядами и тюки с фрицевскими мундирами?

— Пушки и боеприпасы — один хрен — отобрало бы Управление по трофеям, — уныло сообщил Рябченко. — Вот провизия бы не помешала, американской только на неделю осталось, а кавалерия там несколько тонн сгущенки, мясных консервов и крупы оприходовала. Но жальче всего мундиры из хорошего сукна, шинели и обувь — в деревнях без труда выменяли бы на все, что душе угодно.

Деловая логика бывшего снабженца областного стройуправления произвела впечатление на ветеранов. Трофеи полка ограничивались несколькими подобранными на поле боя пистолетами. Только Заремба сохранял эйфорию и сказал воодушевленно:

— Не о том говорим, мужики. Мы же вчера такого натворили, о чем только в былинах прочитать можно. У немцев, считай, было тройное превосходство в силах: Четыре пехотных полка, бронепоезд, мотобригада, до хрена стволов большого калибра, а у нас — два слабеньких полка, бригада старых танков...

— И тяжелый танковый полк! — веско вставил Часов. — И вообще — учимся воевать... А вот румыны воевали — не ожидал от них.

Мотобригада генерала Раду Корне действительно показала настоящее боевое

мастерство. Можно сказать им попалась единственная боеспособная часть румынской армии.

— Дело прошлое, — отмахнувшись, весело сказал Сазонов. — Отлично вчерашний день провели. Хотя многих сегодня провожать будем, но мои бойцы буквально окрылены. В следующем бою будут драться как звери... Ого, скинули.

Танкисты уже второй час стояли на бугорке возле сгоревшего «Гранта», с интересом наблюдая, как рота железнодорожных войск очищает рельсы от бронепоезда. После долгих стараний железнодорожники отцепили и сбросили под откос насыпи поврежденные передние платформы. Из Владиславовки подогнали паровоз, который медленно потащил останки состава на запад. Теперь, когда колея освободилась от металлолома, высаживавшимся в Керчи полкам не придется топать пешедралом — с комфортом поедут на поездах.

Проводив первый эшелон, танкисты осмотрели американский танк, захваченный немцами где-нибудь в Африке или в Англии. Бронебойный снаряд ИСа проделал солидную дыру в лобовой броне корпуса. Даже спорить не стали — все дружно согласились, что «Грант» — дерьмо, ничем не лучше английских «Матильд» и «Черчиллей».

В ждавшем их броневике загудел зуммер рации — командирам напомнили о скорбной церемонии.

Пленные немцы уже выкопали братскую могилу. На похороны приехали Краснобородов, начальник политотдела и другие старшие чины корпуса. Без малого семь десятков убитых красноармейцев опустили в могилу, парторг полка старшина Трофимов сказал хорошие слова, комкор тоже произнес короткую надгробную речь. Караул дал три залпа, многие смахнули слезинки, и Часов бросил в могилу первый комок холодного грунта. Потом, когда в земляной холмик воткнули обтесанный деревянный брус с приколоченной жестяной Красной звездой, каждый выпустил в низкие тучи целую обойму — кто из пистолета, а кто — из автомата.

— Командир полка, зайди в машину, — сухо сказал комкор и кивком головы показал на грузовик с крытым брезентом кузовом.

В кузове имелись стол с картами, длинные скамьи по бортам, печурка, радиостанция, парнишка-адъютант и сержант-связистка. Краснобородов приказал обоим выметаться, пригласил Алексея присесть, но водки не предложил. Только налил кружку горячего бледного чаю да выдал кусок сахара.

После непонятного молчания, упорно не глядя в глаза собеседнику, полковник преувеличенно бодро поведал: дескать, ни враг, ни родное командование не ждали от 31-го корпуса столь успешных действий. Теперь же штаб фронта охренел, не нарадуется на феоdosийскую группу войск, послал по железной дороге дивизион «катюш» и два маршевых батальона пополнения, а ночью по морю подвезут танковый батальон.

— Вроде бы еще пару полков пришлют, обе бригады в дивизии развернем — будет у меня настоящий корпус, — хвастался Краснобородов, но тут же добавил: — А морскую пехоту велено отправить обратно. Час назад должны были уехать по железке первой же шайтан-арбой...

Он закашлялся и замолчал. Потом, по-прежнему отводя взгляд, комкор осведомился, хватит ли в тяжелых танках солярки, чтобы совершить марш в сто километров. Вопрос удивил Алексея: трудно было представить, куда приведет марш на такую дистанцию. Прибывающие дивизии становились в оборону в десятке километров западнее Владиславовки и Ак-Маная.

— Даже больше проедем... — На всякий случай Часов уточнил: — Идем на Симферополь?

— Идешь в Керчь, — буркнул Краснобородов и наконец-то поднял взгляд. — Ерунда с тобой получилась, молодой-красивый. Твое хозяйство, оказывается, назначалось другому фронту, а к нам ты попал самовольно.

Он рассказал ошеломленному майору, что еще позавчера ночью командующий Южного фронта маршал Тимошенко прислал шифровку, требуя подтвердить прибытие 87-го

полка. В этот момент как раз начинался бой, поэтому на писюльки от соседей никто не обратил внимания. Утром начальник штаба корпуса ответил: мол, полк героически сражался, а через час командующий Крымским фронтом генерал Козлов приказал вывести тяжелый полк в Керченскую военно-морскую базу, разместить по баржам и вернуть на Таманский полуостров в распоряжение 47-й армии Южного фронта.

— Разве 47-я не будет высаживаться в Крыму? — вырвалось у Часова.

Краснобородов посмотрел на него, как на сумасшедшего и произнес очень тихо:

— Ты, что ли, дурак? Ты о чем спрашиваешь? Тебе светит трибунал по десятку статей — дезертирство, невыполнение боевого приказа, измена Родине, прокуроры еще чего-нибудь придумают!

— Никаких статей, — Леха продолжал бодриться, хоть и появились дурные предчувствия. — У меня приказ за подписью представителя Ставки корпусного комиссара Мехлиса и начальника штаба Крымского фронта генерал-майора Вечного.

— Где этот приказ? — быстро спросил полковник.

Похолодев, Алексей понял, что приказ, вероятнее всего, сгорел вместе со штабным грузовиком. Высунувшись из-за брезентовых пологов, он позвал Зарембу. Начальник штаба не сразу понял, о чем его спрашивают. Потом, так и не прочувствовав драматичности момента, весело сообщил:

— У меня полный порядок, товарищ майор. Машина сгорела, но почти все документы, карты и печати мы спасли.

— Что значит «почти»? — заорал Краснобородов. — Где приказ Мехлиса и Вечного об отправке вашего полка в Крым?

Лицо Зарембы сделалось виноватым. Расстегнув планшет, он вытащил пачку бумаг, рассортировал их на столе и протянул Часову слегка подсыревший документ.

— Вот он, — сказал начальник штаба. — Не успел подшить.

Часов громко выдохнул и взялся за сердце. Краснобородов отобрал у Зарембы приказ, внимательно прочитал и проговорил с облегчением:

— Ну, молодые-красивые, считайте, что живы остались. Эта поганая бумажка защитит вас надежнее танковой брони... — Он подумал и добавил: — И чтоб ни капли в рот, ни-ни! Перед начальством вы должны предстать сухими!

Пока полк готовился к маршу, Часов и Заремба, по совету Краснобородова, составили подробное донесение о вчерашних боях и отдельный рапорт о потерях. Оба документа машинистка штаба корпуса перепечатала в трех экземплярах, один из них полковник оставил у себя и заверил, что телеграфирует в штаб Тимошенко зашифрованный текст, присовокупив свой рапорт о блестящих действиях танкистов.

Вскоре после полудня танковая колонна двинулась на восток. Освобожденные районы Крыма быстро превращались в укрепленный тыл: повсюду вдоль дороги были натканы зенитки, на ровном поле успели оборудовать аэродром — здесь выстроились рядами самолеты разных типов, в небе патрулировали пары истребителей.

Войска прерывистой лентой тянулись в западном направлении. Из-за плотного встречного движения танкам частенько приходилось съезжать с шоссе и, сбавив скорость, тащиться по бездорожью. Странное было чувство: свежие части идут на фронт, а им суждено возвращаться в тыл.

И хотя военным людям положено исполнять, а не обсуждать приказы, разговоры неизменно возвращались к загадочным перемещениям полка. Самым удивительным и необъяснимым оставалось совместное проживание на Тамани сразу двух фронтовых управлений. И если задачи Крымского фронта были понятны, то штабу Южфронта полагалось обосноваться где-нибудь на другом берегу Азовского моря, поближе к войскам, обороняющим Таганрог.

Внезапно Часова осенило. Хлопнув себя по лбу, Алексей воскликнул:

— Вот оно что! Нас должны были перебросить через Азов — на южные подступы к Ростову! А этот пидар-инквизитор загнал полк в Крым.

Сидевший на соседнем люке башни Заремба задумчиво поглядел на командира, мысленно прикидывая карту тех мест, и согласился:

— Да, пожалуй... Командарм был в Ейске, оттуда в Таганрог рукой подать.

— Хоть с этим разобрались, — Леха громко фыркнул. — Жаль, с нами долго разбираться не станут.

Заремба сам прекрасно понимал ситуацию, в объяснениях не нуждался и пробормотал уныло:

— Ну да, нас ждут под Ростовом, а мы на крымских курортах прохлаждаемся. Раз маршал нервничает, то виноватых долго искать не станут. Скажут: мол, не маленькие, должны были знать, к какому фронту относитесь.

— Это верно — должны были, — вздохнул Алексей. — Одна надежда, что сразу не расстреляют, дадут возможность искупить кровью.

Марш продолжался без осложнений. Низкая облачность, легкий снегопад с метелью и барражирующие истребители надежно защищали от Люфтваффе. Тем не менее настроение у обоих майоров испортилось вконец, одолевали гадкие опасения. Не добавляли бодрости и обидные насмешки встречных: дескать, ошиблись дорогой мужики, фронт — он совсем в другой стороне.

Около четырех вечера, когда начало смеркаться, впереди показался городок. Заремба уверенно заявил, что колонна приближается к Керчи. Потом тяжело вздохнул, показав на покосившиеся столбики, обмотанные обрывками колючей проволоки, и проговорил с горечью:

— Это мы в сентябре заграждение ставили перед Турецким валом. Протянули через весь перешеек колючку в десять колов. А большие командиры забыли отдать приказ, чтобы войска заняли позицию и организовали оборону. Так и стояли тут против фрицевской дивизии — два батальона пехоты, мой эскадрон да два разбитых КВ. Весь день до вечера продержались...

Он махнул рукой.

— Зато вчера мы другую дивизию в голую степь прогнали, — меланхолично сказал Часов. — Ты отсюда как ушел — на пароходе?

— Вплавь. На середине пролива чуть не замерз, но какой-то катер близко случился. Подобрали.

Заремба угрюмо замолчал и весь остаток пути только курил и тихонько матерился.

На керченской базе флота их уже ждал особист в звании капитана 3-го ранга. Брать танкистов под стражу он явно не собирался, только предъявил шифрограмму штаба Южфронта: танки погрузить на баржи и в темное время суток перевезти в порт Ейск, а командиру полка срочно вылететь в штаб фронта. Разговаривал особист вполне благожелательно и сообщил, что главный командный пункт Южфронта находится в станице Старо-Минская и что майора Часова доставят на место самолетом.

Командование полком Часов возложил на начштаба, которому уже вполне доверял. Раздав последние указания, Леха кое-как обтер чумазое лицо чистым снегом, сменил замасленный ватник на овчинный тулуп, и худые сапоги — на фетровые бурки. На прощание старые друзья Сазонов и Черкесиани полезли обниматься, а Заремба сказал совсем тихо:

— Не бойсь, штаб Тимошенко — не штаб Духонина.

Особист сам сел за руль старенькой «эмки» и отвез Алексея на поле, где стояли две дюжины древних бипланов.

— Женский полк ночных бомбардировщиков, — пояснил морской контрразведчик — Слыхал?

— Слыхал, — подтвердил продолжавший немного нервничать танкист. — «Ночные ведьмы». Кино про них было, «Небесный тихоход».

Пилотом выделенного ему «кукурузника» оказалась: веселая плотно сбитая тетка лет тридцати — курносая с маслянистыми голубенькими глазками. Первым делом «ночная ведьма» сообщила, что зовут ее Татьяной, что незамужняя и всегда таяла при виде крепких

мужиков. Затем, обиженная, что занятый своими мыслями Леха не откликнулся на ее намеки, летчица посоветовала подложить шлем под сраку, а не то инструмент отморозить можно.

Шлемофон у Часова был зимнего образца, на овчине. Поневоле усмехнувшись наивной попытке попробовать на нем старый авиационный розыгрыш, Алексей натянул головной убор поплотнее и пошутил: дескать, если сидеть на шлеме, то уши отмерзнут.

— Для тебя уши важнее? — удивилась Татьяна. — Ну ты, хлопец, эфиоп!

Кабинки на самолетике были открытые, незастекленные. Летчица усадила Часова на заднее сиденье, пристегнула брезентовыми ремнями, накрыла клеенчатым чехлом, при этом старательно прижималась грудью, забронированной многими слоями теплой одежды. Ужасно громко затрещал мотор, раскрутился пропеллер. Биплан-кукурузник задрожал, как будто хотел развалиться на фанерные куски, но все-таки оторвался от утоптанного снега и полетел невысоко над морем, покачивая сдвоенными крылышками.

Уже стало совсем темно, поэтому Леха плохо представлял, где они летят. Несколько раз «ночная ведьма» Татьяна поворачивалась и что-то говорила, но шум двигателя заглушал ее голос. Алексей снова разнервничался, опасаясь одновременно и предстоящего разговора с высокими чинами, и немецких истребителей, которые могли внезапно появиться из непроглядной тьмы.

Довольно скоро плавная качка убаюкала майора. Дрему прервал неприятный толчок, и Часов, открыв глаза, увидел, что пропеллер крутится еле-еле. Спросонок Алексей натужно соображал, отчего самолетик так сильно вздрогнул — то ли авария случилась, то ли У-2 стукнулся об грунт. Наконец, с трудом разглядев очертания каких-то строений, он сделал вывод, что посадка прошла благополучно.

— Вылазь, молчун, — недовольно скомандовала Татьяна. — Кажись, идут за тобой.

В самом деле, кто-то ускоренным шагом направлялся к приземлившемуся биплану. Не конвой и не расстрельная команда — всего один человек в перетянутом ремнями полушубке. Не успел Алексей опасливо спрыгнуть с ненадежно прогибавшегося под сапогами крыла, как на шею ему бросилась... Аня. Судьба любит устраивать неожиданности, но крайне редко это получается удачно.

К реальности их вернул завистливый голос «ночной ведьмы»:

— Неужто не знаете, что на морозе целоваться нельзя?

Не без труда оторвавшись от него, Аня заносчиво сообщила:

— Я — девушка станичная, в степи выросла. А мой парнишка — вообще белый медведь из Мурманска. Нам холода не страшны.

— Ну, как знаете, — проворчала Татьяна. — Ишь, побежали, не терпится им...

Схватив Алексея за рукав, Аня утатила его на окраину аэродрома, где ждал ленд-лизовский «виллис». Они устроились на заднем сиденье обтянутой брезентом кабины, Аня приказала водителю: «Вперед», — затем тихо заговорила:

— Неважные твои дела. Мехлису вставили клизму за то, что умыкнул полк у соседнего фронта. Чтобы оправдаться, он накатал телегу: мол, в твоей части нет дисциплины, среди комсостава пораженческие настроения, к месту погрузки полк прибыл без горючего и боеприпасов. Лично ты присвоил бронетягачи и обманул представителя Ставки, будто имеешь на то приказ командования. А еще ты, в сговоре с братом вредителя Манаева восхвалял врага, критически отзывался о тактике советских войск и нашем оружии.

Про настроения в полку и разговор с Иосифом — это Гаврилей успел настучать, — сообразил Алексей. Остальное тоже было неправдой, разве что американские броневики он присвоил без разрешения, но с другой стороны, армейское начальство не запрещало оставить «халф-траки» в полку.

— И куда ты меня везешь? — мрачно осведомился Часов. — В трибунал?

— Пока на КП фронта. Честно скажи, что из этих обвинений правда.

— Как посмотреть... Что враг силен — это мы с Манаевым обсуждали. И что надо

тактику менять — тоже. При желании можно подвести под пораженческие настроения...

Выслушав его объяснения и задав несколько вопросов, Аня резюмировала:

— Ничего серьезного, если не врешь... То есть можно награждать или расстреливать — так и так получится по справедливости. — Она ободряюще улыбнулась. — Имей в виду: твоему полку отводится особая роль, поэтому решать вопрос будут очень высокие инстанции. Причем Тимошенко сильно Мехлиса недолюбливает, а Егоров — тот просто люто ненавидит.

— И начальник Генштаба здесь! — вырвалось у Часова.

— А ты как думал? — Она сделала большие глаза. — Готовится важнейшая операция, которая решит судьбу войны! Так что на нашей стороне два маршала, у которых есть хвалебный отзыв твоего крымского комкора. Но последнее слово все равно скажет нарком... Ну, выходи, приехали.

Снаружи медленно падал крупный снег. Несмотря на затемнение, можно было понять, что они находятся на плацу воинского гарнизона, оборудованного еще в довоенное время. Из головы не шли последние слова Ани. Трудно было поверить, что на фронт прибыл сам нарком обороны...

— Здесь нарком госбезопасности? — переспросил Алексей.

Ответ окончательно запутал ситуацию:

— Нет, его первый зам.

Потом стало не до разбирательств. Из темноты раздался возглас: «Вот он!» — и к Часову бросились несколько фигур в полушубках. «Все-таки арестуют», — грустно подумал Алексей. Однако бежавшие остановились в трех шагах, вытянулись, четко откозыряли и представились:

— Капитан Шабрин!

— Старший лейтенант Озеров!

Имена были смутно знакомы — с этими людьми судьба сводила и разлучала Часова в кровавом хаосе второго года войны. Увидеть их вновь Алексей не рассчитывал и сказал вполне искренне:

— Рад видеть обоих живыми-здоровыми. Вольно, товарищи командиры. — Он осведомился, шагнув навстречу: — Служите в охране штаба?

Они недоуменно переглянулись, и Шабрин немного сбивчиво объяснил, что прибыл в 87-й танковый полк на должность командира роты и пригнал шесть KB-3, а Володька Озеров назначен в ту же часть командиром роты автоматчиков, каковую роту он привел с собой. «Жуть чего творится! — подумал ошеломленный Часов. — Следующему командиру достанется хозяйство, укомплектованное почти по штату...» Забыв об удивлении, он поинтересовался, в каком состоянии техника и где размещен личный состав.

— Здесь, в казарме... — начал было Шабрин. — Я разрешил солдатам отдыхать.

— Пошли, нас ждут, — поторопила Аня и подтолкнула Часова, указывая направления.

Где-то поблизости ударил в небо луч прожектора, замолотили зенитки. Такого освещения хватило, чтобы разглядеть стоявшие на другом конце плаца танки. Алексей машинально подметил, что машины были старых выпусков. По форме башен и дульного тормоза нетрудно было узнать модификации KB-3А и KB-3Б.

Аня привела его в штаб части. Судя по плакатам, когда-то в гарнизоне стояли зенитчики. Сейчас здесь командовали суровые товарищи с петлицами войск НКВД. Светышеву они, видимо, знали, но все равно проверили документы, а Часова три раза поворачивали в разные стороны, чтобы сверить анфас и фотографию в удостоверении. После этого сидевший возле телефонов майор объявил, что дело танкиста будет разбираться после совещания, то есть не раньше чем через час. Иронически осмотрев Алексея, он поручил Ане организовать помывку и кормежку вызванного с фронта командира.

В баню его, само собой, не повели. Зато дали полведра кипятка и кусок мыла, так что Леха сумел смыть грязь с лица и шеи. Даже отдраил почерневшие от масла и сажи руки, а потом побрился.

Покончив с гигиеной, он вдруг почувствовал, что зверски голоден. В командирской столовой, что напротив штаба, оказалось немногочленно, зато кормили отменно. Конечно, не иранская шашлычная, но подали большую фаянсовую посудину наваристого борща с островком сметаны и огромным мослом, покрытым слоем жирной говядины. Аня только ресницами хлопала, наблюдая, на каких скоростях летает Лехина ложка.

— Ты куда торопишься? — хихикнула она. — Включил прямую передачу...

— Привычка, — профыркал Алексей набитый ртом. — Кто промедлил, тот голодный остался. Еще на флоте научили, а в танковой школе науку закрепили...

На второе он взял котлеты с вермишелью, а его спутница — рыбу и картофельное пюре. Блаженно допивая сладковатый компот, Алексей почти поверил, что попал в рай, но появился энкавэдэшный капитан, поманивший его пальцем.

— А вы, Светышева, пройдите к Саркисову, — добавив капитан.

Шепнув: мол, Гриша Цакоев тебя проводит, и все будет хорошо, — Аня подмигнула на прощание. Следуя за сотрудником НКВД, Часов покинул уютное здание столовой. Они обогнули штаб, подошли к одноэтажному строению без окон, перед которым был выставлен караул. Капитан сказал что-то, и часовые расступились. Вслед за энкавэдэшником Алексей вошел в раскрытую кем-то дверь. В тусклом свете настенных лампочек он видел длинный коридор, по концам которого стояли автоматчики.

Капитан Цакоев показал на уходящую вниз лестницу. Снова навалилось оцепенение — подвалы с некоторых пор вызвали дурные мысли о выстреле в затылок. Впрочем, ступеньки привели в просторное, хорошо освещенное помещение, охраняемое опять-таки бойцами НКВД. Между двумя стальными, как у сейфа, дверями без табличек сидел за столом полковник-артиллерист, спросивший:

— Это и есть Часов?

— Он самый, — подтвердил капитан. — Я его ксиву читал.

Полковник подозрительно посмотрел на оперативника. Видимо, заподозрил того в неуместном юморе. Потом махнул рукой, велел Алексею сдать оружие, повесить тулуп на вбитые в стену вешалки и, показав на дверь справа от себя, разрешил входить.

Тяжелая стальная створка — не иначе, для крейсера или даже линкора делали — отворилась на удивление мягко и беззвучно. Переступив порог, Часов оказался в настоящем штабном кабинете. На стене висели портреты Ленина и Сталина, на длинном столе были расстелены оперативные карты. Три немолодых человека с выбритыми до блеска черепами, одетые в генеральские френчи и галифе, стояли спиной к двери.

Один из них разговаривал по телефону — больше слушал чей-то рапорт, только изредка негромко произносил короткие одобрительные фразы. Другой обладатель лампасов покосился на вошедших — Алексей узнал по профилю маршала Тимошенко — и легонько махнул рукой: мол, подождите в сторонке. Между тем говоривший по телефону произнес: «Отлично!» и положил трубку.

— Что там, Дмитрий Григорьевич? — осведомился Тимошенко.

«Дмитрий Григорьевич — это наверняка наш командарм Павлов», — подумал Алексей. Тот как раз повернулся, и стало видно знакомое по довоенным фотографиям лицо бывшего начальника Автобронетанкового управления и командующего Западным округом. Только вот звездочек в петлицах стало меньше — за поражение в Белоруссии генерал армии стал генерал-лейтенантом.

— Задонский радировал, что его дивизия высадилась на плацдарме с минимальными потерями, — доложил Павлов. — Полки вступили в бой, освобождают восточную и северную часть города. Плавсредства с дивизией Шундакова и корпусной артиллерией уже отошли от причалов.

Еще один десант! Часов был поражен. Он совершенно не представлял, на какой берег могут высаживаться войска Южного фронта из порта Ейск, куда направлялись сейчас баржи с его танками. Разве что на азовское побережье Крыма — где-нибудь южнее Перекопа. Нет, там Арабатская стрелка, которую проще взять наступлением по суше от Ак-Маная...

Леха осторожно шагнул влево, чтобы рассмотреть карту, которую заслоняли старшие по званию — мужики, как на подбор, грузные и широкоплечие. К своему стыду, он увидел, что ошибался: красные стрелки корабельных маршрутов пересекали Азовское море не в западном, а северном направлении, упираясь в Мариуполь. Оставалось предположить, что Верховное командование наметило здесь еще одну отвлекающую операцию. Впрочем, продолжение разговора заставило Часова еще сильнее устыдиться собственной недогадливости и осознать полное отсутствие у него стратегического мышления.

Третий участник совещания медленно обошел вокруг стола, и Часов увидел знакомое лицо над маршальскими петлицами — это был Егоров.

— Продолжай, Семен Константинович, — сказал начальник Генштаба.

Тимошенко заговорил, водя указкой по карте:

— Таким образом, в результате тяжелых боев на прошлой неделе 38-я армия потеснила противника на несколько километров к северу, захватив командные высоты. Нынче утром на этих позициях неожиданно для противника объявилась 5-я ударная...

— Неожиданно? — переспросил Павлов.

Посмеиваясь, маршал Егоров подтвердил, что переписку целой армии с танковым корпусом удалось частично сохранить в тайне. Наверняка вражеская разведка засекла прибытие некоторых частей, но принимала передвижения за подвоз подкреплений для 38-й и 9-й. А тем временем специальная группа военной разведки до последнего дня имитировала радиопереговоры штаба 5-й ударной из совсем другого района к северу от Ростова.

— Вот именно! — Тимошенко тоже хохотнул. — В результате генерал Потапов Михайло Иванович, вдребезги разгромив немецкую пехотную дивизию, быстро продвигается на север вдоль левого берега Миуса, а его подвижная группа в составе танковой бригады и кавдивизии стремительным броском захватила железнодорожный мост через Миус возле Матвеева Кургана и удерживает плацдарм на восточном берегу. В настоящее время к мосту подтягиваются другие части, на плацдарм уже переброшены стрелковая дивизия и артиллерийская бригада. Все атаки противника успешно отражены, плацдарм расширен до пяти километров по фронту и двух в глубину.

Комфронта добавил, что 38-я армия Рябышева развернулась фронтом на восток, прикрывая фланг и тыл ударной.

На основе услышанного Часов сделал для себя вывод: тем самым Южный фронт перерезал важный путь снабжения немецких войск под Ростовом. Впрочем, цель и задача десанта в Мариуполе оставалась для майора загадкой.

— Теперь, Дмитрий Григорьевич, наступает твоя очередь, — продолжал Тимошенко. — Диспозиция тебе известна. За две ночи нужно сосредоточить на том берегу Азовского моря два корпуса и части армейского подчинения. Весь завтрашний день будешь расширять и укреплять плацдарм. А послезавтра на рассвете наносишь на правом фланге удар корпусом Серафимова и всеми танковыми частями, быстро продвигаешься на север, и выходишь в тыл немецким войскам, блокирующими плацдарм 5-й ударной армии. После этого Потапов всеми силами переправляется на правый берег и развивает наступление на север, а мы тем временем переправим к тебе 3-й корпус. На третий день операции ты должен взять Волноваху. Таким образом, твоя армия разворачивается фронтом на запад от Мариуполя до Волновахи.

— Юго-Западный фронт перейдет в наступление послезавтра утром, — добавил Егоров. — 30-я армия Лелюшенко тоже повернется фронтом на запад, создавая внешний фронт окружения. Тем временем главные силы Рокоссовского быстро продвинутся на юг, освободят Сталино и, встретившись с дивизиями Потапова, замкнут кольцо окружения.

«Вот оно что! Встречные удары с севера и юга! — Только сейчас Алексей начал понимать всю красоту этого замысла. — Классические „канны“, и вся группа армий „Юг“ попадает в окружение!»

— Сделаем! На части порвемся, но сделаем! — заверил Павлов. — Маневренное сражение — это по мне.

Командующий фронтом добродушно пошутил: мол, это тебе не Трансиордания, после чего наконец обратил внимание на стоявших возле входа капитана НКВД и майора-танкиста. Удивленно поглядев на них, Тимошенко осведомился, по какому делу вызваны. Цакоев докладывал не по уставу — видать, в их конторе с этим было не строго.

— Понял, это танкист, который в Крыму дров наломал. — Тимошенко заулыбался. — Мало тебе одного десанта, так решил в обоих отличиться!

Павлов весело вставил:

— Значит, нашлись мои танки! С какими потерями привел технику, майор?

Почувяв себя в своей тарелке, Часов обрадовался, воспрял духом и стал объяснять, что потерь в танках нет, но машины разбросаны по всему морю. Тимошенко прервал его на полуслове, резонно заявив: мол, в Ейске тяжелые танки без надобности. Маршал вызвал из другой комнаты начальника штаба фронта генерал-полковника Ватутина и приказал развернуть баржи с ИСами на Мариуполь. Из этой сцены Леха сделал философический вывод: «Кажись, обошлось. Скоро буду на фронте, а там все просто».

Он ошибался. Бронированная дверь плавно распахнулась, и в проеме нарисовался Мехлис. Алексей вздрогнул встрече с «инквизитором» он предпочел бы штурм опорного пункта и даже встречный бой против батальона «тигров».

Окинув присутствующих осуждающим взглядом, Мехлис строго проговорил, нацелив указательный палец на Часова:

— Надеюсь, вы уже рассмотрели вопрос этого негодяя.

На лицах обоих маршалов появились неприязненные гримасы. Павлов отвел злые глаза, но зачем-то поправил висевшую на бедре кобуру. Егоров сухо произнес:

— Делаю вам замечание, генерал-лейтенант. В армии действуют определенные правила обращения к старшим по званию и должности. Что же касается товарища майора, то мы как раз собирались задать ему несколько вопросов. — Затем, обернувшись к Алексею, маршал осведомился: — Как вели себя в бою новые танки?

В такой обстановке вопрос прозвучал неожиданно. Сбитому с толку Часову понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Быстро справившись с растерянностью, он заговорил, даже не заглядывая в записную книжку.

Для начала он честно предупредил, что ИСы не подвергались прицельному обстрелу противотанковой артиллерии, не вступали в огневой контакт с равноценными танками противника, прямых попаданий крупнокалиберных снарядов не отмечено. Помянул скользящий удар 75-мм снаряда самоходки, оставивший на лобовой броне царапину глубиной около 3 см. Малокалиберные и короткоствольные пушки полевой артиллерии, а же чехословацких и американских танков оставляли неглубокие вмятины.

Леха разошелся, говорил легко, не задумываясь:

— В смысле бронирования новые машины по меньшей мере не уступают ка-вэ-третьим. Оптические приборы отечественного производства стали чуть получше, но все равно их не сравнить с американскими и немецкими. Механическая часть сработала лучше, чем я ожидал. Прежде случалось, что дизель и трансмиссия выходят из строя на пятый-восьмой час марша, но вчера и сегодня мы прошли больше ста километров, а все машины остались на ходу...

Внезапно Тимошенко прорычал:

— Что ты сказал?! Прошли сотню... — Комфронта бросил бешеный взгляд на Егорова. — Да за такое расстреливать надо!

— Вот именно, — обрадовался Мехлис. — Как я уже говорил, налицо провокационное критиканство и огульное поношение советского оружия. Хотя, надо признать, что немалая часть военной продукции, по причине злостного вредительства на заводах, не соответствует требованиям партии...

Против обвинений, провозглашаемых от имени партии, спорить всегда трудно — как отразить голыми руками удар ломом. И хотя все, кто находился в комнате, были членами ВКП(б), даже маршалы, не нашли, что ответить.

Мехлис же, поставив военных в затруднительное положение, напористо развивал успех:

— Вступив в сговор с бывшим царским офицером Краснобородовым, этот двурушник злостно нарушил приказ, самовольно провел операцию, не санкционированную фронтовыми инстанциями. В результате его полк почему-то сохранил боеспособность, тогда как танковая бригада Крымского фронта наголову разгромлена, лишилась всех машин и большей части личного состава!

Наконец-то Егоров осмелился прервать бушующего партработника и напомнил, что он тоже был полковником старой армии. В свою очередь, Алексей громко сказал, что даниловская бригада была укомплектована старыми быстросгорающими танками и вообще понесла основные потери, когда стала действовать самостоятельно, а потому он, майор Часов, к потерям 56-й бригады отношения не имеет. Отмахнувшись, Мехлис потребовал прекратить антипартийную демагогию, после чего приказал капитану Цакоеву арестовать изменника, двурушника, провокатора и вредителя Часова.

В кровеносной системе Лехи бурлила, молотя по нейронам и синапсам, гремучая смесь адреналина, всевозможных эндорфинов и серотонина. Человек по натуре вспыльчивый, он уже совершил индуцированный квантовый переход в предельно возбужденное состояние и сильно жалел, что сдал ТТ охране.

Попутно мелькнула мысль, что командиром полка после него станет кто-то из старших по званию, то есть Литвин или Заремба, но ни тот, ни другой не имеют достаточно опыта, а Сазонова, который всего лишь капитан, никто не назначит...

Замогильные раздумья притихли, поскольку Цакоев, равнодушно посмотрев на Мехлиса, неожиданно для всех громко зевнул и меланхолично проговорил:

— Вы не можете мне приказывать. Тем более я никому не позволю никого расстреливать без суда и следствия.

Побагровевший «инквизитор» повысил голос:

— Тут уже напоминали, что в армии надо выполнять приказы старших по званию!

— По званию тут постарше вас имеются, — скучающий голосом возразил капитан. — И вообще я не армейский, не надо на меня кричать, я тоже кричать умею. Если что-то понадобилось — обратитесь к полковнику Саркисову — пусть он мне прикажет.

— Вам не полковник приказывает, а член ЦК! Исполняйте!

Маршалы и командарм тихо охнули: Мехлис, что называется, зашел с козырей. К общему изумлению, у Цакоева нашелся козырь постарше.

Нагло улыбаясь, капитан поведал, что вот этой рукой, расстрелял двух секретарей ЦК, двух союзных и десяти республиканских наркомов, а уж приговоры простым членам ЦК приводил в исполнение вовсе без счета.

Кто-то говоривший с заметным кавказским акцентом громко добавил за спиной Часова:

— Между прочим, твоего дружка Ежова тоже он грохнул.

Повернувшись вполоборота, Часов увидел загроздившего весь дверной проем очень большого дядьку с веселым добродушным лицом безжалостного убийцы. Петлицы у него были красные, с тремя золотистыми звездочками вдоль просвета. Комиссар госбезопасности второго ранга. Вероятно, тот самый первый замнаркома госбез, о котором Аня говорила.

Огромная лапа комиссара легко отодвинула в сторону Часова, освобождая проход для появившегося из-за, широкой замнаркомовской спины невысокого упитанного человека в пенсне. Красные петлицы нового участника военного совета тоже пересекал просвет, но звезда была всего одна, причем заметно больше, чем у комиссара второго ранга. Генеральный комиссар государственной безопасности. Нарком внутренних дел. Член Политбюро. Первый зампред Совнаркома. По негласной табели о рангах — третий человек в государстве. Часов вдруг понял, чья подпись «Л. Б.» заставила чиновников тавризского СТУ выдать ему такую прорву машин.

Кивнув военачальникам и небрежно скользнув взглядом по картам, Берия сел во главе стола. Комиссар 2-го ранга, как гора, нависал у него за спиной. Пролистав лежавшие на

столе бумаги, Берия посмотрел на Егорова и спросил резким, раздраженным голосом:

— У вас возникли какие-то проблемы? Почему здесь посторонние?

Маршалы дружно перевели взгляды на Павлова, но тот выразительно развел руками. Прокашлявшись, Егоров почтительно доложил: дескать, серьезных проблем нет, перевозка войск продолжается по графику, корпус генерала Мельникова закрепился на плацдарме. К утру на плацдарм начнут прибывать части корпуса генерала Серафимова, а завтра, как стемнеет, моряки перевезут полк пушек-гаубиц и обе танковые бригады. Нетерпеливо прервав рапорт, Берия осведомился, где тяжелые танки.

Показав на Часова, Егоров объяснил:

— Командир полка перед нами, часть машин тоже здесь, остальные скоро будут на плацдарме.

— Уже взяли курс на Мариуполь, — уточнил Павлов.

Благосклонно наклонив голову, нарком негромко сказал что-то комиссару 2-го ранга, затем встал, лениво проговорив:

— Ну, работайте. Если буду нужен — не бойтесь побеспокоить. Надеюсь, *гражданин* ... — слово «гражданин» он подчеркнул издевательской интонацией, — ...Мехлис принес извинения за свой безобразный поступок?

Много позже, став умнее и набравшись кулуарного опыта, Часов пришел к заключению, что в тот момент Берия был настроен спустить дело на тормозах. Если бы Мехлис покался, вопрос мог быть закрыт без продолжения. Впрочем, не исключено, что тонкий психолог в звании генерального комиссара не сомневался: Мехлис заартачится. В любом случае, военные не собирались отпускать «инквизитора» по-доброму.

— Никак нет, — официальным тоном отрапортовал начальник Генштаба. — Генерал-лейтенант требует расстрелять товарища майора.

— Не может быть! — неискренне поразился нарком. — Товарищ Цакоев, это правда?

— Конечно, правда, клянусь мамой, — горячо подтвердил капитан. — Склонял меня к нарушению социалистической законности. Как будто я могу расстрелять кого-нибудь без бумажки из суда или без приказа Богдана Захаровича.

Большой дядька самодовольно ухмыльнулся. Покосившись на него снизу вверх, Берия сокрушенно покачал головой и поинтересовался, за какие преступления предлагалось расстрелять майора, который от страха слово сказать боится. Мехлис охотно принялся перечислять по пунктам. Когда он добрался до незаконно присвоенных броневинов, Павлов поспешно вставил:

— Товарищ народный комиссар, вы наложили резолюцию на письмо.

— Помню, — буркнул Берия. — И что же этот бессловесный майор сделал с бронемашинами? Перегнал к себе домой, спрятал в подвале и переделал в самогонный аппарат? Или, может быть, шлюх по ресторанам возил?

— Он самовольно использовал эту технику в качестве артиллерийских тягачей, — обличающим тоном провозгласил Мехлис.

— Правильно использовал, вся Красная Армия так использует, — нарком отмахнулся. — А в чем выражались его пораженческие настроения? Отказался идти в бой?

Тимошенко доложил, что получен рапорт командира 31-го стрелкового корпуса, согласно которому действия 87-го танкового полка в немалой степени способствовали разгрому немецко-фашистских войск на Керченском полуострове. Не дослушав, Берия объявил, что ему нравится такое поражение, и осведомился, о каких нарушениях приказов фронта идет речь. Начальник Генштаба подробно изложил историю с путаницей приказов, а сам Алексей добавил: мол, из нескольких взаимно противоречивых указаний комкор-31 выполнил то, которое наиболее соответствовало реальной обстановке.

— Узнаю стиль гражданина Мехлиса, — насмешливо высказался нарком. — Подменяем работу видимостью работы, да? Не умеем воевать — напишем много бумажек, чтобы перед инстанциями отчитаться, да? Короче говоря, этот парень и тот бывший офицер спасли твою задницу. Пока вы топтались на маленьком плацдарме и писали глупые приказы,

феодосийский десант выиграл сражение. Извинитесь перед Тимошенко, генерал, и можете убраться. Я доложу Верховному, что недоразумение улажено.

Возможно, Мехлиса такой исход устроил бы, но военные были настроены на расправу. Озабоченно нахмурясь, Егоров доложил:

— Не совсем так, товарищ первый заместитель председателя Совнаркома. Как выясняется, в результате крымской экспедиции тяжелый полк намотал около ста километров. Это значит, что в ходе операции «Уран» машины могут встать из-за отказа ходовой части.

— Что? — страшным голосом прошипел Берия, привстав, и светлые глаза под линзами пенсне загорелись диким блеском. — Скажите, майор, что случилось и что может случиться. Все говорите, пока я добрый!

В любом случае гнев высочайшего начальства обрушился бы не на него, поэтому Алексей отвечал совершенно спокойно:

— Выбыли убитыми и тяжелоранеными до половины личного состава тыловых и вспомогательных подразделений. В бою уничтожены штабной грузовик с радиостанцией, передвижной медицинский пункт, два противотанковых орудия, ремонтная мастерская, а вместе с ней — запасные части, в том числе дизели... — Алексей задумался, стоит ли сильно привирать, только на войне ничего не слишком. — Запас горючего в бензобаках практически исчерпан, израсходован возимый боекомплект. Кроме того, зампотех жаловался, что на половине как минимум танков пришла в плохое состояние механическая часть: блоки цилиндров, трансмиссии, фрикционы, подшипники, электрооборудование...

— Рапорт о потерях получен, — перебил его Павлов. — Радиостанцию, грузовик для штаба и медпункт мы ему выделили, солдат для тыловых работ, две пушки и боеприпасы дадим, соляркой заправим на плацдарме, приказ уже отдан. Но запчастей для новых танков у нас не имеется.

Угрожающе оскалившись, Берия шагнул к побледневшему Мехлису и заорал:

— Ты ишак, подлец, предатель! Всех обвиняешь во вредительстве, а сам — первый вредитель, убью на хрен, тебя первого! Из-за тебя, тварь ублюдочная, важнейшая операция под угрозой! Если «Уран» сорвется, тебя же никто не спасет, так и туда твою мать! Эту суку, которая тебя из-под хвоста выбросила, я лично из могилы выкопаю и все дырки заштопаю, чтобы не рожала уродов!

Смущенный Леха украдкой оглянулся. Цакоев и Богдан Захарович наслаждались представлением, одобрительно кивая в такт особо сочным оборотам. По лицу Егорова бегала брезгливая гримаса, а Тимошенко и Павлов не могли скрыть мстительных ухмылок. Сам Алексей испытывал сложное чувство справедливости, третий человек государства ставил на место мерзавца, погубившего много безвинных судеб.

— Я вас попрошу... — сдавленно выкрикнул Мехлис.

— Заткнись, сволочь! Просить будешь Цакоева, когда он в подвале тебе в затылок из «маузера» прицелится.

Богдан Захарович сделал серьезное лицо и громко произнес:

— Из «маузера» не стоит, он потом кляузу напишет, что мы отечественному оружию не доверяем. Стреляй из ТГ, Григорий. Или из «Коровина».

Берия отмахнулся, и комиссар 2-го ранга поперхнулся на полуслове. Продолжая надвигаться мелкими шагами, нарком снова перешел на крик:

— Как ты смел вывести из строя новые танки, которые Ставка направила для главного удара по немцам?! Из-за твоей глупости или предательства под угрозой самая важная операция всей войны! Если наступление сорвется, ты за все сразу будешь отвечать!

— Но я же не знал, что танки предназначались для другого фронта, — испуганно пискнул «инквизитор», начавший понимать, что нарком не шутит. — Я вообще не знал о наступлении Южного фронта...

— Не надо перед нами маленьким ребенком притворяться! — Похоже, Берия мог орать очень долго. — Где ты появляешься, от тебя никакой пользы, кроме вреда. Я на этом фронте

представитель Ставки, я отвечаю за эту операцию и не позволю какому-то бездарному пидарасу победу из моих рук отобрать!

Из последующих обильно-матерных выкриков Алексей смог уяснить, что его полку предстоит прорывать оборону противника и парировать неизбежные контратаки вражеских танков. Видимо, Верховное командование возлагало на 87-й ТТП очень большие надежды. Поэтому сама мысль о выходе из строя боевых машин казалась нарком почти катастрофой.

Внезапно прекратив разнос, Берия попил минеральной воды и позвонил кому-то, велел наскрести на заводских сусеках десять дизелей для ИС.

— Самолетом ко мне отправляй, чтобы завтра днем были... — прикрыв ладонью эбонитовую чашечку, нарком свирепо посмотрел на Часова. — Говори, майор, что еще надо с завода потребовать.

Постоянные жалобы Миши Авербуха прочно впечатались в память, поэтому Леха без запинки перечислил коробки перемены передач, балансиры подвески, фрикционы, топливные насосы и прочую мелочь, без которой громадная смертоносная машина превращается в неподвижный кусок металлических сплавов. Берия послушно повторял за ним мудреные названия, а в конце добавил:

— Всего — по десять-пятнадцать комплектов. Завтра днем!

Когда он положил трубку, неожиданно подал голос Мехлис, о котором все успели забыть, как о Тухачевском. Сурово и вроде бы без обид он доложил:

— На заводе не осталось лишних дизелей. Их было три, но прошлой ночью, по моему приказу, все имеющиеся моторы доставлены в Новороссийск. Я прикажу, чтобы их немедленно перевезли в Ейск.

— Если тебе дали три, то для меня еще пять найдутся, — назидательно изрек Берия и продолжал беззлобно: — Хоть ты и тупой подлец, но по части снабжения умеешь работать. Надо будет назначить тебя замполитом в управление тыла... — Наркома вдруг потянуло на лирику: — Вы думаете, почему вас всех еще не расстреляли? Почему простили Павлову сдачу Минска, а Мехлиса простили после того, что он в Крыму сделал? Думаете, Берия всегда добрый? Нет, я вас своей рукой в список записал, а потом вычеркнул. Думаете, Берия вас пожалел? Лаврентий Берия даже родного сына не жалеет. Вы сейчас в теплом кабинете водку пьете, а мой сын у немца в тылу с радиостанцией на плече... — он сопел и шумно дышал. — Я вас вычеркнул, потому что другие ничем не лучше. Если всех расстрелять, кто воевать будет? Поэтому за первую ошибку вас простили. Иди, Мехлис, но помни, что второго поражения в Крыму тебе не простят.

«Главный инквизитор» покинул кабинет поспешно, но с гордо поднятой головой. Берия тоже направился дверям, но вдруг остановился, разглядывая Часова. Затем с недовольной гримасой на лице он осведомился, почему таким важным полком, в такой важной операции командует всего лишь майор.

— Тебя, наверное, недавно из комбатов повысили? — предположил Павлов.

— Никак нет, зимой на полк назначили.

От него потребовали рассказать, где и как воевал весь год. Когда Часов добрался до осенних событий, Тимошенко вспомнил полк тяжелых танков, на два дня задержавший немецкое наступление на перекрестке возле Первомайского.

— Вас аттестовали на очередное звание? — спрос Егоров.

— Некому, товарищ маршал, да и не до того бывало. Сначала командиры корпуса менялись каждый месяц, а потом стали отдельным полком, нас мотало по разным армиям и фронтам...

— Обычная история, Александр Ильич, — сочувственно прокомментировал командующий фронтом. — Ни к званиям, ни к наградам не успевали представить.

На столе зазвонил один из телефонов, Берия по-хозяйски поднял трубку, Егоров поморщился, но возражать не стал.

— Понимаю, Семен Константинович, надо это положение исправлять, — сказал он. — Вы, майор, как будет свободная минутка, напишите на своих бойцов представления к

орденам и медалям и сдайте в штаб армии. А третью шпалу в петлицу вы прямо сейчас получите...

— Молодцы! — громко сказал Берия, положил трубку и громко провозгласил: — Конев чудеса творит. Прорвался южнее Бобруйска и развивает наступление. Теперь наша очередь. Надеюсь, не подведете меня.

Он вышел, не прощаясь. За ним ушли Богдан Захарович и Цакоев.

— Не по себе рядом с ним, — признался Павлов, когда хлопнулась металлическая дверь. — Но с Мехлисом он правильно поговорил, у меня аж на душе посветлело.

Снисходительно усмехаясь, Егоров проговорил:

— Одичал ты, Дмитрий Григорьевич, в своих Палестинах. Я уж молчу, что у тебя на портрете все мысли написаны и что ты лапой по кобуре елозил. Но ты совсем отвык от столичных правил. Хоть понял, зачем он «инквизитора» матерно унижал, да еще в присутствии младших по званию?

— Ясное дело зачем. Отец родной поставил негодяя на место, чтобы не совал рыло в чужое хозяйство. И ему власть показал, и нам, грешным, напомнил: мол, ежели провалите операцию, то второй раз из расстрельного списка не вычеркну. — Командарм прищурился, топорща квадратные усы. — Или я чего-то важного недокумекал.

— Недокумекал, — подтвердил Тимошенко. — Главное в том, что Лаврентий при множестве свидетелей назначил виноватого на случай неудачи «Урана».

«Скорее бы на фронт — воевать проще, чем в кабинетах разговаривать», — подумал Часов.

Между тем начальник Генштаба подтвердил, что за провал операции на окружение отвечать будет Мехлис, но и остальным сильно дадут по шапке. Затем Егоров приказал Павлову ехать в порт и переправиться на тот берег, пока темно и немцы не летают.

Началась суета. В комнате появились начальники штабов фронта и 47-й армии генералы Ватутин и Макаренко, другие штабные работники рангом пониже. Часов понял, что сейчас про него забудут, поэтому набрался решимости, протолкался к Егорову и попросил включить в приказ о присвоении званий еще несколько человек. Кивнув, маршал поручил какому-то полковнику написать приказ под диктовку Часова и немедленно дать ему, Егорову, на подпись.

Преследуя по пятам полковника-порученца, Леха организовал майорские петлицы для Сазонова и Черкесиани, капитанское звание для всех ротных, а также представил к очередному званию Низкохата и еще троих взводных, которые ходили в младших лейтенантах, с первого дня войны.

Подписав приказ, Егоров засмеялся и крикнул Павлову:

— Забери своего танкиста, покуда он мне руку по плечо не откусил.

Командарм подозвал Алексея взмахом руки, рядом столпились другие командиры. Все вместе они вывалились в коридор, разобрали шинели и полушубки. Генерал-майор Макаренко скаламбурил: мол, будь, Часов, готов через полчаса.

Натягивая ватник, Алексей тоскливо подумал, чти повидать Аню, попрощаться с нею вряд ли получится. На этот раз он угадал.

Первым делом подполковник Часов нашел свои танки на плацу. Одна машина была все-таки последней модификации — KB-3Д. Позади танков стояли «студебеккеры» — из тех, что они пригнали из Ирана. К двум из десятка грузовиков были прицеплены знакомые пушки ЗиС-3, к третьему — полевая кухня. Возле техники топтался заочеченный часовой с карабином. Командира полка он в лицо, конечно, не знал, на вопросы отвечать отказался, но показал, в которой казарме разместились танкисты и мотострелки.

Бывалые фронтовики лежали на койках, не сняв одежды, поэтому быстро построились. Хотя приданной подразделение называлось ротой автоматчиков, на самом деле автоматами ПППШ был вооружен лишь один взвод. У остальных были винтовки — мосинские трехлинейные и новые самозарядные.

Алексей представился личному составу, поздравил Озерова с капитанской шпалой, затем приказал готовиться к движению. Шабрин заикнулся было насчет кормежки, но Часов не разрешил.

— Нас ждет веселое путешествие по штормовому морю, — сообщил подполковник. — Качка будет неслабая, что весь ужин за борт отправите. Пока грызите сухари, а когда соединимся с главными силами полка — покормим как следует. А теперь слушайте приказ: водители, марш к машинам — моторы прогревать. Остальным — собираться.

Пока личный состав — без малого три сотни душ — оправлялся, наматывал портянки, натягивал сапоги и подгонял амуницию, Часов расспросил обоих ротных командиров о состоянии присланных в полк подразделений. По их рассказу получалось, что народ обстрелянный, техника в исправности, машины заправлены, опасного боекомплекта не имеется.

— Не так уж плохо, я ждал чего-нибудь хуже, — вздохнул Алексей с некоторым облегчением, объяснил обоим капитанам задачу на марш, и вдруг вспомнил: — Командарм обещал выделить штабную машину, радио, медпункт и солдатиков для тыловых работ.

— Есть такое, только все в один «студебеккер» помещается, — Шабрин оглушительно заржал. — Стол для начальника штаба, рация с радистом, хирург-пацан младший лейтенант, бабуля-санитарка и два мешка лекарств. А в придачу — отделение стариков-нестроевых.

Часову оставалось лишь повторить, что могло быть хуже.

Моторы на морозе заводились неохотно, особенно у колесной техники. В отведенные Макаренкой полчаса они, конечно, не уложились, но остальные тоже не были готовы. Длинная колонна грузовиков, бронемашин и танков покинула гарнизон лишь за час до полуночи. Леха собирался ехать в грузовике, чтобы поговорить с новыми подчиненными, однако Павлов позвал его в свой автобус.

Командарм и начальник штаба подарили пару петлиц с тремя шпалами на каждой, после чего дотошно расспросили его о составе, подготовке и боевом пути полка, попутно проэкзаменовав самого Часова. Генералы со знанием дела выясняли, как он действовал в разных сложных ситуациях, как оценивает противника и боевые действия минувшей кампании.

— Говорите, не тот стал немец? — задумчиво переспросил Макаренко. — Мы на Северо-Западном тоже так думали. В наступлении фрицы уже не проявляют былой настырности, но в обороне дерутся как звери. В августе мой корпус наступал на узком участке, шесть полков в первом эшелоне, каждому по танковой роте придал. Все коробочки сгорели, а вклинились — чуть.

— Сколько стволов артиллерии стянули на километр фронта? — поинтересовался Часов, не сомневаясь в ответе.

— Сколько смогли — два десятка.

— Потому и не продвинулись, — проворчал подполковник. — Надо было всю артиллерию и все танки ввести на участке одной дивизии, а не размазывать по фронтам.

Павлов согласился, что надо смелее маневрировать огнем и колесами, приведя в пример свою 60-ю армию в Палестине. Фон Роммель рвался к Амману, чтобы оседлать шоссе, ведущее в тыл советской группировки. Он не предусмотрел, что советское командование может действовать решительно, и был наказан за этот просчет. Павлов оставил возле Иерусалима минимальные силы, а все танки и стрелковую дивизию на грузовиках отправил по тому самому шоссе, на которое положил глаз «Лис пустыни». Дорога оказалась палкой о двух концах, и на рассвете на фланге немецкого корпуса внезапно появились две сотни Т-34 и пять тысяч штыков. К полудню англичане тоже пошли в наступление, и Роммель бежал без оглядки три дня, бросив всю тяжелую технику.

— Читали в «Красной звезде», — не без зависти сказал наштарм. — Значит, подполковник, считаете нужные массировать силы на очень узком участке? И как собираетесь прорывать фронт противника возле Мариуполя?

— Решение будет принято, когда изучу обстановку на местности.

— Серьезный мужик, — одобрительно прокомментировал Павлов и подозвал адъютанта. — Тащи, что положено. Будем обмывать его новые петлицы.

Закусывать коньяк салом, килькой в томате и соленым огурцом — это совсем неправильно, к коньяку положены сыр или шоколад. Однако выпили, закусили, и очень хорошо пошло.

В порт Ейск они приехали большими друзьями. Генералы отбыли на быстроходном «морском охотнике», а танковое «хозяйство» долго грузилось на большую баржу явно дореволюционной постройки. Кроме команды Часова на древнее корыто поместились батальон морской пехоты, несколько бензовозов и дивизион шестидюймовых пушек-гаубиц. Три буксира тянули баржу с черепашью скоростью — узлов 7–8. Прикинув, что путешествие займет не меньше пяти часов, Алексей приказал моному составу забиться в трюмы и кемарить. Потому как никто не мог сказать, каким окажется новый день.

На палубе остались немногие. Самого Часова на сон не тянуло — еще не прошло возбуждение после дневных переживаний. Некоторое время он сидел на башне КВ и жевал кусок хлеба, прикарманенный в штабной столовой. Потом вдруг появился давний знакомый — имя этого старика Леха забыл, но точно помнил, что старшина мотострелковой роты когда-то был белым офицером. Сейчас же ветеран носил петлицы младшего лейтенанта и командовал взводом.

Звали его, оказывается, Георгий Александрович, а фамилия была Негуляев. К командирскому званию старика представили в октябре, когда их полк вел уличные бои в Ростове в составе 62-й армии. Командиров перебили немецкие снайперы, старшина принял командование остатками батальона, а полк повел в последнюю атаку старший лейтенант Озеров. После трехчасового штыкового и гранатного боя полторы сотни красноармейцев захватили полуразрушенный каменный дом и почти неделю удерживали руины, отбивая по десять атак на дню. Там, в развалинах, и родился лозунг: «За Доном для нас земли нет».

— А как же ваше темное прошлое? — осведоми Часов.

— Так и сказали: мол, командовал у Врангеля батальоном, теперь в Красной Армии послужи Отечеству, — Негуляев кашлянул. — Вы, подполковник, полегче с нашим ротным — у него в Ростове всю семью одной бомбой убило, и брат на фронте погиб. Совсем один парнишка остался.

Алексей наклонил голову. Война складывалась множества личных трагедий. Он слышал подобные истории каждый день, но всякий раз переживал за малознакомых людей. Привыкнуть к такому было невозможно. Часов неловко пробормотал:

— Тяжелая штука жизнь. Всякие фокусы выкидывает...

— Да уж, насчет фокусов вы правы, — согласился пехотинец. — Я вот, например, второй раз через Азов хожу в десант.

— Высадка Слащова у Каховки? — догадался подполковник.

— Она самая... Между прочим, на этих же самых болиндерах переправлялись. Только были тогда эти галоши самоходными. Видать, за двадцать лет моторы испортились...

Интересный разговор прервал подошедший к танку старший лейтенант морской пехоты. Парень узнал Часова и, забравшись на башню, радостно сказал:

— Здорово, танкист. Это не ты нам под Феодосией дорогу проутюжил?

— И тебе не кашлять... Выходит, опять вместе будем. Не дали вам передохнуть после крымского десанта.

Закурив, морпех поведал, что в Мариуполе высадились морские бригады, переброшенные с Тихоокеанского и Северного флотов. Братишки понесли немалые потери при захвате плацдарма, поэтому из остатков керченской и феодосийской бригад сколотили маршевые батальоны для пополнения.

— Хорошо дерутся черти в бушлатах, — высказался Негуляев. — И в Гражданскую смело в штыки ходили, и в эту войну видел их — в Одессе, в Ростове... Отборные бойцы. Надежные.

— Эх, отец, и у нас в семье уроды попадаются! — старлей сплюнул. — Нашелся в

нашем батальоне гнилой хлопец, Санька Яковлев. Вроде бы комсомолец, на собраниях правильные слова говорил, а перед боем стал подбивать ребят перебежать к фашистам. Когда его расстреливали, визжал от страха и грозил: мол, немцы за меня отомстят.

— Сволочь, — с чувством омерзения сказал Часов. — Таких не стрелять, а вешать надо.

Волнение раскачало баржу, даже у Лехи появились признаки тошноты. Подполковник посоветовал собеседникам спуститься в трюм, и сам тоже нашел угол, где можно завалиться поспать.

Шабрин растолкал его сразу после швартовки. Кое-как сгрузив технику на причалы, Часов отправился искать начальство и наткнулся на полковника Стебельцова с группой командиров. На вопрос, где остальные подразделения полка, смертельно усталый заместитель командарма сообщил:

— В море твои орлы. Ждем часа через три, когда рассветать будет.

Полковник приказал ему совершить марш по городу и укрыть технику в роще на восточной окраине. Всю дорогу сидевший в кабине штабного грузовика Часов слышал выстрелы — и ружейные, и пушечные. Вокруг города продолжались бои.

Деревья в роще росли негусто, хватало места для маневра, да и остальным машинам, когда подтянутся, будет просторно. Передний край пролегал совсем рядом, километрах в трех. По дороге в ту сторону подтягивались пехотные подразделения. Ближе к роще разворачивалась артиллерия, включая тяжелые орудия, прибывшие на одной барже с танкистами. По соседству обосновался минометный дивизион, которым командовал давний приятель Димка Осянин. От него Часов узнал, что противник не успел создать сплошной обороны, и сейчас готовится штурм вражеского опорного пункта в деревне Калиновка.

Между тем время стремительно убегало — в бесконечность, если верить астрофизику Раппопорту. Приказав командирам рот накормить личный состав сухпайком и организовать наблюдение за противником, Алексей сел в штабной грузовик и велел водителю гнать обратно в порт.

Начинало светать, в любой момент могли налететь «штуки», а баржи с танками еще не прибыли. У причалов стояли два пароходика, с которых торопливо сбегали по трапам солдаты. Старшим в порту был генерал-майор Серафимов, командир 26-го корпуса — высокий осанистый, чисто выбритый и в меру поддатый. Увидев Часова, генерал обрадовался и объяснил, что им предстоит воевать вместе.

— Сегодня силами морской пехоты, моей стрелковой бригады и твоего полка надо — кровь из ушей — выбить противника из Калиновки и других ближних деревень. Завтра утром, когда придут две мои дивизии, мы с этого рубежа пойдем на прорыв. Калиновку надо брать сегодня, пока там стоит румынский полк. Потому, как ночью они соберут против плацдарма много больше сил. Понятно?

— Так точно, чего тут непонятного... — Часов всматривался мимо генерала в сторону моря, одновременно обдумывая задачу. — Как только командарм отдаст приказ и пришлет обещанные топливозаправщики...

— У меня твои бензовозы! — сообщил помрачневший Серафимов. — И приказ будет, не бойсь. Я, знаешь ли, тоже битый, без бумажки шага не сделаю... Где твои танки?

Леха молча показал рукой в море, где были уже отчетливо видны в лучах восходящего солнца буксиры; баржи и катера охранения. Изрядно припугнув Алексея; в небе загудели моторы, но то были не «юнкеры», а наши истребители. Пароходы, которые привезли пехоту, к этому времени уже приняли на борт раненых и отрабатывали от причалов. На освободившиеся места швартовались неуклюжие баржи-болиндеры с танками на палубах. Вдали на глади Таганрогского залива показалась целая туча мелких кораблей — для перевозки десанта были задействованы все плавсредства Черноморского пароходства.

Завидев на причале встречавшего их Часова, танкисты пришли в такое изумление, что стало ясно: народ и не надеялся увидеть отца командира живым и без конвоя. Новые

петлицы под расстегнутым ватником и вовсе сбили всех с толку.

— Долго добирались! — сурово рявкнул Алексей. — Быстрее разгружайтесь, пока фрицы не прилетели.

«Штуки» действительно появились, но отбомбиться в сволочном стиле Люфтваффе не смогли. Барражировавшие над городом истребители отогнали «юнкеры», сбив одного.

Ближе к концу разгрузки, когда всю акваторию заполнили малотоннажные суда, издалека начала пристрелку вражеская артиллерия. Снаряды падали где попало, поднимая на мелководе невысокие столбы брызг. Один рыболовный баркас был поврежден и выброшен на отмель. Солдаты прыгали за борт и брели к берегу мокрые по колено. Другой снаряд разорвался возле буксира, который сильно накренился и затонул возле самого пирса — часть палубы и надстройка остались над поверхностью.

Потом взрывы стали чаще — наверное, к обстрелу присоединились другие батареи. Снаряды падали в море и на причалы, подожгли складские помещения, осколки ранили матросов на барже, с палубы которой съезжал предпоследний ИС. Близким разрывом убило и ранило нескольких танкистов из роты Ващенко. Осколок пробил колесо тащившего пушку броневика.

От нервов Часов жутко матерился, но ускорить разгрузку был не в силах, а подавить батареи противника — тем более. Они с Зарембой делали единственное, что могли, — старались побыстрее вывести переправленные на берег подразделения с обстреливаемой территории порта.

Наконец, ушли последние машины. С облегчением переведя дыхание, Леха усадил Зарембу, Сазонова, Авербуха и Низкохата в штабной грузовик и повел колону в лагерь полка. Двадцатиминутный переход по городу был удобным временем, чтобы сообщить друзьям последние новости.

— Ну, ты прямо книжку про графа Монте-Кристо рассказываешь. Не могу поверить, что я уже майор, — простонал обалдевший Сазонов. — А который Шабрин-то? Наверное, Матвей, который с нами под Харьковом был.

— Он самый. Помнится, мужик храбрый до безумия, но по тактике я б ему больше тройки с минусом не поставил. Ломился в лобовые атаки, словно никогда не слышал таких слов: «охват» и «маневр».

— Ну да, разменял три свои «кавэшки» на «пантеру» и «четверку».

— Вот именно. А ты в том бою потерял одну машину и подбил пять, включая двух «тигров». Короче, вот тебе рота из шести однотипных машин. Взвод Беляшова возвращаем в роту Веремея, а взвод Филимонова я забираю — будет у меня резерв на черный час.

Общей радости не разделял только зампотех. Мишка заметно нервничал, опасаясь расплаты за чрезмерные запросы свежее испеченного подполковника.

— Ну на хрена ты врал, что двигатели нужны? — повторял он озабоченно. — Знал ведь, что все дизеля и другие запчасти в целости...

— Не дрейфь, запас лишним не бывает, — отмахнулся Часов. — Хватит лирики — рассказывайте, в каком состоянии люди и техника.

Заремба поведал, что добрались без особых приключений, хотя после многочасового круиза многие ребяташки позеленели, как огурчики. В начале мореплавания, пока качка не стала невыносимой, все дружно занимались текущим техобслуживанием: подтянули гайки и траки, заменили некоторые детали. Так что техника, резюмировал начштаба, более-менее готова к новому бою. Личный состав здоров, если не считать «морской болезни». Даже легкораненые, включая Раппопорта, остались в строю.

Разумеется, каждый счел нужным сказать о том, что Часов и сам знал: в баках на исходе горючее, а снарядов осталось по три десятка выстрелов на ствол.

— Маловато, — согласился подполковник, — но горючее обещали твердо. К тому же не забывайте про наружные баки, там наверняка литров по двести осталось.

— Ничего там не остается, мы же перед маршем все перелили, — напомнил Сазонов. — Нужно по полтонны солярки на машину. А если снова наружные баки напомним,

то всего понадобится тонн тридцать.

— Не стоит навесные наполнять, — Алексей почесал подбородок. — В бою хорошо горят...

Он коротко объяснил, какие задачи стоят перед полком, хотя сам до конца не знал всех деталей стратегического замысла. Известие о решительном прорыве на соединение с войсками Югзапфронта вызвало новый приступ бурного восторга. Заремба немедленно развернул карту Сталинской области, прочертил пальцем вероятные направления ударов и сказал:

— Черт побери, это прямо «канны» получаются. Как в учебнике. Когда веселье начнется?

— Как я понимаю, на севере должны завтра на рассвете начать, — неуверенно произнес Алексей.

Они уже подъезжали. Возле последних домов пригорода колонну остановил патруль. Лейтенант-мотострелок предупредил командира полка, что в расположении части прибыли Павлов, Макаренко и Серафимов.

Жители окрестных домов высыпали на тротуары и мостовую, с интересом разглядывая растянувшуюся вдоль улицы колонну громадных боевых машин. Мальчишки порывались залезть на броню, танкисты предлагали прокатиться местным гарным дивчинам. Некоторые дивчины были заметно беременны — не иначе, оккупанты поработали.

Часов прислушался к далекому громуханию. Пушки нечасто били где-то в западной части города.

Автобус командарма стоял между шестеркой КВ и грузовиками мотострелков. Чуть в сторонке, под соснами, выстроились пять топливозаправщиков. «Тонн пятнадцать от силы, то есть всего полбака на машину выходит», — прикинул Часов. Шабрину, который подбежал к голове колонны, он сказал, выпрыгивая из кузова:

— Вот начальник штаба полка — объясни ему, что здесь делается. — Подполковник продолжал на ходу раздавать указания: — Авербух, организуй заправку ИСов — всем поровну. Заремба, распредели пополнение: танки — Сазонову, пушки — Раппопорту, подсобников — Рябченке. И пусть начинают готовить обед на весь колхоз, харчей не жалеть... — Он подозвал Низкохата. — Свяжись с разведчиками пехотных бригад, организуй наблюдение, наши мотострелки тоже должны были кое-что разведать. Мне нужно знать все о системе обороны Калиновки... Ну, я побежал.

Три генерала, два полковника и майор перекуривали возле командармовской машины.

— Явился наконец, — добродушно констатировал Павлов. — Принимайся за дело, подполковник, бригады уже занимают позиции, через час начнется артподготовка.

В салоне автобуса Часову показали на карте деревню, в которой держал оборону румынский полк. Задача полка выглядела простой: во взаимодействии с 126-й стрелковой бригадой выбить противника из Калиновки, а затем на плечах отступающих ворваться в расположенную чуть дальше к северо-востоку деревню Сартана, где размещались штаб пехотного полка, а также дивизионные склады боеприпасов, горючего и продовольствия. Позиции противотанковой артиллерии предполагалось накрыть огнем гаубиц и минометов. Одновременно морская пехота атакует поселки Виноградное и Приморское.

— Минные поля есть? — спросил Алексей.

— Румынские саперы пытались поставить, но мы всякий раз их минометами разгоняли, — сообщил Серафимов. — Главная головная боль может быть от противотанковых батарей на флангах. Особенно вот эта плохо стоит — у оврага на север от деревни.

Южная окраина села была вообще неудобна для танковой атаки, там румыны пушки напрасно поставили. Вторая батарея, на левом фланге наступления, действительно выглядела неприятно и расположена была умело. Только любую опасность можно перечеркнуть, если толково за дело взяться. Часов попросил подчинить ему минометчиков Осянина и пояснил:

— Мы с ним в боях за Чернигов отработали взаимодействие. Танки и пехота наступали, прижимаясь к разрывам.

— Дивизион будет работать на тебя. — Командарм понял идею. — Как намерен действовать?

— Надо еще на брюхе поползать и в бинокль посмотреть, — дипломатично начал Часов. — Но, в общем, думаю ударить одним батальоном с фронта, вторым — левее, раздавить пушки и вывести пехоту во фланг и тыл обороняющимся. Если бой затянется, введу третий батальон. Если пойдет гладко — третий батальон с автоматчиками без задержки брошу на Сартану. В деревню танки не пушу, там пехота сама справится.

Разволновавшись, комкор потребовал растянуть танки в линию на всем фронте наступления двух бригад, но старый танкист Павлов отрезал:

— Моряки справятся сами — там гарнизоны слабые, а местность для танков неудобная. Только имей в виду, Часов, не зарывайся, береги танки для главного дела. Завтра утром тебе вводить в прорыв бригаду Манаева и две дивизии.

На сей счет у Лехи появились некоторые идеи, но говорить об этом было рано. Поскольку в автобусе присутствовали начальники разведки корпуса и армии, он поинтересовался, что известно про систему обороны Тартаны. Ему дали нарисованную от руки схему местности с помеченными позициями малокалиберной артиллерии, расположением дзотов и траншей для пехоты. Полковник из армейской разведки добавил, что его люди вроде бы видели в Сартане самоходки, но количество и тип определить не сумели.

Вопрос о снабжении генералы слушать не захотели — сами знали, что проблема стоит остро. Макаренко заверил, что ночью, как только стемнеет, в порт придет танкер и баржи с боеприпасами.

Когда Часов, откозыряв, попросил разрешения идти, Павлов осведомился, знаком ли он с подполковником Манаевым.

— Вроде бы толковый командир, — Алексей слегка дернул плечом. — Видел его однажды в бою — спокойно дерется, умело. С тех пор наверняка больше опыта набрал.

— Это хорошо. — Командарм вздохнул. — Только бригада у него слабенькая — «тридцатьчетверок» и «пятидесяток» поровну. А в бригаде Смирнова и вовсе нет средних танков. Так что, если «кошки» пойдут в контратаку, вся тяжесть на твоих «мамонтов» ляжет. Можешь идти, подполковник.

Поползав с биноклем по пригорку возле переднего края, Часов рассмотрел полезные подробности. Во-первых, перед батареей румынских 75-мм пушек протянулся глубокий овраг, труднопроходимый для ИСов. Во-вторых, высота левее батареи быстро превращалась в опорный пункт с дзотами и малокалиберными противотанковыми орудиями. Засевший там батальон, если оставить его без внимания, вполне мог положить огнем во фланг немало наступавшей на Калиновку пехоты.

Комбриг 126-й оказался рядом — изучал поле в стереотрубу. Идею Часова он воспринял без энтузиазма, потому как бригада была пятибатальонного состава, и лишних подразделений не имелось. Тем не менее с болью в печенке и после недолгого ворчания, полковник согласился выделить один батальон для захвата высоты.

Под грохот начавшейся артподготовки Часов распределил между комбатами полосы наступления и вернулся к своему танку.

— Совсем про нас командир забыл, — громко посетовал Коротков. — Я уж думал, без тебя в наступление пойдем.

— Не шуми, — тоже громко сказал мехвод Горшин. — Живой-невредимый вернулся — и лады. Может, расскажет, зачем его на самолете увезли.

— Будет вам, замотался с делами — потому и не мог прийти, — буркнул смущенный Часов. — А рассказывать особо нечего. Вызвали на КП фронта, поставили задачу. И хватит об этом.

Полчаса артподготовки приближались к завершению. Дивизион Осянина уже перенес огонь, забрасывая минами опорный пункт пехоты и батарею. Зарядив ракетницу, Часов поднял руку повыше и нажал на спуск. В небо взметнулись три красных огонька — традиционный сигнал атаки.

Справа от командирского танка двинулся на деревню батальон Литвина. Слева, держа направление на укрепленную высоту, поползли на первой передаче танки Сазонова. Машина командира полка и три ИСа филимоновского взвода пошли в промежутке, нацелясь на позицию шестерки пушек, прикрытую ротой румынской пехоты.

Мины точно ложились вокруг неприятельских орудий, и под таким обстрелом артиллеристы не высывались, а забились в окопы и щели, пережидая огневой налет. Окопавшиеся впереди батареи пехотинцы вяло постреливали из пулеметов и противотанковых ружей в надвигавшиеся «мамонты», однако несколько осколочно-фугасных снарядов привели их в чувство. Сметнув, что большие стальные машины поразить пулями не удастся, румыны не стали искушать судьбу, поспешно покинув обреченную позицию.

Леха почему-то вспомнил Халхин-Гол, где в его БТ попала очередь японского противотанкового пулемета. Спасаю он тогда, прямо скажем, чудом: громадная пуля прошла между ним и наводчиком Перцовым. Смешной был паренек, где он сейчас...

Расчищая дорогу короткими пулеметными очередями, танки проутюжили траншею с неуспешными убежать солдатами. Метров через сто Часов приказал Горшину остановиться, чтобы не свалиться в овраг. Соседние танки, повторяя действия командира, тоже встали.

— По пушкам, огонь, — скомандовал Алексей в микрофон рации. — Степа, осколочный.

Четверка ИСов стояла буквально в полукилометре от батареи, расстреливая пушки прямой наводкой, словно на полигоне. Одно орудие было подбито еще во время артподготовки, два других танкисты вывели и строя первыми же снарядами. Еще несколько выстрелов — четвертая пушка подпрыгнула от близкого взрыва и неловко задрала ствол к небу, как зенитка. Прислуга остальных орудий разбежалась, так что батарея более не представляла тактического интереса.

Алексей выглянул из башни, прикрываясь крышкой люка. Пехота подтягивалась перебежками, накапливаясь повзводно позади линии танков. Батальон Литвина приближался к окраине деревни, расстреливая огневые точки, оборудованные в добротных каменных и кирпичных строениях. На левом фланге Сазонов методично щелкал дзоты и пулеметные гнезда на высоте. Оборона была, можно сказать, подавлена, пришло время атаковать. Он выпустил три зеленые ракеты — сигнал отбоя для минометчиков.

Как только иссяк минный дождь, пехота устремилась вперед неровными цепями со всеми положенными и неположенными выкриками. Машины Сазонова тоже придвинулись к подножью высоты, но приданный от комбриговских щедрот стрелковый батальон догнал танки. Солдаты шли навстречу смерти, прикрываясь броней ИСов и КВ. Впрочем, атака быстро превратилась в траншейный бой, где танкам тесно.

Тем временем солдаты, наступавшие за небольшим отрядом Часова, ловко набросили на края оврага заранее припасенные доски и перебегали через препятствие по этим ненадежным мостикам. Несколько досок сломались, и не меньше десятка красноармейцев с проклятиями упали на дно балки. Остальные бойцы не стали ждать, пока неудачники выберутся из грязного снега. Развернувшись в цепь и стреляя на ходу, рота продолжала атаку. Со стороны батареи звучали одиночные винтовочные выстрелы, да и те быстро прекратились, когда наступающая пехота ворвалась на позиции румынских артиллеристов.

Повернув голову вправо, Часов увидел горящие дома на окраине Калиновки. Главные силы 126-й бригады, схватив деревню с разных сторон, стремительно вливались в узкие просветы между изгородями дворов.

А на левом фланге достиг кульминации штурм высоты. Пехота и танки перемолотив первую линию траншей, приближались к тыловому рубежу обороны. Гусеницы давили

брустверы, заваливая мерзлым грунтом окопы и ходы сообщения. Показавшись из-за щита неуязвимых машин, пехотинцы бросились в ближний бой, поражая противника штыками, автоматными очередями, ударами заточенных саперных лопаток. Вскоре румыны начали отходить. Некоторые просто бежали, другие пятились и отстреливались, кое-кто становился на колени, бросив винтовки и подняв руки.

Поскольку эта часть боя практически закончилась, Алексей решил перейти к выполнению последующей задачи. Доложив о своем решении в штаб корпуса, он приказал Сазонову сползать с высоты и сопровождать пехоту к восточной окраине Калиновки, чтобы отрезать защитникам деревни пути для отхода.

— Ель, обходи Сосну слева и чеши полным ходом по дороге! — крикнул он на другой частоте и переключился, на волну Литвина. — Кедр, оттягивайся от деревни и выдвигайся на бывшую батарею.

Энергичный жест, адресованный выглядывавшему из соседнего танка Филимонову, означал: следуй за мной. Четыре ИСа неторопливо загрели траками вдоль оврага, огибая высоту, на которой застыли два КВ с перебитыми гусеницами. Экипажи сустились вокруг машин, вооружившись монтировками и кувалдами.

— Все целы? — крикнул Алексей.

Ему ответили отмашками: дескать, не беспокойтесь, товарищ командир.

В полукилометре за высотой он догнал батальон Черкесиани, грузовики мотострелковой роты и броневики артиллеристов. Колонна уверенно двигалась в сторону Сартаны.

Когда они приблизились к деревне на расстояние прямого выстрела, в наушниках прозвучал голос комкора. Серафимов интересовался, чем занимается «пожарная команда». Узнав, что «команда» потушила пожар в коровнике и поехала тушить дальнюю ферму, генерал даже растерялся, но пообещал:

— Подкину на подмогу артель лесорубов.

— Благодарствую, Андреич, — строго по кодовой таблице ответил Алексей. — Ты бы вернул мне Сосну и тех лесорубов, которые с ним на тот пожар ходили.

После паузы Серафимов подтвердил малопонятными для вражеских радистов словами, что батальон Сазонова и стрелковый батальон будут выведены из боя за Калиновку и направлены к Сартане.

— Пожарными нас еще не называли, — заметил маявшийся бездельем Коротков. — Обычно «коробочки», «утюги» или «слоны». Ты представь, Степа, какая ржачка стояла, когда командир докладывал: дескать, у трех слонов лапти расплелись, а остальным пить захотелось и карандаши кончились, рисовать нечем.

— Це дюже смишнэ, — уныло согласился Майдебура.

Колонна неторопливо шла по бездорожью, не встречая сопротивления. Правее, чуть отставая, двигался Литвин. Сазонов докладывал, что бой за Калиновку заканчивается, его подразделения покидают деревеньку и скоро направятся на Сартану. Батальон 126-й бригады тоже втягивался в марш.

Сартана была уже хорошо видна, когда Низкохат радировал, что с востока подтягивается длинная колонна: в авангарде — самоходки, броневики и легкие танки, за ними — много кавалерии, пехоты и артиллерия на конной тяге. Впускать в Сартану подкрепления смысла не имело — потом не оберешься возни выкуривать их из населенного пункта. Разумнее побить резервы прямо в чистом поле. Сразу вспомнились древние лекции по тактике в танковой школе, где их учили: танки должны смело и стремительно атаковать вражеские колонны на марше. Что ж, как верно сказал Павлов, начинается маневренная война, и у него есть четыре колонны, каждая которых способна решать самостоятельную задачу.

Приказав механику выехать на единственный поблизости бугорок, он увидел длинную ленту вражеских войск, вытянувшуюся в полях за деревней. Левее расстилался густой частокол голых стволов — то ли роща сбросила на зиму листву, то ли фруктовый сад.

Если поспешить, они успевали отрезать эту колонну от Сартаны, но в таком случае танкам пришлось бы перестраиваться в опасной близости к деревне, подставляя борт и корму под выстрелы имевшихся в деревне самоходок.

Как говорится, хороший командир думает быстро, а решения принимает еще быстрее. Подполковник торопливо раздавал приказания, разворачивая колонны на марше. Свежий, не участвовавший в сегодняшнем бою, батальон Черкесиани вместе с грузовиками Озерова и пушками Раппопорта резко свернул влево, чтобы обойти вражескую колонну, спрятавшись за полысевшими деревьями. Остальным подразделениям Алексей приказал наступать на Сартану.

Сам он, во главе грозной силищи в четыре ИСа, рванул навстречу неприятелю, держась поближе к скоплению оголившихся стволов. Маршрут лежал примерно в километре от деревни, и Часов сомневался, что у румын имеются средства, способные с такой дистанции поразить хотя бы бортовую броню тяжелых танков.

Заметив атаку небольшого отряда незнакомых машин, выкрашенных в белый цвет, румыны остановись, но походный строй нарушать не спешили. Перед пехотой и кавалерией выдвинулись танкетки и орудия: Четыре в конных упряжках и три типа STUG III.

— Филимонов, бей шрапнелью и осколочными по танкеткам и пушкам. Самоходы мои будут... — приказал Часов и добавил по ТПУ: — Андрюха, болванками по самоходам. Серега, короткую.

Боеприпасов оставалось в обрез, а первые два выстрела, как назло, цели не достигли. Противник тоже открыл огонь, один снаряд даже попал в лоб часовенской машины. Сталь загрохотала об сталь, от внутренних стенок брызнули мелкие осколки, поранившие танкистов, но сквозной пробоины не получилось.

Последнюю самоходку Коротков подстрелил буквально предпоследним кумулятивным снарядом. С облегчением выдохнув, Алексей собрался перенести огонь на батарею буксируемых пушек, но над позициями артиллеристов густо рвалась шрапнель Филимонова, так что расчеты даже не успели подготовить свои орудия к стрельбе. Одна танкетка горела, остальные же бесследно исчезли. Вдобавок со стороны леса, развернувшись в линию машин, уже спешил батальон Черкесиани, а за танками бежала цепь автоматчиков.

Румынские пехотинцы, сломав строй, разбегались; недружно стреляя из винтовок и пулеметов. Кавалеристы торопливо спешили, готовясь принять бой. Однако стремительное приближение советских танков сорвало грамотную, но запоздалую попытку румынских командиров организовать отпор. Танковые снаряды точно ложились в плотных порядках суетившегося противника, причиняя немалые потери. Поняв свою беззащитность перед стальными громадами «мамонтов», румыны привычно приняли правильное решение и побежали.

Сазонов и Литвин доложили, что подходят к Сартане, встречая лишь слабое сопротивление разрозненных групп противника. Согласно их рапортам, в процессе боя удалось подбить два легких танка, броневик и самоходку, огнем танковых пушек были уничтожены также несколько дзотов и батарея легких полевых орудий.

Не удержавшись, Алексей высунулся по пояс из башни. Над головой ослепительно сверкали подсвеченные снаружи облака, вокруг расстился разрисованный следами гусениц снег, а позади изломанные цепи стрелковых рот волнами накатывались на горящую деревенскую окраину.

Он повел свой маленький отряд вперед мимо подбитых STUGов и разгромленной батареи. Повсюду металась потерявшие седоков лошади. Танки 2-го батальона успели уйти дальше на восток, преследуя бегущих, но Часов приказал Черкесиани возвращаться — не следовало увлекаться погоней. Мотострелки сгоняли в общую толпу пленных. Смекалистый Негуляев прибрал к рукам телегу, в которую солдаты охапками складывали брошенное врагом оружие.

— Ту повозку с провиантом прихватите, — покрикивал бывший штабс-капитан. — Старшина Султанбаев, найди Рябченку, сдашь ему трофеи.

Приказав Горшину остановиться, Часов спустился на вялый неглубокий снег. Озеров уже спешил к командиру полка, на бегу поднося руку к ушанке.

— Отставить рапорт, — весело разрешил подполковник. — Вижу, что отлично поработали. Собери народ повзводно и будь готов — сейчас пойдем на Сартану.

Он повторил приказ прикатившему на танке Васику. По разочарованным лицам было понятно рвение обоих командиров развивать удачно начатую атаку, но задача перед полком стояла совсем иная.

Кедр и Сосна докладывали, что «лесорубы» ворвались и Сартану и быстро продвигаются, ломая сопротивление деревенского гарнизона. Оставив взвод Герасимова и батарею Раппопорта в прикрытии на случай вражеской контратаки, Алексей остальными подразделениями ударил навстречу главным силам полка. Обнаружив, что Сартана со всех сторон окружена танками, и сообразив, что помощи ждать не приходится, а прорваться будет практически невозможно, румынский полковник приказал поднимать белые флаги.

Приехавшие в освобожденную деревню командарм и комкор застали Часова за дележом трофеев. На улицах Сартаны были взяты целенькими две самоходные пушки STUG III и восьмиколесный броневик с автоматической пушкой в башенке. К тому же одна из трех подбитых в поле самоходок имела лишь незначительные повреждения ходовой части, и Авербух заверял, что быстро вернет машину в строй.

— На хрена тебе эти фрицевские железки? — искренне удивился Серафимов.

— Сильная пушка, — сообщил Алексей. — К тому же у меня несколько экипажей без машин. А во время прорывов очень полезно иметь в авангарде немецкую технику. Сбивает противника с толку, помогает обеспечить внезапность.

Расхохотавшись, комкор вспомнил, как прошлой зимой его дивизия захватила немецкий склад вещевого имущества. Два батальона, переодетые во вражеские шинели, под губную гармошку входили без боя в опорные пункты противника и внезапными атаками громили захваченные врасплох гарнизоны.

Выслушав поучительную историю со снисходительной ухмылкой, Павлов сделал строгое лицо и сурово произнес:

— На тебя, танкист, пехота жалуется.

— Так ведь по-честному поделили, товарищ генерал... — Леха изобразил на лице обиду.

Отвечал он, конечно, не вполне искренне: в Саргане были захвачены богатейшие склады, и дорвавшиеся до трофеев Рябченко, Стекольников, а также примкнувший к ним Негуляев разграбили добычу почти подчистую. В грузовики и бронетранспортеры танкового полка удалось разместить много разной провизии. Не все же пехоте трофеи загребать. От смерти солдата спасает меткий глаз, а от голода — длинные руки.

Точно угадав момент, подошел Низкохат, позвавший старших командиров в дом, где еще недавно размещался штаб румынского полка. Сопровождавший генералов начальник армейской разведки потребовал переправить всех пленных офицеров для допроса в его контору.

— Уже допрашиваем, — сообщил Низкохат.

Служил в его взводе старший сержант Наум Урсу из Кишинева, большевик с дореволюционным стажем, который большую часть из своих сорока лет провел в бессарабском подполье, а после возвращения Молдавии инспектором милиции. Гитлера и Антонеску он ненавидел, по-румынски говорил не хуже, чем по-русски, и очень любил допрашивать пленных врагов. Самым ценным пленником этого дня оказался полковник Себастьян Скерлатеску, командир 32-го полка пехотной дивизии. Глаза полковника из разведки хищно засверкали при виде карт и шифротаблиц. Строевых командиров больше интересовали сведения о намерениях неприятеля.

Скерлатеску оказался человеком понятливым и словоохотливым. Первым делом он рассказал о приказе командующего 4-й армии генерала Якобичи. Согласно замыслу знатного

румынского стратега, главные силы армии стягивались вокруг мелитопольского плацдарма. В настоящее время по периметру города стояли отдельные части 11-й пехотной и 5-й кавалерийской дивизий. Вечером и ночью должны были подойти остальные полки. Сюда же направляются войска 18-й пехотной дивизии, которая дислоцировалась в районе Тельманове — Гранитное — Таврический, а также 8-я кавдивизия, до сих пор державшая оборону вдоль Миуса.

Не дожидаясь вопросов, полковник описал примерный состав войск, сосредотачиваемых вокруг Мелитополя. Из этого перечня Часова заинтересовали только два мотополка, оснащенных танкетками R-1 и немецкими Pz.III.

— Вы уверены, что Якобичи выводит дивизию из Тельманова? — недоверчиво переспросил Павлов.

Выслушав перевод, Скерлатеску обиделся, схватил карту и показал сектор, предназначенный для 18-й дивизии: участок Володарское — Македоновка к северу от Мелитополя. По его словам, 8-я кавалерийская должна занять исходный рубеж для контрудара восточнее города — от Калиновки до приморской деревни Виноградное.

— Боевая группа кавдивизии направлялась сюда, чтобы помочь мне отразить вашу атаку, — добавил полковник. — Но вы разгромили эту часть на марше.

— Виноградное мы тоже взяли, — усмехнулся Павлов. — Когда ваш командующий собирался нанести удар по плацдарму?

Сержант Урсу перевел ответ румынского полковника:

— Приказа об общем наступлении пока не поступило. Он считает, что в течение завтрашнего дня должны были совершить марш две расположенные поблизости дивизии. Еще одну дивизию — седьмую пехотную — везут по железной дороге из Бердянска. Он думает, что наступление на плацдарм начнется послезавтра, когда все войска соберутся на позициях.

— Хороший план, — одобрил Серафимов и засмеялся. — Спросите его, сержант, что известно о переброске к Мелитополю немецких дивизий.

Выслушав вопрос, полковник виновато развел руками и ответил: мол, все резервы немцев прикованы к плацдарму русских на Миусе в 80 километрах к северо-востоку от Мариуполя, где идут очень тяжелые бои. По некоторым данным, там наступает сам генерал Потапов, которого немецкий фюрер объявил своим личным врагом.

— Когда вы атаковали Калиновку, я позвонил командиру дивизии, просил прислать на помощь немцев, — уныло поведал пленный. — Генерал сказал, что ближайшие немецкие части — пехотные батальоны в Волновахе, Старобешеве и на аэродроме в Мичурине румынскому командованию не подчиняются. Командир дивизии сказал также, что ходят слухи, будто немцы согласились направить нам на помощь одну пехотную дивизию из Крыма и одну танковую — из-под Ростова. Но он не знал, правда ли это.

Скерлатеску смотрел на советских командиров умоляющими глазами. Павлов ободряюще улыбнулся полковнику и заверил, что его жизни отныне угрожают только немецкие бомбы и огонь румынской артиллерии. После этого армейский разведчик увез пленника и все штабные документы, а командарм разрешил Часову отвести танки в Калиновку и отдыхать.

— Виноват, товарищ генерал, нам бы куда подальше — Алексей принял строевую стойку — Здесь мы уже достаточно засветились.

— Боишься воздушного налета? — удивленно переспросил Серафимов. — Так на плацдарме везде не безопасно. А тебе завтра в этих же местах на прорыв идти.

— В том-то и дело...

Часов поделился своими опасениями. После дневной атаки противник знает о скоплении советских танков в восточной части плацдарма. Наверняка к утру на этот участок фронта будет стянута вся противотанковая артиллерия, что совсем нежелательно перед большим наступлением.

Старый танкист Павлов без долгих объяснений понял суть проблемы. Нахмурившись,

командарм осведомился:

— Что предлагаешь?

— Немедленно, пока светло, на глазах у наблюдателей противника, увести танки на другой конец плацдарма. Пусть ждут нас там и готовят противотанковую оборону.

— Действуй... — подумав, Павлов добавил: — Часть машин укрой в той роще под соснами, а пяток танков отправим в дивизию полковника Задонского — на том участке как раз атака готовится. Авось румыны поверят, что мы переносим внимание на левый фланг.

Для демонстрации Часов выделил роту Шабрина: КВ не участвовали в марш-броске по Крыму, в их баках оставался запас топлива. Следом за ними длинной колонной потянулась остальная техника.

Покидая окрестности освобожденных деревень, Алексей с веселым недоумением наблюдал, как пехотинцы ловят разбежавшихся лошадей румынской кавалерии. Возле Сартаны уже собрался приличный табун — голов под сотню.

Марш не обошелся без приключений. «Штуки» устроили «чертово колесо», пикируя на полковую колонну. Танкисты отстреливались из пулеметов, но никого не сбили, а враг добился двух прямых попаданий в ИСы, уничтожив грузовик и бронемашину, из которой, к счастью, все солдаты успели разбежаться. Еще два ИСа и один КВ были повреждены. Наши истребители появились в небе, когда «юнкерсы», отбомбившись, улетели на север. «Аэродром у них в Мичурине», — вспомнил Алексей показания румынского полковника.

К окраинам Мелитополя полк подошел уже в сумерках. Шабрин отправился дальше на запад, остальные же машины вернулись в рощу, где были спрятаны под деревьями. Последними прибыли танки, тянувшие на буксире подбитых собратьев. Ремонтники приступили к починке битой техники, экипажи раскладывали в лотки внутри башен снаряды из бронетранспортеров и грузовиков, ротные командиры писали похоронки.

Часов и остальные командиры как раз поминали погибших сегодня товарищей, когда приехал порученец, комкора с запиской. Серафимов сообщал, что в 21.00 командир 87-го ТТПП должен прибыть в штаб армии на военный совет. Штаб, как сказал порученец, расположился в правлении металлургического завода имени Ильича.

В комнате, куда его провели, собралось человек двадцать, в том числе пять генералов. Младшими по званию были подполковники Часов и Манаев, неважно выглядевший после морского круиза. Скатерть на столе заменяла большая, склеенная из многих листов карта.

— Ближе к столу, товарищи, — пригласил Павлов, отхлебывая из фарфоровой чашки. — Итоги минувшего дня самые радостные. Убито до семисот солдат и офицеров противника, взято в плен больше двух тысяч. Наши потери — двести убитых в бою и четыреста — во время морской переправы. Корпус генерала Мельникова продвинулся на три-пять километров на север и запад, освободил населенный пункт Старый Крым и занял удобные позиции. Противник отброшен от города и больше не может обстреливать порт полевой артиллерией. Корпус генерала Серафимова, будучи в неполном составе, отбил врага из деревень на правом фланге, укрепив исходные позиции для завтрашнего наступления. В порт уже прибыли двести двадцатая стрелковая дивизия генерал-майора Баргузинова, танковая бригада подполковника Панаева, танкер с запасом бензина и солянки, армейская артбригада. Корабли с дивизией Емелина подойдут к причалам сразу после полуночи. Следом ждем танковую бригаду Смирнова. Таким образом, утром мы будем иметь на плацдарме два полных корпуса и переходим в наступление.

Благосклонно переждав одобрительные выкрики участников военного совета, генерал-лейтенант предложил послушать начальника штаба армии.

Как положено, Макаренко начал со сведений о противнике. Воевать им предстояло против 4-й румынской армии, которой командовал генерал-лейтенант Иосиф Якобичи — бывший военный министр, бывший начальник Генштаба, который в 1940 году порывался остановить освободительный поход Красной Армии в Бессарабию. Армия состояла из семи пехотных и двух кавалерийских дивизий, из которых непосредственно против плацдарма

действуют две дивизии, а три другие находятся в пути и придут послезавтра. По сведениям разведки, которые подтверждаются показаниями пленных, командование группы армий отводит танковую дивизию с Новочеркасского участка и две пехотные — с Севастопольского и Ростовского направлений. Пока точно не известно, против кого будут брошены эти соединения, но следует учитывать возможность появления немецких соединений против 47-й армии.

— Известная вам задача — удар на подмогу Потапову — пока остается, но может быть изменена в ближайшее время, — продолжал наштарм. — Похоже, что 5-я ударная сломила сопротивление противника, расширила плацдарм и переправила на правый берег Миуса танковый корпус. Если завтра к вечеру ничего принципиально не изменится, Потапов перейдет в наступление без нашей помощи.

— Тем более что завтра утром нанесет удар Рокоссовский, и все немецкие резервы будут развернуты на север, — вставил Павлов.

— Вот именно, — сказал Макаренко. — В любом случае наша ближайшая задача остается прежней — прорвать фронт противника, продвинуться на тридцать-сорок километров и самое позднее к исходу дня взять важнейший узел шоссейных дорог — райцентр Тельманово. Мы, скажу честно, ждали, что предстоит нелегкий бой с расположенной там пехотной дивизией, но сегодня днем дивизия покинула Тельманово и направилась на Старый Крым. Наша авиация дважды бомбила колонну на марше, но завтра остатки соединения все-таки окажутся перед корпусом Мельникова, а тем временем дивизия Баргузина ворвется в Тельманово, от которого расходятся дороги в четыре стороны. Если дела Потапова не заладятся, двинемся отсюда на выручку 5-й ударной. Если Потапов к тому времени развернет наступление, корпус Серафимова пойдет из Тельманова прямо на Гранитное и дальше — на Волноваху.

Макаренко пояснил, что задача будет уточнена в ночь на 20 декабря, когда на плацдарм начнут прибывать части 12-го стрелкового корпуса, так что послезавтра армия сможет действовать всеми тремя корпусами. Начальник штаба армии добавил, что в 5–6 км к северу от Тельманова, в районе деревень Мичурино и Богдановка, расположен немецкий аэродром, который надо вывести из строя любой ценой. Он повторил, обращаясь к Баргузину и Серафимову, чтобы не забывали про аэродром.

— Не забудут, — уверенно проговорил командарм. — Когда немцы поймут, что мы наступаем на север, все «юнкеры» и «мессеры» с этой площадки будут против вас работать. Поэтому, как окажетесь на подступах к Тельманову — разворачивайте артиллерию и начинайте бить по гнезду стервятников. Вообще-то по аэродрому должна ударить Авиация дальнего действия и нас целый авиакорпус поддерживает, но мы люди простые и понимаем: пока аэродром цел, немцы будут нас бомбить.

Генерал-лейтенант кивнул Макаренко, чтобы тот продолжал. Начальник штаба повторил уже известную Часову задачу: прорвать румынские позиции в районе Талаковки, выйти на шоссе и овладеть населенным пунктом Коминтерново. Далее полку тяжелых танков и 29-й танковой бригаде поручалось прорываться на север вдоль шоссе до самого Тельманова. Следом пойдет в порыв 220-я дивизия, имея в передовом отряде 518-й стрелковый полк подполковника Джавахетова. Полку выделено около ста грузовиков — штатных и трофейных, артдивизион полка получил американские бронированные тягачи «халф-трак». Во время боев за плацдарм армия захватила почти полтысячи трофейных лошадей, сообщил Макаренко. Сейчас, по инициативе генерала Серафимова, тыловые службы мастерили две сотни саней, на которых вслед за передовым отрядом двинется 520-й полк. Следом пойдут пешком 519-й полк той же дивизии, а также 338-я дивизия полковника Емелина — для них транспорта не осталось.

— Начало артподготовки в семь утра, — подвел итог Павлов. — Начало наступления — восемь ноль-ноль.

После согласования деталей командирам частей раздали письменные приказы и карты. Когда расходились, Алексей спросил Манаева, как прошла переправа. Кавказец угрюмо

процедил:

— Бомбили. Два кораблика, каждый по взводу вез, у меня на глазах в щепки разлетелись. Шесть машин и полсотни людей как не бывало! — Он прорычал: — Никаких пушек — сам на тот аэродром ворвусь и все самолеты гусеницами раздавлю!

— Охотно помогу, — поддержал друга Леха. — Лучшее средство ПВО — это наши танки на вражеском аэродроме.

Они договорились встретиться на передовой утром, за пару часов до артподготовки, когда разведка уточнит расположение и силы противника. Услыхав их перечитывания, командарм строгим голосом велел:

— Встретитесь на передовом НП корпуса. Я тоже там буду.

В выжидательном районе «Сосновая роща» Часова ждали накопившиеся дела. Прибыли автомобили-заправщики, и комбаты переругивались с зампотехом насчет очереди на получение горючего. Сам зампотыл был в полной растерянности, получив новую ремонтную мастерскую и неслыханную прорву запчастей. По его словам, теперь можно было вернуть в строй один из разбитых вражескими бомбами ИСов.

Наведя порядок с заправкой, Алексей передал Зарембе приказ командарма и поручил составить макет плана приказа по полку, оставив свободные места — детали он собирался уточнить завтра, когда станет ясно, где расположатся подходящие части противника. Начальник штаба доложил, что договорился с жителями близлежащих улиц — часть личного состава можно будет разместить на ночлег в домах. Остальным нашлось место в боевых и грузовых машинах, а также в сараях на окраине рощи. Для ночевки штаба Заремба подыскал избушку с печкой и небольшим запасом дров.

Не успели они покончить с этими хлопотами, как прибыли грузовики со снарядами. Старший лейтенант Полухин, назначенный командиром взвода трофейных самоходок, настырно жаловался, что мало боеприпасов, а возле Калиновки стоит разбитая батарея, где осталось какое-то количество выстрелов нужного калибра. Часов разрешил ему взять грузовик и поискать снаряды, но чтоб вернулся до полуночи.

Потом похоронили восьмерых боевых товарищей — экипажи разбомбленных танков и убитых в наступлении мотострелков. Стоя над свежей могилой, Часов свирепо дал клятву отомстить врагу, и полк ответил дружным: «Клянемся!» В половине второго Леха валился с ног от усталости. Без аппетита навернув остывший ужин, он выпил полкружки разведенного спирта и крепко заснул возле натопленной печки.

Как поведал утром Шабрин, его рота от души поработала на штурме Старого Крыма. Потом они с полковником Задонским организовали множество костров на пустыре, имитируя ночевку многочисленного соединения. Всю ночь КВ тарахтели моторами, наводя противника на мысль о концентрации здесь танковых войск. Румыны нервничали, обстреливали костры из пушек и минометов, а под утро авиация сбросила много бомб на пустое поле.

— Вы хоть отдохнуть успели? — забеспокоился Часов. — Скоро в наступление пойдем.

— Спали по очереди, — капитан отмахнулся. — Как там мой подбитый танк?

— Подлатали, — успокоил его Алексей. — В общем, заправляй машины, грузи снаряды, корми личный состав, и чтоб через два часа были готовы.

Времени до рассвета оставалось немало, но танкисты уже покинули уютные дома и сидели вокруг машин с котелками и мисками. Зампотыл организовал очень плотный ранний обед, потому как неизвестно, кого и когда придется кормить днем, а тем более вечером. Водки бойцам тоже выдали двойную норму — для вящей бодрости.

На передовой НП армии Леха, не подумав, поехал на трофейном броневике, изрядно напугав охрану командарма. Хорошо хоть успели нарисовать красную звезду на борту, а не то бы наверняка кто-нибудь саданул гранатой.

Генералы отреагировали на происшествие веселым матерком, но посоветовали на

будущее думать той головой, которая на плечах, а не той, что пониже спины. Часов смущенно помалкивал.

В накрытом маскировочной сеткой и оборудованном приборами наблюдения окопе было тесно. Перед ними раскинулась плоская, без заметных возвышенностей степь, присыпанная неглубоким вялым снегом и кое-где прорезанная оврагами. Примерно в трех километрах от окопов 126-й бригады, прямо перед Талаковкой, работали лопатами много людей — военных и гражданских. Чуть дальше, левее деревни, был оборудован опорный пункт батальона с пушками небольшого калибра.

Комдив Баргузин объяснил, что румыны выдвинули вперед посты боевого охранения, а теперь оборудуют позицию с траншеями полного профиля, согнав на земляные работы жителей окрестных деревушек. Как донесли вернувшиеся недавно разведчики, вокруг самой Талаковки строятся дзоты и позиции полевой артиллерии.

— Прикрылись, гады, нашими колхозниками, — выразил общее мнение Павлов. — Попадут старики с бабами под артподготовку — их жизни на нашей совести будут.

Кто-то из артиллеристов предложил положить серию снарядов в стороне от землекопов: дескать, испугаются взрывов — и разбегутся. Серафимов и оба комдива — Емелин и Баргузин — воспротивились: мол, потерь среди мирных жителей один хрен не избежать, поэтому лучше будет обработать позицию дымовыми снарядами, чтобы пехота подкралась незаметно. На это командарм возразил, что постановка дымовой завесы затянет артподготовку и подарит противнику время для организации отпора.

У танкистов тоже нашлось свое мнение, кощунственное с точки зрения привычной тактики. Однако после жаркой перепалки генералы согласились изменить порядок артподготовки, хотя сомнения у многих остались — это по лицам видно было.

По поводу атаки населенного пункта Талаковка споров не возникло. Часов и Манаев по-свойски распределили задачи: тяжелые танки уничтожают артиллерию и укрепления, средние — расстреливают пулеметные точки, а легкие — косят пехоту. Направление атаки тоже было понятно: во фланг главному опорному пункту — в промежуток с другим, расположенным северо-западнее, узлом обороны. Саперы ночью обследовали этот участок и проделали проход в минном поле.

Время приближалось к восьми. Артиллеристы внесли коррективы в свои планы и доложили о готовности. Главный огневой удар перенацеливался на опорные пункты вокруг Талаковки.

— Ну, в добрый час, — немного напряженным голосом выдохнул Павлов. — Расходитесь, товарищи, по своим частям, и вмажем гадам так, чтобы поняли, с кем дело имеют.

Само собой, ни Часов, ни Манаев не собирались тратить верных полчаса на езду по колдобинам в районы выжидания — просто передали по радио условные сигналы о начале выдвижения. Неторопливый артобстрел заглушил шум моторов, так что сосредоточение бронетехники до последнего времени оставалось незамеченным для противника. Вскоре на дороге показалось подразделение легких танков манаевской бригады. Более тяжелые Т-34, а тем более ИС и КВ подтянутся чуть позже.

Два подполковника обсуждали последние детали, когда вдруг прибежал взволнованный адъютант командарма и позвал танкистов в кирпичный дом, где обосновался штаб 47-й. Здесь, кроме все тех же старших командиров, Алексей с радостным удивлением увидел старшего лейтенанта госбезопасности Аню Светышеву.

— Новые сведения, пацаны, — яростно сообщил Макаренко, с трудом сдерживаясь, чтобы не материться при девушке из грозного ведомства. — Вот, товарищи чекисты невеселые вести принесли. Говорите, милая, они парни бывалые, не испугаются.

Незаметно подмигнув Алексею, Аня сделала серьезное лицо и поведала, что командование вражеской группы армий «Б» двинуло на Мелитополь пехотный полк, усиленный отдельным батальоном тяжелых танков. По сведениям разведки, этим частям поставлена задача нанести удар по советским войскам на плацдарме. Эшелон с пехотным

батальоном и артиллерией проскочил, но час назад партизаны взорвали рельсы возле Кальчика. На восстановление движения немцам потребуется часа два-три.

На карте было видно, что железнодорожная трасса и шоссе, по которому предстояло наступать ударной группе 26-го корпуса, тянутся в направлении север-юг почти параллельно — на расстоянии около 20 километров. Чтобы попасть в Тельманово раньше наступающих, немцам нужно было оттянуть эшелоны на север, к Волновахе, там спустить танки на грунт и совершить марш по рокаде. При хорошей организации весь мавр займет часа четыре, мысленно подсчитал Часов...

Павлов кричал в телефон:

— Семен Константинович, там штук тридцать «тигров», а у Шундакова дивизии не больно обстрелянные. Если этот батальон и немецкую пехоту введут вперед румын, некультурно получится... Ну да, правильно... и бомбардировщиков, и штурмовиков — пусть причешут к чертовой матери, пока эшелоны стоят в чистом поле. Ну спасибо, выручишь.

Положив трубку, он проговорил по-прежнему нервно:

— Авиация ударит, Тимошенко обещал. А вы, парнишки, действуйте по плану.

— По плану не выйдет, — мрачно сказал Манаев. — Может, после прорыва вернем тяжелые танки для обороны плацдарма? Если выйдем на простор, я через два часа буду в Тельманове.

— Отобьемся, — отмахнулся командарм. — Соберем, артиллерию в кулак и выйдем «тиграм» клыки.

— Не пойдут немцы на плацдарм, — высказался Часов. — Через два часа они уже будут знать о нашем прорыве и бросятся наперерез... — он показал на карте, как это произойдет. — Они будут в Тельманове вскоре после полудня. Надо их опередить и организовать засаду.

Манаев уверенно повторил:

— В девять я выйду на шоссе, в половине десятого обогну Коминтерново, в десять пройду мимо Красноармейского, в одиннадцать буду в Тельманове. В двенадцать туда же придут артиллерия, пехота Джавахетова и тяжеловесы Часова.

Подергивая усом, Павлов неразборчиво бурчал, водя пальцем по карте. Макаренко, Серафимов и Баргузин скептически переглядывались. Только немолодой сухопарый комдив Емелин сказал негромко: мол, пускай передовой отряд прорывается по дороге, не ввязываясь в бои с деревенскими гарнизонами — его, Емелина, дивизия очистит эти населенные пункты.

После напряженного обдумывания Серафимов неуверенно пробормотал:

— Может получится. Но если замешкаетесь, то «тигры» вам засаду приготовят.

Танкисты дружным дуэтом заверили, что не замешкаются, потому как по шоссе там ехать ровно два часа, а легким танкам — и вовсе час.

— Если не отвлекаться на мелкие дела, — добавил Алексей.

Павлов прищурился, посмотрел на него и спросил:

— И что же ты, наглая твоя морда, считаешь немелким делом?

— Очень, товарищ генерал-лейтенант, хочется положить на снег этот батальон.

— Ты хоть представляешь, как это сделать? — настороженно поинтересовался Макаренко.

— В общих чертах представляю. Детали на месте придумаю.

Военное дело — наука простая и сложная одновременно. Хитрых приемов немного, все их знают наизусть, однако неизменно попадают на примитивные уловки вроде охвата, засады, огневого мешка, сочетания фронтальных и фланговых ударов. Командарм и остальные генералы понимали это, но не были уверены, что Леха Часов справится с задачей. Наконец командующий принял решение:

— Действуйте. Манаев, поможешь, если заманивать придется.

— Обязательно, — заверил комбриг. — До первого выстрела противник будет видеть только мои «тридцатьчетверки».

Вздохнув и покачивая бритой головой, Павлов сказал совсем негромко:

— Не все доживут до вечера, но вас я надеюсь увидеть завтра утром. Воздушную поддержку обеспечу по максимуму. — Похлопав танкистов по плечам, командарм обратился к Ане: — Мы можем рассчитывать на помощь вашей опергруппы?

— Безусловно. Я пойду с танкистами и буду немедленно передавать все сведения, поступающие от разведчиков.

Она добавила, что намерена ехать в немецком броневике, который стоит возле штаба. Леха возликовал, но не чувств никак не проявил.

Пока они шли к машинам, Алексей тихонько рассказал об экзекуции над «инквизитором». Манаев мстительно оскалился, но быстро опомнился, сделал странные глаза и бровями показал на лейтенанта госбезопасности: мол, поменьше болтай при чекистах.

Ровно в 8 часов утра тяжелые орудия обрушили шквал снарядов на опорные пункты вокруг Талаковки, а минометчики открыли огонь по передовому охранению. В 8.15 рванули в атаку легкие танки с десантом мотострелков на броне. Быстроходные Т-40 и Т-50 стремительно приблизились к недостроенной позиции, где в панике перемешались солдаты и крестьяне. Несколько сот испуганных людей бестолково метались, стараясь увернуться от грохочущих машин, а мотострелки били очередями по фигурам в мундирах, стараясь не задеть мирных жителей. Через поле уже бежали нестройными толпами пехотинцы 1374-го полка емелинской дивизии.

Забравшись на танк, Алексей показал комбатам направления атаки. Заремба торопливо заполнял пустоты в заготовке приказа. Командиры разбежались к своим подразделениям, и началась главная часть боя.

Обгоняя стрелковые батальоны, машины Часова пошли на деревню, обтекая с фланга разгромленный артиллерией опорный пункт. Саперы и бойцы разведвзвода поместили проходы в минном поле, танки колонной по одному преодолевали опасное место, затем перестраивались повзводно и, прибавив ходу, атаковали позиции вражеского батальона. С фронта ударили танкисты Манаева, поддержанные стрелковым батальоном.

Румыны пытались сопротивляться, даже подбили один ИС, но другие танки уже ворвались в опорный пункт, расстреливали огневые точки, давили гусеницами пушки, утюжили окопы, поливали пулеметными очередями живую силу. Оборона была полностью уничтожена за полчаса, и атакующая пехота ворвалась в Талаковку. Чтобы ускорить развязку, Емелин послал в бой еще один полк, охватив деревню, как клещами. В другой обстановке такое развитие боя считалось бы весьма успешным, но сейчас имела значение каждая минута, а штурм большой деревни требует некоторого времени.

Форсируя события, Часов двинул батальон Сазонова, разведчиков и мотострелков к расположенной чуть дальше вдоль шоссе деревне Коминтерново. Серьезного гарнизона там не было, к тому же первыми, смутив небольшое румынское подразделение, в деревню ворвались броневики и самоходки, похожие на немецкие. Одеты в румынские шинели красноармейцы, сидя на броне, истошно вопили:

— Фуги! Салвати-ва! — что означало: «Бегите, спасайтесь».

Старший сержант Наум Урсу выкрикивал более сложные фразы: мол, надвигается неимоверная танковая армада, уже истребившая защитников соседних деревень, и теперь и вас всех перебьет. В результате 3-й батальон майора Сазонова, вошедший в деревню минут через двадцать, не встретил ни одного вражеского солдата. Румыны с благоразумной поспешностью успели покинуть населенный пункт.

В 9.40 батальон легких танков манаевской бригады обогнул охваченную боем Талаковку и помчался мимо Коминтерново на северо-восток. За танками устремились грузовики 518-го полка. Чуть позже Серафимов разрешил Алексею выводить полк из боя — пехота успешно завершала освобождение Талаковки, и помощь танкистов больше не требовалась.

На окраине деревни возвышалась уцелевшая церквушка — самое высокое место в

радиусе десятка верст, Часов решил осмотреть панораму сражения, С подполковником на колокольню поднялись Заремба и Аня. В Талаковке продолжали сверкать выстрелы и вспышки гранатных взрывов — пехота добивала последние очаги сопротивления. Батальоны Литвина и Черкесиани расползлись по полю, пытаясь собрать машины по подразделениям. Манаевские Т-34 тоже вытягивались в колонну на шоссе. Вслед танкам пристраивались бронетягачи артиллерии.

— А там что творится? — вскрикнул Заремба.

Он показывал рукой на запад. Примерно в десятке километров от их наблюдательного пункта разгорелся нешуточный бой. Румынские артиллеристы лихорадочно обстреливали плацдарм, посылая снаряды и передний край, и в глубину. Потом прилетели бомбардировщики, сбросившие свой груз на тот же участок. Советские батареи открыли ответный огонь.

«До чего же ловко получилось», — подумал Часов и сказал, засмеявшись:

— Они ждали нашего наступления на том участке, где вчера вечером танки тархтели. Теперь бьют по пустырю, где костры горели.

— Это дает нам еще полчаса, — задумчиво произнес Заремба. — Уже начало одиннадцатого, а противник не разобрался, где мы прорываемся.

— Скоро поймут, но Манаев уже вошел в прорыв, — Алексей говорил рассеянно, любуясь зрелищем воздушного боя. — Еще одного «юнкерса» завалили... В общем, успеваем.

Шоссе и поле по обе стороны от дороги было забито множеством санных упряжек — двигался 520-й полк. Тяжелые танки пошли по бездорожью, обгоняя гужевой транспорт. Слегка подмерзший грунт хорошо держал тяжесть громадных машин, а неглубокий снег не набивался в зазоры катков и колес. Когда голова колонны миновала Коминтерново, Сазонов доложил по рации:

— Леха, я уже на даче, пожар потушен. Вижу джигитов.

Это означало, что Красноармейское очищено от противника, а части Манаева и Джавахетова приближаются к деревне.

— Больных на пожаре не было? — осведомился Часов. — Птички не беспокоили?

— Один... как его... пожарный насос сгорел, — без энтузиазма сообщил комбат-3. — Птичек наши отогнали, но теперь они над дорогой кружат, гадят на джигитов. Наши тоже есть. Тесно в облаках.

— Укройте лучше. Жди меня. Скоро будем.

Алексей передал донесение в штаб армии. Полк ходко, на второй передаче, двигался параллельно дороге, по которой тянулись сани с пехотой. В небе над ними выписывали восьмерки две пары истребителей с красными звездами на крыльях и фюзеляжах.

Из правого люка высунулся Андрей Коротков. Оглядевшись, наводчик трижды сплюнул через левое плечо и произнес мрачно:

— Подозрительно спокойно идем. Не к добру такие прогулки.

— Сазонов говорит, немцы бомбят Манаева.

— Хреново... — лицо старшего сержанта сделалось совсем угрюмым. — Думаешь, прорвемся?

— Тут недалеко. Не успеют всех разбомбить. И ястребки прикрывают.

Пикировщики вынырнули из облаков через пять минут. Истребители бросились на перехват, воздушные бойцы закружились в пляске высшего пилотажа, один немец задымил и пошел на снижение. Тем временем облака выпустили новую стаю летучего врага — числом побольше. Среди них были «мессеры», которые немедленно бросились на наши истребители, были и «штуки», метнувшиеся, растопырив лапти неубираемых шасси, на плотную массу людей, машин и лошадей.

Пехота уже выпрыгивала из саней, растекаясь по степной плоскости. Немецкие самолеты летели вдоль дороги, сбрасывая бомбы и стегая пулеметными очередями. Часов не сомневался, что стрелковый полк понесет ощутимые потери. Вторым заходом пикирующие

бомбардировщики атаковали танкистов, зайдя в хвост колонны.

Командиры машин палили из пулеметов, мехводы вели машины зигзагами, но бомбы рвались поблизости от ИСов. Алексей с радостью увидел, как сразу несколько пулеметных трасс скрестились на «штуке», у самолета загорелся мотор, и машина, пролетев над дорогой, взорвалась в снегу. Однако видел он и дым, валивший из танка в середине колонны.

Выполнив вираж, немцы снова пронеслись над поломанным походным порядком 87-го полка, стреляя из автоматических пушек. Когда они пролетели над командирской машиной, Часов снова выглянул из башни, с горечью обнаружив еще два горящих танка и заходящие в новую атаку самолеты.

Все танки огрызались зенитными пулеметами, но вражеские пилоты бесстрашно держали свои машины невысоко над полем. Одна «штука» помчалась прямо на ИС Алексея. Пришлось стремительно прятаться в башне, захлопнув люк. По кормовой части танка пробарабанили снаряды, но столь мелкий калибр не способен был пробить броню, а навесной топливный бак был пуст.

Экипаж свирепо поминал по матери все поганое Люфтваффе и конкретно — этих пилотов, а заодно наших истребителей, не сумевших отогнать врага. «Как там Аня?» — тревожно думал Часов. Он не заметил, чтобы пострадал трофейный броневик, тем не менее беспокойство не отпускало.

Как только немцы улетели, он потребовал дать отчеты о потерях. Доклады подчиненных не утешали: два танка сгорели, еще два нуждались в основательном ремонте, уничтожена пушка, есть потери в грузовиках, включая штаб. Несколько командиров танков, высунувшиеся из башен, были убиты или ранены. Людей и техники становилось все меньше, а день только начинался, и главные схватки еще впереди.

Стиснув зубы, Часов приказал продолжить движение, не снижая скорости. Чем дальше, тем больше попадалось подбитых грузовиков, легких и средних танков, всевозможных повозок. Прорвавшаяся колонна понесла потери, еще не вступив толком в бой.

Около половины одиннадцатого танк Алексея вполз в Красноармейское.

На военном совете Сазонов доложил, что немцы дважды бомбили деревню, но потери невелики. Бригада Манаева и полк Джавахетова прошли через Красноармейское примерно час назад, то есть уже должны приближаться к Тельманову. Судя по галдежу в эфире, вся дивизия Баргузина уже вытянулась вдоль шоссе, а полки Емелина заняли Коминтерново, заодно выбив румын из малых сел Зайченко и Дзержинское. Штаб корпуса приказал Часову привести подразделения в порядок и выступать, пока дорогу не запрудит санный поезд 520-го полка.

— Отстаем от графика! — Леха нервно постукивал кулаком по столу. — В полдень мы не выступим, в Тельманове будем не раньше двух.

Он пытался прикинуть, как развернется бой, если немцы выйдут к райцентру раньше него. Манаев — опытный танкист, даже батальону «тигров» потребуется не меньше часа, чтобы истребить его бригаду. К тому времени 87-й ТТП подтянется, но про засаду придется забыть — начнется встречный бой, неизбежны тяжелейшие потери с обеих сторон.

Командиры подразделений молча выслушали его оценку ситуации. Только Черкесиани пробормотал: дескать, если останемся без машин, но перебьем «тигров» — считай, что полк задачу выполнил. В чем-то он был, конечно, прав.

— Пойдем полным ходом, на шоссе скорость будет больше, чем по бездорожью, — сказав это, Литвин вздохнул. — Других решений не вижу.

— В том-то и дело. — Часов снова стукнул кулаком по безвинной столешнице. — Ладно, готовьтесь к маршу. Выступаем, как только загрузим боекомплект. Впереди — разведвзвод, за ним — штаб, автоматчики и батарея противотанковых. Батальоны идут по порядку номеров: первый, второй, третий. Трофейные машины — в промежутке между первым и вторым, тыловые подразделения — между вторым и третьим. Рябенко, раздай личному составу консервы, обедаем на ходу. Надеюсь, в полдень вы доложите мне о

готовности.

— В трех машинах убиты командиры, — напомнил Заремба. — У нас есть один запасной экипаж и несколько человек из сгоревших танков, но командиров машин всего двое...

— Комбаты разберутся, — отмахнулся Часов. — Мы почти месяц отрабатывали взаимозаменяемость. Хороший заряжающий может исполнять обязанности командира.

Командиры разошлись, а подполковник вдруг сообразил, что видел Аню в Красноармейском лишь мельком, в первые минуты. Потом она куда-то исчезла.

Легкая на помине она ждала Леху возле командирского танка. Лицо девушки показалось ему озабоченным. Увидев Часова, Аня бросилась навстречу. «Неужели будет целоваться при всех?» — размечтался он. Действительность, однако, была суровой.

— Предупреди своих, что на полпути к дороге выйдет немецкий броневик — точно такой же, восьмиколесный, только без башни, с большой антенной... — Аня показала на трофейную машину, в которой ехала от самого Мариуполя. — Там наша опергруппа, все — в немецких мундирах. Чтобы никто не вздумал стрелять.

Аня собиралась назвать номер и бортовой знак машины, но Алексей просто покачал головой. Никто в горячке не станет разбираться, пока не расстреляют из пушек.

— Низкохата ко мне! — рявкнул подполковник и, когда появился главный разведчик полка, приказал: — Товарищ старший лейтенант госбезопасности пойдет в твоей группе и введет в курс важного задания.

Козырнув, Макар и Аня попросили разрешения идти, но Часов остановил их наболевшим вопросом про немецкие танки.

— Точно не знаю, но в десять часов эшелоны стояли в степи. Опергруппа радировала, что наша авиация бомбила поезда, там что-то горело.

— Понятно, можете идти, — задумчиво проговорил Алексей.

Затем, забравшись в танк, он переключил рацию на волну Манаева. Комбриг-29 радостно сообщил на эзоповом языке засекреченной связи, что приближается к Тельманову, немцы бомбят, но потери в танках невелики. Немецких танков не видно, передовой отряд будет в деревне через считанные минуты.

В половине первого, когда полк тяжелых танков покинул Красноармейское, одно за другим пришли два сообщения. Манаев открытым текстом передал:

— Пехота ведет бой за деревню, там остались тыловые подразделения, быстро порядок наведем. Сам с одним батальоном иду на Македоновку.

Македоновкой, согласно кодовой таблице, назывался аэродром в Мичурине.

Спустя несколько минут восьмиколесный бронетранспортер поравнялся с танком Часова, и Аня сказала, что получила радиограмму. Разведчики доносили, примерно полчаса назад эшелоны с танками двинулись на север. Это означало, что примерно в 1.00-1.30 поезда достигнут пересечения железной дороги с шоссе Волноваха — Тельманово. Не позднее 2.00 подразделения разведки двинутся на восток и около трех часов дня обнаружат наши войска. Примерно в четыре, когда начнет темнеть, к Тельманову подтянутся «тигры». Предстояло ночное сражение — очень неприятная форма боевых действий.

Следующие полчаса Часов переговаривался с Манаевым, обсуждая предстоящий бой. Комбриг заверил Алексея, что его комбаты уже оборудуют засаду на подступах к деревне, поэтому другу Лехе останется только занять приготовленные для него позиции. В половине второго радиоволны принесли свирепый вопль, и Часов понял: танки Манаева ворвались на аэродром. Вскоре по облакам на севере запрыгали красноватые сполохи — не иначе, запасы авиационного бензина горели.

Броневи́к-восьмиколесник с разведчиками встретили без осложнений. Народ там был колоритный: водитель-фельдфебель с ярко выраженной славянской внешностью, типичный ариец в мундире пехотного гауптмана и радист, в котором даже немецкая форма не могла скрыть кавказского происхождения. При виде этого парня Часов почему-то вспомнил слова

наркома: дескать, его наследник сейчас у врага в тылу на радиии работает. Похоже, главным заданием Ани было любой ценой вывести к своим именно сына генерального комиссара.

Гауптман Пауль Зиберт на хорошем русском языке поведал красным командирам, что 505-й отдельный танковый батальон под командованием подполковника Фридриха Штайна начал выгрузку с платформ примерно час назад, причем в результате бомбежек выведены из строя 4 «тигра», семь легких «панцер-драй», несколько «панцервагенов», то есть бронетранспортеров. Группа легких бронированных машин двинулась по шоссе в сторону Тельманова в 1.45, однако, получив сообщение о начавшемся наступлении крупных сил противника, сумевшего захватить Гранитное, остановилась и заняла оборону.

— Мы не наступали в том направлении, — удивился Манаев. — Кто занял Гранитное?

— Никто не занимал, — усмехнулся Зиберт. — Но я передал такую радиogramму, задержав передовой отряд Штайна примерно на час. Теперь они уже не поверят ни одному моему сообщению, но немного времени я для вас выиграл.

— Думаешь, не поверят? — расстроено переспросила Аня.

Немец, если Зиберт на самом деле был немцем, в чем Алексей начал сомневаться, печально развел руками и сказал:

— Я пытался передать Штайну, что на Тельманово идет танковый корпус, но Фриц ответил непристойностями и пообещал меня повесить.

Аня захохотала, Зиберт тоже посмеялся. Командиры советских частей неловко переглянулись: они плохо понимали статус Зиберта, которого лейтенант Светышева называла попросту «товарищ капитан».

После затянувшейся паузы подполковник Грязев, командир 520-го полка, осведомился, какие еще новости товарищ капитан подслушал по вражескому «телефункену». Зиберт охотно сообщил, что 5-я ударная армия перешла в наступление двумя корпусами — стрелковым и танковым, вырвалась с плацдарма, опрокинула обе блокирующие дивизии, а в настоящее время продвигается вдоль железной дороги на Макеевку и Сталино. На севере Красная Армия нанесла неожиданный удар по румынской армии, все дороги забиты толпами бегущих румын, в результате чего танковый корпус резерва группы армий не может двигаться на участок прорыва. Послезавтра ожидается прибытие пехотного корпуса и Крыма, две танковые и одна пехотная дивизии вывода из состава 6-й полевой и 4-й танковой армий.

— Это я уже передала, — вставила Светышева.

— Да, эти дивизии к вам отношения не имеют, — Зиберт посмотрел на танковых подполковников и продолжил: — «Тигры» идут по шоссе, то есть будут здесь через час, у них скорость не больше двадцати километров в час. Следом за ними на грузовиках движется пехотный батальон. Насколько я знаю, пушка «тридцатьчетверки» пробивает лобовую броню «тигра» с шестисот метров, бортовую — с полутора километров, а с тыла пробивает даже с тысячи восьмисот метров. Вашу лобовую броню они пробивают с девятисот метров. Новые танки КВ поражают «тигра» в лоб до километра и снимают его снаряд до тысячи двухсот метров. Про танки ИС немцам пока ничего не известно. И о том, что здесь есть ИСы, они тоже не знают. Им известно только про бригаду средних и легких танков. Фриц Штайн намерен уничтожить это соединение.

— Про дальности стрельбы мы знаем, — отмахнулся Манаев. — Хотя, по нашим данным, «тигр» все-таки чуть посильнее. А вот про их осведомленность — это приятная новость.

— Он постарается расстреливать тебя с дистанции не ближе семисот метров, — Алексей кивнул, потирая руки. — Ну, товарищи, по местам.

В следующие полчаса последние ИСы были расставлены вокруг Тельманова и укрыты за постройками и среди деревьев. Батарея Раппопорта и три батареи длинноствольных 57-мм пушек — из состава бригады Панаева и стрелковых полков — тоже заняли тщательно замаскированные позиции. Пехота окапывалась на ближних подступах к Тельманову и Мичурину, готовясь к круговой обороне и уличным боям. Штаб корпуса переместился в

Красноармейское, 519-й полк, штаб 22-й дивизии, а также гаубичный полк и корпусная артиллерия двигались по дороге, но они подоспеют к Тельманову не раньше шести часов, то есть в полной темноте и примут участие разве что в шапочном разборе.

За несколько минут до трех часов дня вышел на связь командир батальона легких танков, выдвинутого в сторону Гранитного. Майор доложил, что встретил и разгромил разведку противника, потерь не имеет, однако показалась колонна тяжелых танков, и он, согласно приказу, отступает к Тельманову. «Тигры» послушно следуют за ним.

Командиры батальонов и рот разошлись к своим подразделениям. Манаев, Часов с начальниками своих штабов наблюдали поле боя с колокольни. Прямо на запад уходила дорога, по которой отступали заманивающие противника Т-50 и наступали заманиваемые «тигры». В сараях по правую руку прятались танки Сазонова, в роще левее шоссе укрылась часть батальона Литвина, чуть дальше на юго-запад коптили небо дымовыми шашками три STUG III старшего лейтенанта Полухина. Остальные ИСы, часть Т-34 и противотанковая артиллерия были разбросаны полукругом километрового поперечника.

Одна рота Т-34 выдвинулась вдоль дороги на запад, постреляла по «тиграм», но малодушно отступила к деревне вместе с легкими Т-50. «Тигры» открыли огонь с двух километров, подожгли легкий танк и повредили ходовую часть «тридцатьчетверки». Прибавив ход, советские танки вошли в деревню, укрывшись за домами и заборами. На виду оставались только с десятков Т-34 возле Тельманова да еще несколько — в рытвинах и оврагах между позициями пехоты. Разворачиваясь в несколько линий, «тигры» продолжали движение, явно намереваясь уничтожить советские танки, а заодно затрамбовать в снег и грунт пехоту Отставая от тяжелых машин на полкилометра, шли легкие Pz.VI.

Первый сюрприз ждал их, когда горевшие самоходки неожиданно открыли огонь почти в упор, поразив пару «тигров», после чего полным ходом отступили. Немецкие танкисты, сильно обиженные таким коварством, бросились в погоню, но здесь их ждало цинично выставленное минное поле, на котором подорвались еще два «тигра». Остальные в количестве четырех машин, выпустили несколько снарядов, подбили одну самоходку и — видимо, по приказу — возобновили наступление на деревню. При этом они оказались слишком близко от рощи, и целая рота ИСов с дистанции около 500–600 метров расстреляла противника прямой наводкой практически в упор. А две уцелевшие самоходки Полухина вернулись к кромке минного поля и добились засевавшие на минах танки.

Неприятный инцидент заставил противника выдвинуть на правый фланг подкрепления. С десятков «тигров» открыли по роще огонь с большой дистанции, к ним присоединились минометные подразделения, но дивизион Осянина быстро накрыл вражескую батарею, и та умолкла, чтобы сменить позицию. Пока продолжалась вялая перестрелка, немцы послали на разведку саперов, и два взвода попытались обойти засаду в роще, огибая минное поле. Этот маневр вывел их на роту Т-34, которые с большой дистанции расстреляли легкие Pz.III и опять отступили, когда показались «тигры». Наученные неприятным опытом немцы не рванулись в преследование, а двигались медленно, но все равно подставили борт под огонь из развалин, в которых притаилась батарея Раппопорта, прикрытая ротой Озерова. Расчеты противотанковых пушек развили дьявольскую скорострельность, буквально за несколько минут поразив три «тигра» из восьми и добив все оставшиеся Pz.III.

Это подразделение вражеского батальона начало отходить, выпуская снаряды по вспышкам выстрелов (как выяснилось позже, при этом были подбиты одна за другой три пушки). Во время отхода немецкие танкисты оставались под обстрелом с двух сторон, потеряли еще одну машину, и Литвин дрожащим от возбуждения голосом прокричал в рацию:

— Пора, Леха! Пора! Скоро совсем стемнеет!

— Сейчас, сейчас... — Алексей не отводил глаз от событий на правом фланге. —

Погоди минутку.

Рядом с ним Манаев прокричал в трубку:

— Вперед, Дунай!

Наступавшая в центре рота «тигров» потеряла часть танков и расстреливала позиции советской пехоты не подходя к окопам ближе километра. Между тем третья рота осторожно подошла к засадному батальону Сазонова. Здесь завязалась перестрелка, появились потери с обеих сторон. Немцы настырно полезли в атаку, дистанция сократилась до пятисот метров, то есть каждое попадание означало пробитую броню и почти наверняка — уничтоженный танк. С такой дистанции поражали противника даже пушки «тридцатьчетверок» занимавших промежутки между ИСами. Быстро наступавшая ночь резко снижала точность стрельбы, но Сазонов потерял три машины, рядом с ними горели Т-34, а на поле застыли четыре «тигра».

«Дунай», то есть резервный батальон Манаева, обойдя противника по широкой дуге, ударил с тыла. К сожалению, новая модификация Pz.III была вооружена длинноствольной 50-мм пушкой, которая на коротких дистанциях пробивала даже лобовую броню Т-34. Теперь бой шел на всем пространстве перед деревней, в темноте пылали десятки танковых костров. Пришел момент вводить в бой последние резервы, чтобы добить противника, и Часов приказал:

— Кедр и Ель — вперед!

Сбежав по лестнице, он залез в свой танк и выпустил красные ракеты. Командирский ИС и взвод Филимонова медленно проползли по кривым сельским улочкам; и вышли на поле перед Тельмановом. В свете горевших впереди вражеских машин были четко видны силуэты наступавших в две линии танков Черкесиани. Слева пошел в атаку Литвин, навалившись дюжиной своих ИСов на четыре «тигра». Часов даже застонал сквозь зубы, представив, какой жестокий размен фигур произойдет на этом участке.

Потрепанная рота «тигров» в центре медленно пятилась, повернув часть машин против «Дуная» и отбиваясь от наседавшего 2-го батальона. Время от времени какая-то машина — то наша, то вражеская — останавливалась, пораженная тяжелым снарядом. На правом фланге на помощь танкистам подоспели переброшенные с прежних позиций батареи противотанковых пушек. В половине шестого, не приняв ближнего боя, немцы начали быстро отступать. Часов приказал не преследовать противника, чтобы самим в темноте не нарваться на засаду.

В семь часов Низкохат доложил, что немцы отступили на 10 км и занимают оборону в Гранитном. Тогда же закончился подсчет потерь: на поле боя было обнаружено 9 подбитых ИСов (по мнению Авербуха, три из них подлежали ремонту), два десятка Т-34, 8 легких Т-50 и Т-40, 17 «тигров», 15 Pz.III, 8 немецких бронетранспортеров. Полк Часова потерял полсотни человек убитыми и ранеными, а также почти всю артиллерию. В плен попали тридцать немцев, включая раненого майора.

Приехавший вскоре Баргузин застал командиров передового отряда за большим столом в обществе старшего лейтенанта госбезопасности и прекрасно говорившего по-русски гауптмана вражеской пехоты. Командиры пили французский коньяк, закусывая голландским сыром, итальянской колбасой и другими деликатесами, захваченными на мичуринском аэродроме. Настроение у всех было половинка на половинку: с одной стороны, враг разбит, но с другой — слишком дорогой оказалась цена победы.

Это ведь только в песнях говорится, что за ценой не постоим. А в жизни терять боевых друзей очень больно.

ГЛАВА 10

Москва, 20 августа 1991 года

Утро

За стенами лаборатории происходили какие-то бурные события, кто-то искренне восторгался кто-то негодовал, кто-то привычно разглядывал небо сквозь унылую тюремную решетку, кто-то безразлично напивался до скотского состояния. Но сотрудники лаборатории дисциплинированно продолжали ходить на работу, электроэнергия подавалась почти без

перебоев, и компьютер неумоимо тянул вычисления, еженедельно (а то и чаще) выбрасывая результаты очередного сценария.

Вариант № 4. Сентябрь 1917 г. Генерал Корнилов ввел в Петроград верные войска и выжег подчистую большевистскую заразу...

Вариант № 5. Октябрь 1917 г. Юнкера и подоспевшие с фронта «батальоны смерти» разогнали вооруженный сброд перед Зимним дворцом, после чего до самого Рождества добровольцы вешали подозреваемых в принадлежности к эсдекам и эсерам...

Вариант № 7. Июль 1918 г. Левые эсеры, свергнув правительство большевиков, вновь объявили войну Германии, поэтому австро-немецкие дивизии быстро дошли до Волги, но уже через год наступавшие с запада войска: Антанты разоружили последнего немецкого солдата, и великий князь Николай Николаевич был коронован на царствование...

Вариант № 8. На заводе Михельсона эсерка Каплан стреляла в оратора: две пули в лысину, третья — в сердце...

Вариант № 9. У проходной завода Михельсона чекисты задержали подозрительную гражданку Каплан, у которой был изъят револьвер, заряженный отравленными пулями, а оратор не пострадал и помер от артериосклероза в 1932 году...

Вариант № 12. Ноябрь 1919 г. Разгромив Южный фронт красных, Добровольческая армия торжественно вступила в Москву, но разрозненные партизанские отряды социалистов всех мастей скрывались в лесах вплоть до 1928 года...

Вариант № 27. Ноябрь 1927 г. Огромная демонстрация сторонников Троцкого переросла в ожесточенные уличные бои, толпа восставших взяла штурмом Кремль, и Сталин отправился в ссылку...

Вариант № 32. Февраль 1929 г. Политбюро отвергло сталинские планы коллективизации во имя индустриализации, Сталин ушел в отставку, генеральным секретарем стал Бухарин...

Вариант № 39. Декабрь 1934 г. В Кремле выстрелом террориста-маньяка убит Сталин, генсеком избран Ворошилов...

Вариант № 51. Ноябрь 1941 г. Войска группы армий «Центр» заняли Москву, к концу следующего года Красная Армия отступила за Волгу...

Вариант № 62. Август 1953 г. По инициативе Берии и Маленкова Пленум ЦК КПСС разоблачил, снял со всех постов, исключил из партии и отдал под суд лютого врага советского народа Хрущева, лично ответственного за массовые репрессии в Москве и на Украине. На суде Хрущев подтвердил, что готовил свержение Советской власти, а также — что сотрудиничал с гестапо и ЦРУ...

Вариант № 64. Ноябрь 1956 г. В ответ на англо-франко-израильскую агрессию на Ближнем Востоке и провоцирование мятежей в Польше и Венгрии, Советская армия развернула широкое наступление в Европе...

Вариант № 67. Июль 1957 г. Пленум ЦК КПСС отстранил Хрущева и его сообщников по оппортунистическому уклону, Хрущев, Суслов и Брежнев приговорены к 25 годам строгого режима. Генеральным секретарем и Председателем Совмина избран старый большевик, верный соратник Ленина и Сталина — Вячеслав Михайлович Молотов...

Вариант № 72... № 94... № 131..

...Компьютер рассчитывал все более и более дикие модели. Люди, ознакомившись с результатами, задавали новые начальные условия. Они все еще надеялись отыскать идеальное решение.

— Очень, очень любопытно, даже здорово, — восхищался гость. — При вашей допотопной технике на уровне позднего каменного века вам каким-то образом удастся получать very interesting results.

Когда-то Саша Мизберг был однокурсником Владимира Николаевича. Лет шестнадцать назад, в разгар разрядки и либеральной оттепели, он женился на ирландской аспирантке МГУ, вместе с ней уехал из Союза, потом перебрался в Штаты и выбился в профессуру

провинциального университета.

В Москву он прилетел прошлым утром, последним рейсом перед самой отменой международного воздушного сообщения, объявленной первым же постановлением ГКНС. Весь вчерашний день, не сумев адаптироваться к московскому времени, он проспал в номере «Космоса», вечером напился в ресторане и только далеко за полночь узнал о событиях. Сегодня с утра пораньше протрезвевший Мизберг поспешил в институт к Антощенко.

Час назад, встретив Владимира Николаевича на проходной, охваченный ужасом начальник охраны сообщил, что на объект приперся гражданин потенциального противника мистер Айзек Мизберг. Разрешение пропустить гостя в лабораторию Антощенко выбил через кагэбэшного куратора, которому, в свою очередь, пришлось звонить чуть ли не начальнику своего главка.

— Да, ЭВМ наши, конечно, слабенькие, — печально признал немного обиженный Антощенко. — ЕС-десять-шестьдесят пять. У вас-то небось «пи-си» триста восемьдесят шестые стоят или даже четыреста восемьдесят шестые.

Заокеанский профессор снисходительно хохотнул.

— Поднимай выше, Володька, на «эпплах» макинтошевых работаем. У каждого сотрудника на столе сверхмощный конь пашет. Графический интерфейс и все такое, как в лучших домах... Информацию на компакт-диски сохраняем.

Гость пренебрежительно поглядел на стеллажи, ловившиеся от бобин с магнитными лентами. Антощенко поневоле ощутил себя пещерным варваром — что и говорить, техника его лаборатории отставала от мирового уровня на хрен знает сколько лет. И сам он, в сером болгарском костюме с венгерским галстуком поверх гэдээровской сорочки и в югославских мокасынах из магазина «Белград» выглядел пережитком прошлой эпохи — американец был в джинсах, кроссовках, клетчатой рубашке и потертом замшевом пиджаке. Просто, удобно и симпатично.

— Слежу за твоими работами, — Владимир Николаевич поспешно перевел разговор на менее болезненную тему. — Публикуете вы, конечно, не самое важное, но видно, что результаты у твоей группы получаются весьма любопытные.

— Кое-что получается. — По лицу Мизберга пробежала почти неуловимая гримаса недовольства. — Ты можешь объяснить, что вы творите? Почему ты не объяснил этим дубам из ЦК, что никакие танки на улицах не спасут утопию Маркса? Или даже самые здравомыслящие партократы не способны отказаться от социализма?

Нахмурившись, Владимир Николаевич строго произнес:

— Давай по порядку. Переворот не социализм и не утопию спасает, а страну должен увести от кровавого хаоса. Это во-первых. А во-вторых, все модели, в которых держава переходит к неуправляемому рынку, тоже кончаются катастрофой. Вот ты ж наверняка рассчитывал не только разные исходы войны Севера с Югом...

— Не только, — сразу помрачневший Айзек-Саша глянул исподлобья. — Ты к чему клонишь?

— Хочу полюбопытствовать, приводит ли эволюция капитализма к всеобщему счастью.

Бывший однокурсник помрачнел еще больше и нехотя пробурчал:

— Картина получается неоднозначная...

— В том-то и дело. — Антощенко вздохнул. — Мы же пытались заглянуть в будущее. И социализм, и капитализм будут вынуждены сблизиться в постиндустриальной модели, но потом — все равно грянет катастрофа.

Прошипев заморское проклятие с разными производными слов «фак» и «шит», Мизберг махнул рукой и предложил выпить. «Наполеон» до сегодняшнего утра не дожид, но в сейфе застоялась бутылка «Арабата» настоящего ереванского розлива. Коньяк они распробовали под шоколадки «Твикс» из мизберговского портфеля у гостя быстро развязался язык, и Саша пожаловался:

— Не видно никакого выхода. Вроде бы в больших, странах начинается прогресс,

уровень благосостояния быстро подрастает, зажавшееся быдло счастливо, и разумеется, впадает в апатию. Потому что всем хорошо и никому больше ничего не надо. Зато в «третьем мире» начинается дикое социальное расслоение, царьки богатеют, а низы подымают от голода...

Антощенко подхватил:

— Как следствие, толпы нищих ударяются в религиозный фанатизм, планету захлестывает террор, а зажавшиеся европейцы с американцами не способны дать отпор.

— И наступают столетия варварства, — подвел итог Мизберг. — Собственно говоря, появление пресловутого «общества потребления» — это варварство в чистом виде. Я не нашел выхода. Цивилизация обречена.

— Я тоже пока не нашел, — грустно поведал Владимир Николаевич. — Но мы могли бы поработать вместе. Забудем про социализм и капитализм, про Тоффлера и Фукуяму. Нужен объективный прагматичный расчет реальных тенденций без оглядки на идеологические догматы.

Удивленный Мизберг хотел что-то спросить, но в этот момент зазвонил телефон. Подняв трубку, хозяин кабинета выслушал невидимого собеседника, подвигал бровями и ответил:

— Да, конечно, буду... Пришлете машину? Прекрасно, жду на проходной через четверть часа.

Он дал отбой и принялся перебирать бумаги, укладывая некоторые в портфель. Айзек озабоченно поинтересовался:

— Что может дать совместная работа? Многое... Пошли, я проведу тебя мимо охраны... — в коридоре Владимир Николаевич продолжил: — нельзя прогнозировать будущее наших стран изолированно от остального мира. Кроме того, до сих пор мы усматривали модели, построенные на конфронтации сверхдержав. Попытаемся теперь увидеть будущее, основанное на сотрудничестве главных игроков. Без новой «холодной» войны и при разумных ограничениях гонки вооружений.

Через двор американец шагнул в задумчивом молчании. Возле будки на проходной Айзек наконец сказал:

— Это весьма интересно. Я попытаюсь убедить наших спонсоров. Среди них есть серьезные люди.

За воротами они попрощались. Дойдя до угла улицы Вавилова, Мизберг оглянулся. Он увидел, как вооруженный офицер помогает Володьке Антощенко сесть в лимузин с двухбуквенным номером Министерства обороны.

В кремлевском кабинете вице-президента СССР, где третий день подряд собиралось высшее руководство сверхдержавы, Владимир Николаевич увидел новых людей — штатских и военных. Вице-президент, который накануне сильно нервничал и даже при подписании документов с трудом сдерживал дрожь пальцев, сегодня выглядел на удивление бодро. Заметив профессора, он заулыбался и показал рукой на стулья, расставленные вдоль увешанной портретами стены. Приложив руку к нагрудному карману, Антощенко неловко поклонился и сел между генерал-полковником танковых войск и воздушно-десантным генерал-лейтенантом.

— Итак, все в сборе, — энергично начал вице-президент. — Рад сообщить товарищам о последних событиях. Час назад Пленум ЦК принял отставку бывшего главы партии. Генеральным секретарем избран уважаемой Виктор Олегович...

Фамилия нового вождя утонула в вежливых аплодисментах. Лобастый мужик лет пятидесяти, встав, отвесил легкий поклон. Что ж, подумал Антощенко, прекрасная кандидатура — умный, волевой руководитель.

— Послезавтра соберется Съезд народных депутатов, на котором решится вопрос о президенте, — продолжил вице-президент. — Пленум Ленинградского обкома избрал первым секретарем председателя большевистской платформы, поэтому она не сможет

присутствовать на ближайших заседаниях ГКНС. Далее... Мы подписали ряд постановлений, которые будут обнародованы в следующем выпуске теленовостей. В частности, отстраняются от занимаемых должностей председатели горисполкомов Москвы, Ленинграда и некоторых областных центров, которые пытались организовать беспорядки и сопротивление действиям центральной государственной власти. Президенту Российской Федерации приказано явиться в Кремль для объяснений, но героическая личность заперлась в здании республиканского парламента и общаться не желает. — Вице-президент сделал паузу и закончил: — Назначен зампред КГБ, отвечающий за силовые акции, он и расскажет о текущих вопросах.

Услышав фамилию человека, назначенного делать самую грязную работу, Антощенко с трудом сдержав удивленный возглас. Сидевшие рядом генералы еле слышно вздохнули. Зампредом КГБ стал публицист патриотического направления, отличившийся в яростной полемике с журналистами-ренегатами, идеологами развала сверхдержавы. Его острые, пронизанные железной логикой статьи отрезвили многих и в немалой степени скорректировали коллективное сознание, подготовив общество к процессу оздоровления. Антощенко полагал, что парня назначат редактором большого журнала или даже министром информации... Впрочем, ходили слухи о его давних связях с органами госбезопасности.

Средних лет, с непроницаемым лицом, человек в штатском сообщил, что утром во время конспиративной встречи задержаны отставной генерал разведки, работавший резидентом в Вашингтоне, и бывший секретарь ЦК КПСС по идеологии. Найденные при них документы полностью изобличают обоих в сотрудничестве со спецслужбами вероятного противника. Также арестованы известные лидеры оппозиции, пытавшиеся братья в иностранные посольства. На квартирах и дачах арестованных найдены подстрекательские материалы, большие суммы в рублях и конвертируемой валюте, незарегистрированное оружие, списки участников боевых групп. Аресты продолжаются.

Затем зампред описал обстановку вокруг здания Верховного Совета РСФСР, где собралось несколько сот экстремистов и тысячи бездельников, привлеченных раздаваемой на халяву водкой. Там же формируются незаконные вооруженные формирования под командованием нескольких изменивших присяге офицеров Вооруженных сил и милиции. Преступные элементы намерены спровоцировать кровопролитие в центре Москвы, прикрывшись толпой зевак и алкашей. Заранее стянутые к месту события корреспонденты иностранных СМИ немедленно раструбят на весь мир о зверских преступлениях путчистов.

— Этот гнойник необходимо ликвидировать как можно скорее, — докладчик сделал энергичное движение кулаком. — КГБ и МВД рассматривают различные варианты зачистки. В качестве первоочередной меры необходимо распустить ВС РСФСР, лишив депутатской неприкосновенности всех, кто голосовал за нынешнего президента.

Генералы оживились. Вице-президент, удивленно посмотрев на силового зампреда, неуверенно спросил:

— Законно ли это?

Хохотнув, Виктор Олегович осведомился:

— Ты читал «Мистера-Твистера»?

— Ну... — насторожился вице-президент.

— Фраза там есть чудесная: «Ты не в Чикаго, моя дорогая»... — переждав прокатившиеся по кабинету смешки, генсек неожиданно обратился к Антощенко: — Что скажет наука?

К такому разговору Владимир Николаевич был готов еще позавчера, потому как вопрос о штурме вражеской штаб-квартиры вставал в большинстве вариантов. Профессор заговорил без подготовки, даже не заглядывая бумаги:

— Демонстрация решимости повышает социально-политическую прочность режима на двадцать-тридцать процентов. С учетом особенностей менталитета славяно-тюркского большинства, оптимальный результат принесет устрашающая жестокость. Советский народ безжалостных правителей либо любит, либо до смерти боится. После решительного

использования нами силы произойдет быстрая стабилизация обстановки.

— А возможная реакция Запада? — быстро спросил генеральный.

— Проглотят и утрутся, — уверенно заявил Антощенко. — Как утерлись после расстрела на площади Тяньаньмынь. К примеру, в варианте номер сорок три по зданию парламента стреляли из танковых пушек. Но там стреляли наймиты Запада.

— И что сказала западная печать? — заинтересовался второй секретарь ЦК.

— Печать назвала это победой демократии.

— Что произойдет, если мы промедлим? — спросил министр внутренних дел, чрезмерно интеллигентный прибалт.

Вежливо улыбнувшись, профессор поведал:

— Согласно официальной версии, вы застрелите свою семью из табельного оружия. Потом ляжете в постель, дважды выстрелите себе в голову и сердце, после чего аккуратно положите пистолет на тумбочку возле кровати.

Министр понимающе поджал губы и проговорил, изобразив на лице кислую гримасу:

— Это не повод устраивать в центре столицы штурм снежного городка со стрельбой. Толпу разгоним водометами и «Черемухой», а здание без шума возьмем силами спецназа. КГБ должен обеспечить фильтрацию арестованных.

— Еще один нюанс, — вспомнил вдруг Антощенко. — Во многих вариантах подобных событий у президента России возникает нестерпимое желание сбежать в американское посольство. Отговорить его от этого разумного поступка удастся лишь в случае, если Кремль воздержится от решительных действий.

Новый зампред КГБ заверил, что ни в какое посольство даже мышь не проскочит и что фильтрация будет обеспечена. Затем сообщил, что ему нравится идея устроить мрачное шоу. Вице-президент покачал головой и посмотрел на генерального секретаря. Тот задумчиво помолчал, потом осведомился, что думает министр обороны. Маршал Часов провозгласил резким и сильным, несмотря на возраст, командирским голосом:

— Предлагаю расстрелять змеятник из гаубиц. Выставим на прямую наводку самые большие орудия, какие найдутся в арсенале московского гарнизона. Район изолируем танками, потому что танки решают все... — Старик усмехнулся. — Ну и, само собой, не помешает обеспечить фильтрацию выживших силами госбезопасности.

— Решено, — подвел черту Виктор Олегович. — Покончим с этим делом до темноты. Армия подтягивает гаубицы, внутренние войска блокируют площадь, Гостелерадио организует прямую трансляцию, КГБ фильтрует, горком обеспечивает митинги с требованиями кончать контрреволюцию.

Выходя из Кремля, Антощенко подумал, что началась реализация «Кентавра» — самого сложного из рассчитанных им вариантов. Причем президент еще жив, то есть планируется судебный процесс и последующая чистка зажавшейся партократии. Подвариант «Кентавр-4» — надо же... Новый генсек был отчаянным малым. Профессор поежился, хотя день выдался очень теплым.

ГЛАВА 11

Минская дуга

1

Из материалов газеты «Красная звезда»

24 декабря. На днях наши войска, расположенные на подступах Ростова, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада и с юга от Сталинграда. Прорвав оборонительную линию противника протяжением 30 километров на северо-западе (в районе Горловки), а на юге от Таганрога — протяжением 20 километров, наши войска за три дня напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись на 50–60 километров. Нашими

войсками заняты города Мариуполь и Янакиев. Таким образом, все железные дороги, снабжающие войска противника, расположенные в районе Ростова, оказались прерванными. В ходе наступления наших войск полностью разгромлены шесть пехотных и одна танковая дивизии противника. Нанесены большие потери семи пехотным, двум танковым и двум моторизованным дивизиям противника. Захвачено за три дня боев 13 000 пленных и 360 орудий. Противник оставил на поле боя более 14 000 трупов солдат и офицеров.

26 декабря. Наши войска, продолжая наступление в северо-западном направлении, прошли 10–20 километров и заняли гор. Макеевка. На юге от Сталинграда наши войска продвинулись на 15–20 километров и заняли гор. Волноваха. К исходу 25 декабря количество пленных увеличилось на 11 тысяч, и теперь количество пленных составляет 24 тысячи. За 25 декабря противник оставил на поле боя 12 тысяч трупов солдат и офицеров.

29 декабря. Войска Юго-Западного фронта освободили гор. Сталино, а затем, развивая наступление, подошли к гор. Докучаевск. Одновременно к этому городу приблизились наступающие войска Южного фронта, к вечеру гор. Докучаевск был взят совместными усилиями воинов обоих фронтов. Таким образом, замкнулось кольцо окружения вокруг немецко-фашистских войск между реками Дон и Миус.

1 января. Выступая по радио, тов. СТАЛИН поздравил советских людей с наступающим Новым годом и сказал: «Можно не сомневаться, что новый, 1944-й год, станет годом новых побед советского оружия и годом окончательного изгнания немецко-фашистских захватчиков с нашей священной земли».

5 января. Сжимается кольцо вокруг немецких дивизий, окруженных возле Ростова. По уточненным сведениям, в ростовском котле находится не меньше 15 немецких дивизий, из которых почти половина — танковые и моторизованные. Командующий Донским фронтом генерал-полковник Рокоссовский направил командующему 6-й немецкой армии генералу Паулюсу ультиматум, потребовав капитулировать до 12 часов 00 минут 7 января. В противном случае окруженные войска будут уничтожены.

6 января. Как сообщают газеты и радио США, крупные силы американской армии при поддержке мексиканских войск развернули мощное наступление в секторе Панамского канала. Наступление, в котором участвует много танков и артиллерии, ведется при поддержке большого количества авиации. Представитель комитета начальников штабов полковник Льюис сказал на пресс-конференции, что американская армия широко применяет парашютные десанты. Льюис также сказал, что японо-германские войска, потерпев тяжелое поражение в Никарагуа, отступили на территорию Панамы.

8 января. На днях наши войска перешли в наступление в районе восточнее г. Орша и в районе западнее г. Бобруйск. Преодолевая упорное сопротивление противника, наши войска прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника. В районе г. Орша, фронт немцев прорван протяжением 30 км. В районе западнее г. Бобруйск фронт противника прорван в трех местах: в одном месте протяжением 20 км, на другом участке протяжением 17 км и на третьем участке протяжением до 10 км. На всех указанных направлениях наши войска продвинулись в глубину от 12 до 30 км. Нашими войсками освобождены города Орша и Осиповичи и перерваны железные дороги, по которым осуществлялось снабжение группы армий «Центр». Противник оставил на поле боя 4800 трупов солдат и офицеров.

13 января. Из Вашингтона сообщают о важной победе американского флота в Атлантическом океане. Совершив скрытный ночной переход, американцы атаковали вражеские корабли в Карибском море возле берегов Панамы. Бомбардировщики с американских авианосцев потопили немецкий линкор «Мольтке», авианосцы «Валькирия» и «Петер Штрассер», а также несколько крейсеров и миноносцев. Остатки германского флота уходят к берегам Европы. Таким образом, экспедиционный корпус немецко-фашистских войск полностью отрезан от баз снабжения.

20 января. На днях наши войска, расположенные на белгородско-курском направлении, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Прорвав оборону противника на участке протяжением 95 километров, наши войска за четыре дня

напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись вперед от 50 до 90 километров и освободили город Харьков. В ходе наступления наших войск разгромлены 9 пехотных дивизий и 1 пехотная бригада противника. Нанесены большие потери 4 пехотным дивизиям и 1 танковой дивизии противника. Захвачены за четыре дня 32 000 пленных, из которых больше половины итальянцы и венгры.

25 января. С целью выручить свою группировку окруженную нашими войсками под Ростовом, противник сосредоточил в районе севернее Чубаровки шесть дивизий из них три танковых, и этими силами 12 декабря предпринял наступление против наших войск. В первые дни боев, пользуясь некоторым превосходством в силах, противнику удалось потеснить наши части и занять несколько населенных пунктов. В активных оборонительных боях наши войска измотали силы противника, а затем сами перешли в контрнаступление слолив сопротивление противника, отбросили его юго-запад на 30–45 километров. Нашими войсками вновь заняты населенные пункты Волноваха, Куйбышево, Чубаровка. С 12 по 24 декабря наши войска уничтожили: самолетов немецких — 268, танков — до 300, орудий разных калибров — 160. За это же время противник потерял только убитыми до 9000 солдат и офицеров.

29 января. Несколько дней назад советские войска в Палестине перешли в наступление на участке Иерусалим — Реховот. Потерпевшие поражение итало-германские войска генерала Роммеля в панике отступают. За время боев с 24 по 28 января нашими войсками освобождены населенные пункты Ашдод, Ашкелон, Хеврон, Беер-Шеба и др. Одновременно британские войска вышли к берегам Красного моря, выбив итальянцев из города Эйлат. Советскими войсками под командованием ген. Панфилова уничтожены две итальянские моторизованные дивизии, разбиты 2 немецкие (в т. ч. танковая) и одна итальянская. Отступающие через Синайскую пустыню остатки вражеских войск несут тяжелые потери от ударов советских ВВС и британской авиации.

6 февраля. Наши войска Западного фронта, в результате стремительного наступления, овладели столицей Советской Белоруссии городом Минск. Взяты большие трофеи, которые подсчитываются. Восточнее Бобруйска войска Центрального фронта после упорного боя овладели городом Слуцк и рядом крупных населенных пунктов.

10 февраля. Наши войска в результате упорного боя овладели городом и крупным железнодорожным узлом Днепропетровск.

15 февраля. Несколько дней назад наши войска Юго-Западного фронта начали решительный штурм города Полтава. Немцы давно уже превратили город и подступы к нему в сильно укрепленный район. 14 февраля, после длительного и ожесточенного боя наши войска овладели Полтавой. По неполным данным, взяты следующие трофеи: танков — 112, орудий разного калибра — 78, паровозов — 35, вагонов — 1200, складов разных — 5, а также много снарядов, мин, пулеметов, винтовок и другого военного имущества. Противник оставил на подступах к городу и в самой Полтаве убитыми до 2000 солдат и офицеров.

17 февраля. Освобождены от немецко-фашистских захватчиков города Мелитополь, Запорожье, Кременчуг, Чернигов, Барановичи. Красная Армия продолжает общее наступление на всем протяжении фронта от Финляндии до Крыма.

21 февраля. Вчера, 20 февраля, войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Ростова. Наши войска сломили сопротивление противника, окруженного севернее Ростова, и вынудили его сложить оружие. Раздавлен последний очаг сопротивления противника в районе Ростова. 20 февраля 1944 года историческое сражение под Ростовом закончилось полной победой наших войск. За последние два дня количество пленных увеличилось на 49 000, а всего за время боев с 7 января по 20 февраля наши войска взяли в плен 102 000 немецких солдат и офицеров. 20 февраля нашими войсками взят в плен командир 11-го армейского корпуса, командующий группой немецких войск, окруженных севернее Ростова, генерал-полковник Штреккерт.

25 февраля. После решительного штурма, перешедшего потом в ожесточенные уличные бои, наши войска овладели столицей Украинской ССР городом Киев. В боях за

Киев наши войска разгромили немецкий корпус СС в составе двух танковых дивизий «Адольф Гитлер» и «Райх» и мотодивизии «Великая Германия», а также ряд немецких пехотных дивизий и специальных частей.

28 февраля. ЛЖИВАЯ ВЫДУМКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ МОШЕННИКОВ

Немецкое информационное бюро 26 февраля передало следующее сообщение: «Красная Армия, согласно официальным немецким данным, потеряла 3 400 000 солдат пленными. К этому следует еще добавить 12 800 000 человек убитыми и ранеными. Таким образом, за 20 месяцев войны Красная Армия потеряла 18 200 000 человек. Далее, Красная Армия потеряла за это время 48 000 орудий и 34 000 танков».

Эти «официальные немецкие данные» являются ничем иным, как беспардонной выдумкой гитлеровцев. Прочтя подобную галиматью, каждый здравомыслящий человек спросит: как могла Красная Армия при таких потерях, которые ей приписывают жулики из германского информационного бюро, за три последних месяца нанести ряд серьезных поражений немецко-фашистской армии, освободить от фашистских захватчиков 14 областей, разгромить 112 дивизий противника, уничтожить более 700 тысяч вражеских солдат и офицеров, взять более 300 тысяч пленных, уничтожить или захватить 7000 немецких танков, 4000 самолетов, 17 000 орудий и много другого вооружения? Не ясно ли, что фашистские шуты гороховые в своей лжи перехватили через край и опубликовали данные, взятые с потолка.

Техника лживых подсчетов немецко-фашистских подлецов давно известна. Гитлеровцы угоняют в немецкое рабство, на каторгу сотни тысяч мирных советских граждан — русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, зачислив их, вопреки всем международным правилам ведения войны, в военнопленные, обрекают их на неизбежную смерть от голода и насилий. Они истребляют сотни и сотни тысяч советских людей во временно оккупированных районах, в том числе убивают женщин, детей и стариков и, пытаясь всячески замести следы своих преступлений, зачисляют убитых ими мирных людей в потери Красной Армии.

3 марта. КОНТРАНАСТУПЛЕНИЕ НЕМЦЕВ В РАЙОНЕ КИЕВА

В районе Киева противник пополнил растрепанные и разбитые в предыдущих боях 8 танковых и 5 пехотных дивизий и недавно спешно перебросил только в этот район из Западной Европы 12 свежих дивизий из них 4 танковых, 1 мотодивизию и 7 пехотных дивили. Таким образом, немцы сосредоточили на узком участке фронта 12 танковых, 1 мотодивизию и 12 пехотных, а всего 25 дивизий. В конце февраля противник этими силами предпринял сильные контратаки против наших войск, намереваясь путем глубоких охватывающих ударов окружить и уничтожить выдвинувшиеся вперед наши войска и овладеть районом Киева.

Наши передовые войсковые части, ведя упорные сдерживающие бои с численно превосходящим противником, по приказу командования своевременно отошли на заранее подготовленные позиции, оставив при этом города Фастов, Ирпень, Белая Церковь, Чернигов. Лубны, Кременчуг. Ожесточенные бои, в ходе которых немецко-фашистские войска несут огромные потери в людях и технике, особенно в танках, продолжаются в районах южнее и западнее Киева. С конца февраля по 2 марта нашими войсками уничтожено у противника: самолетов — 195, танков — 650, орудий — 320, автомашин — более 1500. За это же время противник потерял только убитыми более 20 000 солдат и офицеров.

5 марта. Из Вашингтона и Токио поступают противоречивые сообщения о большом сражении флотов США и Японии в Тихом океане.

Всю осень японский флот не проводил решительных операций. В Токио ждали известия о падении Ростова и крахе Красной Армии. Главные силы флота и Квантунская армия были готовы нанести удар по Советскому Приморью, как только станет понятно, что под большевистским колоссом подкосились глиняные ноги. Однако колосс устоял, поэтому наступление на север континента пришлось отменить. А тут еще американцы набрались

храбрости и попытались выбить японские гарнизоны с плацдармов на Алеутских островах. За полную наглость полагалось весьма строгое наказание. Адмирал Ямамото сказал на императорском совете:

— Мы разбудили великана, отрубили ему руки и ноги, но злобное чудовище все еще способно ползать и кусаться. Пришло время нанести последний удар.

После захвата Панамского канала силами стран оси, американцы потеряли возможность переводить на Тихий океан корабли из Атлантики, где находились главные судостроительные верфи. Согласно сведениям японской разведки, в распоряжении адмирала Спрюэнса оставался лишь один большой авианосец «Хорнет» и два легких конвойных авианосца, перестроенных из нефтеналивных и грузовых судов. Каждый из этих малышей мог поднять в воздух не больше 20–30 самолетов. Кроме того, американцы сохранили на Тихоокеанском театре военных действий два новых линкора «Индиана» и «Вашингтон», а также старенький «Нью-Йорк».

С этими смешными силами флот США в конце февраля 1944 года начал бомбардировку японских позиций на скалистых островах Ату и Кыска. Эти острова, расположенные в восточной части архипелага, были заняты японцами почти два года назад. Западная часть Алеутов оставалась под контролем американцев, оборудовавших передовые базы на Колд-Бэй и Адак. Именно из этих портов вышла оперативная эскадра контр-адмирала Кинкейда, включавшая все три линкора, конвойные авианосцы «Лонг-Айленд» и «Шенанго», а также 7 крейсеров, 19 эсминцев, 13 подводных лодок. Начиная с 25 февраля две сотни Би-29 ежедневно бомбили Ату истребив около тысячи японцев — почти половину островного гарнизона. В первый день марта на остров обрушились залпы линкоров и крейсеров.

Между тем главные силы Объединенного флота, погнув гавань Пёрл-Харбора, уже спешили на север, чтобы отразить бессмысленную акцию американцев, а заодно — окончательно решить проблему господства на Тихом океане. Окруженные крейсерами и эсминцами охранения шли в бой линкоры «Ямато», «Мусаси», «Нагато» и «Муцу». Ударное соединение Нагумо включало большие быстроходные авианосцы «Акаги», «Сорю», «Хирю» и «Корю». Третий отряд под командованием вице-адмирала Кондо составляли большие авианосцы «Дзуйкаку» и «Секаку», трофейный «Фукурю», а также линкор «Харуна» и легкий авианосец «Хосио».

2 марта, когда армаду отделял от сражения последний суточный переход, Ямамото собрал на флагманском «Ямато» всех старших командиров и объяснил задачу Объединенного флота. По его мнению, следовало не просто защитить алеутские гарнизоны, но полностью уничтожить тихоокеанские силы противника и лишить США последних передовых баз. Тем самым решалась вспомогательная задача: американцы теряли возможность посылать грузы в СССР.

— После этого мы сможем потребовать от Вашингтона прекращения войны, — продолжал командующий. — Враг достаточно побит и должен понимать, что пора признать результаты войны. В противном случае англосаксы потеряют Австралию и Южную Америку.

— В любом случае потеряют, — пошутил Генда.

Усмехнувшись, Ямамото напомнил, что в первую очередь следует разыскать и потопить единственный большой американский авианосец, линкоры и конвойные авианосцы. Но главное — «Хорнет». В худшем случае может оказаться, что американцы сумели восстановить затопленный в бухте Сан-Франциско английский «Илластриес», хотя все собравшиеся считали это маловероятным, но соотношение сил все равно оставалось в пользу японцев. Ни сам Ямамото, ни Генда, ни даже Нагумо не сомневались, что американцы ждут Объединенный флот и намерены дать генеральное сражение. Японцы были полностью солидарны с противником и тоже стремились к решительному столкновению главных сил.

Вечером 3 марта американская подлодка «Кингфиш» обнаружила линкоры противника в 240 милях к югу от о-ва Кыска. Спустя полчаса лодка была потоплена японским эсминцем,

поэтому не успела сообщить, что вслед за линкорами движутся корабли адмирала Кондо. Однако субмарина «Кэтфиш» радировала, что видит 4 авианосца — это был отряд Нагумо.

Примерно в это же время воздушные разведчики японцев сообщили об обнаружении одного большого и одного малого авианосца к западу от Кыски. Причем одинаковые донесения прислали сразу два самолета, патрулировавшие разные сектора. Либо пилоты обнаружили один и тот же отряд, но ошиблись координатами, либо американцы все-таки ввели в строй большой английский авианосец. После недолгих раздумий Ямамото решил не рисковать и отдал Нагумо приказ послать торпедоносцы и пикировщики по обоим целям. Сам же он со всеми линкорами и соединением Кондо направился на Ата, чтобы покончить с отрядом Кинкейда. В это время атакующие эскадрильи уже поднимались с палуб американских авианосцев.

Дальнейший ход Алеутского сражения с подробным разбором взаимных ошибок стал темой многочисленных книг и фильмов, созданных в последующие десятилетия. Как выяснилось уже через несколько часов, командующий американским соединением контр-адмирал Флетчер не догадывался о существовании отряда Кондо и все сообщения о группе из четырех авианосцев относил к отряду Нагумо. Японцы же слишком поздно поняли, что в распоряжении Флетчера вовсе не один и даже не два больших авианосца. В это сражение американцы сумели выставить «Хорнет», «Илластриес» и считавшийся давно потопленным «Йорктаун». Кроме того, в ударное соединение Флетчера входили эскортные авианосцы «Сэнгамон», «Свани», и «Санти», каждый из которых мог поднять 30 самолетов.

На рассвете пикирующие бомбардировщики с «Дзуйкаку» и «Секаку» обрушились на десантный караван Кинкейда, потопив два эсминца, танкер и пять транспортов с войсками, а также повредив крейсер, эсминец подводную лодку. Одновременно взлетевшие с «Фукурю» пикировщики и торпедоносцы вышли на отряд огневой поддержки и нанесли повреждения линкорам, авианосцам и двум крейсерам. Атаки американских истребителей и огонь зенитной артиллерии причинили японцам солидные потери, но «Индиана» потерял ход и вторую башню главного калибра.

Одновременно завязалась дуэль авианосцев: около сотни американских самолетов атаковали соединение Нагумо, а японские самолеты отправились бомбить «Илластриес» и «Хорнет». Несмотря на чудовищные потери от средств ПВО, некоторым машинам удалось прорваться сквозь огонь и поразить цели. Через два часа после рассвета горели «Илластриес», «Хорнет», «Свани», «Сорю» и «Корю», а «Санти» затонул после трех попаданий крупнокалиберных бомб.

Около полудня, когда поредевшие эскадрильи вернулись на поврежденные авианосцы и обе стороны подняли в воздух самолеты второй волны, возле Кыски начался артиллерийский бой. «Ямато», «Мусаси» и «Нагато» открыли огонь по «Индиане» и «Вашингтону», а «Муцу» и «Харуна» взялись за «Нью-Йорк». Вокруг сцепившихся крупнокалиберными клыками великанов кипели мелкие схватки крейсеров, эсминцев и подлодок. Два конвойных авианосца послали свои машины в самоубийственный рейд, итогом которого стали потопленный «Хосио» и тяжело поврежденный «Муцу». На «Лонг-Айленде» и «Шенанго» не оставалось истребителей для самообороны, поэтому самолеты с «Дзуйкаку» беспрепятственно отправили оба корабля на дно.

В лучшем положении оказался флагманский «Йорктаун», присутствие которого оставалось для японцев загадкой вплоть до 14.40, когда отправленный на разведку гидроплан обнаружил один большой и один малый авианосцы противника в сопровождении крейсера и трех эсминцев. Таким образом, в первые несколько часов сражения никто не бомбил отряд Флетчера, тогда как «Йорктаун» и «Сэнгамон» дважды нанесли удар по соединению Нагумо, повредив бомбами палубу «Акаги» и потопив торпедами «Сорю».

Около трех часов дня командирам схлестнувшихся флотов стал понятен расклад сил. К этому времени стороны потеряли примерно четверть кораблей и треть самолетов, но были полны решимости биться до полной победы. Флетчер приказал «Хорнету» и «Санти» переключиться на соединение линкоров и авианосцев, а сам с оставшимися тремя

авианосцами, продолжил избиение отряда Нагумо. Между 15.30 и 16.15 американские самолеты потопили «Секаку» и «Корю» и поразили «Дзуйкаку», а торпедоносцы повредили «Харуну» и добили едва державшийся на плаву «Муцу». Тем временем японские линкоры, потопив «Индиану» и «Нью-Йорк», погнались за отступающим на северо-восток горящим «Вашингтоном».

В сумерках японские самолеты трижды атаковали «Хорнет», который загорелся, так что Флетчеру пришлось перенести флаг на крейсер. Горящие корабли стали отличной мишенью для подводных лодок, которые пустили ко дну «Йорктаун», «Акаги» и «Свани».

За ночь стороны проанализировали ситуацию и подсчитали потери. Отступить никто не собирался, поэтому на рассвете возобновились стычки между рассеявшимися по океану отрядами. Ямамото продолжал преследовать отходивший к острову Адак линкор «Вашингтон», настиг противника в сотне миль от острова Адак и расстрелял орудиями главного калибра. Сразу после этого на японские линкоры обрушилась базовая авиация США, и оказалось, что исполинские «Ямато» и «Мусаси» плохо защищены от воздушных атак, зенитных пушек мало, и они плохо защищены. Американские самолеты расстреливали японских моряков из пулеметов, а громадные 18-дюймовые пушки плохо помогали против десятков самолетов. Ямамото приказал отходить под защиту авианосцев, но «Мусаси» уже тонул, а «Ямато» после шести торпедных попаданий не мог раздать скорость выше 14 узлов.

К вечеру 4 марта в распоряжении Флетчера оставались только 3 крейсера и 6 эсминцев. Из тяжелых кораблей японцы сохранили «Нагато», а также тяжело поврежденные «Ямато», «Харуна» и «Дзуйкаку». Американский флот погиб, причинив противнику тяжелейшие потери. Ямамото не решился атаковать Адак и приказал отходить в Пёрл-Харбор. Судьба войны за Тихий океан зависела от того, кто сумеет первым восстановить силы и введет в строй хотя бы несколько авианосцев.

2

Накануне участники Багдадской конференции (ангლოსаксы называли эту встречу неблагозвучным словом «саммит») сильно поругались, обсуждая польский вопрос. В конце концов Черчилль смекнул, что не стоит портить отношения из-за ерунды. Лишь поздно вечером главы держав подписали протокол, согласно которому восточная граница Польши пройдет по «линии Керзона», а на западе «уродливое детище» может получить кое-что за счет Германии. Сталин же согласился не считать эмигрантское правительство в Монреале враждебным, но добился, чтобы в протокол был включен важный пункт: будущее руководство Польши не приедет из-за границы вместе с армиями союзников, но будет сформировано после всеобщих выборов с участием всех политических сил. Ранее подобная договоренность была достигнута по поводу Ирака.

Утром 28 апреля вся компания, по предложению советской стороны, отправилась в городок Тикрит. Маршал Буденный обещал устроить настоящий пикник в райской местности — с водкой, шашлыками и национальными плясками. Когда бронированный «паккард» преодолел примерно половину расстояния, Молотов флегматично высказался:

— Рузвельт совсем плохой.

— Плохой, — Сталин печально покивал. — Боюсь, наш парализованный союзник не только в этом смысле плохой. Раньше я считал его порядочнее Черчилля, теперь сомневаться начал. Если он ничего нам не скажет про атомную бомбу — значит, ему нельзя доверять.

— Никому нельзя доверять... — нарком иностранных дел покачал головой. — Я попробую начать разговор издалека.

Они закурили, и густой табачный дым наполнил салон лимузина. Молотов сказал задумчиво:

— Вчера они подозрительно быстро согласились на наши условия по Польше. Наверное, задабривали, чтобы сегодня сюрприз преподнести.

— Тоже мне бином Ньютона, — усмехнулся Сталин. — Объявят, что не могут открыть

второй фронт, и будут плакать, чтобы мы на Японию напали.

Пикник удался на славу. Полуобнаженные мусульманки плыли в танце живота, вращая упругими округлостями, красноармейские ансамбли поразили гостей мастерским исполнением романсов и боевых песен. Особый восторг вызвали матросский перепляс и выступление самодеятельности 1-го отдельного израильского моторизованного полка «Арье адом» («Красный лев»).

Сталин иронически посматривал на Черчилля, который с большим трудом скрывал негодование. Англичане были категорически против создания государства Израиль, но Эрец-Эзраэль уже существовал де-факто и де-юре. Комиссар Мильштейн не любил шутить, это понял даже Мехлис, а непонятливые фанатики из Моссада, «Бейтара» и «Хаганы» быстро оказывались на передовой в секторе действия польских войск, где недолго жили даже сами поляки.

Под занавес действия группа иракских офицеров попросила разрешения сфотографироваться с мировыми лидерами. После съемки один из них затараторил, умоляюще глядя на Сталина. Знавший арабский язык майор Разведупра неуверенно перевел:

— Его зовут Хейрулла Тульфех, у его племянника сегодня день рождения — семь лет исполнилось. Тульфех просит осчастливить сироту... — майор-переводчик занялся, но продолжил под требовательным взглядом Верховного: — Товарищ Сталин, он просит, чтобы вы благословили мальчика.

Фыркнув, Сталин махнул рукой: мол, давайте сюда пацана. Кряхтя — годы все-таки пенсионные, как-никак середина седьмого десятка — он поднял смуглого большезлого ребенка и спросил, ободряюще улыбаясь:

— Как тебя зовут?

— Саддам аль-Тикрити, — робко сообщил именинник.

Узнав, что мальчик неграмотен и не ходит в школу, Сталин строго сказал:

— Коммунисты сделают так, чтобы в Ираке и во всем мире не было голодных и неграмотных детей. Когда вырастешь, ты тоже станешь коммунистом.

— Да, да! — мальчик согласно закивал бритой головой. — Я стану премьер-министром, и у меня будут усы, как у тебя.

Расхохотавшись, Сталин приказал:

— Сфотографируйте меня с этим перспективным кадром. А то устал держать...

Когда они вернулись к столу и обслуживающие пикник офицеры «Смерша» разлили коньяк, Молотов озабоченно заговорил о разработке новых систем оружия в Третьем рейхе. Он упомянул новый, очень мощный танк — гибрид «тигра» и «пантеры», затем назвал реактивные самолеты и дальнобойные ракеты «Фау». Союзники выслушали наркома с большим вниманием, выразительно покачивая головами. Сидевший в инвалидном кресле Рузвельт кивнул генералу Маршаллу, и тот сообщил.

— Мы тоже знаем об этих новинках. Танк будет называться «королевский тигр». Против самолетов-снарядов «Фау» мы намерены использовать зенитные снаряды с радиолокационными взрывателями. Кроме того, мы разрабатываем новую «летающую сверхкрепость» — дальний бомбардировщик, который способен вылететь из Соединенных Штатов, сбросить десять тонн груза на Европу, а затем вернуться в Америку.

Советские руководители вежливо высказали восхищение достижениями союзника. В машине на обратном пути Сталин произнес — без разочарования, даже с удовлетворением:

— Про бомбу промолчали, подлецы.

— Зато пригрозили, что смогут бомбить нас, даже не имея баз в Европе.

Кивнув, Сталин снова закурил и пригрозил: дескать, с этими гнилыми союзниками можно не церемониться.

Вечернее заседание было полностью посвящено вопросам большой стратегии. Пришло, наконец, время оговориться о координации военных действий, бить врага совместными усилиями.

По праву хозяев первыми выступали советские военные. Маршал Жуков бодро доложил о грандиозной победе под Ростовом, где погибли в окружении 25 вражеских дивизий. Он показал на карте направления последующих ударов Красной Армии, упомянул освобожденные города, перечислил потери Германии.

Черчилль, успевший переодеться в адмиральский мундир, попытлся сигарой, после чего злорадно произнес длинную фразу. Среди множества незнакомых слов все члены советской делегации отчетливо разобрали «Киев» и «катастрофа».

— Сволочь старая, — очень тихо, даже не для ближайших соседей, а только для себя прошипел Молотов.

К подобным поворотам докладчиков готовили заранее, поэтому Жуков ответил без запинки. Доводы были известны: утомленные долгим наступлением передовые части были вынуждены вновь оставить украинскую столицу под натиском свежих дивизий численно превосходившего противника. В результате образовался так называемый Минский выступ, или Минская дуга. Враг остановлен и не решается продолжать наступление.

Продолжая корчить из себя великого стратега, сэр Уинстон открыл Америку, сообщив, что немцы намерены ударить по флангам этого выступа, окружить русских в районе Минска, а затем нанести удар на Москву. С этими словами он передал Сталину карту, на которой были нанесены номера армий, корпусов и некоторых дивизий, сосредоточенных на Минской дуге.

Сведения были неполными — на самом деле англичане знали намного больше. Работавший на госбезопасность офицер британской разведки (его имя Берия и Меркулов не называли даже Верховному) передавал, что Интеллидженс сервис имеет самую подробную информацию, а на карте Черчилля была нарисована от силы половина тех данных.

«Он снова пытается нас обмануть», — мысленно резюмировал Сталин и горячо поблагодарил верного союзника за своевременное предупреждение.

— Мы догадывались о таких намерениях противника, — добавил он. — Поэтому мы, русские, начали создавать сильную оборону на тех участках, где могут наступать немцы... Ну, давайте послушаем, что расскажут о своих победах наши британские друзья.

Возмущенный очередной издевкой Черчилль даже поперхнулся сигарным никотином. Американский президент с большим трудом сдержал смех — Франклину Делано нравилось, как Сталин изводит насмешками напыщенного потомка дюков Мальборо. Благожелательно улыбаясь, президент предоставил слово фельдмаршалу Монтгомери.

Хвастать англичанам было нечем. В марте британское командование вздумало собственными силами разгромить потрепанную армию «Азия». Советских союзников о наступлении не предупредили, рассчитывая первыми достичь Суэцкого канала. Шесть дивизий двинулись по горам и пустыням Синайского полуострова, намереваясь выйти во фланг и тыл войскам Роммеля. Однако немцы обнаружили обходной маневр и два дня бомбили колонны англичан, австралийцев, канадцев и поляков. Отступать в безводную пустыню Монтгомери не мог — бросая поврежденные машины, британцы шли к морю, а возле селения Биир-Лахфан их ждали итальянские войска. Позади была смерть, англичане отчаянно атаковали прекрасно оборудованные позиции на высотах. Ценой невероятных потерь остатки 8-й армии опрокинули итальянцев и устремились вдоль дороги к прибрежному пункту Аль-Ариш. И тогда оказалось, что вдоль дороги их ждут немцы.

В окружении, без боеприпасов и воды, оказались около тридцати тысяч солдат. Спасло их чудо: русский командарм Панфилов понял, что Роммель отвел половину сил для разгрома англичан. Вечером 14 марта, когда затянулся мешок вокруг армии Монтгомери, 60-я армия перешла в наступление, две стрелковые дивизии окружили Хан-Юнус, а моторизованный корпус и кавдивизия ринулись по дороге, ведущей вдоль морского берега. На рассвете они начали штурм германских поющих возле Аль-Ариша, с моря наступление поддерживали крупнокалиберные пушки линкоров и крейсеров. К вечеру Аль-Ариш был взят большевиками. Чтобы не оказаться в западне, Роммелю пришлось оставить недобитых англичан и всеми силами отступить к Суэцу. Через три дня без единого выстрела

капитулировал гарнизон Хан-Юнуса: два итальянских полка и один немецкий.

— Таким образом, наше наступление в значительной мере способствовало блестящему маневру генерала Панфилова, — закончил Монтгомери. — Сейчас мы готовим совместную операцию, которая приведет к полному разгрому нацистов и освобождению Суэцкого канала. Наступление начнется, как только прибудет американский корпус.

— Искренне надеюсь, что в будущей операции британские войска будут действовать так же успешно, как и в мартовской, — ухмыляясь, произнес Сталин. — Господин президент, нас очень беспокоит положение на Тихом океане. Мы также обеспокоены вашими возможностями на Атлантике.

Разумеется президент понимал и даже разделял обеспокоенность союзника. О положении дел у американцев рассказывал старый адмирал флота Уильям Леги — шеф Комитета начальников штабов.

По его словам, американцы добились больших успехов в зоне Панамского канала — здесь японо-германские силы вторжения, потерпев сокрушительное поражение, частично отступили в малонаселенные джунгли на границе Колумбии с Венесуэлой, а частично прижаты к тихоокеанскому берегу и вскоре будут окончательно уничтожены.

— Однако противником взорваны шлюзы Панамского канала, — продолжал адмирал. — Теперь мы лишены возможности перебрасывать корабли с Атлантики на Пасифик. Между тем ситуация такова, что судостроительная индустрия Соединенных Штатов расположена главным образом, на Восточном, то есть атлантическом побережье. Ввод в строй десятков конвойных авианосцев позволил очистить Атлантику от подводного флота «гансов» и обеспечить бесперебойные поставки для русских союзников.

После бодрой преамбулы Леги напомнил, что два месяца назад произошло взаимное истребление американского и японского флотов. К лету японцы могут ввести в строй два больших и несколько легких авианосцев, тогда как американцы будут иметь в лучшем случае лишь три конвойных. В то же время на Атлантике простаивает без дела очень мощный флот: 4 новых авианосца типа «Айова», 4 очень сильных авианосца типа «Эссекс», «большие» крейсера «Аляска» и «Гуам», а также много других кораблей. Из-за взрыва шлюзов этот огромный флот, а также десятиллионные сухопутные силы не могут быть введены в сражение против Японии.

— Эти силы могут быть введены в Европе, — требовательно предположил Сталин. — Как говорил адмирал Старк на Московской конференции в январе, у вас достаточно кораблей, чтобы одним рейсом перевезти двести тысяч солдат, тысячу пушек и тысячу танков. И как сказал только что адмирал Леги, у вас достаточно конвойных авианосцев, чтобы защитить этот конвой от немецких субмарин и обеспечить противовоздушную оборону. Пора открывать второй флот в Европе. Мы, русские, обязуемся начать мощное наступление за неделю до вашего десанта — немцам придется бросить на Восточный фронт все резервы, так что американцы будут высаживаться, почти не встречая сопротивления.

Покосившись на президента, Леги промолчал. Рузвельт поспешно сказал:

— Мы рассчитывали, что речь пойдет о вступлении СССР в войну против Японии. В таком случае мы могли бы без дипломатических экивоков перебросить флот Северному морскому пути.

— А мы рассчитывали, что речь пойдет о втором фронте, — нахмурившись, проговорил Сталин. — Мы не можем начинать войну против Японии, потому что у нас слишком слабый флот.

Началась торговля, как на базаре в Гори, куда Сталин в детстве почти каждый день ходил с родителями.

От идеи вторжения во Францию, даже в южной, не оккупированной немцами части, союзники открещивались истово, словно большевистский диктатор предлагал им записаться в компартию. Предвидевший подобную реакцию коварный азиат немедленно предложил десант на английское побережье. Черчилль заерзал — наверняка он сам страстно желал поскорее освободить Британские острова. Впрочем, немедленно посыпались возражения:

береговая оборона в Англии была не слабее, чем во Франции. Любая десантная операция в обеих странах обречена на провал, уверяли союзные военачальники.

— В ближайшие дни американские дивизии начнут прибывать на Ближний Восток, — напомнил Леги. — Через месяц мы сосредоточим здесь не меньше восьми дивизий, в том числе две бронетанковые, с новыми танками «Генерал Шерман» и «Генерал Першинг». В Трансиордании строятся аэродромы для тяжелых бомбардировщиков. Уже в начале июня мы будем иметь над армией Роммеля колоссальное превосходство, которое позволит форсировать Суэц и разгромить немцев в Египте.

— Египет — периферия войны, — возразил Сталин. — Надо лишить Гитлера таких тыловых баз, как Англия и Франция. На заводах оккупированных стран производятся горы оружия, которые мы не успеваем уничтожить. Если вы будете медлить, то немцы введут в строй новый линкор и новый авианосец, которые были заложены англичанами еще до войны.

— Уже ввели, — проворчал Черчилль. — Поставили на «Битти» свои пушки, как на «Бисмарке». Авианосец «Индиэфтигелб» получил название «Аларих».

Попытка убедить англосаксов, что нельзя оставлять в руках врага столь мощную промышленность, успехом не увенчалась. Все они: Леги, Маршалл, Монтгомери, — были убеждены, что любой десант к северу от Бискайского залива заранее обречен на катастрофическое поражение. Как альтернативу, Леги помянул высадку в Испании, но тут же оговорился: мол, испанский вариант — это чистая авантюра.

Отразив массированную русскую атаку, союзники снова заговорили о вступлении СССР в войну против Японии. Президент и премьер присоединились к военным, яростно уговаривая Сталина нанести удар по Квантунской армии. В ответ Сталин категорически заявил:

— Это невозможно. Во-первых, наша задача заставить воевать на два фронта Германию, а не Россию. Во-вторых, если мы объявим войну Японии, они введут морскую блокаду, и мы больше не получим грузов из Америки по дальневосточному маршруту. О каком-либо нашем вступлении в войну на Дальнем Востоке можно будет говорить лишь в случае резкого усиления советского Тихоокеанского флота. Мы не можем воевать против Японии без авианосцев и линкоров.

После нового раунда бестолковой болтовни Сталин рассвирепел и, встав, объявил, что предпочитает вести переговоры с Гитлером, который однажды уже доказал, что способен правильно выбирать друзей. Переполошившись, Рузвельт предложил не волноваться и успокоиться.

— Мы всегда можем найти разумное решение, — сказал президент. — Для этого мы и собираемся на наших саммитах. Я думаю, Соединенные Штаты уже в следующем месяце смогут передать Советскому Союзу один конвойный авианосец.

Продолжая изображать крайнюю стадию гнева, русский премьер громко спросил Молотова: почему, дескать, мы должны воевать за союзников, которые не желают по-настоящему нам помогать. Затем, обращаясь к главам союзных держав, он осведомился, в каком состоянии разработка операции «Торч» и в какой советский порт американцы намерены отправить авианосец.

Дело явно сдвинулось с мертвой точки. Обрадованные американцы предложили послать с Атлантики в Мурманск большое соединение, которое сможет наносить удары по морским коммуникациям немцев на Севере. Затем один из авианосцев будет передан России — в аренду, до окончания войны.

— Нам необходимы автофинишеры, стартовые катапульты и лифтовые подъемники, — подхватил Сталин. — И очень нужны несколько образцов американских истребителей и бомбардировщиков, чтобы наши авиаинженеры смогли понять, как приспособить свои самолеты для базирования на корабле такого класса.

Вряд ли союзники были очень довольны, однако нуждались в советской помощи для разгрома Японии, поэтому им придется принять эти условия. Как и ожидал Сталин, возражений не последовало.

— Что касается операции «Торч», — осторожно продолжал Леги, — то вторжение в африканские владения Франции — тоже весьма рискованное предприятие. Хотя, конечно, здесь мы будем иметь шансы на успех.

— Французы не станут долго сопротивляться, — уверенно заявил Сталин. — В дальнейшем из Марокко и Алжира можно будет высадить десант в Южной Франции. Но пока будем говорить о ближайших задачах. Со своей стороны могу пообещать следующее. Если наши англо-американские союзники откроют второй фронт хотя бы на востоке Африки, а мы получим малый авианосец, чертежи большого авианосца и комплект самолетов для использования с авианосцев, то Советский Союз присоединится к войне против Японии. Сразу после вашей высадки в Африке мы позволим американскому флоту пройти на Тихий океан по Северному морскому пути. Мы также согласны объявить войну Японии, но только после капитуляции Германии.

— У премьера Сталина деловая хватка не хуже, чем старого брокера с Уолл-стрит, — натянуто пошутил ошеломленный Рузвельт. — Предлагаю как следует подготовиться и обсудить эти вопросы завтра.

— Согласен, — сказал мрачный Черчилль. — На сегодня все? Надеюсь, у мистера Сталина нет других вопросов для срочного обсуждения.

Загасив папиросу в пепельнице, Сталин задумчиво проговорил: дескать, остались нерешенными два важных вопроса: первый — о принципах, на которых будет принята капитуляция стран «оси», второй — о разделе трофейных боевых кораблей, которые попадут в руки союзников. По мнению старого большевистского пройдохи, Советский Союз мог рассчитывать на солидные репарации.

— В итоговом документе этой конференции мы должны четко записать, что целью войны может быть только безоговорочная капитуляция всех трех государств-агрессоров и государств-марионеток вроде Венгрии, Болгарии, Румынии, Аргентины, — провозгласил Сталин. — Далее необходимо расформировать их вооруженные силы, разместить оккупационные войска на территории капитулировавших агрессоров, судить военных преступников, взыскать контрибуцию. Военные корабли государств-агрессоров должны быть поделены между державами-победительницами, причем СССР претендует как минимум на один линкор, один авианосец и два крейсера.

Возражений не последовало. Напротив, Рузвельт одобрительно кивнул, благосклонно улыбаясь. Только Черчилль сильно хмурился, но Сталин продолжал:

— Разумеется, должны быть распущены органы управления этих стран, а также фашистские партии, генеральные штабы, службы политической тайной полиции, как гестапо или сигуранца. Возможно, стоит также договориться о линиях разграничения ответственности между державами-победительницами на послевоенный период.

— Вы не боитесь Бога, — вырвалось у Черчилля.

Лукаво прищурясь, Сталин произнес:

— Глупо бояться Бога — он наверняка благовоспитанный джентльмен и солидный консерватор. А вот дьявол, несомненно, коммунист...

Возвращаясь в свою резиденцию, Сталин мысленно ликовал, вспоминая перекошенную рожу британского аристократа, развязавшего кровавую антисоветскую интервенцию в 18-м году. И вообще день прошел неплохо — на вечернем заседании он вырвал у союзников даже больше, чем рассчитывал. Завтра надо будет закрепить этот успех.

3

Во вторник экипаж осваивал «пантеру», позавчера поработали на Т-34, вчера обкатывали неуклюжий американский «Шерман». Наконец, в пятницу дали настоящую машину.

С виду ИС-2 мало отличался от первой модели, только 122-мм пушка помассивнее, дульный тормоз улучшенной конструкции, да форма корпуса в носовой части стала проще и

надежнее. В сумме эти усовершенствования резко повышали боевую силу машины.

Как договорились, капитан Шалаев сел за рычаги, признанному силачу майору Бедулину выпало быть заряжающим, а майор Смольняков исполнял обязанности командира. Как старшему по званию, командиром следовало быть Алексею, но подполковник напросился в наводчики — хотелось лично испытать пушку на практике.

Маршрут они знали наизусть. Первая мишень — деревянный щит, вторая — обломки фрицевской «тройки». В щит Леха попал первым же учебным снарядом с семисот метров, в «тип драй» с километра промахнулся, пришлось подъехать, и с 850 метров раздосадованный Часов, тщательно прицелившись, всадил болванку без промаха.

— Бронебойный, — прорычал злой на себя подполковник.

— Шалаев, вперед! — скомандовал Смольняков. — Стань за тем сараем.

«Научился», — успокаиваясь, подметил Алексей.

В первые дни все офицеры его экипажа норовили стрелять по мишеням впопыхах, откуда придется — останавливали машину в чистом поле и начинали палить с места. В реальном бою это была верная смерть, потому как пушки на «тиграх» и «пантерах» скорострельнее, чем могучая Д-25Т с ее отдельным заряданием. Теперь же молодежь усвоила, о чем талдычил им ветеран Часов.

Бедулин уже вставил в казенник громадный, в четверть центнера, снаряд и взял гильзу из укладки. Леха, припал к окуляру, отслеживая изрядно побитую снарядами «пантеру». Дальномер показал дистанцию — 920 метров. «На этот раз не промажу», — подумал подполковник, подкручивая верньеры прицела. Когда заряжающий вогнал гильзу и лязгнул затвор, ствол орудия уже смотрел почти точно в мишень. По приказу командира Шалаев остановил машину точно — так что стена кирпичного строения заслоняла большую часть ИСа от вражеских танкистов, если бы те сидели в «пантере». Силуэт «черной кошки» вписался в кольцо коллиматора, Часов чуть подправил прицел, чтобы нижний треугольник уткнулся в маску башни, и нажал электроспуск.

Отдача подбросила 46-тонную массу танка. Облако порохового дыма и взлетевших с мокрого грунта, брызг затянуло обзор. Нетерпеливый, как вся молодежь, Смольняков встал ногами на сиденье, высунулся из люка командирской башенки и объявил:

— Леха, по тебе «губа» плачет. За порчу матчасти.

— Чего там? — осведомился Часов и бросил Бедулину: — Заряди болванкой.

— Ты ему пушку отстрелил, — заржал Смольняков.

— Кончай шутить... — Алексей тоже выглянул в люк. — Ни хрена себе...

Снаряд угодил точно в центр маски, пробить которую с такого расстояния было невозможно. Пушка на вражеской машине оказалась менее прочной — переломленный ствол уткнулся в лужу.

— Снайпер, — восхищенно сказал Шалаев. — Товарищ подполковник, а что делать, если первым выстрелом промахнулся — оставаться на месте или спрятать за сараем весь корпус?

— Не только спрятаться. Отойти подальше, перезарядить пушку и выйти на выстрел с другой стороны укрытия.

— Ну да, а если будет возможность — отползай к другому укрытию, — добавил Смольняков.

Через пять минут, укрывшись за покореженным корпусом «пантеры», они расстреляли последнюю мишень — корпус «тигра». Болванка угодила в борт башни, пробив броню. На этом занятие закончилось, и приехавший на броневике полковник приказал возвращаться.

На обратном пути с полигона весь автобус обсуждал загадочное затишье на фронте: уже третью неделю Совинформбюро упорно повторяло про бои местного значения. Сомнений ни у кого не оставалось: готовится что-то грандиозное — скорее всего, на Минской дуге. Впрочем, курсанты, прибывшие с Южного фронта и получавшие весточки от бывших сослуживцев, уверяли, что большое наступление начнется именно на юге. По их сведениям, три армии, освободившие Крым, сосредоточены на Одесском направлении.

Стратегическая дискуссия продолжилась после обеда в учебном классе. Офицеры водили пальцами по карте, показывая направления ударов, которые бы они спланировали, окажись на месте нашего или вражеского командования. В общем, все были согласны, что немцы, вероятнее всего, попытаются ударить по флангам Минской дуги — конфигурация линии фронта была очень удобной, чтобы наступлением с севера и юга окружить сразу несколько советских армий, а затем развивать прорыв в любом направлении, кроме западного.

Вошедший незамеченным преподаватель оперативного искусства, посмеиваясь, проговорил:

— Похоже, я не зря вам лекции читаю... — затем вдруг добавил: — Товарищ Часов, зайдите к замполиту Академии.

Вызов был как нельзя кстати: Алексей собирался отпроситься на завтра, чтобы провести вечер с братьями моряками. Однако генерал, не дав ему слова сказать, строго осведомился, готов ли парадный мундир.

— Так точно, — немного растерявшись, ответил подполковник. — Шинель, правда, старенькая...

Лишь по прибытии на курсы переподготовки комсостава в Академию бронетанковых и моторизованных войск подполковник Часов с ужасом вспомнил, что у него нет общевойсковой шинели. На фронте он, как и большинство танкистов, вполне обходился комбинезоном, а для гимнастерки и шинели в танке лишнего места не имелось. Разумеется, Часову и другим выдали полный комплект побывавшего в многократном употреблении обмундирования — на все девять месяцев учебы. Однако неделю назад замполит приказал ему сходить в гарнизонное ателье и пошить парадный мундир.

— Шинель — дело не самое важное, — генеральское лицо оставалось суровым. — Шинель все равно в гардеробе сдашь... Погоны к кителю пришил? Награды приколот?

— Так точно.

— Ну орел... — замполит улыбнулся. — Значит, сегодня после занятий явишься на вещевой склад и подберешь яловые сапоги. Не забыл, как портянку наматывать?

— Вспомню, если припрет, — машинально брякнул Алексей, но тут же спохватился: — Виноват...

— Ладно, ладно, подполковник...

С этими словами замполит вручил ему увольнительную с девяти утра субботы, то есть завтрашнего дня, и объявил, что в полдень Часов должен явиться на проходную Кремля, потому как в 15.00 состоится вручение орденов большой группе военнослужащих. Только сейчас Алексей вспомнил про напечатанный всеми центральными газетами еще в прошлом месяце Указ, где среди сотни других фамилий упоминался некий «подполковник Часов А. Н.». Фамилия-то, чай, не редкая — Леха был уверен, что фортуна в виде ордена Красного Знамени улыбнулась однофамильцу...

Генерал между тем говорил о высокой чести, потому как далеко не каждый получает такие ордена. Часов же с ужасом думал, что и впрямь привык носить ботинки — наматывает портянку криво — и неприятность какая-нибудь случится во время церемонии. Когда замполит разрешил ему возвращаться на занятие, подполковник недоуменно спросил, почему в увольнительной не проставлено время, к которому он должен вернуться в академию.

— Кто же знает, когда ты вернешься, — генерал пожал плечами. — Может, для вас банкет устроен. Или, бывало, после таких награждений некоторые курсанты прямо на фронт с повышением отправлялись. Так что время возвращения сам впишешь.

«Хрена лысого я до понедельника вернусь», — понял Алексей.

На новеньком шерстяном кителе подполковника танковых войск Часова красовался всего один орден красной Звезды, полученный после босфорского похода. Ниже были приколоты медали, заслуженные в других сражениях: «За отвагу», «За воинскую доблесть»,

«За оборону Киева», «За оборону Ростова» и «За освобождение Крыма». Другие командиры, то есть офицеры и генералы, приглашенные на сегодняшнюю церемонию, имели значительно больше наград — у некоторых были геройские Звезды и даже вызывавшие особую зависть ордена Суворова.

«Всесоюзный староста» прихворал, у Верховного хватало других забот, поэтому ордена вручал член Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов. Пожилой солидный мужик в костюме с галстуком называл фамилии, награжденные по одному поднимались на сцену. Первыми получили Героя Социалистического Труда наркомы Берия, Ванников, какие-то профессора — то ли физики, то ли химики, а также — Леха чуть подпрыгнул — полковник-инженер Николай Антощенко. Получив свою Звезду, Колька сел где-то в первых рядах. Часов беспокоился, что друг слиняет и они не повидаются. Между тем секретарь вызвал нескольких летчиков, командира подводной лодки и лейтенанта-артиллериста, удостоенных звания Героя Советского Союза. Следом пошли вперемешку генералы, адмиралы и полковники, которым причитались всевозможные ордена. Наконец, настало время кавалеров ордена Красного Знамени. Последним, согласно алфавитному списку, вызвали Часова.

Разволновавшись, Алексей прошел по ковровой дорожке, едва не споткнулся на ступеньках, каким-то образом вытянулся перед Ворошиловым, который оказался на голову ниже него ростом. Маршал добродушно поздравил подполковника, вручил глянцевые листы грамот и две обтянутые бархатом коробочки.

— Служу Советскому Союзу! — гаркнул Алексей.

— Хорошо воевал, сынок, — Ворошилов едва заметно подмигнул. — Вольно. Ордена-то сам прикрутишь или помочь?

— Сам, товарищ маршал... — Леха добавил шепотом: — А почему две коробки?

— Потому что тебе два ордена причитается. Красная Звезда и Кутузов третьей степени... — замнаркома обороны по-отечески хлопнул его по рукаву и громко добавил: — Бей врага, хлопец, и чтобы в следующий раз пришел сюда за Звездой Золотой.

— Так точно, — невпопад пробормотал Часов под смех зала.

Пока он спускался по тем же коварным ступенькам, Климент Ефремович пригласил всех в соседний зал, где были накрыты фуршетные столы. В дверях Часова ждал Герой Труда полковник Антощенко, они долго обнимались, потом помогли друг другу приколоть ордена и поспешили к столам.

Ворошилов прочувствованно говорил о том, какой страшный год остался позади, и даже признался, что порой казалось: не устоим, откатимся к Волге. Теперь, сказал маршал, не осталось никаких сомнений, что мы сильнее врага, что мы победим, — может быть, даже в этом году. Он провозгласил тост за Победу, и ледяная водка обожгла кавалеров разных орденов.

После Ворошилова заговорил дважды герой летчик-истребитель Кожедуб, поведавший о грандиозном воздушном сражении, разразившемся весной в украинском небе. По словам генерала, Люфтваффе потеряло в этих десятки и сотни опытных бойцов, так что в предстоящих боях вражеская авиация будет меньше досажать нашим сухопутным войскам.

Выбрав себе бутерброд из копченой семги и половинки вареного яйца с майонезом, Алексей закусил вторую стопку и тоскливо подумал: прихватить бы немного деликатесов, чтобы вечером с Аней гульнуть. Он стал собирать на тарелку разные лакомства, надеясь украдкой завернуть в салфетку и спрятать во вместительный карман галифе. К немалому его удивлению, Николай занимался тем же. Заметив взгляд друга, кораблестроитель смущенно буркнул:

— Пойдем отсюда ко мне в гостиницу, посидим, поболтаем.

— Лучше уж у брательника на квартире, — предложил Алексей. — Никодим с Евстигнеем приехали, кое-чего нашего северного привезли.

— Самогон из морошки? — Антощенко мечтательно закатил глаза.

Под тост за павших героев они распробовали отличный коньячок, и Часов наконец спросил старого друга: за что, мол, тот получил столь высокую награду. Колька стал

шепотом рассказывать про линкоры, крейсера и авианосцы, но их прервали. Незнакомый майор приказал Алексею пройти с ним. Тоскливо поглядев на отобранные деликатесы, спрятать которые в карман при постороннем человеке не было никакой возможности, Часов поплелся за сопровождающим. Только повторил Николаю: мол, заходи вечером.

Майор вывел его из здания, они прошли несколько кремлевских улочек и оказались перед зданием, в котором Алексею довелось побывать в довоенной жизни.

За эти два года Верховный не только сменил привычную тужурку на маршальский мундир, но и заметно постарел — прибавилось седины, движения стали медленнее и тяжелее, он сутулился, кряхтел и курил намного меньше, чем в прежние времена. Однако все так же не сидел за столом, а ходил по комнате, внимательно слушая собеседника, задавал точные вопросы и отпускал реплики, зачастую менявшие смысл разговора.

Сначала он осведомился: как, мол, товарищ Часов воевал в прошлом году. Судя по наводящим вопросам, Верховного интересовали сильные и слабые места наших и немецких войск и боевой техники. Кажется, он был немного разочарован, услышав, что Часову не довелось встретиться на поле боя с новым немецким танком «Королевский тигр». Неожиданно Верховный сменил тему.

— Русский солдат всегда славился необычайной выносливостью, храбростью и отвагой. Не зря же Суворов называл своих солдат чудо-богатырями и говорил: «Русские прусских всегда бивали». Наш красноармеец еще сильнее прежнего русского солдата, поскольку защищает свою, народную власть, свое, Советское Отечество... — Сталин остановился напротив Алексея и, глядя прямо в глаза, продолжил: — Скажите мне, товарищ Часов, честно и откровенно, как коммунист коммунисту, почему было у нас так много неудач? Что надо сделать, чтобы не повторилась прошлогодняя катастрофа?

Отвечать было страшно. Мало того что вопросы трудные и однозначно верного ответа не существует в природе. Может, в следующем веке военные историки смогут правильно понять, что же происходило на нашей войне. Вдобавок отвечать надо самому Верховному, который сам знает много такого, чего не понять простому командиру полка... Сталин сел в кресло и не торопил с ответом, но до следующего века ждать не станет.

Собравшись наконец с мыслями и набравшись храбрости — трезвый промолчал бы, — Часов заговорил:

— Две проблемы я вижу главные, товарищ Сталин. Во-первых, разная степень технической оснащенности. Во-вторых, разный уровень боевой подготовки.

Он замолчал, ожидая вспышки гнева, но Сталин задумчиво кивнул. Затем встал и приказал:

— Продолжайте.

Приободрившись, Алексей рассказал, что танкисты из учебок и трехмесячных командирских курсов приходят совершенно неумелые, в лучшем случае способны правильно выполнять приказы. Только после нескольких месяцев фронтового опыта, если проживет так долго, офицер способен действовать самостоятельно, проявлять разумную инициативу. Та же ситуация, как он слышал, сложилась в авиации, только неопытные летчики на войне живут еще меньше, чем танкисты.

— Мы допрашивали пленных, — продолжал Часов. — Они месяцами тренируют солдат и офицеров в тылу, добиваются слаженной работы на всех тактических уровнях и посылают на фронт полностью сколоченные, готовые к бою батальоны и полки. Они очень умело маневрируют, у них отлично налажено взаимодействие пехоты, танков, авиации, артиллерии...

Лицо Сталина не выражало эмоций. Он почеркал карандашом в записной книжке, остановил Алексея мягким взмахом ладони и произнес повелительно:

— Я понял. Что вы хотели сказать о технике?

Сбившись с мысли, Леха запнулся на секунду, потом все-таки переключился на другую тему:

— Да, товарищ Сталин, техника... У немцев даже пехотные дивизии полностью моторизованы. Они быстро передвигаются на грузовиках и бронемашинах, легко уходят от наших ударов и занимают новые позиции. А наши стрелковые соединения передвигаются пешком, в лучшем случае, на гужевых повозках. Поэтому противник пользуясь преимуществом в подвижности, легко прорывается, охватывает наши фланги. Чтобы снизить потери, чтобы эффективно применять наше оружие, нужно обеспечить нашим войскам такую же маневренность.

— Предлагаете посадить пехоту на американские бронетранспортеры? Сколько же таких машин потребуется?

— Не нравятся мне американские машины, — прижался Леха. — И немецкие трофейные тоже. Полугусеничный привод слишком сложен, в корпусе помещается от силы стрелковое отделение. Я бы предложил...

— Ну-ка, — Верховный развеселился. — Слушаю вас!

Была не была, подумал Часов. Зря, что ли, он в Академии разные типы техники изучает.

— У нас выпускаются легкие танки, — сказал он — На автомобильных заводах, с тонкой броней, легким вооружением, с моторами от грузовиков. В танковом бою от них пользы немного. Может, снять с них башню и поставить бронированный кузов человек на двадцать? Получится машина хорошей проходимости на гусеничном ходу с противоосколочным и противопульным бронированием.

Он говорил и быстро рисовал на листе бумаги чертеж бронетранспортера, соединявшего лучшие качества известных ему машин подобного класса. Ходовая часть от Т-50, сваренный из наклонных листов брони корпус десантного отделения, как на «халф-траках» и «ханомагах», на крыше — башенка от Т-40. Попутно Часов объяснял, что такая машина, вмещающая полвзвода пехоты, сможет следовать за танками по любому бездорожью, перевозить пехоту под огнем на поле боя.

На лице Верховного появилась странная гримаса. Покачив головой, Сталин скептически проговорил, как бы рассуждая вслух: мол, сомнительное предложение, хлестаковщиной пахнет. Потом вдруг осведомился, когда заканчивается обучение у товарища Часова.

— До осени далеко, ваши умные идеи мы проверим на практике немного раньше, — задумчиво сказал он, выслушав ответ, и продолжил более резким тоном: — Я позвоню начальнику Академии, чтобы вам предоставили возможность отработать совместные действия танков и моторизованной пехоты в разных видах боя. Пока на имеющихся бронемашинах, а там видно будет.

Затем, достав из лежавшей на столе папки несколько сколотых скрепкой листов бумаги, протянул документ Алексею и осведомился, как нравится товарищу подполковнику такая штатная организация. Прочитав заголовок и первые абзацы, он изумленно посмотрел на улыбающегося Верховного и снова опустил взгляд на машинописные строки. В документе описывалась структура гвардейской отдельной танковой бригады прорыва в составе трех полков тяжелых танков (каждый состоит из пяти рот по 5 ИС-2 в каждой плюс танк командира полка), мотострелкового полка (по батальону на каждый танковый полк и по отделению автоматчиков на каждый танк), разведбата и самоходно-артиллерийского полка, вооруженного самоходными установками калибра 100 и 122 мм. Всего — 65 тяжелых танков и 24 орудия.

— Здорово, — восхищенно выдохнул Алексей. — Если вдобавок пехоту на бронемашины посадить...

— Оработайте в академии тактические приемы, — повторил Сталин и добавил, продолжая улыбаться: — На каком фронте хотели бы командовать такой бригадой?

Сгоряча Леха ляпнул, не подумав о последствиях:

— Лишь бы не к Жукову.

— Вам не нравится, как воюет первый заместитель Верховного

Главногокомандующего? — Сталин удивленно поднял брови.

— У маршала Жукова дурная слава, товарищ Сталин. Он слишком любит бросать в лобовые атаки огромные силы, не обращая внимания на потери.

— Он побеждает. — Верховный насупился.

— На ростовском направлении Жуков погубил несколько армий в лобовых атаках без артподготовки, — терять было уже нечего, отступать — поздно, поэтому Часов говорил все, что накопело. — Ставлю свой паек против драной портянки, этот мясник и в летней кампании такое же кровопускание устроит.

После долгого пасмурного молчания Сталин произнес, тяжело и веско, как бы в назидание, выговаривая слова:

— Наступление без артподготовки — это не наступление, а преступление. К сожалению, война сама по себе — одно сплошное преступление. Поэтому иногда приходится, ради победы, совершать и не такие преступления... — Он вздохнул. — И другое плохо. Если об этом догадались вы, наверняка и немцы раскусили стратегическую манеру товарища Жукова. Надо будет сделать ему внушение.

Чувствуя себя виноватым — не стоило лишнего молоть — Алексей пробормотал:

— Самое обидное, товарищ Сталин, никакой военной пользы от таких наступлений нет. Немцы отражают лобовые атаки Жукова минимальными силами. А если воевать умнее, по законам нашей науки, то победа будет достигнута не такой дорогой ценой.

— Вы тоже правы, — Верховный отмахнулся. — Я прослежу, чтобы вас назначили командовать бригадой не у Жукова. Хотя у Рокоссовского и Конева процент потерь тоже велик... У вас есть какие-нибудь пожелания или просьбы?

Чувствуя близкий конец аудиенции, Часов, не задумываясь, ответил:

— Если бы можно было включить в состав этой бригады мой старый полк...

— Это можно, — Сталин добродушно улыбнулся. — Сами в академию доберетесь или дать вам машину? У вас, наверное, скоро увольнение заканчивается.

— Никак нет, увольнение на двое суток... — Алексей смущенно признался: — Я бы на банкет вернулся.

Верховный покачал головой и сказал, что банкет наверняка уже закончился. Потом позвонил кому-то и сказал, чтобы товарищу Часову собрали кулек провизии в совнаркомовском буфете.

В предвоенное десятилетие Северное пароходство частенько командировало Никодима Часова в Наркомат морского транспорта. Из очередной командировки молодой штурман вернулся с женой-москвичкой. Жили они с тех пор в Мурманске, но московскую квартиру удалось сохранить. С лета коммуналка опустела — кто не в эвакуации, те на фронте. Но сегодня в двух брательниковых комнатухах на Кировской собралось много народу.

Открыв английский замок входной двери, Леха еще в коридоре учуял густой табачный дым и услышал зычные голоса родни. Безусловно, Никодим с Евстигнеем уже приговорили бутылъ заполярной настойки домашнего разлива, а Стеша, супружница Никодима, приготовила хваленного зайца с яблоками и разогрела олений бок тушеный с клюквой и брусникой. Заглянув на кухню, Алексей обнаружил, что Аня помогает Стефании налезать ломтиками семужку, а из квартиры пробивается третий голос — героя-полковника.

— Припозднился, — строго приветствовала его свояченица. — Дружок твой давно со Звездой вернулся, даже припер кой-чего с кремлевского фуршета.

Поцеловав Аню в торопливо подставленную щечку, подполковник хмыкнул:

— Да и мы не без гостинчика...

Он поставил на кухонный стол начинавший расползаться бумажный пакет, из которого посыпались полбатона твердокопченной колбасы, сверток «Мишек на севере», пачка краснодарского чая, большой кусок ветчины, две булки белого хлеба и — главная ценность — кило колотого рафинада. Из карманов брюк-галифе были извлечены бутылки крымской «Мадеры» и армянского коньяка семилетней выдержки.

В комнате Николай торжественно объявил, что сумел украдкой прихватить с банкетного стола все, что они отложили. Впрочем, увидев добычу Алексея, развел руками.

Вскоре все сидели вокруг блюда с напигованной тонкими полосками сала зайчатиной, пили поочередно коньяк и ягодный самогон и слушали повествование про встречу с Самим. Потом братья поведали о нелегком северном житье, о бомбежках и походах через полярную ночь и стаи немецких подлодок. У обоих старших Часовых накопилось немало боевых историй, правдивость которых подтверждалась множеством орденов и медалей. Не Кутузов, конечно, но Красные Звезды заслужили оба, а в придачу — недостижимые для танкиста медали Ушакова и Нахимова.

— Голодно в Мурмане? — спросила Аня.

— Пайки слабые, — признал Евстигней. — Но лес и море выручают. Опять же подсобные хозяйства завели — перебиваемся свининкой да курятинкой.

— Рыбу на удочку ловите? — наивно поинтересовался Леха.

Моряки, снисходительно посмеиваясь, объяснили, как оно делается на флоте. Как только гидролокатор засечет косяк рыбы, на корабле объявляют учебную атаку подводной лодки и швыряют за борт глубинную бомбу после чего опускают трал и поднимают на борт тонну-другую селедки или, если не повезет, минтая с нототенией.

— Не голодаем, — резюмировал Никодим. — А скажи нам, Николай Алексеич, когда большой корабль будет готов?

— Ты бы уточнил, о котором говоришь, — скромно потребовал Антощенко. — Позавчера в Питере установили первую башню на «Советский Союз», на той неделе в Молотовске спустим «Советскую Россию», через месяц спустим авианосец, а в сентябре...

— Какой авианосец — «Красная Арктика» или «Сергей Лазо»? — перебил его Никодим. — Не могу понять, где вы этого «Лазо» строите. С «Арктикой» дело ясное — это бывшая «Советская Белоруссия», а второй откуда взялся?

Антощенко не понял вопроса, и братья объяснили, что вызваны были оба в Наркомат военно-морского флота и получили назначения штурманами на два разных авианосца. Замахав руками, Николай проговорил:

— Теперь сообразил. Скоро американская эскадра придет — через Исландию, огибая Британию с севера. Они нам отдадут один свой авианосец. Просто я не знал, что ему название уже придумали... Ну, если «Лазо» — значит, пойдете на Тихий океан, японцев бить.

— Пойдем, — кивнул Евстигней. — Ходили по тем морям, знакомые места.

Когда заяц, олень, семга, картошка и маринованные боровики остались в прошлом, начался неторопливый, степенный разговор о делах на фронте. Главной темой стало сегодняшнее сообщение об оккупации американским флотом Канарских и Азорских островов, а также архипелага Мадейра. Моряки уверенно заявили, что с этих островов американцы начнут охоту на немецких подводников, а через какое-то время, глядишь, вторгнутся в Испанию.

— Знаете, кто такие староверы? — спросила вдруг Аня.

— Ну есть у нас такие, — настороженно признал Евстигней. — А ты к чему это?

— Староверы — это те, кто верит в старую сказку, будто американцы откроют второй фронт, — сообщила капитан Светышева.

Под последнюю бутылку коньяка они рассказали еще несколько анекдотов. Пока женщины мыли посуду, мужики перекуривали у раскрытого окна в конце коридора.

— Чего хмурый, как небо перед грозой? — осведомился Никодим. — Такие ордена получил, в академии учишься, мы вот собрались все вместе — радоваться надо.

— Смурно на душе, — признался Леха, — Мои товарищи там, под огнем остались, а я в Москве уроки учу. Порой дезертиром себя чувствую.

— Не дури, братуха, — строго сказал Евстигней. — От ученого да живого больше пользы, чем от дохлого неуча. Война не завтра кончится — успеем в своем железе повоевать.

Стеша позвала на подмогу — самовар раскочегарить.

Из материалов газеты «Красная звезда»

20 мая. Наш соб. корр. сообщает из Вашингтона (США). Здесь объявлено, что американский флот, покинув базы на Канарских островах, начал высадку морской пехоты в африканских колониях Франции. В морском бою получил тяжелые повреждения французский линкор «Жан Бар», потоплены несколько малых кораблей вишистского режима. Американские войска, захватив важные плацдармы на побережье Марокко, успешно продвигаются вперед.

22 мая. На днях войска 3-го Украинского фронта после мощной авиационной и артиллерийской подготовки начали наступление из района западнее Кировограда. Днем позже войска 4-го Украинского фронта, перейдя наступление, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации, прорвали сильно укрепленную и развитую в глубину оборону противника южнее города Бендеры и за три дня наступательных боев продвинулись вперед до 70 километров, расширив прорыв до 130 километров по фронту.

23 мая. Французские войска в Северной Африке прекратили сопротивление. Американский флот беспрепятственно продолжает высадку десанта в портовых городах Танжер и Касабланка.

27 мая. Развивая наступление, войска 3-го Украинского фронта (ком. ген. Павлов) освободили Умань и Котовск. Подвижные части 4-го Украинского фронта (ком. ген. Малиновский) вышли к северным и северо-восточным окраинам Одессы и после ожесточенных уличных боев овладели городом. Войскам 4-го Украинского фронта сдались в плен в полном составе 4-я горнострелковая дивизия, 7-й тяжелый артиллерийский полк и остатки 4-й и 6-й пехотных дивизий румын. Кроме того, войска фронта взяли в плен более 8000 немецких солдат и офицеров.

31 мая. Войска 3-го Украинского фронта отразили атаки крупных сил немецких танков и пехоты к югу от Винницы. Войсками 4-го Украинского фронта освобожден Кишинев и ведутся бои за Яссы. За 30 и 31 мая сдались в полном составе 1-я гвардейская, 1, 3, 5 и 9-я пехотные и 1-я бронетанковая дивизии румынской армии.

2 июня. После сообщений о том, что советские войска на широком фронте форсировали р. Прут и вступили на территорию Румынии, в Бухаресте произошло народное восстание, возглавляемое коммунистами. Под давлением революционных масс и части военных король Михай объявил о прекращении войны против СССР и союзных нам США и Британии. Фашистский диктатор Антонеску арестован, в Бухаресте формируется новое правительство с участием компартии. Согласно указу короля Михая, Румыния объявила войну Германии.

4 июня. Американские войска в Африке вошли в города Оран и Алжир.

5 июня. Отряды антифашистов под руководством коммунистической партии при поддержке частей румынской армии ведут тяжелые бои против наступающих на Бухарест немецких войск.

7 июня. Советские подвижные соединения и пехота разгромили 153-ю пехотную дивизию, другие соединения и части немцев и вступили в столицу Румынии город Бухарест. Разрозненные и деморализованные группы немцев, пытающиеся укрыться в лесах севернее Бухареста, вылавливаются и уничтожаются нашими войсками. Многие немецкие солдаты и офицеры прекратили сопротивление, выходят из укрытий и сдаются в плен. Разгромив на подступах к Бухаресту группировку немецких войск, советские части захватили большие трофеи: много вооружения, боеприпасов и различных военных материалов. Все жители Бухареста вышли на улицы встречать Красную Армию, в образцовом порядке проходившую по улицам города.

11 июня. В Румынии наши войска продолжали продвигаться вперед. Части Н-ского соединения, действующие в трудных условиях Трансильванских Альп, заняли город

Кымпулунг. В другом районе наши подвижные части стремительно продвинулись вперед, овладели городом Турну-Северин и вышли на этом участке к границе Румынии с Югославией. Разгромлено несколько немецких колонн. Советские войска, наступающие в южном направлении, продвинулись вперед на 40 километров и очистили от немцев город Александрия, а также город Зимниче на реке Дунай.

14 июня. Наши войска пересекли румыно-болгарскую границу на участке Джурджу, Мангалия и, продвинувшись вперед от 30 до 65 километров, заняли города Русе (Рущук), Туртукай, Силистра, Добрич, город и порт на Черном море Варна и крупные населенные пункты Сарсынлар, Каравеликой, Алфатар, Топал Кочумар, Чамурлия, Баладжа. Одновременно наши войска, прикрывающие подступы к Босфорскому проливу, вступили в Болгарию с юга. Болгарские войска не решились сопротивляться нашим войскам.

15 июня. Союзные силы начали совместное наступление на Синайском полуострове. Мощная артподготовка и удары авиации полностью подавили германо-итальянские войска, которые не смогли оказать серьезного сопротивления наступающим танковым и пехотным соединениям. Наши войска под командованием ген. Панфилова при поддержке американских и британских союзников стремительно продвинулись к Суэцкому каналу, переправились на западный берег и вступили в Порт-Саид.

На перроне в Коростене к нему подошел штурмбаннфюрер с нашивками дивизии «Мертвая голова». Гюнтер потянулся за документами, решив, что комендатура проверяет приезжающих, но эсэсовец вежливо пригласил его в здание вокзала.

— Нам нужно несколько старших офицеров для важного дела, герр оберст, — сказал штурмбаннфюрер.

— Вечером я должен вылететь в Берлин, — предупредил фон Бутов.

— Вы освободитесь еще до обеда, — заверил его штурмбаннфюрер и грустно добавил: — Если после этого зрелища вы будете в состоянии обедать.

В привокзальном буфете сидели шесть старших офицеров Вермахта и Люфтваффе, среди которых Гюнтер увидел знакомое лицо. Клаус фон Штауффенберг, потерявший глаз и кисть правой руки при штурме Каира, служил в каком-то тыловом берлинском ведомстве. Он тоже узнал фон Бутова, и следующие полчаса два полковника провели за бутылкой шнапса. Бутов посетовал, что его полк понес потери, отражая недавнее русское наступление, и теперь в обоих батальонах не хватает машин, а впереди наступление на Минск. Как выяснилось, Штауффенберг был начальником штаба Резервной армии, поэтому хорошо знал, как распределяются подкрепления в связи с предстоящей операцией «Цитадель».

— Для твоего полка готовится эшелон с «королевскими тиграми», — сообщил Клаус. — Но с пехотой хуже.

Он пояснил, после ростовской катастрофы Вермахт потерял свыше миллиона солдат, а пополнение, включая возвращавшихся из госпиталей, составило меньше восьмисот тысяч. Теперь же новая катастрофа на юге вынудила командование закрывать брешь на Балканах за счет соединений, предназначавшихся для «Цитадели». На румынское направление брошены даже корпус из группы армий «Север», дивизия ирландских стрелков, обе испанские дивизии, английская дивизия. Кроме того, два армейских корпуса пришлось спешно переправить в Африку, чтобы создать оборону в Египте и выбить французов из Туниса до подхода американцев. Теперь у Манштейна и фон Клюге практически нет резервов, а русские ждут удара и создали эшелонированную оборону.

— А что в Египте? — не понял Бутов.

— Ты не знаешь... Вчера противник форсировал Суэцкий канал. Армия «Азия» уничтожена. Роммель сидит в Каире с двумя батальонами и ждет подкреплений...

Их прервал все тот же штурмбаннфюрер, позвавший офицеров в автобус. Все послушно прошли в машину, хотя никто, включая фон Штауффенберга, понятия не имел, чего от них хотят. Полтора часовая поездка по грунтовой дороге, размокшей после ночного ливня, не доставила удовольствия. Места были знакомые — прошлой весной и осенью полк

фон Бутова стоял поблизости, на танкодроме в Лугинах. Ездить здесь можно было только на танках.

Гюнтер даже не удивился, когда их автобус остановился возле высоты, с которой он в апреле руководил учениями полка. Ступив сапогами в грязь, оберст поморщился. Из другого автобуса шумно высаживались штатские с фотоаппаратами и кинокамерами — Бутов узнал английского и шведского журналистов, приезжавших на фронт прошлым летом, когда Вермахт захватил Полтаву.

Эсэсовцы подвели всех приглашенных к длинному рву, заполненному жидкой грязью и полуразложившимися трупами в польских мундирах. Кого-то из штатских стошнило, послышались возгласы на немецком итальянском, испанском, английском, японском, французском, венгерском и разных скандинавских языках. Кажется, сюда привезли прессу всех союзников и всей подвластной Рейху части Европы.

Бригадефюрер СС объяснил, что во время фортификационных работ обнаружено массовое захоронение — очевидно, русские варвары убили здесь несколько сот или даже тысяч польских военнопленных. Он призвал офицеров и журналистов быть свидетелями этого кошмарного преступления большевиков. Отныне, говорил бригадефюрер, Лугины станут синонимом безжалостного истребления незащитных людей и вопиющего нарушения законов ведения войны. В завершение он напомнил, что Германия ведет святую войну против большевизма, защищая Европу и весь цивилизованный мир от нашествия орды еврейско-большевистских убийц.

Офицеры возмущенно кивали головами — особенно авиаторы, которые не получали «директиву о комиссарах». Журналисты снимали могильник с разных ракурсов и торопливо записывали что-то в блокноты.

На обратном пути фон Бутов угрюмо помалкивал и не участвовал в общем поношении жестокости «красных» убийц. Обедать действительно не было настроения, поэтому в буфете аэродрома они с Клаусом просто напились.

— Плохо выглядишь, — сочувственно заметил фон Штауффенберг. — На тебя так подействовало это зрелище? Брось, Гюнтер, на поле боя мы видели вещи похуже.

Посмотрев на него исподлобья, танкист отрицательно покачал головой. Он сильно накачался алкоголем, собеседника считал порядочным немецким офицером старой школы, а чужих поблизости не было. Опустив глаза, фон Бутов произнес совсем тихо:

— Этот ров выкопали наши саперы. Прошлой весной. Для тренировки по преодолению противотанковых рвов.

Измученно моргнув, фон Штауффенберг прошептал:

— Ты хочешь сказать...

— Не знаю. Но в апреле там не было никаких трупов. Значит, этих поляков убили эсэсовцы. Убили, бросили в наш ров и закопали.

Клаус сдал виски руками — вернее, рукой и протезом. Затем перегнулся через стол и еле слышно сказал:

— Надо кончать войну любой ценой. Иначе Германия погибнет.

Отвечать ему фон Бутов не стал. Клаус — не маленький ребенок и должен понимать, что закончить войну невозможно.

На аэродроме в Растенбурге выяснилось, что Гитлер еще не вернулся из родного Линца. Гюнтера отвезли в бункер, окруженный караулами и колючей проволокой, где танкист-оберст проспал часа три. Потом его разбудили, привели в порядок и отвезли в другой сектор бункерного городка. К удивлению фон Бутова, охрану здесь несли вовсе не Ваффен СС, а солдаты Вермахта из дивизии «Гроссдойчланд».

В бункере Гитлер вручил ему коробку с мечами к Рыцарскому кресту Железного креста и громко поведал десятку генералов о подвигах оберста фон Бутова, сумевшего остановить русскую танковую армию под Винницей. Гюнтер скромно промолчал, что у русских после десятидневных боев оставалось около двухсот средних и легких танков против сотни

«тигров». Опытные танкисты понимали, что при таком соотношении главное — не подпускать противника в ближний бой. Что и было сделано.

Затем Гитлер вдруг начал рассказывать о своем путешествии в Линц, где прошло его детство и где он намерен открыть после войны музей фюрера. Основой коллекции должно было стать личное собрание Гитлера. По словам фюрера, он собирал по всей Европе работы известных старых мастеров.

— В моем музее не будет никаких импрессионистов и авангардистов, никакого модерна и абстракционизма! — с воодушевлением провозгласил он, затем снова обратился к оберсту фон Бутову: — Что наш герой фронтовик скажет о новых танках?

Вряд ли стоило говорить, что «королевский тигр» это перекормленная «пантера», рожденная в спешке, а потому страдающая всеми чертами недоношенного выкидыша. В каждой машине имелись многочисленные недоделки, танки часто выходили из строя. Осторожно подбирая слова, Гюнтер похвалил усиленное бронирование и очень мощную пушку, после чего высказал пожелание сделать механическую часть более надежной.

На это фюрер с прежним воодушевлением ответил, что давно дал промышленности такое задание и что начало «Цитадели» было отложено на полтора месяца именно из-за ожидания улучшенных танков. Затем он широким взмахом показал, как группы армий фон Клюге и Манштейна встречными ударами с севера и юга окружают миллион русских в минском котле. Гюнтер же с ужасом смотрел на южный изгиб линии фронта: последнее наступление большевиков образовало такую же дугу вокруг Киева. Он пробормотал:

— Болотистая местность, мой фюрер... танки могут не пройти.

— Немецкий солдат пройдет везде, — жизнерадостно отрезал Гитлер. — Не забывай, какое чудо Хауссер и Зепп Дитрих сотворили зимой под Киевом! Они не выполнили мой приказ удерживать город, но провели сверхъестественный маневр, покинули Киев и окружили русских.

То сражение действительно граничило с чудом. Обергруппенфюрер Пауль Хауссер, командовавший потрепанным танковым корпусом СС, собрал всю пехоту под управление штаба дивизии «Райх», а все танковые и мотогренадерские части передал Большому Зеппу, командиру «Лейбштандарте». Пока пехота отбивала атаки, подвижные кампфгруппы совершили обход и ударили во фланг и тыл танковых корпусов противника...

— Но потом был прорыв вдоль моря, — решился напомнить фон Бутов. — Враг очень силен.

Положив руку ему на плечо, Гитлер задумчиво произнес:

— Да, внезапные глубокие удары — старый стиль Сталина. Именно таким рассекающим прорывом через район, где проживало предрасположенное к большевизму население, Сталин разгромил генералов-монархистов осенью девятнадцатого года. Русские генералы воевали за возвращение царя, но ничего не понимали в политике. Может быть, Сталин был тогда не слишком умелым стратегом, но он — гениальный политик, а гениальный политик всегда одержит победу над самым гениальным полководцем. Вот и на этот раз он угадал правильное направление и одним ударом вывел из войны самых слабых наших союзников.

— Кто знает, что он приготовил сейчас, — вырвалось у Гюнтера.

Отмахнувшись, фюрер сказал пренебрежительно:

— Теперь мы знаем врага, мы изучили его сильные и слабые стороны. И мы знаем, насколько опасны русские. Чтобы спасти цивилизацию, мы должны уничтожить большевизм и покончить со славянами.

Как только Гитлер сделал паузу, Кейтель уверенно вставил:

— Мой фюрер, мы победим. Ведь Германия подготовилась к этой войне лучше, чем кто-либо другой.

— Да, конечно, это так... — поспешно сказал фон Бутов, понимая, что и так наговорил много лишнего.

К его удивлению, Гитлер опустил голову, его голос сделался печальным:

— Нет, майн либер, мы были совершенно не готовы к этой войне. Я готовил Рейх к совершенно другой войне, которая должна была начаться на пять-шесть лет позже. Мы должны были начать битву примерно в сорок четвертом или даже в сорок пятом, когда был бы полностью достроен флот, создана полноценная авиация с дальними бомбардировщиками и реактивными истребителями, были бы подготовлены многомиллионные резервы. К тому времени вступило бы в призывной возраст целое поколение германцев, родившихся по еле проигранной мировой войны и воспитанных при национал-социализме. А сейчас мы вынуждены посылать на фронт детей войны и голодных послевоенных лет, когда немецкие женщины рожали гораздо меньше чем положено. Эту войну нам навязали в самое неудобное для Германии время.

— Не понимаю, фюрер...

— Я не собирался начинать войну прежде времени я многого добился простой дипломатией, без единого выстрела. Мы строили мощный флот, чтобы шантажировать Англию, чтобы заставить наших островных кузенов играть на нашей стороне. Проблему Данцига должен был решить ультиматум, который я предъявил Польше. Так же, как годом раньше мы получили Судеты... — речь Гитлера сделалась бессвязной. — Но к этому времени Сталин взял нас за глотку. Заставил подписать не только Пакт, но и торговое соглашение. У этого большевистского главара дьявольская сила воли...

— Войну навязал Сталин? — переспросил фон Бутов, потерявший нить рассуждений фюрера.

— В том-то и дело, что нет. Ведь Россия тоже была бы готова лишь к середине сороковых. Никто не хочет об этом думать, но Красная Армия не имела подготовленных резервов.

Он начал называть числа, которым фон Бутов не мог не поверить. В 20-е годы численность Красной Армии составляла примерно 400 тысяч. Поскольку солдаты служили 4–5 лет, это означает, что ежегодно призывалось около 100 тысяч в год. Таким образом, всего за десятилетие военную подготовку получил один миллион русских. В 30-е годы армия большевиков выросла от миллиона до двух миллионов, что составляет триста тысяч призывников ежегодно и три миллиона за десятилетие. Из них почти миллион унесли Финляндия, Турция и конфликты с Японией, а остальных Сталин был вынужден призвать в 41-42-м, когда поспешно наращивал численность своих варварских орд.

— Он начал войну вообще без резервов. Сегодня против нас воюют необученные крестьяне, — Гитлер покачал головой. — Это какая-то мистика.

Совершенно сбитый с толку фон Бутов осмелился задать еще один вопрос:

— Но кто же тогда заставил нас начать войну в такое неудобное время? Ведь не Англия и Франция, которые шли на бойню, как безропотные бараны.

— Нет, конечно, не Даладье и не Чемберлен — эти дурачки больше всего хотели избежать войны, — Гитлер тяжело вздохнул. — Я должен признаться тебе, майн либер, что не знаю ответа. Возможно, мы стали жертвами злого рока — безжалостного демона истории, чьи цели нам неведомы. Или существует в мире тайная власть, которая незримо управляет грандиозными событиями, хитроумно сталкивая лбами самые прогрессивные силы, способные возвысить человеческий дух до вершин подлинной славы.

Последние фразы фюрер истерично прокричал, на мгновение превратившись в того фанатичного оратора, речи которого завораживали миллионные толпы немцев и внушали ужас врагам Рейха. Он неожиданно заговорил о происках международного еврейства и совсем уж не к месту ошарашил слушателей: дескать, скоро расовая теория перестанет играть решающую роль, но мы должны добиться окончательного решения еврейской проблемы. Проще говоря, переселить всех евреев на Мадагаскар, а Ближний Восток отдать нашим друзьям мусульманам.

«О чем он говорит? — в смятении подумал Гюнтер. — Ближний Восток уже потерян, завтра проклятые союзники возьмут Каир, а потом из Туниса ударят по Италии». Оберст заподозрил, что стрессы последних месяцев повредили гениальный рассудок его недавнего

кумира. Адъютант фюрера уже делал ему знаки, что пора прекращать аудиенцию, но фон Бутов все-таки спросил о том, что волновало его уже два с лишним года:

— Мой фюрер, когда вы приняли решение напасть на СССР? Ведь в «Майн кампф» сказано, что Россия может быть нашим сырьевым тылом.

Мутно поглядев на него, Гитлер проворчал:

— Решение было принято ровно за две недели до начала войны. Я вдруг понял, что должен совершить этот подвиг во имя Германии. — Неожиданно речь фюрера снова сделалась невнятной. — Иногда мне кажется, что истинные поджигатели войны нам известны. Ведь американская экономика не могла оправиться от Великой депрессии, пока не получила военные заказы. Поэтому еврейская банда с Уолл-стрит подталкивала европейских марионеток, эти плутократы помешали нам вернуть Данциг мирным путем. Американцы, эти зажавшиеся предатели арийской расы, мешающие свою кровь с неграми, азиатами и креолами, столкнули меня со Сталиным!

Словно рассеялась пелена помутнения, выкрики Гитлера больше не гипнотизировали. Гюнтер видел, что непогрешимый вождь путается в доводах: то ли американцы заставили его развязать бойню, то ли духи предков уговорили совершить великий подвиг... Тем временем фюрер заговорил о предавших его и Рейх генералах во главе с Паулюсом и Гейдрихом, которые даже не попытались покончить самоубийством, а сдались большевикам. Он несколько раз повторил разными словами: дескать, даже безродная шлюшка, если мужчина бросает ее, способна взять револьвер и застрелиться, а генералы и даже генерал-фельдмаршал не нашли в себе сил нажать спусковой крючок... После паузы Гитлер опять принялся выкрикивать:

— В мирное время в Германии двадцать тысяч человек ежегодно выбирали самоубийство. А здесь генерал, который видит, как умирают тридцать пять или девяносто тысяч его солдат, храбро защищаясь до самого конца, — как он может сдаваться большевикам? Одному богу известно, как могло случиться такое! Их увозят в Москву, они попадают в лапы ГПУ и подписывают прокламации, призывая сдаваться других немцев... За неделю в Румынии сдались русским сорок генералов! Какое малодушие — в старые времена полководцы, которые видели, что все потеряно, бросались на свои мечи. Ведь это так легко, а револьвер делает самоубийство совсем простым. И эта красивая женщина, действительно очень красивая женщина, которую оскорбили несколько слов. Она пишет прощальное письмо и стреляется...

Гюнтер фон Бутов ничего не понял, потому что не знал о самоубийстве Гели Раубаль, о том потрясении, которое испытал после того выстрела Гитлер, а тем более — о роли самого Гитлера в этом самоубийстве. Последние фразы собеседника оберст воспринимал как бред помутненного сознания.

Внезапно фюрер вскинул голову и продолжил знакомым всему миру лязгающим голосом:

— Возвращайся на фронт, майи либер. Я верю, что ты совершишь новые подвиги и скоро получишь из моих рук бриллианты к мечам...

Гюнтер вскинул руку в народном приветствии, выкрикнул: «Хайль Гитлер», — и строевым шагом покинул бункер. Не оставалось никаких сомнений, что фюрер безумен. Прав был Клаус фон Штауффенберг долг Вермахта — защищать Германию от всех врагов. Если главным врагом является Верховный Главнокомандующий, то и он должен быть уничтожен!

Лишь на третьи сутки наступления полк фон Бутова, потеряв дюжину «тигров», сумел выбраться из болот и завязал бой за Любань. В этой деревне прочно окопался полк противника, на флангах которого закрепились отступившие батальоны разбитой накануне русской дивизии. Пока работала артиллерия, а «штуки» бомбили изрезанные окопами и ходами сообщения холмы вокруг деревни, саперы торопливо расчищали проходы в густо засеянных минных полях. Русская артиллерия устроила ответный ад, над саперными

подразделениями непрерывно рвалась шрапнель, залп «сталинских органов» накрыл второй батальон, убив несколько человек. Два танка были выведены из строя попаданием реактивных снарядов.

Отдельный 307-й полк тяжелых танков был придан 176-й пехотной дивизии, наступавшей на правом фланге 48-го танкового корпуса. Дивизией командовал пожилой генерал-майор Юрген Ханштайн, бывалый офицер, прошедший все кампании, начиная с польской. Соседом справа была английская панцергренадерская дивизия СС «Кинг Артур» из состава 2-го танкового корпуса СС. Против них оборонялась укомплектованная фанатиками из войск НКВД 70-я армия большевиков под командованием генерала Галанина. Первые два дня сражения сделали пессимизм фон Бутова фатальным: войска 1-го Белорусского фронта, которым командовал маршал Рокоссовский, держались великолепно. Никогда еще русские не сражались так стойко и умело, хотя Вермахт бросил в бой огромную силу, сосредоточив на узком участке между реками Оросса и Птичь полторы тысячи танков. Отразить такой удар казалось невыносимым, однако фронт красных так и не был прорван.

Стоя на пригорке в пяти километрах от вражеских окопов, Гюнтер отдавал последние указания командирам батальонов Фрицу Штайну и Эрнсту Винцеру. Оба оберст-лейтенанта были опытными танкистами и сами прекрасно понимали, как действовать в такой ситуации, выполняя ближайшую задачу. Однако потом могли возникнуть осложнения.

— Там, за этими высотами, начинается ровное поле, — говорил фон Бутов. — Данные аэрофотосъемки у вас есть — вдоль реки отрыты окопы полного профиля с дзотами, в лесу позади пехоты стоят пушки и, вероятно, танки. Я очень рассчитываю, что русский генерал бросит танки в контратаку, и тогда мы сможем перестрелять их, а потом на плечах отступающих ворвемся на позиции артиллеристов.

Штайн, удрученный потерями во вчерашней неудачной атаке, мрачно буркнул:

— Зимой в Гранитном я тоже ждал, что русские на новых танках полезут в атаку, а я буду шелкать их, как в тире, огнем из укрытий. Но этот негодяй ночью обошел меня, а с фронта в темноте атаковали средние танки, и я потерял в уличных боях половину машин. А когда мы отступили из окруженной деревни, оказалось, что дорога отрезана новыми ИСами, которых наши снаряды даже в упор с трудом брали.

— Постарайся сегодня взять реванш, — равнодушно посоветовал Винцер. — И не подставляйся.

— Вот именно, не подставляйтесь, — строго потребовал фон Бутов. — Наверняка там фланкирован каждый квадратный метр. И не забывайте, что в опорном пункте могут оставаться неподавленные пушки. По местам, господа.

Пехотинцы уже бежали по разминированным дорожкам, следом за ними ползли штурмовые орудия. Артиллерия русских развила невыносимую скорострельность, тяжелый снаряд поджег головную самоходку. Остальные загорелись под обстрелом, тяжелые машины покинули безопасные тропинки, и одно за другим два орудия подорвались на каких-то сверхмощных фугасах. Кампфгруппа с потерями преодолела минное поле, пехота развернулась для атаки, позади взводных цепочек разворачивались самоходки и батарея минометчиков. Пришло время выдвигаться танкистам, и фон Бутов отдал приказ подразделениям.

Когда головные танки приблизились к разминированным проходам, стало понятно, что первая атака захлебнулась. Перепаханные снарядами и бомбами холмы вокруг Любани огрызались огнем, и немецкая пехота залегла. Штурмовые орудия стреляли по вражеским позициям, и русские противотанковые расчеты стреляли в ответ. В паре километров правее «Матильды» британских эсэсовцев горели на минном поле, но продолжали ломиться через поле, обходя Любань с востока.

Панцер-унтер-офицер Хорст Кинкель, наводчик в танке фон Бутова, произнес, покачивая головой:

— Без нас они не справятся, — затем добавил: — Надеюсь, что мы справимся.

«Справимся, — подумал Гюнтер. — Разумеется, мы возьмем эту деревню и

продвинемся чуть дальше. Прорвать первую линию обороны за три дня боев — не тот результат, каким стоит гордиться. А что потом?» Он не сомневался, что тыловая позиция русских уже подкреплена резервами, включая танковый корпус фронтового подчинения и отдельные полки тяжелых самоходок. Именно там, на второй полосе, танкистам предстояло встретиться с бронетехникой большевиков. От них требовалось преодолеть 5–8 километров под огнем артиллерии, упереться в позиции нестигаемой пехоты НКВД и получить удар в челюсть от собранных в кулак танковых соединений. Там и решится исход сражения.

В своих расчетах фон Бутов забыл о русской авиации — слишком уж привык, что в небе хозяйничает лишь Люфтваффе. Внезапно над участком наступления повисли несколько эскадрилий пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков, прикрытых истребителями. Пе-2 подожгли штурмовое орудие, два старых «тигра» и одного «королевского», нанесли потери другим подразделениям. «Черная смерть» носилась на малой высоте, расстреливая наступающих очередями автоматических пушек и ракетными снарядами.

Два танковых батальона продолжали преодолевать минное поле. «Тигры» медленно двигались по четырем проходам, вокруг них рвались снаряды. К счастью, у русских на этом участке не было крупнокалиберных пушек — только противотанковые калибром 57 и 76 мм, опасные для тяжелых танков лишь в ближнем бою. Тем не менее на трех машинах были перебиты гусеницы, на четырех — повреждены приборы наблюдения и антенны раций. Полку потребовалось около получаса, чтобы переползти заминированный участок, после чего 502-й батальон Винцера двинулся прямо на Любань, а Штайн начал обходить опорный пункт слева. На правом фланге англичане все-таки прорвались через минное поле и под непрерывным артобстрелом приводили в порядок потрепанные подразделения, готовясь атаковать опорный пункт, расположенный на буграх местности.

Зной внезапно сменился душной жарой — небо быстро затягивалось тучами, в отдалении прогремели раскаты приближавшейся грозы. Сопровождаемый пехотой батальон Винцера, в котором оставалось меньше сорока «тигров», уверенно наступал на горящую деревню. Штайн грамотно обошел Любань и открыл огонь по замаскированной под деревьями батарее, чудом уцелевшей после трехдневной авиационной и артиллерийской долбежки. Длинноствольные русские пушки были уничтожены, не успев сделать ни одного выстрела, но несколько снарядов прилетели с другого направления — там, согласно данным аэрофотосъемки, обосновалось до батальона русской пехоты и десятков вкопанных в землю танков.

— Фриц, кончай с этим подразделением, — приказал оберст и тут же переключился на Винцера — Эрнст, не отрывайся от пехоты.

Огненным валом гаубичных и минометных снарядов русские смогли отсечь наступающих на Любань пехотинцев. Танки без прикрытия подошли слишком близко к околице и принялись утюжить окопы русского полка, но под пылающими деревенскими избами уцелели противотанковые пушки, успевшие сделать несколько выстрелов в упор. Два «тигра» были поражены снарядами, еще два загорелись от бутылок с «коктейлем Молотова». Хорошо хоть Штайн продолжал наступать — хоть не слишком быстро, но без потерь. Русские пехотинцы отступили на тыловую позицию, бросив закопанные Т-34, и теперь танкисты Штайна уничтожали эти мишени с безопасной дистанции.

Время только приближалось к полудню, но стало совсем темно. Под первыми каплями и в свете молний новые роты перебежали по разминированным проходам, чтобы присоединиться к штурму деревни. Саперы тем временем расширяли проходы, изрядно загроможденные подбитыми «тиграми» и самоходками. Тягачи ремонтного подразделения уже эвакуировали на буксире машины, получившие не слишком тяжелые повреждения — эти танки будут отремонтированы и вернутся в строй к утру, не позже. Маневрируя между тяжелыми машинами, по разминированным тропинкам выдвигались легкие Pz.III.

А потом картина внезапно изменилась. Примерно в четырех километрах к востоку от Любани, в полосе 2-го тк СС, большевики бросились в контратаку на британцев, пустив десятка три танков впереди густых пехотных цепей. Слева, на фланге Штайна внезапно

подали голос отлично замаскированные пушки — то ли танки, заваленные скирдами, то ли пушки приличного калибра. Русские стреляли не слишком точно, однако выпущенные со средней дистанции снаряды пробивали бортовую броню «тигров». Oberst успел насчитать три горящих танка, после чего ливень хлынул стеной, и поле боя скрылось из виду. Гюнтер требовал отчета, но командирам батальонов было не до того, оба пытались управлять своими подразделениями в условиях ограниченной видимости и неожиданных действий противника.

Вскоре оберст-лейтенант Винцер доложил:

— Пехота вошла в деревню. Каждый дом приходится брать штурмом. Три легких танка подожжены этими проклятыми бутылками.

Ничего другого фон Бутов не ждал, однако по-прежнему был встревожен положением на участке Штайна. Судя по обрывкам выкриков в эфире, там происходило что-то неприятное. Кажется, он узнал голос гауптмана Глобке, кричавшего о контратаке русских танков. Наконец голос Фрица произнес в мембране шлемофона:

— Герр оберст, это была ложная позиция. Деревянные пушки и ржавые обломки танков в окопах. Мы стреляли по пустышкам и подставили борт под фланкирующий огонь. А теперь под прикрытием дождя они атакуют.

— Сколько танков атакует? — крикнул фон Бутов. — Средние танки или тяжелые? Какие потери?

— Потери есть. Ведем бой на дистанции триста-четыре метра. У иванов средние танки, но их много.

Выругавшись, оберст двинул в бой свой последний резерв — роту «королевских тигров» майора Норберта Кунце. Механику-водителю своей машины унтер-офицеру Вилли Флаху он велел двигаться впереди колонны — следовало держаться поближе к главным событиям, потому что управлять боем с такой дистанции, не видя происходящего, было невыносимо. Уже на марше фон Бутов приказал Винцеру:

— Оставь против деревни легкие танки, а «тигров» бросаем на подмогу Штайну.

В ответ Эрнст произнес грязное богохульство и сообщил, что на его участке тоже появились «тридцатьчетверки» и самоходки, которые внезапно возникли из-за стены дождя и открыли огонь практически в упор.

Примерно через час ярость дождя ослабла, восстановилась видимость, и стали видны десятки горящих по всему полю танков. На каждый подбитый «тигр» приходилось два-три горящих Т-34, кроме того, стороны потеряли примерно поровну легких машин. Тем не менее под шумок танковой свалки русская пехота отбросила немецкую к самой кромке минного поля. Английские эсэсовцы вообще отступили на исходные позиции, понеся тяжелейшие потери.

Тысячи тонн пролившейся с неба воды превратили грунт в грязную лужу, в которой пробуксовывали гусеницы. Солдаты с винтовками и пулеметами лежали в этой грязи, расстрелявшие боекомплект танки оттягивались за линию пехоты. Затем и пехотинцы стали отходить, потому что не представлялось возможным оборудовать позицию в полужидком глиноземе.

Когда ветер унес грозу и засветило палящее солнце, снова началась артподготовка. К трем часам дня фон Бутов и Ханштайн после недолгой артподготовки снова повели в атаку свои подразделения. Деревня была захвачена в сумерках ценой десятка танков и двухсот убитых немцев. Небольшие группы русских смогли отступить к следующей линии траншей, оборудованной в километре к северу от Любани.

Уже в темноте на командный пункт приехали командир 48-го корпуса Отто фон Кнобельсдорф и командующий 4-й танковой армией Герман Гот. Пушки и гаубицы большевиков методично обстреливали расположение полка. Критически осмотрев поле, с которого удалось эвакуировать лишь половину подбитых танков, генералы мрачно переваривали рапорт фон Бутова о потерях. После затянувшегося молчания, покосившись на неблизкий разрыв, фон Кнобельсдорф угрюмо резюмировал:

— При таких темпах мы останемся без танков через восемь дней. А ведь мы прорвали

только первую армейскую полосу обороны.

— Еще два дня — и вы прорвете вторую полосу, — сказал Гот. — Дальше к северу, на фронтовом рубеже стоит свежая армия. И ровное поле на линии Бобруйск — Ясень. Манштейн уверен, что большевики сосредоточат там свои танковые резервы. Он рассчитывает за два-три дня вывести в тот район корпус Хауссера, навязать сражение, уничтожить русские танки, а затем решительным рывком пробиться далеко на север.

Насупившись, командир корпуса произнес раздраженно:

— Вы же понимаете, что мой корпус уперся левым флангом в армию Катукова. Мне понадобится несколько дней, чтобы разбить эту танковую армию или хотя бы оттеснить к северо-западу.

— И тем не менее вам придется продвигать правый фланг ежедневно хотя бы на пять километров, чтобы прикрывать стык с корпусом Хауссера.

Командир 176-й дивизии напомнил, что сегодня левый фланг 2-го танкового корпуса СС вообще не продвинулся, поэтому он, Ханштайн, вынужден выделить один полк для прикрытия оголившегося фланга. Буркнув: дескать, помнит об этой неприятности, Гот задумался над картой и объявил решение:

— Завтра ваш корпус, генерал фон Кнобельсдорф, должен направить основные усилия против армии Катукова. Бросим туда три танковые дивизии, а также развернем фронтом на запад кампфгруппу «Гроссдойчланда», усилив до предела удар по Катукову. Один гренадерский полк этой дивизии переходит во временное подчинение генерала Ханштайна. Тем временем «Лейбштандарте» и «Райх» ударят в стык двух русских армий, продвинутся на север, в результате чего Семидесятая армия будет охвачена с обоих флангов. Как только фон Кнобельсдорф разобьет Катукова, я верну «Гроссдойчланд» на этот участок, и мы концентрическими атаками возьмем в окружение армию Галанина...

— Разгром Катукова может потребовать нескольких дней, — заметил командир корпуса. — Это очень серьезный противник.

— Днем раньше или позже, но у вас получится, — флегматично проговорил Гот. — Ничего лучшего мы сделать не можем. Будем бить, где возможно, истреблять живую силу и технику противника, чтобы лишить их возможности перейти в наступление. Про соединение с войсками фон Клейста можно забыть, наша задача — убить как можно больше русских.

Из этой реплики фон Бутов уяснил, что не он один не верит в успех «Цитадели». Подтверждая его догадку, фон Кнобельсдорф вспомнил, как в прошлом месяце штаб группы армий посетил генерал-инспектор танковых войск Гудериан, который прямо говорил: мол, наступление обречено на неудачу. Гот мрачно сообщил, что и он сам, и главнокомандующий группы армий придерживаются точно такого же мнения.

С этим Гот отбыл, а Кнобельсдорф задержался на полчаса, чтобы уточнить диспозицию на завтра. Решение было вполне разумным: сформировать две кампфгруппы на основе панцергренадерского полка дивизии «Гроссдойчланд» и одного полка 176-й дивизии, добавить в каждую по батальону «тигров» и любой ценой разбить противостоящую русскую дивизию и захватить грунтовую рокаду, проходившую сразу за лесом. Это означало, что придется пройти не меньше восьми километров.

На следующий день, после четырех атак дивизия немного передвинула свои позиции к северу, но дорогу захватить не смогла. В полку фон Бутова осталось чуть больше половины танков, разгромить 1-ю танковую армию Катукова тоже не удалось, поэтому окружение 70-й армии пришлось отложить, по крайней мере, на сутки. Вечером 24 июня генерал Ханштайн приказал подразделениям временно перейти к обороне и быть в готовности к отражению контратак противника. Действительно, всю ночь русские непрерывно атаковали и на некоторых участках потеснили немцев.

В этот вечер в десятке километров от штаба 307-го полка, на КП дивизии, Евгений Долматовский торопливо записывал спонтанно рождавшиеся рифмы:

И грянул, наконец, июль —

Двадцатого, в рассветный час
Снарядов вой и взвизги пуль,
И танки ринулись на нас.

Мы знали замысел врага:
Лавина танков фронт прорвет,
Загнется Минская дуга
И в окружение нас возьмет...

5

Откомандированные на 3-й Украинский фронт курсанты академии ехали с комфортом — в пассажирском вагоне, как в мирное время. На безымянном полустанке, где сгружали технику, их встречало целое посольство знакомых лиц во главе с генерал-майорами Краснобородовым и Гористовым. За спиной командира корпуса сверкали улыбками полковник Манаев, майоры Сазонов и Черкесиани, а также — вот неожиданность! — Пашка Ладейкин, тоже в полковничьих погонах. Незнакомый подполковник оказался Героем Советского Союза Барчуковым — его 90-й полк, объединенный с 87-м, составили костяк бригады. До последнего дня Барчуков исполнял обязанности комбрига, но вчера пришел приказ о назначении командиром подполковника Часова.

— Не переживай, братишка, — сказал Часов. — Я буквально на недельку. Потом вернусь учиться, и ты станешь полноправным командиром.

Бурная встреча, как водится, превратилась в банкет. Встречавшие и прибывшие расположились на травке, пьянствовали водку и наблюдали, как с платформ съезжают невиданные гусеничные машины.

— Что за чудеса техники? — осведомился Гористов. — В мой корпус?

— В мою бригаду, — ухмыльнулся Часов. — Называется бэ-тэ-эр-сорок пять. Броня противопульная и противоосколочная. Перевозит два стрелковых отделения со скоростью легкого танка.

Разговор сумбурно перебросился на события месяцев, когда они не виделись, разбросанные войной по разным фронтам. Помянули погибших, выпили за победу. Краснобородов похвастался, как взял Симферополь, на час с четвертью опередив наступавшую от Перекопа армию Павлова, в которую его корпус немедленно зачислили. Так что все равно получилось, что город освободила 47-я, а теперь уже 10-я гвардейская армия.

По дороге в штаб армии выяснилось, что Гористов командует 4-м гвардейским танковым корпусом, а Ладейкин и Манаев — комбриги в этом соединении. Отдельной бригаде тяжелых танков предстояло прорвать фронт на участке 10-й гвардейской и 5-й ударной армий.

— Будешь у меня в оперативном подчинении, — предупредил Гористов. — Бой обещает быть страшным. Жмеринку немцы укрепили всем, чем можно.

В штабе, кроме командарма Серафимова, оказался и сам командующий 3-м Украинским генерал-полковник Павлов. Часова он узнал сразу и крикнул адъютанту, чтобы тащил все положенное. Вечером, когда веселье стало угасать, прикатили командарм-5 Потапов и начштаба фронта Ватутин.

Короче говоря, делами удалось заняться лишь на следующий день.

На танкодроме саперы оборудовали точную копию укрепрайона, который преграждал дорогу к Жмеринке. Тренировки начались за неделю до приезда курсантов академии, народ освоился и лихо маневрировал, преодолевая препятствия и атакуя доты по наиболее выгодным направлениям. Сазонов прекрасно наладил взаимодействие танков с пехотой,

артиллерией и саперами. Под руководством Часова и Бедулина они отработали развитие прорыва и ввод в бой мотострелков на бронетранспортерах. Вечером, посмотрев, как они действуют Павлов приказал собрать со всего фронта все «ханомаги» и «халф-траки», чтобы посадить на бронемашины как можно больше пехоты.

— Такая техника действительно ускорит наступление, — восторженно провозгласил командующий фронтом на военном совете. — Так что делаем, как договорились... Потапов и Серафимов прорывают оборону немцев при поддержке корпуса Гористова. Твоя бригада идет на острие удара. Пока вы берете Винницу, я ввожу в прорыв танковую армию Рыбалко и кавкорпус Плиева в направлении Житомира. Войска 2-го Украинского начнут наступление на сутки раньше нас, чтобы сковать противника на Киевском направлении. После этого к наступлению подключатся правый фланг Малиновского и Белорусские фронты. На втором этапе выдвинутые из фронтового резерва армия Рябышева, танковый и кавалерийский корпуса начнут наступление от Житомира на Ровно и Луцк. Согласно директиве Ставки, за три недели мы должны выйти к Луцку и соединиться с войсками 2-го Белорусского. Вот сидит генерал Чернышев, сегодня к нам, наконец, прибудет его дивизия тяжелых «катюш» резерва Ставки. Значит, послезавтра начнем наступление.

Тут командующего бесцеремонно перебил генерал-майор «Смерша», сказавший, что у гвардейских минометчиков есть дурная привычка: прибыв на место, они обязательно посылают в Москву особый радиосигнал. Немцы этот сигнал знают, поэтому сразу делают вывод, что в этом месте готовится наступление, то есть все усилия по обеспечению секретности летят к чертовой матери. Чернышев вскинулся: дескать, этот сигнал предусмотрен директивой, но контрразведчик продолжал спокойно:

— Поэтому предупреждаю, что если моя служба радиоперехвата услышит пресловутый сигнал, то командир дивизии будет расстрелян, а наступление переносится. Вы пошлете эту радиограмму, генерал Чернышев, но из района в двухстах километрах к западу. Пусть немцы готовятся отражать наступление в районе Тернополя.

Спорить со смершевцем никто не осмелился. Павлов и Ватутин еще раз показали на карте полосы и задачи каждого соединения. Начальник фронтовой артиллерии подробно поведал о плане артподготовки, продемонстрировал график переноса по рубежам двойного огневого вала. Затем комфронта начал опрашивать командармов и комкоров, которые бодро заверили: мол, все готово, но хорошо бы подбросить еще солдатиков, танков, пушек и боеприпасов.

Когда пришла очередь отвечать Часову, Павлов захохотал и сообщил, что помнит этого «академика» еще по мариупольскому десанту.

— Рассказывай, танкист, чего тебе требуется, не стесняйся. — Он добавил, обращаясь к остальным: — Аппетит у него знатный. Сейчас скажет...

Заинтригованное собрание было весьма разочаровано, потому как Алексей скромно отрапортовал:

— Все в порядке, товарищ генерал-полковник. Бригада готова к наступлению.

Удивленный командующий даже руками развел и погрозил пальцем: дескать, хитришь. Однако разбираться прилюдно не стал, а напутствовал подчиненных предупреждением:

— Имейте в виду, товарищи, на этот раз противник у нас не венгры и не румыны. Драться будут по-немецки — жестоко, насмерть. Все населенные пункты превращены в опорные. Повсюду понастроены доты, дзоты, противотанковые рвы, минные поля. Готовьтесь воевать серьезно, как уставы требуют. За любую ошибку не я накажу, не прокурор с трибуналом — вас генерал Кемпф наказывать будет.

Вечером накануне наступления они собрались в штабной избе — вспоминали тех, кто не дождал до этой встречи. Часов рассказывал, как после контузии сразу из госпиталя попал в академию, а Литвин, Сазонов и Заремба хвастали семисоткилометровым рывком на запад — почти безостановочно полгода гнали врагов через всю Украину.

— Вроде конец войне скоро, — мечтательно произнес Низкохат. — В Африке их

побили, под Минском побили, скоро все Балканы нашими будут, а там уж Италию без бинокля видать... Вот мы еще вмажем — и хана фашизму. Предлагаю, братцы, если доживем, будем друг к другу в гости ездить. Вы ко мне в Забайкалье обязательно наведаетесь, а то могу обидеться.

Все хором поддержали хорошую идею, только Заремба с Озеровым загрузили — война лишила обоих и дома, и родни. Черкесиани, ставший замполитом бригады, темпераментно пожелал всем счастья в мирное время и пообещал пустить на шашлык целую отару, когда друзья к нему в Сухуми приедут. Начали мечтать о том, какая жизнь начнется после войны, но Бедулин, офицер грамотный и со стратегическими задатками, испортил настроение напоминанием:

— Хотел бы вместе с вами порадоваться, да не радуется... Вы представьте, сколько нам еще немцев по всей Европе молотить. Впереди Польша и Чехословакия с Венгрией, за ними — Германия с Австрией, а там дальше — Франция. И каждый метр не только вражеской кровью поливать придется.

Мотнув головой, он залпом выпил полную кружку спирта, на четверть разведенного водой. Офицеры последовали его примеру. Само собой, и прежде случалось задуматься — где, мол, и когда война кончится, но тут умный человек прямо сказал: будем, как при Кутузове, наступать до самого Парижа.

— Может, американцы все-таки откроют второй фронт? — неуверенно предположил Раппопорт. — Хоть часть Европы освободят и от нас немного фашистов оттянут.

— Вах, ты что говоришь, — вспыхнул замполит. — Францию капиталистам отдавать?

Они выпили за освобождение Европы, после чего Часов приказал отдыхать. На следующий день предстояло встать пораньше. А кто доживет до следующей ночи — о том лишь потусторонним силам ведомо.

Как назло, сон пропал, и подполковник долго ворочался на деревянной лавке. Память выплескивала обрывки событий, случившихся за три десятка лет, добрая половина которых пришлась на войны и службу. Он даже улыбнулся, вспомнив наивное приглашение Низкохата заглянуть в гости на крайний восток державы.

Алексей очень удивился бы, скажи кто-нибудь, что из всех сегодняшних мечтаний сбудется именно это и его штаб перед наступлением на Квантунскую армию разместится в родной деревне Макара.

Утро началось громко — ревом тысяч пушек, гаубиц и минометов, которые заговорили точно в те минуты, когда у немцев сменялись дежурные подразделения. Передний край противника на целый час затянуло дымом, снаряды густо ложились на позиции пехоты и артиллерии. Тем временем саперы проделывали проходы в минных полях и проволочных заграждениях.

Внезапно гром орудий стих. Для противника это был ясный сигнал: сейчас большевики пойдут в наступление. Подразделения торопливо выбегали из разбитых снарядами блиндажей, занимая оборону в перепаханных снарядами окопах. Они поспешили — через небольшой промежуток времени «бог войны» зарычал снова и продолжал грохотать еще полтора часа.

На передовом КП генерал Краснобородов с чувством сообщил офицерам:

— Знаете, молодые-красивые, такой плотности огня не видел я даже в Брусиловском прорыве. Правда, через год, в июле, было что-то похожее, но солдат уже не тот стал. Не захотели мои гренадеры в наступление идти.

О тех событиях Часов знал только из книг по истории Гражданской войны, поэтому ответил, как читал у профессоров-историков:

— Армия устала от войны, от поражений...

Помотав головой, комкор негромко произнес:

— Враки. Мы три года воевали на чужих землях и неплохо немца с австрияком поколачивали. Просто в эту войну солдаты лучше понимают, за что сражаются. Ты

представь, какой груз на душе лежал, когда полстраны врагу досталось. А ведь не дрогнули, не разбежались по родным углам, не сдавались в плен, как при Николашке... — Генерал махнул рукой. — Ступай, молодой-красивый, выводи свои коробки на рубеж атаки.

Формально 1-й гвардейской тяжелой танковой бригаде прорыва полагалось по штату 65 ИС-2. Однако существовал еще приказ, разрешавший включать в состав частей собранные на поле боя и отремонтированные своими силами танки. За время, пока два полка еще не были сведены в бригаду, личный состав сумел припасти сверх штата по несколько машин, и теперь в распоряжении Часова оказалось 7 «лишних» КВ-3 и 4 ИС-1, сведенные в две роты — очень полезный резерв для наращивания удара.

Вся эта армада вышла к проходам в минных заграждениях немного вразброд, но к моменту окончания артподготовки все танки собрались на исходном рубеже. В паре километров впереди еще рвались снаряды, но бронированные машины ползли по разминированным проходам, а следом бежали пехотинцы краснобородовского корпуса. Справа и слева от 1-й гвардейской бригады прорыва двинулись танковые части армейского подчинения — бригада полковника Смирнова и 46-й отдельный полк — всего около сотни Т-34 и полета легких танков.

Последним штрихом артподготовки стал залп множества гвардейских минометов, на врага обрушились многие сотни реактивных снарядов калибром от 132 до 300 мм. Затем наступила короткая пауза — пушкари передвигали во вражескую глубину огневые валы, чтобы обработать следующие оборонительные полосы, пока пехота и танки выковыривают уцелевших немцев из воронок переднего края.

Первые километр-полтора они прошли, не встречая сопротивления, — солдаты и офицера противника, оглушенные небывалым шквалом разрывов, бродили среди бывших позиций, как лунатики. В глубине обороны разгром оказался не столь основательным. Здесь и часть фортификаций сохранилась, и личный состав не был полностью подавлен. И пушки начали стрелять, и солдаты Вермахта отбивались яростно, пытаясь отсечь красноармейские цепи от танков. Впрочем, задержать ударный кулак было им непосильно. Стальная лавина наступления сметала очаги сопротивления, а следовавшая за танками волна стрелковых подразделений довершала зачистку освобожденной территории.

На четвертый час непрерывного наступления, форсировав три речушки, немного оторвавшись от пехоты и потеряв несколько машин при подавлении спрятанных вдоль дороги дотов, подвижные части вышли на подступы к Жмеринке. Здесь немцы бросили пехотный батальон и два десятка «пантер» и «тигров» в контратаку на стыке между бригадами Часова и Смирнова. Средние и легкие машины соседа справа не могли держать удар более мощных танков и, понеся чувствительные потери, попятись. Из глубины подтягивалась еще одна танковая колонна противника. Немецкий командующий, безусловно, собирался дать здесь решительный бой и остановить наступающих.

Отдав приказ не ввязываться во встречный бой, Часов отвел танковые роты за линию занявших оборону мотострелков и выдвинул вперед артиллерию. Мощные пушки танков и самоходок пробивали броню вражеских «кошек», а фугасно-осколочные и шрапнельные снаряды помогли стрелкам и пулеметчикам остановить немецкую пехоту. Смирнов тоже занял удобную позицию, стреляя из-за укрытий кумулятивными снарядами. Тем временем полк Литвина, совершив скрытый маневр по ложине, внезапно появился на фланге контратакующей группировки. Попав под обстрел с двух сторон, немцы отступили, причем два «тигра» и «пантера» были брошены невредимыми — прежде враг подобных слабостей не проявлял.

Отступившие подразделения немцев заняли позиции перед Малой Жмеринкой — как уверял Степа Майдебур, именно в этом местечке родился побочный сын турецкоподданного Ося Бендер. Сказав об этом, сержант помрачнел и подумал вслух: дескать, за год оккупации немцы наверняка истребили большую часть местного населения.

— Да уж, такие местечки вполне могли безлюдными стать, — согласился Часов.

По прямой до Жмеринки оставалось не больше десятка верст, однако наступать в лоб

на городок Алексей не собирался. Немцы прочно закрепились за речкой Мурафа, вдоль дороги Станиславчик — Жмеринка — Браилов — Винница наверняка были рассыпаны тысячи мин. Вся местность утопала в зелени, за которой можно было без труда спрятать самые разные противотанковые средства — от солдата с фаустпатроном до «Фердинанда». Поэтому подполковник приказал устроить привал, мотострелкам — занять оборону, а дежурным танкам и самоходкам — постреливать, периодически меняя позиции.

Низкохату он поручил выслать разведгруппы в лесистую местность к западу, где немцы пытались остановить дивизию Асватурова, подкрепленную 46-м танковым полком, и к востоку, где завязла дивизия Шевчука. Остальным было велено приводить в порядок оружие и технику, перекусить и готовиться к новому броску.

Вскоре начали подтягиваться колонны грузовиков с передовым отрядом 327-й стрелковой дивизии, потом подошел гаубичный дивизион и, наконец, приехали Краснобородов и комдив Яковенко. Комкор даже не стал интересоваться, почему «молодые-красивые» задержались на этом рубеже — опытный глаз сразу понял ситуацию.

— В лоб не получится, даже не думай, — строго предупредил Краснобородов.

— Не собираюсь, чур меня, — Часов отмахнулся. — Или слева, или справа попытаюсь обойти.

Генерал ответил, не заглядывая в карту, словно держал всю местность в памяти. Маневр влево он сразу отклонил — там был крупный железнодорожный узел, вокруг которого немцы не могли не создать прочную оборону. А вот обход с востока выглядел заманчивее — Часов был с этим полностью согласен.

— Значит, так, — комкор все-таки посмотрел на карту и стал показывать карандашом. — Яковенко одним батальоном занимает оборону по Мурафе, а два полка прямо с марша заворачиваем на восток — на Тарасовку и Пеньковку — ударишь в тыл немцам, которые преградили путь Шевчуку. Туда же двинется Смирнов. А тем временем Часов с двумя батальонами на грузовиках и бронетранспортерах прорывается на северо-восток, берет Жуковку и выходит к Жмеринке с неожиданного направления.

— Я бы дальше на север продвинулся, — предложил Алексей и упер пальцем в городок Браилов на реке Ров. — Если быстро ворвемся сюда и захватим мост — считай, все немецкие войска вокруг Жмеринки окажутся в капкане и сами убегут, без долгих уговоров с нашей стороны.

Он добавил озабоченно, что видит лишь одну трудность — саперы должны поскорее навести переправу через Мурафу, Комкор пренебрежительно сообщил: дескать, не нужно строить мост, потому как он, Краснобородов, покажет хороший брод, и не один. Оказалось, что Степан Аркадьевич бывал в этих местах неоднократно: в начале 18-го держал оборону против австрийцев, в 19-м бил Петлюру и Май-Маевского, а в 38-м за отличные действия полка на больших маневрах получил именной «маузер» от Ворошилова.

Оборону возле переправы занимало небольшое немецкое подразделение — до роты с батареей минометов. Противника отогнали артогнем, после чего бригада перебралась на другой берег реки. Когда начали переправляться стрелковые батальоны, из ближнего леса вышли броневики — возвращался из разведки Низкохат.

— Языков привел, — доложил командир разведроты.

Самым ценным языком оказался гауптман, в чьем планшете имелись карты местности с расположением вражеских подразделений. Немец уныло косился на победителей и на вопросы хоть и нехотя, но все-таки отвечал. Двое других — одетые в рванье парни лет двадцати пяти — молчали, как глухонемые, — явно с перепугу.

— Кто такие? — без интереса спросил Часов.

— Вроде как местные туземцы, — Макар словно не был уверен в своих словах. — Прятались в лесу. Когда ребятишки их взяли, упали на колени, стали оккупационные марки совать и просить, чтобы не убивали.

— Не убивайте, — заскулил один из парней. — Господин офицер, мы случайно в лесу

заблудились. Гляньте, у меня желтая звезда пришита, и у Семы тоже...

— У меня на танке красная звезда нарисована, ну и что? — не понял Алексей. — Вас спрашивают, кто вы такие.

Раппопорт, внимательно присмотревшись, вдруг заулыбался и сказал:

— У них же на лбах печать синагоги большими буквами нарисована. Наверное, сбежали из жмеринского гетто.

— Не бежали, — уперся парень. — Случайно в лес попали.

Его спутник — видимо, тот самый Сема — вдруг охнул, разглядывая вытаращенными глазами звезды на боевых машинах. Затем, толкнув приятеля локтем, пробормотал:

— Изя, таки это не власовцы, они советские...

— А если советские, то почему в погонах? — возразил Изя.

Им объяснили, что в Красной Армии с февраля введены погоны. Раппопорт и Авербух даже показали документы, но беглецы из Жмеринки продолжали сомневаться. По их словам, полиция в гетто служила не только украинцы, но и вполне правоверные евреи, так почему во власовской армии не может быть офицеров-евреев. Выручил Черкесиани, нашедший в своей машине последние номера московских газет. После этого парнишки разрыдались, как маленькие, и Сема Финкельштейн — тот, что сообразительнее, поведал историю, от которой прослезились многие танкисты.

Они действительно бежали, надеясь пробраться в Шаргород, потому что тамошний юденрат, то есть руководитель гетто, хитрый пройдоха и никого не выдал немцам. Пока здесь стояли румыны, можно было сравнительно безопасно жить и в Жмеринке, хотя всех евреев оккупанты выгнали из квартир, согнав на две-три улицы, обнесенные колючей проволокой. Все были обязаны носить на одежде желтую звезду Давида и работать за гроши.

Назначенный юденратом Адольф Гершман, бывший бессарабский адвокат, еще с довоенных времен был дружен с претором, то есть начальником жандармерии господином Ионеску, которого когда-то отмазал от приговора за мошенничество. В Жмеринке они вместе крутили гешефты, обитатели гетто за гроши производили разные товары и провиант для оккупантов, работали на железной дороге, а румыны никого не убивали — только били, грабили и иногда насиловали девушек. В соседнем городе Браилов, где стоял немецкий гарнизон, евреев держали в концлагере и методично истребляли.

Многие жители местечек, оказавшихся под немцами, старались бежать к румынам в Жмеринку, но Гершман выдавал почти всех беглецов, потому что иначе немцы могли не посчитаться с румынами и перебить все гетто. Впрочем, лучших работников юденрат все-таки оставлял, прятал от нацистов.

В прошлом месяце что-то случилось, румыны внезапно исчезли, и теперь в городе командуют гансы, которые не церемонятся. Немецкая солдатня и хохлы-полицаи совсем озверели, грабят, насилюют и убивают жителей гетто десятками. Иногда из Жмеринки уводят большие группы людей — якобы на строительство укреплений, но никто не возвращается. Народ в ужасе, но лишь немногие отваживаются бежать за колючую проволоку. Изя и Сема все-таки решились на побег, когда их погнали рыть противотанковый ров на подступах к Жмеринке.

— Как вы думаете, госп... товарищ командир, — умоляющим голосом осведомился Сема, — шаргородский юденрат укроет нас?

Потрясенный его рассказом Часов машинально кивнул, но мгновенно спохватился.

— Насколько я знаю, Шаргород уже взят, то есть никакого юденрата больше нет и гетто тоже. Надеюсь к вечеру и вокруг жмеринского гетто проволоку снимем. Так что советую отсидеться где-нибудь возле кухни, вечером возвращайтесь домой.

— Может, они дорогу на Браилов знают? — осведомился Заремба.

Изя и Сема подтвердили, что прекрасно знают дороги и тропинки. Вскоре они, хлебнув по сто граммов сидели в головных броневиках, и бригада, обходя узлы немецкого сопротивления и недостроенный противотанковый ров, ринулась на Браилов.

Гарнизон не ждал внезапного появления танков и мотопехоты, поэтому городок и мост

через реку Ров взяли с ходу. В концлагере заключенных оставалось совсем немного — эсэсовцы и полицаи успели расстрелять несколько сот человек. Увидев котлован, заполненный трупами изможденных евреев и пленных красноармейцев, Часов не выдержал. По его приказу, всех охранников и полицаев повесили на фонарных столбах.

К вечеру 8-й гвардейский стрелковый корпус Краснобородова, выбив немцев из Жмеринки, с боем форсировал Ров в нескольких местах. Весь следующий день бойцы корпуса отбивали свирепые контратаки немцев и расширили плацдарм, достигнув линии Лопатинцы — Людавка. Тем временем на плацдарм подтягивались части 2-й танковой армии. На рассвете сотни танков, прорвав оборону противника, устремились на Винницу.

В дальнейшем наступлении Часов не участвовал, сдав бригаду Барчукову, он вернулся в академию — писать отчет о совместных действиях танков и бронетранспортеров. Между строк Алексей вставил отдающий крамолрой вывод: дескать, старая организация танковых полков — по 40–50 машин с батальонным звеном управления — была более гибкой, тогда как при нынешних штатах полк получается слабеньким.

6

Открывая совещание, Верховный сообщил, что маршал Егоров, уговоривший Ставку отпустить его на командную должность, назначен командующим 1-м Прибалтийским фронтом, поэтому товарищ Василевский становится начальником Генштаба, а товарищ Антонов — начальником Оперативного управления. Приняв пожелания успеха от членов Ставки и Политбюро, Василевский доложил о положении дел в Западной Европе.

В то время как советские и болгарские войска при поддержке партизанских армий Иосифа Тито заканчивали освобождение Югославии, американцы, вытеснив немцев из Туниса, высадили десант в Сицилии. Как стало известно еще позавчера, король и военные арестовали Муссолини, отстранили от правления фашистскую партию и объявили, что Италия прекращает войну. В ответ Германия направила в Италию дополнительные дивизии. Ранее немецкие войска оккупировали юг Франции, готовясь отражать возможные десанты англо-американских союзников из Африки. По сведениям разведки, немецкое командование вывело с Британских островов на континент до 6 немецких и 2–3 английские дивизии, заменив их соединениями, разгромленными в последних боях на Восточном фронте.

— Рузвельт и Черчилль пишут, что следующей их целью является высадка на Британских островах, — задумчиво проговорил Сталин. — Сейчас, когда оборона Англии ослаблена, это возможно.

Нарком флота Кузнецов откровенно усомнился: дескать, в океане пиратствуют «волчьи стаи» Гитлеровских подлодок. По мнению адмирала, любые войсковые перевозки из Америки в Англию сопряжены с риском огромных потерь, на которые англосаксы вряд ли пойдут. Тем более что вся четверка больших авианосцев типа «Эссекс» медленно идет на восток по Севморпути.

Сталин, хмурясь, покивал и закурил папиросу — трубку врачи запретили. Он прошел вдоль стола от Молотова до Ворошилова и обратно, после чего поинтересовался, в каком состоянии Балтийский флот.

— Оба старых дредноута в строю, хотя у «Марата» бомбами повреждена вторая башня. — Кузнецов понимал, что Верховный знает об этом, а вопрос задал, что бы остальные услышали ответ. — Два новых крейсера и «Аврора» в полной готовности. На «Кронштадте» неполадки в машинах, полный ход дать пока не можем, но узлов двадцать выжимает. «Советский Союз» достраивается у стенки, начинается установка третьей башни. Эсминцы...

Остановив его нетерпеливым жестом, Верховный уточнил:

— Нас интересует, сможет ли флот дать бой немцам, если противник двинет эскадру в Рижский залив и в район Таллина.

— Придется долго тралить фарватеры, товарищ Сталин. Там и наши минные банки, и

немецкие. Но если противник направит свои надводные корабли к входу в Финский залив, то — милости просим. Авиация быстро превратит надводные корабли в подводные.

Снова кивнув, Верховный подошел к столу с картами и велел Антонову рассказать о ситуации, сложившейся на советско-германском фронте.

Новый начальник Оперативного управления сжато изложил итоги последних сражений. Отразив наступление на Минской дуге, Красная Армия перешла в общее наступление. Встречные удары 3-го Украинского фронта с юга и 1-го и 2-го Белорусских фронтов с севера при фронтальных ударах 1-го и 2-го Украинского привели к окружению около сорока дивизий вражеской группы армий «Украина». Антонов признал, что замысел Пинско-Ровенской и Белостокской наступательных операций удалось осуществить далеко не полностью. Группировка Манштейна была сильно потрепана, дивизии отступали в беспорядке, теряя технику и тысячи пленных, но все-таки немалая часть соединений сумела пробиться через Львов, либо просочиться сквозь непрочный фронт окружения. Теперь немцы с отчаянной энергией приводили в порядок разбитые корпуса и одновременно строили оборону на рубеже реки Буг и на довоенной польской границе.

— Это даже неплохо, — заметил маршал Егоров. — Чтобы восстановить и удерживать фронт, противнику пришлось перебросить туда почти все резервы. Теперь их группировки на других участках могут противопоставить нашим танкам разве что голый тыл.

— Навряд ли это многим лучше, чем ослиная упряжка, — пошутил Сталин.

Они еще не знали, что вскоре родится понятие «восемь Сталинских ударов». Случайное, вынужденное решение бить врага последовательно на разных участках, где сложились необходимые условия, будет названо гениальным замыслом величайшего из стратегов. Но это будет потом, ближе к концу войны, когда у Сталина вырвется: «Даже политика может быть грязным делом!» Пока же Антонов сообщил, что войска после тяжелейших боев обескровлены, то есть нуждаются в отдыхе и пополнении. Поэтому Генштаб предлагал остановить наступление на Западном стратегическом направлении, чтобы привести соединения в порядок, а тем временем нанести сильные удары на флангах.

На ближайшие дни намечалось сильное наступление 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов: стремительным прорывом танковых корпусов через Дриссу на Ригу отсекались сразу две немецкие армии — 16-я и 18-я, а советские войска, развивая наступление, выходили к Восточной Пруссии. Чуть позже должны были перейти в наступление фронты южного направления, которым ставилась задача разгромить Львовскую группу немцев и перенести боевые действия на венгерскую и чехословацкую территорию.

— Подумайте о создании сильного ударного кулака в Югославии, — неожиданно потребовал Сталин. — Если немцы попытаются восстановить фашизм в Италии, нам придется ввести войска на Апеннинский полуостров. Встретимся с американцами где-нибудь на Тибре. Ну, последний вопрос повестки дня — сообщение наркома иностранных дел.

Не вставая с места, Молотов ошарашил руководителей страны и армии новостями, поступившими по дипломатическим каналам и по линии разведки буквально за час до совещания. Подчиняющаяся буржуазному эмигрантскому правительству Польши антисоветская банда под названием Армия Крайова подняла восстание в Варшаве. Англичане просили немедленно начать наступление на польскую столицу.

Не говоря ни слова, Сталин вопросительно посмотрел на военных. Василевский, Егоров и Антонов переглянулись с мрачными лицами. Затем начальник Генерального штаба высказался, не скрывая негативного отношения к этой идее:

— Если будет дана директива, войска, безусловно, перейдут в наступление. Учитывая, что в частях и соединениях осталось менее половины личного состава, примерно четверть техники, на исходе горючее и боеприпасы... — Он развел руками. — Передовые части Рокоссовского стоят в ста тридцати километрах от Варшавы. Полагаю, что с имеющимися силами мы сможем преодолеть не более половины этого расстояния.

Маленков раздраженно выкрикнул:

— Вы предлагаете погубить армию ради помощи этим авантюристам?

— Товарищ Василевский вовсе не предлагает наступать, он всего лишь отвечал на вопрос Верховного Главнокомандующего, — миролюбиво напомнил Сталин и вновь обратился к начальнику Генштаба: — Скажите нам, когда войска западного направления будут готовы начать Варшавскую и Краковскую наступательные операции?

Докладная записка с подробными сведениями лежала на столе Верховного с прошлого вечера. Василевский понял, что вопросы задаются ради протокола, поэтому четко отрапортовал: дескать, примерно через месяц-полтора. За это время на фронт придут маршевые пополнения, раненые бойцы вернутся в свои полки из госпиталей, будут отремонтированы поврежденные танки, заводы пришлют новые сотни боевых машин и тысячи тонн снарядов.

Верховный подвел итоги: дескать, наступление на Варшаву невозможно ни сегодня, ни через неделю, но будет начато, как только сложатся необходимые условия.

— Завтра же напишу об этом Черчиллю, — сказал он. — Союзники должны были заранее предупредить нас о подготовке восстания. Пора понять, что нельзя ставить русских перед фактом и требовать пожарных мер. Подумайте, чем мы можем помочь Варшаве на этом этапе — я имею в виду воздушные удары по немецким войскам, отправку диверсантов. Наверное, можно будет сбрасывать оружие на парашютах.

Берия первым откликнулся: мол, в его ведомстве найдутся поляки, готовые завтра же прыгнуть с парашютом хоть на Варшаву, хоть на Берлин. Попросив разрешения отлучиться, он выбежал из кабинета, чтобы поговорить по телефону с нужными людьми. Вслед за ним, правильно поняв намек, ушли остальные.

Когда захлопнулась дверь, Сталин сел напротив Молотова и знакомым жестом предложил высказываться.

Оставаясь вдвоем, они становились вполне откровенными, чего не позволяли себе даже в присутствии верного Политбюро. Вот и сейчас Верховный открытым текстом заявил, что не верит в успех восстания, потому что полякам отродясь ничего путного не удавалось. Тем не менее, сказал он, эту авантюру следует всячески поддерживать, чтобы немцы не подавили мятеж за несколько дней.

— Немцам придется бросить на усмирение Варшавы немалую часть резервов, которых у них и без того почти не осталось, — говорил он, скупно жестикулируя. — Это облегчит жизнь для наших фронтов, когда мы ударим по группе армий «Север».

— По-полезное дело, — кивнул второй человек государства. — Тем более что эта проклятая Армия Крайова не-не больно-то нас любит — вот пускай немцы ее и причешут. Нам же потом легче будет устанавливать порядок в шляхетских воеводствах... Почему мы должны помогать этим негодяям после того, как армия Андерса отказалась воевать в самые трудные дни под Ростовом? И вообще, помнишь, как в прошлом году аковцы не пришли на помощь восставшему варшавскому гетто? Отсидеться норовили, побережь силенки, чтобы выступить, когда мы для них Польшу от немцев освободим.

— Поторопились хитрые паны, — согласился Сталин. — Думали, что наши танки скоро возле Варшавы окажутся. Приезжают глупые русские, а в Варшаве уже пшеклента шляхта заправляет. Не выйдет!

Они посмеялись, обсудили кое-какие вопросы, возникшие в связи с продвижением Красной Армии на Балканах и в Италии. Оба были едины в твердом убеждении: везде, куда ступит сапог советского солдата, правительства должны сформироваться из коммунистов. Европа, более того — Евразия — должна стать социалистической.

— Да и Африка тоже, — задумчиво проговорил Молотов. — Египет, Ливия...

— Боюсь, американцы постараются не пустить нас в Африку, — предположил Сталин. — Эту часть проблем придется решать позже...

Поскребышев сообщил через селектор, что прибыла сборная команда ученых и разведчиков, занимавшихся урановой бомбой. Довоенные разработки советских физиков-атомщиков, подкрепленные успехами всеильной резидентуры НКГБ в Америке, обещали вскорости одарить державу оружием невероятных разрушительных способностей. Бомба

ожидалась года через два-три-четыре, порукой тому был запущенный в позапрошлом месяце реактор. Но к боеприпасу такой мощности требовалось быстрое средство доставки огромной дальнобойности. Сталин конкретизировал задачу: нужен серийный бомбардировщик сверхдальнего радиуса действия, который сможет при необходимости долететь до Северной Америки, а потом даже вернуться обратно... Хотя последнее было отнюдь не обязательно. Главное — добраться до цели.

— Поручим Туполеву и Мясищеву, — сказал Берия. — Между прочим, немцы делают какую-то ракету... — Он вытащил записную книжку, перелистал и зачитал по складам мудреное слово: — двух... сту-ча... двух-ступенчатая... Эта дрянь как раз предназначена, чтобы долететь до Нью-Йорка.

— Жаль, Циолковский помер, — задумчиво изрек Молотов. — Головастый был мужик, можно было ему поручить.

Поразмыслив немного, Берия сообщил:

— Сидит у меня на севере некий инженер Королев, раньше в РНИИ работал, а теперь пишет кляузы: дескать, его неправильно арестовали... И, кстати, врет, будто может сделать дальнобойную ракету.

— Займись, — распорядился Сталин, пожав плечами. — Ничего же не теряем, а ракета и бомбардировщик нужны позарез. После победы в Европе у нас неизбежно возникнут проблемы с Америкой. Двум медведям в одной берлоге тесно...

Настойчиво затрезвонил телефон кремлевской линии. Подняв трубку, хозяин кабинета услышал непривычно взволнованный голос наркома госбезопасности.

— Товарищ Сталин, это Меркулов...

— Узнал вас, как ни странно, — ухмыльнулся Верховный, которого доброе начало этого вечера привело в благодушное настроение. — Вам, наверное, товарищ Берия нужен?

Собеседник на другом конце телефонного провода шумно перевел дыхание, и Сталин машинально подумал, что у наркома проблемы с сердцем — как бы инфаркт не свалил хорошего человека...

— Никак нет... — Меркулов запнулся. — Вы должны узнать первым. Что-то происходит в Германии. Служба радиоперехвата ловит непонятные сообщения. Кажется, было покушение на Гитлера...

— Могли бы подождать месяц, пока мы подготовимся к наступлению, — пошутил Сталин. — Приезжайте со всеми материалами, поговорим.

Он показал пальцем: уходят все, кроме Молотова и Берии. Затем позвонил секретарю и велел срочно вернуть Василевского.

7

Во вторник 29 августа совещание началось в 13.10 по берлинскому времени. Генерал Йодль уныло повествовал о кислом положении дел на фронтах. Из-за предательской выходки короля Италии пришлось направить на Апеннины дополнительные немецкие дивизии, которые заняли Рим, нанесли поражение франко-американским силам вторжения и создали прочную оборону южнее Неаполя. Тем не менее американцы продолжают подвозить подкрепления, в Африке уже сосредоточено до миллиона янки, «сверхкрепости» с баз на Мадейре и на Украине совершают налеты на Германию. Кроме того, началось вторжение вражеских сил на острова Корсика и Сардиния. Генеральный штаб предполагал, что в скором времени американцы попытаются использовать эти плацдармы для высадки десанта на французское побережье в районе Тулона.

Подобные панические рассуждения продолжались уже не первый день и порядком надоели штандартенфюреру Фриц Даргез, адъютант фюрера от СС, был рядом с Гитлером уже десять лет, присутствовал на всех совещаниях, официальных церемониях, наслушался самых разных очень секретных сведений, поэтому не обращал внимания на содержание очередного доклада. Отмахиваясь от мухи, каким-то образом залетевшей в бункер, он

равнодушно разглядывал созванную на совещание публику.

Как обычно, здесь были адъютанты от всех родов войск, включая главного адъютанта — туповатого Шауба. Вокруг фюрера стояли с озабоченными лицами тупые генералы: Кейтель, Цейцлер, Йодль, Варлимонт, Шмундт и другие. Неожиданно открылась дверь и вошел выскочка-фронтовик Штауффенберг. Как обычно, начальник штаба Резервной армии протолкался поближе к фюреру, положил под стол набитый бумагами портфель и громким шепотом сообщил Кейтелю:

— Господин фельдмаршал, я жду срочного звонка из Берлина. Генерал Фромм должен передать последние данные.

Он был удостоен косого, испытывающего взгляда фюрера. Впрочем, Гитлер вновь обратил внимание на карту, а Кейтель досадливо шикнул: дескать, занимайтесь своими делами, полковник, и не мешайте серьезным людям решать важные вопросы. Что называется, поставил на место поганого аристократа, — с удовлетворением подумал Даргез.

Между тем генерал Хойзингер, начальник оперативного отдела, начал рассказывать ужасы о положении на Восточном фронте, который растянулся до Италии. Цейцлер и Хойзингер были уверены, что русские не зря наращивают силы в Югославии и Румынии — они могут нанести стремительные удары, вторгнуться в Венгрию, а затем и в Италию. По этой причине генералы умоляли фюрера направить на Балканы дополнительные войска из резерва.

— Может быть, оберст фон Штауффенберг, сообщит нам, сколько дивизий можно немедленно взять из Резервной армии? — робко предложил Цейцлер.

Все взоры устремились на Штауффенберга и тот, неловко орудуя единственной рукой, стал поднимать из-под стола свой портфель.

— О резервах поговорим позже, — раздраженно повысил голос Гитлер. — Резервы нужны всем направлениям, не только Балканам. Цейцлер, где сейчас армия Зеппа Дитриха?

Начальник Генштаба ОКХ доложил, что 6-я танковая армия СС, выполняя приказ фюрера, выдвигается в Венгрию и занимает исходный район для дальнейших действий вокруг озера Балатон. В этот момент зашел фельдфебель-связист и доложил:

— Герр генерал Фельгибель приказал передать, что из Берлина звонит герр генерал Фромм и вызывает к телефону герра оберста фон Штауффенберга.

Замахав обеими руками, Кейтель велел Штауффенбергу бежать к телефону и поскорее возвращаться, потому что предстоит серьезная торговля из-за резервных дивизий. Штауффенберг снова положил портфель под стол, поправил повязку, закрывающую выбитый глаз, и вышел, аккуратно затворив за собой дверь.

— Вот здесь, от Балатона в Венгрии до Загреба в Хорватии, нет гор, здесь — равнина, — победоносно провозгласил Гитлер. — Здесь мы нанесем главный удар осенней кампании, разгромим еврейско-большевистские орды и сможем с позиции силы заставить противников заключить мир!

Проклятая муха прожужжала рядом с ухом Гитлеру. Фюрер повертел головой, остановил взгляд на Даргезе и потребовал, чтобы адъютант прикончил назойливое насекомое. Представив себе, как глупо будет он выглядеть, бегая по бункеру за мухой, Фриц кивнул на Николауса фон Белова и неосмотрительно пошутил:

— Мой фюрер, муха — летающий объект. Ее должен убить адъютант от Люфтваффе.

К его гигантскому огорчению, фюрер не был предрасположен к юмору. Неуместная шутка Фрица Даргеза и последующий смешок адъютанта от Люфтваффе фон Белова привели его в ярость.

— Убирайтесь, штандартенфюрер, на Восточном фронте вас поучат хорошим манерам! — заорал Гитлер, и его лицо побагровело от притока крови. — А вам, оберст фон Белов, кажется смешно? Убирайтесь оба! Мне такие адъютанты не нужны!

В помещении, где сидели телефонисты и охранники, их встретили удивленные, настороженные взгляды. Закрыв дверь, фон Белов прошипел дрожащим от злости голосом:

— Нашел время острить, идиот!

Ошеломленный Даргез, не ожидавший подобной вспышки хозяйского гнева, пробормотал: дескать, острота получилась неудачной. Заглушив его оправдания, за стеной гроыхнуло, стены зашатались, с потолка посыпалась штукатурка.

Резко обернувшись, уволенные адъютанты тупо смотрели на дверь, из-за которой доносились приглушенные стоны. Оттолкнув их, офицер охраны потянул ручку, но дверь не поддавалась, как будто была заклинена. Несколько минут потребовалось, чтобы прибежали солдаты с ломами. Дверь выломали, и в предбанник выплеснулся воздух, наполненный едкой вонью дыма.

Первыми вошли офицеры дивизии «Гроссдойчланд», следом протиснулись адъютанты. Увидев творившийся внутри кошмар, фон Белов невольно подумал, что Фриц Даргез пошутил весьма удачно и своевременно. Идиотский юмор эсэсовца спас жизнь им обоим.

В свете чудом уцелевшего плафона было видно, что тяжелый стол превратился в груды щепок, тлели обрывки карт и мундиров. Растерянный фон Белов увидел окровавленное лицо генерала Кортена, начальника штаба Люфтваффе, потом на глаза попался лежавший навзничь Кейтель. Мелькнула мысль: «Где фюрер?» Oberst, словно в оцепенении, водил взглядом по трупам, увидел, что Цейцлер и Варлимонт помогают друг другу подняться — на обоих висели лохмотья разорванных мундиров. Хойзингер пошевелился, чуть поднял и снова уронил голову.

Гитлер лежал поперек разбитой столешницы — наверное, наклонился над картами, когда произошел взрыв. Его ноги ниже колен превратились в фарш, левая ступня была оторвана, из раны хлестала кровь. Уже появились санитары с носилками, кто-то орал, чтобы дали пройти, кто-то приказывал вызвать еще врачей и выносить все тела. Медленно, как сомнамбула, едва передвигая ноги, фон Белов подошел к носилкам и помог медикам уложить фюрера. Перекошенное лицо Гитлера было неподвижно, глаза остекленели.

Вокруг не было никого, чтобы спросить совета — главный адъютант фюрера генерал Шмундт тоже скончался, как и генерал Кортен. Все старшие офицеры были убиты, либо тяжело ранены и контужены, взрыв уничтожил все руководство Сухопутных сил, в бункере царил паника. Внезапно фон Бутова осенило. Пробившись к телефону, он наорал на растерянного начальника связи Фельгибеля и приказал соединить его с рейхсмаршалом.

Телефонисты суетились, и Фельгибель повторял, как испорченный граммофон:

— Вот что бывает, когда ставку размещают так близко к линии фронта...

Лишь в 13 02, через двадцать минут после взрыва, удалось соединиться с поездом Геринга — протягивая фон Белову трубку, унтер-офицер шепнул, что рейхсмаршал совсем близко — возле городка Гольдапп. Oberst, запинаясь, доложил о случившемся Бернду фон Браухичу, адъютанту главнокомандующего Люфтваффе. Его собеседник не понял и трижды переспросил — сынок бывшего главкома Сухопутных войск был туповат и наверняка не совсем трезв. Николаус фон Белов обругал его грязными богохульствами, лишь после этого к телефону подошел сам рейхсмаршал. Он тоже не сразу поверил, заставил рассказать о происшествии подробно, затем переспросил:

— Oberst, вы уверены, что фюрер мертв?

В комнату связи как раз ворвался обезумевший Фриц Даргез, хрипло требовавший связать его с рейхсфюрером СС.

— Рейхсмаршал, здесь штандартенфюрер Даргез, он знает точно, — громко произнес фон Белов и продолжил шепотом: — Фриц, это точно, что фюрер...

— Да, точно, я сам щупал все артерии! — простонал штандартенфюрер. — Фюрер погиб, мы все погибли, это конец!

— Рейхсмаршал, штандартенфюрер Даргез подтверждает. Фюрер убит при взрыве бомбы, я сам видел, как он умирает. Генерал Кортен убит на месте. Рейхсмаршал, здесь не осталось ни одного живого генерала, кроме Фельгибеля. Вы должны немедленно приехать и принять командование.

Геринг заверил взволнованного адъютанта, что немедленно отдаст необходимые распоряжения, затем осведомился, где в момент покушения находились Гиммлер и Борман.

Узнав, что обоих не было в бункере, рейхсмаршал неразборчиво выругался, потом велел оповестить обоих. Оберсту фон Белову было приказано следить за развитием событий, причем обо всех важных событиях сообщать в штаб Люфтваффе — фельдмаршалу Хуго Шперле или генералу Карлу Боденшатцу. Он также поручил фон Белову написать подробный рапорт и объявить, что новый начальник штаба Люфтваффе будет назначен в ближайшее время.

Повесив трубку на рычаг, фон Белов машинально посмотрел на часы — стрелки показывали 13.13. Рядом с ним орал в телефонную трубку Даргез, убеждавший Гиммлера, что его рассказ — не пьяная шутка и что Клаус Штауффенберг, покинувший бункер за пять минут до взрыва, бесследно исчез.

В момент покушения Гиммлер находился в своей восточнопрусской резиденции на озере Маурзее на расстоянии 25 километров от Растенбурга и приехал в ставку около двух часов дня. Полчаса тряски по грунтовым проселкам он потратил на обдумывание случившегося. Рейхсфюрер СС не был профессиональным полицейским и понимал, что не сможет провести полноценное расследование. Однако многолетнее руководство спецслужбами давало кое-какие навыки, поэтому он сумел сделать предварительные выводы.

Гиммлер почти не сомневался, что генералы, игравшие в заговор с довоенных времен, все-таки решили перейти от болтовни к делу. Главный вопрос заключался в том, ограничатся ли дело взрывом в бункере, или армейская верхушка набралась решимости совершить настоящий переворот. Война была проиграна, любой нормальный человек понимал: надо начинать переговоры с англосаксами, договариваться о прекращении войны, торговаться за границы по состоянию на осень или хотя бы весну 1940 года. Такие контакты налаживали и сам Гиммлер, и Геринг. В последние недели даже Гитлер соглашался, что нужно попытаться договориться с Вашингтоном и согласиться на вывод немецких войск с Британских островов, из Франции, даже с Балкан. Впрочем, покойный фюрер вполне резонно сомневался, что союзники согласятся разговаривать с Германией, пока он остается у власти.

Теперь, когда «наци № 1» выведен из игры, перспективы мирного прекращения войны становились вполне реальными...

Прибыв в ставку, Гиммлер первым делом приказал провести его к телу фюрера. Выстояв скорбную минуту над телом, он выслушал доклады офицеров, руководивших охраной ставки и успевших провести торопливое расследование. Оставалось все меньше сомнений: бомбу подложил изменник Штауффенберг, которого гестапо давно считало неблагонадежным офицером. Хотя весьма подозрительным выглядело и поведение двух адъютантов фюрера — Даргеза и Белова, которые по непонятным причинам покинули бункер буквально за минуту до взрыва.

На всякий случай рейхсфюрер приказал арестовать обоих, и лишь после этого — примерно в 14.20 — исправил свою оплошность и позвонил в Берлин начальнику РСХА обергруппенфюреру Кальтенбруннеру — он обязан был сделать это сразу же, как только услышал о покушении, но сначала растерялся, а потом решил перепроверить сообщение и лично убедиться в смерти Гитлера. Он сообщил шефу полиции безопасности о покушении, после чего потребовал немедленно вылететь в Растенбург во главе бригады опытных криминалистов и следователей гестапо.

О смерти фюрера Кальтенбруннер уже знал и сам принимал необходимые меры, еще полчаса назад приказав срочно сформировать следственную группу. Говорить об этом обергруппенфюрер не стал, и дал правдоподобный ответ:

— Мюллер отправит своих людей в самое ближайшее время. Я вылечу немного позже, надо обеспечить порядок в Берлине. Мне докладывают о странных передвижениях воинских частей, а в моем распоряжении только детективы с пистолетами и батальон Скорцени.

— Да, вы правы, — согласился Гиммлер, напуганный сведениями о передвижениях

войск. — Если это переворот, надо стянуть к столице войска СС, я отдам приказ...

Связаться со штабом войск СС не удалось, потому что начальник связи Фельгибель был причастен к заговору и успел отключить некоторые телефонные линии. Гиммлер начал нервничать гораздо сильнее, кричал на связистов, а сам подумывал вернуться на озеро, где ждали прекрасный телефонный узел и мощная радиостанция. С другой стороны, он не был уверен, что следует покидать ставку.

От этих мыслей рейхсфюрера отвлек рейхслейтер Борман, предложивший поговорить в его бункере. Гиммлер принял приглашение и, следуя за секретарем партийной канцелярии, не без труда скрывал улыбку, столь неуместную в сложившейся обстановке. Тема предстоящей беседы не вызывала сомнений: Борман торопился решить главный вопрос — о преемнике.

До последнего времени все нити управления Рейхом замыкались на одного человека. Лет десять назад была популярна шутка: дескать, партия национал-социалистов состоит поровну из националистов и социалистов, причем соединяет эту публику лишь черточка по имени Адольф Гитлер. Теперь же следовало срочно подыскать на замену столь же харизматичную фигуру — популярного в народе человека, который был бы прекрасным оратором, умелым государственным руководителем и опытным дипломатом, а также пользовался авторитетом в армии. Гиммлер и Борман прекрасно понимали, что ни один из них не удовлетворяет этим требованиям. Иными словами, новым вождем должна стать компромиссная фигура — кто-то послушный воле истинных правителей.

— Формально второй человек в партии — Геринг, — поморщившись, произнес Борман, едва вышел лакей, расставивший на столе кофейный прибор. — Как вы понимаете, толстяк Герман слаб и болен. Пора заменить его настоящим генералом на посту главкома Люфтваффе. Пусть Геринг остается верховным лесничим.

— Он давно потерял авторитет, — согласился Гиммлер. — Тот давний указ фюрера о назначении Геринга преемником утратил силу. Есть еще один претендент — Франц фон Папен, который формально числится вице-канцлером. Полагаю, этим дурачком можно пренебречь.

— Безусловно. Надо подумать о популярном генерале, лишенном политических амбиций, — рейхслейтер сделал паузу пытаясь прочесть мнение на лице собеседника. — Возможно, кто-нибудь из стариков — Рундштедт или Редер.

Усмехнувшись, рейхсфюрер СС одернул слишком ретивого творца истории:

— Генералов, лишенных политических амбиций, не существует в природе. Я бы остановил выбор на молодом военачальнике, который будет благодарен нам за доверие... Например, Роммель или Дениц. И, боюсь, нам придется учитывать мнение Геббельса.

После короткой дискуссии они пришли к согласию: еще раз обсудить вопрос при участии министра пропаганды и других руководителей партии, выбрать приемлемого кандидата, затем утвердить его на съезде НСДАП. При этом обязательно разделить главные посты: рейхсканцлера, рейхспрезидента и Верховного Главнокомандующего. Борман становился официальным руководителем партии, Гиммлер — единственным вождем СС.

— Тут у нас нет разногласий, — удовлетворенно резюмировал рейхслейтер. — Что вы думаете о покушении?

Гиммлер пренебрежительно поведал историю генеральской фронды. Покойный фюрер, которому он регулярно докладывал собранные гестапо данные, считал подготовку переворота несерьезным делом и не давал санкции на репрессии против заговорщиков. По мнению Гитлера, аресты Бломберга, Вицлебена, Бека, Гальдера и других известных военачальников могли вызвать недовольство и даже раскол офицерского корпуса. Поэтому Гиммлер санкционировал изоляцию лишь наиболее опасных участников заговора, которые были связаны с коммунистами.

По этому поводу Борман высказался уклончиво, но признал, что рейхсфюрер был связан приказами Гитлера. Весьма довольный достигнутым взаимопониманием Гиммлер вспомнил, что нужно переговорить с берлинским центром РСХА. Кивнув, Борман снял

трубку и буркнул: «Соедините с Кальтенбруннером». Гиммлер раздраженно подумал, что шеф полиции безопасности и начальник гестапо слишком тесно связаны с Борманом, а потому обоих следует заменить более лояльными сотрудниками. Внезапно он увидел, как лицо Бормана сделалось удивленным, и он переспросил, при чем тут дворец президента рейхстага. Дав отбой, он потребовал соединить с Геббельсом. Ответ из канцелярии министерства пропаганды привел его в бешенство.

Даже без объяснений Гиммлер понял, какую ошибку они допустили, решая судьбу Германии. Оба совсем забыли о человеке, не только носившем высшее воинское звание, но и сохранившем считавшийся утратившим значение пост президента рейхстага.

Согласно аксиоматике коллективного псевдосознания, широкая общественность историю знает очень и очень плохо. Для миллиардной массы потребителей основной источник знаний о грандиозных событиях прошлого — это слабо усвоенные и давно забытые школьные учебники, безграмотные телепередачи и, главным образом, опусы кинематографистов, жертвующих правдой во имя политкорректности, оживляжа и текущих идеологических штампов.

Неудивительно, что в конце XX века советские люди представляли себе обстановку в III Рейхе исключительно на основе киноэпопеи «Великая победа» и авантюрных телесериалов «Бомба для фюрера» и «Тринадцать моментов последней осени». Проще говоря, вражеские руководители представлялись бестолковыми клоунами, а Вермахт и СС — рвущейся в решительное отступление толпой хорошо одетых, но совершенно не умеющих стрелять дистрофиков.

Действительность была несколько иной.

Узнав о смерти Гитлера, рейхсмаршал Герман Геринг был так потрясен, что прошло несколько минут, прежде чем угасло волнение. Уже двадцать лет он был вторым человеком в партии, он привык выполнять приказы фюрера, соглашаясь даже в тех случаях, когда Гитлер бывал заведомо не прав. После смерти Гинденбурга он был объявлен преемником на случай, если Гитлер не сможет руководить страной, но интриганы вроде Бормана и Гиммлера небезуспешно настраивали фюрера против Геринга. В последние месяцы рейхсмаршал превратился в номинальную фигуру, от него требовалось разъезжать по городам и читать зажигательные речи, поддерживая боевой дух населения. Однако в глубине заплывшей жировыми прослойками души дремал герой воздушных боев прошлой мировой войны, боец партии, который возглавил колонну, идущую на штурм мюнхенского арсенала, и полный сил политик, за несколько месяцев создавший аппарат нового германского государства.

Теперь, когда не стало Гитлера, кто-то должен был возглавить дрогнувшую империю. Устремленный в вагонное окно взгляд стал твердым и безжалостным. Рейхсмаршал принял решение и был готов спасти охваченную кризисом Германию. Он распорядился немедленно двинуть поезд на Мариенбург, а сам поспешил в вагон, где была установлена рация. Берлинский штаб тайной полевой полиции Люфтваффе получил задание срочно разведать обстановку в столице, командиру расквартированного возле Мариенбурга авиасоединения рейхсмаршал приказал подготовить к полету трехместный Me-110 и эскадрилью прикрытия.

Геринг ничего не знал о вскрытом гестаповцами генеральском заговоре, но просчитать расклад сил оказалось несложно. Если убийство Гитлера стало первой стадией переворота, то организаторами могут быть либо военные, либо СС. В последнем случае Гиммлер и Борман наверняка скачут в одной упряжке. Так или иначе заговорщики имеют не слишком много сил в районе столицы. Берлинский гарнизон Ваффен СС был малочисленным, хотя Гиммлер мог использовать полицию. В распоряжении военных могла быть только Резервная армия, разбросанная по всему Рейху. Реально генералы смогут опереться лишь на танкистов из Вюнсдорфа и несколько юнкерских школ.

У самого Геринга войск было побольше — и не только училища Люфтваффе, но и авиабазы противовоздушной обороны с многочисленными подразделениями охраны, а главное — вокруг Берлина стояли полки парашютистов Курта Штудента. К тому же дивизия

«Герман Геринг», остановившая русские танки на подступах к Варшаве, отводилась для пополнения в тыл и сейчас располагалась в районе.

Как маловероятный вариант рейхсмаршал рассматривал возможность смерти Гитлера от руки террориста-одиночки. Однако и в этом случае предстояло занять Берлин верными войсками, чтобы помешать возможным авантюрам Гиммлера.

На мариенбургском аэродроме рейхсмаршала ждали первые рапорты из Берлина — полиция Люфтваффе установила, что штаб Резервной армии рассылает частям приказ о начале операции «Валькирия». Проще говоря, войска брали под охрану важнейшие объекты столицы — на случай высадки вражеского воздушного десанта. Не доверяя телефонным линиям, Геринг разослал несколько шифрованных радиogramм: тайной полевой полицией он приказал отслеживать все перемещения войск, Штуденту — ввести парашютистов в Берлин и взять под охрану перечисленные учреждения, даже если придется применить оружие против других подразделений Вермахта. Кроме того, всем частям Люфтваффе запрещалось выполнять какие-либо распоряжения штаба Резервной армии.

Истребитель домчал его до Берлина меньше чем за час. В половине третьего Геринг в штабе Люфтваффе принял рапорты подчиненных и составил представление о происходящем. Как он и предполагал, личный состав гарнизона не был посвящен в планы заговорщиков и лишь дисциплинированно выполнял приказы. Танкисты же и вовсе взяли под охрану свой штаб на площади Фербеллин, и генерал Болбринкер объявил, что будет подчиняться только инспектору бронетанковых войск генералу Гудериану. Занятая солдатами Штудента радиостанция была готова передать обращение нового главы Рейха, парашютные подразделения начали выдвижение, чтобы блокировать штаб Резервной армии на Бендлерштрассе.

Спустя полчаса Геринг вошел в главную свою резиденцию — дворец президента рейхстага. Глава канцелярии доложил, что депутатам разосланы уведомления о назначенной на следующее утро сессии парламента. Ждавшие в приемной генералы Вермахта и руководители СС с почтением выслушали рейхсмаршала, который провозгласил:

— В сложившейся ситуации принимаю на себя всю полноту власти, как официальный преемник фюрера, президент рейхстага и старший по званию военачальник Рейха.

Он также вернул фон Браухича и Гальдера на должности главкома и начальника штаба ОКХ, а фельдмаршала Бломберга назначил командующим Резервной армии. Большим сюрпризом стал для всех отчет Кальтенбруннера о запрете рейхсфюрера СС принимать какие-либо меры против давно разоблаченных заговорщиков.

— Нам также запрещали докладывать о злоупотреблениях гауляйтеров и других руководителей среднего звена, — продолжал шеф СД и полиции безопасности. — Гиммлер говорил, что не стоит расстраивать фюрера.

Пришедший в ярость Геринг прорычал:

— Коррупция и предательство подточили наше государство! Мы не расстреляли ни одного генерала или гауляйтера, но это не значит, что их нельзя расстрелять! Бломберг, я надеюсь, что вы прекратите кровавые игры в заговор и снова станете верным солдатом Фатерланда! Кальтенбруннер, я знаю, что Адольф Гитлер доверял вам — с этой минуты вы становитесь рейхсфюрером СС. Предатели Гиммлер и Борман должны быть арестованы и преданы суду.

Такое решение понравилось всем. Одобрительно кивая, Гудериан осведомился:

— Скажите, рейхсмаршал, как вы намерены продолжать войну?

— Я намерен заключить мир, — сообщил Геринг. — По крайней мере, с западными демократиями. Завтра после сессии рейхстага я проведу совещание с министрами и высшими военачальниками. Нам придется избавиться от некоторых фигур, которые вызывают аллергию у врага.

Сразу после выступления рейхсмаршала по радио из окруженного штаба Резервной армии вышел оберст Бодо фон дер Гейде, сообщивший, что верные присяге офицеры арестовали мятежников: генералов Фромма, Бека, Хазе, Гёпнера и Ольбрихта, оберста

Штауффенберга и с десятков младших офицеров. Он также поделился подозрениями, что к заговору причастны военный комендант Берлина генерал фон Хазе, оберквартирмейстер генерал Вагнер, несколько генералов в Растенбурге и руководство полиции порядка во главе с группенфюрером Небе.

В тот же вечер гестапо арестовало больше сотни людей, причастных к заговору. На следующий день провозглашенный новым рейхсканцлером Герман Геринг подписал указ об амнистии, согласно которому из лагерей и тюрем вышли тысячи людей, включая лидеров левых партий.

8

Эти эксперименты считались самыми опасными, поэтому их проводили в горном ущелье на расстоянии нескольких миль от Лос-Аламоса. Утром 15 октября руководитель лаборатории доктор Отто Фриш приехал в главный офис, чтобы получить результаты вычислений. Передавая ему бумаги, Клаус Фукс озабоченно произнес:

— Скорее всего, это будет последний опыт. Новые данные по испусканию нейтронов позволяют весьма точно оценить критическую массу.

— Мы говорим просто «крит», — весело сообщил Фриш.

Огорченный беззаботностью его тона, Фукс укоризненно сказал, переходя на родной для обоих немецкий язык.

— Мой дорогой друг, вы должны позаботиться о безопасности. Пусть ваши помощники сделают устройство, чтобы передвигать полушария дистанционно.

Печально вздохнув, Фриш напомнил, что при плохом исходе нет большой разницы — будут ли экспериментаторы находиться в зале, за бетонной стеной или на расстоянии полусотни метров. Затем спросил, нет ли новостей из Германии.

— Новых боев не было, — радостно сообщил Фукс. — Но по радио сказали, что в городах начались столкновения и что СС готовят путч.

Оба физика бежали из Германии в 30-е годы, когда к власти пришли гитлеровские бандиты, и теперь они очень болезненно следили за новостями с родины. И доктор Фукс, и доктор Фриш страстно желали крушения нацистского режима, но хотели, чтобы военные бедствия как можно меньше затронули немецкий народ.

События осени вселяли надежду, что война близится к завершению. В середине сентября Красная Армия, завершив освобождение Югославии, вступила в Северную Италию, отрезав большую группировку Вермахта. Полтора десятка дивизий Роммеля капитулировали, и теперь север Италии был оккупирован советскими войсками, а юг — американскими.

В условиях охватившего Германию хаоса американцы 24 сентября выбросили дерзкий воздушный десант на Британию, в нескольких городах восстали полки марионеточного правительства, и остатки немецких оккупационных сил эвакуировались на континент.

Тем временем Красная Армия вторглась из Италии во Францию, молниеносным броском захватив Тулон, Марсель и Лион, а десант англосаксов и части Свободной Франции генерала де Голля захватили плацдармы в районе Монпелье и Бордо. Как сообщало радио, немецкое командование избегало больших сражений, лучшие дивизии выводились на территорию Германии.

В последний день сентября союзные правительства потребовали безоговорочной капитуляции, Берлин ответил отказом, и 2 октября Сталин начал большое наступление, Красная Армия буквально за неделю окружила главные силы Вермахта в Польше. Москва объявила на весь мир, что убито и взято в плен около миллиона немцев.

— Геринг и Геббельс побоятся капитулировать, для них капитуляция означает виселицу, — Фриш выглядел очень огорченным. — Значит, русские и янки окружают Германию со всех сторон и пойдут в наступление. Будет чудовищная бойня, погибнут сотни тысяч или миллионы людей. А если даже немцы сумеют отбиться, через полгода на них

сбросят наше детище. Конечно, наш народ сам виновен в этих бедствиях, но хотелось бы избавить немцев от катастрофы...

Подобные мысли преследовали Фукса не первый день, он смог лишь выразить робкую надежду, что политики проявят разум. Их разговор прервал грубый голос:

— Вот где собралась банда немецких шпионов!

Это была обычная идиотская шутка полковника Бориса Паша из армейской службы безопасности. Фукс даже не стал напоминать потомку русского белогвардейца, что чудом избежал нацистского концлагеря. Фриш, человек менее сдержанный, ответил резко:

— Скорее уж вы — русский шпион. Я сообщил в ФБР, как вы взломали мой стол и похитили секретные документы, а потом пытались обвинить меня в пропаже.

— Обычная практика проверки режима безопасности, — насупился Паш, вспоминая выволочку, полученную от агентов Джона Гувера. — Вас следовало проучить, чтобы хранили важные бумаги в сейфе, а не в столе. Собирайтесь, доктор Фриш, я отвезу вас в каньон и буду присутствовать при эксперименте. И вы, доктор Фукс, тоже поедете с нами.

— Ошибаетесь, русский шпион, — злобно прошипел Фукс. — Я должен ехать в Окридж.

Как обычно, разговор с контрразведчиком вывел из равновесия Клауса Фукса, который не любил подобную публику, действующую методами гестапо. Продолжая бормотать проклятия, он направился в свой кабинет, возле которого топтался венгерский эмигрант Эдвард Теллер. Парень был весьма талантливым физиком, но по взглядам почти не отличался от наци.

Увидев приближавшегося Фукса, Теллер поспешил навстречу, протягивая папку с бумагами.

— Доктор Фукс, вот последние вычисления по супербомбе, — заискивающе начал он. — Вы, как наш лучший специалист в области математической физики, должны посмотреть...

— Должен? — стараясь не показать неприязни, удивленно переспросил немец.

— Вас подключают к нашей группе, — радостно сообщил Теллер. — Оппенгеймер договорился с Гровсом.

Пожав плечами, Фукс пригласил юного наглеца в кабинет и бегло проглядел уравнения, исходные данные, схемы термоядерной реакции. Судя по грубым расчетам Теллера, новая бомба могла получиться на порядок, а то и на три мощнее, чем урановое чудовище, созревавшее в чреве Лос-Аламоса.

— Сейчас у меня нет времени, — проворчал доктор Фукс. — Я запру ваши бумаги в сейф, как наставляет полковник Паш, и внимательно изучу послезавтра, когда вернусь. Идите, Эдвард... Только скажите, зачем нужна супербомба? Ведь с нацизмом уже практически покончено.

— Не будьте ребенком, — фыркнул Теллер. — Впереди война с большевиками. Супербомба понадобится, чтобы выжечь красную заразу.

Выпроводив его, Фукс запер дверь кабинета, разложил на столе рукопись и — страницу за страницей — сфотографировал. Микропленку он присоединил к нескольким другим, упрятанным в ручку зонтика.

Победа нацизма в Германии окончательно превратила Клауса Фукса в убежденного коммуниста. Эмигрировав в Англию, он нашел способ предложить свои услуги советской разведке. Затем были бегство в Канаду, работа над британским атомным проектом и, наконец, командировка в Лос-Аламос. Здесь его нашел связник, и Фукс передал своим друзьям много важных сведений. Он бы очень удивился, узнав о количестве сотрудников проекта «Манхэттен», информирующих Москву. Некоторые, как и он, работали бескорыстно, из идейных побуждений, другие получали денежное вознаграждение.

Так или иначе в СССР быстро получали практически все результаты американских инженеров и ученых. Разработчики урановых и плутониевых зарядов на советских объектах отставали от американских коллег всего на год или два.

Вечером в упрятанной среди скал лаборатории закончились приготовления. Полковник не впервые присутствовал при подобных опытах и не видел заметных отличий от эксперимента недельной давности. Если верить ученым безумцам, каждое полушарие потяжелело на полфунта, но при громадной плотности урана вся разница не превышала кубического дюйма, то есть не была видна невооруженным взглядом.

Запивая бургер пивом, Паш раздраженно подумал, что понаехавшие из Европы физики просто морочат голову, вытягивая деньги из бездонных сейфов Военного ведомства. Все эксперименты, которые он до сих пор наблюдал, протекали совершенно одинаково. На металлический стержень были нанизаны два полушария — по уверениям физиков, эти игрушки были изготовлены из урана, который мельчайшими порциями изготавливался на заводе в Окридже. Подозрительный немец доктор Отто Фриш следил за приборами, а подозрительный канадец Луис Слотин, орудуя парой отверток, медленно заставлял полушария сближаться. В конце концов два полушария соединялись, превращаясь в шар. Начинали трещать и моргать неведомые приборы — якобы счетчики нейтронов, Фриш, Слотин и другие сотрудники лаборатории носили приборы вокруг урановой сферы, записывали что-то в журналы и с умным видом несли белиберду про сечения захвата и параметры рассеивания.

Паш давно подозревал, что Слотин был тайным коммунистом и, вероятно, русским шпионом. Не зря же этот парень в молодости поехал добровольцем воевать за испанских комми. Полковник твердо решил: если и сегодняшний эксперимент не даст результата, надо будет отстранить иностранцев и поручить дальнейшую работу проверенным американским инженерам. Он так и пригрозил: мол, если сегодня у вас не получится...

— Если не получится сегодня, повторим через неделю, — рассеянно буркнул Отто Фриш. — Луис, ты готов?

— Практически, — откликнулся Слотин. — Дай мне минуту.

— Через неделю меня здесь не будет, — сообщил контрразведчик. — Лечу в Европу. Моя новая задача — возглавить отряд рейнджеров и захватывать научные центры немецких атомщиков...

Он собирался добавить: дескать, молитесь, безбожный доктор Фриш, чтобы я не нашел там доказательств вашего сотрудничества с Гитлером. Произнести вслух угрозу полковник не успел, потому как Слотин громко сообщил:

— Начинаю.

— Вперед! — весело провозгласил Фриш. — Подергаем за хвост огнедышащего дракона!

Внешне ничего не изменилось по сравнению с прошлыми опытами. Однако в момент, когда расстояние между полушариями сократилось до фута с небольшим, Фриш с воодушевлением сообщил, что поток нейтронов заметно сильнее, чем регистрировалось до сих пор.

Выкрикнув: «Вау!» — Слотин сдвинул урановые блоки еще ближе и проговорил удивленно:

— Они разогреваются... Такого еще не было.

— Мы где-то рядом с Критом, — сказал немец. — Клаус был уверен, что сегодня мы добьемся успеха.

— Ну, не знаю, тут довольно горячо... — Слотин явно был растерян. — Попробую подвести полусферы на расстояние в один дюйм...

Он что-то сделал отвертками, два полушария приблизились друг к другу и вдруг засверкали ослепительным белым светом, как зеркала, отразившие лучи полуденного солнца. Полковника, стоявшего в двух десятках футов от установки, ошпарила горячая волна. Зажмурив глаза от нестерпимого сияния и шипя от боли, Паш успел услышать искаженный голос Фриша, кричавшего, что началась цепная реакция. Кажется, Слотин крикнул в ответ, что не может раздвинуть проклятые хреновины.

Больше Паш ничего не услышал и тем более не увидел. Как выразилась четверть века спустя (правда, по другому поводу) одна весьма умная дама, смерть приходит мгновенно. Тем более быстро она приходит в эпицентре.

По дороге в штат Теннесси доктор Фукс передал связнику микропленки и получил устную благодарность руководства. На вокзале в Окридже ученого ждали военные и агенты службы безопасности. Первым делом Клаус подумал, что разоблачен и сейчас его арестуют. Впрочем, за годы работы на разведку первой в мире социалистической державы он обрел немалый опыт, а потому был уверен, что ни при себе, ни в кабинете никаких улик не оставил. Разве что ФБР или армейская безопасность взяли связника...

Впрочем, встречавшие были взволнованы чем-то серьезным, а надевать наручники не спешили. Здесь был даже молодой, чуть старше тридцати, полковник Лансдэйл, возглавлявший службу безопасности всего Манхэттенского проекта. Фукса усадили в его машину и, когда колонна помчалась по шоссе, полковник начал расспрашивать о последних экспериментах в Лос-Аламосе.

Вопросы сыпались один за другим, физик едва успевал отвечать. Лансдэйла интересовало, сколько расщепляемых материалов находилось в Лос-Аламосе, где хранились уран-235 и плутоний, до какой стадии продвинулись исследования доктора Фриша. Наконец полковник осведомился, мог ли быть в сегодняшней серии опытов достигнут критический размер заряда.

— Почти наверняка это должно было случиться... — внезапно Фукс понял смысл прозвучавших вопросов. — Вы хотите сказать, что произошла катастрофа? Кто-то из людей пострадал?

Лансдэйл плотно сжал челюсти. По свирепому выражению лицо было понятно, что отвечать ему не хочется. Тем не менее после короткой паузы полковник процедил:

— Мы не знаем точно. Связь потеряна, как будто оборваны все телефонные провода. Несколько человек сумели вырваться из Санта-Фе, они рассказывают про ужасный грохот и шар огня, взлетевший над горой. Санта-Фе был охвачен пламенем, потом обрушился ураганный ветер, сметавший кирпичные дома и вырывавший с корнем деревья. В городке много погибших...

— Это был взрыв, — прошептал убитый горем Фукс. — Воздушная волна взрыва потекла вниз по склону и ударила по Санта-Фе... А что в Лос-Аламосе?

— Дорога на столовую гору завалена обломками, стала непроходимой. Армейские подразделения пытаются пробиться через завалы. С авиабазы «Уайт сэндз» послали самолет, пилоты доложили о пожарах и сильных разрушениях... Доктор, с меня требуют ответа начальник службы безопасности, военный министр и секретарь президента. Что я должен сообщить?

Как и многие немцы, доктор Фукс был сентиментален, однако, как многие физики и разведчики, успел стать циничным прагматиком. Обдумав ситуацию, он флегматично проговорил:

— Сообщите, что испытания прошли успешно. Поражающую способность заряда мы оценим, когда подсчитаем трупы.

9

На рассвете выпал снег. Днем пригрело, но ветки кремлевских елочек были покрыты белым узором. Стоя возле окна, Сталин слушал доклад Берии о результатах обследования ракетного полигона в Пенемюнде, захваченного морским десантом на прошлой неделе.

— Персонал готов сотрудничать, — говорил нарком. — Но все боятся, что СС вернутся. Просят защиты.

— Эвакуируем на курорт, — отсутствующим голосом произнес Верховный. — Подготовь места где-нибудь в Нижнем Тагиле, Минусинске... Что в Лос-Аламосе?

— Подтверждается, товарищ Сталин. При взрыве уничтожены все запасы урана и часть плутония. Американцам потребуется не меньше года для производства такого количества сырья. Много ученых погибло или ранено, в том числе двое наших людей. Руководитель работ профессор Оппенгеймер в тяжелом состоянии. Новым начальником назначен Нобелевский лауреат профессор Артур Комптон, который запустил первый реактор в Чикаго.

— Там остались наши люди?

— Сколько угодно, — Берия взмахнул руками. — Камикадзе, Чарльз, Млад, Аякс...

— Как только кончится война с Германией, полностью переключишься на новое оружие, — Сталин отвернулся от окна. — Подумай, как организовать госкомитет при Совнарком.

— Организуем. Кому сдать наркомат?

— Придумаем... Может быть, Мешику.

— Мешика я заберу с собой, он правая рука по ракетным и атомным делам. Я бы Богдана Кобулова предложил, но армянин после грузина — хорошо ли получится? Надо русского или украинца.

— Не думай о мелочах, — Сталин поморщился. — Абакумова назначим, все равно «Смерш» надо расформировать после войны. Амаяк Кобулов станет первым замнаркома. Богдан Захарович при Меркулове останется.

Подумав над неожиданным предложением, Берия остался недоволен, однако возражать не стал. Молотов и Маленков тоже промолчали — Хозяину виднее, кому доверить столь ответственный пост, а генерал Абакумов должен справиться.

Приближалось время переговоров. Спросив разрешения, Поскребышев запустил в кабинет военных. Один за другим зашли и сели за стол Жуков, Кузнецов, Рокоссовский, Конев, Шапошников, Егоров, Василевский, Антонов, Меркулов. Отдельной группой расположились руководители германского правительства в изгнании Эрнст Тельман, Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Эрнст Волльвебер и Фридрих Паулюс. Последними вошли прилетевшие из Ростoka представители Германии: генерал-фельдмаршалы Рундштедт и Клюге генералы Гальдер и Гудериан, а также старый знакомый фон Шуленбург, бывший посол в СССР, а ныне — экс-министр иностранных дел из более не существующего правительства Геринга.

— Сегодня мы проведем предварительные переговоры, — начал Молотов. — Завтра к вечеру в Москву придут американский госсекретарь и министр иностранных дел Англии.

Рундштедт отрывисто произнес:

— Послезавтра может исчезнуть предмет переговоров. Мы обязаны принять решение сегодня.

— Нам, русским, неудобно вести сепаратные переговоры, — равнодушно сообщил Сталин. — Существует соглашение с союзниками, запрещающее нам вести сепаратные переговоры. Лишь в случае крайней необходимости мы могли бы вступить в подобные переговоры с официальными властями Германского рейха.

— Никаких официальных властей Германского рейха не существует, — опустив взгляд, мрачно произнес Клюге.

Граф Шуленбург, лучше военачальников понимавший начатую Сталиным игру, добавил:

— Вы ведете не сепаратные переговоры с правительством враждебного государства. Здесь находятся военные парламентарии, речь идет о сдаче в плен небольшой войсковой группировки либо о совместных боевых действиях против общего врага. Для таких переговоров не требуется санкция Вашингтона или Торонто.

— Ну, если вопрос поставлен таким образом, это меняет дело, — согласился Сталин. — Действительно, мы не спрашивали разрешения союзников, когда принимали капитуляцию фельдмаршала Паулюса в Ростове. И когда Румыния повернула штыки против фашистов, мы тоже не ждали согласия из-за океана.

Болгарию, Италию, Венгрию он упоминать не стал и попросил гостей изложить предложения по существу дела.

Два фельдмаршала коротко описали положение в окруженной стране. Меньше недели тому назад, 20 октября, войска СС и перешедшие на их сторону части Вермахта захватили Берлин. По обвинению в измене были казнены президент рейхстага, многие депутаты, назначенные Герингом министры, а также фельдмаршалы фон Бломберг, фон Браухич, Вицлебен, Лист, Мильх и гросс-адмирал Редер. Убиты великие полководцы Гёпнер и Клейст. Вооруженные силы Германии раскололись. Путчистов удалось выбить из Берлина, так что теперь Совет военных командиров контролирует всю Силезию и Померанию. Свою лояльность совету выразил главком группы армий «Запад» фельдмаршал Модель, войска которого продолжают удерживать территорию от Парижа до исконных земель Рейха.

— То есть Эльзаса и Лотарингии, — уточнил фон Шуленбург.

Последнее замечание не могло быть случайным. Старый опытный дипломат намекнул, на какие послевоенные границы рассчитывает Совет Кригскоммандеров. Для того и проводятся переговоры: стороны называют свои притязания, а потом постепенно отказываются от некоторых.

— Примерно две трети Рейха оказались под властью безумцев, — продолжал Ключе. — Я имею в виду эсэсовских фанатиков Дитриха и Далюге. Они поднимают фольксштурм и «Гитлерюгенд», они направили во все пехотные дивизии подразделения СС, чтобы гнать солдат в бой под дулами пулеметов. Мы вынуждены просить у вас помощи.

В разговор опять включился фон Шуленбург:

— Вы, господин Сталин, говорили, что антигитлеровская коалиция ведет войну не против немцев, а против нацистов. Как видите, немцы... — он показал на своих спутников и на команду Тельмана. — ...Немцы готовы воевать против нацистов вместе с вами.

Отсидевший десятилетие в Гитлеровских застенках Тельман свирепо зыркнул глазом. Он слишком хорошо помнил времена, когда генерал Рундштедт, командовавший Берлинским гарнизоном, выводил на улицы солдат Рейхсвера, чтобы разогнать демонстрации левых партий, чтобы защитить штурмовиков-наци от рабочих дружин компартии... Сейчас-то постаревший волк поджал хвост и прибежал просить помощи у вчерашних врагов. Тельман плохо понимал, чего хочет Сталин, но невозмутимый вождь советских коммунистов явно вел свою хитрую игру. Впрочем, он уже переиграл противников на поле боя, наверняка одержит победу и в политической игре, где нет ему равных...

Вертя пальцами папиросную коробку, Сталин осведомился равнодушно, какими силами располагают военные группировки на территории Германии. Ответил ему Рундштедт, назвавший цифры, уже известные советской стороне: Совету командиров подчинялось чуть больше миллиона солдат и большая часть Люфтваффе, у нацистов было три танковых корпуса, хотя оставалось немного меньше личного состава. Еще тысяч семьсот находились в подчинении Моделя и до двух миллионов стояли по периметру германских границ, не примкнув ни к одной из сторон.

— Беда в том, что войска Зеппа и Далюге рвутся в бой, они считают нас предателями, — было видно, что Гальдеру нелегко делать такие признания. — Они готовы продолжать войну, воевать против всего мира до последнего немца. Те войска, которые подчиняются нашему командованию, морально сломлены. Офицеры и солдаты хотели бы поскорее закончить войну и не стрелять ни в русских, ни в немцев. В соединениях начался разброд, растет дезертирство, падает дисциплина.

Примерно то же самое творилось на фронте у нас в 17-м, — подумал Сталин. Поддержать бы их немного в блокаде — армия разбежится, страна развалится, и можно голыми руками брать. Но есть опасность, что эсэсовцы выиграют еще одно сражение, и тогда миллионы «фельдграу» примкнут к победителям. И перед нами снова встанет прежняя Германия, вдвое опаснее, чем прежде.

Спокойным голосом он произнес условия советской стороны: Совет командиров

признает верховной властью правительство «Свободной Германии» во главе с премьер-министром Тельманом, в таком случае Красная Армия поможет своим германским союзникам подавить фашистский путч. Кроме того, Совет командиров должен был отдать приказ о прекращении военных действий окруженным в Прибалтике войскам группы армий «Север».

— После победы фашистская партия, безусловно, должна быть запрещена, — продолжал монотонно перечислять Сталин. — Это требование согласовано между всеми союзниками. Уверен, что вы также хотите того же. Другое условие Объединенных Наций — Германия не может оставаться в границах, достигнутых в результате завоеваний. Через несколько лет после капитуляции в Германии должны быть проведены свободные выборы с участием всех политических партий — кроме тех, кто запятнал себя сотрудничеством с Гитлером. Мы видим Германию демократической и миролюбивой республикой, возрождающей давние традиции русско-немецкой дружбы.

— Это замечательно, — перебил его Ключе. — Какие границы вы считаете справедливыми для послевоенной Германии?

Вопрос был из самых главных. Черчилль предлагал вернуть Германию в пределы 1937 года. Формально это было справедливо, но немцы неизбежно обидятся, снова родится реваншизм, а там и новая война не за горами. К тому же Сталина всерьез волновала проблема Франции. Уже понятно было, что в придачу к двум Италиям после войны получатся две Франции: Франция де Голля и Франция Тореца. Очень важно было, чтобы Париж вошел именно в Восточную Францию.

— Австрия должна стать самостоятельным государством, — провозгласил Сталин. — Тем самым удовлетворяется требование о расколе Германской империи на Австрийскую и Германскую республики. Вопрос об Эльзасе и Лотарингии решится просто: фельдмаршал Модель сдает Париж советским войскам и отступает в Эльзас. В случае сдачи Парижа войскам де Голля мы не станем настаивать на сохранении германского суверенитета над Эльзасом и Лотарингией. Вопрос о Судетах и границе с Польшей должен рассматриваться с участием заинтересованных сторон.

Такое решение вполне устраивало генералов, Гудериан признался:

— После бомбардировки, уничтожившей Лейпциг, немецкое командование предпочитает иметь дело с Москвой, но никак не с англосаксонскими варварами. Нас, однако, беспокоит, согласятся ли западные страны с той договоренностью, которая достигнута сегодня.

— Согласятся, — успокоил его Сталин. — Они слишком заинтересованы в нашей помощи против Японии. До середины следующего года союзники будут согласны на все.

Оставался еще один вопрос, очень тревоживший господ генералов: они слышали, что решением Объединенных Наций многие немецкие полководцы будут объявлены военными преступниками. Сталин успокоил их, перефразировав покойного рейхсмаршала:

— Здесь я решаю, кто военный преступник, а кто — нет.

Они обсудили несколько технических моментов вроде передачи Советскому Союзу кораблей Кригсмарине, после чего Сталин предложил участникам переговоров отметить согласие небольшим банкетом. Спустя полчаса в штабы фронтов была отправлена шифрограмма — готовиться к совместным действиям с дружественными частями и соединениями Вермахта.

Перед рассветом в распоряжение бригады вышел пожилой крестьянин из деревни Мозердорф, а с ним — парнишка-белорус, которого еще два года назад угнали батрачить в Германию. Через этого пацана, неплохо говорившего по-немецки, крестьянин попросил не бомбить Мозердорф, потому что в их деревне эсэсовцев нет, только немного пехотинцев, да и те воевать не хотят, готовы сдаться, если русские обещают не убивать. Он добавил, что танковая часть СС стоит в соседней деревне Вайнау.

— Точно СС? — Часов прищурился.

Выслушав перевод, крестьянин — по-нашему, кулак, а то и помещик — закивал. Он уверенно пролопотал ответ, тыча пальцами в воротник своего пиджачка.

— Говорит, там много больших танков, — перевел парень-батрак — Солдаты в черном. На петлицах черепа. Наверное, эсэсовцы.

Войска СС, вопреки распространенной легенде, не носили черных мундиров. Черные комбинезоны вполне могли оказаться униформой обычной танковой части Вермахта, как и предупреждал тот разведчик. А череп на петлице — эмблема полка или дивизии.

— Это правда, что в вашей деревне совсем нет эсэсовцев? — спросил Часов у переводчика.

— Вроде как нету... Обычные солдаты с винтовками. Они сами боятся, просят у деревенских гражданскую одежду. Их с полсотни — мы считали, чтобы вам передать...

— Много там батраков из наших? — поинтересовался Заремба.

— Десятка три, пан офицер, — парень тарашился на погоны. — Поляки есть, хохлы, французы.

— Не жестоко с вами обращались? Били, убивали, голодом морили?

— Раньше случалось, не хозяин убивал — полицейские морды... — парень помялся. — А как пушки стали слышны, так сразу нам друзьями стали. Кормят не досыта, это да. Голодно, пан... товарищ командир.

— Ничего, скоро все по домам вернетесь, — Часов ободряюще подмигнул. — Скажи этому помещику, что бомбить не будем, если они стрелять не станут. Пусть идет, а ты оставайся.

— Не, я б тоже пошел. Дивчина там.

Полковник вопросительно посмотрел на замполита и начальника особого отдела. Лица обоих выражали сомнение. Часов сказал строго:

— Вернешься туда через часок. С нашими солдатами.

Он приказал Низкохату подобраться к Мозердорфу и, если противник не попытается оказать сопротивление, занять деревню. Вслед за разведчиками комбриг двинул танковую и мотострелковую роту.

Машины ушли. Всходило солнце, таял утренний туман. Офицеры напряженно поглядывали на рощу перед левым флангом. Там еще с ночи был выставлен дозор, и в любую минуту на выбегавшей из-за деревьев грунтовке могли показаться машины. Но никак не появлялись.

Сильно нервничавший Заремба, докурив третью подряд папиросу, сказал неожиданно:

— Вот чего я не ждал от немцев. Сами своих закладывают, подсказывают нам, куда стрелять. А у самого небось сыновья в армии служат или в тех же СС...

Прошедший двухнедельные курсы политработников майор Черкесиани объяснил, мол, немецкий народ был обманут фашистской пропагандой, опьянен легкими победами. А как получили по зубам под Смоленском, Ростовом и Минском, как стали получать ворохами похоронки, как начались бомбардировки — сразу опомнились. Скептически выслушав его политически грамотную речь, старший лейтенант Нечаев покачал головой. На вопрос, чего кривится ветеран, он ответил печальным голосом:

— Подлое они племя, мужики сельские. Я в отличие от многих из вас не слишком верю в союз рабочего класса и крестьянства — все-таки сам вырос в деревне, в семье сельского учителя. Ведь когда ваш Ленин отдал им землю, они сапоги красным комиссарам должны были целовать. Героически должны были сражаться, защищая вашу власть Советскую, которая бесплатно такой подарок сделала. Только хрен они за свою землю воевать пошли. Сидели по деревням, от мобилизаций уклонялись — хучь от красной, хучь от белой. Ведь должны были понимать, что Деникин вернет старые порядки, землю отымет, а все равно не шли в вашу армию. Да и Шолохов о том писал в «Тихом Доне», как мужичье черноземных губерний тысячами разбегалось из обеих армий. Дескать, дали нам городские землю — пусть теперь сами за нее воюют, а мы будем втридорога продавать хлебушек деткам да женам тех городских, которые за нашу землю живот кладут. И ладно бы хоть кормили ту армию,

которая их защищает, так ведь продотрядовцам животы резали, зерно в кровушку сыпали. Просто жутко вспомнить, как они городских в ту войну грабили — за мешочки муки и золото хапали и баб насиловали, а как поезда грабили... Думаешь, почему казаки мужиков шомполами воспитывали? Нет, не за службу красным, а за подлость и жлобство!

— Ладно, ладно, — хмуро перебил старика замполит Черкесиани. — Я тоже много мог бы рассказать про то, как у нас в горах бывало...

Тема действительно была затронута каверзная, на грани крамолы. Алексей — мало было переживаний насчет ожидаемых гостей — начал нервничать, как бы кто не расплел язык сверх допустимого, поэтому повысил голос, предложив товарищам офицерам вернуться к непосредственным обязанностям. Даже поторопил замешкавшегося майора из новых, не без труда припомнив фамилию:

— Можете идти, Шовкунов.

Он принял часть в середине октября, сразу после выпуска из академии. Белорусские фронты заканчивали Варшавско-Краковскую операцию, и 1-я гвардейская танковая бригада прорыва, пройдя с тяжелейшими боями больше двухсот километров, потеряла три четверти машин и треть личного состава. Комбриг Барчуков погиб, когда отбивали контратаку «Викинга» южнее Катовице. Исполнявший обязанности командира Сазонов передал Часову две дюжины потрепанных танков, они отступили на десяток километров, но поймали в засаду кампфгруппу эсэсовцев, поджарив в огневом мешке целый батальон «королевских тигров».

В этих сражениях polegло множество боевых друзей, которых Алексей знал еще по Монголии, Финляндии, Турции. Веремей, Супрунов, Литвин, Чеботарь, Шабрин, Рябченко, Герасимов, — их лица стояли перед глазами как укор совести. Казалось, ребята говорили: где ты был, с тобой бы мы остались в живых... А буквально за день до возвращения полковника в часть сгорел его танк — погибли ставшие ближе родни Майдебур, Коротков и Горшин, а с ними — молоденький лейтенант, командир машины, про которого говорили, что парень был отчаянной храбрости и отличный танкист. И генерала Краснобородова смерть нашла, и Гористова с Асватуровым — всех накрыла одна бомба, угодившая в блиндаж.

Бригадная мастерская подлатала часть танков, оставленных на польских дорогах, заводы в Ленинграде, Челябинске и Нижнем Тагиле прислали полсотни новеньких ИС-2, начали возвращаться раненые из госпиталей, но сердце болело от воспоминаний по тем, кто не вернется. Стиснув зубы, Часов готовил бригаду, состоявшую теперь из двух танковых полков старого — по 46 машин — штатного расписания, а также мотострелкового и самоходного полков. Пополнение прибывало поровну из ветеранов и совершенно необстрелянных пацанов. Хорошо хоть не посылали в гвардию призывников из Западной Украины, которым доверия было немного. В общем, бригада восстановила силы, но учения удалось провести лишь в ротном звене, а батальоны и полки придется закалять уже в бою. Одна лишь надежда, что комбаты — народ испытанный, все провели на фронте не меньше двух лет. Вчера под вечер закончили навешивать на броню кустарные противокумулятивные экраны из тонких листов стали...

— Едут, товарищ полковник!

Вскинув голову, Часов увидел появившиеся из леса броневики — БТР-45 и немецкий четырехколесный. На всякий случай в кустах засели автоматчики, но немцы не стали шалить. Из броневомобиля вышли три офицера и зашагали по травке, рядом с ними шли наши — полковник Трифонов из разведотдела армии со своей командой.

Еще издали Часов разглядел на одном немце генеральскую шинель. Вблизи другие двое оказались знакомыми личностями — гауптман Зиберт и — щедра военная судьба на неожиданности — приятель с довоенных времен.

— Познакомьтесь, — сказал Трифонов. — С вами будут вести переговоры командир корпуса генерал-лейтенант Задонский и командир танковой бригады полковник Часов. А это — наши новые союзники: командир дивизии генерал-лейтенант Ханштайн и командир отдельного танкового полка полковник Бутов.

Зиберта разведчик не представил — очевидно, капитан входил не в немецкую, а советскую команду.

Пока шли в штабную избу, Часов осведомился вполголоса, насколько укомплектован полк фон Бутова. Тот — тоже негромко — сообщил, что у него примерно половина штатной численности — сорок «тигров» разных модификаций, а также с полсотни легких. В пехотной дивизии, добавил оберст, много дезертиров, осталось в строю тысяч шесть штыков.

— Твой личный состав готов драться? — снова спросил Алексей.

— В бой не рвутся, но все понимают, что за свободную Германию придется воевать нам, немцам.

Сделав страшные глаза, Трифонов погрозил Часову кулаком. Танкисты хором ответили: мол, давно знакомы. Разведчик буркнул что-то весьма неразборчивое на матерном диалекте великого и могучего, но развивать эту тему не стал.

В штабе расстелили на столе две — нашу и немецкую — карты масштаба 1:5000. Позиции сторон на обеих были нанесены весьма точно, различаясь лишь в деталях. Разве что расположение частей СС в глубине обороны немцы нанесли точнее, чем наша разведка. На карте Ханштайна были обозначены позиции дивизии СС «Лейбштандарте Адольф Гитлер» — в 8–9 км от переднего края советских войск. Выше северной границы карт, по сведениям воздушной разведки, стояли английская и французская дивизии СС — «Кинг Артур» и «Шарлемань».

За новых союзников говорил оберст фон Бутов — видимо, генерал Ханштайн доверял знавшему русский язык танкисту, Гюнтер честно признался, что больше всего их беспокоит 1-я мотодивизия СС, которой прежде командовал сам Большой Зепп, а теперь — бригадефюрер Вильгельм Монке.

— Если покончить с этим соединением, то англичане и французы не составят большой проблемы. Дальше к востоку держат оборону авиаполевая дивизия, белорусская гренадерская дивизия и дивизия власовцев. Авиаполевая дивизия укомплектована стариками, они сильного сопротивления не окажут, а вот коллаборанты...

— Это в полосе другой армии, — прервал его Задонский. — Что вы скажете о дивизии «Гитлер»?

По сведениям фон Бутова, в составе «Лейбштандарте» было не меньше 12 тысяч штыков, до 60 «пантер» и штурмовых орудий, а также рота «тигров». Этой ротой командует знаменитый гауптштурмфюрер СС Виттман, награжденный дубовыми листьями и мечами к Рыцарскому кресту. Дивизия считалась — и не зря — одним из самых боеспособных соединений Германии. Нейтрализовать эсэсовцев возможно лишь многократно превосходящими силами.

— По тяжелым танкам мы сильнее в полтора раза, а с вашими «тиграми» — в два, — сказал Серафимов, привычно считавший «пантеры» тяжелыми танками. — По личному составу — тройное превосходство, по артиллерии — пятикратное. Кроме того, на мой корпус работает авиадивизия — штурмовики, бомбардировщики, истребители. Значит, наша ближайшая задача — выйти к деревням Цоллербах и Боймаркт, развернуть артиллерию и обходить позицию «Лейбштандарта» с востока, вдоль реки.

Недоуменно слушавший чужую речь генерал Ханштайн забеспокоился и потребовал объяснить, о чем идет речь. Выслушав перевод Зиберта, он сделал надменное лицо и произнес длинную тираду. Гюнтер повторил за ним по-русски:

— Генерал обижен, что вы не принимаете в расчет его дивизию. Это солдаты, которые остались в строю и готовы сражаться за будущее Германии. Генерал не хочет, чтобы в первый же день немцы стреляли в немцев. Он пропустит ваши войска через свою полосу, а дивизия совершит марш на Гротвелль и обеспечит оборону моста, который понадобится вам завтра для развития наступления.

— Ну, примерно на такое взаимодействие мы и надеялись, — пробормотал комкор и посмотрел на фон Бутова. — А вы, полковник? Ваша часть тоже не будет стрелять?

— Генерал не отказывается воевать, — хмуро проговорил Гюнтер. — Он не хочет

первым начинать гражданскую войну. Вы должны завязать бой. А мой полк будет воевать уже завтра, у нас давние счеты с Ваффен. Мы должны деблокировать наших товарищей в Хемнитце.

— Отлично, полковник, только не завтра, а сегодня, — уточнил Серафимов. — Мы начинаем через час. Слышите?

Над ними проходили гудящие моторами эскадрильи.

Заремба стал настоящим мастером танковой тактики — просто идеально назначил маршруты и порядок выдвижения. Пока авиация обрабатывала позиции эсэсовцев, а дивизия Ханштайна уходила из Вайнау на северо-восток, 1-я гвардейская сосредоточилась на полях и в рощах к северу от Мозердорфа. В 11.00, когда холмы и деревья скрыли из виду немецкую колонну, а к танкистам подтянулись стрелковые батальоны, штаб армии приказал начинать. Как положено, первыми отправились в дорогу разведчики, за ними втянулись в марш танковые батальоны. Бригада шла по двум дорогам, правее двигался полк фон Бутова.

Машина комбрига возглавляла колонну, впереди пылило лишь передовое охранение — танковый взвод и рота на БТР-45. Дважды вспыхивали короткие перестрелки с патрулями эсэсовцев, но задержать стальную лавину небольшие группы противника не могли. Картина прямо по курсу радовала — там продолжалась бомбежка, но вот грунтовая дорога справа заставляла нервничать — непривычно было видеть, как совсем рядом идут «тигры». Черт его знает, что на уме у фон Бутова и какой финт выкинут союзнички, когда начнется бой. «Надо было приставить к нему заградотряд», — снова подумал Часов, хотя и весьма смутно представлял, какой заградотряд сумеет остановить громадные немецкие машины.

Для парирования неожиданностей полковник держал при себе роту автоматчиков Негуляева, самоходный арtpолк Раппопорта и батальон майора Зайцева, в который собрал самых опытных бойцов. Дюжина тяжелых самоходов ИСУ-152, шесть бронетранспортеров и восемнадцать ИС-2, включая командирский танк. Немалая силища, но в бою против лучшей вражеской дивизии ни в чем нельзя быть уверенным.

Часов опять посмотрел направо — на расстоянии примерно трех километров аккуратной вереницей ползли недавние враги. Взгляд влево показал, что дороги, по которым шли на север колонны его бригады, сближаются. Чуть дальше раскинулась на холмах роща. Здесь левая грунтовка раздваивалась: главная дорога огибала скопление деревьев, а боковое ответвление уходило в рощу. Впереди коптила небо горящая деревня Цоллербах, на подступах к которой лейбштандартовцы наверняка оборудовали хоть какую-то оборону.

— Рязань, будь начеку. Эта роща — удобное место для засады, — предупредил Алексей комбата Шовкунова, возглавлявшего полковую колонну Бедулина, и переключился на волну Низкохата. — Хабаровск, жду новостей.

— Мурманск, я — Хабаровск, — откликнулся командир разведроты. — Стою на Огурце. Сразу за железной дорогой — пашня, огороды, слева, на хуторе, крепкое хозяйство, парочка сараев для скотины, сенокосилки попрытаны, звери в скирдах.

Схему местности Часов помнил, так что представил себе обстановку, не заглядывая в карту. Разведчики расположились за высотой Огурец, в трех километрах южнее разбомбленной деревни. Между высотой и Цоллербахом, сразу за речкой, противник оборудовал опорный пункт, хутор на левом фланге превращен в крепкий узел обороны с двумя дзотами. Оборона усилена противотанковой артиллерией и танками, замаскированными под стоги сена-соломы. Он приказал Березе — командиру передового отряда капитану Полухину — закрепиться на рубеже вправо от Огурца, а Сосне — полку Сазонова — выдвигаться на тот же рубеж.

— Командир, меня обстреливают! — хлестнул по перепонкам вопль Шовкунова.

Взгляд влево подтвердил, что комбат прав: два ИСа горели, затем на глазах комбрига запылал еще один. Кто-то расстреливал колонну в борт, и этот кто-то мог прятаться только в роще, о чем Алексей предупреждал Шовкунова еще десять минут назад, но заносчивый и обидчивый майор из бывшего барчуковского полка не принял мер предосторожности.

Узнав об измене Ханштайна и прорыве русских танков, бригадфюрер Монке выдвинул тяжелую танковую роту в рощу, лежавшую на вероятном маршруте противника. Незадолго до полудня командир роты гауптштурмфюрер Михаэль Виттман, стоя на башне своего «тигра», увидел на дороге облако пыли. В голове вражеской колонны шли бронетранспортеры, за ними, отставая на километр, спешили тяжелые русские танки. С этими машинами танкисты «Лейбштандарте» уже имели дело под Минском и возле озера Балатон. Во встречном бою «сталинские мамонты» были практически равны «тиграм», но теперь они подставили борт, а по скорострельности немецкие танки имели почти двойное превосходство.

Стоявший рядом наводчик обершарфюрер Балтазар Волль по прозвищу «Бобби», также получивший Рыцарский крест из рук предательски убитого фюрера, злобно прорычал:

— Они ведут себя так, словно уже выиграли войну.

— Сейчас мы покажем большевикам, что они ошибаются, — флегматично ответил Виттман.

По его приказу замаскированные зелеными ветками «тигры» медленно проползли между деревьями к восточной границе рощи. Русские машины двигались совсем близко, на расстоянии каких-нибудь 500–600 метров. Пропустив колесные и гусеничные броневики разведчиков, Виттман приказал открыть огонь по танкам. Как всегда бывает, далеко не каждый снаряд попадал в цель, но ИСы загорались один за другим. К моменту, когда неприятельские командиры поняли, что происходит, и начали отвечать, было подбито не меньше десятка ИСов, причем шесть горели, а один даже взорвался.

Большевики поспешно разворачивали свои машины в сторону рощи, подставляя под выстрелы толстую лобовую броню, впрочем, с такой короткой дистанции немецкие снаряды поражали «мамонты» и в лоб. Ответный огонь русских получался не слишком эффективным — вражеским наводчикам непросто было разглядеть «тигры» среди деревьев.

После пятиминутной перестрелки, когда пламя охватило одиннадцатый ИС и был поврежден первый «тигр», русский командир догадался отвести свои машины, чтобы укрыться за корпусами подбитых танков. Одновременно полтора десятка танков ИС-2, замыкавших колонну и не попавших под обстрел, сошли с дороги и на большой скорости ринулись на западную оконечность рощи. Виттман немедленно бросил навстречу противнику взвод оберштурмфюрера Гердера. При этом было件нятно, что Гердер опоздает — обоим подразделениям предстояло пройти около километра, но русские двигались по ровному полю втрое быстрее, чем «тигры», которые едва обгоняли улиток, маневрируя между деревьями.

Теперь бой шел примерно на равных, и начало сказываться численное преимущество большевиков. Оставив три танка на месте и предупредив командира взвода, чтобы почаще менял позиции, гауптштурмфюрер во главе отряда из четырех «тигров» совершил короткий марш-маневр к северу и, вырвавшись на полной скорости из рощи, устремился к дороге, наваливаясь на голову русской колонны, которая сейчас превратилась в правый фланг. По его подсчетам, вражеская часть состояла примерно из 40–50 машин, из них 15 были подбиты, примерно столько же завязли в роще, то есть ему противостояло 10, от силы 20 сильно растянутых по фронту ИСов. Виттман не сомневался, что сумеет расправиться с ними, прогулявшись стальными граблями вдоль дороги, а потом вернется в рощу и покончит с остальными. К тому же со стороны Цоллербаха подтягивался батальон «пантер», за которыми бежали группы гренадеров.

Виттману повезло, что майор Шовкунов не вполне соответствовал должности командира полка. Однако танкистом он был от бога, и мало кто в Красной Армии мог бы тягаться с ним по части стрельбы из пушки Д-25.

Танк Шовкунова был поврежден на третьей минуте боя. Вражеский снаряд не пробил лобовую броню башни, но удар болванки вызвал облако вторичных осколков, поразивших командира, наводчика и заряжающего. Шипя от боли в многочисленных мелких ранках,

майор уложил на пол тяжело раненного наводчика, сам навел орудие и нажал электроспуск. Устройство не сработало — видимо, было повреждено. Подкорректировав прицел, Шовкунов вдавил сапогом педаль механического спуска...

Первый же русский танк — во время движения он был головным — неожиданно метко вцепил тяжелый снаряд в машину штурмшарфюрера Вилли Флаха. Выстрелить второй раз русскому не позволили — три «тигра» расстреляли «мамонт». В следующую секунду страшный удар потряс танк Витмана. Огромный снаряд проломил борт «тигра» и разорвался внутри башни, после чего сдетонировали боеприпасы. Обломки покореженного металла и горячей органики раскидало в радиусе стометровки, и только ходовая часть, подобно курице с неловко отрубленной головой, проползла несколько метров, прежде чем остановиться навсегда.

Противник засел в роще, — в этом Алексей не сомневался. Атаковать с фронта укрытые за деревьями танки не имело смысла — немцы, как в тире, перестреляют наступающие по ровному полю машины.

— Обхожу с севера, — объявил он по радио. — Омск, ударь слева. Сосна, продолжай движение, поддержишь Березу.

Железный мужик подполковник Бедулин, позывной — Омск, немедленно бросил батальон на дальний край рощи. Сам же Часов во главе ударной группы взял правее, охватывая позицию вражеских танков. Его машины прошли почти половину расстояния между сходящимися дорогами, когда Озеров, успевший уйти вперед на пару километров, сообщил:

— Мурманск, я Ростов. Из леса вышли несколько «тигров», идут на тебя. Штук пять, не больше.

То ли немецкий командир унюхался кокаина и решил устроить встречный бой, то ли не разглядел за дымом и пылью вторую танковую колонну и пытается наглой атакой охватить с фланга и добить отряд Шовкунова. В любом случае он нарвался на орешек не по зубам. Оглядев местность, Алексей скомандовал:

— Машины в линию, как позавчера на тренировке. Я в центре. Стрелять с места, не подпускать «тигров». Пехоте держаться в трехстах метрах сзади.

Справа и слева от командирской машины развернулись обе роты Зайцева, промежутки между танками заняли самоходки, вооруженные шестидюймовыми пушками-гаубицами. Четыре «тигра» показались за облаками пыли, перемешанной с дымом, один тут же загорелся, «тигры» залпом ударили по танку Шовкунова, и в этот момент открыл огонь самоходный полк. Часов и остальные танкисты не успели сделать ни одного выстрела — атакующую группу противника смело на хрен первым же залпом дюжины ИСУ-152.

Бедулин докладывал, что ведет бой в лесу, и противник, потеряв одну машину, отходит. Поскольку Шовкунов погиб, Алексей поручил командование остатками батальона замполиту Черкесиани, и бригада продолжила движение на промежуточный рубеж, где уже разгорался бой — на мотострелков и разведчиков начинали атаку до батальона эсэсовской пехоты при поддержке двух десятков «пантер» и штурмовых орудий. Не было времени ждать, пока подтянутся стрелковые полки с артиллерией, поэтому Часов вывел танки перед залегшими автоматчиками, затеяв огневую дуэль с танками.

«Пантера» была зверем не менее опасным, чем «тигр», потому как броню этой хищнице наварили потолще. Снаряды ИСов пробивали Pz.V в лоб с дистанции не больше 600–700 метров. Часов еще раз матерно радировал всем подразделениям, чтобы не рвались на подвиги, а стреляли с места, из-за укрытий. Оскольно-фугасным — по пехоте, бронебойным — по танкам, а потом снова и так до самого конца. Как говорится, круглое кати, плоское тащи, а больше ничего придумывать не нужно.

В этом тяжелейшем бою сошлись противники, не желавшие уступать. Обеим сторонам нужна была лишь победа и уничтожение врага. С обеих сторон подходили подкрепления и прямо с марша отправлялись в огонь. Танковая башня медленно проворачивалась,

нащупывая следующую мишень, и пушка с грохотом, взметая перед машиной облако грунта и пыли, выбрасывала снаряд.

Первую атаку эсэсовцев удалось отбить огнем, но во второй раз танки и пехота фашистов, не считаясь с потерями, ворвались на передний край мотострелков. В ход пошли штыки, гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Исход был решен вовремя подоспевшим стрелковым полком — выпрыгивая из грузовиков, красноармейцы повзводно бросались в рукопашную. Последний удар нанесли две стрелковые роты, ударившие в штыки на правом фланге. Поредевшие цепи «Лейбштандарте» начали отходить, отстреливаясь и оставляя на поле сотни трупов и горящие танки.

Приказав Озерову и командиру стрелкового полка быстро привести в порядок подразделения, Часов вместе с Зарембой и пехотными командирами приняли решение взять Цоллендорф до темноты, то есть и не ждать подхода всех сил дивизий. Немцы окапывались перед деревней, а каждый дом и сарай наверняка были превращены в доты, но в башнях «пантер» стояли хитрые приборы ночного видения, так что в темноте противник получил бы слишком опасное превосходство. Комдив генерал Яковенко, без энтузиазма согласившись на такую авантюру, послал все грузовики за отставшим на марше полком и приказал ускорить стягивание артиллерии.

Артподготовку провели в полсотни стволов калибром от 76 до 152 мм. Чтобы усилить удар, Часов повел в бой всю бригаду, выстроив танки в две линии, а третьей линией пустил самоходы Раппопорта и СУ-100 приданного дивизии противотанкового полка.

Снова началась мясорубка. Немецкие пушки: танковые, самоходные и буксируемые, — били из-за укрытий, которых в деревне хватало даже после бомбежки. Для таких целей годился любой кирпичный сарай или забор. Гренадеры тоже не спешили убегать от катившегося на них вала стали и пехотных цепей, они умирали в своих окопах, но продолжали стрелять до последнего. Оставив на южном берегу шесть машин, 1-я гвардейская бригада форсировала речушку и расстреливала осколочно-фугасными траншеи и стрелковые ячейки лейбштандартовцев, а тем временем за ИСами накапливались пехотные отделения.

Тяжелые снаряды танковых орудий перепахивали окопы, разваливали капитальные деревенские постройки, ломали бетонные колпаки пулеметных гнезд, полковая и дивизионная артиллерия забрасывала противника градом осколочных и шрапнельных боеприпасов. За эти четверть часа огневой дуэли на ближней дистанции были подбиты еще несколько ИСов и самоходов, а с вражеской стороны были выведены из строя лишь три или четыре «кошки». По подсчетам Алексея, теперь семидесяти советским танкам и самоходкам противостояло вдвое меньшее число немецких, в пехоте превосходство наступающих было примерно трехкратным.

Начинало темнеть, стали видны огненные зарницы на северо-востоке, в районе деревни Боймаркт. Вероятно, где-то там вступил в бой полк фон Бутова. Больше тянуть было нельзя — скоро наступит ночь, союзница «пантер». И хотя задержалась на марше бригада Смирнова и не подошли два батальона пехоты, Часов и Шевчук приказали начинать штурм.

Теряя машины, линия танков приблизилась к окопам метров на сто. Пушки и пулеметы били в упор. Яростно кричащие красноармейцы обогнали стальные «мамонты» и бросились в атаку не слишком стройными рядами, да и некому было подравнивать цепи в такой кутерьме. Солдаты исчезли в траншеях, следом накатывались новые цепи, хотя из деревни шел плотный огонь из всех видов оружия — от пистолет-пулеметов и штурмовых винтовок до минометов и противотанковых пушек.

Обнаружив фланкирующую позицию, где засело до взвода пехоты с пулеметами, Часов не выдержал — сам стал к прицелу и положил один за другим два снаряда точно в окопы. Едва замолчали огневые точки этого опорного пункта, залегшие было красноармейцы снова поднялись и ворвались в деревню, выкуривая grenадеров из разрушенных до самого фундамента домов. Удовлетворенно матюгнувшись, Часов велел мехводу переместиться за подбитый танк, а заряжающему — подать бронебойный снаряд. Из-за стены обвалившегося

сарая нагло выглядывала пантерья морда, и полковник с наслаждением всадил болванку в борт башни. Когда рассеялся дым взрыва, оказалось, что башня валяется где-то в стороне.

— Еще бронебойный, — азартно крикнул Алексей в переговорник, а затем скомандовал по рации: — Зайцев, Негуляев, за мной!

За ним пошли всего восемь ИС-2 и четыре БТР-45 — остальные исчезли в адской мясорубке. Промчавшись через открытое пространство, машины ворвались на окраину деревни. Справа, огораживая чьи-то владения, тянулся длинный каменный забор в человеческий рост, а слева раскинулся обширный пустырь с немногочисленными постройками. Навстречу ползли две «пантеры», успевшие подстрелить один бронетранспортер, прежде чем были растерзаны танковым залпом. Еще какие-то пушки стреляли из-за сараев в километре впереди, но с такого расстояния ИСу никто не представлял угрозы.

Развернув башню стволом назад, Алексей ударил носом корпуса по каменной стене, проломил кладку и оказался в саду, где в сотне метров притаился за домом танк «пантера», стрелявший по наступающим и неуместно развернувший корму в сторону полковника Часова. В стволе был осколочно-фугасный снаряд, однако при стрельбе в упор это уже не имело значения — «пантеру» разнесло в клочья.

— Мурманск, я Витебск, — сказал в наушниках обеспокоенный голос майора Зарембы. — Мы тут майора взяли в плен. Штурмбаннфюрера. Эта сволочь кричит, что сейчас подойдет полк с танками из Хемнитца и расправится с нами. Здоровый бугай, еле успокоили втроем.

В том направлении выдвигался полк фон Бутова — Гюнтер и Ханштайн собирались деблокировать части Вермахта, окруженные эсэсовцами в городке Хемнитц.

— Направь туда Макара, — сказал полковник.

Бой продолжался. Шевчук все-таки подтянул отставший полк и атаковал деревню с другой стороны. В восемь вечера Цоллендорф перестал существовать, превращенный в толстый слой битого камня. Остатки полка СС и не больше дюжины танков отошли на километр, закрепившись на линии высот к северу от деревни. Шевчук разметил участки для полков и приказал окапываться. Стрельба на северо-востоке прекратилась, разведка Низкохата сообщила, что видит бой между «тиграми» и «пантерами».

Около половины десятого эсэсовцы открыли бешеную пальбу из гаубиц и минометов, после чего снова пошли в атаку — редкими цепями, под прикрытием немногих оставшихся танков. «Пантеры», STUGи и «наскорны» были расстреляны еще на подходе в трепещущем зареве осветительных «люстр», но пехота ворвалась на позиции. Фанатики шли убивать и убивали, невзирая на смертельный огонь. Это были уже не люди, а испорченные машины для убийства и разрушения. Потеряв две трети личного состава, эсэсовцы сбили с позиций один полк и закрепились в его окопах. А с севера поднялась еще одна группа — сотни три роботов-убийц при нескольких танках.

Шевчук и его офицеры с пистолетами в руках остановили отступавших. Комдив орал, что они не солдаты, а черт-те что, если не удержали этих тварей.

— Нелюди это, товарищ генерал, — дрожащим голосом ответил, потупив голову, солдат. — Я с первого месяца в бою, но такого не видел. Их убиваешь, а они идут. Добивают наших раненых и прут на пули, как вурдалаки.

— Мы и раньше знали, что с нелюдями воюем, — резко выкрикнул Шевчук — Вернитесь туда и убейте их всех. Часов, твои железки готовы?

— Сажайте народ на броню, — сказал Часов. — Кого железом не задавим, тех вы постреляйте.

Артиллерия дивизии накрыла огнем вражеские батареи за холмами, и полсотни танков с десантом поползли возвращать оставленные позиции. Эсэсовцы не отступили и не сдавались, дрались до последнего патрона, последней гранаты, последнего гренадера. И до самой полуночи красноармейцы прочесывали окрестности, выковыривая недобитков.

А подразделение, начавшее было наступление, так и не подошло к позициям

стрелковых батальонов: «Пантеры» горели неподалеку от исходного рубежа атаки, по полю деловито ползали «тигры», и кто-то пускал ракеты. Потом снова подал голос Низкохат, доложивший, что на помощь пришли части фон Бутова и Ханштайна.

Рано утром, едва передохнув, новые союзники встретились, чтобы обсудить действия на следующий день. К этому моменту стали известны безумные цифры потерь, но «Лейбштандарте» была практически уничтожена, а соседи продвинулись дальше на север, разгромив наемников из дивизий «Шарлемань» и «Кинг Артур». Сегодня корпус Задонского должен был подтянуться, сметая остатки дивизии бригадефюрера Монке, а затем 10-я гвардейская армия всеми силами нанесет поражение группировке, блокирующей армейский корпус в Хемнитце. Проще сказать, задача на сегодня — марш, а на завтра — тяжелое сражение с дивизией «Гитлерюгенд» и 30-й гренадерской дивизией СС. После вчерашней победы казалось нетрудным абсолютно все.

После военного совета Леха признался, что немного сомневался, вступят ли части Вермахта в бой с Ваффен СС. Разговор этот завязался, когда два полковника неторопливо шли к своим танкам. Гюнтер покосился на Часова, тяжело вздохнул, затаился и, не вынимая сигарету, буркнул:

— Скажи, зачем ты воевал против нас? Нет, не отвечай, я объясню свой вопрос. Мне приходилось допрашивать ваших солдат, они отвечали: мол, не хотят, чтобы немцы разграбили их родную деревню, чтобы враг убил их родных... А за что воевал ты — за свою деревню, за свою семью или за свой партийный билет?

Вопрос не относился к особо трудным. Надев армейскую форму, Часов слышал его неоднократно — и политработники спрашивали, и родня, и подчиненные. Поэтому полковник, почти не задумываясь, повторил слова, которыми отвечал уже не раз:

— Я воевал за все сразу. Защищал свою страну, которая мой дом и моя семья. Это битва за наше будущее, и мы не имеем права проиграть.

— Вот и я так же, — сказал фон Бутов. — И сейчас я сражаюсь за будущее Германии. Кажется, немцы наконец нашли правильного союзника. Чтобы защитить свою страну, нам пришлось убить идиота, за которого сами же голосовали на выборах, а теперь придется стрелять в идиотов-соотечественников, которые мешают немцам сделать правильный выбор. Когда-то мы уже выбрали ошибочный путь и теперь расплачиваемся за ту ошибку.

Они откозыряли друг другу и забрались в башни тяжелых машин. Два танка, взревев моторами, спустились с пригорка и возглавили колонны, уходящие навстречу следующему бою.

ГЛАВА 12

Вечер 20 августа

Разумеется, на утреннем совещании он немного хватил за край, предложив пострелять из самых больших орудий столичного гарнизона. Таковыми были две 16-дюймовые самоходные пушки, которые годились только для парадов — снаряды, пробив навылет хлипкую многоэтажку, натворили бы немало бед в Подмоскovie. Поэтому на площадь у набережной выдвигалась всего лишь батарея гаубичных самоходок «Гвоздика», вполне способных осуществить впечатляющую демонстрацию серьезности намерений. Руководители смежных ведомств докладывали, что их мероприятия тоже осуществляются по плану.

Незадолго до полудня старый маршал собрался почитать сводку ГРУ, когда доложили, что позвонил академик Раппопорт и желает переговорить с Алексеем Николаевичем. Часов велел соединить и сказал знакомому голосу в трубке:

— Привет, московский пацан, чем обрадуешь?

— Огорчу, — сообщил слабый голос давнего друга. — Не по телефону. Мы сможем

встретиться?

— Ты в городе или на даче?

— В институте на Ленинском.

— Ну тогда приезжай через пару часов, пообедаем вместе, — предложил министр обороны. — Пропуск будет готов.

Положив трубку, Часов сокрушенно покачал головой: Раппопорт был совсем плох. Сердце, давление, поджелудочная, холестерин, артрит и, кажется, что-то похуже. Врачи говорили, что академик стоит на пороге и жить ему осталось совсем немного. Да и самому Часову ходики последние деления отсчитывают — старик не питал на сей счет особых иллюзий.

Горестно вздыхая, он поручил офицерам из приемной подготовить на 14.00 две порции диетического обеда. Затем, надев очки, стал читать переводы сегодняшних сообщений зарубежных массмедиа.

Откровенно консервативные издания и комментаторы вопили о кровавой хунте, растоптавшей ростки демократии. Разумеется, ввали про массовые репрессии, про пытки и расстрелы в подземельях Лубянки, про эскадру, сосредоточенную у берегов Крыма, чтобы расстрелять президента-реформатора. Очень много было стенаний по поводу отважного российского лидера. Но главные проклятия неслись в адрес руководителей ГКНС. Виктора Олеговича называли главным идеологом и организатором консервативных сил в обществе и партии, а маршала Часова — безумным милитаристом и поджигателем войны. Несколько сенаторов, а также известный ультраправый политолог польского происхождения требовали немедленно ввести санкции против СССР и произвести проекцию силы, чтобы восстановить демократию. Президента США призывали поставить в ООН вопрос об отправке в Москву миротворческих дивизий НАТО.

Впрочем, встречались и сравнительно благоразумные высказывания с призывами не вмешиваться в чужие дела, не спешить с посылкой миротворческих контингентов и вообще подождать развития событий. Авторы редакционной статьи во влиятельной британской газете прямо сказали: мол, не получится восстановить демократию среди радиоактивных руин Москвы, потому как неизбежный ответно-встречный контраргумент поставит на повестку дня вопрос о восстановлении минимального порядка в развалинах Нью-Йорка, Чикаго и Лондона. Итальянские, французские и немецкие ревизионистско-либеральные газеты резко изменили тональность и писали про необходимость задавить разгул организованной преступности, случившийся из-за ошибок смещенного президента. Кое-кто даже перепечатал вечернее заявление КГБ, где поименно назывались кремлевские и заокеанские организаторы этнических конфликтов в союзных республиках Кавказа и Средней Азии.

Фидель Кастро, Саддам Хусейн, Ким Ир Сен, а также руководители Китая, Эфиопии, Вьетнама, Анголы, Сирии, Конго и Мозамбика прислали Виктору Олеговичу поздравления в связи с разгромом антигосударственных сил. Лидер левого блока доктор Михаил Авербух выступил в Кнессете, потребовав, чтобы правительство запретило Моссаду вести подрывную работу против СССР, в частности — помогать исламским боевикам. Да и в Италии прекратились вопли: дескать, пора снести Римскую стену и объединяться с мафиозными южными провинциями.

Отложив очки и бумаги, маршал прикрыл глаза. Пробежала череда обрывочных образов — говорят, перед смертью такое случается.

Ту войну Леха Часов закончил в Порт-Артуре, куда его бригада добралась двухнедельным броском через всю Маньчжурию. Спустя год его назначили командиром дивизии в Уральский округ, которым командовал боевой друг генерал Серафимов. Дивизия — первой в Вооруженных силах — стала полностью механизированной: полк тяжелых танков, полк средних танков, два полка мотострелков на БТР и два самоходных артполка — гаубичный и зенитный. В январе 1946 года, когда у них с Аней родился первенец, Алексей

получил генеральские погоны. И пусть неудачники болтают, что генерал — это не звание, а диагноз!

Однако ставший главкомом Сухопутных войск маршал Жуков не простил ему давних разговоров с Верховным. А может, боялся, что Сталин опять намерен заменить пятидесятилетних полководцев молодыми генералами. Случай подвернулся удачно: какой-то юный оболтус из деревеньки под Свердловском украл в воинской части «лимонку» и попытался расколотить молотком. И сам — кажется, дурака звали Борисом — погиб, и еще двоих приятелей покалечил. Комиссия из Главкомата признала виновным Алексея, хотя гранату позаимствовали со склада совсем другой дивизии. Генерал-майора Часова отстранили от командования и чуть не передали дело в трибунал, но тут и сам Жуков и три генерала из его комиссии были сняты с должностей за пьянку, аморалку и недостойное поведение. Поговаривали, будто они разграбили велосипедный завод в Потсдаме, наворовали горы мануфактуры в Париже, а их жены щеголяли на приемах в ночных рубашках из дворцов французских и германских королей.

Дальнейшие события развивались круто, Черчилль и Трумэн объявили «холодную войну». После триумфа китайских коммунистов правители Южной Японии отказались признать результаты президентских выборов, на которых победил просоветский генерал. Китайские добровольцы (ну, если честно, там воевали три армии регулярной армии КНР) не смогли взять Токио, попали в окружение, и на архипелаге была реставрирована монархия. В 1951 году Сталин согласился вывести советские войска с Хоккайдо в обмен на гарантии для коммунистов и мирный договор, которым японцы признали права СССР на Курилы и Южный Сахалин.

В 1954 году, когда Часов окончил Академию Генштаба и стал начальником штаба 35-й армии на Дальнем Востоке, начались потрясения. На XX съезде в феврале тяжелобольной Сталин подал в отставку, согласившись на декоративный пост почетного председателя партии. Генеральным секретарем по его рекомендации выбрали Пономаренко, первого секретаря Белоруссии, а председателем Совмина — Меркулова. Но в марте скоропостижно скончался гипертоник Берия, в мае инфаркт унес Меркулова, а в июне инсульт оборвал жизнь Сталина. Непривычного к интригам кремлевской закулисы Пономаренко задвинули на освоение целины, потом развернулась грызня за верховное кресло. Победил дурачок Никитка, сумевший переманить на свою сторону озлобившегося в провинции Жукова.

Вновь сделавшись министром, четырежды героический маршал не забыл старого недруга и поручил Алексею провести механизированную армию через ножку атомного гриба на Тоцком полигоне. В присутствии секретаря ЦК отказ выполнять преступный приказ и губить сотню тысяч бойцов был объявлен проявлением трусости, и Часов был сослан в Кушку. Это были жуткие годы разрушения армии, да и всей страны: кукурузная эпопея, расформирование авиационных и артиллерийских дивизий, чудовищная ложь с трибуны пленумов и съездов, пущенные под нож боевые корабли. Годы, когда из армии выгнали, не дав даже пенсии, полмиллиона офицеров. Годы, когда Хрущев и Жуков наперегонки рассказывали, что ракеты заменят нам и танки, и пушки, и самолеты, и крейсера с эсминцами.

После трех лет часовского сидения на границе с Афганом пришло сообщение, что министр зазнался, оторвался от партии, а потому пленум принял кадровое решение. Позже выяснилось, что Жукова отправили в балканский круиз на тяжелом крейсере «Севастополь». Мало того что моряки ненавидели маршала, разгромившего флот, вдобавок крейсером командовал капитан 1-го ранга Никодим Часов, собственноручно заперший отставного министра в матросской гауптвахте. Спустя месяц заместитель командующего бронетанковых войск маршал Манаев добился Лехиного назначения командиром механизированной армии в Германии с присвоением очередного звания. Вскоре они проводили в отставку Никодима, получившего на прощание адмиральские погоны и назначенного директором Северного пароходства.

А потом были операция «Анадырь» и сбитый над Кубой летучий шпион У-2.

Командовавший группировкой советских войск генерал-лейтенант Часов мог лишь бессильно проклинать кремлевских идиотов, отправивших на Остров Свободы только ракеты, но забывших про спецбоеголовки к ним. Атомные заряды стояли только на нескольких крылатых ракетах противокорабельного класса. Когда же Вашингтон объявил блокаду и события галопом понеслись к Большой Развлекухе, оставалось лишь блефовать. Алексей приказал сбивать все чужие самолеты, которые приблизятся к кубинскому берегу на 20 км, а также демонстративно выставил две восьмидюймовые гаубицы напротив Гуантанамо, предупредив, что первый же выстрел американцев приведет к разрушению базы атомными снарядами. Американцы не знали, что у Часова имелся лишь один такой снаряд и меньше полусотни С-75. Лишь на третий день проскользнув мимо державших блокаду американских кораблей, в Сантьяго пришел «Тарас Шевченко», в трюмах и на палубе которого прибыли еще около сорока зенитных ракет, а также несколько мегатонных боевых частей для ракет средней дальности.

В «черную субботу», израсходовав половину ракет «земля-воздух», они сбили пару F-104 и один В-29. Этого хватило, чтобы американцы послали в налет два десятка В-36, прикрытых сотней истребителей и штурмовиков. Шли не таясь, давили на психику — сначала с дальних аэродромов поднялись — это транслировали по всем телеканалам — тяжелые бомбовозы, потом с южных баз взлетали, присоединяясь к армаде, самолеты сопровождения. Связи с Москвой не было, поэтому Часов проявил инициативу и открытым текстом пригрозил по радио нанести полномасштабный ракетно-ядерный удар по территории США. Наугад водя пальцем по карте, генерал перечислял города, на которые якобы направлены все 72 ракеты. Эскадрильи повернули на обратный курс уже над Мексиканским заливом, а затем дипломаты договорились убрать все ракеты с кубинских, итальянских и турецких баз.

При новом генсеке они с Манаевым затеяли грандиозное переформирование армии, но страна буксовала на месте, аппарат управления разъедала коррупция, в обществе нарастала апатия, поднимали головы националисты всех оттенков. Нужно было что-то менять, и семидесятилетний маршал с энтузиазмом принял перестройку, но вскоре разочаровался в говорливых вождях новой эпохи. Перелет немецкого студента-provокатора стал поводом разгромить высший командный состав Вооруженных сил, то и дело вспыхивали погромы инородцев, сверхдержава стояла над пропастью гражданской войны. «Меченый» генсек, вскоре ставший президентом, уезжая в заграничные за кредитам, поручал армии навести порядок в очередной «горячей точке», но по возвращении делал удивленные глаза и клялся, что проклятые генералы проливали народную кровь без его приказа.

За три года руководство Вооруженных сил было полностью разгромлено, и министром обороны назначили престарелого маршала Часова. Кажется, его считали выжившим из ума старикашкой, неспособным остановить разрушителей державы. Подонки просчитались. Лежа Часов выполнил свой долг перед Родиной и со спокойной совестью мог уходить на покой. Верно говорил старый друг генерал-полковник Гюнтер фон Бутов: военные должны уничтожать любую угрозу, даже если это глава твоего государства.

После обеда Антощенко с сотрудниками смотрели по «ящику» трансляцию митингов на площади Дзержинского и Васильевском спуске. Ораторы требовали покончить с контрреволюцией и горячо поддерживали новую власть. Порой звучали резкие острые претензии, народ критиковал былые промахи и требовал продумать нормальную политику, чтобы честные люди жили спокойно и без потрясений.

— Это к нам, — усмехнулся Владимир Николаевич. — Отныне каждый политический шаг будем сначала мы просчитывать. Без нас правительство шагу не ступит.

— Раньше они сами по себе дурака валяли, а теперь будем вместе валять, — не удержался Рудман.

— Ну, примерно так, — признал Антощенко.

Помявшись, Илья поведал, как нынче утром ехал на работу в метро с однокурсником из

соседнего института, где директорствует сам Борис Семенович Раппопорт. По словам приятеля, в последние дни физики-теоретики во главе с Борисом Семеновичем проверяли какие-то вычисления института имени Ландау и доказали, что академик Валиков допустил грубые ошибки.

— Аркадий, это мой друг, говорит, что Раппопорт страшно разозлился, обозвал Валикова козлом-provокатором и шарлатаном и собирался докладывать об этом скандале чуть ли не министру обороны. — Рудман понизил голос: — Владимир Николаевич, может быть, это машина времени, про которую вы вчера говорили?

— Даже не знаю... — Антощенко был растерян.

Без «трубы времени» вся их работа в огромной степени теряла смысл. Год назад, когда старый друг отца маршал Алексей Часов поручил ему секретный проект «Выбор», предполагалось, что вскоре будет открыта дверь в прошлое. Они надеялись рассчитать правильный вариант истории, а потом отправить в нужный год отряд спецназовцев, чтобы изменить реальность. Энтузиазм Владимира Николаевича поддерживался только надеждой, что удастся исправить ход событий, покончить с ошибками многих поколений предков.

Ведь какие планы грандиозные строились! Антощенко собирался уйти глубже в прошлое, разгромить монголов на Калке. Кое-кто из руководства даже предлагал организовать на Древней Руси магометанство вместо крещения — известно же, что князю Владимиру весьма понравилось разрешенное Кораном многоженство, но отпугнул запрет на вино. И был еще вариант № 47, единодушно названный «Украденные победы». Там было реализовано британо-французское вмешательство в «зимнюю» войну: высадка экспедиционного корпуса в Финляндии, воздушные удары по закавказским нефтепромыслам с аэродромов Ближнего Востока. В ответ РККА принимает участие в прорыве «линии Мажино», а советская авиация крупными силами вводится в «битву за Англию». Согласно этому варианту, полная дружба с Гитлером продолжалась бы до 1948 года, а потом — атомная война.

Да мало ли было рассчитано интересных и оптимистичных вариантов, но что от них толку, если прохвост Валиков обманул в главном...

За такими грустными мыслями застал профессора полковник госбезопасности Коломейцев, курировавший проект по линии комитета.

— Никакой «трубы времен» нет и не будет, — печально сообщил он. — Этой ночью оперативники КГБ задержали академика Валикова, когда он пытался пробраться в английское посольство с чемоданом секретных документов. На допросе расплакался и сознался, что без малого четверть века морочил общественность. Сначала обещал термоядерный реактор построить за пятилетку-другую, потом — солнечную электростанцию, потом — гравитационный колодец для путешествий во времени. А на самом деле просто деньги выкачивал из академического бюджета.

— Что же нам теперь делать? — тихо спросил Антощенко.

— Об этом с вами хотел поговорить Виктор Олегович.

По-прежнему расстроенный Владимир Николаевич подхватил портфель с документами и пошел за полковником. У ворот ждала машина с двухбуквенным номером.

На улицах было пустынно, перекрестки охранялись армейскими подразделениями с бронетехникой. Возле Кремлевской набережной пришлось задержаться: по улице неторопливо дефилировали самоходные гаубицы «Гвоздика». Артиллеристы явно уходили с позиций возле Белого дома, причем выстрелов Антощенко не слышал. Вероятно, по какой-то причине штурм не состоялся.

Поскольку Генеральный секретарь был занят, Антощенко и Коломейцеву пришлось подождать не меньше часа в приемной.

В 14.00 начался очередной информационный выпуск, прояснивший причину отмены канонады. Под утро переодетый в бабские шмотки президент Федерации был схвачен при попытке перебежать в посольство США. Телеоператор умело заснял, как «всенародно

избранный» вопит пьяным голосом: «Отпустите, хамы, чего к честной женщине прицепились!» Потом выступил подмосковный житель — бугай особо крупных габаритов, поведавший, как несколько лет назад президент подбивал клинья к чужой жене, за что был бит по морде и брошен в реку.

Толпа вокруг Белого дома начала рассеиваться еще с вечера, когда милицейские патрули прекратили подвоз продуктов и «огненной воды». После ретирады фюрера и появления самоходок «защитники демократии» стали пачками уходить за линию оцепления. Их задерживали и отправляли на фильтрационные пункты.

— Похоже, все кончилось, — резюмировал Антощенко. — В здании остались только самые махровые.

На экране появились участники митинга большевистской платформы, требовавшие сурового наказания путчистов и немедленной чистки партии. На этом просмотр новостей пришлось прервать: профессора и полковника позвали в кабинет.

Вокруг стола сидели все члены ГКНС. Виктор Олегович осведомился, в курсе ли Антощенко ситуации с «трубой времени». Выслушав утвердительный ответ, Генеральный спросил, какие будут идеи. По дороге Владимир Николаевич ни о чем другом не думал, кое-какие предложения подготовил, поэтому ответил без паузы:

— Думается, пришло время поменять направление работ нашей лаборатории. Довольно просчитывать вымышленные реальности. Надо нашу реальность исследовать — искать перспективные решения.

— Фундаментальную науку — на службу прикладным задачам? — Виктор Олегович добродушно усмехнулся. — Неплохо... Что конкретно вы сможете сделать?

— Наши возможности известны. Я рассчитал оптимальный сценарий акций по спасению страны от катастрофы. Точно так же можно подыскать идеальную политику на будущее. Мне только нужно знать основные направления внутренней и внешней политики нового правительства.

— Не «спасение страны от катастрофы», — проворчал Генеральный. — Правильнее говорить: «оздоровление общественно-политической ситуации». Хотя по существу, безусловно, вы правы.

Он собирался продолжать, однако Антощенко поспешно вставил:

— Если руководство не будет возражать, мне бы хотелось продолжать работу совместно с американскими коллегами. Ведь назревает глобальный кризис, и нам нужно искать решение для всей цивилизации.

Генеральный оглядел коллег — все лица выражали заинтересованность. После недолгого раздумья Виктор Олегович проговорил:

— Не вижу причин для возражений. Перед нами стоят общие проблемы, впереди тупик, так что выход придется искать вместе. Думаю, американцы это скоро поймут и прекратят истерику про миротворческую операцию.

— Не скоро поймут, — печально высказался зампред КГБ. — Нынешний президент-республиканец — человечек не шибко большого умишка. В отличие от сенатора-демократа, который уже начинает предвыборную кампанию...

Антощенко заверил, что попробует проанализировать, как можно содействовать успеху демократов. Американские демократы были всем присутствующим симпатичнее, чем доморощенные «дерьмокрады».

В коридоре Коломейцев спросил:

— Что вы намерены делать с уже рассчитанными вариантами?

— Стереть к чертовой матери, чтобы не занимали места на магнитных дисках, — рассеянно проворчал Антощенко, чьи мысли полностью были заняты новым заданием.

— Не жалко? — удивился полковник. — Там же все-таки личности множества людей записаны.

— Кого жалеть? — Антощенко презрительно засмеялся. — Этих примитивных марионеток, которые даже не способны понять, что живут в настоящей реальности? Не

смешите меня, коллега. Всенепременно сотрем, они не заслуживают хранения.

Баку, 1991

Баку, 2004

Хьюстон, 2009